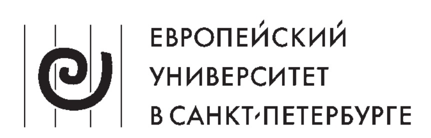
Альберт Байбурин

СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ

история — структура — практики

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Альберт Байбурин

СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ

история — структура — практики

Санкт-Петербург 2017, 2019

УДК 351.755
ББК 67.401.213
Б18

Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Рецензенты: *С. Н. Абашин* (д-р ист. наук, профессор ЕУСПб)
К. Келли (Professor of Russian, University of Oxford)

Байбурин, А.

Б18 Советский паспорт : история — структура — практики / Альберт Байбурин — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 488 с., [16] с. ил. — доп. тираж 2019.

ISBN 978-5-94380-232-4

Монография посвящена советской паспортной системе и состоит из трех частей. В первой рассматривается формирование паспортного портрета в Российской империи, отмена паспортной системы после революции, введение советских паспортов в 1932 г. и последующие шаги по их совершенствованию вплоть до перехода к новым российским паспортам. Основное внимание в этой части уделяется процессу паспортизации, созданию паспортных режимов и мерам по совершенствованию учета и контроля населения.

Во второй части предпринята попытка описания паспорта как бюрократического конструкта. Рассматриваются изменения бланка паспорта, сведений о его владельце, реквизитов документа, что дает возможность показать эволюцию официальных представлений о том, какая информация о «паспортной личности» считалась необходимой и как эта информация должна была быть оформлена.

В последней части рассматривается восприятие паспорта самими его обладателями и те практики, которые применялись в различных ситуациях его обретения и использования. Прослеживается влияние паспортных категорий (национальность и др.) на формирование индивидуальной идентичности.

Книга адресована как специалистам — историкам, антропологам, этнографам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей, советской повседневностью и культурой России.

УДК 351.755
ББК 67.401.213

ISBN 978-5-94380-232-4

Содержание

Предисловие

Будучи антропологом, я занимался другими темами — семиотикой вещей, ритуалом, стереотипами поведения, и вдруг — паспорт. Не совсем вдруг. В паспорте сошлись предметность, символичность и ритуализованные практики — все то, что меня и прежде интересовало. Бюрократия, особенно советская, пожалуй, самая ритуализованная сфера культуры. Традиции в этой области особенно устойчивы. Другое дело, что я обратился к совсем иной эпохе, принципиально другим контекстам, непривычным исследовательским традициям.

Меня всегда удивляло какое-то особое, можно сказать, трепетное отношение многих людей к документам и особенно — к паспорту. Как это сложилось? Как влияли документы на сознание человека и его мироощущение? Почему паспорт стал «документом документов»? Обращение к советскому периоду «паспортной истории» тоже не случайно. Именно в это время паспорту придавался особый смысл. Однако я и не подозревал, сколько ниточек сходятся на советском паспорте (по сути дела, вся советская история, особенности самосознания советского человека, траектории жизни конкретных людей и многое другое). Только после нескольких лет работы в архивах и библиотеках что-то стало проясняться, но я и до сих пор не уверен в том, что действительно разбираюсь в паспортных сюжетах — настолько они разнообразны и разноплановы.

Я благодарен Arts and Humanities Research Council (AHRC) за поддержку моего проекта в начале его осуществления. Особая благодарность фонду семьи Георгия Абдушелишвили за постоянную поддержку профессуры по советской повседневности Европейского университета в Санкт-Петербурге, в рамках которой продолжалась работа над этим проектом.

Мне были в высшей степени полезны комментарии, советы и замечания Сергея Абашина, Николая Вахтина, Катрионы Келли, Анны Кушковой, Георгия Левинтона, Юлии Орловой, Никиты Охотина, Александры Пиир, Константина Позднякова, Арсения Рогинского, Габриэля Суперфина, Александра Чистикова.

Книга не состоялась бы без обращения к материалам архивов и музеев. Я признателен сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (Москва), Российского государственного архива социально-политической истории (Москва), Архива Международного общества «Мемориал», Санкт-Петербургского отделения общества «Мемориал», Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, Музея политической истории России (Санкт-Петербург), Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Архива Центра иудаики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Выражаю свою искреннюю благодарность тем, кто оказал помощь в сборе и расшифровке интервью: Ирине Назаровой, Дарье Терешиной, Анне Кушковой, Александре Касаткиной, Александре Пиир, Катрионе Келли, Марии Морозовой и тем, кто поделился со мной своими интервью, собранными по другим темам: Марии Ахметовой, Светлане Амосовой, Светлане Сиротининой, Марине Хаккарайнен.

Все это время я работал в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера), преподавал на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и занимался изданием журнала «Антропологический форум». Я благодарен коллегам по Кунсткамере, факультету и редакции АФ за неизменную поддержку, которую ощущал все это время.

Альберт Байбурин
Июнь 2016 г.

Предварительные замечания

Нет документа, нет и человека.
М. Булгаков

1.

Слова Михаила Булгакова, вынесенные в эпиграф, констатируют не всегда осознаваемое нами обстоятельство: человек в современной культуре существует постольку, поскольку он зафиксирован и представлен в различного рода документах. Если в этих словах и присутствует преувеличение, то весьма незначительное. Во всяком случае, во взаимоотношениях с официальной сферой действует именно такое правило. В фокусе этой книги находятся фиксируемые в паспорте сведения о человеке, их «изобретение» бюрократическим аппаратом, с одной стороны, и освоение конкретными людьми — с другой. Естественно, такой ракурс предполагает рассмотрение сюжетов, связанных с формированием паспортной системы и выработкой деталей паспортного портрета в общем контексте дореволюционной и советской социальной истории.

Ситуацию, в которой оказались советские люди после введения паспортной системы, можно было бы назвать «предписанием к идентификации». Понятие «предписание» в советской (да и в постсоветской) традиции имеет вполне определенный смысл: некое распоряжение (обычно письменное) или требование, исходящее от властных органов (например, предписание явиться в военкомат или предписание устранить выявленные недостатки). Введенный в 1932 г. советский паспорт имплицитно содержал требование идентифицировать себя по тем параметрам, которые были в него включены. Это относилось не только к тем гражданам, которые его получали, но и к тем, кому было в нем отказано. По сути дела, все взрослое население страны было вынуждено примерять на себя паспортные категории и как-то определяться, осуществлять своего рода самоидентификацию. В этом смысле даже не властные институты, которые разрабатывали паспортный «портрет», а сам паспорт становился агентом идентификации.

В книге не очень часто используется термин «идентичность», которому присуще значение фиксации чего-то устоявшегося и определенного. Вслед за Р. Брубейкером и Ф. Купером предпочтение отдается

термину «идентификация» с выраженным значением процессуальности[1]. Как они отмечают, сам термин «идентификация» приглашает к уточнению образа того, кто является агентом идентификации. Это особенно важно в связи с тем, что речь пойдет о внешней идентификации человека государством, которое усилиями своих институтов разработало специальную кодифицированную систему категоризации, воплощенную в паспорте. Навязываемая извне идентификация и категоризация не могли не повлиять на самоидентификацию индивида. Различного рода культурные и социальные эффекты, вызванные таким столкновением, представляют для нас особый интерес.

Паспорт традиционно считается одним из основных символов советской жизни. Вокруг советского паспорта сформировался большой миф, в создании которого участвовали поэты, писатели, простые обыватели и, конечно, исследователи. В этом мифе паспорт предстает в качестве особой ценности, неразрывно связанной с понятием «гражданин СССР». Вместе с тем он является, пожалуй, самым интересным документом в истории и практиках отношений между человеком и государством. Созданный для идентификации индивида и контроля над его передвижениями (собственно для преодоления границ), он постепенно вобрал в себя множество значений, подчас весьма далеких от начальных, причем этими значениями его наделяли не только чиновники, но и те, кому он был предназначен. К советскому паспорту это относится, наверное, в большей степени, чем к любому другому[2]. Впрочем, при работе над этой книгой постоянно хотелось наряду с прошедшим временем использовать и настоящее, ибо многие контексты принципиально не изменились и в наше время. Иногда я так и делаю.

---

1 *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–115.

2 О паспортах разных государств существует огромный корпус исследований. Многие из них привлекаются в соответствующих разделах книги. Здесь укажу лишь на некоторые общие работы: *Torpey J.* The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State. Cambridge, 2000; Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001; *Lloyd M.* The Passport: The History of Man's Most Travelled Document. Stroud, U. K.: Sutton Publishing, 2003; *Salter M. B.* Rights of Passage: The Passport in International Relations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003; *Robertson C.* A Documentary Regime of Verification. The emergence of the US passport and the archival problematization of identity // Cultural Studies. 2009. Vol. 23, Issue 3. P. 329–354; *Frankel P.* The Politics of Passes: Control and Change in South Africa // The Journal of Modern African Studies. 1979. Vol. 17. Issue 2. P. 199–217; *Lucassen L.* Zigeuner: Die Geschichte eines policeilichen Ordnungbegriffes in Deutschland, 1700–1945. Köln and Weihmar: Böhlau-Verlag, 1996; *Бреус Е. М.* Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 3–23 и др.

В советской правовой практике разрешение на пересечение государственной границы было актуально лишь для так называемого заграничного паспорта. «Внутренний» паспорт — особое явление. Его основное предназначение — «удостоверять личность», но этим роль паспорта не ограничивалась. Паспорт во многих ситуациях имел большее значение, чем сама «личность», которую он удостоверял. Существует много свидетельств о том, что без него человек буквально «выпадал» из социальной жизни: нельзя было не только устроиться на работу, определить ребенка в детский сад и школу, оформить брак, наконец, умереть «как положено», но и осуществить такие, казалось бы, простые желания, как стать читателем библиотеки или получить почтовую бандероль. Он оказывался необходим практически в каждом случае контакта со сферой официального (в том числе и для получения других документов), поскольку каждый раз требовалось подтверждение того, что гражданин — именно тот, за кого себя выдает. А в действовавшей системе социальных отношений человек мог подтвердить свою самость только с помощью паспорта[3].

Вместе с тем не менее распространены свидетельства о том, что паспортом в советское время практически не пользовались. Он был необходим лишь в очень немногих случаях, поскольку устройство на работу или поступление на учебу происходят не часто. Главное, чтобы он был. С этой точки зрения важным является наличие паспорта, а не его использование. Наличие паспорта делало советского человека «таким как все», и эта встроенность в общее социальное тело представляла собой безусловную и вполне самодостаточную ценность.

Паспорт вызывал (в зависимости от контекста) различные эмоции. Нельзя сказать, что они непременно негативны. Огромное количество его обладателей (особенно послевоенных поколений) гордились им. Вместе с тем он удивительным образом не сочетался со своим владельцем. В отношении к нему чувствуется отчуждение даже в том случае, если человек испытывал положительные эмоции от обладания им. Его обретение нередко имело травматический характер, а использование означало контакты со сферой официаль-

---

[3] Все это характерно и для современного российского паспорта. Более того, сфера использования паспорта в постсоветское время резко расширилась. Он стал необходимым для приобретения билетов не только на авиа-, но и на железнодорожный транспорт, при всевозможных банковских операциях и т. д. Не случайно те, кто имеет опыт советской жизни, стали считать, что «раньше паспорт почти никогда не требовался».

ного, которые советские люди старались свести к минимуму. Основной причиной такого отношения к государственным органам являлось то, что в общении с ними рядовому гражданину была уготована роль просителя даже в тех случаях, когда он ничего не просил. Заведомое неравенство в сочетании с очередями и прочими сопутствующими обстоятельствами приводило к тому, что в официальные инстанции старались обращаться только в случае крайней необходимости.

Неоднозначный статус паспорта можно проиллюстрировать с помощью простого вопроса: кому принадлежит паспорт? Государству или человеку? «Мой паспорт»? Скорее — «паспорт меня». Он как табличка на шее или нашивка на одежде. Что в нем собственно моего? Только подпись и фотография. Вместе с тем он мой, и всякие изменения в паспорте — изменения во мне или происходившие со мной (например, запись о бракосочетании или о детях). Обладатель паспорта официально называется его *владельцем*. Однако принадлежащий нам предмет мы можем потерять, да и просто избавиться от него. Паспорт мы обязаны беречь, а за его утерю полагается штраф. Подделка паспорта считается преступлением, но не против его владельца, а против государства. Получается, что он и наш, и не наш, и такая двойная принадлежность — характерная черта этого уникального во многих отношениях документа. И все же паспорт *выдается* государственной структурой, причем выдается во временное пользование (предельный срок ограничен временем жизни «владельца»), и это обстоятельство тем более не позволяет чувствовать его полностью своим.

Советский паспорт призван удостоверять личность, но обычно человек не нуждается в подтверждении своего «Я». Точнее, бывает, что и нуждается, но в таком случае документ вряд ли поможет. С этой точки зрения паспорт нужен прежде всего официальным органам, а поскольку человек вынужден так или иначе взаимодействовать с ними, то паспорт оказывается необходимым и самому человеку.

2.

Попытаемся разобраться в том, что такое документ. Интуитивно понятно, что среди разнообразных текстов и артефактов, созданных и создаваемых человеком, документы имеют какой-то особый статус хотя бы потому, что они призваны устанавливать границы между фактическим и кажущимся, достоверным и недо-

стоверным, истинным и ложным, реальным и вымышленным. Если это так, то с их помощью создается своего рода параллельный мир, удваиваются те отношения, которые в данном обществе рассматриваются как особенно важные.

Большой юридический словарь следующим образом определяет это понятие:

«*Документ*[4] — материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве. В автоматизированных информационно-поисковых системах — любой объект, внесенный в память системы…»[5]. Очевидно, что при таком понимании в категорию документов войдут самые разные объекты. Во-первых, собственно документы, т. е. специально предназначенные для свидетельства о чем-то различного рода справки, удостоверения и т. п. Во-вторых, документами нередко называются всевозможные артефакты, которые изначально имели другое назначение (например, письма, дневники, в принципе любой предмет, характеризующий ту или иную эпоху, — те же музейные вещи, да и необязательно музейные). Такие свидетельства о прошлом получают статус документов, но, строго говоря, в таких случаях слово «документ» имеет метафорическое значение. Сейчас понятие «документ» формулируется предельно широко — любой фрагмент информации может рассматриваться в качестве документа[6].

У документов какой-то особый и вместе с тем расплывчатый статус не только «в жизни», но и в науке. Например, для историков документы (если иметь в виду письменные источники) традиционно составляют значительную часть материала, но под ними чаще всего понимаются те тексты, которые изначально не были документами, т. е. не создавались в качестве таковых. Статус документа как «свидетельства прошлого» им был присвоен позже, искусственно. Разумеется, в категорию источников входят и собственно документы, но в общей массе свидетельств они занимают незначительное место. Кстати, документы в широком смысле со временем приобретают статус «настоящих» документов, а настоящие

---

4 Здесь и далее, если не указано иного, курсив автора.

5 Большой юридический словарь / В. Н. Додонов и др. М.: Инфра-М, 2001. С. 157.

6 В числе причин распространения расширительного значения понятия «документ» в настоящее время, видимо, следует назвать его использование в терминологической системе интернет-ресурсов, где любой текст (в том числе и «пустой») называется документом, хотя первичным значением англ. *document* является письменный, собственно бумажный текст (ср. *document case* как название портфеля).

документы его утрачивают (истекает срок годности), но при этом становятся документами в широком смысле.

Исследователи, имеющие дело с документами, нередко относятся к ним как к носителям объективной информации о прошлом. Этому способствует безличность документа — отсутствие указаний на авторство. Между тем документ, даже если он исходит от государственных органов, всегда является результатом пересечения интересов разных субъектов, разных взглядов на ту реальность, к которой он относится и которая в нем представлена. Как писал Юрий Тынянов, «документы врут, как люди». Другими словами, проблема авторства касается и документов. За безличными определениями «власть», «государственные инстанции» и т. д. всегда скрываются конкретные «авторы» текста, которые, как правило, остаются неизвестны.

Кроме того, документ так или иначе учитывает точку зрения получателя, даже если его позиция полностью игнорируется — он создается в воображаемом диалоге с получателем. Причем получатель — это не только владелец паспорта, но и тот (те), кто будет его читать. Для паспорта это особенно значимо, поскольку он постоянно дорабатывался с учетом множества факторов (экономических, политических и др.), не говоря уже о том, что в этих изменениях принимали участие разные уровни власти, разные ведомства и, как я попытаюсь показать, сами получатели.

Документы традиционно изучаются в рамках таких «прикладных» дисциплин, как документоведение, источниковедение, архивоведение. Однако в этих случаях за рамками изучения оказываются субъекты, производящие и пользующиеся документами (человек, социальные и государственные институты). Другими словами, антропологическое значение документов не входит в сферу интересов этих дисциплин. Практически неисследованным оказывается широкий круг социальных явлений, порожденных самим функционированием документов (имеются в виду культурные смыслы, которыми наделяются документы, а также специфические отношения и практики, складывающиеся в процессе их создания и использования[7]).

---

[7] Из немногочисленных работ в этой области см. прежде всего: *Blouin F., Jr., Rosenberg W.* Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. Oxford: Oxford University Press, 2011 (в русском переводе см.: *Блоуин Ф.*, *Розенберг У*. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов / пер. с англ. Ю. Князькиной, Е. Шраги. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017).

В последнее время положение начало меняться. Свидетельством этому является проект «Статус документа в современной культуре: теоретические проблемы и российские практики» под руководством И. М. Каспэ. Его основным итогом стал коллективный труд «Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство» (М., 2013). Пожалуй, впервые (во всяком случае, в российской научной традиции) было проблематизировано само понятие «документ», причем толчком к этому послужило не столько возникновение электронных документов, заставивших по-иному взглянуть на традиционные формы (как это произошло, например, в социологических исследованиях)[8], сколько накопившаяся неудовлетворенность состоянием изучения документов различного происхождения.

Статьи указанного сборника содержат интересные идеи и соображения о роли документа и особенностях его функционирования в разных культурных контекстах, и об этом речь пойдет в соответствующих местах моей книги. Сейчас, пожалуй, стоит отметить, что представляется полезным предложенное И. Каспэ разграничение *документального* и *документного*[9]. Действительно, термины «документальность», «документальное» (особенно в таких сочетаниях, как «документальный жанр», «документальный дискурс») связаны с определенной исследовательской традицией, для которой не столь существенны различия между документами в широком и узком смысле. Мы будем иметь дело с собственно документами, т. е. текстами, создававшимися специально для того, чтобы хранить и репрезентировать информацию, которая по тем или иным причинам отнесена к области «достоверного». Характер и смысл таких документов можно описать с помощью таких предикатов, как *подтвердить, доказать, свидетельствовать, удостоверить, идентифицировать*. Они имеют определенный срок действия, реквизиты и т. п. Сейчас и собственно документы, и документы в широком смысле объединены в одну сферу документального. Для целей нашей работы лучше их расподобить и применительно к собственно документу говорить о *документном*,

---

8 О статусе документа в цифровой эпохе см.: *Levi D. M.* Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age. New York: Arcade Publishing, 2001; *Buckland M. K.* What Is a “Document”? // Journal of the American Society for Information Science. 1997. Vol. 48. № 9. P. 804–809 и др.

9 *Каспэ И.* От редактора // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. М.: НЛО, 2013. С. 6.

а *документальное* оставить тем, для кого указанное различие не имеет принципиального значения.

Даже если мы не очень разбираемся в различных видах документов, они легко узнаваемы, и это — их важное качество. Они составляют специфический корпус текстов, точнее, разряд бумаг. Их фактурность, «бумажность», была настолько значима, что документ часто так и назывался: «бумага», и эта *бумажность* наделялась как уважительными, так и уничижительными определениями[10]. Как для нас в постсоветское время стали узнаваемы рекламные проспекты в почтовом ящике, так издавна узнаваем документ. Он всегда особым образом выглядит. У него своя форма. Именно для документов были разработаны бланки, т. е. типовые формы (в советское время их знали по номерам: форма № 1 — главная анкета, заполняется для получения паспорта, и сведений в ней гораздо больше, чем в паспорте; форма № 9 требуется при прописке, и т. д.). Это говорит о предельной степени стереотипизации содержания, о том, что документы по своей сути ориентированы на сравнительно узкий круг сценариев. Они типизируют ситуации. Не случайно бланки документов прежде других текстов переводятся в печатную форму[11].

По мнению С. И. Гиндина, можно говорить о двух типах связных текстов: один обусловлен внутренними связями, а другой вписывается в некоторую матрицу, бланк, и без граф этого бланка не может быть прочитан[12]. Паспорт, как и многие другие документы, относится ко второму типу, но его структура настолько въелась в сознание «паспортного человека», что основные сведения легко считывались и без бланка, о чем свидетельствуют такие тексты, как автобиографии советского времени, в которых воспроизводятся личные данные паспортного образца и без наличия граф.

Интересующие нас документы являются *письменными* текстами. К письменному тексту иное отношение, чем к устному. Еще относительно недавно письменный документ воспринимался как

---

10 О «бумажности» документов см.: *Орлова Г.* Изобретая документ: бумажная траектория Российской канцелярии // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. С. 19–52.

11 Нужно отметить, что так происходит не во всех бюрократических традициях. Например, во Франции всевозможные заявления в официальные органы и сейчас следует писать от руки.

12 *Гиндин С. И.* Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ). Автореф. дис. … канд. филологич. наук. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1972. С. 3–15.

объект, наделенный магической силой[13]. На авторитет документа работают все его детали — например, размер и качество бумаги, степени защиты, реквизиты и проч.; все это создает определенную ауру, которая дает понять, что здесь заключена особая, защищенная информация. В поздней традиции, когда документы стали печатными, их отличало непременное наличие рукописных вставок (например, конкретного указания даты, ФИО, постановки личной подписи, и т. д.). Сочетание печатного и рукописного можно рассматривать как выражение формальной и содержательной двойственности документа. Его печатная часть включает стандартную информацию, присущую всем документам данного типа, а рукописные вставки ориентированы на его конкретизацию и индивидуализацию. Такая двойственность предопределяет разное отношение к печатной и рукописной составляющим документа. В частности, при его проверке основное внимание уделяется рукописным вставкам, которые чаще подвергаются подделке.

Как уже сказано, документ можно рассматривать в качестве транслятора шаблонов, образцов, норм, и эта его стереотипизирующая функция настолько сильна, что распространяется и на язык документа, который отличается прежде всего формульностью — от обращений до формулировок, относящихся к содержанию. «Настоящим доводится до вашего сведения…»; «Справка дана в том, что гражданин Иванов С. В. …». Канцеляризмы, как известно, характеризуются высокой устойчивостью — обычно исходные варианты современных форм можно обнаружить в канцелярском письме XIX в. и более раннего времени.

Типизация в сфере документного относится не только к форме, но и к содержанию. Идентификационных документов это касается, может быть, в первую очередь. По отношению к ним складывается несколько парадоксальная ситуация: документ, ориентированный на выявление и фиксацию *индивидуальных* черт, состоит из трафаретного набора сведений, которые имеют заведомо объективирующий характер. О своего рода штамповке личности будет говориться специально.

В отличие от других текстов, документ всегда имеет *реквизиты,* позволяющие теперь уже точно идентифицировать его в качестве документа. К их числу относятся дата, печать, подпись, серия, номер,

---

[13] Об отношении к письменному слову в крестьянской культуре см.: *Байбурин А. К.* Заметки к теме «Слово и тело» // Тело в русской культуре. М.: НЛО, 2005. С. 106–109.

защитные качества бумаги и проч. К тому же современный документ (в отличие от документов далекого прошлого) всегда имеет указание на включение в некую систему (базу) данных — так называемый исходящий номер, для того, чтобы его можно было легко разыскать в этой базе. Получается, что документ содержит информацию, происхождение которой можно проверить и установить. Реально проверить и подтвердить можно лишь источник сведений (тот орган, который свидетельствовал), но не сами сведения. Можно ли доказать, что NN родился 5 мая 1922 г., если не сохранилось записей о его рождении? Или то, что NN — русский, если прежде национальность никак не определялась? «Ориентированный на приоритет письма, документ не столько подтверждает реальность референта, находящегося где-то за пределами бумажного листа, сколько производит самодостаточную и герметичную реальность документальной записи»[14]. Другими словами, документ вовсе не обязательно репрезентирует некое соответствие внеположной реальности. Его «сила» в другом — в том, что он исходит от властной инстанции. Истинность документа имеет скорее магический, чем установленный (верифицируемый) смысл. В этом отношении можно сказать, что документ замкнут на себя, т. е. является автореферентным конструктом[15].

3.

О категории достоверности, приписываемой документу, стоит сказать немного подробнее, поскольку его основной смысл принято видеть в том, что он удостоверяет или подтверждает некие отношения, т. е. представляет их как «истинные». Обыденные представления о мире основываются на предпосылке (и логике) истинности, адекватности и идентичности, при том что сферы истинного и ложного находятся в постоянном взаимодействии. Естественно стремление установить более определенные границы между этими сферами и в конечном счете как-то упорядочить этот мир, однако подобные проекты под силу лишь институтам власти, которые с неиссякаемым увлечением занимаются таким упорядочением. Создание документа с точки зрения этих институтов является не сим-

---

14 *Орлова Г.* Изобретая документ… С. 37.

15 Вместе с тем следует, вероятно, учитывать то обстоятельство, что тексты, обыгрывающие идею «самостоятельности» документа («Подпоручик Киже» как предельный случай), работают только на фоне массового тождества записанных в нем и «предшествующих» ему сведений. Благодарю Г. А. Левинтона за это замечание.

волическим, а вполне реальным актом установления такой границы. В этой логике область «истинного» конструируется документами. Она начинает пониматься не как существующее само по себе «правильное положение вещей», а как то, что создается искусственно и прежде всего с помощью документов. При этом документ приобретает статус воплощения достоверности — своего рода заключительного акта, не предполагающего процедуры проверки репрезентируемой документом информации (о проверке самих документов см.: ч. 3, гл. 1). Иными словами, с помощью документов создается особый вариант «истины», освященный той или иной инстанцией.

Из сказанного должно быть ясно, что само функционирование документов возможно только тогда, когда существуют институты, которые берут на себя функции если не Господа Бога, то «инстанции правды», поскольку наделяют себя правом устанавливать истину. История функционирования документов от княжеского ярлыка до справки из домоуправления свидетельствует о том, что такие функции берут на себя в первую очередь органы власти. Документы — это всегда реплики властных отношений в культуре (с этим связаны и такие черты документов, как их формальность и официальность)[16].

В любом случае можно сказать, что документ — это своего рода перевод каких-либо отношений (или характеристик человека, как в случае с паспортом) в другую, документную реальность. Или иначе: любой документ является пространством перевода и репрезентации тех или иных отношений. Не случайно он может рассматриваться как своего рода двойник, точнее, замена обозначаемого: «Вот мой дом — сказал он, размахивая купчей бумагой». Показательно, что по отношению к идентификационным документам устойчивыми стали метафоры двойника человека, его суррогата, «говорящей вещи»[17].

Приписанные документу смыслы реализуются в пространстве социальных взаимодействий. Собственно, документ является таковым только тогда, когда он реализует свое основное назначение — удостоверяет что-то, подтверждает или проверяется. Вне этих ситуаций он, по сути дела, — никчемная бумага[18]. Особая связь

---

16 Другой институт, претендующий на производство истины, — наука, которая на поздних этапах вносит свой вклад в документализацию культуры. Показательно, что Бруно Латур в своей «Фабрике права» постоянно проводит параллели между правом и наукой (*Latour B.* La fabrique du droit: une ethnographie du Conseil d'Etat. Paris: La Découverte, 2002).

17 *Levi D. M.* Scrolling Forward… P. 23.

18 Виктор Вахштайн считает, что документы, в отличие от текстов, являются «инструментами производства абсурда». См.: *Вахштайн В.* Производство абсурда в уни-

с областью воображаемого «достоверного» делает документ естественным объектом фальсификации (оборотная сторона его «истинности»)[19]. Та же связь превращает его в средоточие недоверия — ничто не проверяется так тщательно, как документы. Однако проверяются не содержащиеся в документе сведения (нередко их просто невозможно проверить), а оболочка этих сведений (реквизиты и проч.), ибо предполагается, что сами сведения уже проверены и подтверждены (см. ниже). Фальсификация документа бывает двоякой: она может быть направлена на изменение не только сведений внутри документа, но и референции: присвоение документа другим лицом. Однако и в этом случае возникает необходимость изменения содержания документа (например, подделки фотографии). Возможность проверить хотя бы частично содержащуюся в нем информацию и, соответственно, сама разработанность процедуры проверки — неотъемлемая составляющая документа. Если это так, то документ нужно рассматривать шире: это не просто определенным образом созданный конструкт, но, может быть, в первую очередь, практики его использования — все то, что можно назвать прагматикой документа (этому посвящена третья часть работы).

4.

Для исторической антропологии особый интерес представляют такие документы, как удостоверение личности (паспорт и т. п.), поскольку в них выражены своеобразное видение человека государственными инстанциями. Удостоверение личности, по замыслу создателей, должно свидетельствовать о «подлинности личности» (хотя бы в том смысле, что данный человек является именно тем, за кого он себя выдает). Это, в свою очередь, предполагает, что удостоверению личности должна предшествовать процедура *установления* личности.

Установление личности — не то же самое, что идентификация, хотя ему придается такой смысл. Строго говоря, по отношению к личности идентификация невозможна хотя бы потому, что лич-

---

верситете: документ как антитекст // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. С. 382.

19 О фальсификации документов см., например: *Васильева Е.* Легальные и нелегальные документы: коллизии правового сознания россиян // Социальная реальность. 2008. № 8/10. С. 27–39; *Васильева Е.* Социальные аспекты фальсификации документов: анализ современных российских практик // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. С. 103–122.

ность нельзя зафиксировать — она постоянно меняется[20]. Можно сказать, что она равна самой себе в каждый момент существования и сравнивать ее имеет смысл только с нею же в предыдущий или последующий момент. Идентифицировать можно человека в качестве физического объекта по его антропометрическим (биометрическим) показателям, но и это сопряжено с серьезными трудностями, т. к. всегда существует вероятность ошибки. Парадоксальным образом такие сведения о человеке носят вторичный характер и вводятся лишь на самых поздних этапах.

Применительно к личности совершается *установление личности*. Эта процедура осуществляется уполномоченным для этих целей лицом, несущим ответственность за ее результаты. Цели установления личности могут быть самыми разными: прием в профсоюз, запись в библиотеку, выдача паспорта и т. д. Само установление личности происходит на основании имеющейся информации о данном индивиде. Характер процедуры во многом зависит от конкретной цели. В случае с приемом в профсоюз потребуется документ о работе (например, пропуск). При записи в библиотеку потребуется паспорт, а если будущий читатель не достиг паспортного возраста, то его могут записать и на основании устной информации. Но, как правило, личность устанавливается на основании документов, выданных разными организациями. Например, для получения паспорта требовались свидетельство о рождении, справка о работе или учебе, выписка из домовой книги и т. д. Чем больше справок, тем в большей безопасности чувствовали себя те, кто отвечал за установление личности, поскольку эта ответственность как бы возлагалась и на тех, кто выдал предшествующие документы (с этим, кстати, связаны нередко упоминаемые ситуации, когда чиновники требуют от посетителя раздобыть и предоставить всевозможные справки). Более того, ответственность возлагалась и на тех, чья личность устанавливалась: он/она должны были своей подписью в паспорте подтвердить истинность всех сведений о себе и тем самым стать одним из авторов документа и принять участие в распределении ответственности.

Несовершенство этой процедуры очевидно: например, человек мог представить документы другого лица и свою фотографию. Фи-

---

[20] Интересные соображения на эту тему можно найти в статье, опубликованной в «Живом Журнале»: david_gor. Установление личности, идентификация, паспорт и чипы (http://david-gor.livejournal.com/63792.html — Дата обращения: 17.04.2017).

зическое тождество устанавливалось весьма приблизительно, поскольку для него нет достаточных оснований (представляемые документы, как правило, даже не снабжены фотографиями). И, может быть, самое главное — сведения о человеке вовсе не равны самому человеку. Поэтому об «установлении личности» можно говорить лишь с большими допущениями. По сути дела, итоговый документ не устанавливает личность, а является свидетельством того, что некий чиновник считает, что личность «установлена».

Тем не менее результатом этой процедуры должен быть документ, который считается удостоверением личности на определенный срок. В наших случаях — профсоюзный билет, читательский билет и паспорт. Все они по-своему «удостоверяют личность», но имеют разный статус, поскольку подтверждают не только личность, но и разные ее права. В первом случае — права члена профсоюза, во втором — право пользоваться фондами библиотеки, в третьем — права гражданина, а по сути дела — право на существование.

Наличие удостоверения личности (паспорта) свидетельствует о том, что личность уже установлена и нет необходимости в процедуре установления, ибо она считается необходимой только при выдаче документа. Проверке подлежит сам документ и соответствие содержащихся в нем данных (фотография, возраст) визуально воспринимаемым чертам владельца удостоверения, т. е. производится аутентификация[21].

Характер проверки (собственно акт удостоверения личности) опять-таки зависит от конкретной ситуации. В каком-нибудь режимном учреждении пропуск должен быть представлен и в том случае, если предъявитель хорошо знаком проверяющему. Предполагается, что техника идентификации имеет самостоятельный смысл, который важнее ничем не подтвержденного знания. При входе в Публичную библиотеку достаточно предъявить читательский билет, даже не открывая его, а при входе в институт постоянному сотруднику можно и вовсе ничего не предъявлять — пропуск потребуется только в том случае, если в институте находятся проверяющие. Разумеется, важным оказывается и то, в каких отношениях ты находишься с проверяющим (если находишься), как ты демонстрируешь документ, как он выглядит и т. д. Но все это к содержанию докумен-

21 *Дроздов Б. В.* Личная свобода и социальные обязанности (информационный аспект) // РЕМА: Научно-образовательный сайт (rema44.ru/about/persons/drozdov/papers/kom_ls13.doc — Дата обращения: 17.04.2017).

та не имеет отношения. С этой (прагматической) точки зрения документ «работает» в зависимости от контекста: в одном случае — по полной программе, в других — как указание на статус и т. д.

5.

Значимым контекстом при исследовании документов является проблематика доверия. Новый виток интереса к проблеме доверия (после ее актуальности в начале XX в.)[22] связан, видимо, не только с необходимостью уточнения этого понятия и условий его существования (как это представлено у Петра Штомпки, Джеффри Хоскинга и др.)[23], но и с выявлением его роли в конкретных ситуациях взаимодействия, в том числе и в ситуациях с документом, который, наверное, может рассматриваться как инструмент «формализации практики доверия» (по выражению И. Каспэ), но не всегда выполняет эту роль, во всяком случае в советских практиках.

Категория доверия лежит в основе не только правовых отношений. Вообще говоря, она являет собой фундамент взаимоотношений между людьми, поскольку человеку необходимо прогнозировать свое поведение. Доверие в так называемой традиционной культуре обеспечивалось различными видами обмена, социальным статусом, сословной честью. А подкреплялось оно всегда искусственными, специально на это ориентированными практиками, такими как слово чести, клятва, договор. Но требуется, чтобы эта «подпорка» сохранялась во времени, поэтому столь велика роль письменной формы. Документ становится одной из, а со временем и самой важной подпоркой доверия.

---

22 По словам Льва Гудкова, «в период формирования социологии как дисциплины (1900–1920-е гг.) доверие наряду с другими социальными формами взаимодействия (борьба, господство, обмен, традиция, социальная дифференциация, ресентимент, мода, кокетство и т. п.) было одной из важнейших социальных категорий, используемых при интерпретации социальных структур» (*Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). http://www.nlobooks.ru/node/2629 — Дата обращения:17.04.2017).

23 *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Trust and Distrust in the USSR: Special Issue of Slavonic and East European Review / guest editor G. Hosking. 2013. Vol. 91. N 1. P. 1–154; *Hosking G.* Trust and distrust: A suitable theme for historians? // Transactions of the Royal Historical Society (sixth series). 2006. Vol. 16. P. 95–116; *Luhmann N.* Trust and Power. Two Works by Niklas Luhmann. Chichester, NY: Wiley, 1979; *Berliner J. S.* Factory and Manager in the USSR. Cambridge: Harvard University Press, 1957; *Gorlizki Y.* Too Much Trust: Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. Vol. 69. N 3. P. 676–700; *Горлицкий Й.* Структуры доверия после Сталина // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 136–154 и др.

Культура письменных документов возникает практически сразу с возникновением письменности, но становится особенно значимой в Новое время. Признаки этого времени достаточно хорошо известны: рационализация всех областей социальной жизни, повышение мобильности, экономический рост, расширение сферы публичного, распространение практик счета, измерений, расцвет статистики (учет населения, переписи) — перечислять можно долго, и все это предполагает выделенность человека, невиданный прежде акцент на его индивидуальности, чтобы не сказать уникальности. Но, пожалуй, самая важная черта — изменения, произошедшие с самим человеком: он становится активным действующим субъектом.

В этой ситуации возросшей социальной активности появляется необходимость решения нескольких постоянных проблем, в том числе проблемы обеспечения доверия во все более расширяющемся круге общения с незнакомыми, чужими. Новая ситуация требует новых форм ответственности — не только коллективной, но и индивидуальной. Следовательно, все настоятельнее проявляется нужда в идентификации, а в этом случае без документов не обойтись. Кроме того, возникает потребность как-то очертить область достоверного, того, что должно быть не просто принято на веру, а чем-то или кем-то подтверждено. Собственно, одна из причин широкого распространения документов — нехватка достоверной информации в отношениях между социальными агентами.

Распространение документов само по себе становится свидетельством того, что наряду с практиками «горизонтального» доверия внедряются различные формы доверия «вертикального». Если первые функционируют между рядовыми членами сообщества, вторые должны обеспечивать отношения между человеком и властными инстанциями, а также взаимодействие с «чужими». Я не случайно написал «должны» — в российской действительности подобного рода конструкции не всегда работали, что постоянно отмечалось в литературных и других источниках, и в особенности — по отношению к документам. Паспорт (и шире — документ) становится преимущественно воплощением недоверия к человеку. Д. Калугин в своей рецензии на книгу «Статус документа» отмечает, что документ в России «противостоит человеку и всему миру как враждебное начало, как железный закон принуждения и инструмент социальной дрессуры, обладающий собственной логикой, неведомой тому, к кому он применяется. Характер этого бытия и определяет статус документа, не только бюрократический,

но, собственно говоря, экзистенциальный, задающий основные параметры как самой жизни, так и способов ее репрезентации»[24].

Казалось бы, доверие вообще несовместимо с советской политикой принуждения, но, как показали исследования последнего времени, это не совсем так. И в сталинское, и в брежневское время существовали различные формы доверия, основанные на личных отношениях (ср. и такие явления, как знакомство, блат) и субкультурных правилах (например, в криминальных сообществах). Даже во властных структурах могли возникать доверительные отношения, которые поддерживались с помощью институциональных практик, компромата и т. д.[25] Что же касается паспорта и подобных документов, то, будучи преимущественно формами проявления недоверия со стороны власти, они в то же время обеспечивали необходимый уровень доверия в контактах человека со сферой официального, а иногда и в неформальном общении.

6.

В теоретическом плане для нашей работы существенное значение имеют несколько концепций. Прежде всего речь может идти о том круге идей, который сформировался при изучении бюрократических форм управления, инициированном Максом Вебером[26] и нашедшем свое продолжение во многих исследованиях. В частности, представляются важными соображения П. Бурдьё (высказанные им в работе о бюрократическом поле) о том, что «нужно перестать довольствоваться неким интуитивным полупониманием, которое дает знакомство с конечным состоянием, и попробовать заново схватить глубинный смысл ряда чрезвычайно малых, но решающих изобретений: кабинет, подпись, печать, постановление о назначении, удостоверение, аттестация, реестр и регистрация, циркуляр и т. п., — всего того, что привело к установлению соб-

---

24 *Калугин Д.* Рец. на кн.: Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. ст. / под ред. И. М. Каспэ. М.: НЛО, 2013 // АФ. 2014. № 20. С. 377.

25 См. прежде всего: *Горлицкий Й.* Структуры доверия…; *Ledeneva A. V.* Russia's Economy of Favors: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Ledeneva A. V.* The Genealogy of Krugovaia Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe / ed. by I. Marková. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 85–108; *Gambetta D.* Codes of the Underworld: How Criminals Communicate. Princeton: Princeton University Press, 2009.

26 См. прежде всего: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1976. S. 621 и далее.

ственно бюрократической логики, власти безличной, взаимозаменяемой и с виду совершенно "рациональной", а на деле наделенной самыми загадочными свойствами магической эффективности»[27]. Применительно к удостоверению личности эта «загадочная эффективность» приведет, помимо всего прочего, к формированию индивидуальной идентичности по единой схеме — еще одна оксюморонная конструкция, характерная для бюрократической логики.

Бюрократизация социальной жизни — один из самых заметных процессов культуры Нового времени[28]. Посредством документов те или иные аспекты социальной жизни выводятся государственными институтами в режим особого существования — и прежде всего те, которые относятся к человеку, его месту во времени и пространстве. Как уже говорилось, такой режим оказывается необходим, чтобы выделить и закрепить наиболее существенное, то, что должно быть отнесено, с точки зрения власти, в категорию достоверного. Но не только для этого. Переводу на язык документа подвергается и то, что должно быть изменено. В таком случае документ становится своего рода матрицей требуемых изменений. В этой связи остаются актуальными идеи Бурдьё и Фуко о государстве, которое стремится установить максимально плотный контроль не просто над человеком, но над его символическим образом, над тем, как его определять, называть, классифицировать[29]. Причем, как пишет Энтони Гидденс, в современных обществах подобного рода контроль осуществляется главным образом с помощью документации[30].

Р. Брубейкер и Ф. Купер в своей работе «За пределами "идентичности"» определяют государство как один из самых важных агентов идентификации и категоризации, имея в виду «формализованные,

---

27 *Бурдьё П.* От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. М., СПб.: Алетейя, 2001 (цит. по: http://sociologos.net/textes/bourdieu/PB_maison_royale.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

28 О модерности в связи с резким повышением значимости государственных систем управления см.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. О советском варианте модерности см.: *Shearer D.* Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia during the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / ed. by D. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 194–216.

29 *Фуко М.* Нужно защищать общество / пер. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; *Бурдьё П.* Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя, 2007.

30 *Giddens A.* The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 46.

кодированные, объективизированные системы категоризации, выработанные властными институтами»[31]. К их числу относятся классификации, нашедшие свое выражение в идентификационных документах по признакам социального происхождения, этнической принадлежности, пола, возраста и др. Разумеется, не только государственные органы занимаются подобного рода категоризацией. По сути дела, любая организация (школа, тюрьма, производственный коллектив) предполагает выработку и навязывание своих категорий, но только государство располагает необходимыми материальными и символическими ресурсами, чтобы его классификации так или иначе учитывались во всех организационных структурах[32].

Одним из результатов бюрократизации социальной жизни становится создание документного двойника человека. Рому Харре принадлежит понятие file-selves – своего рода досье, в которое входят документы о конкретном человеке[33]. В состав этого досье могут включаться разные документы: автобиография, характеристики, различного рода свидетельства и др. Каждый из них несет существенную информацию о тех или иных аспектах личности, и поэтому можно сказать, что реальное «я» сопровождается многочисленными документными вариантами. По мнению Ш. Фицпатрик, «составление досье с первых лет было главным проектом советского государства»[34]. В русском переводе ее книги "Tear off the Masks" («Срывайте маски!») понятие file-selves переведено как «документное "я"», которое можно обнаружить в личных делах различных организаций и учреждений, в папках с компроматом, во внутренних паспортах. В отличие от Р. Харре, который считал, что документное «я» обычно не зависит от самого человека, Ш. Фицпатрик указывает на специфику формирования советских досье: их содержание могло меняться не только создателями и хранителями, но и самими гражданами с помощью таких приемов, как сообщение ложных сведений о себе, корректирование автобиографий, изменение персональных данных в паспортах и т. д. Кроме того, существовала возможность оспорить сведения, содержащиеся в официальных документах. Все это делало документное «я» динамичным явлением, подверженным различного рода

---

31 *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности»... С. 86.

32 Там же. С. 87.

33 *Harre R.* Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge, Massachusets, 1984. P. 69–71.

34 *Fitzpatrick S.* Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005. P. 14.

изменениям. Советский паспорт можно, вероятно, рассматривать как особый вариант документного «я», с которым у каждого владельца («референта») складывались свои отношения.

Рассмотрение такого документа как паспорт предполагает обращение к проблематике личности, усилиям власти по созданию образа советского человека, его наделению необходимыми, с ее точки зрения, чертами. В этом концептуальном поле уже немало сделано. На смену долгое время превалировавшим взглядам о подавлении личности в советскую эпоху пришли другие подходы, предполагающие и конструктивные эффекты «культурного строительства» по отношению к советскому человеку. Йохен Хеллбек рассматривает культурную политику советской власти как «проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъектов»[35]. Основываясь на материале дневников коммунистов — активных участников коллективизации, — он настаивает на продуктивном влиянии революционных практик на самосознание и самоощущение советских людей[36]. Позиция Й. Хеллбека, ориентированная на несогласие со сложившимся односторонним видением личности в тоталитарном обществе, представляется необходимой для дальнейших разысканий в этой области. Следует подчеркнуть, что в рамках этой концепции человек предстает не механическим исполнителем идеологических установок, но субъектом, наделенным способностью переосмыслять и трансформировать их, сообразуясь со своими целями.

Для прояснения вопросов становления личности в советскую эпоху существенное значение имеют соображения Олега Хархордина о субъективирующих и объективирующих практиках[37], посредством которых происходило превращение «однородной безликой массы» в индивидов[38]. Как представляется, советский

---

35 *Халфин И., Хелльбек Й.* Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 222.

36 *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006; *Hellbeck J.* Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. Jul. 2001. P. 340–359. Такая позиция встретила резкую критику со стороны Светланы Бойм, которая усомнилась в надежности результатов исследования Хеллбека, выполненного, по ее мнению, на ограниченном материале и с недостаточно отрефлексированных методологических и теоретических позиций: *Бойм С.* Как сделана «советская субъективность»? // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 285–296.

37 *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2002.

38 *Хархордин О.* Обличать и лицемерить — это по-русски // Люди. 2002 (http://www.peoples.ru/science/philosophy/harhordin — Дата обращения: 17.04.2017).

паспорт интересен тем, что «работал» в обе стороны, насаждая и субъектность, и объектность. Он «штамповал» людей по единым лекалам, и вместе с тем люди открывали в себе что-то новое, примеряя на себя паспортные черты, о которых прежде не задумывались. Кроме того, паспорт автоматически придавал публичный характер личным сведениям. С этой точки зрения его можно рассматривать в качестве механизма преобразования приватного в публичное[39]. Известное стремление советской власти к максимальному расширению публичной сферы (особенно в сталинскую эпоху)[40] проявилось и в паспортной политике.

Наконец, для изучения реакций советских людей на предписываемые им правила идентификации несомненно полезно принять во внимание идеи Мишеля де Серто о «тактике слабых», которые «производят бесчисленные и мельчайшие изменения <…> закона, исходя из своих собственных интересов и правил»[41]. Для советских практик взаимодействия со сферой официального эта тактика особенно характерна.

7.

Интерес к изучению таких документов, как паспорт и различного рода удостоверения личности, ощутимо вырос в последнее время. Свидетельством тому является международный проект Documenting Individual Identity: Historical and Comparative Perspectives since 1500 (IdentiNet) под руководством Джейн Каплан (Jane Caplan) и Эдварда Хиггса (Edward Higgs), в котором идентификационные документы стали основным предметом изучения[42]. В рамках этого проекта вышел ряд исследований, посвященных истории и функционированию идентификационных документов в разных культурных традициях[43].

---

39 О публичном и приватном в связи с телефонными номерами см.: *Кукулин И.* Одомашнивание цифр: квазидокументность телефонного номера в русской поэзии XX века // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. С. 322–355.

40 Ср., например, у О. Хархордина о том, что в сталинскую эпоху «система была обеспокоена не чувствами граждан, а их публичным поведением» (*Хархордин О.* Обличать и лицемерить. С. 361).

41 *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. С. 42; см. также: *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Form of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1987.

42 http://identinet.org.uk/ — Дата обращения: 03.01.2012.

43 См. прежде всего: Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Среди них существенный интерес представляет картина эволюции паспорта, рассмотренная Джоном Торпи (John Torpey), который уделил особое внимание усилиям государственной власти по обеспечению контроля над передвижениями со времен Французской революции. Разумеется, в этом процессе были свои пики и спады. Так, за ослаблением контроля во второй половине XIX в., вызванным строительством железных дорог и резким ростом мобильности, последовал очередной период его усиления[44].

Все эти процессы не обошли стороной и Россию, но, естественно, имели свою специфику. История российского паспорта рассматривалась главным образом в контексте развития налогового законодательства (Б. В. Ананьич, Е. В. Анисимов)[45]. Лишь относительно недавно появились работы, специально ориентированные на изучение паспорта и паспортной системы. К их числу относится исследование истории российского паспорта М. Мэтьюза[46], где основной акцент сделан на организационных усилиях власти по контролю за передвижениями, начиная с возникновения паспорта в России и до введения советских паспортов. Как показал М. Мэтьюз, развитие паспортной системы шло параллельно с процессом социальной стратификации российского общества, что так или иначе закреплялось и выражалось в паспортных установлениях. В советское время до введения паспортов учет населения и надзор за ним осуществлялись благодаря таким мерам, как обязательный воинский учет, трудовая повинность, декрет о прописке и др., что, по мнению автора, неизбежно вело к введению паспортной системы.

Особенно следует отметить вышедшее в 2007 г. фундаментальное исследование В. Г. Чернухи, в котором на архивных и уже опубликованных источниках прослеживается история российского

---

[44] *Torpey J.* The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. См. также его статью: *Torpey J.* The Great War and the Birth of the Modern Passport // Documenting Individual Identity… P. 256–270.

[45] *Ананьич Б. В.* Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1983. С. 34–45; *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982.

[46] *Matthews M.* The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993; *Мэтьюз М.* Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 22–34. См. также: *Burds J.* The Social Control of Peasant Labor in Russia: The Response of Village Communities to Labor Migration in the Central Industrial Region, 1861–1905 // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 52–100.

паспорта за два столетия, с 1719 по 1917 год[47]. Кроме собственно исторической линии эволюции паспортной системы, в этой книге особое внимание уделено паспорту как средству полицейского контроля, что делает ее незаменимым пособием для дальнейших разысканий в этом направлении.

Советский паспорт становится объектом изучения довольно поздно (с открытием доступа к советским фондам архивов в 1990-е гг.). Разумеется, существуют и более ранние работы советских историков, но их идеологическая составляющая, как правило, задавала вполне определенный ракурс[48]. Многие постсоветские исследования уже резко противоположны им по риторике (показательно, например, название статьи В. Попова: «Паспортная система советского крепостничества»)[49]. В первом случае советский паспорт (и шире — паспортная система) рассматривается в более широком контексте освобождения личности, создания нового советского человека; во втором — в контексте подавления личности и репрессий по паспортным основаниям.

Нужно сказать, что репрессивные функции советской паспортной системы, ее роль в контроле над передвижениями населения внутри страны — общая топика целого ряда исследований[50]. Многим из них (особенно российским исследованиям постсоветского времени) присуще применение такой рамки интерпретации, в которой, с одной стороны, действует безличная, активная власть, а с другой — столь же безличное, но пассивное общество, которое

---

47 *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007.

48 См. например: *Фаркин С. Н.* Почему введена паспортная система. М.: [б/и], 1933; *Рыбальченко Р. К.* Паспортная система в СССР. Киев: Вища школа, 1977; *Шумилин Б. Т.* Молоткастый, серпастый… М.: Юридическая литература, 1979; *Кусков Г. С.* Основные этапы развития советской паспортной системы // Труды Высшей школы МООП СССР. 1968. Вып. 20. С. 99–112; *Еропкин М. И.* Развитие органов милиции в Советском государстве. М.: Высшая школа МООП СССР, 1967; *Хоботов А. Н.* Организационные и правовые основы развития паспортной системы в СССР (1917–1980 гг.). Дис. … канд. юр. наук. М., 1983; *Парфенов С. В.* Организационно-правовые основы паспортной системы в СССР. Дис. … канд. юр. наук. М., 1986; Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.). М.: ВШ МВД СССР, 1957; и др.

49 *Попов В. П.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 96–112; *Любарский К.* Паспортная система и система прописки в России // Сайт Института прав человека (http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm — Дата обращения: 17.04.2017); *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. М., 1991; и др.

50 Кроме указанных исследований В. Попова, К. Любарского и др., см., например: *Garcelon M.* Colonizing the Subject: The Genealogy and Legacy of the Soviet Internal Passport // Documenting Individual Identity… P. 83–100; *Kessler G.* The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe. Vol. 42. N 2–4 (Avril-Décembre 2001). P. 477–504; *Hagenloh P.* Stalin’s Police: Public Order and Mass Repression in the USSR 1926–1941. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2006.

вынуждено выполнять всевозможные предписания этой власти. Представляется, что картина функционирования советской паспортной системы была сложнее, и ее невозможно свести к такой схеме, не говоря уже о том, что данные паспортного учета использовались не только в целях принуждения[51].

До сегодняшнего дня остаются актуальными выяснение обстоятельств введения паспортной системы в 1930-е гг., ее роли в «наведении порядка», характера ее географического распространения, а также вопрос о том, была ли она специально направлена против мобильности сельского населения СССР. Эти и другие проблемы рассмотрены в работах Натали Муан и Дэвида Шерера, представляющих несомненную ценность при изучении интересующих меня сюжетов [52]. Я изложу свои соображения по этим вопросам в третьей главе первой части настоящей книги.

Для рассмотрения паспортных категорий идентификации особое значение имели работы Шейлы Фицпатрик, и в частности ее статья о приписывании к классу, в которой она рассмотрела усилия советских органов власти по структурированию советского общества путем «клеймения» по социальному признаку с целью выявления «социально-чуждых элементов» [53]. Идея изобретения советскими властями «классов» оказалась настолько плодотворной

---

[51] Например, как механизм распределения ресурсов (прежде всего продовольствия в периоды острого дефицита). См.: *Buckley C.* The Myth of Managed Migration: Migration Control and Market in the Soviet Period // Slavic Review. 1995. Vol. 54. N 4. P. 896–916; *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998.

[52] См. прежде всего: *Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. Vol. 76. N 4 (December 2004). P. 835–881. О паспортизации см. также: *Moine N.* Passeportisation, Statistique des Migrations et Contrôle de l'Identité Sociale // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. P. 587–600; *Чернолуцкая Е. Н.* Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996; *Чернолуцкая Е. Н.* Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. Paris, 1999. P. 17–33; *Тарасов А. Ю.* Некоторые проблемы осуществления паспортизации в советском государстве в 30-е годы XX века // Право и образование. 2005. № 3. С. 222–231.

[53] *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. December 1993. N 65. P. 745–770; *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151; *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 1920-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН. 2008; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН. 2011.

и востребованной, что во многом определила ракурс рассмотрения паспортных идентичностей — как социальной, так и национальной[54]. При этом особенное внимание было уделено исследованию введения и закрепления национальной принадлежности[55].

Даже из такого краткого описания исследовательского контекста видно, что достаточно хорошо изучена история советской паспортной системы, но не сам паспорт, его наполнение, а тем более — участие в его создании и функционировании тех, кому он предназначен.

8.

В своем подходе к рассмотрению советского паспорта я исхожу из того, что функционирование советской паспортной системы определялось не только официальными правилами. Не меньшее значение имело то, как эти правила осмыслялись и усваивались, в каких практиках они закреплялись. Кроме того, в разных группах и сообществах вырабатывались свои схемы интерпретации официальных требований. Такой взгляд опирается на некоторые особенности правовой сферы СССР. Для советского времени было характерно сосуществование двух частей официального права. Одна часть содержала, условно говоря, публичные, открытые для всех указы и постановления, а другая — закрытые, представленные в виде всевозможных циркуляров, приказов, директив с грифами «Не для печати», «Не подлежит оглашению», «Секретно», «Для служебного пользования» и т. д.[56] Разумеется, определяющими были закрытые

---

[54] См., например: *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, N.Y., 2003; *Steinwedel Ch.* Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Documenting Individual Identity… P. 67–82; *Garcelon M.* Colonizing the Subject…; и др.

[55] *Martin T.* An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, New York, 2001; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2005; *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. 2005. Vol. 64. N 3. P. 440–455; *Cadiot J.* How Diversity Was Ordered: Lists and Classifications of Nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union, 1897–1939 // Ab Imperio. 2002. № 4; *Suny R. G.* Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. N 4. P. 862–896; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2010; и др.

[56] Об этой особенности функционирования правовой системы в СССР см., например: *Попов В. П.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html — Дата обращения: 15.06.2017).

постановления, в которых государственным органам предписывалось, как именно нужно трактовать то или иное распоряжение и реализовать его на практике[57]. Закрытая часть включала и документы, которые относились непосредственно к обязанностям граждан. О существовании этих документов граждане могли и не подозревать — но, тем не менее, требовалось их выполнение.

В этой ситуации информационного голода возникало еще одно, уже неофициальное, право, которое являлось результатом своего рода реконструкции советскими гражданами требуемых от них норм и моделей поведения. Это второе право (*право-2*) конструировалось на основе реальных и воображаемых диалогов с чиновниками государственных инстанций разных уровней. Закрытость официального права провоцировала создание неофициальных правил и в тех случаях, когда того не требовалось, но граждане предполагали, что какие-то официальные правила или нормы существуют. При этом, как я постараюсь показать, неофициальное право не было цельным и единообразным для всего населения. Оно включало варианты, которые вырабатывались конкретными сообществами (например, «лимитчиками» или бывшими спецпоселенцами).

В результате паспортная система в ее актуальном функционировании содержала в той или иной мере элементы этих двух прав.

Если рассматривать паспорт как документ, в нем можно видеть бюрократическую версию человека (документное «я»), благодаря которой человек получает право на существование в глазах государства. Во многом именно посредством паспорта осуществлялось превращение человека в публичное социальное существо. Это превращение, на первый взгляд, не имело альтернативы: всем предписывалась идентификация по единым лекалам; однако и в этих рамках оставались зазоры, которые заполнялись в соответствии с нормами неофициального права.

Основной вопрос, на который я попытался ответить, — как функционировала советская паспортная система в официальном и неофициальном вариантах (*право-1* и *право-2*)? Акцент будет

---

[57] Вряд ли можно говорить о том, что двухслойность официального права создавалась намеренно. Скорее всего, она складывалась стихийно. Нередко гриф «Секретно» ставился на всякий случай, чтобы перестраховаться. Без этого грифа документ был бы обычной внутренней инструкцией, которую не имеет смысла публиковать, т. к. она адресована определенным работникам. Поэтому часто трудно определить, где проходит граница между двумя частями официального права.

сделан на рассмотрении того, как создавались и насаждались предписанные властями идентичности и как они воспринимались, усваивались и «корректировались» советскими людьми. Такой подход к осмыслению советского паспорта и паспортной системы, как мне представляется, предполагает рассмотрение нескольких более конкретных вопросов:

1. Как формировалась традиция описания личности (ее паспортный портрет) в досоветский период?
2. Что представляла собой официальная советская «паспортная личность» (*право-1*)?
3. Как советские граждане относились к своему официальному образу, правилам паспортной системы и приспосабливали их под себя (*право-2*)?

Рассмотрению этих трех вопросов посвящены три части работы. Для ответа на первый вопрос представляется необходимым проследить социальную историю паспорта в дореволюционной России и в Советском Союзе с акцентом на том, как властные институты разрабатывали паспортный портрет. При этом важно отметить, что функционирование паспорта не сводится к установлению и поддержанию контроля и в разное время паспортной системе придавался разный смысл. Эти сюжеты рассматриваются в первой части работы.

Вторая часть посвящена официальному бюрократическому взгляду на паспорт, как на собственно документ, его наполнению: графам, реквизитам, дизайну. Речь пойдет о паспорте как документе, создании и совершенствовании той идентификационной матрицы, по которой формировался официальный образ советского человека. Эта работа до сих пор не сделана, а между тем она необходима для выяснения эволюции представлений официальных «авторов» этого документа о том, какой должна быть советская паспортная личность.

Наконец, в третьей части речь идет об участии самих граждан в конструировании паспортных правил. Рассмотрены некоторые практики усвоения, использования и преобразования паспортных правил (официальной идентификации) в том виде, в котором об этих практиках позволяют судить воспоминания, интервью и исторические свидетельства. С этой целью я обратился к неофициальным нормам и правилам, связанным с обретением паспорта, его использованием в разных ситуациях и переосмыслением его функций (*право-2*).

Следует сказать, что в книге дается лишь самая общая картина советской паспортной системы, и даже не картина, а, скорее, эскизы к ней. Отсутствуют многие необходимые для полноты описания сюжеты. Практически не рассмотрено то, каким образом происходила паспортизация на местах, в частности на так называемых национальных окраинах. Разные периоды советской паспортной истории рассмотрены с разной степенью подробности. Паспортные практики гораздо более разнообразны, чем они представлены, и т. д. По сути дела, книга представляет собой наброски к теме «советский паспорт».

9.

Материалом исследования послужили как опубликованные, так и неопубликованные источники. К числу первых относятся законодательные акты и документы, представленные в Полном собрании законов Российской империи, Собрании узаконений РСФСР, Собрании законов СССР, Бюллетенях НКВД, сборниках документов по истории ГУЛАГа, советской милиции, высших органов партийной и государственной власти. Использованы материалы советской периодики 30–90-х гг. (газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Смена» и др.), а также воспоминания, относящиеся к разным периодам советской истории. Рассмотрение паспортного мифа предполагает обращение и к художественным текстам, которые привлекаются, когда это необходимо. Разделы, посвященные истории советской паспортной системы и наполнения советского паспорта, базируются главным образом на архивных материалах (преимущественно ГАРФа и РГАСПИ) с учетом опубликованных источников и исследований по советской истории.

Рассмотрение паспортных практик потребовало обращения к интервью, собранным в рамках проекта “National Identity in Russia from 1961: Traditions and Deterritorialisation” (грант AHRC, руководитель проф. Катриона Келли), который осуществлялся в 2007–2011 гг. Следует сразу оговорить то обстоятельство, что интервью не могут рассматриваться в качестве свидетельств описываемой в них реальности, хотя и записывались от людей, имевших опыт жизни с советским паспортом. Это скорее воспоминания, и, как всякие воспоминания, они неизбежно модифицируют прошлое (информацию об интервью см. в Приложении).

Часть I.
К СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1.
Формирование паспортного портрета в России

В истории паспорта можно выделить две основные линии. Одна из них связана с возникновением и распространением разрешительных документов на пересечение границ той или иной территории, другая — с изобретением и функционированием документов, ориентированных на идентификацию их владельцев. В современном паспорте эти две линии, как правило, сходятся. В первом случае история паспорта непосредственно соотносится с историей государственных образований и, в частности, с их территориальной определенностью — само понятие границы имеет смысл в том случае, если существует некая регламентация ее преодоления. Аналоги паспорта как разрешения (или прошения) на пересечение границы встречаются уже в самых ранних источниках[1]. Основные предпосылки возникновения и функционирования подобного рода документов, видимо, связаны (помимо определения границ ранних государств) с установлением контроля со стороны правителей за передвижениями «чужих» по «своей» территории, во-первых, и с достаточно высоким уровнем обращения письменных текстов, во-вторых.

В этой главе меня будет интересовать главным образом «идентификационная» линия, причем не «паспорта вообще», а российского паспорта (до установления советской власти). Речь пойдет о формировании официального портрета человека — каким он виделся с позиций государственной власти. Но прежде необходимо сказать несколько слов о европейской паспортной традиции, которая, безусловно, повлияла на российскую.

---

[1] В качестве примера обычно приводится упоминание разрешительных документов на перемещения в Книге Неемии: «и сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к заречным областей начальникам, чтоб они давали мне пропуск, доколе я не дойду до Иудеи» (Неем. 2: 7). Предположительно запись могла быть сделана в середине V в. до н. э.

В европейских странах распространение паспортов вписывается в общую картину начальных этапов перехода от традиционного домодерного общества к модерному в течение XV–XVII вв.[2] Этот переход знаменовал движение к индивидуализации человека и рационализации его поведения; распространению письменных форм коммуникации; калькуляции и планированию; выработке непрямых форм контроля со стороны государства за своими подданными. Паспорт (точнее, его ранние аналоги) использовался и по «прямому» назначению (для пересечения различного рода границ), и в качестве средства борьбы с бродягами, нищими и преступниками. Распространение паспортов в XV в. в Германии, а позже и в других странах Европы, было связано не только с расширением торговых связей и ростом числа паломников, но и с сопутствующим росту активности социальной жизни увеличением числа бродяг и беглых людей. Паспорт стал привилегией тех, кто не хотел быть причисленным к категории бродяг. Можно сказать, что паспорт имел защитную функцию, т. е. играл роль своего рода охранной грамоты. Такой документ обычно «сообщал», что его обладатель находится под защитой своего сюзерена[3]. Изобретение книгопечатания в середине XV в. позволило изготавливать стандартные документы, подделать которые в то время было практически невозможно.

Использование документов в качестве средств идентификации их владельцев относится к позднему времени. По материалам В. Гребнера, даже в XVI в. в европейских странах с этой целью применялись главным образом внешние знаки, лишь косвенно связанные с носителем[4]. К их числу относились, например, знаки социального статуса (специальные детали одежды посла или курьера).

---

[2] Об истории паспортной системы в европейских странах см.: *Torpey J.* The Invention of the Passport. Surveillance, Citizenship and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; *Salter M. B.* Rights of Passage: the Passport in International Relations. Boulder: Lynne Reiner Publishers, 2003; People, Papers and Practics: Registration and Recognition: Documenting the Person in World History / ed. by K. Breckenridge, S. Szreter. Oxford: Oxford University Press, 2012; и др.

[3] До сих пор на лицевой странице британского паспорта помещается следующий текст: “Her Britannic Majesty’s Secretary of State Requests and Requires in the Name of her Majesty all of those whom it may concern to allow the bearer to pass freely without let or hindrance, and to afford him or her such assistance and protection as may be necessary”.

[4] Об этой функции первых идентификационных документов см.: *Groebner V.* Describing the Person, Reading the Sign in Late Medieval and Renaissance Europe: Identity Papers, Vested Figures and the Limits of Identification, 1400–1600 // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 15–27.

Такого рода знаки не могли обеспечить надежность идентификации их носителей. То же самое можно сказать о рекомендательных письмах, поскольку податель письма в них, как правило, не описывался, а упоминание имени не защищало от возможной подмены.

Казалось бы, естественный путь к решению проблемы идентификации — описание индивидуальных особенностей внешности человека; однако самой заметной частью человека вплоть до Нового времени считалась одежда, а то, что условно можно назвать «индивидуальностью», если и отмечалось, касалось скорее его занятий, но не особенностей лица и тела[5]. Не случайно портрет относится к числу поздних жанров живописи.

Такое обезличенное понимание человека было характерно и для России. Может быть, особенно показательны в этом отношении языковые данные. Будет уместно привести цитату из незаконченной статьи В. В. Виноградова об истории слова *личность*: «В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность или отдельность, последовательность характера, осознаваемая на основе тех или иных примет, сконцентрированность или мотивированность поступков и т. д.) были очевидны и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие,* ср. *людин, лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т. п.)»[6]. Тем не менее в таких сферах, как право, отдельность человека вполне осознавалась: наказания за нарушения носили инди-

---

5 *Groebner V.* Describing the Person, Reading the Sign… P. 25–26.
6 *Виноградов В. В.* История слов. М.: Толк, 1994. С. 271–272.

видуальный характер. Кроме того, следует иметь в виду выраженную маскулинную природу «отдельного человека». Когда речь заходила об индивиде, имелся в виду мужчина, но никак не женщина. Показательно, что до начала XX в. паспорта выдавались только мужчинам, а женщины, как и дети, вписывались в паспорт мужчины (главы семьи) и не считались отдельными правомочными субъектами. Мужской характер паспорта обусловил некоторые черты этого документа, сохраняющиеся и до сих пор (например, включение в него сведений об отношении к военной службе, отсутствие указания на пол владельца паспорта и др. — см. ниже ч. 1, гл. 1 настоящей книги).

В течение XVIII и первой половины XIX в. шло постепенное обнаружение личных свойств и качеств человека, и лишь к середине XIX в. вполне оформляются представления о личностном, индивидуальном. Параллельно и в тесной связи с этими процессами формировалась традиция определения личности с помощью соответствующих документов (история бюрократии во многом определяется разработкой практик идентификации). Не будет преувеличением сказать, что в этом движении к личности паспорт сыграл весьма существенную и еще не вполне оцененную роль[7].

Само слово «паспорт», скорее всего, означало в Средние века разрешение на проход через городские ворота[8]. Слово утвердилось в российском обиходе лишь с начала XVIII в., но это не значит, что подобного рода документов не существовало. Для передвижения иностранцев (прежде всего купцов) внутри России выдавались *проезжие и прохожие грамоты*[9]. Их использование фиксируется в конце XVI — нач. XVII в., а официально они были введены петровским указом 1719 г. Содержали они, как правило, следующие сведения: *имя (прозвание), откуда выехал, куда направляется, звание (занятия), сведения о членах семьи, которые ехали вместе с ним*[10].

---

7 *Байбурин А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сб. ст. к 70-летию Валерия Александровича Тишкова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 533–555.

8 Вероятно, из голл. *paspoort* или нем. *der Pass* от фр. *passeport* (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 213).

9 Право выдавать такие грамоты сперва принадлежало великому князю, а позже (XVI — первая пол. XVII в.) — Приказам (Посольскому, Иноземскому, Сибирскому, Разрядному и др.). После выхода Уложения 1649 г. их могли выдавать и воеводы, «дабы не чинить препятствий торговле».

10 *Романова С. Н., Глуховская И. И.* Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917 г.) // Вестник архивиста. № 46–50. 1998–1999. (http://www.iot-ekb.ru/ukaz_gen.htm#G068 — Дата обращения: 17.04.2017).

Сведения, указываемые в проезжих грамотах для иностранцев, явились, видимо, образцом для проезжих грамот и российских подданных. По Уложению царя Алексея Михайловича (1649 г.) каждый подданный, отправляющийся за границу, обязан иметь Проезжую грамоту, которая должна выдаваться воеводами без промедления (гл. 6, ст. 2). За самовольную отлучку виновника ждало весьма суровое наказание, вплоть до смертной казни, если поездка была предпринята «для измены, или для иного какова лихого дела»[11] (ст. 3)[12].

Во всех подобных документах указывались: *имя, фамилия (отчество); звание (род занятий); место жительства, откуда и куда направляется.* Строго говоря, имя и звание (род занятий) не обеспечивали возможности установления личности, поскольку эти сведения не являются уникальными ее признаками. Они направлены скорее на презентацию человека, чем на возможность его определения. И не случайно уже в самых ранних «удостоверениях личности» особенно тщательно прописывается место постоянного жительства. По сути дела, только сведения о нем обеспечивали возможность проверки и установления соответствия между данными документа и его предъявителем.

Итак, документами, удостоверяющими личность, снабжались «чужие» или те, кто едет на чужбину. Между тем, среди «своих» существовала категория «незнаемых» людей, к числу которых стали относить беглых холопов, бродяг и нищих. Нужно сказать, что их неустанное преследование становится одним из наиболее важных стимулов совершенствования учета и контроля над передвижением населения на всех этапах существования паспортной системы. В качестве прообразов будущих «внутренних» паспортов можно рассматривать так называемые *отпускные (отпустные) грамоты,* выдававшиеся отпускаемым на свободу холопам[13]. Служили они не для пересечения границ, а для возможности передвижения внутри государства, т. е. в качестве разрешительных документов. Судебник 1497 г. законодательно закрепил порядок выдачи отпускных грамот.

---

11 Здесь и далее сохранены особенности пунктуации и орфографии оригинала в той мере, в какой это необходимо для адекватной передачи содержания цитируемого текста и стиля эпохи.

12 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). I. Т. 1. № 1. Уложение. Гл. VI (с. 8).

13 Об отпускных грамотах см.: *Панеях В. М.* Указы о холопьих отпускных 50-х гг. XVI в. // Из истории феодальной России: ст. и очерки. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. С. 103–110.

Они могли выдаваться владельцами холопов, а также наместниками, но имеющей полную силу без дополнительного подтверждения признавалась грамота, написанная самим владельцем холопа (ст. 18). Это обстоятельство может свидетельствовать о существовании разных режимов доверия по отношению к подобного рода документам и к инстанциям их выдачи. Грамотами (письмами) стали снабжаться не только отпущенные на свободу холопы, но и зависимые крестьяне для работы в других уездах (ст. 17, 18, 20, 40–43)[14]. С середины XVI в. требование получать отпускные грамоты распространяется и на низшее духовенство. Согласно принятому в 1551 г. «Стоглаву» священники и дьяконы из других епархий могли приниматься на работу только по предъявлении «отпускных грамот», выданных архиереем по прежнему месту службы[15]. Можно сказать, что на этом этапе подобного рода документы свидетельствовали о зависимом положении их владельцев.

В отпускных грамотах, выдаваемых холопам и крестьянам, наряду со стандартными данными (*имя, место жительства*) непременно указывалось, *кто является хозяином* (*платит подати*) и *на какой срок они отпущены*. Собственно носитель грамоты описывался по *принадлежности* своему хозяину. Участившиеся случаи подлогов писем требовали таких сведений о предъявителе письма, которые позволили бы с большей определенностью установить его личность. С этой целью Соборное уложение 1649 г. предписывало обязательно описывать «холопей в рожей и в приметы»[16]. К сожалению, это требование никак не детализируется; тем не менее можно сказать, что с этого распоряжения и начинается описание индивидуальных черт каждого отдельного человека, тех особенностей его физического облика, которые будут использоваться в целях идентификации.

---

14 Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова, отв. ред. тома А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 54–62.

15 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Комментарии / под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л.: Наука, 1987. С. 35–37.

16 В главе «Суд о холопех» Соборного уложения, в ст. 75 говорится: «А которые люди положат в суде на одного холопа две кабалы московские и в книги те обе кабалы записаны, а в рожей и в приметы тот человек сойдется с книгами по одной кабале, а по другой не сойдется, и того спорного человека отдати в холопи по той кабале, по которой он с книгами в рожей и в приметы сойдется, хотя будет та кабала и после тоя кабалы взята, по которой кабале тот холоп в приметы с книгами не сойдется» (ПСЗ. I. Т. I. Уложение. С. 129–130).

К началу XVIII в. уже были выработаны основные представления о том, какие сведения о человеке необходимы для удостоверения его личности. В официальный «портрет» непременно входят имя человека, его звание и место проживания (для зависимых — имя хозяина). Введение в число сведений информации о физическом облике — еще один и весьма значительный шаг к паспорту как к собственно идентификационному документу. Следует еще раз подчеркнуть, что первые подобные документы для «внутреннего пользования» предназначались низшим, зависимым слоям населения.

Считается, что основы современной российской паспортной системы были заложены при Петре I. В Указе от 30 октября 1719 г. впервые упоминается само слово «паспорт» (точнее, «пашпорт») в отношении документа, удостоверяющего личность[17]. Указ был направлен на пресечение распространившихся случаев дезертирства из армии и флота. Само дезертирство стало определяться как нахождение вне службы без оправдательных документов (паспортов) и влекло за собой суровое наказание: «При том же и о том объявляется, что ежели кто <…> где ни будет на пути едущий или идущий пойман, а пашпорта или проезжева или прохожева письма иметь не будет: и такие люди потомуж за недобрых или за прямых воров будут признаваться, и повелено будет их разыскивать, и для того, чтобы никуда без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил, и не ходил; но каждый бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо…»[18].

Нужно сказать, что роль документов, удостоверяющих личность, резко возросла в начале XVIII в. в связи не только с созданием регулярной армии, но и с налоговой реформой — введением единого личного налога взамен многих частных сборов[19]. Указ от 26 июня 1724 г. («Плакат») относился уже ко всему податному населению России[20]. Все те, кто обязан платить подушную подать, могли отлучиться с места своего проживания только с разрешения

---

[17] ПСЗ. I. Т. V. № 3445.

[18] Там же.

[19] С разработкой податной реформы связывается проект снабжения всего населения (и в первую очередь податного) документами для разрешения на уход с места проживания, изложенный в записке неизвестного автора, на которую указал Е. В. Анисимов. Неизвестный автор видел необходимость такой меры в числе прочего и для наведения порядка в государстве. Его идеи были воплощены в «Плакате» 1724 г. и в последующих постановлениях (*Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России в 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. С. 253–255).

[20] ПСЗ. I. Т. VII. № 4533.

должностных лиц, ответственных за сбор налогов (земского комиссара и командира воинской части, расквартированной в данной местности)[21]. Такие разрешительные документы стали называться *пропускными письмами*[22]. Пропускные письма, выдававшиеся на срок до трех лет, должны были обязательно содержать приметы «того, кто отпущен будет».

Паспорт составлялся земским комиссаром и скреплялся полковой печатью того полка, в который шла личная подушная подать получателя паспорта. В паспорт должны были вноситься следующие сведения: *имя, звание, приметы, срок отлучки, откуда и куда направляется*. Всякая самостоятельная миграция зависимого населения строго пресекалась. В частности, всех беглых (*безпашпортных*) предписывалось ловить и ссылать на каторжные работы. За составление подложных отпускных писем следовали вырывание ноздрей и ссылка на каторжные работы. Подобными мерами власть старалась обеспечить необходимую степень надежности документам, удостоверявшим личность.

Однако «воровские» (подложные) письма имели, видимо, широкое хождение. Не случайно через полтора года после «Плаката» Указом Екатерины I от 1 февраля 1726 г. впервые заводится речь о печатной форме паспорта[23]. Переход от рукописной к печатной форме имел значение, которое трудно переоценить, — и дело не только в том, что отпечатанные типографским способом паспорта гораздо труднее подделать, но и в том, что даже при сохранявшемся разнообразии пропускных писем появляется тенденция к единой и общей форме внутреннего паспорта[24]. Кроме того, печатный паспорт означал принципиально иной статус документа — теперь

---

21 Написанные от руки разрешения (*покормежные письма*) на кратковременные отлучки и только в своем уезде (на расстояние до 30 верст) можно было получить от помещика, приказчика или приходского священника.

22 Для иностранцев, желавших остаться после службы в России, были введены *абшиды* (нем. Abshitd — совр. Abschied ‘отставка’). В них указывались: *звание, имя, происхождение, занятие, должность*, а также место выдачи документа, учреждение, выдавшее документ, время выдачи. Скреплялся этот документ печатью и подписями. В абшиде всё писалось по-русски, включая имя владельца. Мотивировалось это необходимостью облегчить чтение документа малограмотными полицейскими чинами, но явно имело и другой смысл: русификация «отставника», укоренение в российской жизни и его самого, и членов его семьи. Традиция русифицированной записи иностранных имен сохранялась и в XIX в.

23 ПСЗ. Т. VII. № 4827.

24 Подробнее о переходе к печатному паспорту см.: *Franklin S.* Printing and Social Control in Russia 1: Passports // Russian History. 2010. № 37. P. 208–237.

уже «государственной бумаги», к которой было совсем другое отношение, чем к рукописной.

Показательно, что для осуществления важнейших в то время реформ (налоговой и армейской), а по сути дела — строительства государства, в качестве действенного инструмента достижения столь разных целей был применен паспорт. Он стал основным средством государственного контроля населения, поскольку воплощал и запрет на самовольные перемещения (без паспорта), и разрешение на таковые для законопослушных подданных. И в дальнейшем все значительные преобразования, совершавшиеся на государственном уровне, так или иначе опирались на паспортную систему. Введение паспортов — один из шагов Петра к созданию бюрократии европейского типа — новой технологии управления. Паспорт должен был стать важнейшим инструментом управления населением России, и он им стал.

О *паспортной системе* (а не просто выдаче разрешительных документов) можно говорить, вероятно, только тогда, когда была налажена система контроля и учета таких документов и их владельцев. Петру принадлежит и создание полиции — того органа, на который «возложена задача следить за наличием паспорта, заниматься его регистрацией, проверкой, отлавливанием беспаспортных. Со своей стороны, полиция получила в паспорте чрезвычайно простой и удобный документ для проверки законопослушности граждан»[25].

Рассмотрим немного подробнее те сведения, которые власть сочла необходимыми для описания человека в документах. Прежде всего указывалось ***имя***, которое в правовой сфере считалось и продолжает считаться основным идентификатором человека. Особенность функционирования имени в российской традиции заключается в том, что у человека было, как правило, не одно имя, а минимум два.

Ситуация двойного именования для России исторически привычна: на протяжении многих веков использовались два имени — крестильное и мирское. Мирское имя, в отличие от крестильного, могло иметь разное происхождение. Чаще всего оно являлось прозвищем, характеризующим именуемого человека[26]. Об этом сви-

---

[25] *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. С. 27.

[26] О прозвищах см.: *Кушкова А.* Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской области) // Антропологический форум. 2009. № 11 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_02_kushkova.pdf — Дата обращения:

детельствует и то обстоятельство, что такое имя человек мог приобрести не сразу после рождения, а несколько позже, когда становились явными те или иные его особенности, — например, при первом пострижении волос, — и дать его могли не только родители, но и «улица». Вместе с тем в роли мирского могло выступать и «календарное» имя (т. е. из святцев). Ср. примеры, собранные Н. М. Тупиковым: Филип Юрий, Лука Овдоким, Михаил, нарицаемый Митяй (Дмитрий), и др.[27]. Такие примеры обнаруживаются и в самое позднее время, в частности в старообрядческой среде: «Александр по паспорту, но по крещению Софроний, Валентина по паспорту, а по крещению Василиса»[28]. В любом случае мирское имя не случайно — оно, как правило, мотивировано либо семейной традицией (например, по имени деда или бабки), либо какими-то свойствами именуемого (в случае прозвища).

В исследованиях по исторической антропонимике постоянно отмечается, что «уличные» имена были настолько распространены (вплоть до конца XIX в.), что «даже казенные документы конца XIX в. вынуждены были использовать их — иначе немыслимо бывало разобраться, о ком идет речь. Нередко случалось, что и церковное имя, данное при крещении, оставалось никому не известным, а в быту и даже во всех документах значилось только другое имя»[29]. Устойчивость двойного именования можно, вероятно, объяснить не только традицией, но и тем, что крестильные и мирские имена имели разные функции: крестильные объединяли носителя со всеми носителями этого имени, а мирские имели в большей степени различительный характер, хотя бы потому, что их список был более разнообразным и принципиально открытым. В любом случае, человек был известен под одним именем — как правило, мирским.

На протяжении десяти веков официальное имя человеку могла дать только церковь. Имя определялось по святцам, причем мальчикам давалось имя того святого, день памяти которого от-

---

17.04.2017); *Schindler N.* The world of nicknames: on the logic of popular nomenclature // Schindler N. Rebellion, Community and Custom in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 48–93.

27 *Тупиков Н. М.* Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен // Записки отд. русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VI. СПб., 1903. С. 75–76.

28 *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе (к работе А. М. Селищева «Смена фамилий и личных имен») // Труды по знаковым системам. 5. Тарту, 1971. С. 492.

29 *Никонов В. А.* Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 23.

мечался на восьмой день после рождения, а девочкам — имя святой, чей день памяти отмечался за восемь дней до рождения. Эта архаическая практика (сохранившаяся у некоторых групп старообрядцев) сменилась обычаем присваивать имя святого, чей день приходился на день рождения или крещения, а нередко и между ними. Так или иначе, имя не выбиралось, а определялось календарной последовательностью поминовения святых, и такой принцип установления имени по «совпадению» не мог не осмысляться в категориях судьбы, доли и т. п. Любопытно, что такая практика установления имен не носила канонического характера и, следовательно, вопреки распространенному мнению, не была обязательной. Тем не менее ей практически безоговорочно следовали представители низших и средних слоев общества (ср. выбор имени Акакия Акакиевича в гоголевской «Шинели»).

Формально церковь, которая на протяжении ряда столетий боролась с народным именником, одержала над ним верх, поскольку только церковное имя с появлением метрических книг в XVIII в. стало считаться официальным и «правильным». К церкви же отошло и право осуществлять контроль над именованием (регистрировать имя и вносить его в метрические книги). Однако переход к закрытому списку имен (святцы), переориентация именования от имени-индекса (прозвище) к имени-символу (имя святого) совершились лишь в официальном пространстве. В реальных практиках обе системы так или иначе уживались.

Возникновение документов и, как следствие, появление паспортного имени означало кардинальное изменение отношения к имени. Оно стало единственным, под которым человек известен в своих отношениях с внешней, официальной сферой. Собственно, и о самой категории официального можно говорить только со времени появления документного (единственного) имени. Не случайно введение паспортного имени повлекло за собой необходимость создания системы персональной документации, что было реализовано в метрических записях (см. ниже).

С распространением документов возникло противопоставление устной и письменной формы имени, которые разительно различаются не только по своей форме, но и в плане бытования. Устное имя изменчиво, подвижно, предрасположено к трансформациям, в то время как письменное (документное) стремится к стабильности и неизменному воспроизведению. Можно сказать, что с этих пор для имени существуют две реальности — устная и письменная

(документная). Вторая, разумеется, считается более достоверной хотя бы в силу своей фиксированности. Кстати, именно принадлежность имени к документной реальности делает возможным его официальное изменение. Документное имя — всегда полное, как правило, не использовавшееся в повседневном общении, и уже эта особенность прагматики имени создавала определенный разрыв в восприятии двух практик именования, а включение в состав официального именования отчества и фамилии лишь подчеркивало специфику документного портрета человека, его нарочитую искусственность.

О составе полной именной формулы, которая состоит из трех частей (имени, отчества и фамилии), необходимо сказать несколько слов. ***Отчество*** в официальных документах становится компонентом полного имени лишь с петровского времени. Собственно, с тех пор можно говорить об идентификационном смысле отчества, которое является указанием на ближайшего родственника по мужской линии — отца. Разумеется, и прежде оно могло использоваться в целях идентификации, но к нему прибегали либо для прояснения родственных отношений, либо для отделения от другого лица в случае совпадения имен. При Екатерине II были узаконены разные формы отчества. В вышедшей в годы ее правления «Чиновной росписи», составленной в соответствии с петровской Табелью о рангах, указывалось, что особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на *-вич*, с шестого по восьмой — именовать полуотчествами, всех же остальных — только по именам. Таким образом, отчество стало (как, впрочем, и было) знаком социального статуса: именно по отчеству можно было судить, к какому слою населения относится человек. Введение отчеств для всех слоев населения имело существенный социальный эффект: единая и общая именная формула не могла не восприниматься как своего рода знак социального равенства.

Появление отчества в составе документных реалий означало не только бóльшую полноту описания личности, но и отход от практик повседневного именования, где отчество использовалось только в особых случаях или в специальных регистрах общения. Тем самым документы создавали параллельную реальность. Принцип происхождения (а отчество ориентировано на его реализацию) является важнейшим для ранних идентификационных документов (ср. «социальное происхождение» и особенно «национальность», о которых речь пойдет ниже).

Фамилии (как указание на принадлежность семье, роду) в разных социальных слоях появляются в разное время. Начиная с XVI в. их приобретают представители высших слоев (боярство и дворянство). В XVII–XVIII вв. фамилии появляются у служивых и торговых людей[30]. Духовенство стало наделяться фамилиями лишь с середины XVIII в. В середине XIX в. и особенно в пореформенное время фамилии получают крестьяне. В 1888 г. был издан сенатский указ об обязательном наличии фамилии и необходимости ее указания в документах, но и через десять лет (по данным переписи 1897 г.) лишь около 25 % населения России имело фамилии. Процесс обретения фамилий затянулся до 30-х[31], а у народов Средней Азии и Кавказа — и до начала 40-х годов прошлого века[32]. Вместе с фамилией документная реальность получила еще одну свою специфическую черту, которая скоро выйдет за рамки документов, но сохранит память о своем начальном контексте, — называние человека по фамилии в повседневном общении и сейчас нередко отсылает к официальному регистру[33].

Само указание полной именной формулы имело серьезный социальный эффект: представители разных сословий оказались формально уравнены в плане именования в документной сфере, но социальная окрашенность имен никуда не делась, и они попрежнему указывали на социальное происхождение, которое считалось настолько значимой чертой официального портрета, что всегда указывалось в бумагах.

Полное паспортное именование (в отличие от одного имени) давало двойной эффект: оно не только выделяло данного человека и отделяло его от других, но и связывало (через отчество и фамилию) с определенным кругом родственников (семьей, родом). Тем самым появлялась возможность говорить как о его принадлежности этому кругу, так и о его происхождении (месте в генеалогическом пространстве). Эти два принципа (принадлежность и

---

30 *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 16.

31 Об истории именования см.: *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во МГУ, 1969; *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии…

32 В качестве примера можно привести «Проект Закона о порядке присвоения постоянных (наследственных) фамилий гражданам Туркменской ССР», датируемый нач. 1940 — апрелем 1941 г. (подробнее см. в разделе «Графа "Фамилия, имя, отчество"»).

33 Разумеется, не во всех случаях. В дружеском общении обращение по фамилии встречается довольно часто.

происхождение) будут иметь особое значение для формирования паспортного портрета.

Возраст (*лета*) владельца начинает отмечаться в идентификационных документах с введением метрических книг, которые стали вестись после распоряжения 1722 г. («Прибавление к Духовному регламенту») об обязательном ведении метрических книг во всех православных церковных приходах Российской империи. Однако потребовалось несколько указов Синода (1724, 1779 гг. и позже), чтобы метрические книги приобрели единообразный характер (окончательный формуляр был утвержден лишь в 1838 г.). Они состояли из трех частей (записи о рождении, браке и смерти) и заполнялись тем священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода. Запись о рождении включала следующие сведения: *дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедание родителей и крестных родителей, законность или незаконность рождения*. Требование обязательного ведения метрических записей было распространено и на другие конфессии: для лютеран с 1764 г., для католиков с 1826 г. (реально они велись с 1710 г.), мусульман — 1828 г., иудеев — 1835 г., раскольников — 1874 и баптистов — 1879 г. Регистрация рождений, браков и смертей многих так называемых малых народов Сибири и Средней Азии практически не велась, хотя эта задача и была возложена на полицию и местную администрацию. Например, в Туркестане эти записи должны были вести «народные судьи» (муллы). До 1905 г. метрические книги раскольников и сектантов велись полицией[34].

Записи метрических книг, а позже — актов гражданского состояния стали элементами фундамента, на который опиралась паспортная система и ее способность быть на деле идентификационной системой, поскольку хранившиеся в этих записях данные

---

[34] О метрических книгах см.: Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Акты гражданского состояния в Царстве Польском / сост. Л. П. Новиков, под ред. прот. Н. А. Каллистова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907; *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 15–28; № 5. С. 26–39; *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М.: РГГУ, 2006. О регистрации мусульманского населения России см.: *Усманова Д.* Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 106–153; еврейского населения см.: *Avrutin E.* Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010.

(и в частности, сведения о рождении) являлись определяющими в процедурах идентификации. Сведения о возрасте становятся необходимыми не только для идентификации (входят в графу «Приметы»), но и для определения статуса военнообязанных.

Сведения о ***месте проживания***, на первый взгляд, относятся к числу нейтральных характеристик личности, но со времени возникновения паспорта (и не только российского) они становятся важнейшим пунктом, т. к. сам паспорт выдавался только в случае необходимости перемещений. Казалось бы, паспорта в таком случае способствуют мобильности населения, но в реальности получилось ровно наоборот: они никогда не выдавались всем желающим. Вообще, паспортная система была ориентирована не столько на тех, кому выдавались паспорта, сколько на тех, кому они по тем или иным причинам не выдавались. Человек без паспорта автоматически лишался многих прав, и среди них главного — права на свободное передвижение. Одна из основных функций российской паспортной системы — закрепить человека за местом проживания, ограничивая выдачу паспортов и контролируя его передвижения. Поскольку «место постоянного жительства» становилось юридической категорией, ей была посвящена отдельная статья в Уставе о паспортах (ПСЗ. Т. 14). Для дворян, чиновников, почетных граждан и купцов таковым считалось место службы или занятий, а также место с принадлежащим им недвижимым имуществом. Для мещан и ремесленников местом постоянного жительства считался город, посад и общество, к которому они были приписаны; для крестьян — сельское общество. Те, кто не имел постоянного места жительства, выделялись в особую группу бродяг (беглых, нищих), с которыми во все времена велась борьба. Кроме того, сведения о месте проживания давали возможность проверить другую паспортную информацию и установить ее истинность/ложность (точнее, соответствие предшествующим записям). Следует также иметь в виду, что место проживания автоматически указывало на принадлежность местному обществу (общине).

Имя и место проживания становились основными средствами индивидуализации человека (и до сих пор считаются таковыми), в то время как ***сословная принадлежность*** (а также введенные позже *вероисповедание* и *национальность*) выступали в качестве средств категоризации, т. е. распределения населения по отдельным социальным категориям, которым приписаны разные права (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство). Можно сказать,

что подобные категории вводились с целью создания своего рода ранжирования различных групп населения, поскольку основаны на неравном статусе этих групп. Паспорт фиксировал принадлежность владельца к одной из уже имеющихся групп либо создавал и закреплял классификационные инновации (как это произойдет с категорией «национальность» — см.: ч. 2, гл. 1). Для удостоверения личности вполне достаточно имени и места проживания, но паспорт никогда не был просто удостоверением личности. С самого начала своего функционирования он становится одним из основных инструментов утверждения социальной структуры населения.

Указание на сословную принадлежность (*звание, занятия*) в идентификационных документах входило в минимальный набор необходимых сведений о человеке и являлось столь же обязательным, как и указание имени. Звание считалось своего рода «врожденной» характеристикой человека (его *породы*), навсегда закрепленной за ним, и определялось по происхождению (кем были родители и глубже — предки). Лишь с появлением возможности перехода в другое сословие (такую возможность в послепетровское время давало достижение определенных чинов по службе, а кроме того — образование и почетное гражданство) отношение к этой характеристике начинает меняться. Но в любом случае указанием на социальное положение утверждалась и подтверждалась актуальная или создаваемая (как это будет позже) социальная стратификация общества[35].

Одним из существенных шагов на пути к созданию и функционированию паспорта как идентификационного документа было введение в число необходимых сведений информации о физическом облике — графа «***приметы***». Указанное в Соборном уложении 1649 г. требование описывать «холопей в рожей и в приметы» было затем детализировано. В «пропускных письмах» петровского времени требовалось «описывать того, кто отпущен будет, рост, лицо и непременно приметы». В «Уставе о паспортах и беглых»[36], из-

---

[35] О сословном распределении населения России по данным переписи 1897 г. см.: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905 (табл. VIII: Распределение населения по сословиям и состояниям).

[36] «Устав о паспортах и беглых» представляет собой кодифицированное собрание паспортных правил, вышедших почти за два века, после опубликования Соборного уложения 1649 г. Законы о паспортах изданы в XIV томе «Свода законов Российской империи» (1832).

данном в 1832 г., указывались следующие приметы: *лета, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок, лицо, особые приметы*. Однако к началу XX в. (в «видах на жительство» и «паспортных книжках») остались лишь *рост, цвет волос* и *особые приметы*. Любопытно, что из этого списка исчезли глаза, хотя их цвет невозможно изменить, а цвет волос можно. Это еще один пример недостаточной мотивированности выделяемых признаков идентификации, их весьма условного отношения к референту. Идентификационный акцент был перенесен на другие сведения, в частности на подпись (см.: ч. 2, гл. 1).

В правление Елизаветы в печатные паспортные бланки была введена деталь, имевшая, казалось бы, чисто технический смысл: год выдачи паспорта не печатался вместе с бланком, а проставлялся от руки во время его получения.[37] Тем самым было введено характерное для современных паспортов (и шире — документов) сочетание печатного и рукописного, позволившее расширить возможности их использования. Вообще нужно сказать, что техническая сторона функционирования паспортов последовательно совершенствовалась — в 1798 г. сенатским указом были введены бланки для разных типов паспортов в зависимости от срока действия (1-, 2-, 3-годичные)[38], а несколько раньше (в том же году) было объявлено о возможности продления срока действия паспортов[39].

Все эти меры были направлены на печатные паспорта, но наряду с ними продолжали действовать различные рукописные формы. Попытки введения печатных паспортов делались и раньше (собственно с Указа Екатерины I от 1 февраля 1726 г.), но не приводили к желаемому результату. Основных причин две: дороговизна печатных бланков и сложность их приобретения. В результате они с трудом входили в практики использования. Александр I в 1803 г. вновь обратился к проблеме многообразия форм паспортов. Было велено выдавать купцам, мещанам и крестьянам не просто паспорта единой формы, но непременно печатные[40]. Введение обязательных печатных бланков снова мотивировалось необходимостью сокращения числа подделок, но, очевидно, дело было не только в этом. Единообразие утвержденных форм документа сви-

---

[37] ПСЗ. I. Т. XIII. № 9658.
[38] Там же. Т. XXV. № 18668.
[39] Там же. № 18600.
[40] Там же. Т. XXVII. № 20595.

детельствовало о другом, гораздо более высоком уровне государственной бюрократии, которая постепенно устанавливала теперь уже полный контроль над правом выдачи паспортов и, следовательно, установлением личности.

При Екатерине II с помощью паспортов были закреплены за отведенными им местами переселенцы из европейских стран (колонисты). Возникшая после разделов Польши «еврейская проблема» тоже решалась испытанным средством: паспорта выдавались только для перемещений внутри черты оседлости. К уже имеющимся функциям паспорта (пополнение армии, полицейский контроль и обеспечение сбора налогов) Екатерина добавила еще одну — фискальную. Манифестом от 15 декабря 1763 г. она вводит «паспортный сбор», который различался в зависимости от срока действия паспорта (от одного года до трех лет)[41].

В начале XIX в. одним из указов (от 23 октября 1805 г.) велено публиковать в официальных «Ведомостях» заявления об утраченных паспортах, а также давать информацию о беглых «безпашпортных людях»[42]. Функционирование паспортов приобретало все более регламентированный характер. В число обязательных сведений о владельце паспорта (а им, напоминаю, мог быть только мужчина) с 1812 г. вводился новый пункт — о ***семейном положении*** (*состоит или состоял в браке*) в единообразных терминах: *женат, вдов,* а если вдов, то *после какого брака.* Мотивировалось это заботой о соблюдении правил церковного брака (при длительном отходничестве наблюдались случаи двоеженства)[43]. Введение этих сведений означало и расширение круга лиц, которые подлежат учету, — в паспорт стали вносить сведения о жене и детях.

При Николае I продолжилось расширение круга данных, необходимых для удостоверения личности. В формулярные списки чиновников и их «увольнительные виды», служившие для них паспортами, вводится графа ***«вероисповедание»***. Обращает на себя внимание, что новые пункты содержали информацию, которую невозможно проверить вне места постоянного жительства, но позволявшую более надежно устанавливать «личность» в случае проведения процедуры опознания, поскольку и семейное положение, и вероисповедание оформлялись документально. Тем

---

41 Там же. Т. XVI. № 11988.
42 Там же. Т. XXVIII. № 21939.
43 ПСЗ. I. Т. XXXI. № 24902.

самым паспортные сведения увязывались с другой документированной информацией о человеке. Но это, можно сказать, побочные технические эффекты. Графа «вероисповедание» вводится для других целей, и прежде всего — чтобы расклассифицировать население еще по одному признаку. Эта классификация была проецирована на неравный статус конфессий в империи. До принятия Закона от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»[44] они делились на три группы: 1. государственная вера (православие), 2. терпимые веры (католики, протестанты, мусульмане, иудаисты, буддисты, язычники), 3. нетерпимые (такие секты, как духоборы, молокане, иудействующие, а в разное время и раскольники).

Естественно, такая ситуация давала возможность власти рассматривать вероисповедание в качестве одного из удобных инструментов внутренней политики — выстраивания нужной иерархии конфессий и ее использования в своих целях. Особая роль придавалась вероисповеданию в идентификационных стратегиях. На вопрос «Кто вы?» крестьяне и обыватели обычно отвечали двояким образом: либо «мы православные» («мусульмане» и т. д.), либо «мы местные» (псковские, из <такого-то> аула, кишлака и т. д.). Конфессиональная и локальная идентичности были той основой, на которой произрастал имперский патриотизм[45]. При этом особое значение придавалось вероисповеданию, которое выступало в качестве основного консолидирующего фактора. По замечанию В. Соловьева, государство делало из веры национальность[46]. Показательно, что русификация окраин империи конца XIX — нач. XX в. выражалась в числе прочего в строительстве православных храмов и создании православных приходов.

Вплоть до советского времени вероисповедание считалось гораздо более важной характеристикой человека, чем его этническая принадлежность, — не случайно национальность в большинстве документов не указывалась, а если требовалось, то она как бы вычислялась по вере и языку (именно так в случае необходимости поступали с материалами Первой переписи населения Российской

---

44 ПСЗ. III. Т. XXV. № 26125.

45 *Гатагова А. С.* Кристаллизация этнической идентичности в процессе массовых этнофобий в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Религия и идентичность в России. М.: Восточная литература, 2003. С. 82–97.

46 *Соловьев В. С.* Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Философская публицистика. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 244.

империи 1897 г., где не было вопроса о национальности, но были вопросы о вероисповедании и родном языке)[47]. Объясняется это и тем, что важнейшие вопросы жизни человека (например, заключение брака) находились в ведении церкви, ибо не существовало единого для лиц всех вероисповеданий «семейного кодекса». Лицам, принадлежащим к различным конфессиям, для заключения брака требовалось разрешение высшего руководства тех церквей, к которым они принадлежали. В большинстве случаев требовалось принятие единой веры. В этой ситуации документы, содержащие сведения о вероисповедании (в частности, паспорт), служили официальным подтверждением принадлежности к той или иной конфессии.

Во второй половине XIX в. в европейских странах происходит кардинальное изменение отношения к паспортам. По сути дела, речь шла об отмене паспортов. Это было связано с бурным строительством железных дорог и, соответственно, с резким ростом мобильности населения. Паспортная система явно препятствовала процессам модернизации. Кроме того, в печати шло бурное обсуждение прав человека. В результате победила презумпция доверия человеку. Вплоть до Первой мировой войны паспортов в Европе практически не было[48]. На смену паспортной системе пришла легитимационная система, в соответствии с которой гражданин может, но не обязан иметь идентификационные документы. Получение паспорта становится необходимым только при выезде за границу.

В России реакцией на новую ситуацию поначалу было ужесточение паспортного режима. От пассажиров требовалось не только предъявление «видов» (паспортов), но и специальное свидетельство от полиции о том, что с ее стороны нет препятствий для по-

---

[47] О конфессиональной картине империи по данным этой переписи см.: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I: Общий свод по Империи результатов разработки данных... Табл. XII: Распределение населения по вероисповеданиям.

[48] *Torpey J.* The Great War and the Birth of the Modern Passport // Documenting Individual Identity... P. 256–270. Ср.: «В 1850 году на Дрезденской конференции были резко упрощены паспортные правила на территории германских государств, а в 1859 году к этому соглашению примкнула и Австрия. В 1865 и 1867 годах паспортные ограничения в Германии были практически отменены. Паспортные ограничения были уничтожены поэтапно также в Дании — в 1862 и 1875 годах, в Испании — в 1862 и 1878 годах, в Италии — в 1865 и 1873 годах» (*Любарский К.* Паспортная система и система прописки в России // Сайт Института прав человека (http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm — Дата обращения: 17.04.2017)).

ездки, например, из Петербурга в Москву. Это нововведение продержалось недолго, поскольку создавало неприемлемые условия для пассажиров. Власти пришлось пойти на некоторое ослабление паспортного режима, и Александр II отменил предъявление документов при покупке железнодорожных билетов[49].

Для разных категорий зависимого населения устанавливались свои правила и требования по представлению свидетельств о личности, что неминуемо вело к пестроте и неразберихе. Необходимость унификации паспортных правил стала осознаваться уже в XVIII в., но в иерархически выстроенной социальной системе это было заведомой утопией. В 30-е гг. XIX в. все предыдущие указы и постановления, вышедшие после Уложения 1649 г. и касающиеся режима передвижения населения в пределах Российской империи, были сведены в единый «Устав о паспортах и беглых». Они составили весь 14-й том Свода законов Российской империи второго собрания. Проблемы это не решило, но созданный свод позволял хотя бы ориентироваться в этой области.

Первая статья Устава гласила: «Никто не может отлучаться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида, или паспорта» (это положение было установлено еще Петром I). Местом постоянного жительства считалось то, где подданный служит или где находится его владение, либо где он записан в дворянских, городовых или ревизских сказках. Духовенству полагалось жить при храмах и монастырях, купцам — там, где они записаны в обывательских книгах, крестьянам и дворовым — где они записаны в подушный оклад. Дополнительные ограничения вводились по религиозно-этническому принципу. Особые правила проживания касались еврейского населения (статьи 16–38). Евреям разрешалось жить в семи западных губерниях и Бессарабии. Расселение по другим губерниям регулировалось постоянно меняющимися законодательными актами; разрешения чередовались с запретами, как это происходило с расселением в Сибири[50].

[49] *Чернуха В. Г.* Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. М., 2001. № 4 (122). С. 112.

[50] Систематический сборник законов о евреях, составленный Л. М. Роговиным. СПб., 1913; *Романова В. В.* «Евреям приезд и водворение в Сибири строжайше воспрещены» (политика государства в отношении евреев Сибири в XIX в.). Хабаровск: Приз, 2000; *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003.

Дворяне, не состоявшие на государственной службе, могли в качестве паспортов пользоваться грамотами на дворянское достоинство. Для крестьян и мещан существовали три вида паспортов, различавшихся сроком действия и удалением от места постоянного проживания. В отдельные категории выделялись лица духовного звания, монашествующие, раскольники, скопцы и др. Социальная и религиозная дифференциация населения Империи была закреплена в ст. 20 Устава емкой формулой: «Каждое состояние имеет свои особые, законом положенные, виды или паспорта».

Все подданные обязаны были предъявлять паспорта или дворянские грамоты при переезде из одной губернии в другую на городских заставах. По прибытии в конечный пункт следовало представить документы полиции. Нарушители подвергались аресту и высылке на место проживания. Те, кто не мог удостоверить свою личность, обвинялись в бродяжничестве и ссылались в Сибирь «на водворение» (аналогом будет советское выражение «на поселение»). Лицам, находившимся под надзором полиции, в паспорт ставилась красная отметка, свидетельствующая об их неблагонадежности[51]. Все лица, снабженные паспортами, были обязаны предъявлять их в пути представителям власти, а в конечном пункте — зарегистрироваться в полиции. «Дополнительной формой контроля была обязанность домохозяев, пускающих к себе на временное проживание приезжих, сообщать в полицейские органы такие сведения: имя, звание, место постоянного проживания, вероисповедание»[52].

Во второй половине XIX в. стало очевидным, что громоздкая и запутанная паспортная система является сильнейшим тормозом развития России. Александр II создает Паспортную комиссию под руководством С. С. Ланского, целью которой являлось облегчение существующего паспортного режима. Однако слишком многое оказалось завязанным на паспортную систему: социальная стратификация общества, податное законодательство, рекрутский принцип формирования армии и многое другое, не говоря уже о крепостном праве и общинной организации. Серьезная реформа паспортной системы грозила неминуемым потрясением самих основ социальной жизни; тем не менее ее необходимость активно обсуждалась в печати[53].

---

[51] ПСЗ. II. Т. 14. С. 1–102.
[52] *Чернуха В. Г.* Паспорт в Российской империи… С. 116.
[53] Там же. С. 119.

Государственный бюрократический аппарат к этому времени накопил большой опыт документирования личности[54] и в принципе был готов к переменам, тем более что они совершались в других сферах (например, переход от рекрутского принципа формирования армии к призыву, завершившийся к 1875 г.). После реформы 1861 г. особую актуальность приобрели проблемы, связанные с наймом рабочей силы. Впервые заговорили о введении трудовой книжки в качестве замены паспорта для наемных сельскохозяйственных рабочих и прислуги (позже, уже в советское время, эта идея будет реанимирована).

Наконец, в 1894 г. было принято «Положение о видах на жительство»[55], которое стало результатом деятельности Паспортной комиссии под председательством статс-секретаря Д. М. Сольского, начавшей свою деятельность через восемь лет после реформы 1861 г., а также последующей так называемой подготовительной комиссии, которая представила результаты многолетней работы в Государственный Совет. Это Положение затем корректировалось «Уставом о паспортах», принятым в 1903 г., и именным Высочайшим Указом от 5 октября 1906 г., но основные его установки оставались неизменными вплоть до 1917 г.

Показательно само название «вид на жительство», говорящее о том, что человек определялся в первую очередь по месту его проживания, которое он мог покинуть только при наличии соответствующего свидетельства[56]. Вид на жительство считался документом

---

54 Сведения о человеке так или иначе фиксировались во многих документах: метрических книгах, посемейных списках, домовых книгах, обывательских книгах, переписных листах, списках переселенцев, списках приписанных к заводам и фабрикам крестьян, формулярных и послужных списках, ревизских сказках, родословных книгах сословного учета дворян, алфавитных списках дворянских родов, сведениях о лицах, поданных в розыск, и др. Обычно в них указывались имя, отчество, фамилия, место и время рождения, звание, место постоянного жительства и семейное положение.

55 ПСЗ. III. Т. XIV. № 10709. Об истории разработки «Положения» см.: *Ананьич Б. В.* Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1983. С. 34–45.

56 «Вид на жительство — документ полицейского учета населения. <…> Этот документ существовал наряду с паспортами и выдавался в местах постоянного проживания главе семьи, на крестьянский двор. В документ вносились сведения о жене получателя, сыновьях и мужского пола родственниках, приемышах и опекаемых до достижения 18 лет, дочерях до 21 года, лицах преклонного возраста или тех, кто по состоянию здоровья не мог обходиться без посторонней помощи. Лица мужского пола, не достигшие 17-летнего возраста, женского пола, не достигшие 21 года, могли получить отдельные виды на жительство только по просьбе родителей. В этом случае оформлялся отпускной билет.
По закону 1897 г. отдельный вид на жительство мог по распоряжению губернатора, градоначальника или обер-полицмейстера быть выдан жене лица, находящегося

полицейского учета населения и функционировал наряду с паспортами. В соответствии с Положением, лица, проживающие по месту постоянного жительства, не обязаны были иметь паспорта (достаточно было того, что они приписаны к месту, службе или обществу)[57]. Вид на жительство выдавался на крестьянский двор и в него вносились сведения о всех членах семьи[58]. Получение паспорта было необходимо лишь при отъезде далее чем на 50 верст от уезда и дольше чем на 6 месяцев. Паспорт стал выдаваться лицам не только мужского пола (в 18 лет), но и женского (в 21 год), однако женщинам паспорт мог быть выдан лишь с разрешения мужа или отца. Дети, не достигшие совершеннолетия, вписывались в паспорт отца[59].

Поскольку паспорт требовался только за пределами места постоянного жительства, было уточнено это понятие. Таковым для дворян, чиновников, почетных граждан и купцов признавалось место, где они работали или состояли на службе, а также место (или места), где они имели недвижимое имущество. Для мещан и ремесленников местом жительства считался город, посад, где они проживали, и более конкретно — «общество», к которому были приписаны; для крестьян — сельское общество, где они платили подати и поставляли военнообязанных[60].

Менять постоянное место жительства могли все категории населения, кроме податных сословий. Ограничения оставались для еврейского населения (проживание в «черте оседлости»), цыган, а также лиц, судимых и находящихся под надзором полиции. При необходимости паспорта выдавались даже тем, кто отбыл наказа-

---

в безвестном отсутствии, страдающего умопомешательством, или по другим причинам. Не отделенным членам крестьянских семейств, даже совершеннолетним, отдельный вид на жительство мог быть выдан только с согласия хозяина крестьянского двора или по распоряжению земского начальства (мирового посредника). В учреждениях хранились дубликаты этих документов.

Примечание. Раскольникам вместо вида на жительство выдавались свидетельства: фамилия, имя, отчество, место жительства, родственники, проживающие с ним» (*Романова С. Н., Глуховская И. И.* Указатель видов документов…).

57 В то же время паспорта обязаны были иметь рабочие фабрик, заводов и горных промыслов, на которые распространялись правила о надзоре, даже если они работали по месту проживания.

58 «Положение» давало возможность поставить учет населения на новый уровень, что проявилось в проведении первой всеобщей переписи населения Российской империи по состоянию на 9 февраля (28 января) 1897 г. (по принципу синхронного однодневного среза), которая и до сих пор считается образцовой.

59 Только с 1914 г. (в связи с войной и призывом мужчин на фронт) замужним женщинам стали выдавать паспорта без разрешения мужчин.

60 *Чернуха В. Г.* Паспорт в Российской империи… С. 162.

ние, но с некоторыми условиями: они могли получить паспорта только с разрешения полиции, в них делалась отметка о судимости и ограничивались места проживания[61]. Если полиция сомневалась в достоверности предъявляемых документов, она могла провести процедуру идентификации личности с привлечением показаний третьих лиц.

В качестве паспортов функционировали разные документы, предназначавшиеся разным категориям населения. Дворяне, офицеры, почетные граждане, купцы и разночинцы могли получить бессрочные *паспортные книжки*. Представители податных сословий (мещане, ремесленники и сельские обыватели) получали документы с ограниченным сроком действия. Пятилетние *паспортные книжки* выдавались тем, кто не имел задолженностей по сборам и платежам. *Паспорта* на срок до одного года выдавались независимо от наличия задолженностей. Наконец, *виды на отлучку* сроком до одного года выдавались пострадавшим от неурожая, пожара, стихийных бедствий. Таким образом, тип выдаваемого удостоверения не только свидетельствовал о сословном статусе, но и являлся своего рода характеристикой обладателя.

С 1903 г. на основе «Устава о паспортах» гражданам России выдавались виды на жительство с разными сроками действия. Отмена в том же году принципа круговой поруки «общества» за уплату налогов привела к тому, что Министерство финансов утратило интерес к паспортной системе. С этого времени главным и единственным ведомством, ответственным за функционирование паспортной системы, становится Министерство внутренних дел. Именно в недрах Департамента полиции усилиями Комиссии И. Н. Дурново был подготовлен проект, предусматривающий необязательность паспорта. В 1905 г. эта идея не нашла поддержки, но через 10 лет созданное при Департаменте полиции Совещание под руководством его вице-директора К. Кафафова вернулось к идее превратить наличие паспорта в право, а не в обязанность. Предполагалось, что каждый гражданин получит возможность

---

[61] По ироничному замечанию В. Попова, «Существовавший в Российской империи паспортный режим позволял даже революционерам после отбытия наказания за особо опасные преступления не только не чувствовать себя в обществе изгоями, но и жить в сносных, человеческих условиях, менять местожительство, продолжать заниматься революционными делами и дальше, выезжать за границу. Многие злоупотребления были тогда связаны именно с излишней либерализацией паспортного режима» (*Попов В. П.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 198).

«всеми доступными для него способами доказывать свою самоличность», однако прежде нужно было решить старые проблемы с евреями, цыганами, разъездными торговцами, нищими[62]. Война и революция отменили все планы.

В последние два десятилетия Российской империи основным документом, удостоверяющим личность, была «паспортная книжка». В это удостоверение включались следующие сведения о владельце книжки:

1. Имя, отчество, фамилия;
2. Звание;
3. Время рождения или возраст;
4. Вероисповедание;
5. Место постоянного жительства;
6. Состоит ли или состоял ли в браке;
7. Отношение к отбыванию воинской повинности;
8. Документы, на основании которых выдана паспортная книжка;
9. Подпись владельца книжки;
   Если владелец книжки неграмотен, то его приметы:
   рост,
   цвет волос,
   особые приметы;
10. Лица, внесенные в паспортную книжку на основании ст. 9 или 10 положений о видах на жительство (жена, дети);
11. Перемены, произошедшие в служебном, общественном или семейном положении владельца книжки, а равно лиц, числящихся в книжке.

Кроме того, в паспортной книжке указывались все необходимые реквизиты (кем выдана, когда, регистрационный номер, подписи, печать).

Как видим, паспортная книжка стала полноценным документом, включенным в общую систему документооборота[63].

Обращает на себя внимание неуклонное расширение круга персональных сведений, требовавшихся государственным органам для описания человека. К стандартным пунктам (*имя, отчество, фамилия; звание; место постоянного жительства*) добавились:

---

[62] См.: *Чернуха В. Г.* Паспорт в Российской империи… С. 128.

[63] Этим же указом от 5 октября 1906 г. крестьянам предоставлялись одинаковые с другими сословиями права и, в частности, свободный выбор места проживания.

— 2 —

Владѣлецъ книжки:

1. Имя, отчество, фамилія: Иванъ Ивановичъ Костырко

2. Званіе:

3. Время рожденія: 4 Января 1894 г.

или возрастъ:

— 3 —

4. Вѣроисповѣданіе: Православные

5. Мѣсто постояннаго жительства:

6. Состоитъ ли или состоялъ ли въ бракѣ: Женатъ

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА.

Безсрочная

№ 665

Выдана Волынской волостной Земской управой Сосницкаго у. Черниговской губерніи тысяча девятьсот восемнадцатаго года Декабря мѣсяца 3 дня

Ивану Ивановичу Костырко

Паспортная книжка образца 1906 г. (Государственный музей политической истории)

7. Отношеніе къ отбыванію воинской повинности:

8. Документы, на основаніи которыхъ выдана паспортная книжка:

Посемейнаго списка № 528

[illegible]

Кузнечная [illegible]

дом 102 к 10

[illegible]

до 33 к 3

[illegible]

9. Подпись владѣльца книжки:

Иван [illegible]

Если владѣлецъ книжки неграмотенъ, то его примѣты:

Ростъ:

Цвѣтъ волосъ:

Особыя примѣты:

10. Лица, внесенныя въ паспортную книжку на основаніи ст. 10 и 11 Устава о паспортахъ:

ПАСПОРТЪ

*) Председатель [illegible]

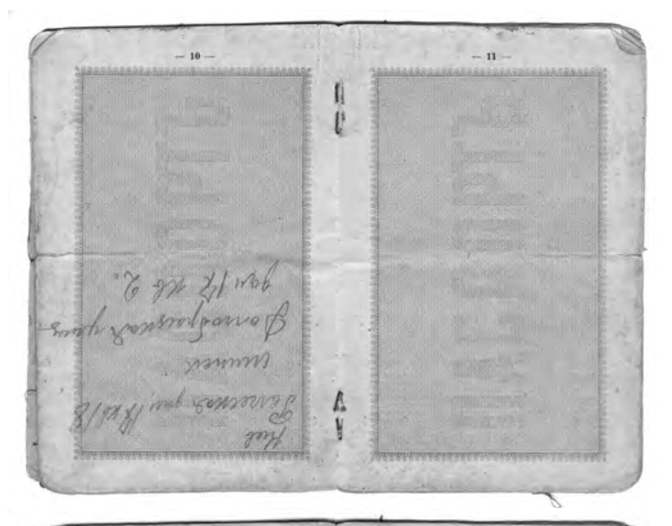
Управы [illegible]

Секретарь [illegible]

*) Мѣсто для печати Учрежденія, или мѣсто [illegible] выдавшаго.

*) Пунктиръ означаетъ мѣсто для подписи лица, выдавшаго книжку.

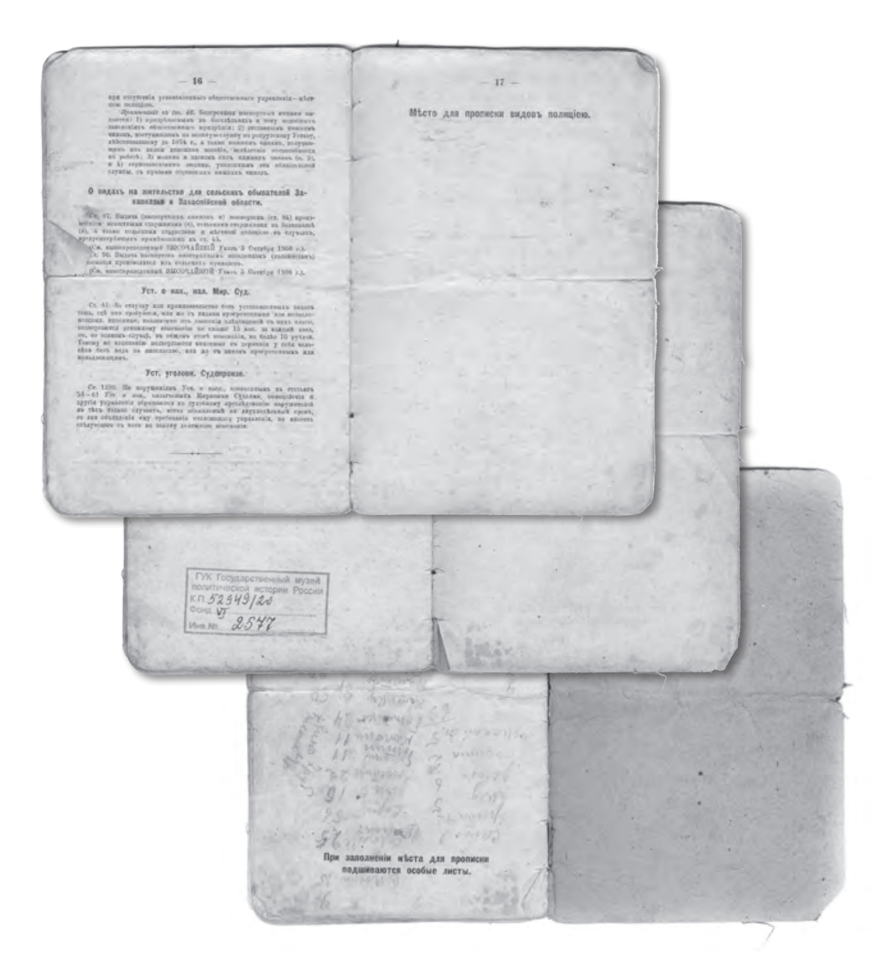
11. Перемѣны, происшедшія въ служебномъ, общественномъ или семейномъ положеніи владѣльца книжки, а равно лицъ, числящихся въ книжкѣ:

Уставъ о паспортахъ (изд. 1903 года).

Именной ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ 5-го Октября 1906 года объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній.

Уставъ о паспортахъ (изд. 1903 года).

— 16 —

[illegible]

О видахъ на жительство для сельскихъ обывателей Закавказья и Закаспійской области.

[illegible]

Уст. о нак., нал. Мир. Суд.

[illegible]

Уст. уголовн. Судопроизв.

[illegible]

— 17 —

Мѣсто для прописки видовъ полиціею.

ГУК Государственный музей политической истории России
К.П. 52949/22
Фонд VI
Инв.№ 2547

При заполненіи мѣста для прописки подшиваются особые листы.

время рождения или возраст, вероисповедание, семейное положение, отношение к воинской повинности. Другими словами, человек стал видеться несколько иначе и к нему стали подходить с новыми мерками. Значимыми становятся его *возраст* и *конфессиональная принадлежность*. Социальный статус стал включать не только *звание* или *занятия* (дворянин, крестьянин, мещанин и т. д.), но и семейное положение, которое характеризуется как указанием на брачные отношения, так и тем, что в паспортную книжку вносятся сведения о жене и детях. «Мужской» характер удостоверения подчеркивается графой *отношение к отбыванию воинской повинности.*

Неожиданно «нагруженной» становится *подпись* владельца книжки. Во-первых, ее наличие свидетельствовало о грамотности. Во-вторых, подпись становилась своего рода альтернативой визуального образа человека — в случае ее отсутствия требовалось указание его примет (*рост, цвет волос, особые приметы*).

Принципиально важным с точки зрения достоверности приводимых данных и возможности их проверки становится пункт о *документах, на основании которых выдан паспорт* (метрические книги, посемейные списки и др.). Впервые в истории России появилась возможность говорить о полноценной паспортной системе — далеко не совершенной, но исправно функционирующей.

Если окинуть взглядом историю формирования паспортного портрета человека дореволюционной России, то картина примерно такова: вплоть до начала XX в. идет постепенное наращивание числа признаков, считавшихся необходимыми для удостоверения личности. Наиболее полный вариант представлен в паспортной книжке образца 1906 г. Сведения, с помощью которых описывалась «личность», можно условно представить в виде трех блоков. В первый входят первичные персональные данные, такие как *имя, место и время рождения, приметы, подпись.* Именно эти сведения считались необходимыми для идентификации личности.

Второй блок составляют собственно социальные характеристики: социальная принадлежность (звание), вероисповедание. Эти сведения в разное время становились необходимыми властям для того, чтобы включить человека в ту или иную актуальную или конструируемую категорию населения. В основе категоризации лежал принцип принадлежности той или иной группе населения, обладающей определенными правами. Такая категоризация была необходима не только для контроля и управления, но и для реализации идеологических и политических проектов. Именно эти сведения легли в основу паспортной системы (разные паспорта для разных категорий населения).

Сведения третьего блока характеризуют человека как субъекта правовых отношений: семейное положение, отношение к воинской обязанности и, наконец, подданство.

Общий набор паспортных сведений давал возможность осуществления двух режимов наблюдения за человеком: «вблизи» (при непосредственном общении) важны первичные персональные данные, индивидуализирующие обладателя паспорта; «издали» (например, в статистических отчетах) человек видится в качестве элемента некоего целого — социальной, конфессиональной общности, государства.

Таков был круг сведений о человеке, который станет основой для советского паспорта.

Глава 2.
Пятнадцать лет без паспорта

Свое отношение к сложившейся в России паспортной системе В. И. Ленин выразил еще в 1903 г., находясь в Лондоне. В брошюре «К деревенской бедноте» он писал: «Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения? Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земской начальник не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько еще закрепощен чиновником, что не может свободно перевестись в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали самовольных переселений: губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик — дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом, когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами?»[64] Эти слова будущего вождя революционного пролетариата приводятся каждый раз, когда речь заходит о начальном этапе создания нового законодательства.

Через считанные дни после октябрьского переворота паспортная система Российской империи была фактически объявлена недействительной. 11 (24) ноября 1917 г. был обнародован Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»:

> Ст. 1. Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.
>
> Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования

---

[64] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во политич. л-ры, 1967. С. 169.

гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики[65].

Поскольку паспортная система основывалась на сословном делении (для разных сословий существовали разные правила учета и разные «виды на жительство»), декрет, упразднив сословия, положил начало уничтожению прежней паспортной системы. При этом разрушение паспортной системы происходило именно тогда, когда динамика перемещений населения (вследствие войны и революционных потрясений) была наиболее высокой, то есть когда и второй принцип (закрепленности человека за определенным местом) перестал работать. В результате прежняя паспортная система (а с ней и вся система учета и контроля населения империи) перестает действовать. Вместе с тем паспорта и другие документы, выданные в прежнее время, еще долго будут функционировать в новых условиях[66].

Фактически объявив недействительной внутреннюю паспортную систему, новая власть первым делом озаботилась возведением барьеров между Советской Россией и остальным миром. Уже 2 декабря 1917 г. было издано постановление Народного комиссариата иностранных дел о «визации паспортов» при въезде в РСФСР[67]. Отныне в пределы Советской России допускались лишь лица, имевшие паспорта, которые были заверены единственным в те дни советским представителем за рубежом Вацлавом Воровским, находившимся в Стокгольме. Тремя днями позже нарком НКВД Григорий Петровский распорядился о запрещении «впредь до дальнейших распоряжений» выезда из РСФСР граждан воевавших с Россией государств без разрешения местных Советов[68].

Как писал Юрий Фельштинский, исследовавший историю закрытости советского государства, «это была робкая и осторожная поступь неопытной советской власти. К концу декабря 17-го она изобрела общие положения о въезде и выезде, да такие, каких не

---

65 Декреты Советской власти. Т. I. М.: Политиздат, 1957. С. 72.

66 *Байбурин А. К.* Из предыстории советского паспорта // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 140–154.

67 Собрание Узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1917–1918 гг. М.: Управление делами СовНарКома СССР, 1942. С. 78. Постановление НКИД от 2 декабря 1917 года за подписью Троцкого «О визации паспортов при въезде в Россию».

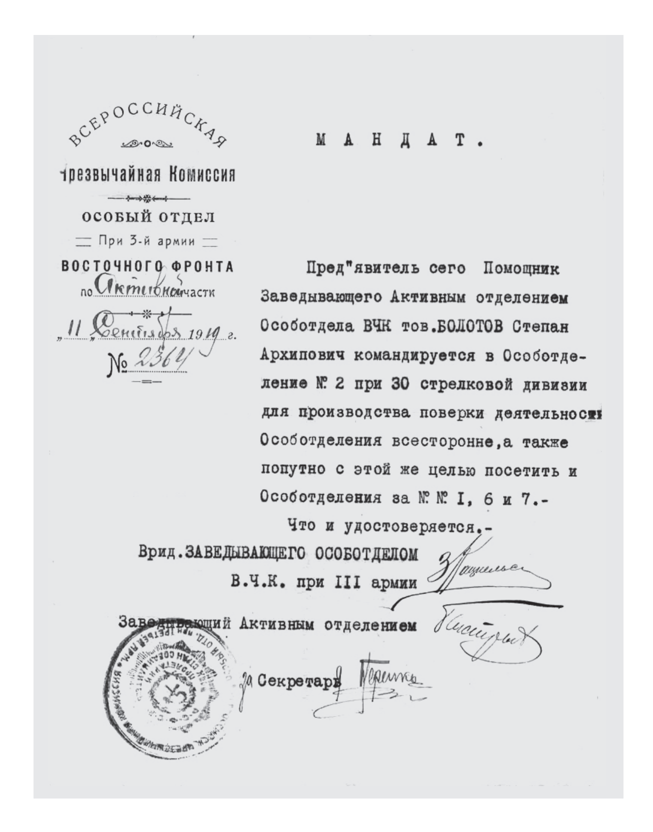
68 Там же. С. 89. Постановление от 5 декабря 1917 года за подписью наркома НКВД Петровского.

знала еще ни Россия ни Европа. Здесь были одновременно и паспорта с фотографиями, и надлежащие печати, и специальные разрешения со специальными подписями, специальные же представители НКВД и НКИД; здесь предусматривались обыски и личные осмотры для всех, включая женщин, стариков и детей (лишь для дипломатов, в соответствии с международными нормами, делались исключения)»[69].

Ситуацию внутри России в течение первых лет после революции вряд ли можно характеризовать иначе, чем полный развал и неразбериха в учете перемещений огромных масс населения (переселенцев, беженцев, эмигрантов). У многих не было никаких документов, подтверждающих их личность. Главному управлению рабоче-крестьянской милиции пришлось даже выпустить специальный циркуляр «О лицах, задерживаемых за “бесписьменность”». Он был адресован всем заведующим губернскими управлениями милиции:

> Ввиду неоднократного поступления в Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции запросов о том, как поступать с лицами, задерживаемыми за «бесписьменность», Главное управление советской милиции предлагает применять для руководства следующее:
>
> При царском режиме паспорта служили только видом на жительство (ст. 1 Устава о паспортах), благодаря чему происходили различные стеснения для населения в отношении свободного передвижения при искании заработка и т. п. В настоящее время при признаваемой Советской властью свободе передвижения граждан паспорт или другой вид на жительство (например, трудовая книжка) может служить лишь удостоверением личности и никто не должен ни в коем случае подвергаться репрессиям и личному задержанию за «бесписьменность» при условии, если он не принадлежит к контрреволюционным элементам и если за ним не числится неотбытых уголовных наказаний, и не имеется налицо констатированного уклонения от военной службы. В противном случае лицам, не имеющим письменного удостоверения личности, милицией беспрепятственно должны выдаваться им таковые, по представлении об их личности соответствующих доказательств, не исключая и свидетельских показаний[70].

[69] *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. М., 1991. С. 7.
[70] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 15. Д. 1А. Л. 38.

ВСЕРОССИЙСКАЯ
Чрезвычайная Комиссия
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
При 3-й армии
ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
по Активной части
„11" Сентября 1919 г.
№ 2364

М А Н Д А Т.

Пред"явитель сего Помощник Заведывающего Активным отделением Особотдела ВЧК тов.БОЛОТОВ Степан Архипович командируется в Особотделение № 2 при 30 стрелковой дивизии для производства поверки деятельности Особотделения всесторонне,а также попутно с этой же целью посетить и Особотделения за №№ I, 6 и 7.-

Что и удостоверяется.-

Врид.ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОСОБОТДЕЛОМ
В.Ч.К. при III армии

Заведывающий Активным отделением

за Секретаря

Мандат на проверку деятельности Особого отдела ВЧК при 3-й Армии Восточного Фронта на имя Болотова Степана Архиповича. 1919.

Источник: http://stopgulag.org

Самые разные учреждения вынуждены были выдавать всевозможные справки, предназначавшиеся для «трудовых элементов». Эти документы подразделялись на специальные и постоянные. Постоянные должны были служить аналогами удостоверений личности. Специальные, или *мандаты*, выдавались партийными, правительственными и военными организациями руководящим работникам, направляемым из одной местности в другую. Им была приписана двойная функция: удостоверять личность владельца и его полномочия. Мандаты не имели строгой формы, но в них, как правило, указывались *имя, фамилия, отчество владельца, его принадлежность той или иной организации*, а также формулировались *цель*, с которой направлялось данное лицо, и его *полномочия*.

Первым шагом к восстановлению системы учета населения стал Декрет Совнаркома РСФСР от 5 октября 1918 г. «О Трудовых книжках для нетрудящихся»[71]. Изданию этого Декрета предшествовало принятие первой Конституции в июле того же года. В параграфе «е» ст. 3 Конституции говорится: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». Статья 18 Основного Закона гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся да не ест!”». В этом контексте документ о выполнении трудовой повинности имел все шансы стать основным документом советского человека. Собственно, так трудовые книжки и задумывались. В Декрете о трудовых книжках говорится, что, поскольку труд является обязанностью граждан республики, то вместо паспортов и прочих удостоверений личности теперь будут использоваться трудовые книжки («Ст. 1. Ввести трудовые книжки взамен прежних удостоверений личности, паспортов и проч.»)[72].

Может показаться странным, что первые трудовые книжки предназначались не трудящимся, а как раз «нетрудовым элементам». Объясняется это тем, что советская власть была озабочена в первую очередь соблюдением принципа *всеобщности* трудовой повинности. Предполагалось, что победивший пролетариат соблюдает этот принцип, а в особом контроле нуждаются прежде всего «нетрудящиеся», к которым, согласно Декрету, относились следующие категории населения:

а) лица, живущие на нетрудовой доход, поступления с имущества, проценты с капитала;
б) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
в) члены советов и правлений акционерных обществ, компаний и всякого рода товариществ и директора этих обществ;
г) частные торговцы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие посредники;
д) лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно-полезных функций;

---

[71] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (Далее СУ РСФСР),1918. № 73. Ст. 792. С. 893–894.
[72] Там же. С. 893.

е) всякие лица, не имеющие определенных занятий, — например, бывшие офицеры, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, бывшие присяжные поверенные и их помощники, частные поверенные и прочие лица данной категории[73].

Все перечисленные категории населения были обязаны получить трудовые книжки, в которые не реже одного раза в месяц вносились данные о выполнении возложенных на них «общественных работ и повинностей» (расчистка улиц от снега, заготовка дров и др.). Те, кто не был занят общественным трудом, обязаны были еженедельно отмечаться в милиции, для чего в бланке книжки было предусмотрено специальное место.

Поскольку трудовая книжка имела для «нетрудящихся» статус основного документа, без нее нельзя было перемещаться по стране и, главное, нельзя было получать продовольственные карточки, что в тех условиях грозило голодной смертью[74]. В ст. 5 говорилось: «Только при наличии трудовой книжки <…> нетрудящиеся элементы пользуются правом передвижения и проезда, как по территории Советской Республики, так и в пределах каждого отдельного поселения, и правом получения продовольственных карточек»[75]. В ст. 8 еще раз подчеркивается, что трудовая книжка является основным и единственным легитимным персональным документом: «Трудовая книжка должна предъявляться во всех случаях, где требуется представление удостоверений о личности». Заканчивается Декрет указанием на санкции за предоставление недостоверных сведений: «Лица из категорий, перечисленных в ст. 1-й, не явившиеся согласно сему декрету для получения трудовых книжек в обмен на паспорта или же давшие неверные сведения о себе и о своих занятиях, подвергаются штрафу до 10000 руб. или тюремному

---

[73] СУ РСФСР, 1918. № 73. Ст. 792. С. 893.

[74] Роль продовольственных карточек в социальной истории советского государства — отдельная и очень интересная тема. Они продолжали существовать и после введения паспорта в 1932 г. Лишь в поздний советский период продовольственные карточки и паспорт «поменялись местами»: в 1990 г. граждане начали получать продовольственные и непродовольственные товары по паспортам: «10 января 1990 года в Ленинграде вступили в силу новые правила торговли, по которым продажа определенных товаров могла производиться только по предъявлении паспорта. В список были включены: мясо и мясопродукты, табачные изделия, масло животное, сыр, цитрусовые. Список непродовольственных товаров состоял из 18 позиций» (*Карнаухов С.* Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С. 639).

[75] СУ РСФСР, 1918. № 73. Ст. 792. С. 894.

заключению до полугода»[76]. Парадоксальным образом «достоверность сведений» можно было подтвердить только прежними документами, которые объявлялись недействительными.

«Временное трудовое свидетельство для буржуазии» (такое название имела трудовая книжка для нетрудящихся на бланке) включало следующие сведения о владельце:

1. Имя, отчество, фамилия;
2. Род занятий до революции;
3. Звание до революции;
4. Имущественное положение;
5. Возраст или время рождения;
6. Место рождения;
7. Место постоянного жительства;
8. Семейное положение;
9. Лица, внесенные в трудовое свидетельство;
10. Отношение к отбыванию красноармейской повинности;
11. На основании каких документов выдано трудовое свидетельство;
12. Кем выдано;
13. Род порученной работы.

Кроме того, на бланке отведено место для регистрации прописки, ежемесячных отметок о выполнении работы и еженедельных отметок о явке. Несложно заметить, что набор сведений в этом уникальном документе должен был удовлетворять требованиям, необходимым не только для удостоверения личности и службы в качестве особого рода трудовой книжки, но и для обеспечения режима надзора над его обладателем. Показательно, что на первых местах фигурируют те сведения, которые позволяют установить «социальное лицо» владельца (*род занятий до революции, звание до революции, имущественное положение*).

В декабре 1918 г. ВЦИК принял «Кодекс законов о труде», согласно которому «каждый трудящийся обязан иметь трудовую книжку, в которую заносятся отметки о произведенных им работах и полученных вознаграждениях и пособиях»[77]. В качестве приложения к ст. 80 Кодекса были представлены «Правила о трудовых книжках». На этот раз речь шла о «нормальных» трудовых книжках для настоящих трудящихся. В них указывались: *фамилия, имя*

---

[76] Там же.
[77] Кодекс законов о труде. Пг., 1919. С. 34.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Кто не работает—да не ест.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Временное трудовое свидетельство

для

БУРЖУАЗИИ.

№.

Выдано: Имя. Отчество. Фамилия.

Род занятий до революции

Звание до революции

Имущественное положение

Возраст или время рождения

Место рождения

Место постояннаго жительства

Семейное положение

Лица, внесенные в трудовое свидетельство

Отношение к отбыванию красноармейской повинности

На основании каких документов выдано трудовое свидетельство

Кем выдано

Место для печати.

Род порученной работы

1)

2)

3)

4)

5)

6)

Временное трудовое свидетельство для буржуазии (бланк)

и отчество; дата рождения; название и адрес профсоюза, к которому трудящийся принадлежит; категория, присваиваемая при зачислении расценочными комиссиями профсоюзов. Трудовая книжка должна была выдаваться с 16 лет, а при увольнении оставаться у владельца[78]. По характеру требуемых сведений видно, что проект готовился без участия НКВД. Они разительно отличаются от тех, которые требовались от нетрудящихся, — прежде всего отсутствием информации о социальном положении. В Правилах ничего не говорится о том, что трудовая книжка заменит собой бывшие паспорта и станет удостоверением личности.

[78] Кодекс законов о труде… Приложение к ст. 80.

Тем не менее идея совмещения в трудовой книжке функций удостоверения личности оставалась актуальной. Ее реализацией должно было стать введение трудовых книжек в Москве и Петрограде[79]. В первом пункте Декрета от 25 июня 1919 г. объявлялось:

> Все достигшие 16-летнего возраста граждане Р.С.Ф.С.Р. обязаны иметь трудовые книжки, которые свидетельствуют об участии их владельца в производственной деятельности и служат удостоверением личности в пределах Р.С.Ф.С.Р. и документом на право получения продовольственных карточек, а также право на социальное обеспечение в случае утраты трудоспособности и при безработице.
>
> Примечание 1. Военнослужащие Красной Армии и флота обязаны иметь трудовые книжки на равных с прочими основаниях.
>
> Примечание 2. Дети до 16-летнего возраста вносятся на основании метрических выписей или удостоверений, выдаваемых подотделами записей актов гражданского состояния, в трудовую книжку их матерей или при отсутствии матерей — в трудовую книжку их отца, а в случае отсутствия отца и матери — в трудовую книжку лица, на иждивении которого они находятся.
>
> Примечание 3. При переезде в местности, где трудовые книжки не введены, таковые служат лишь удостоверением личности[80].

Судя по тексту Декрета (ст. 14), за ним должны были последовать инструкции «о порядке введения трудовых книжек и замене ими паспортов и прочих удостоверений личности». Однако введение трудовых книжек — удостоверений личности даже в столицах столкнулось с организационными сложностями и не было полностью реализовано. Вместе с тем претворение идеи всеобщей трудовой повинности в жизнь было невозможно без учета субъектов этой повинности, и власть предпринимает новые попытки борьбы с так называемым «трудовым дезертирством».

В Резолюции IX съезда РКП(б), состоявшегося в марте-апреле 1920 г., сложившаяся ситуация была резюмирована следующим образом: «Ввиду того, что значительная часть рабочих, в поисках лучших условий продовольствия... самостоятельно покидает предприятия, переезжает с места на место... съезд одну из насущных задач советской власти... видит в планомерной, систематической,

[79] Декрет ВЦИК «О введении трудовых книжек в г.г. Москве и Петрограде» от 25.06.1919 г. // СУ РСФСР, 1919. N 28. Ст. 315.

[80] СУ РСФСР, 1919. N 28. Ст. 315.

настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь»[81]. Из этого следует, что для наведения желаемого порядка в сфере учета и контроля рабочей силы власть была готова пойти на самые жесткие меры; однако переход к новой экономической политике потребовал другой стратегии по отношению к «трудовым резервам». Принцип жесткой закрепленности рабочей силы за предприятиями становился тормозом в осуществлении планов подъема экономики. Идея замены паспорта (удостоверения личности) трудовой книжкой была отброшена. Дальше эти два важнейших для советской жизни документа эволюционировали в основном порознь[82].

Собственно паспортная линия «главного документа» началась, как и в случае с трудовыми книжками, с неудачных попыток — что и неудивительно, учитывая тот общий фон, на котором они осуществлялись (еще шла Гражданская война). Первым шагом в этом направлении, наверное, можно считать «Инструкцию о порядке выдачи паспортов и временных свидетельств», выпущенную Главным Управлением советской рабоче-крестьянской милиции НКВД в 1919 г. На основе этой инструкции были разработаны паспортные книжки, которые выдавались уездно-городскими и уездными управлениями милиции. В паспорта должны были вноситься следующие сведения: 1) время рождения или возраст; 2) каким трудом занят; 3) состоит ли в браке; 4) дети до 16-летнего возраста; 5) отношение к отбыванию воинской повинности; 6) отношение к 65 ст. основного закона; 7) подпись владельца паспорта.

---

81 Девятый съезд РКПб. Протоколы. Март-апрель 1920 г. М., 1960. С. 48.

82 Если говорить о дальнейшей истории трудовых книжек, то в 1924 г. появились «трудовые карты», а в 1926 г. для служащих были введены «трудовые списки». Рабочим вместо трудовых книжек выдавались справки. Наконец, 15 января 1939 г. были введены трудовые книжки единого образца для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий и учреждений (постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек»), которые без особых изменений используются по сей день. Однако и в советских паспортах до 1955 г. обязательно указывалось место работы, должность и получаемая зарплата, т. е. они в какой-то мере дублировали трудовые книжки, а с 1932 по 1938 г. фактически были таковыми. Об истории трудовых книжек см.: *Царенко Ю. В.* Трудовые книжки. Рекомендации по оформлению // Помощник кадровика (http://www.help-hr.ru/catalog/k_delo/element.php?ID=1155 — Дата обращения: 17.04.2017); *Малахов А.* Книжка бытия // Коммерсант.ru. 21.02.2005 (http://kommersant.ru/doc/549012 — Дата обращения: 17.04.2017).

Союз Советских Социалистических Республик

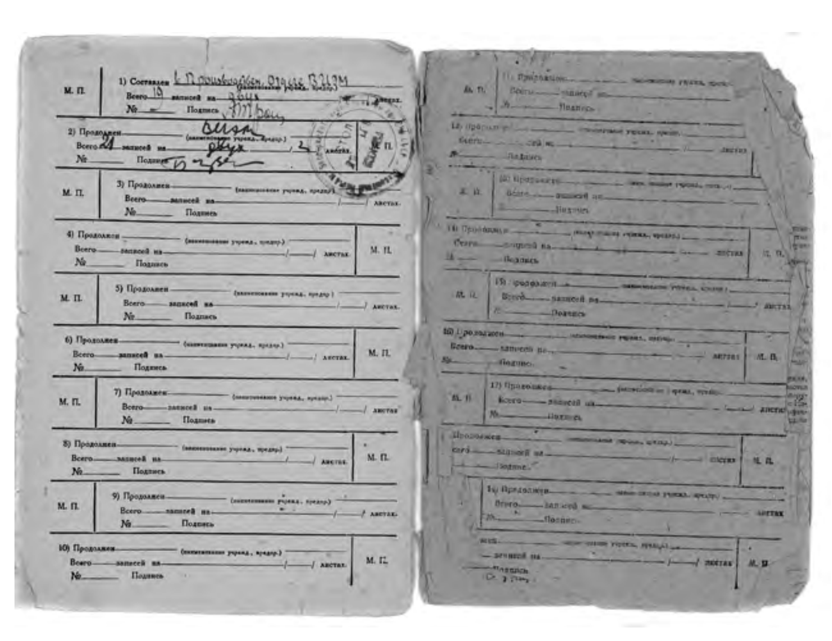
ТРУДОВОЙ СПИСОК

Фамилия Захарина

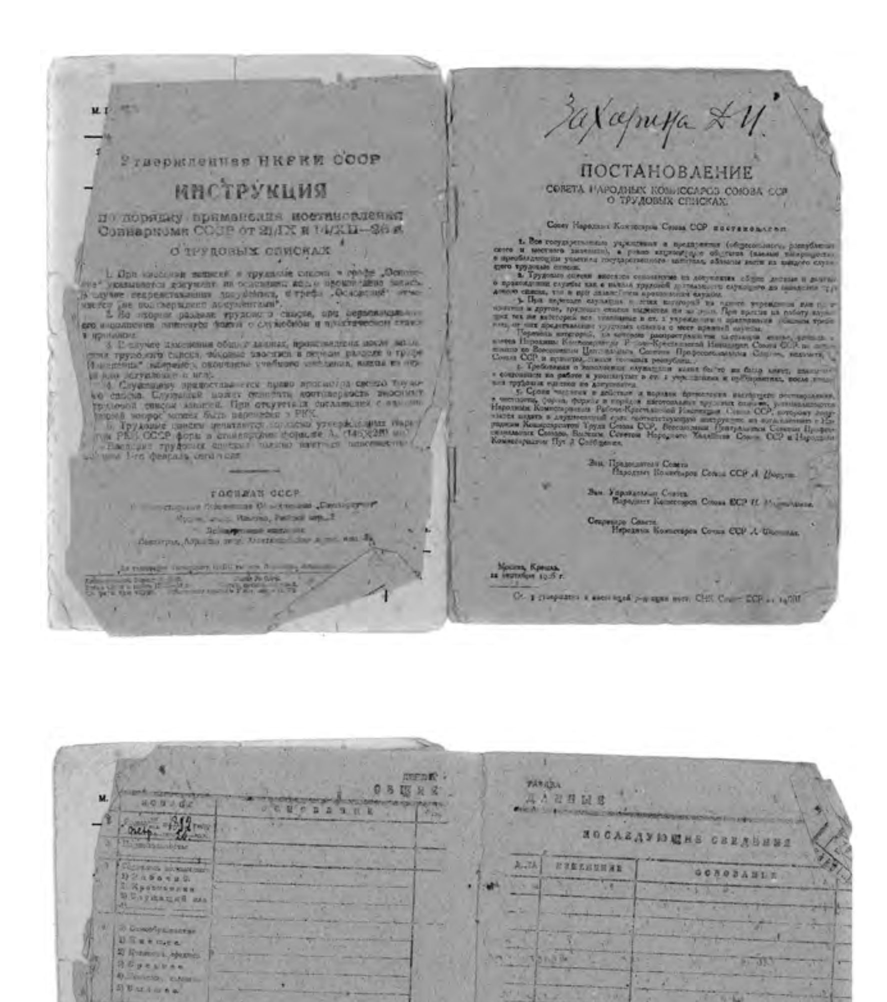
Имя Дина

Отчество Исаевна

Издание
Акц. Общ. Организационного Строительства
„ОРГСТРОЙ"
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Трудовой список (из архива автора)

Утвержденная НКРКИ СССР

ИНСТРУКЦИЯ

по порядку применения постановления Совнаркома СССР от 21/IX и 14/XII—26 г.

О ТРУДОВЫХ СПИСКАХ

1. При внесении записей в трудовые списки в графе „Основание" указывается документ, на основании коего произведена запись. В случае непредставления документов, в графе „Основание" отмечается „не подтверждено документами".

ГОСПЛАН СССР

Захарина Д. И.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР О ТРУДОВЫХ СПИСКАХ.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Зам. Управляющего Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Секретарь Совета Народных Комиссаров Союза ССР

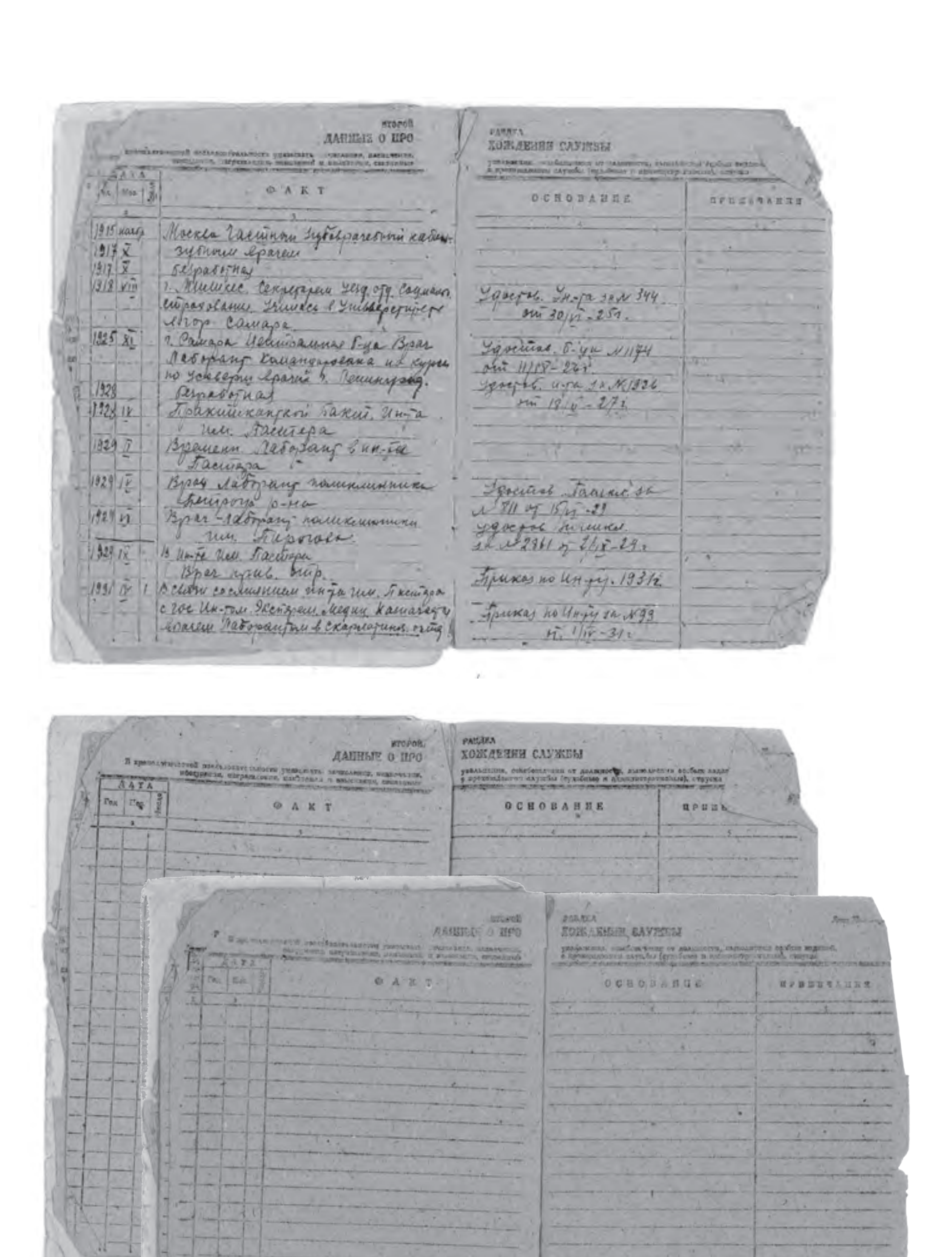
Москва, Кремль.

ОБЩИЕ ... ДАННЫЕ

	СВЕДЕНИЯ	
1912		
2) Рабочий 3) Крестьянин 4) Служащий		
1) Низшее 3) Среднее 5) Высшее		
Врач лебрант		
6) Беспартийный		
медсестра	Чл. бил. № 53723	

ПОСЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Дата	Изменение	Основание

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ
ДАННЫЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ

Год	Мес.	Число	ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2		3	4	5
1915	нояб.		Москва. Частный зубоврачебный кабинет зубным врачом		
1917	X				
1917	X		безработная		
1918	VIII		г. Мышкес. Секретарь Уезд. отд. Социального страхования. Училась в Университете г. Самара	Удостов. Ун-та за № 344 от 30/VI-25 г.	
1925	XI		г. Самара Центральная б-ца Врач Лаборант. Командирована на курсы по усоверш. врачей в г. Ленинград.	Удостов. б-цы № 1174 от 11/VIII-26 г. Удостов. ин-та за № 1936 от 19/V-27 г.	
1928			безработная		
1928	IV		Практикантка бакт. ин-та им. Пастера		
1929	II		Временн. лаборант в ин-те Пастера		
1929	IV		Врач лаборант поликлиники Центр. р-на	Удостов. Пастер. за № 811 от 15/VI-29; удостов. поликл. за № 2961 от 24/X-29 г.	
1929	VI		Врач-лаборант поликлиники им. Пирогова		
1929	IX		В ин-те им. Пастера Врач пуб. отд.	Приказ по Ин-ту 1931 г.	
1931	IV	1	В связи с слиянием ин-та им. Пастера с Гос. Ин-том Экспер. Медиц. командирована лаборантом в скарлатин. отд.	Приказ по Ин-ту за № 99 от 1/IV-31 г.	

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ
ДАННЫЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ

Год	Мес.	Число	ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2		3	4	5

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ
ДАННЫЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ

Год	Мес.	Число	ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2		3	4	5

По желанию владельца паспорта могла быть приложена его фотографическая карточка. В статье 65 Основного Закона речь шла о лицах, лишенных избирательных прав. Такие лица должны были получать паспорта с особой отметкой в этой графе. Паспорта могли получить лишь те, кому они были необходимы. Однако и этот проект остался нереализованным, хотя единичные паспорта были выданы[83].

В стране продолжали использоваться в качестве удостоверений личности самые разнородные документы: старые виды на жительство, паспортные книжки, свидетельства о рождении и браке, служебные удостоверения, всевозможные справки и мандаты, выдаваемые различными учреждениями новой власти. Вот как описывает ситуацию, сложившуюся к январю 1923 г., нарком внутренних дел Александр Белобородов в записке, адресованной в Политбюро ЦК РКП(б):

> С начала 1922 года перед Н.К.В.Д. встал вопрос о необходимости изменения существующего порядка о видах на жительство. Декрет ВЦИК и СНК от 28/VI-19 г. определял лишь введение трудовых книжек в городах Петрограде и Москве, а в остальных частях Республики никакие документы этим декретом не вводились и лишь косвенно указывалось (ст. 3 этого декрета) на существование паспорта, по предъявлению которого и выдавалась трудкнижка. С введением Н.Э.П. отпал смысл выдачи трудкнижек в Москве и Петрограде и вместе с тем, в связи с установлением частного товарооборота и частного производства, возникла необходимость более точного учета городского населения, а следовательно, и необходимость введения того порядка, при котором учет мог бы быть полностью обеспечен. Кроме того, практика децентрализованной выдачи документов на местах показала, что документы эти выдавались крайне разнообразные и по существу, и по форме, причем выданные удостоверения настолько просты, что подделка их не представляет никакого затруднения, что, в свою очередь, крайне затрудняет работу розыскных органов и милиции. Учитывая все изложенное, НКВД разработал проект положения, который после согласования с заинтересованными ведомствами 23/II — 22 г. был внесен в СНК на утверждение. В Малом Совнаркоме в заседании от 26 /V — 22 г. признано введение единого вида на жительство в

---

83 См. изображение одного из таких паспортов: Управление советской рабоче-крестьянской милиции Павлово-Посадского района Московской губернии, паспорт, выдан Зинаиде Михайловне Бишкиной, 28 декабря 1920 года // HisDoc.ru (http://hisdoc.ru/passports/20071/ — Дата обращения: 17.04.2017).

к. № 9139.

4387

Годъ поступленія въ число студентовъ 1915/1918

Дѣло № 224

СВИДѢТЕЛЬСТВО № 968

Дано отъ Петроградскаго Университета.

Предъявитель сего студентъ Петроградскаго Университета.

Имя Иванъ

Отчество Ивановичъ

Фамилія Янковскій

Вѣроисповѣданіе православн

Время рожденія 20 мая 1895 г

Подпись владѣльца свидѣтельства Ив Янковский

Въ удостовѣреніе чего дано ему сіе свидѣтельство срокомъ по двадцатое августа 1919 года для свободнаго проживанія въ г. Петроградѣ, его пригородахъ и населенныхъ мѣстахъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ:

1) Приморской—до ст. Дюны и Озерки включ.; 2) Финляндской—до ст. Теріоки включ.; 3) Ириновской—до ст. Шереметьевка и Борисова Грива включ.; 4) Сѣверной—до ст. Мга включ.; 5) Николаевской—до ст. Тосно включ.; 6) Моск.-Винд.-Рыб.—до ст. Вырица включ.; 7) Варшавской—до ст. Сиверской включ. и 8) Балтійской—до ст. Войсковицы и Ораніенбаумъ включ., а также и другихъ населенныхъ мѣстахъ, расположенныхъ въ 50-верстномъ разстояніи отъ Петрограда.

Выдано съ приложеніемъ печати „20“ августа 1918 г.

Проректоръ Иванов

Дѣлопроизводитель Бруннер

4387

Свидетельство студента 1918 г.
(Государственный музей политической истории)

РСФСР нецелесообразным. <…> Наконец, 14/IX — 22 г. вопрос вторично ставится в Президиуме ВЦИК, и на этот раз введение единого вида на жительство отклоняется и не дается никаких директив по данному вопросу. Таким образом, вопрос этот тянулся весь 1922 год и в конце концов не получил разрешения. Потребность в установленном документе — удостоверении личности так велика, что на местах уже приступили к решению вопроса по-своему. Проекты разработали Петроград, Москва, Турк-Республика, Украина, Карельская Коммуна, Крымская Республика и целый ряд губерний. Допущение разнообразных типов удостоверений личности для отдельных губерний, областей чрезвычайно затруднит работу административных органов и создаст много неудобств для населения[84].

Видимо, государственные структуры не были готовы к решительным шагам по наведению порядка в системе документооборота, тем более что годом ранее (Закон от 24 января 1922 г.) всем гражданам Российской Федерации было предоставлено право свободного передвижения по всей территории РСФСР (это право было также подтверждено в ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР)[85]. И все же был подготовлен декрет о введении единого для всей страны удостоверения личности (он известен как Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1923 г.). Действие предыдущего декрета о введении трудовых книжек в Москве и Петрограде отменялось. Новый декрет открывался необычной статьей: «Органам управления воспрещается требовать от граждан Р.С.Ф.С.Р. обязательного предъявления паспортов и иных видов на жительство, стесняющих их право передвигаться и селиться на территории Р.С.Ф.С.Р. Примечание. Паспорт и другие виды на жительство для российских граждан внутри Р.С.Ф.С.Р., а также трудовые книжки, введенные декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и

---

[84] Записка А. Г. Белобородова в Политбюро ЦК РКП(б) 18 января 1923 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 102.

[85] Впрочем, попытки установления контроля над передвижениями населения не прекращались. 13 июля 1922 г. вышло положение «Об адресных столах». Адресные столы учреждались для регистрации всех прибывающих и убывающих, для чего домоуправления были обязаны представлять в органы милиции листки убытия и прибытия, которые хранились 2 года. Текст положения «Об адресных столах» опубликован в кн.: Милиция России. Документы и материалы 1917–1979. Т. 1. (1917–1934). Саратов: СЮИ МВД РФ, 2002. С. 140. В 1926 г. вышло новое Положение об адресных столах, в котором предписывалось: «Для полноты и точности регистрации и учета населения иметь сведения в виде адресных листков на всех граждан с 16-летнего возраста» (Бюллетень НКВД за 1926 г. № 28).

Совета Народных Комиссаров от 25 июня 1919 года, аннулируются с 1-го января 1924 года»[86].

В случае необходимости граждане могли получить удостоверение личности, но это стало их правом, а не обязанностью. Для получения удостоверения нужно было представить всего один из возможных документов: в городах и поселках городского типа это могла быть актовая или старая метрическая выписка о рождении, справка домоуправления о проживании или удостоверение с места работы или службы; в сельских местностях достаточно было представить выписку о рождении или справку сельсовета о проживании. При невозможности представить какой-либо документ милиция выдавала письменную справку на срок, необходимый для получения того или иного документа. При утрате всех документов и невозможности их получения удостоверение могло быть выдано на основании постановления суда, устанавливающего фамилию, имя, отчество, время рождения и семейное положение[87].

Удостоверение выдавалось бессрочно либо на три года и содержало следующие сведения: фамилия, имя, отчество владельца; год, месяц и число рождения; место постоянного жительства; род занятий (основная профессия); отношение к отбыванию воинской повинности; семейное положение; перечень несовершеннолетних детей, внесенных в документ родителей. По желанию получателя в документ могла быть вклеена фотокарточка.

Нетрудно заметить, что графы удостоверения практически полностью копировали пункты дореволюционного паспорта. Отсутствует лишь *звание* (социальная принадлежность), но это объясняется тем, что удостоверения личности выдавались только «трудящимся». «Нетрудовые элементы», к числу которых были отнесены бывшие помещики и купцы, нэпманы, мелкие торговцы, бывшие служащие полиции, охранки, тюремного ведомства, а также бывшее духовенство, вошли в особую категорию так называемых *лишенцев* — лиц, лишенных всех политических и гражданских прав. До конца 1932 г. учет лишенцев велся по особым спискам, и только по Конституции 1936 г. они были признаны равноправными.

---

86 Об удостоверении личности. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. // СУ РСФСР, 1923. № 61. Ст. 570.

87 По более позднему постановлению (от 18 июля 1927 г.) удостоверение личности могло быть выдано и на основе членского билета профсоюза или документа об учебе в каком-либо учебном заведении (Об удостоверении личности. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1927 г. // СУ РСФСР, 1927. № 75. Ст. 514).

Савельева — 1 —

1. Фамилия, имя и отчество ~~Васильева~~ Антонина Ивановна

2. Год, месяц, число и место рождения 1913 г. 1/VI н/ст (по нов. стилю) гор. Ленинград.

3. Место постоянного жительства Ленинград

4. Род занятий (основная профессия) Рабочая

5. Отношение к прохождению обязательной военной службы

6. Семейное положение в браке не состоит

Серия В

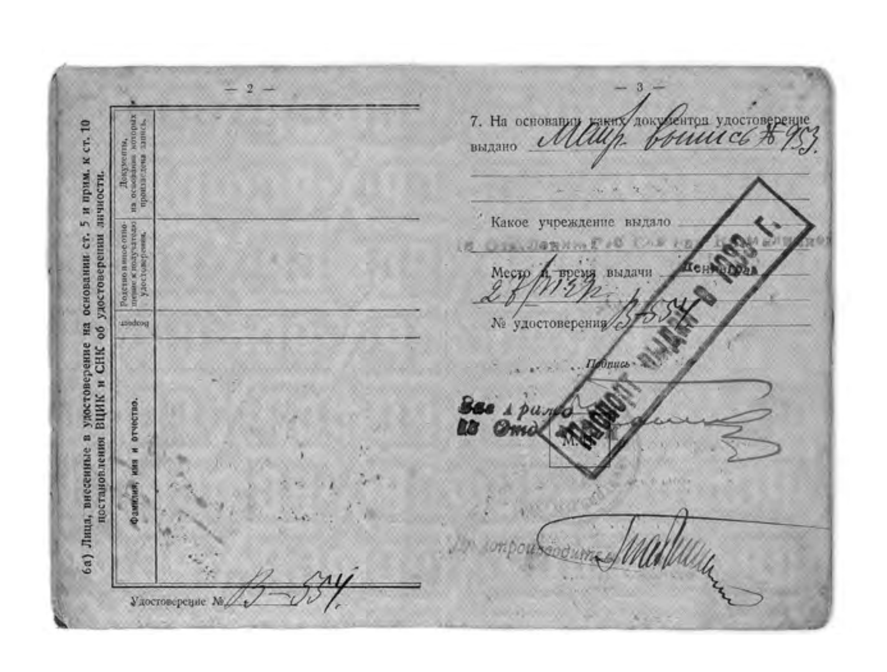
№ 0324654

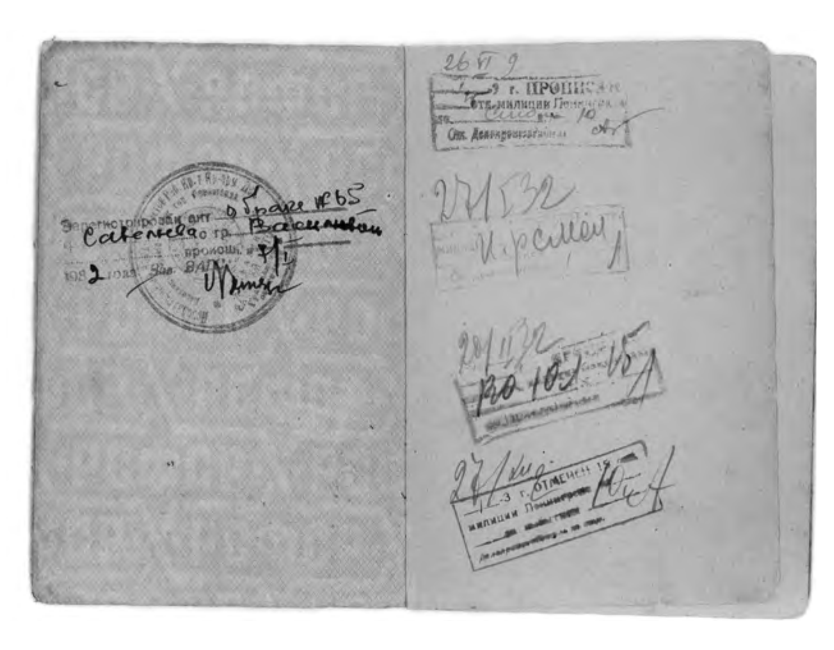
Паспорт выдан в 1933 г.

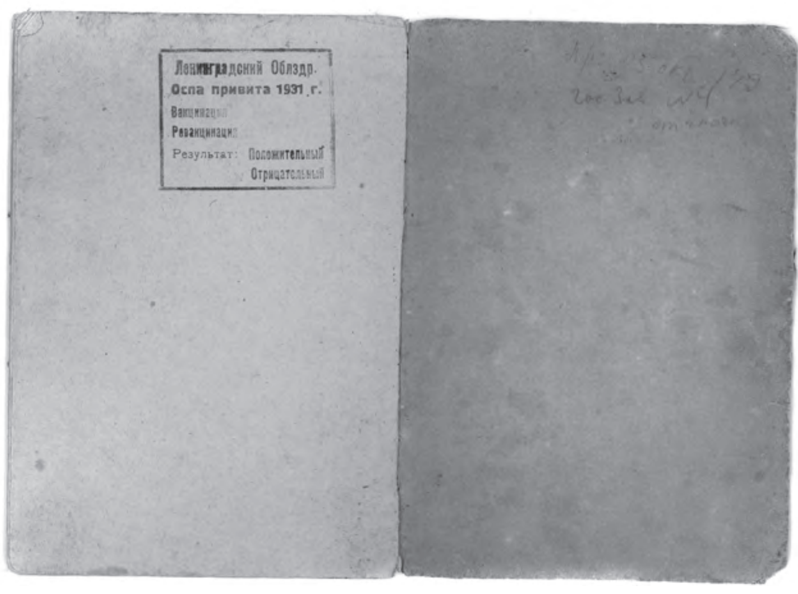
Место для фотографической карточки

Подпись владельца удостоверения Васильева

Удостоверение личности, выданное в 1927 г.

— 2 —
— 3 —
6а) Лица, внесенные в удостоверение на основании ст. 5 и прим. к ст. 10 постановления ВЦИК и СНК об удостоверении личности.
Фамилия, имя и отчество.
Родство или отношение к получателю удостоверения.
Документы, на основании которых произведена запись.
Удостоверение № В-554.
7. На основании каких документов удостоверение выдано
Какое учреждение выдало
Место и время выдачи
№ удостоверения В-554
Подпись
М. П.
Паспорт выдан в 1933 г.

Зарегистрирован акт о браке № 65
гр. Васильевой с гр.
г. ПРОПИСАН
Отд. милиции
г. ОТМЕНЕН
милиции

Ленинградский Облздр.
Оспа привита 1931 г.
Вакцинация
Ревакцинация
Результат: Положительный
Отрицательный

Отсутствие у граждан такого документа не влекло за собой никаких правовых последствий[88]. Помимо того, что наличие «удостоверения личности» было необязательным, его ценность в качестве документа, удостоверяющего личность, была весьма относительной хотя бы по той причине, что в нем, как правило, отсутствовала фотография и не содержалось словесного портрета обладателя, как в дореволюционных паспортах[89].

Начался короткий период, когда граждане были по сути дела избавлены как от необходимости иметь паспорт, так и от привязки к месту проживания. Такой порядок соответствовал принципам новой экономической политики, обеспечивая необходимую свободу развития рыночных отношений. Паспорт становился обязательным документом лишь при выезде гражданина за границу. Этому не могло помешать даже вышедшее через два года Постановление СНК РСФСР от 27 апреля 1925 г. с пугающим названием «О прописке граждан в городских поселениях»[90]. В соответствии с

---

88 При чтении этого Декрета нельзя не удивляться неожиданному для такого рода текстов либерализму, а также непривычной тональности. Приведу в качестве примера одну из его статей: «21. При невозможности для гражданина, желающего получить удостоверение личности, представить какой-либо из документов, указанных в ст. 12, милиция выдает ему временно, взамен удостоверения, письменную справку на срок, необходимый для получения какого-либо из указанных документов, но не свыше, чем на три месяца. При наличности уважительных причин, этот срок может быть продлен еще на три месяца».

89 Несколькими месяцами ранее были введены удостоверения для «ответственных сотрудников» (Декрет СНК РСФСР от 19 декабря 1922 г. «О выдаче удостоверений служащим государственных учреждений и предприятий»). Первый пункт Декрета гласит: «Обязать все ведомства выработать для ответственных сотрудников единую форму постоянных личных удостоверений, содержащих на одной стороне надлежащим образом заверенные указания на занимаемую должность, имя, отчество и фамилию сотрудника и на обороте — ссылки или выписки из статей закона или положения о данном учреждении или предприятии, определяющие права и обязанности, присвоенные данному сотруднику по должности. Список должностей, дающих право на получение таких удостоверений, а также форма последних устанавливается руководителем ведомства» (Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. 1. М.: Госюриздат, 1958. С. 64–67). Речь идет о среднем звене «ответственных сотрудников»; для «самых ответственных» существовал другой порядок выдачи удостоверений, который определялся «Инструкцией по выдаче служебных удостоверений членам правительства» (Декрет СНК РСФСР от 13 февраля 1924 г. // Хронологическое собрание… С. 83).

90 О прописке граждан в городских поселениях // Систематический сборник действующих распоряжений по милиции. М.: НКВД, 1926. С. 294. В этом же 1925 г. Президиум ЦИК СССР утвердил «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» — первый (после известных приказов Троцкого и Петровского) правовой акт, регулирующий вопросы выезда и въезда в СССР. К ведению НКВД относилась выдача гражданам СССР общегражданских заграничных паспортов и виз для иностранцев, к ведению НКИД — выдача дипломатических, служебных паспортов и виз на выезд за границу.

этим постановлением прописка (регистрация) могла осуществляться на основе практически любого представленного документа (от профсоюзного билета до трудовой книжки), что делало ее формальной процедурой и если не исключало, то существенно осложняло возможность ее использования для прикрепления человека к определенному месту жительства.

Только сейчас можно было сказать, что с прежней паспортной системой покончено. То, о чем писал В. И. Ленин еще в 1903 г. (см. выше), свершилось. Паспорт — который, по его словам, являлся «надругательством над народом» — ушел в прошлое[91]. Вот как этот период характеризуется в воспоминаниях Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского: «Одно время, в 20-е гг., вроде как бы под влиянием еще Ленина… начали налаживаться нормальные отношения с заграницей — советский гражданин мог за 35 рублей купить заграничный паспорт и ехать даже лечиться куда угодно. С зимы 22–23-го до зимы 28–29-го у нас был практически свободный доступ за границу… А внутри страны юридически роль паспортов играли трудовые книжки. Но несколько лет, практически только пятилетку, была такая более или менее свобода»[92]. Пройдет совсем немного времени, и паспортная система из «надругательства над народом» превратится в необходимый «порядок административного учета, контроля и регулирования передвижения населения посредством введения для последнего паспортов»[93].

---

[91] В этом отношении показательна официальная статья о паспорте в шестом томе «Малой советской энциклопедии», вышедшем в 1930 г.: «ПАСПОРТ — особый документ для удостоверения личности и права его предъявителя на отлучку из места постоянного жительства. Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. "полицейском государстве". Паспортная система действовала и в дореволюционной России. Особо тягостная для трудовых масс, паспортная система стеснительна и для гражданского оборота буржуазного государства, которое упраздняет или ослабляет ее. Советское право не знает паспортной системы». Эта статья вышла с явным опозданием. Через два года паспортная система будет введена.

[92] *Хмельницкий Д.* Нескучная историческая эпоха // Альманах «Порт-Фолио» (http://www.port-folio.org/2005/part211.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

[93] В статье «Паспортная система» Большой советской энциклопедии возвращение к паспортной системе объясняется следующим образом: «Советское законодательство, в отличие от буржуазного, никогда не вуалировало классовую сущность своей П.с., пользуясь последней в соответствии с условиями классовой борьбы и с задачами диктатуры рабочего класса на разных этапах строительства социализма» (Большая советская энциклопедия. Т. 44. 1939. С. 11).

Глава 3.
Введение паспортной системы в СССР (1932–1936 гг.)

Общая ситуация

Что же заставило большевиков отказаться от одного из самых больших своих завоеваний, каковым считалось уничтожение прежней паспортной системы? Для возможного ответа на этот вопрос следует хотя бы кратко охарактеризовать ситуацию конца 1920-х — начала 1930-х гг. В 1928 г. началась коллективизация сельского хозяйства, означавшая лишение прав на изменение рода занятий и места жительства для трех четвертей всего взрослого населения России[94]. С НЭПом было покончено; был объявлен курс на индустриализацию и сплошную коллективизацию. Как пишет Елена Осокина, «конфискации и репрессии сократили и ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Начался процесс превращения миллионов производителей, которые исконно обеспечивали себя сами и кормили город, в потребителей государственных запасов»[95]. Страна оказалась ввергнутой в жестокий продовольственный кризис. Начался голод. Огромные массы сельских жителей искали спасения от голодной смерти в городах. Но и в городах положение было немногим лучше. На промышленных предприятиях царил хаос. Учет персонала никогда не был совершенным, но в начале 30-х годов о нем говорить вообще не приходилось — достаточно отметить, что на многих крупных заводах и фабриках каждый день приходилось набирать новых рабочих. Ситуация усугублялась введением непрерывной пятидневной недели, в результате чего население

---

94 *Мэтьюз М.* Ограничение свободы проживания и передвижения в России (до 1932 года) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 33

95 *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998. С. 56.

лишилось не только общего календаря, но и единых выходных дней[96].

Голодные бунты, неконтролируемые перемещения огромных масс людей, неспособность власти обеспечить продуктами даже рабочих заводов и фабрик, растущее недовольство среди сторонников революционных преобразований — все это свидетельствовало о нависшей угрозе утраты контроля над ситуацией. По оперативным справкам секретно-оперативного управления ОГПУ в период с октября 1929 по конец марта 1930 г. в СССР произошло 2883 массовых выступления, в которых принимало участие более 400 тыс. человек[97]. Было, вероятно, понятно, что крах режима наступит тогда, когда остановятся промышленные предприятия, которые давали работу и возможность не умереть от голода. Требовались чрезвычайные меры для выхода из глубочайшего кризиса, созданного, во многом, самой властью[98].

В 1929 г. вводятся продуктовые карточки для рабочих и служащих[99]. Однако для их распределения необходим был учет работников предприятий, который практически отсутствовал. В большинстве городов карточки можно было получить после предъявления документов, подтверждающих место проживания или место работы. Карточка была действительна в течение трех месяцев. Многие по несколько раз меняли место работы, чтобы добыть дополнительные карточки и купоны на обеды. Незамедлительно возник рынок про-

---

[96] Об эффектах «непрерывки» см.: *Гумерова М.* Место непрерывной производственной недели (1929–1931) в антирелигиозной кампании советского правительства // Bulletin des Deutschen Historischen Instituts Moskau. № 6: Конструируя «советское»: м-лы научн. конф. студентов и аспирантов. 14–15 апреля 2011 г., Санкт-Петербург. М., 2012. С. 66–80; *Гумерова М.* Непрерывка (1929–1931): опыт конструирования нового социального времени // Электронный научно-образовательный журнал «История» (http://www.igh.ru/index.php?option=com_zoo&task=item&item_id=451&category_id=5&Itemid=147 — Дата обращения: 17.04.2017); *Гумерова М.* Национализация свободного времени (СССР 1920-е — 1930-е гг.) // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: м-лы научн. конф. студентов и аспирантов. СПб., 2012. С. 46–51; *Гумерова М.* Время в фокусе внимания: последствия тотальной рационализации быта 1920-х годов в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 382–390.

[97] См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8. Ч. 2. М., 2008. С. 1258–1344.

[98] Анализ кризиса 1932–1933 гг. см.: *Kessler G.* The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe. Vol. 42. N 2–4 (Avril–Décembre 2001). P. 478–480.

[99] Стихийно карточки появились раньше — местные власти вынуждены были раздавать карточки на хлеб под давлением массового недовольства. См.: *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия… С. 57–58.

дуктовых карточек. Торговали даже пропусками на предприятия и званиями «рабочий-ударник», что давало возможность вне очереди получить паек или обед в заводской столовой[100]. По инициативе крупных заводов карточки стали распределять непосредственно в цехах «рабочими тройками» ежедневно. Рабочий, опоздавший на 15 минут, не получал купона. 15 ноября 1932 г. ЦИК принял Постановление «Об увольнении за прогул без уважительных причин», в соответствии с которым рабочие, пропустившие один день работы без уважительной причины, могут быть уволены и потерять все, что давала им работа, прежде всего — жилье и продуктовые карточки.[101] Однако постановление не выполнялось, т. к. руководители предприятий боялись остаться без квалифицированных рабочих. Дальнейшее усиление надзора за присутствием на работе дало лишь частичный эффект. По мнению партийного руководства, требовались более радикальные меры учета и контроля населения хотя бы самых крупных городов. В сочетании с уже отработанной тактикой насилия такие меры могли дать нужный эффект (созданное в апреле 1930 г. Управление лагерями ОГПУ было готово к приему новых поселенцев).

Объяснять паспортизацию чем-то одним — например, сдерживанием неконтролируемой миграции сельского населения в города (как это чаще всего и делается)[102], необходимостью учета рабочей силы, борьбой с криминалом и т. д. — видимо, не совсем верно[103]. Показательно, что какие бы объяснения ни предлагались, все они в той или иной мере находят подтверждение. Как мне кажется, точнее было бы говорить о паспортизации как о результате поисков выхода из системного кризиса, вызванного прежде всего произволом в принятии стратегических решений в самых разных

---

[100] *Голдман В.* Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920 — начала 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12) (http://www.nivestnik.ru/2005_1/07.shtml — Дата обращения: 17.04.2017).

[101] Об увольнении за прогул без уважительных причин // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (Далее — Собрание законов СССР). М., 1934. С. 765–766.

[102] См., например: *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–14; № 9. С. 3–13; и другие его работы.

[103] О несводимости причин паспортизации к сдерживанию сельского населения см., например: *Moine N.* Passeportisation, Statistique des Migrations et Contrôle de l'Identité Sociale // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. P. 587–600. Из последующих работ особенно следует отметить исследование Дэвида Шерера, в котором показана роль советской паспортной системы в организации борьбы с преступностью и шире — поддержании социального порядка. См.: *Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. N 4. Dec. P. 835–888.

сферах[104]. Ближайшие задачи диктовались безотлагательной необходимостью урегулировать взрывоопасную ситуацию хотя бы в крупнейших городах, а в перспективе — наладить учет и контроль населения после 15 лет его фактического отсутствия. Наведение порядка в столицах виделось в такой «работе с населением», которая приведет, во-первых, к перенаправлению стихийной миграции (не в город, а из города), а во-вторых, к установлению социальной (классовой) однородности этих городов путем их очищения от «классово-чуждых элементов».

Для темы паспортизации не менее важен другой вопрос, который до сих пор не ставился: почему в условиях тяжелейшего кризиса власть прибегла именно к паспортизации? Глубокие кризисы переживали и другие государства, но для выхода из них, насколько нам известно, не применялась паспортная система. Следовательно, речь должна идти о специфическом советском видении общества и, соответственно, о советской версии социальной инженерии. Большевики могли применить и более привычные им способы для того, чтобы перекрыть доступ беженцев в крупнейшие города, очистить их и тем более — сократить их население. Однако для выхода из критической ситуации власть поставила перед собой задачу отделить «своих» от «чужих», чтобы оставить первых и выдворить вторых. Но каким образом в процессе чистки городов отделить «своих» от «чужих»? В этой ситуации паспортизация (хотя бы как учет населения) приобретает осмысленность, но простое введение паспортной системы вряд ли могло решить эту проблему. Нужно было организовать ее таким образом, чтобы она стала не просто системой учета, но действенным механизмом сортировки людей. Иными словами, паспортная система должна была выполнить роль социального фильтра, который может отделить «чистое» население от «нечистого», тех, кто получит право жить в крупных городах и специальных паспортных зонах, от всех остальных.

Очевидно, что решение этой задачи возможно только в том случае, если паспорт станет инструментом, который «проявит» социальное лицо человека, сделает его видимым. Своего рода пропуском в число «своих» станут сведения о социальном происхождении, которые нужно предоставить для получения паспорта. Таким об-

---

[104] В частности, перекосом в развитии аграрного и индустриального секторов к началу 30-х гг. Об этом дисбалансе как глубинной причине кризиса 1932 г. см.: *Kessler G.* The passport system and state control over population flows... P. 478–504.

разом, основную работу по «сортировке» граждан должны выполнить сами граждане. Каждому претенденту на получение паспорта необходимо доказать, что он «свой». Сама паспортная книжка в этой ситуации должна стать знаком «чистоты» и благонадежности, своего рода призом, который получат лишь те, кто занят «общественно-полезным трудом» и не относится к числу «антиобщественных элементов». Другими словами, на период фильтрации паспорт станет документом только для «своих». Все те, кто не получит паспорта, должны подвергнуться высылке. Таким незамысловатым ходом можно отделить «своих» от чужих». Немаловажно и то, что процедура сортировки будет совершаться в правовой сфере, обеспечивающей видимость легитимности результатов.

В случае реализации этих устремлений, помимо всего прочего, решалась еще одна проблема, справиться с которой новой власти не удавалось в предыдущие годы: наладить учет и контроль в сфере документирования человека[105]. Попытаемся посмотреть, как решались эти задачи и что для этого было сделано на первом этапе создания советской паспортной системы.

Официальная версия паспортизации

Новая паспортная система была введена Постановлением ЦИК и СНК СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 г., подписанным председателем ЦИК СССР М. И. Калининым, председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым и секретарем ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Этот шаг объяснялся следующим образом: «В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков, новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких,

105 Один дополнительный штрих к характеристике ситуации с документами: в июле 1931 г. в Президиуме ВЦИК рассматривался вопрос о деятельности местных комиссий по выдаче удостоверений бывшим красногвардейцам и красным партизанам, которым были положены определенные льготы. Президиум констатировал: «В число бывших красногвардейцев и красных партизан иногда проникают авантюристы и даже контрреволюционные элементы. В отдельных городах (например, Самара) в числе лиц, имеющих удостоверения красного партизана, оказалось 60 % примазавшихся» (РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 76. Л. 53).

уголовных и иных антиобщественных элементов...»[106] Ключевые предикаты в этом Постановлении — *учет, разгрузка* и *очистка* — приписаны трем разным категориям населения.

Учету на этом этапе подлежала главным образом та часть населения, которая могла работать и тем самым приносить пользу (им-то и будут вручены паспорта).

Разгрузка предполагала выселение тех, кто не был связан с производством и работой в учреждениях (из числа местных жителей). Как будет ясно из дальнейшего, цель разгрузки — если не снять, то хотя бы несколько снизить напряжение, вызванное катастрофической нехваткой жилья в крупных городах: по замыслу организаторов паспортизации, свободное жилье должно появиться в результате выселения тех, кто не получит паспорта.

Под *очисткой* понималось выявление укрывающихся «кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов» со всеми вытекающими последствиями. Здесь и далее бросается в глаза широкое использование применительно к социальному «материалу» санитарного дискурса и, в частности, метафорики чистоты, очищения vs. грязи, мусора и т. п. В советском политическом дискурсе термин «чистка» стал широко применяться после состоявшейся в 1921 г. первой процедуры очищения партии большевиков от кулацких, мещанских элементов и представителей буржуазной интиллигенции[107].

Из этих трех направлений только *учет* в какой-то мере соответствовал идее паспортизации. Однако с ее помощью власть рассчитывала прежде всего *разгрузить* и *очистить* города. Другими словами, паспортизация была ориентирована не только и даже не

---

[106] Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов // СУ РСФСР, 1932. № 84. Ст. 516.

[107] Кроме исторических прецедентов (чистки применялись якобинцами во время их нахождения у власти), речь может идти об использовании религиозной метафорики (очищение от нечисти) в новом контексте. Чистота в этом случае будет пониматься как признак порядка, результат отторжения того, что не вписывается в предполагаемую конфигурацию, отделения всего лишнего, враждебного, подлежащего если не уничтожению, то удалению. Об антропологическом осмыслении чистоты существует много исследований, начиная с классической работы Мэри Дуглас (*Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. New York: Routledge, 1991. First Published in 1966). См. также: *Шмелева Т.* Семиотический мусор городской среды // Польско-славянские литературные исследования. Варшава: Ин-т Славистики ПАН, 1999; *Яковлева Е. С.* О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000; *Эпштейн М. Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004; *Иманкулова Е. В.* Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века // Человек в мире культуры. 2012. № 1. С. 12–19.

столько на тех, кто получит паспорта, сколько на тех, кто их не получит. Именно они войдут в категорию «нечистых» и будут выселены в десятидневный срок.

Публикация постановления и первые шаги в паспортизации сопровождались пропагандистской кампанией, которая была призвана растолковать официальные цели введения паспортной системы всем слоям населения и тем самым придать ей легитимный характер. Нужно сказать, что публикаций было на удивление мало, и первое время они размещались преимущественно в центральных газетах. 28 декабря 1932 г. в «Правде» были опубликованы: постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов», «Положение о паспортах» и постановление «Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ Союза ССР» (на это учреждение возлагалось общее руководство работой по паспортизации и введению прописки)[108]. В сопровождавшей эти публикации редакционной статье давалось разъяснение предстоящей кампании: «Введение паспортной системы должно прежде всего ударить по укрывающимся кулакам, ворам, спекулянтам, жуликам. А паспорт — единственный документ, дающий право на прописку, на постоянное пребывание в советских городах. Таким образом, паспортная система призвана помочь быстрейшей очистке городов от этих антиобщественных элементов». Этот эффект называется в статье «репрессивным», но при этом подчеркивается, что к нему паспортизация не сводится. Она «призвана помочь регулированию роста городов, более широкой разгрузке крупных населенных пунктов Советской страны». Заранее предполагается работа с жалобами и «сопротивлением классово враждебных пролетариату элементов», поэтому сознательным пролетариям предлагается проявить максимальную твердость.

Тот же набор директив на следующий день (29 декабря) был опубликован в газете «Труд». Название редакционной статьи выдержано в духе «санитарного» дискурса, которым проникнуты все тексты, так или иначе связанные с паспортизацией: «Очистить город от социального мусора». Крупные города, по мнению автора (скрывающегося за инициалом «А»), притягивают враждебные элементы, которым в них легче затеряться; именно паспорт «даст возможность проявить подлинное социальное лицо его владельца. Поскольку он

[108] Правда. 1932. 28 дек. № 358. С. 2.

становится единственным документом, дающим право на проживание в городах, паспортная система тем самым поможет отцедить образовавшуюся здесь накипь и сохранить жилищный фонд советских индустриальных центров для размещения тех кадров рабочих и специалистов, в которых страна действительно нуждается»[109].

В «Известиях» информация о подготовке к паспортизации появилась лишь 2 января в небольшой заметке. Только 15 января в этой газете были опубликованы постановления и извлечение из Инструкции о выдаче паспортов.

Любопытно, что на фоне такой на удивление слабой «разъяснительной работы» не обойдены вниманием оказались пионеры. Объяснение, адресованное подрастающему поколению, мало чем отличалось от пропаганды, ориентированной на взрослых, но необходимость быть понятной детям «выпрямила» аргументацию, сделав ее максимально прозрачной. Статья «Для чего вводятся паспорта» в «Пионерской правде» предлагалась для проведения бесед на отрядных сборах. В максимально доступной форме излагается общий контекст паспортизации:

> Мы разгромили капиталистические элементы в городе и деревне. Сейчас проживать кулаку в родном селе очень трудно, ибо он, как паразит, разоблачается ежедневно честными передовыми колхозниками. И вот кулачье, а также и другие паразиты — воры, спекулянты, перекупщики, хулиганы, жулики и т. п. — устремляются в большие города, где им легче затеряться и остаться незаметными среди миллионов трудящихся. Из этих паразитов и формируются значительные слои летунов и лодырей на наших предприятиях. Из них формируются кадры спекулянтов и перекупщиков, создающих очереди и вздувающих цены на колхозных рынках. Они же всячески организуют расхищение товаров из наших предприятий и магазинов. Партия и советское правительство принимают все меры к тому, чтобы усилить снабжение рабочих. Паразитические же элементы, проникая в города и промышленные центры, начинают жить за счет трудящихся, пользуясь и прикрываясь различными махинациями. **Очистить города от этих кулацких, паразитических, спекулянтских, воровских элементов и всех тунеядцев — вот что преследует закон о паспортизации** (выделено в оригинале. — *А. Б.*)[110].

---

[109] Труд. 1932. 29 дек. С. 2.

[110] Пионерская правда. 1933. 3 фев. С. 1. Показательно: в первых версиях биографии Павлика Морозова говорилось о том, что его отец продавал справки кулакам (*Келли К.* Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009. С. 102 и др.).

Пионеры должны были знать и о второй цели паспортизации — необходимости разгрузить жилой фонд крупнейших городов, чтобы сознательные трудящиеся могли улучшить условия своей жизни, а заодно «улучшить санитарные условия советских столиц». Успех начинающейся паспортизации, по мнению автора, зависит в том числе и от пионеров, которые должны проявлять максимальную бдительность: «нужно помогать партийным и комсомольским органам и органам милиции разоблачать все кулацкие и паразитические элементы, которые, несомненно, будут прибегать к различным ухищрениям и махинациям, чтобы укрыться от этой чистки пролетарских центров»[111].

И все же явная слабость «разъяснительной работы» по поводу паспортизации была замечена «на местах» и вызвала вопросы. На одном из крупнейших предприятий страны — Харьковском тракторном заводе — отмечали: «Кино, которое посещает ежедневно несколько тысяч человек, не использовано для пропаганды паспортизации. Радио молчит, а оно могло бы сыграть значительную роль в разоблачении классов враждебных элементов»[112]. Вероятно, такую ситуацию можно объяснить тем, что сам проект паспортизации разрабатывался в невероятной спешке. Не случайно газетам пришлось ограничиться «переводом» официальных постановлений на привычный язык советской прессы. Вместе с тем вполне возможно, что органы власти не хотели привлекать излишнего внимания к возвращению паспортной системы, которая еще совсем недавно преподносилась как орудие полицейского государства. Видимо, считалось, что основные характеристики сложившейся ситуации уже достаточно проговорены: враги названы, способ борьбы с ними определен и остается лишь реализовать задуманную операцию.

Гораздо быстрее распространялись слухи[113]: «Еще задолго до начала паспортизации стали ходить слухи о разгрузке города путем выселки многих из города. Создавалась паника, многие продавали дома, имущество и уезжали, иные позднее, уже во время паспор-

---

111 Пионерская правда. 1933. 3 фев. С. 1.

112 Труд. 1933. 24 янв. № 20. С. 4.

113 Об этом механизме функционирования информации см.: *Allport G. W., Postman L. J.* The Psychology of Rumor. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1948; *Donovan P.* One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. Vol. 54. P. 59–82; Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории: сб. ст. / под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.

тизации бросали пожитки и уезжали, опасаясь быть высланными в принудительном порядке не туда, куда бы хотелось. Создалось напряженное состояние»[114]. К сожалению, о циркулировавших в то время слухах сохранилось совсем мало материалов, однако можно полагать, что именно они определяли общую атмосферу паспортизации.

Организационная работа

Во второй половине 1932 г. состоялось несколько заседаний Политбюро, посвященных вопросу введения паспортной системы[115]. На заседании 15 ноября 1932 г. было принято решение о введении единой паспортной системы в СССР. На этом же заседании была создана «Комиссия по паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» (именно так она называлась) под руководством заместителя председателя ОГПУ В. А. Балицкого: «Для выработки конкретных мероприятий, как законодательного, так и организационно-практического характера, создать комиссию в составе т.т. Балицкий (председатель), Агранов, Усов, Булганин, Кадацкий, Медведь, Реденс, Кузоятов (Харьков), Акулов, Гроссман, Ананченко (Донбасс), Якимович (НКЗем)»[116], которой было поручено разработать Постановление об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР, а также Положение о паспортах. Уже 23 ноября В. А. Балицкий шлет записку в ЦК ВКП(б) и Сталину:

---

114 *Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.* Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 172.

115 Протоколы Политбюро № 123, п. 34/10 от 15.11 (О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов) и п. 17 от 25.11.1932; № 124, п. 2 от 01.12.1932; № 126, п. 3 от 16.12.1932 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 907, 909).

116 Балицкий В. А. — заместитель председателя ОГПУ, Агранов Я. С. — начальник управления ОГПУ, Усов А. Г. — заместитель председателя Мосгорисполкома, Булганин Н. А. — председатель исполкома Моссовета, Кадацкий И. Ф. — председатель исполкома Ленсовета, Медведь Ф. Д. — начальник управления НКВД по Ленинградской области, Реденс С. Ф. — полномочный представитель ОГПУ по Белоруссии, Кузоятов (Харьков) — не установлен, Акулов И. А. — член Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б) Украины, Гроссман В. Я. — член ЦКК ВКП(б), член коллегии Наркомата топливной промышленности, Ананченко Ф. Г. — член бюджетной комиссии ЦИК СССР от Украины, Якимович И. К. — начальник административно-финансового сектора, член коллегии Наркомзема (Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 104).

Комиссия ПБ о паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов, рассмотрев существующее законодательство по вопросам об удостоверении личности, учете и регистрации населения в СССР, установила, что до 1923 года никаких положений об удостоверении личности на всей территории Союза вообще не существовало и удостоверения личности выдавались произвольной формы. Порядок, установленный декретом ВЦИК от 20.VI.1923 г., измененный декретом от 18.VII.1927 г., являлся настолько несовершенным, что в данное время создалось следующее положение: Удостоверение личности не обязательно, за исключением «случаев, предусмотренных законом», но такие случаи в самом законе не оговорены. Удостоверением личности является всякий документ, вплоть до справок, выданных домоуправлением. Этих же документов достаточно и для прописки, и для получения продовольственной карточки, что дает самую благоприятную почву для злоупотреблений, поскольку домоуправления, на основании ими же выданных документов, сами производят прописку и выдают карточки. Наконец, постановлением ВЦИК'а и Совнаркома от 10.XI.1930 года право выдачи удостоверений личности было предоставлено Сельсоветам и отменена обязательная публикация об утере документов. Этот закон фактически аннулировал документацию населения в СССР[117].

Картина, нарисованная Балицким, ничего ужасного не содержала. При невысоком уровне коррупции и хотя бы минимальном доверии человеку такого рода документов вполне достаточно для нормального функционирования системы. Однако этих условий не было, и «навести порядок» можно было лишь резко подняв статус документа. Для этого был выбран неожиданный способ: объявить паспорт необходимым для проживания и в то же время резко ограничить его выдачу. По такому сценарию и велась подготовка к паспортизации.

Записка Балицкого заканчивается тем, что подготовленные проекты постановлений о введении паспортной системы в СССР и прописке выполнены в результате ознакомления с паспортной системой и учетом населения в дореволюционной России. Подобные ссылки на опыт дореволюционной администрации не были характерными для представителей государственных орга-

117 «Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер» (Как создавалась и развивалась паспортная система в стране) // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 104–105.

нов, тем более для руководства ОГПУ, но в данном случае четко указывали на источник технологии управления населением. Другое дело, что в новом контексте эта технология приобретет иные цели и смыслы.

Уже 14 декабря проекты постановлений были представлены в Политбюро. Сопроводительное письмо А. С. Енукидзе имело показательное название «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов». Основная задача виделась в том, чтобы с помощью вводимых паспортов «предотвратить неконтролируемое перемещение по стране огромных масс сельского населения». Напомним, что эти «огромные массы» неконтролируемо перемещались по стране из-за голода и разорения сел и деревень, наступивших как результат раскулачивания и коллективизации.

Первым шагом было изменение статуса Главного управления милиции, которое было переведено из оперативного управления ОГПУ непосредственно в его структуру (предыдущие два года оно числилось формально при СНК). На милицию и было возложено проведение всех мероприятий по введению паспортной системы. Тем самым милиция и порученная ей паспортизация становятся частью и функцией политической полиции. Все это произошло в один день с выходом Постановления о введении паспортной системы (27 декабря 1932 г.). Строго говоря, ничего нового и в этом случае придумано не было. Паспортный контроль в дореволюционной России еще с петровских времен осуществлялся полицией (как, впрочем, и в других европейских государствах). В областных и городских управлениях РКМ были образованы паспортные отделы, а в отделениях милиции — паспортные столы[118]. На органы милиции были возложены следующие задачи: выдача, обмен и изъятие (прием) паспортов; осуществление прописки и выписки; выдача гражданам пропусков и разрешений на въезд в пограничную зону; организация адресно-справочной (розыскной) работы; осуществление административного надзора за соблюдением гражданами и должностными лицами правил паспортного режима;

118 В Постановлении о подготовке паспортизации в Ленинграде к делу подошли основательно: «При районных советах г. Ленинграда организовать Комиссии по выбору жалоб лиц, которым отказано в выдаче паспортов или временных удостоверениях». Не забыли и о том, что нужно устроить подготовку бланков и обеспечить «бригады по выдаче паспортов» отоплением, освещением, телефонной связью, необходимым инвентарем (Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета. 1933. № 8. С. 3).

проведение массово-разъяснительной работы среди населения; выявление в процессе паспортной работы лиц, скрывающихся от органов советской власти. Понятия «режим», «зона», «надзор», «розыск» и др. переносятся из профессионального жаргона милиции в повседневный язык всего населения и становятся основными категориями советской картины мира.

В один день с Постановлением о введении паспортной системы вышло и Положение о паспортах: «1. Все граждане СССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках, обязаны иметь паспорта. 2. В местностях, где введена паспортная система, паспорт является единственным документом, удостоверяющим личность владельца. Все же прочие документы и удостоверения, служившие видом на жительство, отменяются как недействительные»[119]. Но, пожалуй, самым главным является то, что Положение связало паспорт и прописку с приемом на работу. Без паспорта и прописки становилось невозможно устроиться работать, а факт приема или увольнения обязательно отмечался в паспорте. В результате паспорт становился своего рода сверхдокументом, который определял жизненно важные для советского человека обстоятельства: возможность проживания в определенном месте и возможность трудоустройства (следовательно, получения продовольственных пайков). Все трудоспособное население городов автоматически подпадает под жесткий учет, на обеспечение которого теперь направлены все силы милиции.

При подготовке к введению паспортов в ОГПУ была разработана «Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова», имевшая общий и секретный разделы[120]. В соответствии с этой инструкцией устанавливались предельно жесткие сроки проведения паспортизации: с 10 января по 15 апреля 1933 г. Для этого все три города разбивались на части, в которых милиция должна была

119 Положение о паспортах // СУ РСФСР, 1932. № 84. Ст. 517.

120 Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 66–70). Она была рассмотрена на заседании Политбюро от 16.01.1933 (протокол № 128, п. 2 — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913). Другая инструкция, адресованная работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений, была опубликована, см.: СУ РСФСР, 1932. № 84. Ст. 516.

организовать пункты по выдаче паспортов (в Москве — не менее 400 таких пунктов). На предприятиях численностью более 2000 рабочих создавались свои паспортные пункты. В 100-километровой зоне вокруг Москвы и Ленинграда, а также в 50-километровой зоне вокруг Харькова учреждались аналогичные пункты. В областных и городских управлениях милиции учреждались паспортные отделы, а в отделениях милиции — паспортные столы. Во всех трех городах предписывалось немедленно приступить к реорганизации адресных бюро, основным назначением которых было создание своего рода базы данных для розыска преступников.

Основанием для выдачи паспортов должны были быть следующие документы: 1) справка домоуправления о месте постоянного жительства; 2) любой документ, удостоверяющий место и время рождения; 3) справка с места работы или службы; 4) учетно-воинский билет для всех лиц, обязанных иметь таковой по закону об обязательной военной службе. Отдельным пунктом предписывалось управлениям милиции разработать технику и форму прописки паспортов. ЖАКТы и домоуправления, выдававшие справки, становились важным звеном паспортизации, и не случайно «на местах» она начнется с мероприятий по чистке этих учреждений от работников, которые потенциально могли выдавать фиктивные справки «врагам народа»[121].

Пункт 18 Инструкции следует привести дословно: «Лицам, коим не будут выданы паспорта в Москве, Ленинграде и Харькове, не разрешается проживать в этих городах, а также в пределах 100-километровой полосы вокруг Москвы и Ленинграда и 50-километровой полосы вокруг Харькова. Этим лицам выдается органами милиции предписание о выезде в десятидневный срок»[122].

В контексте сказанного уже не кажется странным, что лица, которым *не будут выданы паспорта,* являются главными героями Инструкции. Их перечень составляет весь второй (секретный) раздел. Паспорта запрещено выдавать:

а) лицам, не связанным с производством и работой в учреждениях или школах и не занятым иным общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров);

---

121 В Центральном гос. архиве кинофотофонодокументов сохранились фотоматериалы, запечатлевшие проведение чистки работников жактов, связанной с подготовкой к выдаче новых паспортов в Ленинграде (ЦГАКФФД. Вр. 13104). Благодарю А. Пиир за предоставленные сведения.

122 Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове… Л. 68.

Комиссия под председательством члена Смольнинского Совета
т. Даргис[а] проводит чистку членов жакта по ул. Разъезжей
и Достоевского. Ленинград, 3/I - 33 г. Автор: Ребенков (ЦГАКФФД)

б) кулакам и раскулаченным, хотя бы они работали на предприятиях или состояли на службе в советских учреждениях;
в) лицам, прибывшим из других городов и сельских местностей Союза ССР после 1-го января 1930 года без приглашения на работу и не имеющим в настоящее время определенных занятий и специальной квалификации и проживающим большей частью без квартиры у своих знакомых, родственников или за особую плату в углах;
г) лицам, прибывшим из других городов и сельских местностей Союза ССР после 1-го января 1930 г. исключительно в целях личного устройства, независимо от того, работают они или не работают, и проживающим большей частью без квартиры у своих знакомых, родственников или за особую плату в углах;
д) служителям религиозных культов, не исполняющим функций, связанных с обслуживанием действующих храмов;
е) лицам, лишенным избирательных прав согласно избирательной инструкции ЦИК Союза ССР от 3 октября 1930 года;

ж) всем отбывшим срочное лишение свободы, ссылку или высылку по приговорам судов или Коллегии ОГПУ за преступления по перечню, прилагаемому к настоящей инструкции, а также иным антиобщественным элементам, связанным с преступными лицами по указанному перечню;

з) перебежчикам из-за границы на территорию Союза ССР. Примечание: политэмигранты под действие указанного пункта не подпадают;

и) членам семей лиц, указанных в п.п. «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», и «з», находящимся на их иждивении[123].

Таким образом, значительная часть городских жителей лишалась права на паспорт, что означало выселение из этих городов в десятидневный срок. ОГПУ нельзя отказать в некоторой прагматичности. Все так называемые «бывшие» были зачислены в категорию «е» — лиц, лишенных избирательных прав[124]. Но именно среди них было много полезных (образованных) людей, для

---

[123] Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове... Л. 69–70.

[124] Об этой категории см.: *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. Из воспоминаний скрипача Вахтанговского театра Юрия Елагина: «Наша семья была причислена к чуждым и классово-враждебным элементам по двум причинам — как семья бывших фабрикантов, т. е. капиталистов и эксплуататоров, и во-вторых — потому что мой отец был инженером с дореволюционным образованием, т. е. принадлежал к части русской интеллигенции, в высшей степени подозрительной и неблагонадежной с советской точки зрения. Первым результатом всего этого было то, что летом 1929 года нас лишили избирательных прав. Мы стали "лишенцами". Категория "лишенцев" среди советских граждан — это категория неполноценных граждан низшего разряда. Их положение в советском обществе... напоминало положение евреев в гитлеровской Германии. Государственная служба и профессии интеллигентного труда были для них закрыты. О высшем образовании не приходилось и мечтать. Лишенцы были первыми кандидатами в концлагеря и тюрьмы. Кроме того, во многих деталях повседневной жизни они постоянно чувствовали униженность своего общественного положения. Я помню, какое тяжелое впечатление на меня произвело то, что вскоре после лишения нас избирательных прав к нам в квартиру пришел монтер... и унес наш телефонный аппарат. "Лишенцам телефон не полагается", — сказал он кратко и выразительно...». Цит. по: *Хмельницкий Д.* «Паспортные столы производят облавы...» (Семьдесят лет советской паспортной системе) // Сетевой портал «Заметки по еврейской истории» (http://berkovich-zametki.com/Nomer26/Chmelnycky1.htm — Дата обращения: 17.04.2017). «Самому Юрию Елагину повезло. Как "артист", он оказался причислен к советской элите, получил паспорт и сохранил московскую прописку. Но его отец паспорт в 1933 г. не получил, был выслан из Москвы, арестован и погиб в лагере через два года. По мнению Елагина, из Москвы тогда было выслано около миллиона человек» (там же).

которых делалось исключение. В этом случае предписывалось выдавать паспорта лишенным избирательных прав, «если они работают на государственных предприятиях или в государственных учреждениях и представят от этих предприятий и учреждений свидетельство об их полезной работе»; «находящимся на службе в РККА» и «крупным специалистам», а также состоящим на их иждивении.

Заканчивается Инструкция предписанием подавать жалобы на отказ в выдаче паспортов и в прописке в районные советы по месту жительства, которые обязаны рассмотреть их в пятидневный срок. Эта информация была бы полезной для многих, но Инструкция имела гриф «Секретно». В открытой печати были опубликованы лишь небольшие извлечения. Остается только предположить, что представитель власти, отказавший гражданину в выдаче паспорта, мог уведомить его о возможности подать жалобу. Впрочем, это одна из многих иллюстраций функционирования той системы, которую я назвал *право-2*.

Следует отметить, что Инструкции, вышедшей 14 января 1933 г., предшествовал приказ ОГПУ СССР от 5 января 1933 г. «О чекистских мероприятиях по проведению паспортной системы». С него, вероятно, и следует вести отсчет реальных шагов паспортизации.

> В связи с постановлением Правительства от 27/XII-32 г. «О введении паспортной системы», в целях очистки гор. Москвы от контрреволюционных, кулацких, уголовных и друг. анти-советских элементов, — ПРИКАЗЫВАЮ:
>
> 1. Всем Отделам и Управлениям ОГПУ и ПП ОГПУ МО отнестись с особым вниманием к проведению операции по очистке г. Москвы от указанных элементов.
>
> 2. Проработку, проверку и объединение материалов на всех лиц, подлежащих удалению из Москвы, возложить на Оперативный Отдел ОГПУ и ПП ОГПУ МО.
>
> 3. Всем Управлениям и Отделам ОГПУ, ПП ОГПУ МО и Московскому Управлению Рабоче-Крестьянской Милиции представить в Оперод ОГПУ и ПП ОГПУ МО (по прилагаемой форме) списки контрреволюционных, кулацких, уголовных и других анти-советских элементов, проходящих по оперативным материалам (литерные дела, дела-формуляры, агентурные разработки, данные учета и пр.) в сроки: Управлениям и Отделам ОГПУ и ПП МО — к 8/1–33 года, Упр. Рабоче-Крестьянской Милиции — к 13/1–33 г.

4. В этот же срок представить в Оперод ОГПУ и ПП ОГПУ МО особые списки лиц, перечисленных в пункте 3 категорий, но подлежащих оставлению в Москве по оперативным соображениям (агентура, фигуранты агентурных разработок и т. п.). В списки включить только действительно необходимых для оперативной работы лиц, ставя себе задачей максимальное освобождение (и удаление из Москвы) от малоценной, неработоспособной и неквалифицированной агентуры и фигурантов малоценных разработок[125].

Судя по этому приказу, ОГПУ было озабочено не просто сохранением своей агентуры, но и ее очищением, что вполне соответствовало духу всей кампании. Причем даже эта организация столкнулась с некоторыми незапланированными сложностями. В Москве в это время было довольно много подозреваемых и обвиняемых в совершении различных преступлений. Естественно, у части из них была взята подписка о невыезде, другие содержались в изоляторах. Между тем паспортные предписания требовали их незамедлительного удаления. Вопрос был урегулирован Приказом ОГПУ СССР от 7 февраля 1933 г. «О пересмотре отобранных подписок о невыезде из Москвы», предписывавшим в пятидневный срок пересмотреть подписки у лиц, проходящих по следственным и другим делам, и в тех случаях, когда это окажется целесообразным, подписки аннулировать, а данных лиц немедленно удалить из столицы[126]. Таким образом, ОГПУ могло уже в середине февраля рапортовать о высылке первой партии контрреволюционных и криминальных элементов.

Наконец, для организации паспортизации существенное значение имел Циркуляр ОГПУ № 96 от 13.08.1933 «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения». В нем были выделены три группы лиц, по отношению к которым предписывалось применять «меры внесудебной репрессии»:

а) отказавшихся добровольно выезжать из местности, в которой им проживание запрещено, в связи с отказом в выдаче паспорта;

---

[125] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 1.

[126] Организация и проведение паспортизации в СССР в период 1933 по 1939 г. // Alldocs — коллекция электронных документов (http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=11599 — Дата обращения: 17.04.2017).

б) возвратившихся после отказа в местность, в которой им было запрещено проживание;

в) прибывших на жительство после отказа в выдаче паспорта в местности, в которой паспортизация населения проводилась по инструкции СНК СССР от 14 января 1933 г. (режимные местности), при условии, что органами РК милиции им было отказано в прописке или сделано предупреждение о запрещении проживания[127].

В этом же циркуляре описывалась технология работы милицейских (паспортных) троек и виды наказаний, которые следовало применять к нарушителям. Лица, не занятые работой в учреждениях и предприятиях, летуны и дезорганизаторы производства должны были быть наказаны запрещением проживания на паспортизированной территории (при повторном нарушении — до 3 лет с направлением в трудпоселки); лишенцы, кулаки и раскулаченные — направлением в спецпоселки до 3-х лет; отбывшие срочное лишение свободы, ссылку или высылку — направлением в спецпоселки до 3-х лет **(**при наличии приводов (в комендатуру спецпоселка. — *А. Б.*) — в лагеря до 3 лет, за исключением семейных, которые направляются с лицами, находящимися на их иждивении, в трудпоселки до 3 лет**)**; преступный и иной антиобщественный элемент — направлением в лагеря сроком до 3 лет. Паспортным тройкам предписывалось рассматривать материалы в течение 48 часов с момента задержания. Их основной работой было составление списков задержанных и определение для каждого из них меры внесудебной репрессии[128].

Как проходила паспортизация

Начало паспортизации, намеченное в Москве и Ленинграде на 10 января, было отложено «по техническим причинам» до 25 января (в Харькове — до 1 февраля)[129]. Выдача паспортов в Москве началась в 10 утра на 10 пунктах, расположенных на территории крупнейших промышленных предприятий. В среднем на паспор-

127 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202.
128 Там же. Л. 202–204.
129 Труд. 1933. 24 янв. № 20. С. 4.

Р.С.Ф.С.Р.
Главное Упр. Раб.-Кр. Милиции при СОВНАРКОМЕ
Управление Раб.-Крестьян. Милиции Ленинградской Области
Паспортный Отдел.
19 февраля 1933 г.
№ 68/К
Ленинград, площадь Урицкого, 8
Телефон — коммутатор Милиции
Адрес для телегр.: „Облмилиция"

Действительно по „15" марта 1933 г.

Удостоверение

Дано тов. Корнееву В. Т. в том, что он мобилизован для работы по выдаче паспортов в качестве нач. паспортного пункта 102 и с „19" февраля 1933 г. работает при Володарск. р-не

Начальник Сектора Кадров П/О
Секретарь

Удостоверение, выданное для проведения паспортизации (Государственный музей политической истории)

тизацию одного человека уходило 20–30 минут[130]. Это означало, что документы были сданы заранее, а указанное время уходило на проверку сведений (установление личности), подписи и печати.

Ситуацию паспортизации можно представить как работу гигантского отдела кадров, где в роли инспекторов оказались мотивированные на «правильный» отбор рабочие, входившие в «паспортные бригады»[131]. Их интерес, помимо реализации «классового сознания», основывался и на вполне прозаических вещах: обещанной жилплощади, карьерных перспективах, да и просто случившейся возможности распоряжаться чужими судьбами. Фильтр из документов был явно недостаточным и не все сотрудники этого «отдела кадров» были достаточно компетентны для того, чтобы им пользоваться. Поэтому опирались на другое — на неформальные характеристики, на слухи и, конечно, на «классовое чутье».

130 Известия. 1933. 20 янв. С. 3.

131 О метафоре работы с кадрами см.: *Кустарев А.* Об агентах советского хронотопа // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 268.

Следует согласиться с Натали Муан в том, что паспортизация многим давала возможность свести свои собственные счеты. Была зарегистрирована волна доносов: «Доносили на соседей: бывших служителей культа, на тех, у кого обнаруживали буржуазные наклонности, или на тех, кто якобы занимался какими-то махинациями»[132].

По воспоминаниям Ф. И. Горбунова, работавшего с мая по июнь 1933 г. заместителем секретаря одного из паспортных пунктов Челябинска, «вся эта история застала публику врасплох. У большинства не оказалось почти никаких документов и особенно у стариков не было метрик доказывающих их место и время рождения. Не было их и у средневозрастных. <…> В трудном положении оказались люди и пришлые столпившиеся сюда со всех концов республики, но и из заграничных мест, как например местностей, ранее входивших в состав старой России и теперь отошедших от нее в границы Польши, Литвы и др. вновь испеченных стран. Полетели во все концы запросы о высылке документов. Забегали люди по учреждениям собрать справки о том, что когда-то тот или иной работал в том или ином учреждении»[133]. При этом следует учесть, что паспортизация докатилась до Челябинска через несколько месяцев после ее начала в Москве и Ленинграде. Тем не менее население города оказалось полностью неподготовленным.

Вот как описывается в дневнике Ф. И. Горбунова техника паспортизации:

> 20 мая приступил к работе. Работа заключалась в том, чтобы сверять заполненные стандартные справки с домовой книгой и заверять своей подписью с приложенным штампом. Справки в большинстве написанные малограмотными людьми искажались до абсурдов: в вопросе «национальность» ставили ответ «православный». Не говоря уже о том, что ответы путали с вопросами. Писали не в соответствующих строках, безграмотно, неразборчиво. Все это приходилось исправлять. Домовые книги в большинстве истрепанные до крайностей. Приходилось их складывать по кускам и с трудом читать написанное. Многие являлись без книг, так как не были

---

132 *Муан Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 259.

133 Цит. по: *Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.* Паспортизация городского населения СССР… С. 170.

прописаны по таковым. Одни умоляли заверить им справки без книг приводя различные причины мешавшие им прописаться по книге. Иные наивно вписывали себя в книгу и, не заверив этих записей, удивлялись, что получали отказ в заверении справок»[134].

Такой виделась паспортизация изнутри, с точки зрения работника паспортного пункта — т. е. заведомо «надежного товарища».

Другая картина первых этапов операции представлена в «Сводках о ходе паспортизации», которые были снабжены грифом «Совершенно секретно» и адресованы ответственному за эту кампанию секретарю ЦИК СССР А. Енукидзе. Примечательно само название «сводки», которое отсылает, помимо прочего, к сводкам с театра военных действий. Примерно так паспортизация и преподносилась — как вариант гражданской войны «сознательных» с «несознательными». По состоянию на 10 февраля во всех трех городах и в Московской области было выдано 407324 паспорта. Отказы получили 8549 человек. «Невысокий процент отказов за отчетный срок объясняется тем, что выдача паспортов в первые дни производилась в Москве и Ленинграде проверенным группам старых рабочих, а в Харькове треугольникам предприятий»[135]. Авторы сводки стараются как-то обосновать недостаточно высокий, по их мнению, процент отказов, что само по себе недвусмысленно указывает на характер этого мероприятия. Большая часть тех, кто получил отказы (3401 человек), характеризуются как «лица, прибывшие в столицы после 1/1–31г. без приглашения на работу и не имеющие в настоящее время определенных занятий или хотя бы и работающие, но являющиеся летунами или дезорганизаторами производства»[136]. Кроме того, выявлено 2701 человек из сбежавших кулаков и раскулаченных, 896 судимых, 645 лишенцев, 563 не занятых общественно-полезным трудом, 55 перебежчиков и 275 иждивенцев указанных выше категорий. Сортировочная машина запущена.

Пожалуй, самое интересное в «Сводках о ходе паспортизации» — раздел «Настроения и слухи в связи с паспортизацией». Начинается он словами: «Постановление Правительства о прове-

---

[134] Цит. по: *Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.* Паспортизация городского населения СССР... С. 170.

[135] Сводка № 1 о ходе паспортизации по Москве, Ленинграду и Харькову по состоянию на 10/II–33 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 77–82. В состав «треугольника предприятия» входили секретарь парторганизации, секретарь РКСМ и председатель профсоюза.

[136] Там же. Л. 78.

дении в Союзе паспортизации нашло живейший отклик и полное одобрение в среде трудящихся». Далее идет подборка одобрительных высказываний рабочих, которые, если даже и придуманы составителями сводки, дают некоторое представление о ключевых элементах пропагандистского дискурса:

> — Егоров, раб. завода «Борец». «Хорошо, что вводится паспортная система, этим мы избавимся от преступных лиц».
>
> — Яковлев, столяр. «Скоро новые паспорта дадут одним рабочим, а всю сволочь выселят из домов и из Москвы. Рабочим будет легче жить и свободнее, давно бы надо было это сделать».
>
> — Юдаев, слесарь ХПЗ. «Надо почистить завод и город. Наши пайки поедают люди ничего общего с заводом не имеющие, какая-то банда бродячая. Есть на заводе такие люди, что по 3 часа в день работают. На что они нам. Я верю в то, что сократят часть рабочих, а программу будем выполнять большую. Это надо было сделать давно».
>
> — Неизвестный рабочий на ХПЗ [Харьковский паровозостроительный завод]. «Паспорт это путевка во вторую пятилетку».
>
> — Колхозники Красногорского района Моск. обл. «Нужно работать, а не быть паразитами. Советская власть правильно делает не выдавая паспортов паразитам и лодырям».
>
> — Рабочие Реутовской ф-ки, Московской обл. при отказе в выдаче паспортов 6 кулакам и уряднику говорили «Вот молодцы. Прямо в цель попали. Правильно делают, что таким типам паспорта не дают».
>
> — Рабочий Стадник, завод «Серп и молот» — «Паспортизация это своевременный и верный способ очищения столиц от грязи».
>
> — Служащий артели «Быт и труд». «Харьков крупный промышленный центр с миллионным населением. Здесь свили себе гнездо чуждые делу строительства социализма люди. Много преступного элемента в учреждениях, ничего творческого не проявляющих, много лишенцев. Паспорт выявит действительное количество советских граждан и полезность их в работе»[137].

Собственно о паспортах в этих высказываниях речь не идет. Основной мотив — выселение нежелательных лиц. В этом пункте устремления власти и рабочих совпадают, но мотивируются они по-разному: для рабочих важным оказывается высвобождение

---

137 Там же. Л. 78–79.

жилья, пайков и т. п., для власти — «очищение и учет». Вместе с тем, отмечается в Сводке, обнародование закона о паспортах дало «деклассированным элементам» повод к резкому усилению антисоветской агитации. Первой реакцией тех, кто был заведомо лишен надежды получить паспорта, было стихийное сопротивление. Так, например: «На заводе "Оргаметалл" — Москва 7/II среди рабочих стали распространяться отпечатанные на шапирографе листовки с призывом организовать забастовку протеста против паспортизации под лозунгами "долой паспорта, водку, тюрьмы и палачей из ГПУ". Виновный установлен и задержан»[138]. Нельзя не обратить внимания на то, что подобного рода лозунги прежде были адресованы царскому режиму (вместо «палачей из ГПУ» фигурировала царская охранка).

В разделе «Попытки насилия и угрозы» приведена следующая информация:

> Харьков. ХПЗ. [После] объявления отказа в выдаче паспортов 20 человекам кулацкие элементы на заводе грозили местью.
>
> Москва зав. «Красный пролетарий». Неизвестным лицом брошен кусок железа весом в 1 ½ килограмма в пом. нач. пункта при возвращении с завода.
>
> Вахрамеев после отказа в выдаче паспорта, подтвержденного райкомиссией по обжалованию, грозил зарезать секретаря комфракции домоуправления.
>
> Ленинград. Судимый Щукин после отказа в выдаче паспорта пытался организовать хулиганскую шайку для расправы с работниками пункта[139].

Риторика борьбы с затаившимся врагом получает конкретное воплощение. Нужные акценты расставлены. Открытое сопротивление паспортизации приписывается кулакам и уголовникам. Судя по сводке, представители других многочисленных категорий лиц, которым запрещалось выдавать паспорта, начали уезжать из столиц. Вынужденная миграция за пределы крупных городов становится преобладающей стратегией для тех, кто не мог рассчитывать на получение паспорта из-за особенностей своей биографии.

---

[138] Сводка № 1 о ходе паспортизации по Москве, Ленинграду и Харькову по состоянию на 10/II–33 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 79.

[139] Там же. Л. 79–80.

В связи с проводимой паспортизацией установлен отлив населения из Москвы, Ленинграда и Харькова и сокращение въезда в эти города. В декабре 1932 г. в Москву прибыло 185000 чел., убыло 110000 чел., осело 75000 чел. После опубликования закона картина меняется: с 1 января по 10 января прирост выразился лишь в 8000 человек. Начиная же с 10 января отмечается прекращение роста и неснижающаяся убыль населения. С 10/I по 10/II число жителей в Москве уменьшилось на 28211 человек. Эта цифра охватывает собой только выбывших кто был прописан в адресном столе, остальная масса уехавших не поддается учету, так как все они жили без документов и без прописки и уехали, зная, что им рассчитывать на получение паспортов не приходится[140].

Можно констатировать, что одна из задач паспортизации была выполнена: массовое бегство в столицы из голодающих районов прекратилось. Более того, начался великий исход «неблагонадежных» из крупнейших городов. По всей видимости, те, кто не стал дожидаться отказа в выдаче паспорта, провели своего рода процедуру самоидентификации и пришли к выводу, что надеяться на его получение не имеет смысла. Именно поэтому выше уже говорилось, что идентификации подверглись не только те, кто получил паспорта.

По крупнейшим предприятиям Ленинграда приводится такая статистика:

Сбежало не взяв расчета в связи с началом выдачи паспортов:
Завод им. Энгельса — 573
Завод Краснознаменец — 423
Красный Октябрь — 779
Русский дизель — 303
Ильич — 262
№ 77 — 482
Им. Ворошилова — 286[141].

По Москве цифры серьезнее — только с завода им. Сталина сразу после начала паспортизации разбежалось около 2000 человек. «О текучести рабочей силы на этом заводе можно судить по тому обстоятельству, что за 9 месяцев было принято на работу 11000 чел. и за тот же срок уволено 9000 чел. Кроме того, по имеющимся мате-

140 Там же. Л. 80.
141 Там же.

риалам будет отказано в выдаче паспорта примерно 2000 рабочих»[142]. В Сводке приводятся примеры «разоблачения» замаскировавшихся врагов: на заводе «Красный пролетарий» выявлена группа из 10 бывших «служителей культа». На Трубозаводе выявлено 600 человек, принятых на завод без всяких документов, как оказалось — кулаков и раскулаченных. Полное отсутствие учета рабочих демонстрируется на таких примерах, как обнаружение на Лесозаводе в Воскресенском районе Московской области целого барака, а на Химкомбинате в том же районе — 99 землянок, набитых людьми, отказавшимися назвать места работы.

«Классово-чуждые элементы», судя по сводке, проникли и в ряды партии («примазались к ней»). В Ленинграде на «Красном путиловце» выявлено 27 таких «примазавшихся», на «Красном треугольнике» — столько же, на «Северной верфи» — 16 и т. д. В Харькове на заводе «Поршень» выявлен кулак Якубовский, который бежал из ссылки и под фамилией Яновский устроился на завод, был принят в партию и избран в завком и райсовет. На заводе № 17 в Московской области «кандидат ВКП(б) Рудакова пришла на паспортный пункт и бросила свой кандидатский билет, говоря, что все равно она паспорта не получит. После этого она скрылась с завода, не взяв расчета»[143].

В «Сводке № 2»[144] по состоянию на 20 февраля 1933 г. отмечается увеличение процента отказов в выдаче паспортов, что никак не комментируется (видимо, считалось, что так и должно быть). «В среде трудящихся по-прежнему отмечается здоровое настроение и одобрение паспортной системы. Социально-чуждые и деклассированные элементы усиленно распускают панические слухи о многомиллионных цифрах выселяемых из города, о посылке выселяемых в Соловки и др. отдаленные места. Отмечен рост антисоветских и анти-семитских настроений»[145]. В качестве примеров приводится следующее:

> В ночь на 15-е февраля был обнаружен (убитым. — *А. Б.*) у себя на квартире т. Мареев К. Е., член ВКП(б), рабочий завода им. Ста-

---

142 Сводка № 1 о ходе паспортизации по Москве, Ленинграду и Харькову по состоянию на 10/II–33 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 81.

143 Там же. Л. 83.

144 Сводка № 2 по Москве, Ленинграду и Харькову. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 84–91.

145 Там же. Л. 85.

лина (Москва). Мареев принимал активное участие в проведении паспортизации и за несколько дней до этого говорил секретарю цехячейки о том, что некоторые лица с уголовным прошлым вели разговор о намерении совершить убийство, если им откажут в паспортах. Подозреваемые арестованы.

На паспортном пункте при заводе им. Энгельса (Ленинград) гр-н Чернышев, получив временное удостоверение на 3 месяца, в присутствии рабочих заявил: «мы с Вами рассчитаемся. Вот у нас убили рабкора, так будет и с бригадиром по паспортам», Чернышев арестован[146].

Временные удостоверения выдавались «сомнительным». Паспортизация принимала форму производственного процесса, о чем свидетельствует должность «бригадира по паспортам».

В Сводке отмечается продолжающийся «отлив населения» (проще говоря, бегство людей от паспортизации). За 30 дней (с 10 января по 10 февраля) население Москвы уменьшилось на 42000 человек. Население Ленинграда уменьшается в среднем на 1 тыс. человек в день. Ведется дальнейшее «очищение» предприятий от «засоренности классово-чуждыми элементами»:

Москва. Завод им. Молотова. Рабочих 1343 чел. Из них отказано в выдаче паспортов 121 чел. и выдано временных удостоверений как сомнительным 95 чел. Там же установлено, что завком оказался засоренным кулаками. Завком переизбран, но и в новый состав пролез лишенец, сын крупного фабриканта, находящегося в ссылке. На этом заводе работало 8 попов истопниками и сторожами. В качестве инженерно-технического персонала работали главным инженером Махов, быв. помещик и офицер лейб-гвардии, полтора года служивший у Колчака. Старшим экономистом Ефременко, быв. офицер, доброволец белой армии, служивший в частях генерала Дроздова[147]. (Любопытно, что слово «бывший» стало, видимо, настолько частотным, что его везде сокращали, иногда до одной буквы, например, «б. церковь» и т. п. — ***А. Б.***).

Харьков. ХПЗ. Цех Т-2 (имеющий важное оборонное значение) засорен чуждыми людьми. Из 117 чел. рассмотренных паспортным пунктом, оказалось кулаков 65, бывших торговцев, офицеров и лишенцев 24 человека, имеющих не менее 2-х судимостей и регистрацию за кражу — 28 человек[148].

---

146 Там же. Л. 85–86.
147 Там же. Л. 87–88.
148 Там же. Л. 88.

Вновь обнаружены и «примазавшиеся к партии» кулаки, их сыновья, бывшие белогвардейцы, сын одного из осужденных по делу Промпартии, владелец чайной и сапожной мастерской с наемной рабочей силой и др. Примечательно, что большинство «примазавшихся» — родственники уголовно преследуемых «элементов», чаще всего сыновья, которые призваны к ответу за своих отцов.

Во время паспортизации ОГПУ активно собирало сведения не только о «классовых врагах», но и об асоциальных элементах, к числу которых относились наркоманы, проститутки, содержатели притонов. В фокусе внимания органов оказались и граждане с различного рода «отклонениями», в частности гомосексуалисты. Дело в том, что в разгар чистки гомосексуализм был признан уголовным преступлением, и соответствующая статья вошла в Уголовный кодекс (17 декабря 1933 г.). Паспортизация оказалась как нельзя более кстати для сбора компрометирующих материалов на подобные сообщества. К числу первых относится громкое ленинградское дело о 175 гомосексуалистах. Все они были осуждены как уголовные преступники по стандартному обвинению в «содержании притонов» и высланы из города[149].

Следует отметить особое отношение к «служителям культа». Пункт «д» второго раздела Инструкции, в соответствии с которым запрещалось выдавать паспорта «служителям религиозных культов, не исполняющим функций, связанных с обслуживанием действующих храмов», видимо, нуждался в уточнениях. В Ленинграде он подвергся корректировке и детализации. 16 марта 1933 г. было проведено совещание инспекторов по вопросам культов г. Ленинграда и Пригородного района. Тов. Медведев (представитель ОГПУ) информирует, что в районе проживает около 600 служителей культов, из которых только 60 % прошли регистрацию, и объявляет следующий порядок выдачи паспортов для таких граждан: «Ни один из паспортных столов не выдает паспортов служителям культов и выдача таковых устанавливается в тройке при райсовете, все же ранее выданные паспорта служителей культов берутся на особый учет и сообщаются в тройки при райсоветах с указанием фамилии, имени и отчества, какую обслуживает церковь и точное местожительство»[150].

---

149 *Иванов В.* Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х и их погром // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 126–140.

150 *Черепнина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке: сб. документов. СПб.: Лики России, 2000. Док. № 164. С. 179–181 (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20. Л. 5–6.)

При этом предписывается дифференцированный подход к священникам. Например, не выдавать паспортов «служителям культов иосифлянского вероисповедания», но вместе с тем выдавать «всем служителям культов иностранного вероисповедания: немецким, финским, католическим, еврейским и др.». Предлагается «особенно крепко подходить к Сергиевской ориентации и мягче к обновленцам». Регламентировалось и количество «оставляемых» служителей: «В церквах не оставлять больше 2 и в часовнях больше 1 служителя культа». Даже сторожам и уборщицам при церквях следовало выдавать паспорта только по согласованию с соответствующими инстанциями. К религиозно настроенным рабочим предлагалось «подходить осторожно, так как их еще можно политически обработать». Основными действующими лицами в решении вопросов выдачи/невыдачи паспортов на районном уровне являются «инспекторы культов» и представители тройки при райисполкоме. Участники заседания условились о своего рода тайном языке: «слово “является”, вписанное в справку, служит правом для выдачи паспорта, а “ограничивается” отказом»[151].

Следует отметить и особое внимание ОГПУ к «паспортизации» железных дорог и прилегающих территорий. Они были объявлены зонами особого контроля. Паспортизация территорий железных дорог началась летом 1933 г. (т. е. вскоре после объявления о введении паспортной системы) и постепенно распространилась на всю сеть железных дорог страны. Перевод территорий «вблизи» железных дорог на паспортный режим означал прежде всего чистку рабочих и служащих железнодорожного транспорта, которая особенно усилилась после Приказа НКВД СССР № 001519 от 27 декабря 1939 г. Этим приказом чистка была распространена и на население, не занятое работой на железной дороге, но живущее вблизи этих коммуникаций. «Антисоветский и уголовный элемент» выискивался в перенаселенном временном и ветхом жилье, которое было фактически полностью снесено, а его обитатели были выселены подальше от «жизненно важных для страны артерий»[152].

---

[151] Там же.

[152] Подробнее о паспортизации на железных дорогах см.: *Попов В. П.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html — Дата обращения: 17.04.2017).

«Перегибы правового характера»

Как и всякая операция, затрагивающая судьбы многих людей, паспортизация велась в двух регистрах — официальном и неофициальном, но регистрировались в основном официальные данные. Составители сводок с «фронта паспортизации» оперировали общими цифрами. Судьбы конкретных людей не улавливались такой оптикой, да и не особенно интересовали тех, кто занимался паспортизацией. Другое дело — рассмотрение данных о претендентах на получение паспортов в так называемых паспортных комиссиях. Здесь подход был строго индивидуальным и малейшие сомнения в чистоте биографии могли повлечь за собой отказ в выдаче паспорта.

У тех, кому отказали необоснованно (с их точки зрения), оставался один способ быть услышанными — жалоба в вышестоящие инстанции. Поток жалоб на неправомерные отказы в выдаче паспортов постоянно нарастал. В «Информационной сводке Секретариата председателя ЦИК и ВЦИК о жалобах, поступающих в секретариат на невыдачу паспортов...»[153] говорится, что в течение февраля и 19 дней марта текущего (1933) года Секретариатом принято 1529 жалоб на невыдачу паспортов. При этом специально оговаривается, что речь идет только о тех жалобах, которые приняты при личном приеме граждан как имеющие под собой веское основание. Количество непринятых жалоб не поддается учету. Далее следует выборочный материал личного приема в течение двух дней от граждан Московской области. Сводка включает краткое описание 22 жалоб. Приведу несколько таких описаний:

> Проживающей с 10-летнего возраста (с 1906 г.) в дер. Исаково гр-ке Клиповой отказали в выдаче паспорта, так как ее мужа выслали. По справке хозяйство бедняцкое состояло в колхозе. В декабре 1932 г. после высылки мужа всю семью исключили по этому же мотиву из колхоза. Семья состоит из Клиповой и ее 4-х детей от 4-х годовалого до 14-ти летнего возраста. Причина высылки мужа никому не известна[154].

---

[153] Информационная сводка Секретариата председателя ЦИК и ВЦИК о жалобах, поступающих в секретариат на невыдачу паспортов по районам Московской области. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 115–120.

[154] Там же. Л. 117.

> Гр-ну Звереву Мих. Алекс. 26 лет, работающему пом. бухгалтера на фабрике «Кухня № 3» при заводе «Серп и Молот» отказали в выдаче паспорта из-за того, что его отец служитель культа, хотя Зверев с момента поступления в Красную Армию где он пробыл с 1929 по 1931 г. никакой связи с отцом не имеет[155].
>
> Гр-ка Никитина Мар. Алекс. 28 лет жалуется на отказ в выдаче паспорта как бывшей лишенке. Была лишена избирательных прав за сдачу в наем помещения, но ВЦИКом была восстановлена в избирательных правах. Муж работает на заводе им. Калинина. Сама работала в 1932 г. в Детдоме а с сентября мес. на заводе № 22. Имеет 3-х детей, 3, 5, и 7 лет. Живет в Борвихе[156].
>
> Гр-ке Немировской Р. Д., прожившей 2 года в Москве и 2 года в Быкове не дали паспорта также как и ее мужу, отказываясь в объяснении ей причин невыдачи. Муж Немировской кустарь одиночка, работающий по починке портфелей, на что имеет бесплатный патент. Сама она в прошлом работница ткацкой фабрики. Имеет 2-х детей[157].

Как видим, отказ в выдаче паспорта можно было получить по самым разным причинам, вовсе не обязательно тем, которые приводились в инструкции. Любые сомнения в принадлежности к «своим» могли послужить поводом для отказа. И не случайно «Сводка № 2» заканчивается словами: «за последние дни усилилось поступление жалоб…»[158].

Вскоре поток жалоб на невыдачу паспортов стал, видимо, таким, что требовал какой-то реакции властей. Сохранилась Докладная записка с грифом «Секретно», датированная 16 марта 1933 г. Она начинается словами: «Практика по выдаче паспортов показывает, что до настоящего времени дело по проведению в жизнь паспорт-

---

155 Там же. Противоположным примером может послужить автобиография Хасанова Абдурахмана, муэдзина ленинградской соборной мечети (называет себя помощником муллы), который после смерти отца сам был избран муллой и, тем не менее, получил паспорт (и не один раз). Можно предположить, что это стало возможным благодаря разному подходу к служителям разных конфессий. Орфография оригинала сохраняется: «<…>1918 год феврал месяц я Вирнулся дамай. И 1918 год канце февряля Выбиреле меня на место Атца муллуй <вычерк. 29 иле 30 й> 1918 год до 1930 за года служил муллуй точна не памну. Канце 29й иле 30 й год преежял В г. Маскаву, с начала рабатал паденный, патам рабатал старажом В бамажнам камбинате. И тут 1933 г. палучил 3Х гадичный паспарт. Канце 1933й год преихал в Ленинград. <…> И тут — 1936 г. 27й Января 5 пять гадочный паспарт палучил» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 59. Благодарю К. Келли за указанный материал).

156 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 118.

157 Там же. Л. 119.

158 Там же. Л. 120.

ной системы обстоит неблагополучно»[159]. Речь идет о «перегибах правового характера», под которыми понимались случаи выдачи паспортов тем, кто не имеет на них права, и, наоборот, отказы выдавать паспорта тем, кто имеет право по действующей Инструкции (стилистика записки явно восходит к статье Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения»[160], в которой речь шла о «перегибах» при коллективизации).

Основную причину неудовлетворительного течения кампании автор записки (она подписана редактором-консультантом Игнатьевым) видел в недостаточно «политически квалифицированном аппарате» паспортных пунктов и отсутствии контроля за действиями этого «аппарата». Если отследить количество безосновательно выданных паспортов трудно, то об отказах без достаточных оснований говорят заявления и жалобы, количество которых, видимо, зашкаливало. Недостаточная квалификация работников паспортных пунктов, по мнению автора записки, проявлялась в том, что реально применялась не только официальная инструкция, но и ее «устные» варианты.

> Причина искажения инструкции заключается в том, что эта инструкция, апробированная директивными органами, расходится с теми устными установками, которые давались товарищам при посылке их на паспортную работу. Эта последняя установка требовала лишать паспортов всех бывших людей, независимо от того, совершено ли ими какое-либо преступление, являются ли они теперь трудящимися, какого они возраста, старожилы ли Москвы и т. п. Поэтому в районных тройках и на паспортных пунктах систематически вступают между собой в коллизию эти устные установки с инструкцией СНК Союза СССР. Инструкция, например, требует, чтобы трудящимся, не совершившим известных преступлений, поименованных в ней, паспорта выдавались; устная же установка исходит из того, что данный трудящийся сын генерала, или потомственный дворянин, или сын попа, и поэтому паспорта таким гражданам не выдаются. Или инструкция допускает выдачу паспортов даже лишенцам, не совершившим указанных в инструкции преступлений, — старожилам-уроженцам Москвы. Устная же установка, говоря «вообще» о классовых врагах, относит и восстановленных в избирательных правах к тем категориям, которым паспорт

---

159 Докладная записка. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 101.
160 «Правда». 1930. 2 мар. № 60.

> не выдается. Инструкция требует, чтобы паспорт не выдавался лишь отбывшим наказание за ряд указанных в ней преступлений. Практика, на основании устных установок, отказывает в выдаче паспорта за арест в ГПУ — 2–3 суток по валютным делам. Поэтому первое, что требуется сделать в целях избежания перегибов, — это установить, является ли обязательной инструкция СНК Союза ССР и подлежат ли точному применению все ее пункты[161].

Эти устные установки, помимо всего прочего, являются хорошей иллюстрацией функционирования того института, который обычно называется «властью». К нему могут относиться самые разные субъекты, в том числе те, которые приобретают этот статус окказионально (например, передовые рабочие — члены бригад по паспортизации). Чиновники на местах по-своему интерпретируют и «внедряют в жизнь» правила, сформулированные на более высоких уровнях. Устные версии идущих сверху указаний становятся их окончательными вариантами и непосредственным руководством для остальных граждан.

Расхождение инструкции и практик, основанных на «устных установках», особенно заметно по отношению к родственникам лиц, которые попали в категорию «врагов». Практики преследования родственников возникли еще до введения паспортов и особенно усилились в процессе коллективизации. Не случайно с начала 1930-х гг. нарастает поток отказов от близких родственников, который лишь увеличился в процессе паспортизации. Официальные издания местных исполкомов оказались заполнены такого рода объявлениями: «Я, гр. Чвыров, В. И., проживающий в г. Любань, Банный, 3, отказываюсь от своего отца гр. Чвырова, И. М., проживающего дер. Заполье, Старорусский район»[162]. Или: «Вал. Як. Петрова объявляет о порыве связи с мужем — служителем культа»[163]. Но даже такого рода публичные отказы не всегда спасали. К тому же наличием преступной связи считалось родство до нескольких поколений. Здесь нужно отметить одну деталь, характерную не только для сталинского, но и для всего советского периода: особенности реализации директив «на местах» таковы, что их, как правило, ужесточали, а не смягчали, и чем ниже уровень практического исполнения, тем с большим рвением это делалось.

---

161 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 102.

162 Вестник Ленинградского Облисполкома и Лен. Совета. 1931. № 4. С. 3.

163 Там же. 1931. № 59. С. 4.

Автор Докладной записки от 16 марта 1933 г. предлагает ряд мер по устранению «недочетов»: создание комиссий по проверке работы паспортных пунктов; рассмотрение этими комиссиями отказов в выдаче паспортов; вменение инстанциям в обязанность «выносить свои решения на основе подлинных дел», с затребованием документов с мест, а не на основании телефонных сообщений; предоставление гражданам возможности давать свои пояснения при рассмотрении их дел и др.[164] Видимо, к числу «недостатков» было отнесено и отсутствие в сводках данных о сопровождавших паспортизацию самоубийствах, которые должным образом не расследовались. Их количество было таково, что Главное Управление милиции вынуждено было разослать циркуляр (от 19 апреля 1933 г.) с требованием не только сообщать обо всех случаях самоубийств, связанных с паспортизацией, но и «тщательно их расследовать»[165].

Жалобы и письма в высокие инстанции — особый жанр взаимоотношений между гражданами и официальными органами в СССР[166]. Они должны были демонстрировать непосредственное участие граждан в общей борьбе с различного рода недостатками и искривлениями линии партии. По этой причине было принято на них реагировать[167]. Реакция последовала в виде Циркулярного письма от 03.06.1933 г., адресованного Центральным Исполни-

---

[164] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 102 об.

[165] ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 5. Л. 37.

[166] О жалобах как форме взаимодействия с государственными органами см.: *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996; *Fitzpatrick Sh.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journal of Modern History. 1996. № 68(4). P. 831–866; *Коткин С.* Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 250–328; *Утехин И. В.* Из наблюдений за поэтикой жалобы // Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. Вып. 2. СПб.: Издательство Европейского университета, 2004. С. 274–305; *Богданова Е. А.* Газетные жалобы как стратегии защиты потребительских интересов. Позднесоветский период // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. N 6. С. 44–48; Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Ливщиц, И. Б. Орлов. Москва: РОССПЭН, 1998; *Ливщиц А. Я., Орлов И. Б., Хлевнюк О. В.* Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. Москва: РОССПЭН, 2002 и др.

[167] Регулярно выходили грозные постановления о работе с населением, которая во многом сводилась к рассмотрению жалоб и заявлений. В качестве примера приведу несколько положений из Постановления СНК РСФСР от 25 авг. 1939 г. № 442 «О состоянии дела рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся в народных комиссариатах РСФСР, областных, краевых исполкомах и СНК АССР»:

Обязать народных комиссаров и руководителей ведомств <...>:

тельным Комитетам РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, Уз. ССР, Турк. ССР, Тадж. ССР. В нем отмечаются «серьезные перегибы в проведении паспортизации», подтверждается статус «Инструкции о выдаче и прописке паспортов» как основного руководства по паспортизации и указывается на недопустимость ее нарушения[168]. Трудно сказать, насколько это письмо возымело действие «на местах», но, судя по характеру и темпам проведения кампании, никаких существенных изменений в ее характере не произошло. Об этом свидетельствует организованная паспортными отделами и столами летом 1933 г. «зачистка» тех, кто скрывался от паспортизации, в частности цыган[169]. К тому же расширилась география паспортизации — она распространилась на другие крупнейшие города.

Собственно человеческий (неофициальный) регистр восприятия паспортизации представлен не таким большим объемом материала, как официальный, но все же сохранились свидетельства тех, для кого паспортизация стала жизненно важным событием. Многое зависело от состава работников паспортных пунктов. Из воспоминаний Павла Филонова: «10 [марта]. Утром мы с Петею ходили по вызову на паспортный пункт. Предвидя объяснение, я взял с собою каталог со статьею Исакова и афишу из Горкома, где было отпечатано о моем докладе. Когда меня позвали к начальнику пункта, замечательно честному с виду рабочему (по моему мнению), он сказал, что в документах моих нет указания, состою ли я членом профсоюза. Я сказал, что работаю дома как исследователь, и предъявил членский билет из Сорабиса, показал каталог и афишу. Он с глубочайшим интересом рассмотрел все рисунки в тексте и спросил, где эту книжку можно приобрести и кто ее издавал.

> а) установить дни и часы личного приема…;
>
> б) организовать контроль за своевременным прохождением и разрешением жалоб и заявлений трудящихся;
>
> в) не реже одного раза в квартал заслушивать на заседаниях коллегий <…> заведующих бюро жалоб и приемными о состоянии дела с рассмотрением жалоб и заявлений трудящихся <…>

И в конце пространного текста:

> Предложить Управлению Делами СНК РСФСР проводить проверку работы <…> с обязательным рассмотрением выводов по материалам проверки на заседаниях президиумов край(обл)исполкомов и СНК АССР.

(Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. 2. М.: Госюриздат, 1959. С. 448–449).

[168] Центральным Исполнительным Комитетам РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, Уз. ССР, Турк. ССР, Тадж. ССР. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 104.

[169] См. об этом: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / сост. С. В. Мироненко, Н. Верт. М.: РОССПЭН, 2004.

Сказал, что паспорт я получу»[170]. Если основываться на таких воспоминаниях, то можно было бы сказать, что каждый случай — своего рода лотерея, но вместе с тем магистральная линия выдерживалась в заданном направлении[171].

Уже через полтора года после введения паспортной системы, 13 августа 1934 г., НКВД рапортовало об итогах паспортизации, хотя правильнее было бы говорить о промежуточных итогах[172]. В первой части Отчета дана картина проведенной работы по организации введения паспортной системы. Во второй — описание сложностей, с которыми столкнулись органы при ее проведении: «Классовый враг оказывал проведению паспортизации активное противодействие. Антисоветская агитация, распространение всяких нелепых слухов, подделка документов (особенно справок сельсоветов), дача взяток, угрозы, избиение работников паспортных пунктов, покушения на работников паспортных пунктов и даже диверсионные акты — все это было пущено в ход классовым врагом»[173].

Всего, если верить отчету, было «охвачено паспортизацией» 27 009 559 человек. Но это далеко не главный итог. Как уже было сказано, основной целью паспортизации было установление контроля над населением важнейших городов и районов страны. Контроль предполагает налаженный механизм учета, а именно в этом направлении сотрудники НКВД столкнулись с основными трудностями: «...было выявлено безобразное состояние учета не только рабочих на предприятиях, но также населения городов. Так, например, в Магнитогорске до паспортизации числилось 250 тыс. населения, фактически же в момент паспортизации оказалось всего ок. 75 тыс. На о-ве Сахалин числилось 120 тыс. населения,

---

170 *Филонов П. Н.* Дневник. СПб.: Азбука, 2000. С. 191.

171 Дух паспортизации точно уловлен М. Булгаковым:
— Паспорт! — тявкнул кот и протянул пухлую лапу.
Ничего не соображая и ничего не видя, кроме двух искр, горящих в кошачьих глазах, Поплавский выхватил из кармана паспорт, как кинжал. <...>
– Каким отделением выдан документ? — спросил кот, всматриваясь в страницу. Ответа не последовало.
– Четыреста двенадцатым, — сам себе сказал кот, водя лапой по паспорту, который он держал кверху ногами, — ну да, конечно! Мне это отделение известно! Там кому попало выдают паспорта! А я б, например, не выдал такому, как вы! Глянул бы только раз в лицо и моментально отказал бы!
(М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

172 Об итогах проведения паспортизации по РСФСР. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 27–33.

173 Там же. Л. 31.

фактически же оказалось около 60 тыс., и т. д.»[174]. Такое несоответствие объясняется просто: население в массовом порядке покидало паспортизируемые территории, предупреждая тем самым неминуемые проверки и возможные репрессии. В этом же отчете можно обнаружить, что в результате паспортизации население Москвы уменьшилось по сравнению с «вероятной численностью» на 578 тыс., Ленинграда — на 300 тыс. Даже среди тех, кто считал себя чистым перед властью и в надежде на получение паспорта не покинул место проживания, получили их далеко не все. Отказано в получении паспорта в Москве — 102955 чел., в Ленинграде — 34160 чел. Поскольку паспортный режим с момента начала паспортизации считался введенным, те, кто не получил паспортов, были осуждены по новой статье «нарушение паспортного режима».

Несмотря на суровые методы наведения порядка, о торжестве паспортного режима говорить не приходилось, и не случайно отчет об итогах заканчивается без обычных победных реляций. Вместо того констатируется: «…уже после паспортизации было обнаружено в режимных местностях 123.953 чел., принятых (на предприятия. — *А. Б.*) без паспортов, причем хозяйственники ссылаются на производственные задания и настаивают на выдаче им паспортов»[175]. Тем не менее можно сказать, что надежды, возложенные властью на начальный этап паспортизации, оправдались. Гигантская сортировочная машина была приведена в действие. Отделение «своих» от «чужих» совершалось не только по вертикали, с опорой на анкетные данные о социальном происхождении, но во многом было переведено в горизонтальную плоскость и доверено классовому чутью «своих».

Второй этап паспортизации

Постановлением Совнаркома СССР № 861 от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» к режимным были отнесены города Киев, Одесса, Минск, Ростов-на-Дону, Сталинград, Сталинск, Баку, Горький, Сормово, Магнитогорск, Челябинск, Грозный, Севастополь, Сталино, Пермь, Днепропетровск, Свердловск, Владивосток, Хабаровск, Никольско-Уссурийск,

---

[174] Там же.
[175] Там же. Л. 27.

Спасск, Благовещенск, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Ленинск, а также населенные пункты в пределах стокилометровой западноевропейской пограничной полосы СССР. Начался второй этап паспортизации, который наметил контуры новой советской географии (о ней подробнее в следующем разделе).

Резкое расширение территории паспортизации привело к тому, что органы милиции все хуже справлялись с нарастающим потоком дел. В середине 1934 г. в недрах московской милиции родилась идея максимально упростить процесс. Рассмотрение дел о высылке из Москвы деклассированного, преступного, нищенствующего и беспаспортного элемента было поручено так называемым тройкам, которым было предписано вести внесудебное расследование дел, связанных с паспортизацией[176]. Вероятно, опыт применения этих троек дал ожидаемый эффект. В следующем году появилась записка Г. Г. Ягоды и А. Я. Вышинского, адресованная Сталину и Молотову: «В целях быстрейшей очистки городов, подпадающих под действие ст. 10 закона о паспортах, от уголовных и деклассированных элементов, а также злостных нарушителей Положения о паспортах, Наркомвнудел и Прокуратура Союза СССР 10 января 1935 г. дали распоряжение об образовании на местах специальных троек для разрешения дел указанной категории. Это мероприятие диктовалось тем, что число задержанных лиц по указанным делам было очень значительным, и рассмотрение этих дел в Москве в Особом Совещании приводило к чрезмерной затяжке рассмотрения этих дел и к перегрузке мест предварительного заключения. Считая целесообразным организацию на местах таких троек для предварительного рассмотрения дел указанной выше категории с последующим утверждением их решений Особым Совещанием, просим утвердить прилагаемый проект постановления». В левом верхнем углу листа помета фиолетовыми чернилами: «За — Молотов». Поперек текста красным карандашом И. Сталин написал: «“Быстрейшая” очистка опасна. Надо очищать постепенно и основательно, без толчков и излишнего административного восторга. Следовало бы определить годичный срок окончания чисток. В остальном согласен. И. Ст.»[177].

---

[176] Первое распоряжение, в котором речь зашла о введении специальных паспортных троек, — Циркуляр ОГПУ № 96 от 13.08.1933 «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204).

[177] Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 109.

В появившейся вскоре «Инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях Положения о паспортах» замечание Сталина было учтено: «Изъятие уголовного и деклассированного элемента, нарушителей паспортного режима должно производиться без лишней торопливости, не допуская массовых операций и кампанейства. При рассмотрении дел тройки должны тщательно и внимательно изучать все обстоятельства каждого дела и в точности руководствоваться инструкцией ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г.»[178]. В состав троек были введены представители прокуратуры. Решения троек утверждались Особым совещанием ОГПУ. В ведение троек вошли не только нарушители паспортного режима, но и «уголовные и деклассированные элементы». Можно сказать, что бюрократическая основа последующего террора была заложена именно в процессе паспортизации, которая стала своего рода испытательным полигоном подобных рационализаций.

Говоря о технологии «работы с населением», следует отметить еще одно существенное новшество, подмеченное Д. Шерером: если прежде она велась главным образом на местном уровне комбедами и местными органами ОГПУ, то с началом паспортизации все они были поставлены под контроль центра[179]. Эта централизация неизбежно повлекла за собой использование другой оптики, при которой операциональными становятся бюрократические категории и прежде всего «социальное происхождение».

1935 год отмечен важными событиями в паспортизации населения. На этот год был назначен первый в советской истории обмен паспортов (второй обмен состоится в 1940 г.), и в это же время вышла новая «Инструкция по паспортной работе». Паспортизация еще не была завершена. В соответствии с первоначальным планом конец третьего (заключительного) этапа намечен на 1936 г. Однако паспортизация велась настолько непрофессионально, что, по мнению руководства НКВД, уже «зачищенное» население нуждалось в дополнительной фильтрации. Формальный повод к ней

---

178 «Инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях Положения о паспортах» // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история, документы: В 6 т. / отв. ред. Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. Т. V. М.: Мысль, 2003. С. 332–333. Там же приведена инструкция, объявленная приказом НКВД СССР № 00319 от 21 мая 1938 г. (с. 391–392) и постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в соответствии с которым тройки были ликвидированы (с. 397–401).

179 *Shearer D.* Elements Near and Alien… P. 848.

был — заканчивался срок действия первых паспортов, выданных в 1933 г.[180] Предполагалось обменять паспорта у 10 млн человек, однако средств хватило только на 5 млн, к тому же обмен был перенесен на следующий год.

В Приказе Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР № 00279 от 1 августа 1935 г. говорилось: «В начале 1936 г. предстоит обмен паспортов, выданных в 1933 году, за истечением срока их действия. Проведенная в 1933 г. паспортизация прошла при наличии весьма серьезных недочетов, как то: очереди трудящихся за получением паспортов, незаконная выдача и необоснованные отказы в выдаче паспортов, допуск к паспортным документам непроверенных лиц, в результате чего были случаи хищений паспортов, растраты денег и т. д. Это обусловливалось краткостью срока, отсутствием опыта и недостаточностью контроля. При наличии достаточного опыта и времени для обмена паспортов возможность подобных недочетов должна быть исключена»[181]. В ходе обмена паспортов предполагалось «выявить и удалить из режимных местностей социально чуждый и уголовный элемент, ранее незаконно получивший паспорта». При этом НКВД решительно отбрасывает всякие условности: «Не прибегать в этой работе к методам, применявшимся в 1933 г., как то: собрания жактов, митинги, публикации всякого рода и т. д.»[182]. С этих пор каждый обмен паспортов становился большой чисткой накопившихся «нежелательных элементов».

Инструкцией по паспортной работе 1935 г., помимо паспортных книжек сроком на пять лет, вводились годичные паспорта, а также временные удостоверения сроком до трех месяцев, которые выдавались «в нережимных местностях при отсутствии документов, необходимых для получения паспорта». Теперь речь шла уже не о паспортизации, а о паспортном режиме. Основными задачами милиции по поддержанию паспортного режима виделись следующие: недопущение проживания без паспорта и без прописки; недопущение приема без паспорта на работу или службу; очистка режимных местностей от уголовных, кулацких и иных антиобще-

---

[180] С 1935 г. паспорта стали выдавать на 5 лет («Об изменении Положения о паспортах: изложить ст. 7 Положения о паспортах от 27 дек. 1932 г. следующим образом: Гражданам, постоянно проживающим в местностях, где введена паспортная система, паспорта выдаются на пятилетний срок. Гражданам мужского пола до призыва на обязательную службу паспорта выдаются сроком на один год». (СЗ СССР. 1935. № 41. Статья 343)).

[181] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 140.

[182] Там же.

ственных элементов, а также от лиц, не связанных с производством и работой; взятие в нережимных местностях всего кулацкого, уголовного и иного антиобщественного элемента на особый учет[183].

Идея установления классовой однородности зоны паспортного режима превалировала над всеми другими[184]. Даже наличие недавно обретенного паспорта не спасало от новых проверок и преследований. В этом смысле показательна предпринятая в 1935 г. массовая высылка «бывших» из Ленинграда, толчком к которой послужило убийство С. М. Кирова. Она происходила в течение месяца — с 28 февраля по 27 марта 1935 года. Вот как описывал ее А. Краснов-Левитин:

> Я отправился на Шпалерную посмотреть на высылаемых. Никогда не забуду этого дня. Еще не доходя до Шпалерной, я увидел старую даму, лет за 70, видимо, очень хорошего общества, которая еле двигалась на своих подагрических ногах; в руках она держала какую-то зеленую бумажку; встретившимся знакомым она громко жаловалась, что ей предложено уехать куда-то в Башкирию в течение 24 часов. Все улицы, прилегающие к Шпалерной, были наполнены такими же пожилыми людьми. С перевернутыми лицами, с прекрасными манерами, нагруженные вещами... Район Литейного — район аристократических особняков, и многие уцелевшие хозяева этих особняков ютились в дворницких и подвалах своих бывших домов. Теперь всем им надо было уезжать. Куда? Зачем? Неизвестно. Но вот я дошел до Шпалерной, с трудом протискался в приемную, где несколько месяцев назад мой отец справлялся обо мне. Боже! Что я здесь увидел. Большой зал, битком набитый людьми. Такого ужаса, такого отчаяния я еще никогда не видел. Порядок был такой. Человека арестовывали; через 2 дня выпускали, предписав явиться в НКВД с паспортом; паспорт отбирали и вместо него давали предписание: в 24 часа выехать в определенную местность. (Ту самую зеленую бумажку, которую я видел в руках старой дамы.) В приемной было очень много бывших офицеров. Это было видно по военной выправке и по остаткам формы. Эти держались намеренно бодро, даже шутили друг с другом, но и у них на лицах

[183] Там же. Л. 87.

[184] Продолжалось очищение паспортизируемых городов от чуждых власти элементов. Освобождавшаяся жилплощадь передавалась в распоряжение городских советов, которые распределяли ее по своему усмотрению. Например, по состоянию на 8 мая 1935 г. в результате проведения паспортизации в г. Петрозаводске было выселено 140 семей, что дало возможность Петрозаводскому горсовету разместить от 180 до 200 семей ответственных работников (РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 69. Л. 233).

я видел ужас и безнадежность. Я помню какую-то даму лет пятидесяти, когда-то, видно, прелестную, с остатками былой красоты, которая жаловалась: «Ну пусть мы, но за что же наших детей, наших внуков? Что ж, это месть до десятого колена, что ли?» А поблизости стоял старичок с лицом типичного писаря, который говорил: «Вот уж не думал, что меня тронут. Я занимал ответственные должности, был заведующим канцелярией в Гороно, и вот...». Какая-то изможденная женщина читала вслух заявление, в котором содержалась просьба отсрочить выселение, так как она болела туберкулезом. Вышел какой-то хорошо одетый человек, видимо, инженер, сказал, что его высылают в Астрахань, но чекист его заверил, что там ему будет очень хорошо, что «это — не прежняя ссылка». В ответ послышался горький смех. Действительно, все эти несчастные были рассованы по медвежьим углам, а через 2 года (в 1937 г.) первыми были арестованы и почти все погибли в лагерях. Наша семья не пострадала, но лишь по счастливой случайности. Высылка производилась по следующему принципу: брали старую справочную книгу «Весь Петербург» и тех, кто уцелел, высылали. Высылали также по доносам. Высылали всех «бывших»: бывших дворян, бывших аристократов, бывших офицеров, бывших купцов, бывших лавочников, бывших торговцев. Как далеко заходило это гонение на бывших, показывает статейка в «Красной газете», в которой какому-то директору школы ставилось в вину даже то обстоятельство, что «...он сын бывшего ...губернского секретаря», т. е. Акакий Акакиевич (из гоголевской «Шинели») и Вырин (из пушкинского «Станционного смотрителя»). Они тоже должны были бы быть высланы. Мои родители не жили до революции в Питере; следовательно, в книге «Весь Петербург» они не числились, а при узком круге их знакомств доброжелателя-доносчика не нашлось[185].

Последняя фраза весьма примечательна. Кроме адресных книг, изданных до 1917 г., основным источником информации о «бывших» стали доносы соседей, желавших расширить свою жилплощадь. «За месяц из Ленинграда было выслано 39 тысяч “бывших”. 4393 человека расстреляли, 299 — отправили в лагерь. Почти 70 процентов из репрессированных были старше 50 лет. Зато освободилось 9950 квартир и комнат»[186].

---

185 *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: 1925–1941. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 266–268.

186 *Лурье Л.* Как зачищали Ленинград // Kommersant.ru. Огонёк. 2016. 21 янв.

Высылкой «бывших» из Ленинграда дело не ограничилось. Напротив, эта операция стала прелюдией к гораздо более широкой чистке, распространившейся на 28 режимных городов. Высылались не только «бывшие», но и «злостные нарушители паспортного режима», «уголовные и деклассированные элементы». Всего, как докладывал Г. Ягода, в процессе чистки 1935 г. было осуждено и выслано 122726 человек[187].

Итоги паспортизации

По намеченному в 1933 г. плану паспортизация должна была в основном завершиться в 1936 г. Четвертого сентября 1937 г. В. В. Чернышов докладывал В. М. Молотову:

> По СССР выданы паспорта населению городов, рабочих поселков, районных центров, новостроек, мест расположения МТС, а также всех населенных пунктов в пределах: 100-километровой полосы вокруг гг. Москвы, Ленинграда, 50-километровой полосы вокруг Киева и Харькова; 100-километровой Западно-Европейской, Восточной (Вост. Сибирь) и Дальне-Восточной пограничной полосы; эспланадной зоны ДВК[188] и острова Сахалина и рабочим и служащим (с семьями) водного и железнодорожного транспорта. <…>
>
> Паспортизировано всего населения по СССР (в круглых цифрах) 50000000 чел.[189]

Грандиозная операция по документированию населения городов и режимных зон в основных чертах была завершена.

Итак, в начале 1930-х гг. советское общество оказалось на пороге катастрофы. Поиски причин привели к обнаружению «внутренних врагов». Справиться с затаившимся повсюду «врагом» без системы учета и контроля населения оказалось невозможно. Пришлось вернуть паспортную систему (разумеется, на уровне официальной риторики речь шла об «установлении социалистической

---

187 *Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010 (http://rutlib.com/book/93/p/24).

188 Эспланадная зона — территория между военным сооружением (или укрепленным объектом) и крупным населенным пунктом. ДВК — Дальневосточный край.

189 Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 111–112.

законности»). Казалось бы, логика предотвращения катастрофы не очень согласуется с логикой модернизации бюрократической системы, для которой вполне естественно формирование механизмов учета и контроля, но, как оказалось, они могут совмещаться.

Впервые в советской истории выведение страны из кризиса такого масштаба опиралось преимущественно на административно-бюрократические практики и соответствующие дискурсивные стратегии. По сути дела, был проведен грандиозный эксперимент в сфере управления, который позволил власти решить главную задачу — предотвратить катастрофу в крупнейших городах и взять под контроль ситуацию в стране. Применение риторики выявления затаившихся врагов (на которых была возложена вся ответственность за разруху) позволило не только перенаправить на них накопившиеся в обществе агрессию и недовольство властью, но и легитимизировать действия по «наведению порядка», привлечь сторонников, руками которых паспортизация и была проведена. Манипуляции с различными категориями населения приобрели необходимое обоснование. Само это население переводилось из требующих (продовольствия, жилья и проч.) в просящих (различного рода справки), а это уже совсем другая диспозиция. Не менее важно: власть дала всем понять, что она располагает необходимыми средствами для предотвращения развала и наведения порядка.

Режим недоверия всех ко всем определял не только общую атмосферу кампании, но и ее конкретные процедуры: выдачу необходимых справок, «чистки» аппарата всех уровней и как результат — различного рода проверки и перестраховки, повлекшие за собой, в свою очередь, многочисленные жалобы на невыдачу паспортов без необходимых оснований и т. п. По сути дела, вся эта кампания была ориентирована на прояснение четвертой графы нового паспорта — «социального положения» предполагаемого владельца. От ответа на этот вопрос зависело получение паспорта или занесение в списки неблагонадежных. При этом показательно, что во всех сомнительных случаях «ответ» исходил не от претендентов на получение паспорта, а от самих вопрошающих.

Идея классовой однородности на этом этапе распространялась главным образом на территорию паспортизации и осуществлялась путем выяснения социального облика каждого отдельного претендента на получение паспорта. Такая эксклюзивность вовсе не гарантировала нужного результата, поскольку вся ситуация была замешана на массовом производстве поддельных справок, сочи-

нении новых вариантов биографий, с одной стороны, и доносах в сочетании с «классовым чутьем» — с другой. Кроме того, местная администрация по-своему интерпретировала «Инструкцию» и поступавшие сверху распоряжения, преобразуя их в свои устные версии, которыми и руководствовались бригады, непосредственно занимавшиеся паспортизацией. Причем, как правило, эти версии были направлены не на смягчение, а на ужесточение официальных правил.

Основная цель паспортизации (социальная фильтрация, отделение «своих» от «чужих») вряд ли была бы достигнута без применения принципа льготного права, в соответствии с которым паспорт получали далеко не все даже из числа жителей режимных территорий, не говоря уже о сельском населении. Все не получившие паспорта горожане подвергались высылке, и в задачи милиции входило недопущение их пребывания на паспортизированной территории. В дореволюционное время паспорт получали прежде всего зависимые слои населения, и он был знаком подчиненности, разрешением на отлучку. Сейчас паспорт становился своего рода наградой, поскольку давал вполне ощутимые преимущества перед теми, кто его «не заслуживает», и прежде всего — саму возможность проживать на паспортизированной территории. Льготное право стало широко применяться и в других сферах жизни. В результате принципиально изменились смыслы, придаваемые паспорту. Из символа несвободы он превратился в привилегию ограниченного числа граждан, что привело к резкому повышению статуса этого документа.

Глава 4.
Паспортные режимы и реформы

Паспортные режимы

Завершив кампанию начальной паспортизации, НКВД принялся за совершенствование паспортного режима и его распространение на другие территориии. Об этом свидетельствуют практически все нововведения конца 1930-х и более позднего времени. Искомый порядок виделся не только в выстраивании системы учета, но и в дальнейшей категоризации и дифференциации населения по степени социальной близости/чуждости, причем эта сортировка происходила в идеологическом пространстве, но была закреплена и объективирована в реальном, географическом.

Понятие режима — одно из ключевых не только для паспортной системы, но и для советского государства в целом. Простое перечисление связанных с этим термином словосочетаний может занять довольно много места — это не только паспортный режим и различные режимные территории, но и режимные предприятия, лагерный режим, режимы секретности и даже режим дня в пионерских лагерях[190]. Исходно нейтральное слово, обозначающее государственный строй, обрело в СССР дополнительные коннотации и стало относиться к особому (чаще всего принудительному) порядку, характер которого описывался в специальных инструкциях[191].

В рамках паспортной системы существовали свои особенности применения термина *режим*. Паспортный режим определялся как совокупность мер по поддержанию и упрочению того порядка, который устанавливался паспортной инструкцией для паспорти-

---

[190] Дэвид Шерер справедливо отметил, что одним из следствий паспортизации явилось то, что чиновники и граждане стали мыслить в одинаковых понятиях и терминах, причем их авторство принадлежит чиновникам (*Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. Vol. 76. N 4 (December 2004). P. 850). Термин «режим» в его «паспортном» значении является хорошим примером семантического сдвига, введенного сверху.

[191] Подробнее см.: *Кондратьева Т. С.* Введение // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН. 2009. С.10–22.

зированной территории страны[192]. Отсюда следует, что он действовал на всей паспортизированной территории, однако не все паспортизированные местности считались режимными. Понятие «режимной местности» определяется в подписанной Г. Ягодой Инструкции по паспортной работе 1935 г. следующим образом: «Местности, в которых паспортизация проводится по особой инструкции, т. е. местности, в которых паспорта выдаются не всем гражданам, — называются режимными местностями. Местности, в которых паспорта выдаются всем без исключения гражданам, называются нережимными местностями»[193]. Можно сказать, что на всей паспортизированной территории действовал паспортный режим, но в режимных местностях применялись особые его разновидности. В таком случае корректно говорить не об одном, а о нескольких паспортных режимах.

Как уже говорилось, на начальном этапе паспортизации к территориям особого паспортного режима были отнесены Москва и Ленинград со стокилометровой зоной вокруг них, а также Харьков с 50-километровой зоной[194]. Уже через несколько месяцев после начала паспортизации такой же статус получили еще 25 городов (Киев, Одесса, Минск, Ростов-на-Дону и др.) и населенные пункты в пределах стокилометровой западноевропейской пограничной полосы СССР.

В Положении о паспортах 1940 г. и в Инструкции по применению этого Положения было введено существенное новшество — дифференциация режимных зон по степени «экономической, политической и оборонной значимости» и, соответственно, строгости надзора. Они были разделены на две категории. К первой были отнесены запретные зоны и пограничная полоса вдоль всей границы, г. Москва и Московская область, г. Ленинград и 100-километровая полоса, г. Киев и 50-километровая полоса, гг. Баку, Белосток, Гродно, Львов, Севастополь и Севастопольский укрепрайон, г. Мурманск, Сочи и Сочинский район, г. Гагры и Минераловодская группа курортов. Ко второй

---

[192] Вот как он определялся, например, в «Инструкции о порядке применения Положения о паспортах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 окт. 1953 г.»: «Паспортный режим — совокупность мероприятий, направленных на проведение в жизнь Положения о паспортах и борьбу с его нарушениями» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 168).

[193] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 79.

[194] Всего в процессе паспортизации (чистки) столиц население Москвы уменьшилось на 578 тыс., а Ленинграда — на 300 тыс. человек. В последующем ежегодно из режимных местностей выселялось до 500 тыс. чел.

категории — свыше 70 городов и районов: Анжеро-Сунженск, Алма-Ата, Ашхабад, Аккерман, Брянск, Батуми, Барановичи, Брест, Воронеж, Винница, Вилейка, Грозный, Горький, Дзержинск и др.[195]

В режимных местностях 1-й категории запрещалось проживание судившимся за контрреволюционные и уголовные преступления; перебежчикам из-за границы; лицам без гражданства; лицам, прибывшим на работу без приглашения предприятий и учреждений; лицам, не занятым общественно-полезным трудом, за исключением инвалидов, пенсионеров и иждивенцев, а также лицам, судившимся за хулиганство. В режимных местностях 2-й категории запрещалось проживание судившимся за контрреволюционные и уголовные преступления[196]. Таким образом, характер паспортного режима определялся запретом проживания на данной территории тех или иных категорий граждан. Принцип простой: чем строже режим, тем больше ограничений.

По тому же Положению 1940 г. территория простого паспортного режима тоже существенно расширилась: теперь в нее были включены районные центры и населенные пункты, в которых были расположены машинно-тракторные станции (МТС). Кроме того, в режимную зону были включены территории, захваченные СССР в 1939–1940 гг.[197]

Вопрос об отнесении того или иного города к числу режимных решался Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР[198]. Специальные режимы вводились не только в тех местах, которые считались особенно значимыми в промышленном и оборонном отношении. К их числу был отнесен, например, г. Сочи. Город-курорт считался витриной советского образа жизни, где

---

[195] Инструкция по применению Положения о паспортах, изданная во исполнение Постановления СНК ССР от 10/IX 1940 г. за № 1667 (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 158).

[196] Записка Л. П. Берии и А. Я. Вышинского В. М. Молотову 31 авг. 1940 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 109.

[197] В выпущенной Инструкции по проведению паспортной системы на этих территориях специально оговаривается, что в режимных местностях запрещается проживание бывшим заводчикам, банкирам, биржевикам, помещикам и бывшим князьям, графам, жандармам, полицейским, бывшим офицерам, активистам бывших фашистских и националистических организаций, русским эмигрантам, лицам, судимым по целому ряду статей, лишенным избирательных прав, кочующим цыганам и др. («Временная инструкция по проведению паспортной системы в западных областях Украинской и Белорусской СССР». ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 334).

[198] В фонде Верховного Совета СССР сохранились ходатайства от властей разных городов с просьбой включить их в число режимных, поскольку такой статус давал возможность «навести порядок» (в частности, избавиться от криминальных элементов) и другие привилегии.

должны проживать только проверенные люди. Судя по исследованию О. В. Натолочной, паспортизация в Сочи была проведена в 1934 г. Результатом стал острый недостаток специалистов, не получивших паспортов и высланных из города. В 1949 г. приказом МВД СССР город Сочи был отнесен к городам особого списка. 20 апреля 1957 г. выходит Постановление Совета Министров РСФСР «О распространении особого паспортного режима в городе Сочи». Показательный случай из практики города особого режима: в 1963 г. на заседании Исполкома горсовета говорилось о том, что в «последнее время участились случаи приезда в город Сочи на постоянное жительство престарелых родителей к детям и детей к родителям. Как правило, прибывшие в город граждане не могут быть использованы для работы на предприятиях и других организациях по обслуживанию курорта»[199]. Незамедлительно было принято решение, запретившее прописку в городе Сочи всем приезжающим лицам, не имеющим приглашения на работу, независимо от родственных отношений. А руководители предприятий получили указание при увольнении граждан, работающих по трудовым договорам, немедленно выписывать их и из города Сочи.

Однако городским властям и этого было мало: «В 1983 г. Горком партии города Сочи обратился в ЦК КПСС и Совет Министров с просьбой о распространении на Сочи Положения о прописке и выписке населения по г. Москва, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 25.06.1964 г. Эта просьба была удовлетворена, и 4 марта 1985 г. Совет Министров СССР принял постановление “Об ограничении прописки граждан в городе Сочи”. Оно обязывало граждан получать разрешение административных органов на проживание в Сочи, устройство на работу или учебу, приобретение в собственность жилых домов, квартир, дач, гаражей»[200].

Режимная география оставалась неприкосновенной даже во время войны, о чем свидетельствует приказ НКВД от 30 сентября 1941 г., запрещавший прописку граждан из прифронтовой полосы, прибывающих «неорганизованным порядком» в областные центры объявленных на военном положении местностей и в режимные города первой категории. Показательно, что и здесь вводилась своего рода иерархия, теперь уже беженцев. Их запрещалось про-

---

199 *Натолочная О. В.* Государственно-правовое регулирование паспортного режима в городе Сочи в 1920–1990-е гг. // Былые годы. 2011. № 1 (19). С. 79.

200 Там же.

писывать в режимных городах первой категории «за исключением лиц, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, которые прописываются во всех местностях, кроме пограничной полосы»[201].

Тридцать пять режимных городов находились во временной оккупации[202]. Немцы не меняли паспорта, а ставили в них свои отметки. По сведениям НКВД, в захваченных городах пропало множество паспортных бланков, следовательно, нужно было ожидать волны подделок. В 1942 г. в штаты паспортных отделов милиции были введены должности инспекторов-экспертов, в обязанность которых входили исследование подделок и проверка хранения бланков паспортов. На бывших оккупированных территориях уже с 1943 г. началась перерегистрация паспортов. На остальной территории особое внимание предписывалось уделять поддержанию паспортного режима.

С переходом к мирной жизни паспортный режим не ослабевал — скорее наоборот. Достаточно сказать, что пик выселения из режимных местностей пришелся не на 30-е гг., а на послевоенный 1947 г., когда было выселено с режимных территорий 513 693 чел. По данным Главного управления милиции, которые приводил Л. П. Берия в своей Записке в Президиум ЦК КПСС, «в течение 1948–1952 годов по всем городам страны выявлено 5 млн. 591 тыс. человек, нарушивших паспортный режим, из них привлечено к уголовной ответственности за эти нарушения 127 тыс. человек и оштрафовано в административном порядке 4 млн. 365 тыс.»[203].

Максимальный рост режимной территории пришелся на 1953 г. К этому времени режимные зоны охватывали более 300 городов и районов. Кроме того, к ним относилась пограничная полоса вдоль всей границы страны. Ширина этой полосы колебалась от 15 до 200 километров, а на Дальнем Востоке она доходила до 500 километров. Закарпатская, Калининградская, Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, а также Чукотка и Камчатка были полностью объявлены режимными местностями[204].

Вдобавок ко всем этим режимным территориям в послевоенное время начинают появляться и «закрытые» города, принадлежащие

---

201 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 96–97.

202 Там же. Т. 2. Л. 292.

203 Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей (13 мая 1953 г.) // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М., 1999. С. 44.

204 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 255.

Министерству обороны и Министерству среднего машиностроения (МинАтом)[205]. По словам Г. М. Лаппо и П. М. Полян, «все эти города находились на особом режимном положении, их “закрытость” была и остается отнюдь не метафорой, а физической реальностью. Их окружали и окружают контрольная (или контрольно-следовая) полоса и запретные зоны, а сам их периметр обнесен двойными-тройными ограждениями (в том числе из колючей проволоки), внутрь которых попасть можно было только через контрольно-пропускные пункты. В географическом (не говоря об административном и практическом) плане такое положение выключало города из жизни окружающих районов, а сами жители оказывались в состоянии относительной изоляции. Своего рода компенсацией за сложности и неудобства, вызванные отгороженностью от внешнего мира, служили неплохие, по советским меркам, условия жизни в закрытых городах»[206]. Речь идет о лучшем снабжении, обеспечении жильем, медицинском обслуживании, 20 % надбавке к зарплате и других льготах. Не случайно режим этих городов называют не карающим (как другие режимы), а наделяющим привилегиями[207]. На географических картах закрытые города не указывались (кроме таких, как Кронштадт, который считался условно-закрытым городом). 47 городов и 1,5 млн чел. существовали только в «совсекретных» документах. Очередной парадокс: невидимые города просматривались органами особенно пристально.

Если нанести режимные местности на карту, то мы получим своего рода географию паспортных режимов, где все население распределено по территориям, в каждой из которых действуют

---

205 Их официальное название — Закрытые Территориально-Административные Образования (ЗАТО). Учреждались в послевоенные годы (с 1946 г.) закрытыми указами Президиума Верховного Совета.

206 *Лаппо Г. М., Полян П. М.* Закрытые города // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.

207 О специфике таких городов см.: *Мельникова Н. В.* Феномен закрытого атомного города / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. (Очерки истории Урала. Вып. 42); *Мельникова Н. В.* Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 49–96; об особенностях паспортного режима в закрытых городах см.: *Реут Г. А.* Контроль за соблюдением паспортного режима в закрытых городах Сибири в 1950–1980-х гг. // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 129–132. Опыт сравнительного изучения «атомных» городов СССР и США представлен в кн.: *Brown K.* Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities and the Great Soviet and American Plutonium Disaster. Oxford: Oxford University Press, 2013.

свои правила прописки. По степени «чистоты» они разделялись следующим образом:

1. Пограничные зоны (пропускной режим).
2. Закрытые города со своим режимом, близким к пограничному.
3. Режимные местности 1-й категории (крупнейшие города и особые зоны отдыха).
4. Режимные местности 2-й категории (в основном — областные центры).
5. Зоны простого паспортного режима («нережимные территории»).
6. Непаспортизированная территория («серая» зона с сельским населением и со всеми теми, кому запрещено проживание даже на нережимной паспортизированной территории)[208].

Паспортные режимы распространялись на бóльшую часть населения СССР, но сельское население (за исключением режимных местностей) находилось вне зоны их действия. Такое разделение создавало массу трудностей преимущественно для сельских жителей, но не только. Разные правила учета и контроля существенно затрудняли проведение единой политики для всего населения страны, что сказывалось в первую очередь на процессах экономической модернизации. Стремлением распространить действие паспортной системы на все население страны можно объяснить разработку нового Положения о паспортах, инициированную Л. П. Берией. Формально проект мотивировался тем, что «во время войны значительная часть бланков действующих паспортов и инструкций по применению положения о паспортах попала в руки врага и уголовно-преступного элемента, чем была в значительной мере расшифрована техника паспортной работы в СССР»[209]. Предлагалось ввести паспорт нового образца (более защищенный), но главное новшество состояло в предложении отменить многие паспортные ограничения. Этот проект обсуждался на бюро Совета Министров 3 марта 1949 г., но не встретил поддержки[210].

---

208 Ср. в Записке Берии в Президиум ЦК КПСС об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей: «Таким образом, если взглянуть на карту СССР, то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание» (с. 43 (док. № 14)).

209 *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования, 1995. № 9. С. 9.

210 Там же.

Тем не менее именно с подачи Л. П. Берии вышло Постановление Совета Министров СССР № 2666-1124с «О сокращении количества режимных городов и местностей и перечня паспортных ограничений»[211]. В предваряющей это постановление Записке, адресованной Президиуму ЦК КПСС, Берия предлагал оставить особый режим лишь в Москве, Ленинграде, Кронштадте, Севастополе и Владивостоке и существенно уменьшить пограничную зону, которая, по его словам, «не имеет практического значения для охраны границы», но создает много неудобств для народного хозяйства[212]. О характере существующего режима Берия приводит следующие данные: «За последние 10 лет по судимости получили паспортные ограничения 3 млн 900 тыс. граждан (из них только за один 1952 год 275286 человек), которые после отбытия наказания не могут возвратиться в режимные местности, чтобы устроиться на работу или соединиться со своими семьями»[213].

Любопытно, что для обоснования своего предложения смягчить режим Берия ссылается на мнение граждан и — уж совсем нетривиально — на опыт зарубежных стран: «Установленные ограничения для свободного перемещения и проживания на территории СССР вызывают справедливое нарекание и недовольство со стороны граждан. Следует отметить, что такой практики паспортных ограничений не существует ни в одной стране. Во многих капиталистических странах — в США, Англии, Канаде, Финляндии и Швеции — у населения паспортов вообще не имеется, о судимости никаких отметок в личных документах граждан не делается»[214]. В подписанном Берией приказе Министерства внутренних дел от 16 июня 1953 г. необходимость «послаблений» мотивировалась тем, что «режим и паспортные ограничения, введенные в этих районах, тормозят их экономическое развитие»[215].

Однако вскоре Берия был арестован. Инициированные им Постановление Совета Министров о сокращении количества режимных городов и местностей, новое Положение о паспортах и приказ МВД были отозваны. В Справке о работе паспортно-регистрационного отдела ГУ МВД за 1953 г. о сложившейся ситуации говорится: «Таким

---

211 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 245.

212 Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей. С. 44.

213 Там же.

214 Там же. С. 45.

215 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 245.

образом, на местах практически имеются два закона по паспортной работе. Это приводит к серьезным нарушениям, исключает возможность со стороны паспортного отдела ГУ Милиции предъявлять повышенные требования в паспортной работе, почти исключает возможность направления сотрудников в командировки для проверки и оказания помощи в работе»[216]. Работники паспортных служб были в растерянности. «Настоятельно необходимо разрешить вопрос с новым Положением о паспортах»[217]. Осенью этого же года появилось новое Положение, в котором список режимных городов был все же сокращен, но не так радикально, как предлагал Берия. По этому Положению в спецрежимных местностях запрещалось проживать тем, кто был осужден за контрреволюционную деятельность, предумышленное убийство, бандитизм, разбой, повторное хулиганство, групповую или повторную кражу. К их числу с 1961 г. были отнесены и лица, «уклоняющиеся от общественно-полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни» (тунеядцы и др.), которые подвергались высылке в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества[218]. Список режимных городов и территорий снова стал расти[219].

Сто первый километр

В описанном выше социально-дифференцированном пространстве особое значение приобрела граница между режимными и нережимными зонами. В узком смысле выражение «на сто первый километр» означало выселение за пределы 100-километровой зоны вокруг Москвы и Ленинграда. В широком — за пределы режимных зон. Эта граница получила название «советской черты оседлости»,

---

216 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1443. Л. 4–5.

217 Там же. Л. 6.

218 Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

219 См., например: Приказы Министра Внутренних дел Союза СССР во исполнение распоряжений Совета Министров СССР об отнесении к числу местностей с особым паспортным режимом населенных пунктов Капустина Яра, Селянки, Владимировки и Покровки Астраханской области; гг. Львова, Каунаса, Грозного, Ялты и близлежащих районов, ряда населенных районов Владимирской, Калининской, Калужской, Тульской, Ярославской, Иссык-Кульской, Кзыл-Ординской областей (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 10–13, 49–51, 56–57, 59).

организованной не по этническому признаку, а по признаку социальной разделенности[220].

Созданию особого пояса вокруг столиц предшествовало принятие нескольких постановлений. В марте 1924 г. было принято Положение «О правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь». ОГПУ получило полномочия высылать «контрреволюционные элементы» из какой-либо местности с запрещением проживания в ряде установленных списком ОГПУ местностей, ссылать в конкретную местность под гласный надзор местных отделов ГПУ, высылать за пределы СССР. Отсюда берет начало так называемая система минусов (запрет проживать, допустим, в трех крупнейших городах — «минус три», в шести — «минус шесть», и т. д.), однако 101-й км в то время еще не определился.

Происхождение выражения «сто первый километр» обычно связывают с 58 статьей УК РСФСР (контрреволюционная деятельность), которая была введена в 1927 г., а перечень ее подпунктов опубликован в 1934 г. Действительно, освобожденным после заключения по этой статье запрещалось селиться ближе 100 км от Москвы, Ленинграда и других крупных городов (те самые минусы), но освобождались они (если освобождались) уже после введения паспортной системы в 1932 г. и, соответственно, после введения запрета на прописку в 100-километровой полосе для различных категорий населения, в том числе для осужденных по 58-й статье. Введение паспортной системы регулировалось инструкцией НКВД, которая так и называлась: «Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова», однако выражение «сто *первый* километр» принадлежит не документам, а неофициальному языку.

В соответствии с инструкцией высылке на 101-й километр подлежали лица, не связанные с производством, кулаки и раскулаченные, служители религиозных культов, лишенные избирательных

---

220 О пространственном распределении маргиналов см.: *Муан Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–265. Дэвид Шерер рассматривает пространственное перераспределение населения в терминах внутренней колонизации и интеграции периферийных районов (*Shearer D.* Elements Near and Alien… P. 852–859, 880). Действительно, система паспортных режимов использовалась и в этих целях, но ими явно не ограничивалась.

прав, все отбывшие заключение, а также члены семей всех этих категорий. Как уже было отмечено, всего в процессе паспортизации (и грандиозной чистки) столиц население двух крупнейших городов страны уменьшилось в общей сложности на 878 тыс. человек. В дальнейшем ежегодно из режимных местностей выселялось до 500 тыс. чел., и многие из высланных оседали на 101-м километре, поскольку за самовольное пребывание в пределах режимной стокилометровой зоны высылка могла быть заменена на лагеря[221].

После первой и самой большой волны заселения 101-го километра в начале 30-х гг. дальше этот пояс будет заполняться в основном теми, кто отбывал срок заключения как по политической (58-й) статье, так и (в основном) по уголовным статьям. Список будет постоянно корректироваться (например, в конце 30-х гг. исчезнут такие категории, как кулаки, «лишенцы»; в 50-е гг. добавятся тунеядцы, лица БОРЗ[222] (современные бомжи), еще позже — диссиденты, но принцип останется прежним: запятнавшие себя чем-то и неугодные власти лица не будут иметь права жить в «чистых» режимных зонах.

Скопление лиц, вытесненных в серую зону, особенно ощущалось вокруг Москвы и Ленинграда — что естественно, учитывая количество высланных из этих городов и их стремление поселиться как можно ближе к ним. Неугодные чаще всего селились в небольших городках, таких как Кингисепп, Нарва, Луга, Новая Ладога, Волховстрой, Подпорожье и др. под Ленинградом, подмосковные Орехово-Зуево, Петушки, Малоярославец, Муром, Таруса, Боровск, Можайск[223] и др.

Основное скопление «отверженных» было вокруг Москвы. Славу «столицы 101-го километра» снискал город Александров (на границе Московской и Владимирской областей), где концентрация выселенных была наиболее значительной. Минимально разрешенное расстояние от столицы и прямое железнодорожное сообщение делало этот город желанным для многих сосланных. В нем поселились, например, сестры репрессированного маршала Тухачевского, позже — известные диссиденты Анатолий Марченко и его жена Лариса Богораз и др.

---

221 Разумеется, не все высылались на 101-й километр, многие — гораздо дальше. См., например: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск: Экор, 1994.

222 Аббревиатура БОРЗ расшифровывается как ‘без определенного рода занятий’.

223 Кстати, тем самым вторую жизнь получило выражение «выгнать или выслать за Можай[ск]», т. е. очень далеко.

Своего рода интеллектуальным центром 101-го километра был г. Таруса (137 км от Москвы), имевший давние традиции такой жизни: с конца XIX в. эти места облюбовали художники и поэты (Поленов, Ватагин и др.). Не случайно именно здесь поселилась Надежда Мандельштам, сюда, на дачу Святослава Рихтера, приезжали Солженицын, Александр Гинзбург и другие советские диссиденты. На 101-м километре составлялись и редактировались знаменитые «Хроники текущих событий», первый номер которых вышел 30 апреля 1968 г., издавался журнал «Вече» и др. Можно сказать, что подмосковный 101-й километр стал центром неофициальной культурной жизни.

Память о 101-м километре жива в этих городах до сих пор. Вот что сравнительно недавно (в 2007 г.) говорил Николай Кузин, глава администрации города Петушки: «У нас свежи еще в памяти времена, когда население города делилось на собственно петушинцев и "зонников". Почему "зонников"? По той причине, что прилегающие к Московской области районы Владимирской и других областей были фактически превращены в зоны — поселения для москвичей, освободившихся из мест лишения свободы. Толпы этих вынужденных переселенцев, не имея постоянного жилья и особого желания работать, кочевали с предприятия на предприятие, удерживаясь до первой заработной платы. В результате в городе складывалась напряженная, криминогенная обстановка: кражи, грабежи, драки были в порядке вещей. Большинство выселенных на 101-й километр людей возвращалось не в Москву, а в места лишения свободы. В конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда Москва распахнула двери для своих же заблудших сыновей и дочерей, жители города облегченно вздохнули. Слово "зонник" практически вышло из оборота»[224].

О том, как наполнялся 101-й километр, можно судить по воспоминаниям Э. А. Лалаянца, относящимся к 1972 г.:

> За несколько месяцев до освобождения лагерное начальство осведомилось у меня, куда я хочу направить свои стопы после 15 июля. По приговору суда после отбытия лагерного срока мне не предусматривалось каких-либо других наказаний, вроде ссылки или высылки, поэтому юридически я имел право поселиться где угодно на территории СССР, кроме, разумеется, городов с так на-

---

[224] *Огилько И.* Печальный, но нужный 101-й километр // Российская газета — Столичный выпуск. 2007. 16 мар. № 4317 (0) (http://www.rg.ru/2007/03/16/101.html — Дата обращения: 17.04.2017).

> зываемым «паспортным режимом», в число которых входили Москва, Ленинград, столицы союзных республик и курортные города. Никто не мог мне толком объяснить, впрочем, что такое этот самый «паспортный режим», ведь все инструкции по этому поводу были засекречены, что давало возможность местным властям творить свой произвол. Эти тайные инструкции приравнивались к закону, и их нарушение по причине их незнания не освобождало граждан от ответственности, в том числе и уголовной. А как мог знать гражданин такой закон, если он был секретным? Новую Ладогу я выбрал по причине ее сравнительной близости к Ленинграду...[225]

Лалаянц очень точно описывает правовой контекст, в котором пребывали советские люди. Поскольку инструкции, по которым надо было жить, были секретными, приходилось как-то реконструировать их содержание, главным образом на основе устных распоряжений работников милиции, паспортисток и других чиновников.

Выселенные на 101-й километр в результате паспортной кампании получат у местного населения название «стопервики», «высланные», а вернувшиеся из мест заключения — «зонники». Это тоже своего рода категоризация, но уже не вертикальная, а горизонтальная. «101-й километр», конечно, не только правовое или географическое понятие. Это особый образ жизни, своя стилистика поведения. Об особенностях обитателей 101-го километра сохранилось довольно много свидетельств. Основная черта, постоянно всплывающая в воспоминаниях, — разнородность оказавшихся в одном месте людей. По воспоминаниям жительницы г. Александров Ксении Митрофановны Аксеновой: «Люди были пришлые, никому не нужные. В первую очередь, самому городу, а также и местным жителям: ходили по городу, искали жилье, стучали в окна, просились на квартиру. Они были “высланные”, по местному выражению, т. е. отсидевшие свои сроки и лишенные своих законных прав или совсем потерявшие квартиры. Разношерстная публика из политэмигрантов, частью из уголовников и членов семей изменников родины. Осужденных “тройкой”, т. е. заочно, в немыслимых фантастических политических преступлениях. Вся эта масса людей, соблазненная близостью Москвы, ютилась в старых домиках в три окна, и большей частью не жила, а уезжала в Москву, как только их прописывали»[226].

---

225 *Лалаянц Э. А.* За сто первым километром // Звезда. 1998. № 3. С. 99.

226 Тетя Поля — жительница 101 километра // Уездный город. 2009. 16 сен. (http://www.alexnews.info/archives/1953 — Дата обращения: 17.04.2017).

Похожее описание находим у Вальдемара Вебера: «От Карабанова до Москвы 101 километр. Те, кого в Москву после лагерей и тюрем не пускали, поселялись у нас. Сочетание блатных и политических, характерное для сталинского лагеря, было особенностью и нашего городка. Здесь оседали и надзиратели, вышедшие в отставку или на пенсию»[227].

Жизнь этого пояса сочетала патриархальный быт местного населения и лагерную динамику пришельцев. Точнее, для пришельцев это была скорее вокзальная жизнь в ожидании перемен. Приливы и отливы определялись чистками и амнистиями.

Из воспоминаний В. Вебера:

> Август 1957-го запомнился тем, что с утра наше Карабаново пустело. Все устремлялись на Всемирный фестиваль молодежи. Въезд в Москву был ограничен, но пассажиров электричек пропускали. Ажиотаж вокруг этого события коснулся Карабанова уже за полгода до него. Город почти еженедельно пополнялся новыми жителями. Случалось это и в предшествующие годы: и когда объявляли амнистию, и во время кампаний по оздоровлению криминальной или нравственной обстановки в столице. К нам сплавляли неблагонадежных, нелегалов, бомжей, беспризорников, отщепенцев и тунеядцев. На этот раз прислали неожиданный контингент: музыкантов-джазистов, художников-модернистов и массу массовиков-затейников. Было даже специальное указание: посодействовать им в нахождении жилья. Их разместили по квартирам, но совершенно не знали, что с ними дальше делать. Пришлось каждому цеху дать своего затейника, а в школах, техникуме, РУ и ФЗУ устроить самодеятельные оркестры и кружки ИЗО[228].

Однако подавляющее большинство поселенцев составляли те, кто отбывал наказание по уголовным статьям (воры, бандиты, насильники и проч.). В сочетании с другими обитателями они образовывали гремучую смесь. Всех объединяла, пожалуй, только ненависть к всякого рода властям и особенно — к милиции. Обстановка была настолько взрывоопасна, что достаточно было какого-то неординарного происшествия, чтобы люди стали неуправляемы. Так и произошло в 1961 г. в Муроме, где разгоряченный алкоголем

---

[227] *Вебер В.* 101-й километр, далее везде // Нева. 2011. № 8 (http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/7/vv3.html — Дата обращения: 17.04.2017).

[228] Там же.

мастер одного из заводов попытался забраться в кузов проезжавшего мимо грузового автомобиля, но сорвался, упал и получил серьезные травмы. Случайно увидевший это начальник милиции Мурома вместо Скорой помощи вызвал наряд милиции, и мастера отвезли в отделение, где он к утру скончался. Похороны превратились в погром отделения милиции и КГБ. Началась цепная реакция — массовые беспорядки произошли и в других городах, в частности в Александрове, где их участников усмиряли с применением оружия[229].

После 1953 г. высылка на 101-й км присуждалась все реже, но официально не была отменена, и в случае необходимости о ней вспоминали. Последняя в советское время актуализация этого понятия случилась перед Олимпиадой 1980 г., когда «очищали» Москву и Ленинград от бомжей, тунеядцев, проституток и неблагонадежных[230].

Прописка

Паспортный режим касался и паспортизированной территории, и непаспортизированной зоны, а его главный принцип был прост: выселенные в результате паспортизации категории граждан долж-

---

[229] *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006. Гл. 11: За 101 километром от Москвы (Беспорядки в Муроме и Александрове) (http://scisne.net/a-1018?pg=14 — Дата обращения: 17.04.2017).

[230] Если в советской политической культуре выражение «101-й километр» означало жизнь после лагерей, то в других контекстах выступало синонимом удаленности, «второсортности» населенного пункта. Собственно, подобного рода значения сохранились и до сегодняшнего дня. На одном из форумов на вопрос «Что такое 101 км?» следует объяснение: «это место, где начинается отстой». Другой участник объясняет: это «мусорка» — место, где живут маргиналы. И заканчивает почти философской максимой: «у каждого свой 101-й км», т. е. зону отстоя каждый определяет по-своему, она может начинаться за углом, а может еще ближе — в самом себе. «Послать на 101-й» — аналог более сильного выражения отсылки очень далеко.

Кроме того, сейчас это выражение приобрело своего рода флер криминальной романтики. Оно используется в качестве названия самых разных объектов, например, Группа «101 км» («русский шансон»), развлекательный комплекс «101-й километр», гостиницы с таким названием и т. д., вплоть до названий ярмарки и строительного супермаркета — вероятно, по той причине, что многие садоводства в советское время были отнесены в зону 101-го км.

Одна из причин живучести этого выражения, видимо, в том, что оно стало частью своего рода формулы мыслимого предела, которая реализуется в таких оборотах, как «я тебе сто раз говорил» (сто первый раз говорить не буду).

ны обитать в предназначенных для них местностях и не смешиваться с населением режимных территорий. Граница между ними возводилась с помощью соответствующих постановлений и поддерживалась периодическими чистками и обменами паспортов.

Основной инструмент закрепления человека за предписанным ему местом — прописка. Правила прописки постоянно менялись, причем местные органы власти могли изменять их по своему усмотрению, но основные принципы этой процедуры оставались неизменными. Прописка начиная с 1932 г. имела разрешительный, а не уведомительный характер, и уже поэтому была ограничительной (другими словами, человеку могли разрешить прописаться в выбранном им месте, а могли отказать даже без объяснения причин). Все предшествующие попытки связать человека с определенным местом имели скорее уведомительный характер.

Технически прописка была чисто бюрократической процедурой[231], но в действительности именно от нее в буквальном смысле зависела жизнь каждого конкретного человека. Не получив штампа о прописке, он должен был покинуть запретную для него местность. При благоприятном стечении обстоятельств (т. е. при получении прописки) этот штамп диктовал свои условия: медицинское обслуживание, почтовое отделение, школа, детский сад и многое другое определялись «по месту прописки». Излишне говорить, что прописка была обязательным условием устройства на работу. В свою очередь работа являлась второй привязкой к месту жительства[232].

Проживание без прописки влекло за собой административное наказание (штраф), а при повторении этого нарушения — исправительно-трудовые работы до 6 месяцев. С введением новых республиканских кодексов в конце 50-х — начале 60-х гг. неоднократное нарушение правил прописки стало уголовно наказуемым и могло привести к лишению свободы на срок до 1 года. Уже в период паспортизации была выделена особая категория «злостных нарушителей паспортного режима», которая оставалась актуальной весь советский период — речь идет об «отказавшихся добровольно выехать из местности, проживание в которой им запрещено в свя-

---

[231] *Прописка* буквально означала регистрацию (вписывание) паспортных данных гражданина в книгу учета. Для прописки следовало, кроме паспорта, представлять справку о наличии жилплощади и документы, удостоверяющие цель приезда (приглашение на работу, договор о вербовке, справку правления колхоза об отпуске и т. д.).

[232] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. предусматривал уголовную ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с мест работы.

зи с невыдачей паспорта или непропиской, и нарушивших данную ими подписку о выезде в указанный милицией срок, а также о лицах, самовольно возвратившихся в местность, в которой им было запрещено проживание»[233].

Основное требование при получении разрешения на прописку — наличие жилплощади, что всегда было проблематичным, поскольку жилье, в основном, принадлежало государству[234]. Особенно напряженной ситуация была в крупных городах, где к тому же по Положению о паспортах 1953 г. была введена так называемая санитарная норма: «…Не разрешается прописка лиц, прибывших на постоянное или временное (более полутора месяцев) жительство в города и поселки городского типа, если жилая площадь, на которую они прописываются, не соответствует требованиям санитарной нормы, за исключением случаев, когда один из супругов прописывается на площадь другого, нетрудоспособные или престарелые родители — на площадь детей, несовершеннолетние дети — на площадь родителей. Во всех других случаях прописка на жилплощадь, не отвечающую требованиям санитарной нормы, может быть разрешена лишь с ведома органов санитарного надзора».

Средняя «санитарная норма» по РСФСР была 9 кв. м на человека, а конкретные нормы вводились городскими и республиканскими органами. В Москве минимум жилплощади на одного человека — 7 кв. м (4 кв. м в общежитиях), в Ленинграде — 9 кв. м. При меньшей жилой площади прописка не разрешалась. При этом претендовать на «улучшение жилплощади» могли лишь те семьи, в которых на каждого приходилось не более 5 кв. м в Москве и 4,5 кв. м в Ленинграде. Естественно, «санитарная норма» стала удобным инструментом регулирования прописки — точнее, манипулирования ею[235].

---

[233] Инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях Положения о паспортах // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история, документы: в 6 т. / отв. ред. Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. Т. V. С. 332–333.

[234] О советской жилищной политике см.: *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008.

[235] В частности, правила прописки стали одной из причин существования (особенно в крупных городах) значительного числа бездомных. Подробнее об этой категории см.: *Stephenson S.* The Russian homeless // Poverty in Transition Economies / ed. by S. Hutton, R. Gerry. London: Routledge studies of societies in transition, 2000; *Höjdestrand T.* The Soviet-Russian production of homelessness. Propiska, housing, privatisation. Stockholm

В режимных зонах первой и второй категорий запрещалось прописывать бывших осужденных практически по всем статьям Уголовного кодекса. Вместе с тем по отношению к бывшим заключенным действовали разные нормы. Если «особо отличившимся ударникам» из числа осужденных по уголовным статьям в виде исключения давалась возможность жить в режимных местностях, то по отношению к бывшим кулакам никаких исключений не предусматривалось. Как справедливо отметил Д. Шерер, социальное клеймо оказывалось сильнее криминального[236]. После отбытия высылки паспорта им выдавались «исключительно по месту расположения труд-поселения», покидать которое категорически запрещалось[237]. В графе 8 их паспортов делалась запись о том, что он выдан на основании списка комендатуры, и с этой записью можно было проживать только по месту поселения. В нережимных местностях разрешалась прописка всех прибывающих граждан, не имеющих подобных ограничений (не только разрешалась, но и, как уже отмечалось, строго предписывалась, поскольку каждый гражданин должен был состоять на учете).

Некоторое послабление произошло при амнистии в связи с Победой. В приказе по МВД от 12 июля 1945 г. органам милиции предписывалось «выдать освобожденным паспорта по месту освобождения из мест заключения на основании списков, представляемых администрацией мест заключения», но вместе с тем «при направлении освобождаемых к месту жительства руководствоваться перечнем режимных местностей…». Последнее означало, что им запрещено проживание на режимных территориях. Исключение делалось лишь для несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, лиц преклонного возраста и инвалидов, следующих к прежнему месту жительства, к родным или близким родственникам[238].

Проблемы с пропиской были у возвращающихся не только из лагерей, но и из эвакуации. Особенно драматическая ситуация сложилась у ленинградцев, прописка которых в местах прежнего проживания была (судя по всему, намеренно, поскольку катастрофически не хватало жилой площади) усложнена местными вла-

---

University, 2003 (http://www.anthrobase.com/Txt/H/Hoejdestrand_T_01.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

236 *Shearer D.* Elements Near and Alien… P. 859.

237 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 236.

238 Там же. Д. 233. Т. 2. Л. 249.

стями: «До 18 июля 1944 г. для постоянной прописки в Ленинграде гражданин должен был представить: а) разрешение горисполкома на въезд в город; б) пропуск на въезд, выданный милицией; в) паспорт со штампами об отметках с последнего местожительства; г) письменное заявление с просьбой о прописке; д) справку домохозяйства или ордер РЖУ о наличии жилой площади; е) наряд городского или районного бюро распределения рабочей силы о направлении на работу; ж) справку о прохождении санобработки. При отсутствии любого из перечисленных документов прописка не производилась»[239]. Самовольно возвращающиеся из эвакуации задерживались специально организованными заслонами: «Только за декабрь 1944 г. заслонами и опергруппами УНКВД ЛО было задержано 12701 чел., пытавшихся незаконно въехать в Ленинград, из которых более 6 тыс. чел. были возвращены обратно. В январе 1945 г. задержали еще 10163 чел., из которых свыше 4,5 тыс. чел. вернули обратно в тыловые районы страны. Работа заградительной службы и фильтрация возвращенцев продолжалась практически весь 1945 г. и всю первую половину 1946 г.»[240].

Сосланные в конце 1930-х и во время войны в результате этнических ссылок на спецпоселение начали получать паспорта лишь с середины 1950-х гг. Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1955 г. «О выдаче спецпоселенцам паспортов» распространялось на тех спецпоселенцев, которые проживали в городах и тех местах, жители которых должны были иметь паспорта, — т. е. в паспортизированных, но нережимных зонах. В пункте 3 этого Постановления не забыли указать: «Произвести в паспортах, выданных спецпоселенцам, отметки об ограничениях их места жительства»[241]. Это означало, что сохранялся запрет проживания в режимных зонах. Более того, им не разрешалось возвращаться на места своего прежнего жительства. Власть была заинтересована в том, чтобы они оставались в регионах выселения, во избежание конфликтов с поселившимися на их местах после высылки[242].

---

239 *Иванов Д. В.* Влияние низовой коррупции на стабильность правопорядка в советской России в послевоенный период // Мир юридической науки. 2012. № 2. С. 37–44.

240 Там же.

241 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 97.

242 Чеченцы проигнорировали этот запрет и возвращались начиная с 1956 г. На следующий год была создана Чечено-Ингушская АССР. В том же году им был отменен запрет прописываться в местах прежнего проживания (там же. Л. 42).

Тем не менее начало постепенного освобождения и реабилитации репрессированных народов было положено[243].

Особенно жесткие ограничения на прописку существовали в Москве. С конца 50-х гг. одно за другим выходят постановления, направленные, с одной стороны, на то, чтобы максимально уменьшить возможность прописки в Москве для приезжающих из других регионов, а с другой стороны — на выявление и высылку нарушителей паспортного режима и аннулирование их прописки. В 1964 г. вышло постановление Совета Министров, утвердившее особое «Положение о прописке и выписке населения в г. Москве»[244]. В соответствии с этим постановлением прописаться могли только ближайшие родственники (родители, дети), некоторые категории военнослужащих, а также жители Москвы, возвращающиеся после работ на «важнейших стройках и предприятиях страны», либо отработавшие по распределению после окончания учебных заведений.

Однако огородить Москву, как и другие крупнейшие режимные города, от наплыва «иногородних» не удавалось. Население Москвы ежегодно увеличивалось почти на 100 тыс. человек, и отнюдь не за счет «естественного прироста»[245]. Гражданами использовались все законные и незаконные способы «зацепиться» за Москву, Ленинград и другие привлекательные города (о некоторых из них см. в ч. 3, гл. 2).

В то же время именно в этих городах сложилась серьезная диспропорция в структуре рабочих кадров. Они оказались перенасыщены квалифицированными специалистами и испытывали недостаток работников низкой квалификации. Подпитка необходимой рабочей силой шла во многом за счет введения «лимитов прописки» для отдельных служб и предприятий. Другими словами, выделялись квоты, в пределах которых предприятия могли прописать приезжих на нужные специальности. «Лимитчики» получали временную прописку и место в общежитии. В этом статусе они должны были прожить от 5 до 10 лет (общего правила не существовало), после чего могли получить постоянную прописку и встать в очередь на улучшение жилищных условий.

---

243 Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 530.

244 Сборник руководящих документов по паспортной работе. М.: Паспортное управление ГУВД Мосгорисполкома, 1988. С. 6–7.

245 *Переведенцев В. И.* Зацепиться за Москву // Новое время. 2003. 19 окт. С.10.

В 1970–1980-е гг. правила прописки становятся инструментом работы с диссидентами. В 1974 г., вместе с новым Положением о паспортах, в котором была объявлена всеобщая паспортизация, вышло постановление «О некоторых правилах прописки граждан» (№ 678 от 28 августа 1974 г.). Оно имело открытую и закрытую части. В опубликованной открытой части излагались правила, существенно смягчавшие прежние. Разрешалась прописка в городах и поселках городского типа целой категории граждан, независимо от того, удовлетворяет площадь санитарной норме или нет. Так, было разрешено прописывать мужа к жене и наоборот, детей к родителям и наоборот, братьев и сестер — друг к другу, демобилизованных из армии — на жилплощадь, где они проживали до призыва в армию, отбывших наказание — на жилплощадь, где они проживали до ареста, и т. д. В закрытой части содержался перечень преступлений, за которые лица, уже отбывшие наказание, не подлежали прописке «в городах, районах и местностях, перечень которых определен решениями Правительства СССР». Наряду с особо опасными рецидивистами к их числу были отнесены и лица, отбывшие наказание по статье 190–1 УК РСФСР, т. е. диссиденты. Ограничения по отношению к бывшим заключенным продолжались и дальше. В 1985 г. (постановление № 736) список лиц, не подлежащих прописке в Москве, был расширен, а их пребывание в Москве было ограничено тремя сутками.

Осужденные за антисоветскую деятельность жители режимных городов (и прежде всего Москвы) после освобождения не могли вернуться и прописаться в своих городах и таким образом фактически пребывали в ссылке. В качестве примера приведем фрагмент письма бывшего политзаключенного Александра Болонкина председателю Моссовета с требованием немедленной прописки в Москве от 09.07.1986 г.: «Я еще раз прошу вас не попирать ст. 44 Конституции СССР — право на жилье и место жительства. Даже ссылка на ст. 306 ГК РСФСР незаконна, ибо не может быть распоряжений, правил и кодексов, противоречащих Конституции, и кроме того, в п. 5 ст. 306 ГК сказано, что за осужденными, у которых остались родственники в их квартире, право на жилплощадь сохраняется. А вы вот уже два года держите меня в ссылке, хотя срок моего наказания окончился в 1984 г.»[246]. Разумеется, в этом тре-

---

[246] Архив Международного Мемориала (АММ). Ф. 158. Архив самиздата (АС) № 5881. Вып. 5/87.

бовании А. Болонкину было отказано. Он вынужден был отказаться от гражданства и эмигрировать. Неизвестные гражданам подзаконные акты неизменно одерживали верх над Конституцией[247].

Об этом негласном праве пишет в своем обращении к председателю Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному другой диссидент, Л. Рендель, после отказа властей разрешить ему прописку в Москве: «…единственным юридическим основанием для отказа в прописке является “Положение о паспортах”, которое граждане обязаны соблюдать, но содержание которого полностью им неизвестно: только десять статей приводится в извлечениях в паспортах[248]. <…> Соответствует ли принципам социалистической законности существование негласных “Положений о паспортах”, которым тем не менее должны подчиняться все граждане по одному слову милиции?»[249].

Пожалуй, только диссиденты публично выражали свое отношение к особенностям советского права. Большинство воспринимало эту ситуацию как данность.

Детали процедуры прописки постоянно оттачивались. В Инструкции к Положению о паспортах 1953 г. предписывалось оформлять отказ в прописке в виде определенных формул — например, «ввиду отсутствия жилплощади по установленной норме» или «на основании Положения о паспортах…». Вместе с тем запрещалось производить такие записи, как «отказано по судимости» и т. п.[250] Паспортный язык основывался на иносказаниях.

Поскольку прописка в буквальном смысле представляла собой регистрацию паспортов, она не могла не быть формой учета их владельцев. В обязательном порядке следовало брать на учет всех, кто имел судимость[251]: «Хорошо поставленная работа по выдаче

---

247 Известный диссидент Александр Вольпин писал по поводу применения советскими органами правил прописки: «Прописка была введена, когда стало трудно удерживать раскулаченных на местах ссылки. Она привилась и стала затем средством удержания на местах крымских татар и других переселенных народов. <…> Несколько лет назад (31 авг. 1974 года) “Положение о паспортах” было смягчено; скажем, человек, которому отказано в прописке, обязан покинуть город не в три, как раньше, а в десять дней, крестьяне также приобрели паспорта — но ведь не право выхода из колхоза» (*Вольпин А.* О советских Конституциях и правах человека // Хроника защиты прав в СССР. Вып. 35. Июль–сентябрь 1979 г. Нью-Йорк, 1979. С. 56–57).

248 Поскольку письмо датируется 1968 годом, речь идет о Положении о паспортах 1953 г., полный текст которого долгое время считался секретным.

249 АММ. Ф. 158. АС № 143 (Т. 2).

250 Инструкция к Положению 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Л. 149.

251 Там же. Л. 152.

паспорта, прописке и выписке является одним из наиболее эффективных средств розыска преступников. На разыскиваемых лиц направляются сторожевые листки, которые вливаются в картотеки кустовых адресных бюро не позднее 2-х дней после поступления»[252]. При совпадении данных в сторожевом и прописном листках следовало немедленно доложить начальнику отделения милиции[253].

На системе учета следует остановиться специально.

Учет «естественного движения населения»

В 1935 г. вышло Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения»[254]. За невзрачным названием скрывалась попытка создания нового для СССР уровня учета, необходимого для того, чтобы в конечном счете установить более совершенный контроль. В преамбуле этого текста признавалось, что из-за отсутствия должного контроля учет населения находится в явно неудовлетворительном состоянии. Более того, «органы учета часто использовались классовыми врагами (попы, кулаки, бывшие белые), пролезшими в эти организации и проводившими там контрреволюционную, вредоносную работу, скрывая рост населения путем недоучета рождаемости и явно преувеличивая смертность населения путем регистрации по нескольку раз смертей одних и тех же лиц»[255].

В целях улучшения учета предлагалось:

1. Ввести с 1 января 1936 г. обязательную выдачу отделами актов гражданского состояния НКВД специальных свидетельств о рождении на гербовой бумаге по специальной форме.
2. Предложить НКВД — т. Ягода совместно с т. Вышинским — в месячный срок разработать и представить на утверждение СНК СССР единый союзный закон о регистрации рождений и смертей.

Положения этого Постановления распространялись не только на паспортизированную территорию, но и на всю страну. Предпо-

---

252 Инструкция к Положению 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Л. 160.
253 Там же. Л. 165.
254 СЗ СССР 1935. № 53. Ст. 432.
255 Там же.

лагалось «предусмотреть уголовную ответственность секретарей сельсоветов за отказ или за несвоевременную регистрацию и за непредставление в срок первичных отчетных данных об естественном движении населения, а также за представление неправильных данных»[256]. Этим же Постановлением вводились известные всем советским гражданам отметки о вступлении в брак или разводе, которые отныне приказано делать сельским жителям в свидетельствах о рождении, а горожанам — в паспортах[257].

Именно на это Постановление «О постановке учета естественного движения населения» делались ссылки при организации грандиозной сети розыска. К паспортным столам и отделам добавились адресные бюро. В Инструкции по паспортной работе 1935 г. задачи адресных бюро определялись следующим образом: «а) оказание содействия административным органам в розыске необходимых им лиц; б) выдача учреждениям и частным лицам справок о местожительстве граждан; в) ведение учета движения населения»[258].

В крупных городах создавались кустовые адресные бюро (центральное адресное бюро, естественно, находилось в Москве). Кустовые бюро были ориентированы почти исключительно на «особый учет». Этот вид учета основывался на сборе компрометирующих материалов, которые заносились в графу «Для особых отметок органов РК милиции» Формы № 1, заполнявшейся для получения паспорта. Затем эта информация вносилась в региональные картотеки. Именно в кустовых адресных бюро находились региональные картотеки, в которые стекалась вся информация. Учет населения велся с помощью так называемых адресных листков, которые были двух типов: листки прибытия и убытия. Основное внимание уделялось листку прибытия, проверявшемуся по книгам розыска паспортов и обязательно сверявшемуся со специальной картотекой сторожевых листков, которые содержали информацию о разыскиваемых преступниках[259].

---

256 Там же.

257 Там же. 2 ноября 1935 г. выходит Постановление «Об утверждении формы свидетельства о рождении». Каждое свидетельство имеет свой номер в общем государственном регистре. В нем указывается фамилия, имя, отчество родившегося, указываются имена, отчества и фамилии родителей, место рождения и регистрации. Свидетельство должно быть заверено печатью и подписями зав. Бюро ЗАГС и делопроизводителя. Показательно, что национальность родителей еще не упоминается.

258 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 98.

259 Положение о кустовых адресных бюро (утверждено приказом НКВД СССР № 077 от 16 августа 1937 г.). ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 179–186.

С 1939 г. в целях усиления контроля за «движением населения» система адресных листков была усовершенствована. Были введены два типа адресных листков: с отрывными талонами и без них. На листках без отрывного талона осуществлялась временная прописка командировочных, дачников, экскурсантов и т. п., а с отрывным талоном — всех остальных, причем «в режимных местностях такие листки заполнялись в двух экземплярах: один оставался в адресном бюро, а другой в отделении милиции для контроля за выездом прописанного в срок». На «социально чуждый» и «уголовный элемент» заполнялись дополнительные листки прибытия (или убытия), которые направлялись для централизованного учета в кустовые адресные бюро[260]. Таким образом предполагалось контролировать все передвижения человека, чтобы в нужный момент он оказался досягаемым. Однако именно при передвижениях появлялась возможность в случае необходимости «исправить» свою биографию и, например, получить паспорт без компрометирующих записей (подробнее см. в третьей части).

К тому же функционировали адресные бюро явно не так, как хотелось надзорным органам. Регулярно появлялись циркуляры НКВД, в которых констатировалась их неудовлетворительная работа в различных районах страны. Например, в одном из циркуляров говорилось: «в кустовом адресном бюро Полтавской области обнаружено не разложенных в картотеки в январе: розыскных листков 11442, адресных листков 28000, в марте соответственно 14000 и 4500, в Туркменской ССР в марте 23202 розыскных и 19232 адресных листка»[261].

Граждане вносили свой посильный вклад в неразбериху с их учетом. Ссылаясь на материалы Российского государственного архива экономики, Дэвид Шерер приводит такую статистику: «Немногим более 5 процентов населения не зарегистрировали новое место жительства по прибытии, почти 13 процентов не зарегистрировали пункт назначения после отъезда из места жительства»[262]. Ситуация учета и регистрации настолько беспокоила власти, что летом 1945 г. в Берлин для изучения немецкой системы регистра-

---

260 *Попов В. П.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html — Дата обращения: 17.04.2017).

261 *Тарасов А. Ю.* Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в. Дис. … канд. юр. наук. М., 2005. С. 127.

262 *Shearer D.* Elements Near and Alien… P. 869.

ции населения была послана специальная комиссия, которая пришла к выводу о целесообразности заимствования опыта немецкой системы, где при отбытии с места проживания граждане обязаны заполнять формы в трех экземплярах — для того, чтобы их учет велся сразу на нескольких уровнях. Еще одно необходимое условие — регулярные (не менее одного раза в полгода) проверка и обновление картотек[263].

Кроме того, в ориентировках 1930-х гг. постоянно отмечался рост числа поддельных паспортов, что объяснялось слабой степенью их защиты от подделок и недостаточной идентификационной возможностью. Для исправления этой ситуации в разгар репрессий, в 1937 г., выходит Постановление ЦИК и Совнаркома СССР № 112/935 «О введении фотографических карточек на паспортах»[264]. Введение фотокарточек происходило ударными темпами. Планировалось за два года (1938–1939) обеспечить фотокарточками все паспортизированное население СССР — около 50 млн человек (из них население погранполосы численностью 3,5 млн человек обязали иметь фотографии в паспортах уже в 1937 г.)[265]. Несколько раньше, в 1935 г., появилось постановление «Об изготовлении печатей и штампов и пользовании ими»[266]. Этим же постановлением были введены спецчернила для заполнения паспортных бланков и спецмастика для печатей. Кроме того, ГУМ стало регулярно рассылать в низовые структуры методические инструкции о способах определения фальшивых паспортов[267].

Не лучше обстояло дело с розыском похищенных и утерянных паспортов. В Приказе Народного комиссара Внутренних дел Союза СССР за 1940 г. № 0202 рисуется неприглядная картина:

> Существующая система объявления в розыск похищенных и утраченных паспортов, путем издания и рассылки в кустовые адресные бюро бюллетеней похищенных и утраченных паспортов <…> не обеспечивает поставленной перед ней задачи. Количество паспортов, разысканных посредством этой системы, ничтожно, а объявляется в розыск огромное количество. Введение на паспортах фотокарточек и специального пресса для крепления их значитель-

263 Там же.
264 Свод законов СССР. 1937. № 70. С. 328 (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 135. Л. 185).
265 Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 112.
266 СЗ СССР за 1935 г. № 40. Ст. 341. С. 623.
267 Например: «Оперативно-методическая ориентировка № 22 с подробными разъяснениями определения подделок. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 406.

но осложняет возможность проживания по чужому паспорту, а подделка паспорта, благодаря этим мерам, без того, чтобы этого нельзя было обнаружить, затруднена, поэтому в целях сокращения непроизводительной затраты труда и расхода бумаги

Приказываю:

Существующую систему объявления во всесоюзный розыск всех похищенных и утраченных паспортов отменить <...>. При проверке документов у задержанных и при прописке граждан тщательно просматривать паспорта, обращая особое внимание на то, как наклеена фотокарточка, как поставлена гербовая печать и штамп крепления фотокарточки на паспорте, не повреждена ли защитная «сетка» паспорта, не подвергался ли текст паспорта смыванию и пр., а при обнаружении сомнительных паспортов немедленно запрашивать Паспортно-регистрационный отдел ГУРКМ НКВД СССР на предмет установления, не является ли данный паспорт похищенным или утраченным[268].

Надежда на новые формы защиты частично оправдается, но общее положение дел с учетом и розыском не удовлетворяло даже сами надзорные органы.

Поддержание паспортного режима

Поддержание паспортного режима с самого начала паспортизации объявляется основной задачей милиции, которая, собственно, для этого и была создана. В Инструкции 1935 г. дается такое разъяснение:

Поддержание паспортного режима заключается в:

— недопущении проживания без паспортов и без прописки;

— недопущении приема на работу или службу без паспортов;

— очистке режимных местностей от уголовных, кулацких и иных антиобщественных элементов, а также от лиц, не связанных с производством;

— во взятии в нережимных местностях всего кулацкого, уголовного и иного антиобщественного элемента на особый учет[269].

---

268 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 249–249 об.

269 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 75.

В последующих инструкциях «кулацкие элементы» исчезнут, но суть поддержания паспортного режима останется прежней — это комплекс мер по обеспечению социальной однородности на тех территориях, где такая однородность предусмотрена.

Накануне войны (20 июня 1941 г.) был издан Приказ НКВД СССР «Об усилении работы органов милиции по поддержанию паспортного режима», в котором особое внимание обращалось на недопустимость проживания в городах и местностях с особым режимом прописки граждан без паспортов. Меньше чем через месяц после начала войны (17 июля 1941 г.) был разослан Циркуляр НКВД, который определял порядок «документации граждан, прибывающих без паспорта в тыл, в связи с военными событиями». Процедура включала тщательную проверку всех граждан, прибывающих в тыл без паспортов. Их следовало допросить об обстоятельствах утраты документов, определить место их получения, послать туда запрос вместе с фотографией заявителя. Только в случае подтверждения выдачи паспорта и тождественности фотокарточки, разрешалась выдача паспорта. «Если же у прибывших не окажется никаких документов и возможность подтверждения выдачи паспорта будет исключена, таких лиц тщательно проверять путем личного допроса, а также допроса лиц, знающих их, и только после этого выдавать справки о сделанном заявлении об утрате паспорта, ведя одновременно дальнейшую проверку. Выдачу же временных удостоверений в этих случаях производить только по окончании проверки»[270]. Все прибывшие без документов не только автоматически подпадали под подозрение в шпионской деятельности, но и должны были сообщать о своем проживании на захваченной территории. Циркуляр был отменен лишь в 1949 г.

В послевоенные и последующие годы особое внимание уделялось проверке документов. Во всех случаях, когда возникали сомнения в подлинности, следовало направлять паспорт на исследование в Научно-техническое отделение Оперативного отдела милиции, где, в частности, устанавливалось:

— соответствует ли серия и номер паспорта месту его выдачи (это можно было установить только по соответствующим журналам с полным перечнем серий и номеров);
— соответствует ли текст (в том числе оттисков печати и штампов) сведениям, даваемым о себе предъявителем па-

---

[270] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 129.

спорта (такое соответствие можно было установить, только запросив то отделение милиции, где паспорт был выдан и где хранится Форма № 1; естественно, в таком случае проверка могла затянуться);

— соответствует ли подпись владельца подписям этого же лица на других документах (обычно других документов с подписями у гражданина не оказывалось, и в таких случаях его просили несколько раз расписаться для установления тождественности);
— соответствует ли фотографическая карточка, наклеенная на паспорт, внешнему виду предъявителя паспорта;
— нет ли признаков переклейки фотографической карточки владельца паспорта (несовпадение оттисков печатей на карточке с оттисками на странице паспорта, поддельность оттисков печати на фотокарточке и т. п.);
— нет ли на паспорте поддельных оттисков штампов о прописке, о приеме и увольнении с работы[271].

За время войны и в послевоенные годы было выпущено более 20 оперативно-методических ориентировок под названием «Осмотр и исследование паспортов». В этих ориентировках предписывалось особое внимание обращать на то, нет ли в паспорте повреждений защитной сетки и исправлений в следующих графах: первой — «Имя, отчество, фамилия», второй — «Время и место рождения», третьей — «Национальность», в графе 6 — «Отношение к военной службе» и в графе 8 — «На основании каких документов выдан паспорт»[272].

Подделки в первой графе («Фамилия, имя, отчество») считались наиболее распространенными, поскольку они давали надежду скрыть нежелательные подробности биографии, не говоря уже об украденных паспортах. Изменения могли быть столь разнообразными, что никаких рецептов по их выявлению не предлагалось, кроме того, что подделывались чаще всего фамилии, к которым дописывалось другое окончание. Более кардинально эти сведения менялись в связи с подделкой в графе «национальность».

По приводимым в ориентировках данным подделки года рождения совершались чаще всего с целью уклонения от военной службы или трудовой мобилизации. Здесь нужно иметь в виду, что в

---

271 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 406–406 об.
272 Там же. Л. 407–409.

этой графе до 1940 г. указывался только год рождения (месяц и день не указывались), но и с введением полной даты подделывалась она довольно легко. Еще проще подделывались сведения в графе об отношении к военной службе. Чаще всего это делалось путем дописывания к слову «военнообязанный» частицы «не».

Не менее распространено было изменение записи в графе «национальность» владельца паспорта. Как известно, в 1938 г. была кардинально преобразована процедура определения национальной принадлежности. Если прежде национальность записывалась со слов владельца паспорта, то отныне она должна была определяться по национальности родителей. Сделано это было для того, чтобы поляки, немцы, а затем и представители других народов не могли приписать себе другую национальность. Эта графа стала своего рода стигмой для всех репрессированных по национальному признаку (калмыков, чеченцев, крымских татар и др.). Естественно, ее старались подделать. Сделать это было гораздо сложнее, чем приписать «не»; тем не менее на это шли. По данным ориентировок, делали это самым примитивным образом, подчищая прежнюю запись. Видимо, страх подвергнуться репрессии по национальному признаку был сильнее, чем страх возможного обнаружения подделки. Чаще всего переделывали, например «немец», «немка» на «русский», «русская». Более изощренными считались подделки, в которых на месте подчищенного слова «немец» или «калмык» было написано «еврей», «белорус» или какая-то другая «неопасная» национальность. Подделки в графе «Национальность» часто сопровождались изменениями фамилии, имени и отчества, поскольку о национальности нередко судили именно по ним.

В графе 8 («на основании каких документов выдан паспорт») трудно что-либо подделать, если в ней есть запись «Выдан на основании статьи 38 (39) Положения о паспортах» (означавшая, что владелец паспорта был осужден по тем статьям, которые исключают проживание в режимных местностях), но в таком случае была возможна замена на листки из другого паспорта.

Подделки в этих графах подтверждаются и материалами ежегодных докладов о работе Паспортного отдела Главного Управления милиции. Например, в докладе «О работе Паспортного отдела Главного Управления милиции за 1943 г.» говорится: «В результате проверок было выявлено 5428 чел., проживающих по поддельным или чужим паспортам. Это относится, главным

образом, к лицам, которые пытались скрыть возраст с целью уклонения от мобилизации, скрыть свою национальность (немцы и др.), или скрыть ограничения, занесенные в паспорт»[273]. Казалось бы, количество выявленных подделок в масштабах всей страны невелико, но следует учесть стремление составителей таких докладов занизить показатели, которые отрицательно характеризовали состояние паспортной системы даже в условиях шпиономании 1940-х гг.

По окончании войны актуальность подделки возраста снизилась, но все еще оставались страх перед графой «национальность» и записями ограничений на проживание в режимных местностях. Подделки вообще очень показательны, поскольку имеют диагностический характер и довольно четко указывают на болевые точки того времени, которые сходятся в паспортах многих советских граждан: стигматизация по национальной принадлежности и запрет на проживание в режимных территориях тем, кто был осужден или даже без судимости не имел на это права. Даже если не все подделки реальны (учитывая общий фон шпиономании в послевоенное время), их распределение по графам показательно.

Судя по нескончаемой череде приказов об усилении мер по соблюдению паспортного режима, эффект от этих мер был невысок. Приведу выдержки лишь из одного циркулярного письма министрам внутренних дел союзных республик. «Министерством внутренних дел СССР выявлены серьезные недостатки в соблюдении паспортного режима в районах предприятий угольной, нефтяной и особенно лесной промышленности. Значительное количество граждан в этих местностях проживают без паспортов, с просроченными паспортами и без прописки. Так, за 1957 год в Архангельской области выявлено и привлечено к ответственности 3579 нарушителей паспортного режима, в том числе проживающих без паспорта 807 человек, с просроченными паспортами 613 человек и без прописки 2071 человек. В Карельской АССР выявлено 4696 нарушителей»[274].

Отмечены и такие факты нарушения паспортного режима, когда начальники отделов найма и увольнения рабочей силы предприятий, учреждений и организаций изымают паспорта у рабочих и служащих для хранения в отделах кадров, причем нередки случаи

---

273 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 4.

274 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 23.

их утраты: «Так, в марте 1956 г. из конторы лесопункта Новая Ильма (Арх. обл.) было похищено 130 паспортов, изъятых у рабочих администрацией лесопункта для хранения. В отделе кадров комбината "Архангельсклес" в феврале 1957 г. обнаружено 129 паспортов, местонахождение владельцев которых руководителям комбината неизвестно. Рабочие завербовываются и завозятся без паспортов особенно на лесоразработки в Архангельской области, Карельскую и Коми АССР»[275].

В ряде документов отмечается, что работники паспортных столов и управдомы тоже были небезгрешны. Так, в циркуляре, разосланном Народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УРКМ краев и областей, речь идет о том, что ревизии паспортных столов проходят формально, а в некоторых отделениях милиции не проводились годами; злоупотребления и недочеты не вскрывались. Для примера приводятся следующие факты:

> В Лунинском РОМ Пензенской области паспортист Маланин растратил 308 руб. 60 коп. и брал взятки. Акты ревизии паспортного стола Маланин составлял сам, а начальник РОМ подписывал их без проверки.
>
> Паспортист Кзыл-Ордынского РОМ Казахской ССР Имарындиев в августе мес. 1939 г. выдал паспорта 24-м корейцам, бежавшим из мест поселения, с которых получил 550 руб. взятку.
>
> Начальник паспортного стола 6-го отделения мил. г. Тулы Николаев в 1938–39 гг. присвоил и растратил 1746 руб, что было обнаружено только в 1940 году[276].

В других циркулярах приводятся не менее красноречивые данные. В Харькове раскрыта группа преступников, занимавшихся на протяжении 1939 г. подделкой документов на право проживания. В ее состав входили в основном управдомы, «...получение паспортов и прописка осуществлялась по одному методу: под видом утери паспортов или перемены места жительства внутри города». Преступники снабжали фиктивными справками о прописке[277]. Начальник паспортного стола Ново-Ивановского РО МВД Изма-

[275] Там же. Л. 24–25.
[276] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 301.
[277] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 422.

ильской обл. О. И. Любимцева незаконно выдавала паспорта, получала взятки (за что ей был вынесен приговор: «лишить свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет»)[278]. Эти факты приводятся в качестве примеров. Разумеется, реальное количество таких случаев неизвестно, но, видимо, речь идет о вполне распространенных практиках.

Положения о паспортах и Инструкции по паспортной работе 1940 и 1953 гг.

В советский период «Положения о паспортах» выходили несколько раз (в 1932, 1940, 1953 и 1974 гг.). Выход нового положения обычно сопровождался обменом паспортов, что, в свою очередь, означало большую чистку. К каждому положению НКВД (МВД) готовил свою «Инструкцию по применению Положения», и если положения публиковались в открытой печати (хотя бы частично), то инструкции выходили с грифом «Сов. секретно». Естественно, они были недоступны гражданам, но именно в них содержалась информация, следование которой гражданам предписывалось.

В 1940 г. происходил второй обмен паспортов (о первом обмене 1935–1936 гг. мы уже говорили в предыдущей главе). Параллельно велась проверка состояния работы органов РКМ по поддержанию паспортного режима. Например, проверки 35 отделений милиции в Ленинграде «выявили целый ряд различных видов нарушений паспортного режима. На территории всех 35 отделений ЛГМ были обследованы 125 домохозяйств, 90 различных предприятий и учреждений и 160 общежитий. При проверке обнаружили 280 человек, проживавших без прописки, 67 — с просроченными паспортами, 12 — без паспортов и у 19 человек паспорта были без фотографий. Одновременно с этим в процессе проверки установили большое число лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом, а также лишенных права проживать в Ленинграде»[279].

---

[278] Там же. Т. 2. Л. 70.

[279] *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. Историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада (https://www.litmir.co/br/?b=229349 — Дата обращения: 17.04.2017).

Обмен продолжался недолго — 30 ноября 1941 г. в связи с началом войны появился приказ руководства НКВД о прекращении обмена паспортов: «Вместо обмена производить продление срока действия названных паспортов на один год»[280].

В этом же году было принято новое Положение о паспортах[281], а НКВД выпустило Инструкцию по применению этого Положения[282]. Основные изменения касались следующих сюжетов. Вводились паспорта трех видов: 1) бессрочные; 2) пятилетние и 3) временные удостоверения (на срок не свыше 3 месяцев). Бессрочные должны были получать лица, награжденные орденами Союза ССР, а также граждане, достигшие 55-летнего возраста, инвалиды войны и труда, пенсионеры 1-й и 2-й групп и пенсионеры по выслуге лет. Пятилетние были предназначены гражданам от 16 до 55 лет, временные удостоверения — утратившим бессрочные и пятилетние паспорта, а также выезжающим из местностей, где не введена паспортная система.

В Положении был также определен круг лиц, которым предписывался особый порядок владения паспортом. В него вошли работники стратегически важных отраслей экономики: оборонной промышленности, угольной, Госбанка, системы инкассации, перевозки и хранения ценностей (еще раньше, с 1937 г., — работники железнодорожного транспорта). Они были обязаны сдавать свои паспорта на хранение, а взамен получали специальные удостоверения. Получить свои паспорта обратно они могли, например, при отъезде в отпуск или в командировку, для внесения записей актов гражданского состояния, получения денежных переводов, при перемене места жительства и работы (последнее было возможно только с согласия администрации).

По этому Положению была расширена режимная территория и введены две категории режимных местностей в зависимости от их значимости в оборонном, экономическом и политическом отношении. В Инструкции НКВД к этому Положению был установлен порядок выдачи паспортов кочующим цыганам и лицам, получающим гражданство СССР. Им разрешалось проживать только в нережимных местностях. При отсутствии документов (у цыган) их данные устанавливались «путем допроса лиц, хорошо знающих

---

[280] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 118.

[281] Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940 год. № 24 (http://istmat.info/node/10536 — Дата обращения: 17.04.2017).

[282] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 146 и далее.

получателя, и личного опроса получателя. Получатель должен быть дактилоскопирован и проверен по центральной дактилокартотеке Специального отдела»[283]. В паспортах бывших заключенных, «лишенцев» и «перебежчиков» из-за границы делалась запись: «Выдан на основании ст. 38 (39) Положения о паспортах». Такая же запись делалась и в паспортах кочующих цыган.

В оформлении паспортных бланков в период между первым Положением (1932) и вторым (1940) произошли существенные изменения: с 1936 г. делаются отметки о регистрации браков и разводов, а также отметки жителям запретных зон и пограничной полосы. Начиная с 1937 г. в паспорта вклеиваются фотокарточки, а несколько раньше, с 1935 г., паспортные бланки начинают заполняться специальными чернилами. Тем самым вводятся не дополнительные, а самые необходимые меры защиты идентификационных данных.

В Инструкции содержалось важное нововведение: национальность должна определяться «не по месту рождения и проживания получателя паспорта, а исключительно по национальности родителей»[284]. Подробнее этот сюжет рассматривается в другом месте, а здесь стоит лишь отметить, что именно с этого времени национальность будет рассматриваться как наследственная черта. Уточнено и наполнение графы «Социальное положение». Социальная структура СССР виделась следующим образом: рабочий, служащий, колхозник, крестьянин-единоличник, кустарь, пенсионер, учащийся, домработница, служитель культа, без постоянной работы, иждивенец[285]. Это, конечно, не столько социальная структура, сколько типы занятий. Такой подход к наполнению графы «социальное положение» объясняется, видимо, тем, что определяющим признаком социального статуса с царских времен считалась область занятий владельца паспорта. В советское время к этому добавилось отношение к средствам производства: те, кто использовал наемный труд, в эту классификацию не вошли. Они оказались за пределами актуальной социальной структуры и не могли получить паспорта.

Подготовка к введению послевоенного Положения началась, видимо, не позже 1948 г. Во всяком случае, известно, что 3 марта

---

283 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 150 об.

284 Там же. Л. 147.

285 Там же. Л. 147 об.

1949 г. Л. П. Берия представил на рассмотрение Бюро Совета Министров СССР проект нового Положения о паспортной системе, но он не был поддержан. По принятому после расстрела Берии Положению был введен новый, более защищенный бланк паспорта с обложкой темно-зеленого цвета. Были изменены сроки действия паспортов. Бессрочные паспорта выдавались лицам, достигшим сорокалетнего возраста, десятилетние — лицам в возрасте от 20 до 40 лет, пятилетние —от 16 до 20 лет. Вместо годичных паспортов и временных удостоверений вводился краткосрочный (на срок не более шести месяцев) паспорт, который выдавался при утрате паспорта, а также для сезонных работ («отхода») жителям непаспортизированной сельской местности. Он выдавался и мог быть обменен только в случае наличия заключенного договора.

В территорию сплошной паспортизации были включены прибалтийские республики. Режим прописки остался прежним, но появилась так называемая временная прописка при сохранении постоянной. Как уже говорилось, этим Положением была введена «санитарная норма» (минимум жилплощади для одного человека), при отсутствии которой прописка не разрешалась (средняя норма по РСФСР — 9 кв. м). Сама Инструкция оставалась секретной и не публиковалась до последнего времени.

Проекты реформ 1960-х гг.

Возникшее при введении паспортной системы деление всего населения страны на паспортизированное (в основном городское) и непаспортизированное (преимущественно сельское) приобретало все большую остроту. Еще первыми постановлениями 1932 и 1933 гг. было определено, что сельские жители получают паспорта только в том случае, если они живут на режимных территориях или работают в совхозах (позже к ним прибавились МТС). Формально никакого запрета на получение паспортов для остального сельского населения не существовало. Если человек переезжал в паспортизированную местность, он должен был получить временный паспорт (который затем мог быть заменен на постоянный), но для этого требовалось представить сведения о приеме на работу. Для приема на работу, в свою очередь, требовался паспорт.

Из этого замкнутого круга удавалось вырваться немногим. Кроме того, правление колхоза должно было выдать разрешение на уход из колхоза, а в ситуации постоянно растущего дефицита рабочей силы получить его было не менее сложной задачей.

После смерти Сталина такой порядок перестал считаться незыблемым, причем инициатива исходила «сверху». Уже не раз упоминался проект Берии о смягчении паспортного режима и радикальном сокращении режимных территорий, который был признан несвоевременным. Существует устойчивый миф о том, что сельское население стало получать паспорта при Н. С. Хрущеве[286]. Возникновение и распространение этого мифа связано, видимо, с тем, что после смерти Сталина крестьянам стали выдавать краткосрочные паспорта, но только на время действия договора на сезонные работы за пределами их места жительства. Принципиально ситуация в юридическом плане не изменилась, но даже такая возможность была воспринята как нечто революционное[287].

Между тем развитие экономики требовало совсем другого уровня мобильности населения. Проводимые А. Косыгиным с середины 60-х гг. экономические реформы были возможны при условии привлечения рабочей силы из сельских районов. Существующая паспортная система превратилась в серьезный сдерживающий фактор государственного строительства. Поскольку никаких видимых шагов не предпринималось и в хрущевское время (кроме выдачи кратковременных паспортов), паспортные правила официально оставались прежними, но отношение к ним постепенно менялось и со стороны властей разных уровней. Проявлялось это в ощутимом смягчении паспортного режима: легче стало получить прописку, расширились возможности для колхозников перебраться в город, поскольку с середины 1960-х гг. крупные предприятия получили лимиты на наем необходимой рабочей силы. Объявленная после Мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС стратегической задача ликвидации различий между городом и деревней предполагала изменения прежде всего в жизни деревни. Проводились мероприятия по ликвидации неперспективных сельских поселений, преобразо-

---

286 Он проник даже в современные сценарии вручения паспортов. Ср.: «Лишь в 60-е годы 20 века Никита Хрущев ввел паспорта для крестьян…». *Власова Е. В.* Сценарий церемонии вручения паспортов учащимся школ Аннинского района // МКУДО Аннинский дом творчества (http://www.ddt-anna.ru/metodkopilka01/1000031033.pdf — Дата обращения: 17.04.2017).

287 Подробнее см.: *Попов В. П.* Паспортная система в СССР… С. 12.

ванию колхозов в совхозы (перевод села на производственную основу); а работники совхозов получали паспорта, в отличие от колхозников[288]. Вероятно, все это и подпитывало миф об «освобождении колхозников» при Хрущеве.

Менялась и общая политика работы государственных служб с населением — от видимости персонального подхода (эксклюзивности), характерной для периодов паспортизации и построения режимной географии (когда требовалось «установить социальное лицо» каждого гражданина) к уравниловке хрущевского времени (инклюзивности). Развернувшаяся при Хрущеве борьба с «излишествами», при всей очевидности экономического подтекста, была выражением политики построения однородного общества, что проявилось не только в идеологической и культурной сферах (борьба со всевозможными «отклонениями»), но и, например, во введении всеобщего среднего образования по единой программе, в застройке городов и поселков одинаковыми (типовыми) домами и т. д. На этом фоне паспортная система, ориентированная на дифференциацию разных групп населения по разным режимам, входила в явное противоречие с политикой построения гомогенного общества.

К вопросу о всеобщей паспортизации вновь вернулись в 1967 г. в связи с Запиской первого заместителя председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянского в ЦК КПСС. Вряд ли Полянский выступил с личной инициативой, хотя он и курировал сельский сектор экономики и, следовательно, должен был радеть за сельчан. Для такого шага требовалась серьезная поддержка, но остается лишь гадать о тех, кто стоял рядом. Приведу часть этой Записки:

> По данным Министерства охраны общественного порядка СССР, число лиц, проживающих сейчас в сельской местности и не имеющих права на паспорт, достигает почти 58 млн человек (в возрасте 16 лет и старше); это составляет 37 процентов всех граждан СССР. Отсутствие паспортов у этих граждан создает для них значительные трудности при осуществлении трудовых, семейных и имущественных прав, поступлении на учебу, при получении различного рода почтовых отправлений, приобретении товаров в кредит, про-

[288] За период с 1954 по 1985 г. было преобразовано в совхозы 27962 колхоза (примерно треть от общего их количества). См.: *Тюрина А. П.* Советская деревня на путях обновления. М., 1989. С. 32; развернутый статистический обзор: *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 436–462.

писке в гостиницах и т. п. Имеются многочисленные факты, когда сельская молодежь, демобилизованная из Советской Армии и получившая там специальность, необходимую для работы в сельском хозяйстве (шофер, тракторист и др.), не возвращается в деревню. В ряду других факторов это объясняется в известной мере и желанием приобрести право на паспорт. Наблюдаются также случаи, когда родители направляют на жительство из деревни в город и поселки городского типа к родственникам своих детей для того, чтобы по достижении 16 лет они могли получить паспорт. Одним из главных доводов нецелесообразности выдачи паспортов гражданам, проживающим в сельской местности, являлось стремление сдержать механический рост городского населения. Однако проведенная в указанных выше союзных республиках и областях паспортизация всего населения показала необоснованность имевшихся на сей счет опасений; она не вызвала дополнительного притока населения из деревни в город. К тому же такой приток можно регулировать и при наличии паспортов у сельских жителей. Нынешний порядок паспортизации, ущемляющий права советских граждан, проживающих в деревне, вызывает у них законное недовольство. Они справедливо считают, что такой порядок означает для значительной части населения ничем не обоснованную дискриминацию, с которой надо покончить. Следовало бы рассмотреть и положительно решить вопрос о выдаче паспортов всем гражданам, проживающим в сельской местности[289].

Аргументы, в которых присутствуют ссылки на «права советских граждан», их недовольство существующим положением и «ничем не оправданную дискриминацию» были довольно серьезны и допускались только в таких засекреченных записках для узкого круга адресатов. Вместе с тем куратору сельского хозяйства лучше других было известно об опустении деревни, и он не мог не предполагать, что всеобщая паспортизация лишь ускорит этот процесс. Тем удивительнее, что этот проект исходил от Д. С. Полянского. Записка была разослана членам Политбюро. Из 11 его членов 6 высказалось «за», однако Брежнев, Суслов и Кириленко не голосовали, а Косыгин и Мазуров предложили обсудить этот вопрос дополнительно. В результате его «после обмена мнениями при-

289 Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 113–114.

знано целесообразным временно снять с рассмотрения…»[290] Это «временно» растянулось еще на два года.

В 1969 г. в ЦК КПСС со своей Запиской и новым проектом Положения о паспортной системе обратился министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков. По его словам, действующее Положение, принятое в 1953 г., существенно устарело, к тому же за это время приняты новые уголовное и гражданское законодательства; «кроме того, в данное время согласно существующему Положению паспорта имеют только жители городских местностей, сельское население их не имеет, что создает для жителей села большие трудности (при получении почтовых отправлений, приобретении товаров в кредит, выезде по туристским поездкам за границу и т. п.). Происшедшие в стране изменения, рост благосостояния сельского населения и укрепление экономической базы колхозов подготовили условия для выдачи паспортов и сельскому населению, что приведет к устранению различий в правовом положении граждан СССР в части документирования их паспортами»[291].

Не будем комментировать то обстоятельство, что трудности жителей села представлялись министру МВД СССР своеобразно. По мнению Щелокова, действующие паспорта, утвержденные еще в тридцатые годы, морально устарели и недостаточно защищены от подделок. В отличие от Полянского, Щелоков заранее заручился поддержкой «заинтересованных» государственных органов. В конце Записки он указывает, что проект согласован с КГБ СССР, Министерством обороны, Министерством финансов и другими ведомствами.

Данный проект не случайно разрабатывался в недрах МВД; он был продиктован, скорее всего, не столько сочувствием к страданиям сельского населения, сколько тем, что около 60 млн взрослых жителей села находились вне зоны паспортного контроля. Существенной мотивировкой было и то, что прежнее Положение действительно устарело, постоянно дополнялось различными нормативными актами (свыше 30) и его практическое применение вызывало значительные сложности, тем более, что паспортная система была жестко увязана с уголовным и гражданским кодексами, которые были уже заменены на новые. Судьба этого проекта похожа на судьбу предыдущего. Один из членов Политбюро, Н. Под-

---

290 Там же. С. 114.
291 Там же. С. 115.

горный, на своем экземпляре написал: «Это мероприятие несвоевременно и надумано» (хотя по Записке Полянского он голосовал «за»). В результате — «рассмотрение вопроса временно отложено»[292]. Обращает на себя внимание апелляция к несвоевременности таких предложений (не настал нужный момент).

Еще через 3 года, в июне 1973 г., МВД снова вносит этот проект на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС. Текст Записки остался прежним, но в этот раз дело сдвинулось. В июле того же года была образована Комиссия для подготовки предложений о мерах по совершенствованию паспортной системы под председательством К. Т. Мазурова. Комиссия предложила принять новое Положение о паспортной системе в СССР. В ее Записке ЦК КПСС после повторения прежней мотивировки («действующее Положение устарело») говорится: «Проектом предусматривается выдавать паспорта всему населению. Это создаст благоприятные условия для осуществления гражданами своих прав и будет способствовать более полному учету движения населения»[293]. Показательно, что паспортизация будет способствовать не движению граждан, а учету их движения. МВД добилось своей стратегической цели: распространить паспортную систему на все население СССР. Не стоит, конечно, преувеличивать роль МВД. Положительное решение было принято потому, что в нем были заинтересованы и другие ведомства, прежде всего экономической направленности.

Возникает вопрос: почему такой порядок просуществовал несколько десятилетий и почему именно в 1974 г. он, наконец, был отменен? Ведь со времени проекта Полянского в 1967 г., а тем более первой Записки Щелокова в 1969 г. ничего принципиально не изменилось, одобренный вариант ничем не отличался от отвергнутого (точнее, отложенного). Для того, чтобы разобраться, в чем тут дело, нужно, видимо, обратиться еще к одному сюжету, с которым так или иначе связаны проекты о всеобщей паспортизации. Я имею в виду создание новой Конституции (которая должна была заменить сталинскую Конституцию 1936 г.), где было объявлено, что все граждане СССР обладают равными правами, однако частичная паспортизация никак не вписывалась в это положение и портила всю благостную картину.

---

[292] Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 115.

[293] При этом предлагалось «сохранить существующий порядок приема их на работу на предприятия и стройки, т. е. при наличии справок об отпуске их правлениями колхозов». Там же. С. 120.

Работа над новой Конституцией началась еще при Н. С. Хрущеве[294]. В 1962 г. была образована рабочая группа и комиссия под руководством Хрущева. В августе 1964 г. проект был завершен, однако в октябре Хрущев был смещен со всех постов. Председателем конституционной комиссии становится Л. И. Брежнев. Работа этой комиссии активизировалась в 1966 г. (она была реорганизована, проведены рабочие заседания). Создается впечатление, что существовала идея приурочить принятие новой Конституции к 50-летию советской власти в 1967 г. Видимо, и Записка Поспелова не случайно появилась в 1967 г. Однако принятие новой Конституции было отложено и Записка, как уже говорилось, была сочтена «несвоевременной». Вернулись к идее новой Конституции в 1973 г., и тут же Записка Щелокова (отвергнутая три года назад) была принята без всяких изменений и дополнений. Нужный момент наконец-то настал. Теперь, в преддверии торжеств, посвященных 60-летию советской власти, и принятия новой Конституции, уместно и своевременно дать всем понять, что партия работает в нужном направлении, она знает все нужды и чаяния народа и делает все возможное для их осуществления.

Таким образом паспортная реформа 1974 г., скорее всего, стала результатом сугубо политического решения, приуроченного к принятию новой Конституции в юбилейном 1977 г. Она могла быть принята и десятью годами раньше, но тогда Конституция была отложена. Они шли как бы одним пакетом. Конечно, к паспортной реформе подталкивали нужды экономической и социальной модернизации, но, видимо, вовсе не они и не забота о многих миллионах граждан подвигли Политбюро. Ей было отведено вполне определенное место в общем политическом сценарии: она должна была непосредственно предшествовать принятию новой Конституции и демонстрировать готовность партии к решению самых сложных, застарелых проблем.

Колхозники в конце концов получили паспорта, но не право покидать колхозы. Для этого, как и прежде, требовалась справка о том, что правление колхоза их отпускает[295]. Это обстоятельство лучше других опровергает до сих пор распространенное мнение,

---

294 *Лукьянов А. И.* Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962–1977 гг.) (http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/3001/ — Дата обращения: 17.04.2017).

295 Лишь в Примерном Уставе колхоза от 25 марта 1988 г. появился пункт, в соответствии с которым правление и общее собрание колхоза не вправе отказать в просьбе о выходе.

будто «второе закрепощение крестьян» произошло потому, что сельские жители не получили паспортов. Это не совсем так. Паспортная система, конечно, не способствовала свободе их передвижений, но основные ограничения были связаны с колхозными уставами, фактически не допускавшими выхода из колхоза и, соответственно, получения паспортов[296]. Аналогичные правила, запрещавшие покидать предприятия, были введены в 1940 г. и в отношении рабочих[297], но они действовали в течение относительно непродолжительного периода (до 1956 г.). Борьба с «текучкой» кадров на городских предприятиях и «утечкой» кадров в деревне была навязчивой идеей не только в сталинское время, но и позже.

Положение 1974 г.

Последнее советское Положение о паспортах, над которым трудилась комиссия под председательством К. Т. Мазурова, замечательно не только тем, что распространило паспортизацию на все население страны. Впервые паспорт стал называться «Паспорт гражданина СССР». Вероятно, именно это название привело к тому, что торжественное вручение паспорта стало называться «Посвящением в гражданство» (см.: ч. III, гл. 1). Несколько смягчились сроки прописки: до 1,5 месяцев разрешалось жить без нее. Срок, в течение которого следовало сдать документы на прописку, увеличился до 3 суток (прежде — в течение суток). Теперь «Лица, которым отказано в прописке в населенном пункте, куда они прибыли, обязаны выбыть из этого населенного пункта в 7-дневный срок» (прежде — в трехдневный срок). Более подробно обновленные правила прописки были изложены в вышедшем вместе с Положением Постановлении «О некоторых правилах прописки граждан» (№ 678 от 28 августа 1974 г.). Эти правила включили не только новые положе-

---

[296] *Shearer D.* Elements Near and Alien… P. 872–875. Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1934 г., фактически лишал сельских жителей возможности покидать место жительства.

[297] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В соответствии с этим указом за самовольный уход с работы или прогул предусматривалось уголовное наказание. Уволиться и перейти на другое предприятие можно было только в особых случаях и с разрешения администрации.

ния, но и те, которые были введены после Положения 1953 г. Среди них значимым было разрешение прописывать ближайших родственников (мужа и жену, родителей и детей, братьев и сестер) независимо от санитарной нормы, а также возможность для отбывших наказание вернуться и прописаться на прежнюю жилплощадь.

Был введен новый бланк паспорта, с темно-красной обложкой и с более совершенной защитой страниц. В пункте 5 Положения о паспортах устанавливалось: «Действие паспорта не ограничивается сроком. По достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста органами внутренних дел вклеиваются в паспорта новые фотографические карточки, соответствующие этим возрастам. Паспорта, не имеющие таких фотографических карточек, являются недействительными». Этот пункт продлит жизнь советского паспорта и в постсоветское время (см. ниже в следующем разделе).

Сокращено было количество граф, содержащих сведения о личности. В частности, были исключены сведения о социальном положении, что мотивировалось не только построением бесклассового общества, но и тем, что социальное положение в течение жизни могло меняться. Изъята графа «на основании каких документов выдан паспорт». Не включались в новые паспорта и сведения о месте работы и учебы. Для этого уже существовал отдельный документ — трудовая книжка.

Всеобщую паспортизацию решено было начать в 1976 г. и завершить в 1981 г. Выдача и обмен паспортов в эти годы стали самой большой кампанией после паспортизации начала 1930-х гг. Как уже неоднократно говорилось, до этого времени сельским жителям паспорта не выдавались. Предстояло выдать паспорта практически всему сельскому населению, которое, по данным переписи 1970 г., составляло около 50 млн человек, или 20,5 % населения страны. К этой кампании были привлечены тысячи «представителей общественности». В сельских клубах и городских домах культуры были организованы «паспортные уголки», где можно было получить справки по вопросам обмена и получения паспорта». В отдаленные деревни выезжали «паспортные бригады», включавшие фотографов.

Вместе с тем паспортной реформе старались не придавать какого-то особого значения. Делался вид, что так и было задумано изначально. Показательно, что в центральной печати она никогда не называлась реформой — просто «мерами по дальнейшему совершенствованию паспортной системы». И только к концу обмена (1980–1981 гг.) стали появляться статьи о завершающейся паспорт-

ной реформе. Вот как это преподносилось: «За время, прошедшее после установления единой паспортной системы, в нашей стране произошли огромные социально-экономические преобразования. Неизмеримо возросло могущество нашего государства. Укрепилось социально-политическое единство советских народов, дальнейшее развитие получила социалистическая демократия. Освоение и развитие новых экономических районов, строительство крупных промышленных комплексов значительно усилили миграционные процессы, исчезли коренные различия между городом и деревней. В этих условиях действовавшая паспортная система уже не могла выполнять поставленные перед ней задачи, так как значительная часть населения, проживающая в сельской местности, <паспортов> не имела. Учитывая эти обстоятельства, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1974 году приняли решение о мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы…»[298].

Как и прежде, выдача новых паспортов сопровождалась мероприятиями по выявлению всевозможных нарушений паспортных установлений: «С 1976 по 1980 гг. было отобрано для специальной проверки 3,2 миллиона паспортов и других документов, вызывающих сомнение в их подлинности и принадлежности, а также имевших признаки подделок. При их исследовании было установлено 10,6 тысяч разыскиваемых преступников. Всего за пять лет было выявлено более 66 тысяч разыскиваемых преступников, 436 тысяч неплательщиков и 105 тысяч должников по искам государственных и общественных организаций»[299]. Особенно тщательно велась проверка в Москве, которая готовилась к Олимпиаде 1980 г. Основное внимание уделялось соблюдению паспортного режима и правил прописки.

Выше уже шла речь о последовательном ужесточении правил прописки путем введения негласных пунктов в Постановления 1964 г. (об особом статусе Москвы) и Постановления 1974 и 1985 гг. (см. выше). Последовавший вскоре распад СССР не мог не сказаться на правилах прописки. Еще в феврале 1988 г. Моссовет принял постановление, которое впервые разрешало лицам, отбывшим наказание за «тяжкие преступления», вернуться и вновь прописаться в Москве. Вскоре после этого, в ситуации распада советских

[298] Известия. 1981. 20 сен. С. 2

[299] *Кириченко Ю. Н.* Историко-правовой очерк проведения паспортной реформы 1974 г. и ее роль в укреплении общественного порядка в СССР // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 711.

органов власти, правила прописки перестают быть актуальными — их просто прекратили соблюдать, а контролировать соблюдение было некому. Применение особых правил прописки по отношению к бывшим заключенным завершилось 8 сентября 1990 г., когда было принято постановление Совета Министров СССР «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства СССР по вопросам прописки граждан». Все ограничения для возвращающихся из мест заключения были сняты.

Остальные ограничения, связанные с пропиской, формально еще действовали. Их не торопились отменять, мотивируя это острейшим дефицитом жилплощади. Предполагалось, что они будут отменяться по мере «формирования рынков жилья»[300]. Наконец, 25 июня 1993 г. был принят Закон «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», которым отменялась прописка и вводился регистрационный учет граждан. Институт прописки — стержень советской паспортной системы — ушел в прошлое. Его сменила регистрация, основанная на уведомительном принципе.

От советской к российской паспортной системе

Переход от советской паспортной системы к российской обнажил те болевые точки, на которые были направлены изменения. Новый, теперь уже российский, паспорт существенно отличался от советского. Речь идет не только о другом дизайне и расположении граф, но и о паспортном «портрете». Чем же отличается российская паспортная личность от советской? Прежде всего — наличием графы «пол», которой до сих пор не было; граждане России наконец-то обрели документально подтвержденную половую принадлежность. Необходимость введения этой графы никак не аргументируется. Можно лишь полагать, что запись о поле введена для полноты описания «паспортной личности» по аналогии с записью в идентификационных документах других стран. Но главных новаций было две: замена прописки на регистрацию и отмена графы «национальность».

Отношение советских людей к прописке не было однозначно отрицательным. Проведенный в апреле 1990 г. опрос 519 жителей

---

300 *Любарский К.* Паспортная система и система прописки в России // Сайт Института прав человека (www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

Свердловска выявил следующую картину. Лишь 7 процентов опрошенных считали ее пустой формальностью, в то время как для 87 % она имела существенное значение. 66 % из общего числа опрошенных полагали, что прописка мешает и может испортить жизнь человека, а 14 % были уверены, что благодаря прописке обеспечивается общественный порядок. Любопытно, что «в процессе анализа положительных и отрицательных сторон прописки число ее приверженцев увеличилось в два раза. Каждый четвертый склонен видеть в ней стабилизирующий фактор, гарантирующий какой-то минимум социальной защищенности и справедливости»[301]. Среди лиц, имеющих постоянную прописку, сложности с ее обретением были у половины респондентов. Опрошенные отмечали, что «существующая система прописки прежде всего не позволяет свободно распоряжаться занимаемым жильем — 46 %, лечиться там, где удобнее и лучше — 46 %, жить в любом городе — 43 %, устроиться на работу — 33 %, поехать, куда хочется — 30 %»[302]. При ответе на прямой вопрос «Надо ли отменять прописку?» вдвое увеличилось число лиц, уклонившихся от ответа. Преобладающее мнение: «прописка должна быть отменена, когда для этого создадутся условия» — 40 %. «Среди тех, кто попытался конкретизировать возможные изменения, "оптимисты" (56 %) несколько преобладают над "пессимистами" (44 %). "Пессимисты" ожидают, что в случае упразднения прописки на черном рынке повысятся цены на жилье — 51 % ответивших, усложнится система распределения квартир, товаров — 44 %, усилится беспорядок в обществе — 41 %. "Оптимисты" же, напротив, надеются на появление широких возможностей осуществления прав и свобод — 61 %, исчезновение злоупотреблений, связанных с пропиской — 60 %, возникновение условий для развития рыночных отношений — 41 %»[303].

Несмотря на такую неоднозначную картину, отмена разрешительной прописки была ожидаемой, происходила сравнительно постепенно и, в основном, встретила одобрение[304]. История с отменой графы «национальность» была совсем другой.

---

[301] *Берзин Б. Ю, Панова С. Г.* Прописка: «за» и «против» // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 97.

[302] Там же. С. 98.

[303] Там же.

[304] Прописка отменена. Регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства: Постановление Правительства РФ № 713 от 17 июля 1995 г. Постановление Правительства Москвы № 1030–43 от 26 дек. 1995 г. М.: АО «Правда интернэшнл», 1996.

В принятой в 1993 г. Конституции Российской Федерации п. 1 ст. 26 гласил: «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Эта статья при обсуждении Конституции не вызвала споров. Между тем все еще выдавался прежний советский паспорт, в котором обязательно указывалась национальная принадлежность, но это мало кого удивляло. Такое несоответствие конституционной нормы и выдаваемых гражданам документов длилось до 1997 года, когда Правительством РФ было принято Постановление «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации». По новому Постановлению среди сведений о личности владельца паспорта графа «национальность» отсутствовала. Обязательное указание национальности сменилось отсутствием такой графы. Гарантированная Конституцией возможность указывать или не указывать национальную принадлежность в таком случае не могла быть реализована. Это обстоятельство вызвало волну протестов, прежде всего со стороны республиканских элит. Речь шла о законности отсутствия документального подтверждения национальности[305].

По этому же Постановлению каждая республика могла изготовлять вкладыш на языке этой республики, однако в перечне сведений о личности указание национальности тоже не было предусмотрено. Альтернативный проект внесения сведений о национальности в свидетельство о рождении не был реализован. В этой ситуации Государственный Совет Татарстана в ноябре 1997 г. принимает постановление о введении своего вкладыша в российский паспорт с указанием национальности. Тем же путем создания собственных вкладышей намеревались пойти некоторые другие республики, в частности Башкортостан и республика Саха (Якутия), однако ни один из этих проектов так и не был воплощен в жизнь. Интересы республиканских элит, выращенных в ходе коренизации, были понятны: отсутствие указания национальности в документах вело к утрате их привилегированного положения. Актуальное для республик деление на представителей титульных наций и всех

---

305 *Ноженко М. В.* Политико-правовой и социальный аспекты определения национальной принадлежности в Российской Федерации. Дис. … канд. политич. наук. СПб., 2002. С. 84–87.

остальных теряло основание. Субъекты федерации и их титульное население лишались своего особого статуса.

Несогласие с утратой документально подтверждаемой национальности выражали не только официальные представители титульных наций различных республик. Споры по поводу судьбы категории «национальность» развернулись в широких кругах общественности. Сторонники сохранения графы «национальность» мотивировали ее необходимость тем, что в противном случае национальные сообщества будут обречены на исчезновение. Эту позицию разделяли в основном те, кто привык определять национальность «по родителям», как того и требовали советские паспортные правила. Те же, кто считал национальность не только (и даже не столько) биологическим, сколько культурным явлением, относились главным образом к числу противников сохранения этой графы[306]. Несмотря на широкую общественную дискуссию и протесты на самых разных уровнях, запись о национальности не была восстановлена в российском паспорте.

Советским паспортом продолжали пользоваться и в постсоветское время. Замена на российский завершилась только в 2002 г., но поскольку последний советский паспорт был бессрочным, то некоторыми российскими гражданами он продолжал считаться действующим (в частности, бывшими гражданами СССР в республиках Прибалтики, Средней Азии, Закавказья, а также представителями ряда религиозных сообществ — см. об этом ниже)[307]. Это привело к судебным процессам в постсоветское время, когда обладатели таких паспортов отказывались от замены на новый российский паспорт, ссылаясь на бессрочность прежних паспортов[308]. В результате советский паспорт официально продолжает считаться действующим на всей территории РФ и сейчас. Расставание с советским паспортом затянулось, но так или иначе один из основных символов советской жизни ушел в прошлое.

---

[306] Подробнее см.: *Ноженко М. В.* Политико-правовой и социальный аспекты… С. 100–101.

[307] *Прохоров Г., Петракова И.* Советский паспорт: срок годности не ограничен // Газета.Ru. 16.03.2004.

[308] И нередко выигрывали эти процессы. См., напр.: *Юрченко Д.* О советском паспорте, его действии в настоящее время // LiveJournal (http://moses-lawyer.livejournal.com/2958.html — Дата обращения: 17.04.2017).

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»
131000, Россия, Москва, Варшавское шоссе, [illegible]

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ

Документами, удостоверяющими личность, по которым осуществляется предоставление услуг почтовой связи, являются:

1. **паспорт** гражданина Российской Федерации

2. **паспорт** гражданина СССР образца 1974 года (при наличии в нем фотографий по достижении установленного возраста - 25 и 45 лет)

3. **документ, заменяющий паспорт гражданина**, выданный уполномоченным государственным органом:

3.1. военный билет, временное удостоверение, выдаваемое гражданину Российской Федерации взамен военного билета или удостоверение личности (для лиц, которые проходят военную службу).

3.2. выданный гражданину Российской Федерации паспорт моряка (удостоверение личности моряка).

3.3. справка установленной формы, выдаваемая гражданам Российской Федерации, находящимся в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых;

3.4. документ, удостоверяющий личность гражданина РФ, по которому он осуществляет въезд в Российскую Федерацию (для лиц постоянно проживающих за пределами территории РФ)

3.5. временное удостоверение личности гражданина Российской Федерации, выдаваемое на период оформления взамен утраченного или пришедшего в негодность документа удостоверяющего личность.

4. **удостоверение** члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;

5. **паспорт иностранного гражданина либо иной документ**, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором РФ в качестве документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина;

6. **удостоверение беженца**;

7. **свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории РФ**, выдаваемое дипломатическим представительством, консульским учреждением либо постом иммиграционного контроля или территориальным органом миграционной службы

8. **документы, удостоверяющие личность лица без гражданства в Российской Федерации:**

8.1. вид на жительство,

8.2. разрешение на временное проживание,

8.3 документ, выданный иностранным государством и признаваемый в качестве документа, удостоверяющего личность лица без гражданства

9. **выданное иностранным гражданам или лицам без гражданства свидетельство** о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации

Редакция: ноябрь 2012 г.

Перечень документов, удостоверяющих личность
(фото А. Кушковой)

***

Итак, паспортная система, введенная во время кризиса начала 1930-х гг., не оставалась застывшей. На первом этапе с ее помощью решались две основные задачи: прекращение притока в крупнейшие города спасающегося от голода сельского населения и очищение этих городов от социально чуждых элементов (к их числу относились все так называемые *бывшие, кулаки, купцы, жулики, проститутки, дармоеды* и др.). Обе задачи решались выдачей паспортов только социально близким. Паспорт в этой ситуации становился знаком принадлежности к этой категории и давал возможность проживать в местностях, где вводился паспортный режим. Все не имевшие его подлежали выселению.

Основными критериями социальной фильтрации были происхождение и занятия до революции и после. Вопрос отнесения к той или иной категории решался в паспортных комиссиях до получения паспорта, поэтому в графе «социальное положение» фиксировались только социально приемлемые типы. Как показывают даже официальные сведения, при определении социального статуса претендентов на получение паспорта члены паспортных комиссий руководствовались не столько Положением о паспортах и Инструкцией к нему, сколько устным правом и своими представлениями о том, к какой категории относится данный претендент. Одним из следствий паспортизации стало разделение всего населения СССР на паспортизированное (преимущественно городское) и непаспортизированное (сельское).

На втором этапе теперь уже паспортизированная территория была разделена на зоны с разными паспортными режимами, которым приписывались разные стандарты «чистоты». Дифференциация режимных местностей основывалась на разных правилах прописки и, соответственно, возможности проживания в них: чем строже режим, тем больше ограничений. Если на первом этапе ограничениям подвергались кулаки и прочие «контрреволюционные элементы», которые выселялись в непаспортизированные местности, то сейчас паспортные службы сосредоточились на недопущении в режимные области не только уже выселенных из паспортизированной территории, но и отбывших свой срок заключенных, а также представителей депортированных этнических групп. Клеймом стало не чуждое социальное происхождение, а судимость и другие ограничения, о которых в паспортах делались

соответствующие отметки. Для людей с такими отметками паспорт из знака привилегии превратился в свидетельство социальной ущербности. С 1961 г. к их числу были отнесены и *тунеядцы*.

К началу 1950-х гг. на паспортизированной территории была создана система режимных зон с разной степенью «чистоты». Возведенные паспортной системой символические границы существенно ограничивали перемещения между территориями с разными режимами. Это не только создавало сложности для большой части населения, но и было лишено целесообразности с экономической точки зрения. Если в начале 1930-х гг. одна из основных задач заключалась в том, чтобы уменьшить стихийный поток хлынувших в большие города в поисках работы и пропитания деревенских жителей, то в 1960-х и 1970-х гг. все очевиднее становится нехватка рабочей силы (в основном неквалифицированной) в этих городах и новых промышленных центрах. Экстенсивное развитие промышленности не могло не привести к проблеме с кадровым обеспечением. Оргнаборы на стройки и лимиты привлечения «трудовых резервов» для крупных предприятий не решали проблему, но стали свидетельством несоответствия правил паспортной системы процессам экономического развития. Не случайно уже с 1950-х гг. возникают проекты снятия режимных барьеров (уменьшения числа режимных территорий) и введения всеобщей паспортной системы. В то же время руководство колхозов ратовало за прекращение «утечки кадров» из деревни, которая все больше пустела, несмотря на все запреты паспортного и трудового законодательства. Во введении всеобщей паспортной системы виделся шаг к дальнейшему уничтожению деревни. Поэтому столь удивителен проект Полянского, которому «по должности» следовало не допускать оттока трудовой силы из деревни и снижения производства сельскохозяйственной продукции. Так или иначе, очевидно, что в 1960–1980-е гг. развернулась борьба за рабочую силу между разными ведомствами. Вероятно, именно отсутствием общей позиции можно объяснить решение ввести единую паспортную систему лишь в 1974 г., приурочив к принятию новой Конституции. К этому времени стало понятно, что всеобщая паспортизация уже принципиально ничего не изменит в структуре производительных сил.

Не менее важна идеологическая составляющая процесса эволюции паспортной системы в послесталинское время. Центральной идеей становится не культ вождя, а построение гомогенного общества с новой советской идентичностью, важнейшим символом ко-

торой становится паспорт. Таким образом, история паспорта вписывается не только в процессы тоталитарного контроля, но и в историю внутренних конфликтов и компромиссов государственных ведомств, которые были обусловлены разнородностью политических и экономических задач. Сам паспорт для одних советских граждан становится привилегией, для других — источником сведений о социальной ущербности.

Переход от советского паспорта к российскому ознаменовался прежде всего отменой института прописки и заменой ее на регистрацию. Ликвидация пункта о национальной принадлежности вызвала многочисленные протесты и бурные дебаты. Усилия советских властей по введению этой категории не пропали даром. Представления о том, что каждый человек наследует от своих родителей принадлежность к тому или иному народу, стали неотъемлемой чертой советской картины мира, которая остается актуальной и до сих пор. О наполнении паспорта речь пойдет в следующей части.

Часть II.
ПАСПОРТ КАК БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

Глава 1.
Бланк паспорта и основные сведения о личности

Quod non est in actis, non est in mundo.
Чего нет в документах, того нет на свете.

Бланк паспорта

В этой части паспорт рассматривается как продукт официального права (в открытой и закрытой версиях). Мы сосредоточимся на сугубо формальной, собственно документной стороне паспорта — его бланке, реквизитах, графах. Как ни странно, эта работа до сих пор не сделана. Разумеется, об отдельных его составляющих — например, таких как графа «национальность» и некоторые другие — известно довольно много, но тем не менее целостного описания пока еще нет.

Разбиение этой части на две главы довольно условно. Строго говоря, все сведения в паспорте являются основными и все они так или иначе характеризуют паспортную личность, но в первой главе сосредоточены преимущественно сведения о владельце паспорта, а во второй — сведения об отметках и реквизитах, к числу которых относится и паспортная фотография.

Главные вопросы, на которые хотелось ответить: как создавалась советская паспортная матрица? что представлялось важным и нужным ее официальным создателям? что претерпело изменения и почему? Очевидно, что вся эта деятельность, как и ее результат (паспорт), характеризует не столько человека, которому он предназначен, сколько самих создателей — во-первых, и особенности функционирования государственного аппарата — во-вторых.

Образец первого советского паспорта обсуждался на заседании Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о паспортной системе буквально за месяц до его введения — 29 ноября 1932 г. К сожалению, стенограмму этого заседания найти не удалось — сохранился лишь протокол. Заседание вел секретарь ЦИК А. С. Енукидзе. Работа по созданию советского паспорта велась в недрах НКВД.

Из протокола заседания:

Вопрос 2. Образец паспорта.

Постановили:

1. Формат представленного образца сократить примерно вдвое.
2. Цвет обложки установить — зеленый.
3. На обложке паспорта поместить следующее:
   Союз ССР
   Герб Союза ССР
   ПАСПОРТ (на языках всех советских республик)
4. Текст на первой и последних страницах печатается: для граждан, проживающих на территории РСФСР — на русском языке. Для граждан, проживающих на территории других союзных республик, на двух языках — общеупотребительном языке соответствующей республики и русском языке. Для граждан ЗСФСР[1] — на русском и трех общеупотребительных языках ЗСФСР.
5. Из перечня граф, подлежащих заполнению исключить графу «Специальность».
6. Для особых отметок и для прописок оставить 3 листа (или 6 страниц)[2].

К протоколу приложен образец паспорта. На обложке: сверху — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Ниже — герб СССР. Внизу — серия и номер.

На первой странице: «ПАС[герб]ПОРТ»; «Серия…. № »; «На срок…».

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Время и место рождения.
3. Социальное положение.
4. Национальность.
5. Место постоянного жительства.
6. Отношение к воинской службе.
7. Специальность.

(Стоит отметить, что отсутствует графа «Подпись владельца»).

В нижнем правом углу место для фотографии.

Вся вторая страница отведена лицам, внесенным в паспорт. Сведения о них разнесены по графам: «Фамилия, имя, отчество», «Возраст», «Отношение к владельцу паспорта». Завершается графой «Какой орган милиции и на основании каких документов сделана запись».

---

1 Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

2 ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 2–4.

На третьей странице расположены следующие графы: «Паспорт выдан ... отд. милиции ... дата»; «Начальник милиции ...»; «Печать»; «Делопроизводитель».

Далее следуют 6 страниц с графами: «Место службы»; «Должность»; «Заработок»; «Место печати»; «Подпись».

Еще 6 страниц отведены для прописки.

Приведенное описание образца отчетливо демонстрирует, что идея совмещения удостоверения личности и трудовой книжки оставалась все еще актуальной.

Уже через два дня (2 декабря 1932 г.) в Секретариат ЦИК СССР поступило письмо на бланке Главной инспекции ОГПУ по милиции за подписью помощника начальника Инспекции Фокина: «Посылаю образец проэктируемого паспорта. Цвет обложки будет темно-серый. Слово "паспорт" на обложке будет на семи языках. Все страницы паспорта будут иметь фон (сетку)»[3]. Любопытно, что письмо не предлагает очередной вариант, а, скорее, уведомляет об окончательной версии: паспорт будет таким. Видимо, работники Главной инспекции ОГПУ чувствовали себя основными авторами проекта.

По сравнению с обсуждавшимся образцом изменился не только цвет обложки и ее дизайн. Исчез лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Изменено расположение герба и слова «Паспорт». Серия и номер перемещены с обложки на первую страницу. Еще бóльшие изменения произошли во внутреннем наполнении документа: графы «Социальное положение» и «Национальность» поменялись местами («национальность» стала третьей графой, а «социальное положение» — четвертой); исчезла графа «Специальность»; не сохранилось предусмотренное для фотографии место; «Делопроизводитель» заменен на «Нач. паспортного стола»; удалены графы «Место службы», «Должность», «Заработок» (место работы будет фиксироваться на странице, предназначенной для особых отметок).

Произведенные в последний момент изменения в бланке весьма симптоматичны. Цвет стал близким привычной для многих дореволюционной паспортной книжке. Надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», видимо, сочтена неактуальной. Показательна и перемена местами граф «Социальное положение» и «Национальность». Графа о социальном положении в паспорте не имела особого значения по той простой причине, что паспорт выдавался

---

[3] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 31.

только «социально приемлемым» личностям[4]. В этой ситуации графа «национальность» приобретала потенциально больший смысл. Вообще, нужно отметить, что паспорт упростился по сравнению с проектом (в частности, исчезло место для фотокарточки). «Начальник паспортного стола» вместо «делопроизводителя» свидетельствует о том, насколько интенсивно велась выработка нового бюрократического языка и, в частности, новой номенклатуры должностей. Вместе с тем стоит отметить, что замена произошла в рамках все того же дореволюционного словаря. Наконец, исчезновение подробного описания места службы говорит о том, что идея совмещения удостоверения личности и трудовой книжки была отставлена, хотя штамп и запись о месте работы еще сохраняются.

В результате всех этих преобразований первый советский паспорт образца 1933 г. (с небольшими изменениями просуществовавший до 1938 г.) представлял собой книжку форматом 123×85 мм[5] с обложкой серого цвета (см. цв. ил.), на лицевой стороне которой изображен герб (вверху слева) и напечатано слово «Паспорт» на семи языках советских республик (внизу справа). Под обложкой — восемь страниц. Все страницы с защитной сеткой, но без водяных знаков. На первых трех страницах многоцветный узор «елочка», на остальных — только защитная сетка.

Паспорт имел серию и номер, указанные только на первой странице. Серия обозначалась сочетанием кириллических букв, номер шестизначный. Листы паспорта скреплялись металлическими скрепками[6].

На первой странице (вверху) снова изображен герб и напечатано название документа: «Паспорт». Под ними расположена графа «Действителен по...». На этой же странице расположены следующие графы:

1. Имя, отчество, фамилия.
2. Время и место рождения.
3. Национальность.

---

[4] Определение социального положения было принципиально важным для получения паспорта и происходило заранее.

[5] Эти размеры сохранятся во всех последующих вариантах паспортных книжек до паспорта образца 1974 г., когда они увеличатся (125×90 мм).

[6] От скрепок непременно появлялись следы ржавчины на внутренних страницах. С этим обстоятельством связан любимый сюжет работников милиции: при подделке советского паспорта зарубежные спецслужбы использовали скрепки из нержавеющего металла. Их ошибка становилась очевидной с первого взгляда: в настоящем советском паспорте должны быть следы ржавчины.

Паспорт образца 1933 г. (Государственный музей политической истории)

4. Социальное происхождение.

5. Постоянное местожительство.

6. Отношение к военной службе.

7. Собственноручная подпись владельца паспорта.

Вся вторая страница (как и в проекте) отведена пункту 8 — «Лица, внесенные в паспорт владельца». Она имеет горизонтальную ориентацию и содержит пять граф: «№ № по порядку»; «Фамилия, имя, отчество»; «Возраст»; «Отношение к владельцу паспорта»; «На основании каких документов вписаны и кем».

На третьей странице расположены следующие графы:

9. Кем, когда выдан паспорт.

10. На основании каких документов.

Ниже: «Начальник Р. К. Милиции»; «М. П.» (место печати); «Нач. паспортного стола»; «Дата выдачи».

Четвертая страница предназначена для особых отметок. С пятой по восьмую страницу — место для прописки. Место для фотокарточки не предусмотрено.

По общему дизайну, цвету и даже внутреннему оформлению (включая расположенное по вертикали слово ПАСПОРТ) этот документ отсылал к дореволюционному паспорту. Естественно, изменилилась государственная символика, внутреннее наполнение (прежде всего замена графы «Вероисповедание» на «Национальность»), но сходство с «царским» паспортом было очевидным. Расподобление продолжится, но оно не будет иметь принципиального характера, а выразится в различного рода деталях. Вероятно, это говорит о том, что власть видела в паспорте в первую очередь документ, а не идеологический конструкт.

Кроме паспортов сроком действия 3 года, были введены паспорта сроком на 1 год и временные удостоверения на срок до трех месяцев. Их бланки имели увеличенный по сравнению с основным паспортом формат — 148×213 мм. Бланк годичного паспорта пе-

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ:

Государственный музей политической истории России

Ф-II-ВС. 3604

Кп ВС 50254

Зак. № 336

КОПИЯ.

ПАСПОРТ

Действителен по 12/II 193 г.

Временное удостоверение

Действительно по ... 193 г.

Фамилия

Имя

Отчество

Время и место рождения

Национальность

Соц. положение

Постоянное место-жительство

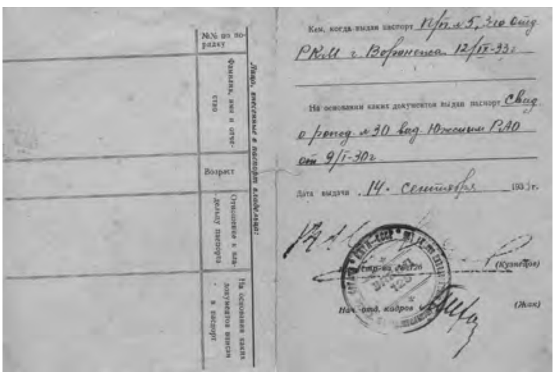
Отношение к военной службе

Собственноручная подпись владельца паспорта

Серия ... №

Примечание: Врем. удостоверение действительно только на заводе № 125.

Временный паспорт 1933 г. (Государственный музей политической истории)

№№ по порядку	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Отношение к владельцу паспорта	На основании каких документов вписан в паспорт

Лицо, вписанные в паспорт владельца:

Кем, когда выдан паспорт П/отд. № 5, 3-го отд. РКМ г. Воронежа 12/IX-33 г.

На основании каких документов выдан паспорт Свид. о рожд. № 30 выд. Южным РАО от 9/I-30 г.

Дата выдачи 14 сентября 193 г.

(Кузнецов)

Нач. отд. кадров (Жак)

Паспорт образца 1935 г. (Из частного архива)

чатался на белой бумаге с защитной сеткой серого цвета, бланки временных удостоверений — с защитной сеткой светло-коричневого цвета. Все бланки печатались на русском языке, а для союзных и автономных республик — также и на языках этих республик. Бланки временных удостоверений не имели серии и номера. Номер документа проставлялся от руки при его выдаче.

В связи с истечением срока действия первых паспортов в 1935 г., к их обмену была выпущена обновленная паспортная книжка (см. цв. ил.). Основные изменения сводились к следующему. Несколько изменился цвет обложки — она стала серо-зеленой. Количество страниц увеличивалось до 12 (дополнительные страницы отведены под «Особые отметки» и сведения о прописке). Появились водяные знаки (теневые квадраты). На каждой странице по вертикали расположена надпись ПАСПОРТ. Место для фотокарточки все еще не предусмотрено (с 1937 г. она будет вклеиваться на странице «Особые отметки»). Серия и номер стали проставляться на трех нечетных страницах.

Паспорт образца 1938 г. (Государственный музей политической истории)

Введение обязательных фотокарточек (с октября 1937 г.) потребовало изменения бланка паспорта. В 1938 г. появились паспорта (см. цв. ил.) со специально отведенным местом для фотографий на первой странице (внутренней странице обложки). Они не просто приклеивались спецклеем, но еще и крепились специальным штампом таким образом, что его оттиск был виден и на обложке. На обложке герб переместился на правую сторону, а слово ПАСПОРТ на пяти языках — на левую. Кроме того, первый и последний листки книжки приклеены к обложке паспорта и составляют с ней одно целое. Личные данные владельца паспорта расположены на внутренней стороне обложки, которая теперь защищена сеткой. На этой же странице появилось место для фотографии между п. 3 («Национальность») и 4. («Личная подпись»). Графа 5 прежнего паспорта («Постоянное место жительства») была упразднена. Пятой графой стало «Социальное положение». Третья страница отведена для записи лиц, внесенных в паспорт владельца; № № и серии представлены на всех листах. «Окраска паспорта, размер

Паспорт образца 1951 г. (Из семейного архива Крашенинниковых)

его, бумага, из которой бланк изготовляется, и его наружные отличительные черты остаются прежними»[7]. Следует добавить, что каждая республика, край и область обозначались определенной серией, которая состояла из двух римских цифр и двух кириллических букв и оставалась неизменной до выпуска паспортов образца 1974 г. Номер — шестизначный. Страниц стало меньше — 10, а не 12, как в прежнем бланке. Список нововведений пополнили спецклей, которым приклеивалась фотокарточка, и спецчернила, которыми отныне должен заполняться бланк. Паспортная книжка приобрела тот вид, который был характерен для всех изданий советских паспортов вплоть до паспорта 1974 г., бланк которого отличался новизной.

Все изменения в паспорте образца 1938 г. были закреплены Положением о паспортах 1940 г. Вслед за этим Положением появился и слегка измененный вариант паспортной книжки (образца

---

[7] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 461.

1941 г.). Изменений в бланке было немного. На обложке расположены герб (с правой стороны) и надпись ПАСПОРТ на восьми языках. Реквизит «Начальник Р.К. милиции» заменен на «Начальник милиции». Количество страниц осталось прежним (10).

Вводились паспорта трех видов: 1) бессрочные; 2) пятилетние; 3) временные удостоверения (на срок до 3 месяцев). Бессрочные должны были получать граждане, награжденные орденами Союза ССР, а также достигшие 55-летнего возраста; инвалиды войны и труда; пенсионеры 1-й и 2-й групп и пенсионеры по выслуге лет. Пятилетние предназначались гражданам от 16 до 55 лет. Временные удостоверения выдавались тем, кто утратил бессрочные и пятилетние паспорта, а также гражданам, выезжающим из местностей, где не введена паспортная система. Таким образом, по характеру выдаваемых паспортов все «паспортизированное население» автоматически делилось на три группы по «заслугам» и своего рода «кредиту доверия».

В паспорте образца 1946 г. изменения незначительны. На обложке с правой стороны — герб СССР с шестнадцатью витками ленты[8], ниже с левой стороны — название документа — «ПАСПОРТ» — на восьми языках союзных республик. Все остальные реквизиты и количество страниц остались прежними. Практически не отличался от него паспорт образца 1951 г. (см. цв. ил.).

В паспорте образца 1953 г. снова изменился цвет обложки — она стала темно-зеленой. Герб с шестнадцатью лентами (по числу республик) переместился в центр верхней части обложки. Ниже располагалось слово ПАСПОРТ. В союзных республиках название документа печаталось на двух языках — русском и языке республики. Количество страниц увеличилось — их стало 14. На последней странице появился текст извлечений из Положения о паспортах 1953 г. Вместо временных удостоверений был введен краткосрочный паспорт, который выдавался на срок до шести месяцев[9].

У последнего советского паспорта образца 1974 г. (см. цв. ил.) появилось длинное название «Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик». Бланк представлял собой книжку темно-красного цвета, большего, чем прежде, формата (125×90 мм). Количество страниц — 24. Серия обозначалась соче-

---

8 В паспорте образца 1958 г. их стало пятнадцать — Карело-Финская ССР в 1956 г. вновь стала автономной республикой (Карельская АССР).

9 Существуют сведения о том, что паспорта серии ЯЯ стали выдаваться с середины 1950-х гг. бывшим заключенным, но они требуют уточнения.

Паспорт образца 1974 г.
(Из семейного архива Левичкиных)

танием римских цифр и букв, номер — шестизначный. Серия и номер были на страницах 1, 3, 7, 9, 13, 19. Листы паспорта скреплялись теперь уже никелированными скрепками. На последней странице напечатаны извлечения из Положения о паспортах 1974 г. Исчезла графа «Социальное положение» — советское общество стало бесклассовым. Вторая графа («Время и место рождения») была разделена на две: «Число, месяц, год рождения» и «Место рождения».

Паспорт стал бессрочным. По достижении 25 и 45 лет владельцам полагалось вклеить в документ новую фотографию[10]. Для нее было отведено место в рамке на страницах 3, 5 и 7. Размер фотографий стал значительно больше (50×60 мм). Фотография снабжалась двумя рельефными оттисками: один — в верхнем правом углу, второй — по нижнему краю фотографии. Оттиски делались таким

---

[10] Лицам, утратившим паспорта, выдавалась справка.

образом, чтобы получилось непрерывное обозначение букв и рисунков на фотоснимке и листе паспорта. Эта непрерывность оттисков была видна и на оборотной стороне листа. На оборотной стороне листа с фотоснимком помещалась надпись с указанием органа внутренних дел, где была наклеена фотография, соответствующая дата и подпись начальника органа. Подпись также была скреплена оттиском гербовой печати.

Обращает на себя внимание, что ни в одном из вариантов советских паспортных книжек не указан пол владельца паспорта. В дореволюционном паспорте отсутствие сведений о поле объяснялось тем, что паспорт длительное время выдавался только мужчинам. Что же касается советского паспорта, то, видимо, считалось, что пол можно вычислить по имени, отчеству и фотографии. Гражданин обретет паспортный пол лишь в новом российском паспорте.

Итак, в течение советского периода бланк паспорта несколько раз менялся — как правило, вместе с изменениями Положений о паспортах и Инструкций по применению этих Положений. Наиболее существенные изменения в структуре паспортной книжки произошли в образцах 1938 г. и 1974 г. В переменах паспортного бланка обращают на себя внимание несколько моментов.

1. Обязательные изменения претерпевала обложка. Это делалось для того, чтобы при проверке паспорта сразу было видно, нового он образца или старого. Менялся не только цвет, но и дизайн — в частности, взаимное расположение государственной символики и названия документа. Наиболее значимое изменение цвета произошло в 1974 г., когда паспорт стал красным. Вот как это нововведение подается в брошюре, описывающей значение советского паспорта: «Символика нового паспорта проста и лаконична. Обложка темно-красного цвета. Красный цвет — цвет государственного флага СССР и гвардейских знамен, на фуражках защитников Родины и пионерских галстуках. Цвет паспорта символизирует духовное родство всех граждан нашего многонационального Отечества»[11]. Кроме того, если раньше человек определялся как «владелец паспорта», то с этого года он становится и «Гражданином Союза Советских Социалистических Республик». Документу придается другой статус — теперь это не только паспорт, но и свидетельство о гражданстве.

---

11 *Ковалев Ю. И.* О советском паспорте. Рига: Авотс, 1998. О символике изображений на паспортах разных стран см.: *Peskov D.* Passport as Crossroads of Constructed Identities // Academia (http://www.academia.edu/22686696/Passport_as_Crossroads_of_Constructed_Identities — Дата обращения: 17.04.2017).

2. Срок действия «основного» паспорта постоянно увеличивается — от 3 лет в 1933 г. до бессрочного паспорта в 1974 г. Исчезают временные паспорта и удостоверения. На «сроке действия» паспорта следует немного задержаться, поскольку важнейшим реквизитом любого документа является срок его действия. Для советского паспорта он имел особый смысл, так как от него зависел и тип выдаваемого документа (собственно паспорт, временное удостоверение, краткосрочный паспорт и др.). Вся условность «силы» документа, его «действия» сосредоточены в этой записи. До определенной даты документ является документом, а на следующий день становится ничего не значащей бумажкой. Точнее, отведенное время определяет срок его жизни — естественно, не в качестве материального объекта (он может стать экспонатом, документом в архивном смысле), а в качестве имеющего бюрократическую силу документа.

Подобные временные границы могут устанавливаться и по отношению к отдельным элементам документа, в частности к фотографии в так называемом бессрочном паспорте. Необходимость замены фотографии в определенный срок мотивировалась соображениями о возможности идентифицировать владельца паспорта по его фотографии. Предел «узнаваемости» был установлен в 20 лет. Вместе с фотографией и сам паспорт «утрачивает свою идентификационную силу» и перестает быть действующим документом. Введение в 1974 г. «бессрочных» паспортов с обновляемыми в 25 и 45 лет фотографиями — пример такого регулирования срока действия документа. Речь может идти лишь о частичном ограничении, поскольку после обновления фотографии в 45 лет паспорт становился формально бессрочным.

3. Происходит последовательное усиление защитных свойств паспортной книжки. Нарастающее число подделок практически незащищенных паспортов первого выпуска (1933 г.) привело к введению бумаги с водяными знаками, специальных чернил, клея и мастики для печатей. Это случилось уже в 1935 г., после выхода распоряжения НКВД «Об изготовлении печатей и штампов и пользовании ими»[12]. Предлагалось сосредоточить изготовление печатей и штампов в специальных граверных мастерских и при этом запретить каким бы то ни было другим организациям изготовление печатей и штампов: «Обязать народные комиссариаты местной про-

---

12 Собр. законов за 1935 г. № 40. Ст. 341 (с. 623).

мышленности организовать производство штемпельной мастики и чернил по специальной рецептуре Главного Управления Рабоче-Крестьянской милиции НКВД Союза ССР. Обязать все государственные учреждения и общественные организации заполнять важные документы (паспорта, удостоверения личности, членские билеты и т. д.) только специальными чернилами и при засвидетельствовании документов печатью пользоваться специальной мастикой»[13].

После введения обязательных фотокарточек был разработан специальный клей, а также прессы для наложения рельефных оттисков на фотографии. В Инструкции к Положению о паспортах 1940 г. специально оговаривается порядок пользования и хранения этих спецсредств:

> Спецчернила, предназначенные для заполнения текста паспортов, спецклей, предназначенный для наклейки в паспортах фотокарточек, а также прессы для наложения рельефных оттисков должны храниться наравне с паспортными бланками. К пользованию прессом, спецчернилами и спецклеем допускаются только работники, выписывающие паспорта и оформляющие прописку. Содержать спецчернила нужно в отдельных чернильницах или в натуральных флакончиках, в которых они выпускаются фабрикой. Наливать спецчернила в чернильницы из-под обыкновенных чернил и смешивать их с простыми чернилами не допускается. Пользоваться одним и тем же пером для спецчернил и простых чернил нельзя. Использование спецчернил и спецклея на какие-либо другие надобности категорически запрещается. После употребления спецчернила и спецклей должны быть плотно закупорены и убраны в хранилище бланков паспортов. Примечание: при сгущении спецклей может растворяться горячей водой[14].

Столь детальная инструкция по применению элементарных спецсредств должна была, наверное, свидетельствовать о том, какое внимание уделялось компетентными органами защите от подделок.

4. На фоне многочисленных изменений (в основном технического порядка) нельзя не отметить поразительную устойчивость «содержательной» структуры — все основные графы, ориентированные на сведения о владельце паспорта, остались неизменными

---

13 Там же.

14 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 166.

и даже сохранили свою последовательность. Исключение составили упраздненная в 1938 г. графа «место постоянного жительства», поскольку она дублировалась штампом о прописке, и графа о социальном положении, изъятая на последнем этапе. Другое дело, что правила заполнения граф менялись, но об этом речь пойдет в следующих разделах этой части. Здесь только стоит отметить, что формальная стабильность сведений удивительным образом сочеталась с изменчивостью их содержания.

По сути дела бланк паспорта представлял собой анкету с вопросами, обращенными к владельцу паспорта (ближайшие аналогии — анкета при приеме на работу или допросный лист). Но отвечал владелец на эти вопросы не на паспортном бланке, а в Форме № 1, которую должен был заполнить для получения паспорта. Бланки заполняли работники паспортного стола, которые должны были обладать необходимыми качествами (аккуратностью и разборчивым почерком). «Бланки паспортов заполняются специальными чернилами, аккуратным и разборчивым почерком. Заполнять бланки паспортов другими чернилами или тушью запрещается. Подписи в паспортах начальника паспортного стола и все другие отметки, вносимые органами милиции, производятся специальными чернилами. Никакие исправления и помарки в тексте не допускаются (в случае возникновения бланк уничтожается)»[15].

Владелец паспорта ставил на бланке лишь свою подпись. Само наличие посредника (работника паспортного стола) оказывается значимым, поскольку он руководствуется правилами заполнения паспортных бланков, которые неизвестны владельцу паспорта. К тому же появляется дополнительный человеческий фактор — не случайно образ «паспортистки» стал нарицательным для всей советской бюрократии[16]. Сочетание в бланке печатного и рукописного — типичная черта канцелярского стиля, призванная усилить эффект документности — в данном случае отсылающей к представлениям о «подлинности» и «защищенности».

В паспортном бланке представлены сведения как о владельце, так и о тех, кто эти сведения удостоверяет. Кроме того, он снабжен многочисленными реквизитами (идентификаторами паспорта): бланк и специальная бумага с элементами защиты; наименование

---

15 Инструкция к Положению о паспортах 1932 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 129.

16 См. отдельное рассуждение об этой фигуре ниже.

документа; номер и дата его выдачи; наименование учреждения, выдавшего документ; обозначение серии и номера документа; фотокарточка владельца паспорта с двумя рельефными оттисками печати; подписи владельца паспорта и начальника отделения внутренних дел, скрепленные мастичным оттиском гербовой печати; оттиски штампов с записями, указывающими место жительства, семейное положение владельца и др. Реквизиты призваны подтвердить содержащуюся в паспорте информацию и защитить ее от «взлома».

Все сведения о владельце можно разделить на индивидуализирующие и категоризирующие. Первые включают те сведения (персональные данные), на основании которых производится идентификация владельца паспорта. Вторая — его отнесение к той или иной категории населения (важно, что этим группам приписан разный статус). К числу индивидуализирующих относятся ФИО, время и место рождения, постоянное место жительства, собственноручная подпись и фотография. К категоризирующим — национальность, отношение к военной службе и социальное положение. С исчезновением последней графы особое значение приобретает графа «национальность». Рассмотрим эти сведения в той последовательности, в которой они представлены в паспортной книжке.

«Фамилия, имя, отчество»

Советский паспорт, как и любой документ, удостоверяющий личность, начинается с записи о фамилии, имени и отчестве. Если другие сведения о человеке появлялись, исчезали или менялись местами, то «заглавное» место этой графы оставалось неизменным.

Имя — единственный идентификатор личности, который существовал «всегда» и во всех документах, смыслом которых является удостоверение личности[17]. Наряду с местом и временем рождения имя входит в категорию *личных* (*персональных*) данных. Мы постоянно сталкиваемся с необходимостью указывать фамилию, имя и отчество при составлении всевозможных документов и в других официальных практиках. С этой точки зрения можно сказать, что имя принадлежит не только самому человеку, но и тем, кто его так

[17] О понятии «удостоверение личности» см. Введение.

называет, а также государственным органам, которые идентифицируют его именно таким образом. Между тем очевидно, что идентификационная способность паспортного имени в принципе невелика, поскольку оно, как правило, не уникально. Во всяком случае, нельзя утверждать, что имя однозначно указывает только на данную конкретную личность. Лишь в совокупности с другими идентификационными признаками имя позволяет в необходимых случаях определять личность. Приписываемая имени идентификационная роль обусловила его юридическое значение: «право на имя — личное неимущественное право, неотделимое от личности»[18].

И все же почему именная формула входит в число непременных идентификаторов и в состав персональных данных? Вероятно, объяснить это можно скорее традицией «определения» личности, чем реальной идентификационной способностью имени. Имя оказывается необходимым как для номинации (и тем самым выделения человека из числа подобных ему), так и для регулирования социальных и правовых отношений (человек может вступать в правовые отношения только под своим именем)[19]. Более того, «в каких-то случаях имя способно даже заменить человека: это проявляется в таких противоположных сферах — они находятся на разных уровнях цивилизации и, казалось бы, не могут иметь друг с другом решительно ничего общего, — как магия и бюрократия. Магическое действие, направленное на человека, оперирует с его именем (в колдовстве, в гадании и т. п.); равным образом и бюрократическая документация имеет дело не с людьми, а с именами, и судьба человека может непосредственно зависеть от бюрократической процедуры; все это способствует мистическому отношению к имени, которое ощущается и в наши дни»[20].

В любом случае представляется справедливым, что имя создает «пространство личности»[21], которое сохраняется и после смерти

---

18 *Фаддеева Т. А.* Права на имя // Правоведение. 1989. № 6. С. 40. В ст. 19 ГК указано: «*Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая*». По ч. 2, 3, 5 ст. 1195 ГК, ст. 19 распространяется и на любого человека, проживающего в РФ.

19 Следует иметь в виду и особое отношение к имени, данному при крещении, которое считалось неотъемлемой характеристикой человека.

20 *Успенский Б. А.* Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 336–337.

21 *Смирнов И. П.* Философия имени. Из лекций о самозванчестве // Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6). СПб., 2001. С. 102.

человека. Восприятие имени в качестве главного идентификатора основано на характерном для ранних этапов функционирования имен представлении об однозначном соответствии имени и его носителя, несмотря на все позднейшие указания на конвенциональность этого знака (что выразилось хотя бы в официальных практиках смены имен, о которых подробно пойдет речь в первой главе следующей части).

Строго говоря, имя не является специфическим для письменных документов знаком — в отличие, например, от подписи — поскольку практика определения человека по имени (прозвищу) возникла задолго до появления документов. И в устной форме представление человека предполагает называние имени. Однако документное имя имеет свои особенности. Прежде всего, имя становится фиксированным, воплощенным в письменной форме. Перевод устного имени в письменное — вовсе не автоматическая процедура. Она предполагает хотя бы минимальную рефлексию над его визуальным обликом и значением, а это совсем другое восприятие имени, открывающее новую форму его существования. Будучи зафиксированным, имя отрывается от человека и начинает жить своей жизнью, по правилам, которые устанавливаются бюрократическим производством. Вместе с тем фиксированное имя так или иначе указывает на своего носителя даже после его смерти, и в этом смысле имя — одно из средств сопротивления времени, что особенно характерно для документной реальности.

Другая важная черта паспортного имени заключается в том, что оно (и не только в русской традиции) всегда полное, включающее все составляющие именной формулы (фамилия — имя — отчество). Такое имя, как правило, не используется в повседневном общении, и уже эта особенность прагматики имени создавала и создает определенный разрыв в восприятии двух практик именования, а включение в состав официального именования отчества и фамилии лишь подчеркивает специфику документного образа человека, его нарочитую искусственность. Можно сказать, что имя, используемое в повседневном общении, так и не породнилось с документом. В документе присутствует его особая, официальная версия. В результате сам носитель имени не всегда принимает документную версию и даже не всегда считает ее своим именем[22].

---

[22] О непростых отношениях между человеком и его официальным именем см. ниже, в разделе о практиках.

Важнейшей чертой документного имени является его неизменность. Собственно, именно неизменность делает имя официальным, документным. Не случайно любое изменение паспортного имени всегда жестко регламентируется государством. В свою очередь, принадлежность имени к документной реальности делает возможным его официальное изменение, о чем речь пойдет в следующей части.

При рассмотрении советских документов первое, что бросается в глаза, — изменение последовательности элементов именной формулы. Прежняя устойчивая последовательность (имя — отчество — фамилия) меняется на новую: фамилия — имя — отчество (ФИО). В документах 1920–1930-х гг. встречаются оба варианта. В проекте Положения о введении паспортной системы (1932 г.) при описании паспорта говорится «в графе 1-й пишется — фамилия — имя — отчество»[23], но в вышедшем Положении, как и в самом паспорте, установлена другая последовательность: имя — отчество — фамилия[24]. В Инструкции от 26 января 1933 г. дается следующее разъяснение: «Фамилия, имя, отчество пишутся полностью. Проставление имени, отчества инициалами (первыми буквами) запрещается. Причем, обязательно ранее писать фамилию, а потом имя и отчество»[25]. Получается, что в графе требуется один порядок написания, а в Инструкции другой. В таком случае (как и во многих подобных) приоритет отдавался никому не ведомой (кроме работников милиции) Инструкции. В роли посредников выступают служащие паспортных столов, которые «знают, как надо» («как положено»). Эта ситуация актуализируется всякий раз, когда возникает необходимость транслировать положения секретных инструкций «вниз». Почти сакральное знание работников государственных органов будет во многом определять характер взаимоотношений с ними «простых людей».

Начиная с Положения о паспортах 1940 г. последовательность становится неизменной: ФИО одерживает безоговорочную победу. Это, казалось бы незначительное, изменение первой графы отражало, как мне кажется, перемену отношения к человеку. В до-

---

23 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Ед. хр. 1227. Л. 23.

24 В то же время на бланках вышедших в том же году паспортов сроком на один год и временных удостоверений в первой графе значилось: «Фамилия, имя, отчество». Несмотря на все эти разночтения, порядок заполнения первой графы был единообразным.

25 Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 7.

революционной стилистике официальное обращение к человеку по фамилии было возможно только в дружеском общении или при обращении «сверху вниз» — например, учителя к ученику[26]. В официальном обращении это считалось недопустимым. Нормой признавался порядок, при котором первым называется и пишется имя, которому может предшествовать указание на чин[27]. Произошедшая в первые десятилетия советского времени инверсия была вызвана, видимо, тем, что на смену индивидуальности и единичности пришли списки. В ставших обычными ситуациях перечислений и перекличек люди различаются не столько именами, сколько фамилиями, на которые и был перенесен акцент, не говоря уже о том, что в списках и картотеках обычно принят алфавитный порядок перечисления по фамилиям. Можно сказать, что появилось «списочное именование». Имена и отчества становятся дополнительными различительными признаками, которые во многих случаях могли легко заменяться на «товарищ» («товарищ Иванов» — обычное обращение в устном общении, а во многих документах обходились и без «товарищ»)[28].

При выдаче первых советских удостоверений личности оказалось, что, несмотря на почти двухвековую традицию существования официального полного имени, далеко не все граждане СССР обладают таковым. В Инструкции № 370 «Об удостоверениях личности и прописке граждан в городских поселениях» от 6 июля 1925 г. говорится: «В графе фамилии, имени и отчества получателя может быть обозначено и прозвище гражданина, если у него не имеется определенной фамилии»[29]. Не вполне благополучной была и ситуация с отчествами. Например, в дореволюционных метрических книгах у детей, родившихся от незарегистрированных браков, в графе «отец» ставился прочерк и, соответственно, у «незаконнорожденных» не было официального отчества. НКВД пришлось озаботиться и этим вопросом, выпустив среди прочего специаль-

---

[26] «Служители канцелярии уже называют чиновника по имени и отчеству, а он зовет их по фамилии...» (*Булгарин Ф. В.* Чиновник (1842)).

[27] «На нем было напечатано и вписано следующее: «Господин N. N. (чин, имя, отчество и прозвание пригласителя) просит покорнейше господина N. N. (вписаны чин, имя, отчество и прозвание приглашаемого) сделать ему честь, пожаловать откушать к нему, такого-то дня, числа и месяца, во столько-то часов пополудни, в таком-то доме и улице» (*Булгарин Ф. В.* Званый обед (1840)).

[28] «Списочное» перечисление по фамилиям (без имен-отчеств) встречается уже в дореволюционных документах с обязательным «Господа...».

[29] Бюллетень НКВД. 1925. № 28.

ный циркуляр «О присвоении отчества и регистрации детей, происшедших от незарегистрированного брака»[30].

Особую сложность представляло введение русской именной формулы «фамилия — имя — отчество» у представителей тех народов, где ее не было. При подготовке к Первой Всесоюзной переписи 1926 г. это обстоятельство было учтено. В похозяйственной карточке переписи значится: «Домохозяин: Фамилия русская ... Туземная ... Имя русское ... Туземное ... Отчество ... Прозвище ...».[31] Реальная необходимость введения единообразного именования возникла в связи с паспортизацией уже на первом ее этапе. В качестве примера можно привести «Проект закона о порядке присвоения постоянных (наследственных) фамилий гражданам Туркменской ССР»:

> Учитывая, что часть населения приняла свои фамилии по имени отца или деда, как постоянные (наследственные), рекомендовать гражданам выбор фамилии по имени отца или деда. Как правило, фамилии для коренного населения должны иметь окончание «ов», «ев» — для мужчин и «ова», «ева» для женщин, как наиболее распространенные среди туркменского населения. Например, для мужчин — «Дурдыев», «Курбанов» и для женщин «Курбанова», «Дурдыева». Одновременно с выбором и закреплением существующей фамилии, регистрируется и закрепляется за гражданами и их отчество. Установить, как правило, что отчество должно оканчиваться на «ович», «евич» — для мужчин и «овна», «евна» — для женщин, допуская в отдельных случаях, по желанию самих граждан выбирать для мужчин «оглы» и для женщин «кизы». При выборе постоянных фамилий рекомендовать гражданам избегать таких фамилий, которые унижают или оскорбляют достоинство человека, или носят характер сословного или религиозного происхождения, как например, Италмаз, Гурре Кудишк, Кошк, или приставки: Хан, Ходжа, Ишан, Бай, Крюк и т. п.[32]

---

[30] «1. Присвоение отчества гражданам, не имеющим такового, т. е. в том случае, когда в старых метрических книгах не указан отец, — надлежит производить исключительно в порядке ст. 135 Кодекса законов об АГС.

2. При регистрации детей, происшедших от незарегистрированного брака, следовало требовать подписку отца о том, что данный ребенок происходит действительно от него.

3. При получении заявления о рождении, поданного отцом ребенка, подписка о происхождении ребенка не обязательна» (Бюллетень НКВД. 1926. № 26).

[31] Демоскоп Weekly. № 267–268, 27 нояб. — 10 дек. 2006 (http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv04.php — Дата обращения: 17.04.2017).

[32] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 48. Л. 13–14.

Подобные правила устанавливались и для других этнических общностей:

> В 1930-е гг. советские административные органы стали присваивать эскимосам и чукчам (и другим народностям Севера) фамилии на базе их старых личных имен (и впоследствии отчества). К примеру, существовали имена Ашкамакин или Куяпа; эти имена интерпретировались властями как фамилии, и людям предлагалось выбрать себе в дополнение к «фамилии» еще и русское имя. Так появились ***Иван*** Ашкамакин и ***Федор*** Куяпа. При вступлении в брак женщины обычно меняют фамилию и принимают фамилию мужа, т. е. появляется «женский род» фамилии типа Ашкамакин*а* (важно, что род в языке эскимосов полностью отсутствует не только в именах, но и в местоимениях 3-го лица). Именно эта система официального именования существует сегодня: все эскимосы (и другие народы этого региона) имеют зарегистрированные и записанные в паспорт официальные имя, отчество и фамилию[33].

Естественно, что в таких случаях разрыв между официальным и традиционным именем был гораздо больше, чем в русскоязычном узусе. Русификация антропонимического фонда не учитывала многих особенностей функционирования имен в «инородческих» традициях. Например, у некоторых народов имя меняется несколько раз в течение жизни по мере взросления и изменения статуса человека. В частности, у калмыков женщина должна была менять имя в связи с замужеством. Обычай сохранился, но новое имя/имена могли использоваться только в неофициальной сфере[34]. Введение паспортных имен неизбежно приводило к своего рода конфликту идентификаций, ощущение которого во многих культурных традициях сохраняется и сейчас (см. об этом: гл. 1, ч. 2).

Еще одна категория лиц, имена которых требовали особого внимания, — бывшие заключенные, которые могли отбывать заключение не под «настоящей» фамилией. «При выдаче паспортов лицам, освобожденным из тюрем или лагерей, имеющим несколько фамилий (Сидоров, он же Петров, он же Иванов и т. п.) выдаются временные удостоверения на 3 месяца и в них указываются все

---

[33] *Вахтин Н. Б.* Возвращение умерших и наречение имен на Северо-Востоке Сибири // Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6). СПб., 2001. С. 224–225.

[34] *Дарбеева А. А.* К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 46–47.

фамилии, перечисленные в документе, выданном тюрьмой или лагерем. Такие удостоверения должны выдаваться до тех пор, пока ими не будут восстановлены настоящие фамилии»[35]. «Настоящими» считались имена, зафиксированные в метрических выписях или свидетельствах о рождении, кроме тех случаев, когда имена были изменены официально[36].

Так или иначе, первая графа по замыслу агента идентификации (государства) должна иметь индивидуализирующий смысл, и этим она отличается от тех пунктов паспорта, которые ориентированы на категоризацию человека и, соответственно, его приписывание к той или иной общественной группе.

Введение обязательного паспортного имени означало, по сути дела, его удвоение. Первая графа паспорта приобрела не столько идентификационный, сколько дисциплинарный смысл, открывая список черт другого, «паспортного Я». Это первая реплика по поводу себя в диалоге с властью, который ведется на не вполне привычном языке официального документа.

«Место и время рождения»

К числу «индивидуализирующих» относилась и вторая графа. Она несколько раз меняла свое название и наполнение. Когда вводилась советская паспортная система, эта графа (по Положению 1932 г.) называлась «Время и место рождения». Может показаться удивительным, но в первом советском паспорте образца 1933 г. должен был указываться только год рождения без числа и месяца (в дореволюционном паспорте следовало указать число, месяц и год рождения). В Инструкции от 26 января 1933 г. дается лапидарное предписание: «Время рождения указывается путем проставления года рождения. Пример: «1893 г.». Место рождения указы-

---

35 Инструкция по применению Положения о паспортах, изданная во исполнение Постановления СНК ССР от 10/IX 1940 г. (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 151).

36 «Основным документом при выдаче паспорта, удостоверяющим время и место рождения, имя, отчество и фамилию (если фамилия или имя не были изменены в установленном законом порядке) является свидетельство о рождении (метрическая выпись), а при изменении фамилии, имени, также другой документ об этом. В тех случаях, когда лицо, обратившееся за получением паспорта, не имеет свидетельства о рождении (утрачено во время войны, потеряно и т. п.), ему должно быть разъяснено, что свидетельство о рождении надлежит получить в органах ЗАГС в установленном порядке». ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 42.

вается подробно. Пример: «Село Троицкое, Балашевского уезда, Саратовской губернии»[37].

Только с 1940 г. было введено указание точной даты, хотя графа по-прежнему называлась «Время и место рождения». В Инструкции к Положению о паспортах 1940 г. дается разъяснение: «В графе 2-й — день, месяц, год рождения, населенный пункт, район, область, край, республика, где родился. Примечание: в тех случаях, когда в представленных документах будет указан только год рождения, без указания месяца и дня, — месяц и день рождения записываются в гр. 2-й со слов получателя паспорта»[38]. Это примечание говорит о том, что точной дате рождения все еще не придавалось значения. В армию призывались по году рождения, а настоящая система учета еще не была выстроена. Такое положение сохранялось довольно долго. Достаточно сказать, что и в паспортной Инструкции 1953 г. фигурирует аналогичное примечание: «Если в представленных документах сведения о числе и месяце рождения отсутствуют, они заносятся в графу 2 паспорта и заявления по форме № 1 со слов получателя паспорта»[39].

Объяснить такую «приблизительность» времени рождения можно, вероятно, тем, что в 30-е годы все еще действовала двойная система счета по «старому» и «новому» стилю, возникшая в связи с реформой календаря, и путаница была постоянной (подробнее см. ниже в этом разделе). К этому следует добавить невероятную спешку первой паспортизации, а также сложности с получением выписок из метрических книг, многие из которых были утрачены в годы гражданской войны и в результате антирелигиозной кампании или, как в Средней Азии, практически не велись.

Гораздо большее внимание придается месту рождения: «Запись о месте рождения производится в соответствии с существующим административным делением, при этом: родившимся в республиках, краевых и областных центрах СССР записывается только наименование города (г. Москва, г. Киев, г. Челябинск); родившимся в других городах СССР — наименование города и области (края, республики), в состав которых город входит; родившимся в сельской местности — наименование нас. пункта, районов, области (края, республики); родившимся за границей — наименование страны, в которой родился получатель паспорта (например, Бол-

---

37 Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 7.

38 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 147.

39 Там же. Т. 3. Л. 131.

гария, Франция), а затем более подробные сведения о месте рождения, согласно представленным документам»[40].

Очевидный диссонанс между требованием развернутого описания места и сокращенным вариантом времени рождения никак не мотивировался. Можно лишь предположить, что для восстановления биографии владельца паспорта и, следовательно, для его идентификации место рождения считалось более значимым, чем его возраст. Собственно, это та ниточка, которая в случае необходимости могла привести к установлению точных данных о человеке. Не случайно уже в самых ранних документах минимальной требуемой информацией было имя и место рождения (проживания). Только по Положению 1974 г. время и место рождения были разведены по разным графам паспорта (второй и третьей: «Число, месяц, год рождения» и «Место рождения»).

Правильное определение возраста вызывало трудности даже в таком редуцированном варианте. В статье, появившейся в газете «Правда» и приуроченной к переписи 1939 г., по этому поводу говорится следующее: «Вопрос о возрасте кажется на первый взгляд простым. Опыт переписей населения, однако, показывает, что ответы на этот вопрос нередко даются неточными: 26-летние называют себя 25-летними, 39-летние — 40-летними… Такие “округления” мешают точности переписи, они искажают картину возрастного распределения населения»[41]. В паспорте следовало указывать не количество лет, а год рождения.

Сложности заполнения этих пунктов объяснялись не только недостаточной грамотностью, но и тем, что сама идея счета времени была относительно новой и непривычной. Кроме того, как уже сказано, ко времени появления паспортов была осуществлена реформа календаря и введено новое административное деление. Реально в стране функционировали и прежние, и новые системы, что приходилось учитывать. Особенно это касалось времени рождения. Решение ограничиться указанием года, по всей вероятности, объяснялось тем, что указание точных дат неизбежно должно было привести к путанице. Не случайно государственные органы вынуждены были постоянно разъяснять особенности заполнения этого пункта. Например, в Инструкции № 370 «Об удостоверениях

---

40 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132.

41 *Старовский В., проф.* Шестнадцать вопросов переписного листа // Правда. 1939. 13 янв.

личности и прописке граждан в городских поселениях» от 6 июля 1925 г. предписывается: «для лиц, родившихся в 1906 году и раньше, дата рождения обозначается по старому и по новому стилю, а для родившихся в 1907 году и позже, дата рождения обозначается только по новому стилю»[42]. Живучесть «старого стиля» была столь велика, что и в конце 30-х гг. приходилось учитывать это обстоятельство даже в таких структурах, как советская армия. Например, в Указании Командного Управления Наркомата ВМФ по технике заполнения личных дел от 22 октября 1938 г. дается такое разъяснение: «По графе 2-й: пишется число, месяц и год рождения по новому стилю, а в скобках — по старому стилю. По графе 3-й место рождения по административному делению в момент рождения указывать в скобках обязательно»[43].

Ситуация осложнялась тем, что многие записи актов гражданского состояния (не говоря уже о прежних метрических книгах) были утрачены, а далеко не все знали год своего рождения. 18 декабря 1917 г. был принят декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», вводивший новый порядок регистрации семейно-брачных отношений. Метрические книги велись до 1918 г. (в некоторых местах и позже), а затем регистрация актов гражданского состояния была передана местным органам исполнительной власти (отделам записи актов гражданского состояния — ЗАГС). Схема записи в принципе осталась той же, но были удалены все сведения религиозного характера, а позже были введены данные о национальности родителей. Однако наладить повсеместную работу новых органов регистрации гражданского состояния долгое время не удавалось. В этом контексте не вызывает удивления появление специального Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 24 сентября 1928 г. «О создании комиссии по определению возраста при восстановлении погибших записей о рождении». В нем предписывалось для урегулирования вопроса о восстановлении архивов актовых книг, погибших во время империалистической и гражданской войн и при стихийных бедствиях, организовать при органах ЗАГС периодически действующие комиссии в составе начальника административного отдела исполкома, зав. ЗАГСом и врача[44].

---

42 Бюллетень НКВД. 1925. № 28.

43 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 304. Л. 3.

44 Текст см. на сайте «Библиотека нормативно-правовых актов СССР» (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3472.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Сведения в этой графе чаще других становились объектом подделок в паспортах, принадлежащих мужчинам. Фальсифицировался, как правило, возраст с целью уклонения от военной службы или трудовой мобилизации. Пик подделок пришелся на годы войны[45]. Подделывался год рождения и в женских паспортах, в основном с целью уменьшить свой возраст при заключении брака, а в Средней Азии нередко подделывали возраст (завышая его), чтобы выдать быстрее девушек замуж.

«Национальность»

Удивительная вещь — национальный вопрос.
Что о нем ни скажешь — все будет глупость.
Сергей Аверинцев (?)

Графа «национальность» — единственная совершенно новая в советском паспорте (в дореволюционном такой графы не было). В первоначальном проекте паспортного бланка, рассмотренном на заседании Комиссии Политбюро по вопросу о паспортной системе от 29 ноября 1932 г., она была четвертой графой (следом за «социальным положением»)[46], но в проекте Постановления ЦИК и СНК «О введении единой паспортной системы в городах СССР» она была перемещена на третью позицию, сразу за ФИО, местом и временем рождения[47]. Это место было закреплено и в Положении о паспортах (Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г.). После того как по Положению 1974 г. время и место рождения были разведены по разным графам (второй и третьей соответственно), «национальность» переместилась на четвертую позицию. Стоит отметить, что «национальность» никогда не была в паспорте «пятой графой», как это нередко можно было слышать. Пятым пунктом она была в Форме № 1, которая заполнялась для получения паспорта.

Категория национальной (этнической) принадлежности имеет в России непростую историю. Она непосредственно связана с по-

45 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 407 об.
46 ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 2.
47 Там же. Л. 23.

Справка (ГУМ ф. 1)

с места жительства

(на получение паспорта)

1. Фамилия ______
2. Имя ______
3. Отчество ______
4. Время и место рождения ______
5. Национальность ______
6. Проживает по ул. ______ дом № ___ кв. ___ "___" отд-е милиции ______
7. Где и в качестве кого работает ______
8. Лица, подлежащие внесению в паспорт:

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	День, месяц и год рождения	Степень родства	На основании каких документов вписан

Справка выдана "___" ______ 19 г. за № ______

М. П.

Управхоз ______ подпись ______ фамилия

Для отметок органов милиции

9. На основании каких документов выдан паспорт ______

Паспорт серии ______ № ______

"___" ______ 19 г. *Получил*

10. Место для фотокарточки

М. П. Подпись

Документы проверил ______ подпись

11. Для отметок

12. № ______

Тип им Урицкого • Зак 1095

Форма №1

литикой в отношении населения, проводившейся в империи, а затем в СССР. В последние десятилетия, предшествовавшие революции, официальная политика была ориентирована на русификацию инородческого населения империи. «Православный народ» занимал безоговорочно ведущую позицию, а остальные были наделены разными правами, но при этом предполагалось, что статусы сближаются по мере обретения инородцами «необходимых черт». Русификация — сложное и многоплановое явление, которое невозможно описать как однонаправленный процесс. Она не сводится к политике ассимиляции инородческих племен, стремлению

сделать их «такими же русскими» с помощью таких стратегий, как «разбавление» национальных окраин русскими, распространение православия, придание русскому языку статуса основного в сфере управления и др. «Объекты» русификации могли иметь свои мотивы усвоения тех или иных элементов русской культуры и прежде всего языка. Кроме того, ее восприятие имело свою специфику в разных частях империи и у разных групп населения[48].

Все эти процессы требовали регистрации «племенного состава» империи, и здесь нельзя не отметить роль этно-статистических исследований, которые развернулись с середины XIX в.: «За несколько десятилетий непрекращавшихся исследований на местах и в масштабе всей империи военная статистика превратила прежде аморфное слово *народ* в строго определяемое понятие *население*. Другим, не менее значимым, событием было то, что военная статистика начала официально фиксировать *народность* или *племя* подданных империи»[49]. В качестве статистической категории «народность» встречается уже в местных переписях 60-х гг. XIX в.[50] В последние два десятилетия перед революцией графа «национальность» появляется в различного рода документах. К их числу относились служебные аттестаты, врачебные карточки, документы воинского и полицейского учета[51]. К Первой всеобщей переписи 1897 г. был подготовлен «Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи»[52]. В самой переписи не было вопроса о национальности (народности), но были вопросы о вероисповеда-

---

48 Именно поэтому Алексей Миллер настаивает на необходимости ситуационного подхода при рассмотрении тех процессов, которые традиционно скрываются за термином «русификация». *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.

49 *Холквист П.* Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI (http://www.russia-21.ru/xxi/rus_21/ARXIV/1998/holkvist_11–12_1998.htm — Дата обращения: 04.02.2017).

50 См., например: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1–3. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1872–1875. Вып. 1: Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности; Вып. 3: Распределение жителей С.-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам средств существования.

51 *Романова С. Н., Глуховская И. И.* Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в — 1917 г.) // Вестник архивиста. № 46–50. 1998–1999 гг. (http://www.iot-ekb.ru/ukaz_gen.htm#G068 — Дата обращения: 17.04.2017). Существует электронная версия Указателя: http://www.remezovi.ru/biblio/genealogia/gen_dokumenti.htm — Дата обращения: 17.04.2017.

52 Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1895.

нии и языке, по которым в случае необходимости можно было «установить» национальность[53] .

Долгое время считалось, что политика нациестроительства, в том числе русификация, противоречит самой идее империи — которая, используя ресурсы колоний, как правило, не покушается на местные уклады жизни. Новые взгляды на проблему «империя и национализм» позволили по-другому подойти к этой проблеме и увидеть в империи пространство зарождения национальных государств[54]. В любом случае пришедшие к власти большевики не могли (хотя бы из идеологических соображений) продолжать политику русификации[55]. Вместе с тем в нарождающихся национализмах окраин виделась серьезная угроза несмотря на то, что понятию «национальность» еще не придавалось того значения стабильной и непреходящей категории, которое будет приписываться ей позже. В этой ситуации центральная власть пошла по пути создания национальных автономий, что приведет к национально-административному размежеванию, образованию союзных республик, в каждой из которых будет своя титульная нация

---

[53] См. о распределении населения по народностям на основании языка: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года = Relevé général pour tout l'Empire des résultats du dépouillement des données du premier recensement de la population en 1897: I–II / предисл. Н. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 2. СПб.: Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905.

[54] *Миллер А. И.* История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛО, 2008. С. 25–58; *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2010.

[55] Процесс выдвижения национального признака на первый план в последние десятилетия существования империи и в советское время изучен достаточно подробно. См. прежде всего: *Hirsch F.* The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. Vol. 56. N 2. P. 251–278; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2005; *Martin T.* Modernization or Neotraditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / ed. by Sh. Fitzpatrick. New York, 2000. P. 348–367; *Steinwedel Ch.* Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 67–82; *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. 2005. Vol. 64. N 3. P. 440–455; *Абашин С. Н.* Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX — начале XXI в.). Дис. … д-ра ист. наук. М., 2009; и др.

(главенство одной национальности в пределах ограниченной территории). Юрий Слезкин удачно сравнивает это территориальное распределение с коммунальной квартирой, в которой каждая национальность получает свою комнату[56].

Так называемая *коренизация,* развернувшаяся после XII съезда партии (1923 г.), была направлена на преодоление культурного и правового неравенства среди народов СССР, что, по замыслу ее инициаторов, должно было поднять авторитет центральной власти и способствовать проведению ее политики в национальных окраинах[57]. Коренизация предполагала выдвижение в органы управления местных советских и партийных кадров, поддержку национальных языков и культур, взращивание национальных элит. В частности, был организован перевод делопроизводства на национальные языки, введена процентная ставка для национальных кадров в республиканских официальных органах и т. д. По мнению Терри Мартина, создание федерации осуществлялось во многом путем искусственного выделения национально-территориальных образований и формирования их культурной «самостоятельности» — всего того, что он назвал «положительной деятельностью»[58]. Политика коренизации сопровождалась борьбой с русским «великодержавным шовинизмом». Показательно, что этот период характеризуется отрицательным отношением к русской культуре как к наследнице культуры угнетателей.

Следует также учесть, что сразу после революции была упразднена прежняя сословная структура, а с 1918 г. были отменены всякие указания на вероисповедание в документах, удостоверяющих личность[59]. Новой администрации требовались постоянные категории, с помощью которых можно было бы разделить население на определенные группы для более эффективного проведения сво-

---

56 *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53. N 2 (Summer, 1994). О национальной политике 20-х гг. см. также *Suny R. G.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. P. 140 и далее.

57 По мнению А. Моррисона, такая политика «выравнивания» населения метрополии и жителей колоний в европейских колониальных системах считалась нереальной. См.: *Morrison A.* Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 2. P. 332–333.

58 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР 1923–1939. М., 2011. С. 28-35.

59 «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан изымается». Декрет СНК РСФСР 23 янв. 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // СУ РСФСР. 1919. № 18. Ст. 263.

ей политики. В 20-е гг. графа «национальность» все чаще появляется в советских документах, что, видимо, было связано с процессом создания национальных автономий. Например, в выпущенных НКВД в 1923 г. образцах личных карточек членов исполнительных комитетов и членов съездов эта графа уже была предусмотрена[60]. Эта категория постепенно распространяется «вниз». Разработанная НКВД в 1925 г. Инструкция «О введении новой системы ознакомления с личностью заключенного и результатами его пребывания в месте заключения» требует сразу по прибытии нового заключенного завести на него опросный листок, в котором указывался родной язык. В личной карточке заключенного следовало указывать и родной язык, и национальность[61]. В «Инструкции о ведении и заполнении актовых книг и свидетельств по новым формам» (1926 г.) указывается, что в пунктах 7, 8 и 9 актовых книг о рождении «подчеркивается национальность и социальное положение родителей со слов заявителей. В тех случаях, когда ответ не предусмотрен, записываются дополнительные слова: например, калмык, служитель культа и т. под.»[62]. Можно полагать, что в новой форме были перечислены «основные» национальности и социальные категории, которые следовало подчеркнуть. В актовых записях о смерти также предполагалось указание национальности умершего, но, например, в записях о браке оно не предусмотрено. Разумеется, такая избирательность никак не мотивируется. В этом контексте следует упомянуть перепись 1926 г., когда был введен пункт «народность».

В предыдущей части затрагивался вопрос разделения населения на отдельные социальные группы с помощью введения в паспорта таких категорий, как «сословная принадлежность» и «вероисповедание». При этом отмечалось, что такие классификации основаны на разном правовом статусе представителей этих групп. Введение категории «национальность» в советский паспорт, на первый взгляд, не согласуется с принципом неравенства. Формально все национальности обладали одинаковыми правами, однако реально дело обстояло иначе, о чем я еще буду говорить.

Идея равенства всех национальностей в СССР на первых порах подкреплялась и фактическим отсутствием официальных правил определения национальной принадлежности. Положение о пас-

60 Бюллетень НКВД. 1923. № 19.
61 Там же. 1925. № 7.
62 Там же. 1926. № 14.

портах, вышедшее в 1932 г., никак не регламентировало процедуру определения национальности: запись производилась со слов владельцев паспортов. Другими словами, все получавшие паспорта могли указать национальность, руководствуясь своими представлениями. В Инструкции работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. никаких сложностей по этой графе не предусмотрено: «3. Национальность. Пишется национальность владельца паспорта — русский, украинец, грузин, белорусс, еврей, латыш и т. д.»[63]. Как отмечает Н. Муан, «Пункт "национальность", фигурирующий в паспорте с самого начала, не является предметом отдельной дискуссии»[64]. Паспортизация была направлена на точное установление социального положения.

Кампания паспортизации совпала по времени с началом постепенного сворачивания политики коренизации. Причин отхода от коренизации несколько. К их числу относится ускоренная индустриализация, затронувшая прежде всего городское население, где традиционно преобладали русские. Кроме того, официально стало считаться, что основные цели коренизации достигнуты — иерархия национальностей сформирована, а выращенные национальные кадры проводят на местах политику партии. В середине 1930-х гг. были расформированы комитеты по коренизации в союзных республиках; произошло своего рода возвращение к политике русификации, а вместе с ним и реабилитация наследия русской культуры.

С этого же времени категория «национальность» выходит на первый план: «Новые веяния нисходили с вершины власти, из ЦК ВКП(б), который с 1935 г. начал вводить новую форму учета номенклатурных кадров ("справки-объективки"), в которой впервые была предусмотрена графа "национальность". Эта позиция, вчера еще не бравшаяся в расчет, очень быстро сравнялась по степени важности с таким главным до сих пор анкетным пунктом, как "социальное происхождение". Как следствие, повсеместно была введена статистическая отчетность в национальном разрезе. "Национальная лихорадка" поразила кадровые службы буквально всех государственных и общественных учреждений, от детского сада

---

[63] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 7.

[64] *Муан Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 261.

до ГУЛАГа…»[65]. Категория «национальность» еще не приобрела статус единственной неотъемлемой характеристики советских людей, но движение в этом направлении уже началось.

Вместе с тем в официальном дискурсе формируется образ страны, находящейся во враждебном окружении. Следуя этой логике, задачей органов НКВД становилась борьба со шпионами и диверсантами на своей территории. Первыми почувствовали это на себе немцы и поляки[66]. В августе 1937 г. вышел так называемый «польский приказ». В нем речь шла об активизации шпионской деятельности Польши на территории СССР и мерах по «обезвреживанию» шпионских, диверсионных, вредительских и повстанческих элементов[67]. Разумеется, польскими или греческими шпионами вовсе не обязательно должны были быть поляки или греки, однако «зачистка» носила тотальный характер. В вопросе национальной принадлежности требовалась ясность, и она была введена с грифом «Секретно» Циркуляром № 65 от 2 апр. 1938 г. В соответствии с этим Циркуляром, при определении национальности следовало исходить только из национальной принадлежности родителей. Подтверждением должны служить паспорта родителей или другие документы, в которых присутствует запись об их национальном происхождении. Разъясняющее указание Отдела актов гражданского состояния НКВД СССР № 1486178 от 29 апреля 1938 г. (тоже с грифом «Секретно») стоит привести целиком.

> Всем Начальникам ОАГС НКВД и УНКВД
>
> Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апр. 1938 г. (разосланный нач. УРКМ) установлен новый порядок указания национальности при выдаче или обмене паспортов, обязывающий при записи национальности владельца паспорта исходить исключительно из национальности по рождению (по родителям).
>
> В связи с этим существовавшее до настоящего времени положение, когда национальность граждан при регистрации актов гражданского состояния записывалась та, к которой причислял себя регистрирующийся, — изменяется.

---

65 *Костырченко Г. В.* Дамоклов меч «пятого пункта» // Режимные люди в СССР / ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 219.

66 *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД: 1937–1938 // Наказанный народ: сб. ст. М.: Звенья, 1999. С. 35–71; *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Мемориал (http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm — Дата обращения: 04.02.2017).

67 *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция»…

Во всех случаях актовых записей национальность должна указываться на основании предъявленных при регистрации паспортов.

Там, где паспортизация отсутствует, уточнение вопроса о национальности регистрирующегося проводится в процессе записи путем опроса заявителя. При этом надо иметь в виду, что запись национальности должна быть произведена в соответствии с фактическим национальным происхождением родителей регистрирующегося. Если родители немцы, поляки и т. д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства и друг., нельзя записывать регистрирующегося русским, белоруссом и т. д.

В случае несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как например: фамилия регистрирующегося Попандопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т. д., и если во время записи не удастся установить действительную национальность регистрирующихся, — графа о национальности не заполняется до представления заявителями документальных доказательств о принадлежности регистрирующегося к той или иной национальности[68].

О том, что́, с точки зрения законодателей, могло служить «доказательством принадлежности к той или иной национальности», речь пойдет ниже, а сейчас важно подчеркнуть, что с этого момента для определения национальности в паспортах и в переписях стали применять разные стратегии: в паспортах — по родителям, в переписях прежний принцип — по самоопределению. Впервые это нововведение применительно к паспортам появляется в паспортной Инструкции НКВД 1940 г., но она имела гриф «Секретно» и не была опубликована. В соответствии с этой Инструкцией, национальность должна была определяться «не по месту рождения и проживания получателя паспорта, а исключительно по национальности родителей. Пример: нельзя записать в паспорт немцу — русский, хотя бы родившемуся на территории бывшей России или СССР. В тех случаях, когда родители получателя паспорта принадлежат разным национальностям (например, отец — итальянец, мать —

68 Из истории «национального вопроса» в СССР // Мемориал-Аспект. Информационный бюллетень Общества «Мемориал». 1994. № 10–11. Сентябрь. С. 12. См. также: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е. А. Зайцев. М.: Республика; Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 86–93.

русская), в паспорте указывается одна из этих национальностей (по желанию получателя паспорта итальянец или русский)»[69].

Тем не менее заполнение этой графы продолжало вызывать вопросы, и даже работники паспортных столов не всегда ориентировались в особенностях двойного права. 29 декабря 1943 г. по всем республикам, краям и областям рассылается Директива НКВД «О порядке изменения в паспортах записи о национальности»:

> В связи с поступлением в НКВД СССР заявлений об изменении в паспорте записи о национальности, особенно со стороны граждан немецкой национальности, мотивирующих свою просьбу тем, что они фактически не являются немцами, родились в СССР, немецкого языка не знают,
>
> Предлагаю
>
> В соответствии со ст. 12 Инструкции по применению Положения о паспортах, утвержденного постановлением Совнаркома СССР от 10 сент. 1940 г. за № 1667, запись о национальности владельцев паспортов указывать исключительно по национальности родителей. В тех случаях, когда родители принадлежат разным национальностям, в паспорте указывать одну из этих национальностей по желанию заявителя.
>
> Получателю паспорта, имеющему родителей разных национальностей, разрешать выбор по своему желанию одной из национальностей родителей только при получении паспорта впервые. Впоследствии, при обмене паспорта, изменение записи этой национальности не допускать.
>
> Рассматривать заявления граждан и вносить изменения записи о национальности в паспортах только в тех случаях, когда запись о национальности владельца паспорта не соответствует национальности родителей. Во всех остальных случаях ходатайства об изменении национальности оставлять без последствий
>
> От лиц, заявивших о неправильной записи в паспорте национальности, обязательно требовать письменного заявления с объяснением обстоятельств, на основании которых заявитель считает неправильной сделанную запись о национальности.
>
> Помимо заявления требовать от заявителя документов, подтверждающих неправильность записи о национальности в паспорте и только при представлении этих документов производить изменение ее с вынесением об этом постановления, утверждаемого начальником органа милиции.

---

[69] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 147.

Собранные материалы с постановлением начальника органа милиции направлять в ГУМ НКВД СССР, с разрешения которого производить изменение записи о национальности тем органом милиции, на территории которого проживает заявитель.

Копию постановления об изменении записи о национальности хранить в органе милиции, выдавшем новый паспорт, с обязательной отметкой в стандартной справке о том, что паспорт обменен в связи с изменением записи о национальности, т. е. немец на украинец, латыш на русский и т. д.

О порядке внесения изменений в паспорте записи о национальности тщательно проинструктировать работников милиции и установить систематический контроль за проведением в жизнь настоящего указания.

Зам. Нар. Комиссара Внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2 ранга Круглов. № 579. 29 дек. 1943 года[70].

Эта Директива становится основным документом по новому порядку определения национальности, но вплоть до начала 50-х гг. «на местах» она не всегда соблюдалась. Об этом свидетельствует, например, Циркуляр зам. министра Госбезопасности Союза ССР Обручникова от 30 декабря 1952 г., адресованный министрам госбезопасности республик, начальникам управлений МГБ краев и областей, начальникам управлений милиции республик, краев, областей и городов:

В целях установления единого порядка рассмотрения заявлений граждан об изменении в паспортах записей о национальности

Предлагаю:

1. В соответствии со ст. 12 Инструкции по применению Положения о паспортах, утвержденного Постановлением НК СССР № 1667 10 сент. 1940 г., запись о национальной принадлежности владельцев паспортов производить исключительно по национальности их родителей. В случаях, когда родители получателя паспорта принадлежат к разным национальностям, в паспорте указывается одна из этих национальностей по желанию получателя паспорта, который подтверждает сделанный им выбор распиской в графе 11 справки формы № 1. Примечание. Документами, являющимися основанием для производства записей о национальности, могут быть: паспорта родителей, выписки из колхозных книг, заверенные сельским советом, и другие документы, подтверждающие принадлежность родителей.

70 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 405.

2. Запись о национальности по выбору лиц, родители которых принадлежат к разным национальностям, производить только при получении паспорта впервые. В последующем (при обмене паспорта, выдаче взамен утраченного, похищенного и т. д.) изменение записи о национальности не допускать.

3. Изменение записи о национальности в паспорте разрешать только в случаях получения заявлений граждан об этом или когда будет выявлено, что запись о национальности владельца паспорта не соответствует национальной принадлежности родителей и это обстоятельство подтверждено документами, указанными в примечании к пункту 1. Во всех остальных случаях ходатайства об изменении в паспорте записи о национальности оставлять без последствий[71].

Основные положения Циркуляра 1943 г. сохранились, но есть и существенные нововведения: получатель паспорта должен подтвердить сделанный им выбор (в том случае, если у родителей разные национальности) распиской в Форме № 1 и тем самым исключить для себя возможность смены национальности. Кроме того, впервые дается перечень документов, на основании которых производится запись о национальности: «паспорта родителей, выписки из колхозных книг, заверенные сельским советом, и другие документы, подтверждающие принадлежность родителей». К этому времени (1952 г.) родители, проживающие в городах, уже имели паспорта с указанием национальности, а жителям сельской местности предлагалось подтверждать национальность выписками из колхозных книг, в которых национальность фиксировалась далеко не всегда (вероятно, на этот случай и фигурируют «другие документы»).

Только после этого пункт о записи национальности в новой редакции был включен в частично опубликованное в открытой печати Положение о паспортах 1953 г. и был официально изменен порядок указания национальности: «Запись о национальности в паспорте производится соответственно национальности родителей. Если родители принадлежат к разным национальностям, то при выдаче впервые паспорта национальность записывается по национальности отца или матери в зависимости от желания получателя паспорта. В дальнейшем запись о национальности изменению не подлежит»[72].

---

71 Там же. Т. 3. Л. 281–282.
72 Положение о паспортах 1953 г. [б/м; б/г.]. С. 4.

Если запись о национальности признавалась недействительной, требовалась замена паспорта (исправление записи не допускалось). «Замена паспорта в связи с необходимостью изменения записи о национальности производится в случае получения заявлений граждан об этом, а также по усмотрению органов милиции, если будет выявлено, что запись о национальности владельца паспорта не соответствует его национальной принадлежности и это обстоятельство подтверждается документами, имеющимися в распоряжении органа милиции. Примечание. Документами, являющимися основанием для производства записей о национальности, могут служить: копии актовой записи о рождении, высылаемые ЗАГС, паспорта родителей, выписки из хозяйственных книг и другие документы, подтверждающие национальность родителей»[73].

В случаях, когда заявления об изменении записи о национальности не подкреплялись необходимыми документами, решение по таким заявлениям выносилось отрицательное. Процедура установления национальности описывается следующим образом: «Орган милиции, получивший заявление, опрашивает заявителя по существу и направляет весь материал в паспортно-регистрационный отдел управлений милиции республики, края, области, города с изложением своего мнения. Паспортный отдел выносит свое постановление. После утверждения Главным Управлением заключений управлений милиции республики, края, области, города об изменении записи о национальности дается распоряжение о выдаче паспорта с записью действительной национальности и материалы направляются в отдел "П" МВД СССР, который по материалам выносит постановление об освобождении со спецпоселения, если национальная принадлежность является единственным основанием к содержанию на спецпоселении»[74]. К сожалению, остается непонятным, что означало «опрашивает заявителя по существу», ибо именно по результатам этого «опроса» выносилось постановление.

В 1972 г. было объявлено о создании «новой исторической общности» — советского народа, но это никак не повлияло на паспортный учет. Последовавший за реформами Горбачева «парад суверенитетов» национальных республик продемонстрировал шаткость созданной конструкции и отсутствие общей идентичности. На

---

[73] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 140.

[74] Там же.

протяжении всего советского периода распределение населения по национальной принадлежности так или иначе сочеталось с лозунгами равноправия и интернационализма. Депортации и притеснения по национальному признаку относились к другой реальности. И только с отменой графы в новом российском паспорте стало понятно, насколько эта категория въелась в сознание населения (подробнее см. в разделе «Определение национальности» следующей части).

Завершая рассмотрение официальных требований к заполнению этой графы, следует отметить, что введение категории «национальность» в паспорт осуществлялось в два этапа. На первом (1932–1938) национальность определялась со слов владельца паспорта и ей не уделялось особого внимания. Но когда НКВД потребовалась ясность в этом вопросе, был применен привычный (по примеру установления социальной принадлежности) принцип определения «по происхождению», т. е. по родителям. Такое (почти биологическое) определение национальности как наследственного признака давало органам возможность хоть как-то контролировать запись в паспортной графе. Стремление к объективизации категории «национальность» привело к тому, что критерием определения национальной принадлежности становится даже не «национальность» родителей, а запись о ней в документах. Можно сказать, что эссенциализация этой категории привела к созданию особого феномена, который можно назвать «документной национальностью».

Строго говоря, провозглашенный Советами равный правовой статус национальностей противоречил требованию обязательной их фиксации. Однако категория «национальность» стала не просто учетной (статистической, как это было в Российской империи), но именно правовой, поскольку национальным сообществам был придан разный статус: одни из них имели свое территориальное образование, другие — нет; одни считались *народами*, а другие — *народностями* и т. д. В результате жесткая бюрократическая предписанность определения национальности вступила в сложные отношения с групповыми и индивидуальными идентичностями. Одни восприняли ее как естественное основание своей индивидуальности, у других она вызвала различные формы отторжения, вплоть до стремления избавиться от предписанной стигмы, о чем речь пойдет в разделе «Определение национальности» следующей части.

«Личная подпись»

Подпись обладает особым статусом среди символических средств, созданных человеком для репрезентации себя в коммуникативном пространстве. Она принадлежит в основном культуре документа (в узком смысле) и именно в его контексте полностью реализует свои основные смыслы: быть знаком человека и подтверждать от его имени содержащуюся в документе информацию. С этим связан и естественный эффект подписи — ее появление в других текстах придает им в той или иной степени свойство «документности»: истории подписи и документа оказываются тесно переплетены.

Личная подпись — непосредственный «вклад» владельца паспорта в этот документ. Ставя свою подпись, он подтверждает сведения о себе. Почему подписью и что это такое? Личная подпись (далее ЛП) до недавнего времени определялась как «собственноручно написанная фамилия»[75]. Сейчас ЛП можно определить как собственноручно выполненное произвольное сочетание графических символов, отсылающих (с точки зрения автора ЛП) даже не к имени и/или фамилии, а к личности автора. В любом случае, ЛП указывает на индивидуальность, выделенность, уникальность, а кроме того, является концентрированным выражением автора, его самости.

ЛП можно понимать и как утверждение тождества (я, Иванов, есть я, Иванов), своего рода перевод себя в графическую форму своего имени. Образуется своеобразное пространство превращений, которое принимает форму треугольника: я — мое имя — подпись. Подписываясь своим именем, человек как бы совершает двойной перевод себя — в имя и в графическое его выражение. Этот акт самоотождествления и автокоммуникации оброс многими дополнительными практиками, смыслами и коннотациями. Приписываемое самой ЛП свойство уникальности явилось, в свою очередь, основанием считать ее (наряду, например, с именем) средством идентификации человека.

Вообще-то подпись — это что-то естественное и неестественное одновременно. Она естественна как всякий след человека и неестественна, поскольку это не просто след, но нарочитое воспроизведение своего имени. Это своего рода коммуникация с собой и в то

---

[75] См., например: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992 (http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_l.txt — Дата обращения: 17.04.2017).

же время — представление себя возможным адресатам, такое же нарочитое, как документ, который всегда воспринимается как нечто неестественное. Не случайно, как уже сказано, документ является «родным» контекстом ЛП, где она имеет сильную позицию. Ставя свою подпись, человек «тиражирует» себя, распространяет свою самость в различных сферах, собственно, везде, где он не может присутствовать лично. Таким образом, подпись «работает» в обе стороны: владелец подписи маркирует ею свою связь с подписываемым объектом, а другие могут по подписи идентифицировать ее автора.

Конкретное значение подписи зависит от контекста, в котором она может указывать на авторство (принадлежность) текста (вещи)[76]; выражать согласие с некими условиями (текст договора); являться знаком ознакомления с содержанием документа (например, с правилами пожарной безопасности); быть подтверждением (гарантией) достоверности изложенного (например, при осуществлении нотариальной записи); указывать на знакомство (точнее, на контакт) с человеком, который поставил свою подпись (ср. собирание автографов, подписи в альбомах)[77] и т. д.

В любом случае подпись указывает на ту или иную степень присутствия (от авторства до ознакомления и подтверждения). Впрочем, будучи своего рода перформативом, подпись указывает не только на присутствие оставившего подпись, но и на его неприсутствие сразу после того, как человек расписался[78]. Кроме того, *под-пись* (в полном соответствии со своей внутренней формой) нередко является знаком конца текста, его структурной и содержательной завершенности (хотя бы в отличие от *надписи*). Разумеется, подпись может оказаться и в начале текста, чаще всего в левом верхнем углу, после резолюции, но и в таком случае она завершает микротекст (резолюцию).

---

76 Иногда в сопровождении печати — и как официального штампа, и как личной печати. Ср. у Пушкина: «Она зари не замечает, / Сидит с поникшею главой / И на письмо не напирает / Своей печати вырезной» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. Евгений Онегин. С. 68 (гл. 3, XXXIII)).

77 Подпись и автограф лучше все же различать. Подпись завершает документ и несет или может нести юридическую нагрузку: подтверждать достоверность сведений. Автограф не имеет такой функции и может появиться где угодно.

78 *Derrida J.* Signature — Événement — Contexte // Marges de la philosophie. Paris: Les editions de Minuit, 1972. Русский перевод см.: *Деррида Ж.* Подпись — событие — контекст // Библиотека Гумер (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/podp.php — Дата обращения: 17.04.2017).

Итак, подпись можно предварительно определить как собственноручно выполненный графический знак (комплекс знаков) себя, необходимый для обозначения своего отношения к некоему объекту и позволяющий другим идентифицировать автора подписи.

Прежде чем стать графой «Личная подпись владельца паспорта», этот реквизит пережил длительную и непростую историю. Подпись возникает как знак власти, т. е. прежде всего — как подпись владыки. При этом длительное время она неотделима от (точнее, не выделена из) других знаков власти (креста, царской печати и др.). Такая непосредственная связь подписи с властными функциями определяет ее «неравнодушие» к социальному статусу лица, подписывающего тот или иной документ, что ощущается и поныне (особое значение придается подписи человека, наделенного властными функциями). Учитывая постепенное распространение обычая подписывать тексты среди лиц, имевших более низкий статус, можно сказать, что история подписи — это история ее «снижения», обмирщения и обытовления по мере и в зависимости от роста числа грамотных. Кроме того, подпись как собственноручное написание своего личного имени связана с историей обретения фамилий, которые тоже сначала появляются у лиц высокого статуса, хотя здесь необходимо отметить, что подпись монарха — это, как правило, воспроизведение имени, а не фамилии — собственно, этим она и будет отличаться от подписи простых людей[79]. Можно сказать, что история подписи — часть истории манипуляций с личными именами[80].

Крестик как замена подписи нередко ассоциируется с неграмотностью и низким статусом, но в качестве подписи он проделал интересную эволюцию. Собственно, подпись начинается с изображения креста, совмещается с ним и заменяется им. Кресты ставились на договорах и означали подпись, «достойную всякого доверия». Изображением креста скреплялись и решения церковных Соборов. Другими словами, в особо важных документах вместо

---

[79] И в более поздние времена подписываться одним именем в деловом контексте имели право только члены церковной иерархии и монархи (Алексий, Петр, Елизавета, Николай и т. п.), причем у царских особ чаще всего были витиеватые подписи — это могло быть связано с самим понятием королевского или царского имени как святыни (ср.: в «Фелице» Державина: «Там с именем Фелицы можно / В строке описку поскоблить, / Или портрет неосторожно. / Ее на землю уронить», т. е. до появления на троне «просвещенного деспота» Екатерины Второй такое было немыслимо).

[80] *Fraenkel B.* La Signature: genèse d'une signe. Paris, 1992. P. 12.

имени ставили крест (или три креста). Поставить такую «подпись» — бóльшая ответственность, чем написать свое имя, поскольку это значило поручиться именем Божиим[81]. Таким образом, кресты вместо подписи ставили вовсе не обязательно от неграмотности. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в Средние века во многих странах Европы в важных документах ставили крестик, а рядом с ним прописывали свое полное имя. Подпись крестом лишала ее индивидуальности, но наделяла этот акт сакральной силой. Крест в качестве подписи скорее похож на клятву. Только в позднем Средневековье (примерно с XVI в.) в европейских традициях распространяется мнение, что негоже использовать Божий крест для коммерческих документов, и их начинают подписывать своим именем[82].

Использование отпечатка в качестве замены подписи теоретически могло быть только после открытия уникальности папиллярного рисунка (1877 г.) и возникновения дактилоскопии в криминалистике (1902 г.)[83]. В русской традиции оно не было распространено за исключением случаев, когда эта форма идентификации применялась в следственных практиках (например, судя по делу об убийстве братьев Морозовых, в официальных советских документах неграмотные не «подписывались» крестиком, а оставляли отпечаток пальца)[84].

Обычай подписываться под документом (текстом) сформировался в российской культурной традиции поздно и под явным влиянием европейской традиции, хотя «прикладывание руки» встреча-

---

81 Своего рода отсылкой к этой традиции является подпись Н. К. Рериха в виде РХ, которой он начал пользоваться с 1910 г.

82 Об истории подписи см.: *Fraenkel B.* La Signature… Ch. 1–3.

83 Впрочем, в романе Р. Киплинга «Ким», впервые опубликованном в 1901 г., можно найти пример, датируемый раньше возникновения дактилоскопии:

> — Не перечь, — проворчал Махбуб. Ты — мой новый конюх. Ступай ночевать к моим людям. Они где-то у северного конца станции вместе с лошадьми.
>
> — Они пинками будут гнать меня до южного конца станции, если я приду без твоего удостоверения.
>
> Махбуб пошарил у себя за кушаком и, помочив большой палец, мазнул им по плитке китайской туши и прижал его к лоскуту мягкой туземной бумаги. От Балха до Бомбея люди знают этот грубо очерченный отпечаток с диагональной полоской старого шрама.
>
> — Покажи это моему старшему конюху — и хватит с него. Я приеду утром.

(Благодарю Г. А. Левинтона за указание на этот пример.)

84 *Келли К.* Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009. С. 284.

ется уже в ранних памятниках[85]. Лишь с XVIII в. можно говорить о широком распространении практики подписывать документы своей личной подписью[86]. В официальных документах личная подпись включала полное имя, фамилию (*прозванье*), а также нередко указывался чин (что, собственно, полностью соответствует определению В. Даля: «*Подписывать, подписать бумагу*, приложить руку, заручить, подписаться на ней, под нею, написать имя свое, прозванье, чин и пр.»). В таком составе подписи естественным образом проявляется ее сословный характер. Под личной подписью дворян понималось полное написание своих имени и фамилии. В дружеском общении подписывались одной фамилией (например, *А. Пушкин* или еще проще — *Пушкин*). Грамотные простолюдины подписывались отчеством (*Петров, Иванов*), а неграмотные обычно ставили крестик.

В советском паспорте графа «подпись владельца паспорта» размещалась под фотографией и могла восприниматься в качестве подписи к ней. Эти два элемента имели особый статус среди элементов паспорта. Для них был предусмотрен специальный ритуал подтверждения соответствия владельцу паспорта еще на предварительном этапе представления документов: «подпись получателя паспорта и его фотографическая карточка, наклеенная на этом заявлении, заверяются: лицом, ответственным за прописку-выписку, или местными Советами депутатов трудящихся»[87].

Объединение фотокарточки и подписи как элементов паспорта, требующих особого контроля со стороны представителей власти, не случайно, поскольку именно они являются «следами» получателя в «его» паспорте (все остальные сведения являются в той или иной степени приписанными ему). Ну и, разумеется, им приписывался особый идентификационный смысл. Собственно, именно по ним главным образом устанавливалась личность. Показательно, что в паспортах образца 1906 г. (в которых фотографий еще не было) в том случае, если получатель паспорта оказывался неграмотным, требовалось описать его внешность (рост, цвет волос, особые приметы), т. е. словесный портрет служил заменой подписи.

---

[85] Разумеется, имена авторов (переписчиков) встречаются и в ранних текстах, начиная с XII в., но эти подписи были «вписаны» в текст таким образом, что не завершали его и практически ничем не отличались от остального текста. Скорее можно говорить о том, что наряду с другими записями вводилась и запись о том, кто написал (переписал) данный текст.

[86] В официальных документах подпись принадлежала дьяку.

[87] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Л. 130.

В ранних советских паспортах (до 1937 г.) фотографии тоже не было, но подпись считалась обязательной, а описание примет не было предусмотрено. Если получатель неграмотный, то в графе «собственноручная подпись владельца» проставляется: «неграмотный». В получении паспорта за неграмотного расписывается кто-либо из присутствующих, известных органу милиции[88]. По опубликованному варианту инструкции: «Если налицо получающий паспорт — неграмотный, то в этой графе Нач. пункта об этом отмечает»[89].

Привлекает внимание особая тональность описания этой процедуры в советских официальных инструкциях: «В графе 4-й учиняется спецчернилами собственноручная подпись получателя паспорта»[90]. Словосочетание «учиняется спецчернилами» точно передает столкновение двух стилей, относящихся к разным эпохам. «Учиняется» — канцелярит из словаря XIX в. «Спецчернила» — из советского словаря, где определение «спец-» имело особый ореол принадлежности к государственной тайне. Их диковинное сочетание говорит о многом, и прежде всего — о значении, которое придавалось этой графе. «Учинить подпись» — далеко не то же, что «поставить подпись» или просто «подписать». Это торжественное действие, усиленное принадлежностью к сфере особенного, «специального».

В Инструкции о порядке применения Положения о паспортах 1953 г. эта торжественная стилистика продолжает выдерживаться: при вручении паспорта «предложить получателю учинить свою подпись спецчернилами в графе 4 паспорта. В тех случаях, когда получатель неграмотен, в графе делается спецчернилами запись: “неграмотный” или “неграмотная”»[91]. Ставить крестик или отпечаток пальца в паспорте не полагалось.

Кроме фотографии, подпись связана с первой графой (ФИО), являясь по сути дела ее проекцией, которую реализует сам носитель имени: я воспроизвожу свое имя, чтобы засвидетельствовать, что я — это я. Любопытно, что подпись (при всей ее редуцированности) все-таки сохраняет реликты досоветской последователь-

---

[88] Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 94.

[89] Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений. М., 1933. С. 17.

[90] Инструкция по применению Положения о паспортах, изданная во исполнение Постановления СНК ССР от 10/IX 1940 г. за № 1667. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 147.

[91] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 133.

ности: элементы имени (если они присутствуют), а затем фамилии, но ни в коем случае не наоборот.

В каждом паспорте, кроме подписи владельца, присутствуют еще две подписи — начальника отделения милиции и начальника паспортного стола, которые считаются лицами, удостоверяющими сведения о получателе паспорта. Эти подписи скреплены печатью, которая, в свою очередь, подтверждает подлинность подписи должностных лиц. Интересно, что завершают ритуал создания документа не подписи официальных лиц, а подпись владельца паспорта, который со своей стороны должен подтвердить достоверность сведений о себе. Свою подпись владелец паспорта ставит при его получении, и только после этого паспорт обретает юридическую силу.

Такое нагромождение подписей и скрепляющих их печатей свидетельствует о крайней степени недоверия не только ко всем участникам «паспортного ритуала», но и к технологии создания документа, призванного удостоверять содержащиеся в нем сведения. В советских практиках идентификации паспортная подпись становится образцом подписи, одним из основных «водяных знаков» в процедурах установления личности.

«Социальное положение»

В советском паспорте эта графа следовала за указанием национальности. В первых паспортах (1933 г.) она была четвертой графой, а начиная с 1938 г. — пятой (четвертой стала «подпись»). «Социальное положение» (как и категория «национальность») являлось внешней, приписываемой владельцу паспорта характеристикой, которая считалась необходимой для определения его места в социальном пространстве.

Графа «социальное положение» формально была новой, поскольку до революции в идентификационных документах и статистических материалах фиксировалась «сословная принадлежность». Эти формулировки предполагают разные принципы социальной стратификации. Распределение по сословиям основывалось на различиях в правах каждой из основных выделяемых групп населения (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство). «Социальное положение» — более общее (чтобы не сказать более размытое) определение, подтекстом которого служили марксист-

ские представления о классах, отличающихся разным отношением к средствам производства. Категории сословной и социальной принадлежности объединяло то, что они «выводились» из прошлого, как своего рода наследственные черты человека, поскольку и о сословной и о социальной принадлежности судили по происхождению или по социальной траектории. Кроме того, в реальном жизненном контексте социальное положение тоже определяло набор прав различных групп советского общества. Как пишет Шейла Фицпатрик, «всячески подчеркивая идею классовой принадлежности, новый строй умудрился *de facto* вернуться к прежней, столь презираемой сословной системе, при которой твои права и привилегии зависят от того, кем ты официально считаешься — дворянином, купцом, представителем духовенства или крестьянином»[92].

На рубеже XIX и XX вв. представления о социальном устройстве России быстро менялись. Официальная точка зрения все меньше соответствовала актуальным социальным идентичностям. Если судить по материалам Первой всероссийской переписи 1897 г., население империи классифицировалось по традиционным сословным категориям. В то же время сами граждане пользовались смешанными определениями своего социального статуса, среди которых весьма распространены были указания на род занятий (например, *преподаватель гимназии* или *инженер*, *служащий банка* и т. д.). Показательно, что в паспортной книжке 1906 г. графа, фиксирующая социальный статус, называлась «Звание», что давало возможность не придерживаться сословной классификации, которая многими просвещенными гражданами воспринималась как анахронизм.

Новая эпоха началась с отмены сословий и чинов. Одним из первых декретов советской власти упразднялись все существовавшие «сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения», а также чины и титулы. «Устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики»[93]. Вызванный революцией хаос в социальном пространстве требовал введения новых принципов категоризации «внесословного» общества. Основной (с точки зрения революционеров) принцип лежал на поверхности: классовая борьба сама по

---

92 *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 19.

93 Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов (11 (24) ноября 1917 г.) // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Политиздат, 1957. С. 72.

себе предполагала деление на эксплуататоров (теперь уже бывших) и передовой класс (пролетариев и их союзников). Характерно, что первое документальное оформление граждан нового государства было проведено именно по этому признаку: уже в 1918 г. были введены так называемые трудовые книжки для нетрудящихся, т. е. для бывших эксплуататоров (подробнее см. выше). Систематическая работа по определению актуального классового состава началась только после гражданской войны. К середине 20-х гг. сложилась «методика» выявления социальной принадлежности в зависимости от того, кем был человек до революции. Однако она могла применяться лишь к определенной возрастной категории (тем, кто до революции был взрослым), поэтому вскоре перешли к более «гибким» методам.

Одна из первых инструкций по определению социального положения вышла в 1925 г., принадлежала НКВД и имела примечательное название «О введении новой системы ознакомления с личностью заключенного и результатами его пребывания в месте заключения». В ней предписывалось следующим образом описывать социальное положение заключенного: «Вырос в семье а) богатой, средней, бедной, б) рабочего, ремесленника, крестьянина, мелкого, среднего, крупного торговца, чиновника, интеллигента и т. д.»[94] Смысл такой классификации вполне очевиден: отделить социально чуждых от социально близких. Неопределенность границ никого не смущала. Если человек говорил, что он вырос в «средней» семье, его скорее причислят к «богатым», чем к «бедным».

Уже в следующем, 1926 г. вводятся так называемые трудовые списки, в которых устанавливалась следующая номенклатура социальных типов: «рабочий», «колхозник», «крестьянин-единоличник», «служащий», «учащийся», «писатель», «художник», «артист», «скульптор», «кустарь», «пенсионер», «иждивенец», «без определенных занятий»[95]. Реально в этой классификации эксплицировалось не столько «социальное положение», сколько область занятий[96]. Нетрудно заметить, что дворянам, купцам, лицам духовного звания

---

94 Бюллетень НКВД. 1925. № 7.

95 Инструкция по применению «Постановления СНК от 21 сентября и 14 декабря 1926 г. «О трудовых списках» // СЗ СССР. 1926. Ст. 502 и 627.

96 Учет профессиональной характеристики «паспортной личности» характерен для раннего советского паспорта, который должен был выполнять и функции трудовой книжки. В проекте паспорта, обсуждавшемся в 1932 г., была особая графа «специальность», а большая часть страниц отводилась записям о местах службы по следующей схеме: место службы, должность, заработок. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 2–4.

и др. в нем места не оказалось. Практически без изменений эта усеченная номенклатура будет перенесена в советский паспорт.

Особое внимание было уделено определению социального положения служащих государственного аппарата:

> Социальное положение служащего определяется по состоянию в момент вступления в советский государственный аппарат, причем:
>
> а) к группе «рабочие» относятся лица, проработавшие до вступления в советский государственный аппарат непрерывно не менее трех лет на производстве, в сельском хозяйстве или на транспорте в качестве работников наемного физического труда;
>
> б) к группе «крестьяне» относятся лица, занимавшиеся до вступления в советский государственный аппарат не менее трех лет сельским хозяйством, скотоводством, охотничьим промыслом или рыболовством при условии или ведения самостоятельного (не по найму) хозяйства, или участия личным трудом в коллективном хозяйстве, а также в хозяйстве своих родителей или родственников;
>
> в) к группе «служащие» относятся лица, прослужившие до вступления в государственный советский аппарат в общей сложности не менее трех лет в государственных или частных учреждениях[97].

Вероятно, предполагалось, что три года — достаточный срок для закрепления социальной идентичности человека, поступающего на государственную службу. Интересно, что в категорию «рабочие» отнесены только те, кто работал по найму, а к крестьянам — наоборот, «не по найму».

В «Руководящих указаниях для определения социального положения и профессии», касающихся ответственных работников НКВД и изданных НКВД в следующем (1927) году, все лица, работающие в государственном аппарате, по своему социальному положению делятся на: а) рабочих, б) крестьян, в) служащих, г) прочих. Критерий отнесения к рабочим, крестьянам и служащим остался прежним: «Основанием для определения социального положения того или иного работника госаппарата, при заполнении раздела первого Трудовых списков, служит его деятельность до вступления на службу в советские учреждения»[98]. Вместе с тем появляется категория «прочие», состав которой определяется сле-

---

97 СЗ СССР. 1926. Ст. 502 и 627.

98 Бюллетень НКВД за 1927 г. Приказ по НКВД № 41.

дующим образом: «Прочими считаются лица, которые не могут быть отнесены к рабочим, крестьянам и служащим, как то: торговцы, кустари, ремесленники, лица свободных и неопределенных профессий, кадровые офицеры старой армии, домашние хозяйки и т. д. Примечание. При внесении в Трудовой список указаний на социальное положение, относящихся к категории «прочих», обозначается, какое именно социальное положение они занимали до вступления в госаппарат»[99]. Попытка категоризации, ориентированной на три социальные группы, была явно преждевременной: слишком многие не вписывались в такую классификацию.

Представления о том, что социальное положение должно включать сведения о происхождении (уточняться по родителям), было весьма характерным для этого времени. Так, например, в списке членов совета Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» за 1930 г. числятся:

> Столпянский Петр Ник. Председатель. Крестовский остров Морской пр. 7 р. 1872 г. Лектор Пролетарского завода. Сын домашнего учителя. До Окт. 1917 г. работал литератором и лектором. Бесп. Судимости нет.
>
> Осипов Ник Мих зам пред. пр. Майоров д. 1, кв. 14. 1881 г. Инженер Здравотдела Ц. Р. Сын чиновника инженер; работа в Ведомстве Имп. Марии, Строительной Комиссии и пр. Б/п.
>
> Проскурин Ник Мих зампред. Строгановская наб. 9/а. 1864 г. Проектировщик Гипромеза. Из мещан. Ливен, Орл. губ. Архит. Страховое О-во «Россия». Преподаватель и Полит Рук 1-й Пехотной Школы, Член Петросовета. Член ВКП/б с 1917 г.
>
> Васильев Мих Марк. Зам Пред. Лермонт. пр. 10 кв. 1 1879 г. Мастер фабрики Госзнак. Сын рабочего. Работал в Госзнаке (б. Экспедиция заготовления гос. бумаг) с 1893 г. Канд. парт.
>
> Яцкевич Анд Григ. Сек. Столярный пер. 18, кв. 22. 1887 г. Ученый археолог, литератор. Член Всероссийск. Союза писателей. Сын ж. д. врача. Археологический институт, сек. Зап. Округ. пут. сообщен. и пр.[100]

Судя по тому, что не все указывают сведения об отце, они не были обязательными, но показательно, что многие сочли необходимым их включить.

---

99 Там же.

100 ЦГА. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 99. Л. 11–12. Благодарю К. Келли за указание этого списка.

Так или иначе, ко времени введения паспортов в государственных органах уже сформировались определенные установки по отношению к социальной дифференциации населения. В периоды затишья администрация пыталась разработать схему, хоть как-то учитывающую многообразие социальных групп и динамику их изменений; в периоды обострения «классовой борьбы» все это многообразие редуцировалось до исходного противопоставления социально близких и чуждых. Однако даже такое предельно грубое деление не спасало от непредсказуемых результатов, поскольку не было документа, фиксирующего социальный статус. Таким документом станет советский паспорт.

Как уже говорилось, введение паспортной системы происходило под лозунгом очищения городов от социально чуждых элементов. Трудовым массам разъяснялось: «Паспорт дает возможность “проявить” подлинное социальное лицо его владельца. Поскольку он становится единственным документом, дающим право на проживание в городах, паспортная система тем самым поможет отцедить образовавшуюся здесь накипь…»[101]. Собственно, то же самое содержалось и в служебных инструкциях НКВД по введению паспортной системы: «Главная цель выдачи паспортов — точно установить социальное положение»[102].

Если следовать этой логике, графа «социальное положение» должна была стать главной в советском паспорте, однако таковой не стала. Дело в том, что основная интрига (определение социального положения и отделение своих от чужих) разыгрывалась еще на подступах к паспорту: его могли получить только те, кто соответствовал номенклатуре социально приемлемых типов. Следовательно, в паспорте фиксировался лишь один из *легитимных* вариантов. Все остальные («социально чуждые») категории населения автоматически исключались из паспортной классификации, а их представители заносились в особые списки на выселение.

О вводимой в паспортах классификации социальных типов можно судить по Инструкции работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г.:

> Социальное положение. В этой графе указывается социальное положение владельца паспорта в настоящее время.

---

[101] Труд. 1932. 29 дек. № 301. С. 2.

[102] Инструкция от 20 мая 1933 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1096. Л. 9).

Рабочий — если владелец в настоящее время работает непосредственно на производстве (в том числе и в совхозе).

Служащий — если служит в государственном, общественном и кооперативном учреждении и предприятии.

Колхозник — если состоит в колхозе.

Крестьянин-единоличник — если ведет самостоятельное сельское хозяйство.

Учащийся — если обучается в учебном заведении.

Кустарь — если выполняет эту работу[103].

Свободная профессия — если не служит в учреждении и предприятии, но занят общественно-полезным трудом (писатели, художники и т. д.). Этим гражданам после слова «свободная профессия» через тире проставляется их занятие. Пример: Свободная профессия — писатель.

Служитель культа — если обслуживает храм, независимо от характера работы.

Пенсионер — если получает пенсию.

Иждивенец — если состоит на иждивении[104].

Все перечисленные категории относились к числу социально приемлемых. «Чужих» здесь нет и не может быть, т. к. паспорта выдаются только «своим». Конечно, служитель храма не совсем «свой» для пролетария, но и не всякий служитель может претендовать на получение права жить в режимной местности, а только тот, кто работает. Отношение к труду становится главным критерием паспортизации, а вместе с ней и социальной стратификации.

В паспортных документах учреждалась и фиксировалась официальная социальная иерархия, вершиной которой были «рабочие». Из их числа во время паспортизации формировались бригады помощи милиции, призванные установить «подлинное социальное лицо» претендентов на получение паспортов и, соответственно, на проживание в режимной местности. Энтузиазм, с которым действовали отряды «экспертов», объяснялся не только идеологическими соображениями и классовой ненавистью, но и вполне прагматически: освобожденная жилплощадь заселялась в первую очередь активным пролетариатом и так называемыми ответственными работниками. Комиссии по паспортизации захлестнула волна доносов:

---

103 В одном из вариантов этой инструкции вслед за «Кустарем» следует: «Домработница — если выполняет эту работу».

104 Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 7).

«Доносили на соседей: бывших служителей культа, на тех, у кого обнаруживали “буржуазные наклонности”, или на тех, кто якобы занимался какими-то махинациями»[105]. В сомнительных случаях ОГПУ приступало к проверке заявленного социального происхождения.

Актуальные для органов управления социальные идентичности были гораздо разнообразнее, чем официальные. Кроме «утвержденных» категорий, в нее входили те группы, которые как раз отсутствовали в паспортном списке: *бывшие, кулаки, купцы, жулики, проститутки, дармоеды* и т. д. На их выявление и были направлены усилия организаторов паспортизации. По сути дела, паспортная номенклатура социальных положений отражала не существующую, а официально одобренную и предписанную на настоящий момент социальную структуру. Тем самым не вошедшие в нее социальные группы оказывались несуществующими в официальном социальном пространстве[106]. Эта невидимость «эксплуататоров» и «асоциальных элементов» закреплялась отсутствием у них паспорта. Точнее, предполагалось, что они должны быть непременно выявлены и проявлены, но в другом спектре социального пространства — в качестве врагов, которые должны быть снабжены другого рода документами (делами и справками заключенных). При получении паспорта главным была даже не конкретная позиция шкалы социальных состояний, а то, в какую часть спектра человек попадал и, соответственно, получал он паспорт или нет.

Вместе с тем и официально предписанная картина социальной структуры не оставалась неизменной. В Инструкции по паспортной работе от 31 января 1935 г. (подписал г. Ягода) устанавливается обновленный вариант записей социального положения:

рабочий — если в настоящее время работает непосредственно на производстве (в том числе и в совхозе);

колхозник — если состоит в колхозе;

крестьянин-единоличник — если ведет самостоятельное сельское хозяйство;

служащий — если служит в государственном, общественном или кооперативном учреждении или предприятии. Служащим, окончившим вузы, втузы и имеющим ученую степень

105 *Муан Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности… С. 259.

106 О так называемых бывших см.: *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.

или звание, дополнительно пишется: — профессор, врач, педагог, агроном, экономист и т. д. Эти сведения заносятся в паспорт при предоставлении диплома или документа, удостоверяющего ученую степень;

учащийся — если обучается в учебном заведении;

кустарь — если работает в артели или самостоятельно. Членам артели инвалидов писать их социальное положение до вступления в артель с отметкой «член артели инвалидов», например, «рабочий — член артели инвалидов»;

пенсионер — если получает пенсию. Кроме этого им проставляются социальное положение до перехода на пенсию. Например, «рабочий-пенсионер»;

служитель культа — лицам, обслуживающим храмы всех религий;

иждивенец — лицам, состоящим на иждивении. Этим гражданам после слова «иждивенец» указывается социальное положение того лица, на иждивении которого оно состоит. Например «иждивенец рабочего» или «иждивенка служащего», «иждивенец служителя культа» и т. д.;

Рабочим и служащим, являющимся в момент получения паспорта безработными, в этой графе проставляется «раб.» или «служ.» (в завис от характера последнего места работы);

Без определенных занятий — эта запись делается в нережимных местностях деклассированному элементу (но отнюдь не временно безработным), а также лицам социально-чуждым, не работающим и не состоящим на иждивении трудящихся, и лицам, живущим на нетрудовые доходы[107].

Как видим, из этого списка исчезли представители свободных профессий, более подробно прописан состав «служащих», уточнены характеристики кустарей и иждивенцев, а также введена новая категория «без определенных занятий». В ней несколько неожиданно появляются «деклассированные элементы» и «социально-чуждые», живущие на нетрудовые доходы. Теоретически они тоже могли получить паспорт, но только в нережимных местностях. Не менее интересным представляется язык этого документа. Определение социального положения претендента на получение паспорта осуществляется не им, а работниками паспортного пункта. К ним обращена инструкция, и они должны *вписать, проставить, сделать*

---

[107] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 83.

запись о социальном положении получателя, который может и не подозревать о своем «истинном соцположении». Естественно, этот способ определения социального положения применялся прежде всего к «социально-чуждым элементам». Процедуру, при которой классовая принадлежность не выводилась из социально-экономических данных, а «определялась» властными органами, Шейла Фицпатрик назвала «приписыванием к классу»[108]. Следует добавить, что аналогичный метод принудительной идентификации нередко применялся и к записям в графе «национальность».

Универсальным средством подтверждения социального положения служили справки, которые следовало представить с мест работы в предыдущие годы. Естественно, справки не только получали законным образом, но и добывали всеми доступными способами (в том числе на рынке фальшивых документов). Как и в случае с определением национальности, эта процедура в бюрократической реальности замыкалась на справки, которые служили своего рода формой объективации категории «социальное положение». Можно сказать, что социальное положение не только подтверждалось справками, но и определялось по ним.

После проведенной во время паспортизации сортировки населения ажиотаж вокруг определения социального положения заметно утих. В середине 30-х гг. наблюдается явное послабление в отношении происхождения как своего рода социального клейма. Речь может идти не только об известной фразе Сталина «Сын за отца не отвечает», произнесенной им в декабре 1935 г. на совещании с передовиками-комбайнерами, но и о принятой в следующем году сталинской Конституции, в соответствии с которой все граждане страны Советов обретали равные права независимо от «социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности»[109]. Впрочем, это не помешало в том же 1935 г. провести показательную чистку «бывших» в связи с убийством Кирова, не говоря уже о репрессиях следующих лет, когда в числе «врагов народа» оказывались и «классовые враги».

Разрабатываемые властью классификации, видимо, не вполне воспринимались гражданами. При подготовке к переписи 1939 г. в газете «Правда» появились разъяснения, в том числе и к 16-му

---

108 *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151.

109 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936) // История советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 726.

вопросу переписного листа, который был призван показать классовый состав населения СССР. Виновными в нечеткости границ между социальными группами были объявлены враги народа:

> Враги народа при переписи 1937 г. нарушали утвержденную правительством инструкцию, запутывая вопрос об общественных группах. При переписи 1939 г. члены семей колхозников, хотя бы они в момент переписи были заняты исключительно работой по уходу за скотом и сельскохозяйственными работами в своем подсобном хозяйстве, будут отнесены к колхозникам. Враги народа при переписи 1937 г. пытались запутать вопрос о кооперированных кустарях. Инструкция к переписи 1939 г. четко указывает, что лица, состоящие членами артелей всех видов промысловой и рыбацкой кооперации, а также артелей кооперации инвалидов, относятся к кооперированным кустарям, а не к рабочим и служащим. К единоличникам должны быть отнесены лица, не состоящие членами колхозов, промысловой, рыбацкой кооперации и кооперации инвалидов, ведущие индивидуальное хозяйство (при условии, если занятие сельским хозяйством является для них главным). Рабочие и служащие, имеющие подсобное сельское хозяйство (независимо от его размеров, доходности и обложения с/х налогом), к единоличникам не относятся. Поступает много вопросов о том, кого считать людьми свободных профессий. В соответствии с инструкцией, к ним будут относиться лица, труд которых по своему характеру не связан с постоянной работой в определенном учреждении или на предприятии (писатели, композиторы, художники, адвокаты и т. д.). В нашей стране полностью ликвидированы эксплуататорские классы. Могли остаться лишь отдельные лица, не занимающиеся общеполезным трудом. К нетрудящимся элементам при переписи будут отнесены перекупщики, лица, живущие за счет каких-либо нетрудовых доходов, а также те, кто не сможет указать источника средств к существованию. Инструкция указывает, что ни в коем случае не следует относить к нетрудящимся элементам людей, потерявших трудоспособность, а также лиц, находящихся на иждивении трудящихся[110].

Отсюда следует, что к этому времени исчезли «эксплуататорские классы», но их место заняли «враги народа», которые пытаются запутать вопрос об общественных группах. Кустари, едино-

---

[110] *Старовский В., проф.* Шестнадцать вопросов переписного листа // Правда. 1939. 13 янв.

личники, люди свободных профессий — те проблемные группы, которые будут находиться в зоне повышенного внимания властных органов. «Нетрудящимся элементам» не уготовано место в новом обществе. Предполагалось, что их следует учитывать в переписях, но не в паспортной номенклатуре.

В 1940 г. в инструктивных документах по выдаче паспортов появляется новая категория — бывшие заключенные: «Освобожденным из тюрем и лагерей заключенным графа 5-я паспорта заполняется по признакам их работы до заключения. Лицам, не занимавшимся до отбытия меры наказания общественно-полезным трудом, но во время пребывания в лагерях или тюрьмах получившим соответствующую специальность, записывать — рабочий или служащий, в зависимости от специальности, полученной во время отбывания меры наказания»[111]. К этому времени бывшие заключенные составляли весьма значительную социальную группу, представителям которой было разрешено получать паспорта в нережимных местностях.

В Инструкции к Положению 1953 г. особое внимание уделено служителям культа: «Архиереям, священникам, дьяконам, монахам, раввинам, ксендзам, пасторам, муллам и т. п., назначаемым на службу соответствующими духовными ведомствами, указывается: служитель культа. Примечание: К числу служителей культа не относятся: дьячки, псаломщики, регенты церковных хоров, певчие, церковные старосты и т. д., не имеющие так называемого духовного сана и принимаемые на службу не духовным ведомством, а церковными общинами верующих»[112]. Здесь налицо те изменения в отношении к церкви, которые произошли после так называемого сталинского конкордата 1943 г., следствием которого стало признание легитимности церковной иерархии[113]. Теперь церковь рассматривается по аналогии с государственным ведомством. Те, кто официально состоит на службе этого ведомства, приравниваются к работающим. Те, кто нанимается общественными группами, не считаются таковыми.

Несмотря на провозглашенное еще в середине 1930-х гг. равенство всех граждан и в социальном отношении, «классовый под-

---

111 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Л. 233. Т. 1. Л. 147–147 об.

112 Там же. Т. 3. Л. 131.

113 См. об этом: *Поспеловский Д.* Сталин и Церковь: «конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви // Континент. 2000. № 103 (http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/pos.html — Дата обращения: 17.04.2017).

ход» сохранялся, но в специфическом варианте: были выделены три социальные неантагонистические категории: рабочие, колхозники и интеллигенция («прослойка»), пришедшая на смену служащим. И только в 1974 г. из Положения о паспортах был исключен пункт о фиксации «социального положения». Проект «СССР как классовое общество» был фактически завершен. В реализации этого проекта паспорту была отведена особая роль — быть основным инструментом конструирования и поддержания новой социальной структуры. На смену ему пришли другие схемы, но уже за пределами паспортной системы.

«Отношение к военной службе»

Пункт «отношение к военной службе» подчеркивал традиционно «мужской» характер паспорта (напомню, что до «Положения о видах на жительство» 1894 г. паспорта выдавались мужчинам, а женщины вписывались в паспорт отца или мужа). О придаваемом ему значении говорит хотя бы то, что информация об отношении к военной службе должна была указываться сразу за пунктом о социальном положении. «Отношение к военной службе» является категорией воинского учета, к идентификации не имеет прямого отношения, но делит все население еще на два сегмента, которым приписаны разные права.

Категория военнообязанных выделялась на основе положений Конституции, в соответствии с которыми военная служба определялась как «почетная обязанность» и «священный долг» гражданина СССР. Военная служба — один из вариантов возмещения долга, наряду, например, с «самоотверженным трудом» на благо Родины. Приписка к призывным участкам осуществлялась после исполнения 17 лет. Призывной возраст наступал в 18 лет.

Графа об отношении к военной службе существовала и в дореволюционном паспорте, только формулировалась она несколько иначе: *Отношение к отбыванию воинской повинности*. Как и другие сведения, эта графа была перенесена из прежнего паспорта в новый в несколько измененном виде. Ее наличие в прежнем паспорте объясняется тем, что, как уже было сказано в 1-й главе, паспортная система создавалась Петром I в том числе и для проведения рекрутской реформы.

Рекрутская повинность была введена указом Петра 1699 г. «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей». Современный вид эта обязанность приобрела в результате реформы Д. А. Милютина 1874 г., когда на смену рекрутской системе пришла всеобщая воинская повинность. Она распространялась на все мужское население (без различия сословий), достигшее 20-летнего возраста. Сроки службы, начиная с практически пожизненной при Петре («доколе силы и здоровье позволят»), постепенно сокращались. В 1793 г. срок службы был ограничен 25 годами, с 1834 г. снижен до 20 лет с пребыванием в запасе в течение 5 лет. К реформе 1874 г. срок службы был сокращен до 6 лет в строю и 9 лет в запасе, после чего отслужившие зачислялись в ополчение, в котором пребывали до 40 лет. По закону от 26 апреля 1906 г. срок действительной службы сократился до 3–4 лет в зависимости от рода войск[114].

С установлением новой власти служба в Красной армии была объявлена добровольной, но в 1925 г. обязательный характер военной службы был восстановлен. Для красноармейцев срок службы был определен в 2 года, а для краснофлотцев и проходящих службу в авиации — 3 года. При этом отмечалось: «в армию не призывают лиц эксплуататорских классов (детей бывших дворян, купцов, офицеров старой армии, священников, фабрикантов), казаков, кулаков. Происходит постепенное удаление из РККА офицеров старой армии и замена их прошедшими полный курс военных училищ и академий обучения военнослужащими из числа рабочих и крестьян»[115]. Только в 1939 г. отменяется классовый подход к формированию армии и флота. Несколько раньше, в 1935 г., был возобновлен призыв на военную службу казаков. Если не считать увеличения срока на 1 год в 1949 г., а затем возвращения к прежнему сроку в 1968 г., система обязательной воинской повинности в практически неизменном виде просуществовала до конца советской эпохи.

По первой паспортной инструкции от 26 января 1933 г. графа «Отношение к военной службе» «заполняется исключительно на

---

[114] Об истории рекрутской и воинской повинности см., например: *Иванов Ф. Н.* Периодизация рекрутской повинности в России в XVIII–XIX веках // Вестник Военного университета. 2011. № 4. С. 134–140.

[115] *Веремеев Ю.* Комплектование Советской (Красной) армии // Веремеев Ю. Анатомия армии (http://army.armor.kiev.ua/hist/k_sov_arm.shtml — Дата обращения: 17.04.2017).

основании военных документов, причем в этой графе указывается: а) военнообязанный рядового и мл. начсостава (эти сведения указаны на стр. 2 военного билета); б) военнообязанный начальствующего состава (эти сведения указаны на обложке военного билета); в) военнообязанный тылополчения (эти данные указаны на обложке военного билета); г) не военнообязанный — освобожден по болезни (свидетельство о болезнях, или отметка в военном билете); д) не военнообязанный по возрасту (рядовой и не служивший в Армии, свыше 40 лет); е) женщинам, представляющим военные билеты, в этой графе делается одна из перечисленных выше отметок; ж) гражданам мужского пола в возрасте от 16 до 21 года, не имеющим военного билета, в этой графе проставляется: военнообязанный-допризывник»[116].

В последующих инструкциях принципиальных изменений не произошло. Корректировались лишь детали. Например, в Инструкции о порядке применения Положения о паспортах 1940 г. говорится:

> Военнообязанный указывается во всех случаях, будь то высший, средний, младший, рядовой, политический, медицинский состав и т. д. Лицам, снятым с учета в связи с болезнью, пишется «снят с учета» и указывается, на основании каких документов (№, дата, каким военкоматом).
>
> Например: «Снят с учета Тульским Горвоенкоматом за № 15 от 6 сент. 1940 г.»
>
> Лицам, снятым с учета по достижении предельного возраста, предусмотренного законом о всеобщей воинской обязанности или не состоящим на военном учете по инвалидности, пишется — не военнообязанный. Лицам, достигшим 18-летнего возраста, приписанным к призывным участкам, пишется — призывник[117].

В Инструкции о порядке применения Положения о паспортах 1953 г. уточняется: «При получении паспорта в связи с достижением 16-летнего возраста графа 6 не заполняется — прочеркивается»[118]. По Положению о паспортах 1974 г. отметка об отношении к военной службе делается военными комиссариатами.

---

116 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 8.

117 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 147 об.

118 Инструкция о порядке применения Положения… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132 об.

Сведения, содержащиеся в данной графе, по сути дела дублировали положения военного билета. Их включение в состав паспортной информации можно объяснить стремлением сделать паспорт универсальным документом, содержащим в числе прочего и сведения об отношении владельца к военной службе.

Эта графа приобрела особое значение в военные годы в связи с резко увеличившимся числом подделок отдельных граф паспортов с целью уклонения от военной службы или трудовой мобилизации. В выпускавшихся инструкциях по распознаванию поддельных паспортов рекомендовалось обращать особое внимание на две графы: «год рождения» и «отношение к военной службе». Последняя считалась особенно уязвимой, поскольку для достижения требуемого результата злоумышленнику требовалось всего лишь дописать две буквы[119].

***

Обзор элементов паспорта дает некоторое представление не только о самом паспорте, но и о том, какой виделась советскими чиновниками «паспортная личность», на какие ее характеристики обращалось внимание в разное время. Изменения бланка носили содержательный характер даже в тех случаях, когда они касались технических деталей (таких как цвет бланка, размеры фотографии и др.). Главные изменения касаются характера персональных сведений, которые регулировались закрытыми инструкциями. К их числу относятся неоднократные уточнения первых двух граф, которые, казалось бы, не имели принципиального значения (как с порядком элементов именной формулы), но фактически определяли новое видение личности. Следует также отметить бросающееся в глаза снижение роли графы «социальное положение» и столь же заметный рост значения графы «национальность». Отсутствие графы «пол» в какой-то степени компенсируется неизменным присутствием графы «отношение к военной службе».

---

119 «Изменения в графе об отношении к военной службе чаще производятся путем дописки к слову “Военнообязанный” отрицания “не”» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 408 об.).

Глава 2.
Паспортные отметки и реквизиты

«Кем выдан паспорт»

Для документов, удостоверяющих личность, оказываются важными сведения не только об этой личности, но и о самом паспорте, его реквизитах (в число которых входит и фотография) и паспортных отметках.

В паспортах образцов 1933 и 1935 гг. сведения о месте выдачи паспорта входили в девятую графу: «9. Кем, когда выдан паспорт — Указывается номер пункта и номер отделения РК Милиции, на территории которого пункт находится, и дата заполнения паспорта»[120].

С 1938 г. эта графа оказалась на седьмом месте: «В графе 7-й указывается название органа РК милиции, выдавшего паспорт, с указанием области, края, республики, на территории которой расположен данный орган милиции»[121]. В Инструкции 1953 г.: «В графе 7 подробно указывается, каким органом милиции выдан паспорт»[122].

Эта графа — своего рода привязка паспорта к «материнскому» отделению милиции и паспортному столу, где должны храниться исходные документы, на основании которых выдан паспорт (Форма № 1, фотография и др.). Наверное, только с введением этой графы можно говорить о полноценной паспортной системе, поскольку теперь в случае необходимости (например, при возникновении вопроса о подделке паспорта) можно было найти исходные документы. Именно в органе милиции, выдающем паспорт, «устанавливается личность», т. е. совершается процедура первичной идентификации человека. В реальности речь может идти лишь об установлении соответствия между представляемыми человеком

---

120 Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 9.

121 Инструкция о порядке применения Положения… 1940 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 148.

122 Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132 об.

сведениями о себе, но в любом случае орган милиции, выдавший паспорт, берет на себя ответственность за достоверность сведений о его владельце. Персональная ответственность возлагается на начальника отделения милиции, чья подпись скрепляет достоверность паспортных сведений.

«На основании каких документов выдан паспорт»

На взгляд непосвященного — скучная канцелярская графа, но она была в числе первых, на которые обращался взгляд проверяющего паспорт. До 1938 г. это была десятая графа, а после — восьмая. Заполнялась она работниками отделения милиции. Изучив содержание этой графы, можно восстановить перечень документов, необходимых для получения паспорта. В положениях о паспортах перечень необходимых документов не публиковался. Такие перечни приводились в служебных инструкциях. В первой Инструкции, 1933 г., указывалось, что к таковым относятся документы, устанавливающие возраст и отношение к военной службе[123]. В Инструкции по паспортной работе 1935 г. перечислялись следующие документы: 1) справка домоуправления или сельсовета с места постоянного жительства (по форме № 1); 2) справка предприятия или учреждения о работе или службе с обязательным указанием, «с какого времени и в качестве кого работает на данном предприятии (учреждении)»; 3) документ об отношении к военной службе «для всех обязанных иметь таковой по закону»; 4) любой документ, удостоверяющий место и время рождения (метрическую выпись, свидетельство загса и проч.)[124].

«Чистым» считался паспорт, в котором значилось, что он выдан на основании метрической выписи или свидетельства о рождении. В паспортах тех граждан, которым запрещалось проживание в режимных местностях, с 8 августа 1936 г. и до принятия нового положения о паспортах в 1940 г. делалась запись: «Выдан на основании п. 11 Постановления СНК СССР за № 861 от 28 апр. 1933 г.».

---

[123] Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 8.

[124] Там же. Л. 85.

Попробуем разобраться, о чем идет речь. Это Постановление называлось «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР». В пункте 11 было сформулировано следующее: «Лицам, которым будет отказано в выдаче паспорта или в прописке в одном из перечисленных в ст. 10 городов и населенных пунктов, не разрешается проживать как во всех городах и населенных пунктах, перечисленных в ст. 10, так и в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг г. Харькова. Лицам, которым отказано в выдаче паспорта, дается органами рабоче-крестьянской милиции предписание о выезде в 10-дневный срок, а приезжающим, которым отказано в прописке, — предписание о выезде в суточный срок».

В статье 10, на которую делается ссылка, говорится: «В городах Киеве, Одессе, Минске, Ростове н/Дону, Сталинграде, Сталинске, Баку, Горьком, Сормове, Магнитогорске, Челябинске, Грозном, Севастополе, Сталине, Перми, Днепропетровске, Свердловске, Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Спасске, Благовещенске, Анжеро-Судженске, Прокопьевске, Ленинске, а также в населенных пунктах в пределах 100-километровой пограничной полосы западно-европейской границы Союза ССР выдача паспортов производится на тех же основаниях, как в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова (согласно особой инструкции Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ, утвержденной Советом народных комиссаров Союза ССР)»[125]. Имеется в виду «Инструкция о выдаче и прописке паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова», в секретном разделе которой дается перечень лиц, которым запрещено выдавать паспорта на указанных территориях (этот перечень приведен нами в разделе о введении паспортной системы). Вот теперь, кажется, распутана вся цепочка постановлений, ведущая к этой записи.

---

[125] Постановление СНК СССР за № 861 от 28 апр. 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» сейчас можно найти и в открытом доступе, см., например, в: Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3884.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

Разумеется, практически никто об этих инструкциях не знал, но владельцам паспортов с такой записью было понятно, что она имеет запретительный характер. Работниками милиции запись прочитывалась однозначно: паспорт принадлежит человеку «с ограничениями».

История этой записи довольно интересна[126]. Она непосредственно связана с реализацией принципа распределения разных групп населения по предназначенным для них территориям. Всем «нежелательным элементам» запрещалось проживание в «чистых», режимных местностях. Для того чтобы такое распределение было явным, Г. Ягода в конце 1935 г. предложил в паспортах всех тех, кому запрещено жить в режимных местностях, ставить специальную отметку: «Для нережимных местностей»[127]. С его точки зрения, отсутствие подобной отметки позволяло им получать чистые паспорта в нережимных местностях и переезжать в режимные. Более того, Ягода предлагал ставить отметки не только тем, кому запрещалось проживать в режимных местностях в соответствии с Инструкцией по применению Положения о паспортах (кулакам, отбывшим наказание по уголовным статьям, перебежчикам и т. д.), но и всем жителям нережимных территорий. Это предложение было в конце концов отвергнуто, поскольку, по мнению участников обсуждения, его принятие могло привести к нежелательной изоляции режимных территорий (и особенно столиц) от остальных частей страны и их населения[128]. В результате предложение Ягоды не прошло. Было принято решение делать отметку «Выдан на основании п. 11 Постановления СНК СССР за № 861 от 28 апр. 1933 г.» в паспорта тех категорий граждан, которые были перечислены в Инструкции по применению Положения о паспортах 1933 г.

---

126 Аналог такой записи появился в России еще в середине XIX в. По Уложению о наказаниях 1845 г. лицам, которые были осуждены и/или находятся под надзором полиции, выдавались паспорта, где делалась отметка об их судимости и указывались места, в которых они не имели права проживать (ПСЗ. II. Т. XX. № 19283). Такие паспорта с отметкой красного цвета получили название «волчьих паспортов». В соответствии с Законом 1894 г. эти знаки отменялись, а «волчьи паспорта» заменялись на виды на жительство без отметок о судимости.

127 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 31–32.

128 Это обсуждение подробно рассматривается Дэвидом Шерером. См.: *Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. Vol. 76. N 4. Dec. 2004. P. 864–868.

После принятия в 1940 г. нового Положения о паспортах и Инструкции по его применению эта ограничительная запись приобрела следующий вид: «Выдан на основании ст. 38 (39) Положения о паспортах». В паспортной инструкции специально оговаривается порядок заполнения графы 8 паспорта лицам, подпадающим под паспортные ограничения: «…в графе 8-й, после перечисления документов, послуживших основанием для выдачи паспорта, делается дополнительная запись о паспортных ограничениях, согласно ст. 40 Положения о паспортах, а именно: лицам, не имеющим права проживать в режимных местностях 1-й категории, записывается — “и на основании ст. 38 Положения о паспортах”; лицам, не имеющим права проживать в режимных местностях как 1-й, так и 2-й категории, записывается — “и на основании ст. 39 Положения о паспортах”»[129].

Запись «и на основании ст. 38 Положения о паспортах» делалась: а) отбывшим срочное лишение свободы или ссылку за преступления, предусмотренные след ст. УК РСФСР — 35, 59–2 и др.; б) отбывшим ссылку по ст. 58, 59–3, 107, 136, 165 и др.; в) перебежчикам из-за границы; г) лицам, не имеющим гражданства; д) лицам, лишенным избирательных прав, кроме этого: е) детям спецпереселенцев, выезжающим из спецпоселков на учебу или работу, а также спецпереселенцам, освобожденным из спецпоселков (сроком на 5 лет); ж) всем беженцам с территории бывшей Польши, отошедшей к Германии (сроком на 5 лет). Запись — «и на основании ст. 39 Положения о паспортах» делалась отбывшим лишение свободы по ст. 58 (все пункты), 59–3, 74 и др., а также кочующим цыганам[130].

Кроме ссылки на ст. 38 и 39, могло дополнительно отмечаться: «Выдан на право проживания в пределах…» (например, в пределах определенного района Казахской ССР). Такого рода запись предписывалось делать в паспортах всем высланным по решению Особого совещания при НКВД СССР; корейцам, переселенным с Дальнего Востока в нережимные местности Узбекской и Казахской ССР, и членам их семей; лицам, переселенным из западных областей БССР и УССР; гражданам, переселенным из г. Мурманска и Мурманской области[131].

---

[129] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1940 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 148.

[130] Там же. Л. 149.

[131] Там же. Л. 148–149. В случае с Мурманском речь идет о выселенных из этого города в соответствии с приказом Л. Берии «О мероприятиях в связи с отнесением горо-

В соответствии с приказом от 1 октября 1941 г. немцам, переселенным из Поволжья, полагалось ставить отметку в графе 8: «Переселен в такую-то республику, край или область на основании решения Президиума Верховного Совета СССР». Эта запись давало право на проживание только в пределах этого края или области. Иногда делалась отметка: «Действителен только в пределах… области Казахской ССР»[132].

Из этого следует, что для перечисленных категорий граждан ограничения распространялись не только на режимные местности, но и на нережимные, ограничивая возможное место их пребывания границами района республики (например, Казахской или Узбекской ССР).

По Инструкции 1953 г. «лицам, освобожденным из мест заключения, из ссылки, спецпоселений и ссылки на поселение, в графе 8 записывается: “Справка №… от… г.” без указания органа, выдавшего справку»[133]. Потерявшему паспорт в графе 8 записывали: «Взамен утраченного паспорта».

При выдаче или обмене паспорта лицам, отбывшим заключение или ссылку за контрреволюционные преступления, бандитизм, хулиганство, умышленное убийство, разбой, кражи, совершенные в составе воровской шайки или повторно, в графе 8 паспорта после перечисления документов, послуживших основанием для выдачи

да Мурманска к числу режимных местностей» (17 сентября 1939 г.): «Подозрительных людей, особенно финнов и эстонцев, осужденных за контрреволюционную работу, троцкистов, эсеров, меньшевиков и др., изобличаемых в антисоветской деятельности, арестовать 500–700 чел., с оформлением дел на Особом Совещании НКВД СССР. Аресты провести постепенно, не придавая им массового характера. Перевод Мурманска на режимное положение провести без шума и без того, чтобы излишне запугать людей. <…> Указанную работу закончить в месячный срок. Л. Берия» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 387).

[132] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 122.

[133] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 21 окт. 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132. Из воспоминаний В. В. Садовина: «Приехав в Сочи, я сразу отдал свой паспорт для временной прописки. На следующий день меня вызвал участковый милиционер и объявил, чтобы я в течение двадцати четырех часов покинул пределы Сочи. Почему? На каком основании? Последовал ответ, что Сочи не место, где могут отдыхать “уголовники”. Лишь после я выяснил, в чем дело. В паспорте был пункт № 8, в котором сказано, на основании каких документов он выдан. А в моем паспорте было записано: на основании справки об освобождении из тюремного заключения» (*Садовин В. В.* Испытал на себе // Ленинградское дело / под ред. В. Демидова и др. Л.: Лениздат, 1990. С. 270). В. В. Садовин с июля 1947 г. по декабрь 1949 г. работал первым заместителем заведующего организационно-инструкторским отделом Ленинградского горкома партии, после чего был арестован.

или обмена паспорта, записывается «и Положения о паспортах». Эта запись означала, что такие лица подпадают под паспортные ограничения и не подлежат прописке в режимных местностях, перечисленных в ст. 40 Положения о паспортах[134].

О необходимости отмены этой записи говорилось в Записке Л. Берии в Президиум ЦК КПСС от 13 мая 1953 г.: «При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения и обречены на мытарство. При выдаче или обмене таким гражданам паспортов в них делается запись о паспортном ограничении и они лишаются права вернуться в город, где у них есть семья и жилье, не могут устроиться на жительство в большинстве промышленных и культурных центров, так как жить им там не разрешают и на работу не берут»[135]. Однако запись не была отменена.

Теоретически данная графа должна была содержать лишь перечень документов, на основании которых выдан паспорт. Таковыми считались: свидетельство о рождении или выписка из метрической книги, справка с места жительства, с места работы или учебы и др. («лицам, освобожденным из мест заключения или ссылки, паспорта выдаются на основании соответствующих справок об освобождении»)[136]. Однако в реальности сюда вписывалась и информация иного рода — условные записи об ограничениях режимного характера. По записям в этой графе проверяющий легко мог судить о прошлом владельца паспорта и принадлежности к категории благонадежных или неблагонадежных. Можно предположить, что именно записи в этой графе послужили основой для широко распространенных представлений о том, что в паспорте зашифрована прошлая жизнь владельца. Графа просуществовала до последнего советского паспорта. В бланке паспорта образца 1974 г. ее уже нет.

---

134 Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132 об.

135 Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материалы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М., 1999. С. 43 (док. № 14).

136 Положение о паспортах от 21 окт. 1953 г. М., 1953. С. 7.

«Лица, внесенные в паспорт владельца»

В дореволюционный паспорт, который выдавался преимущественно мужчинам, заносились не только дети, но и жена, поскольку женщины не обладали полным набором прав. В советский паспорт (который получали и женщины) вносились дети и недееспособные лица, проживающие с владельцем паспорта. В советском паспорте до 1940 г. эта графа была восьмой, после — девятой.

Первая паспортная инструкция сообщала: «В эту графу заносятся лица, состоящие на иждивении владельца паспорта»[137]. По Инструкции 1940 г., «В графе 9-й записываются дети, не достигшие 16-летнего возраста, находящиеся на иждивении владельца паспорта. Примечание: запись производится в паспорт одного из родителей. По желанию — в оба»[138].

В Инструкции 1953 г. дается более подробное разъяснение: «В графу 9 паспортов родителей (опекунов) записываются сведения об их детях, не достигших 16-летнего возраста. В эту же графу вносятся сведения о душевнобольных, состоящих на иждивении и проживающих с ними. Записи о детях, родившихся после выдачи паспорта, вносятся в паспорта родителей органами ЗАГС при регистрации рождения с разъяснением родителям, что они обязаны внести сведения о родившихся детях в домовые книги по месту жительства»[139].

Как и все графы паспорта, эта имеет правовой статус. Поскольку дети и душевнобольные не обладают всеми правами и не могут себя обеспечить, они включены в паспорта родителей, либо тех, на чьем иждивении они находятся. Включение в паспорт иждивенцев говорит о том, что владелец паспорта понимается как своего рода «расширенная личность», включающая не только самого индивида, но и тех, кто находится в непосредственной зависимости от него. Это обстоятельство накладывает на него дополнительные обязанности, которые регулируются Семейным кодексом, в частности обязанность содержать детей и душевнобольных, отказ от исполнения которой влечет за собой появление другой отметки в паспорте — о выплате алиментов (см. раздел «Особые отметки» в этой главе).

---

137 Инструкция работникам пунктов по заполнению паспортов и временных удостоверений от 26 января 1933 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 9.

138 Инструкция о порядке применения Положения о паспортах... 1940 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 148.

139 Инструкция о порядке применения Положения о паспортах... 1953 г. Там же. Т. 3. Л. 132 об.

Эта графа становится особенно актуальной после принятого в 1936 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах»[140]. Постановление пришло на смену либеральному Семейному кодексу 1926 г. и еще более либеральному Постановлению от 16 ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности», благодаря которому Страна Советов стала первой в мире страной, легализовавшей аборты.

В развернувшейся борьбе с «легкомысленным отношением к браку» и с учетом удручающей демографической ситуации были запрещены аборты и установлена уголовная ответственность отцам, уклоняющимся от уплаты алиментов (до двух лет лишения свободы). Стоит отметить, что это постановление (в отличие от паспортных) было широко освещено в советской прессе. Более того, перед его принятием было организовано всесоюзное обсуждение. Отношение к постановлению было преимущественно отрицательным; тем не менее оно (с коррективами относительно размера алиментов) было введено.

Дальнейшее ужесточение правил в сфере семейных отношений устанавливалось Указом Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в соответствии с которым признавались только зарегистрированные браки[141], и только при наличии регистрации дети признавались законнорожденными. Дети, рожденные в неофициальном браке, регистрировались в документах матери, а в графе «отец» Свидетельства о рождении ставился прочерк даже в том случае, если отец признавал свое отцовство. Такие дети были лишены права на фамилию отца и его отчество, права на алименты, не говоря уже о праве на-

---

140 Постановление ЦИК и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

141 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4500.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

следования и др. В соответствии с политикой повышения рождаемости был расширен круг лиц, которые облагались введенным в 1941 г. налогом на бездетность, и ужесточены правила развода.

Запрет на искусственное прерывание беременности просуществовал до 23 ноября 1955 г., когда было принято Постановление «Об отмене запрещения абортов». С принятием в 1968 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке появилась возможность установления отцовства, а в свидетельствах о рождении исчезли прочерки в графе «отец». Запись о детях становится обычной в паспортах не только женщин, но и мужчин.

Графа «Лица, внесенные в паспорт владельца» не только добавляла существенную информацию об обладателе паспорта, но и связывала паспортные установления с положениями Семейного кодекса. В результате «паспортная личность» представала еще в одном ракурсе — «семейном», который считался важным для ее («личности») характеристики.

Фотография

Как уже говорилось, в ранних советских паспортах фотографий не было, они введены лишь в 1937 г. До этого времени фотографирование для документов не было распространено — точнее, не было обязательным[142]. Необходимость фотографии для паспорта обсуждалась еще при подготовке к введению паспортов в 1932 г.[143] Предложение не поддержали, скорее всего из-за того, что в нужном количестве не имелось даже фотобумаги, не говоря уже о необходимом оборудовании. Между тем, если учесть, что в советском паспорте не предусматривалось словесного портрета и отсутство-

---

[142] В 1920-е гг. на таких документах, как трудовая книжка и удостоверение личности, отводилось место для фотокарточки, но сама фотография не была обязательной. Фотографии были необходимы только для оформления заграничных паспортов, но таких выдавалось слишком мало для того, чтобы можно говорить о формировании соответствующей традиции.

[143] Сохранилась «Записка от зав. приемной секретариата ЦК Т. Славатинской тов. Енукидзе», датированная 28.12.1932 г.: «Вносит предложение: ввести в паспортную систему обязательно фотографический снимок владельца паспорта. Эта мера должна сократить возможные злоупотребления» (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 64). Необходимость снабжать идентификационные документы фотографическими карточками была осознана уже к середине XIX в. В частности, в дискуссиях 1859–1860 гг. широко обсуждалось введение фотографических изображений в паспортах. См.: *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. С. 125.

вала графа «особые приметы», то становится ясно, что собственно идентификационные возможности паспорта были весьма невелики. Однако в начале паспортизации новая власть расставляла приоритеты иначе: требовалось в первую очередь очистить крупные города от «лишнего» населения и наладить хоть какой-то учет. Вероятно, именно поэтому акцент делался не на индивидуальных идентификационных признаках, а на учетных характеристиках и прежде всего — на социальном происхождении.

К середине 1930-х гг. ситуация изменилась и появилась возможность ввести обязательные фотографии, тем более что НКВД был весьма озабочен усилением защитных и идентификационных свойств паспортов. Это было сделано специальным Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР № 112/935 «О введении фотографических карточек на паспортах» (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 21 октября 1937 г.):

> Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:
>
> 1. Дополнить статью 6 Положения о паспортах, утвержденного ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 года (СЗ СССР 1932 года № 84 статья 517), абзацем следующего содержания: «Для получения паспорта гражданин обязан представить две фотографические карточки, одна из которых наклеивается на паспорт, а другая остается в органе милиции, выдавшем паспорт».
>
> 2. Поручить НКВД СССР провести настоящее постановление в отношении вновь выдаваемых паспортов — немедленно, а в отношении выданного до издания данного постановления в местностях, перечисленных в ст. 10 постановления СНК СССР от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» (СЗ СССР 1933 г. № 28 ст. 168), — к 1-му января 1939 г. и во всех остальных паспортизированных местностях — к 1-му января 1940 г.[144]

Другими словами, планировалось за два года (1938–1939) обеспечить фотокарточками все паспортизированное население СССР — около 50 млн человек (из них население погранполосы численностью 3,5 млн человек обязали иметь фотографии в паспортах уже в 1937 г.)[145]. Вслед за этим Постановлением незамед-

---

[144] Свод законов СССР. 1937. № 70. С. 328 (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 135. Л. 185).

[145] Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 112.

лительно появляется Циркуляр Главного Управления РК Милиции НКВД СССР от 16 ноября 1937 г. № 142 «О порядке выполнения Постановления о введении фотокарточек на паспортах». Сформулированы следующие требования:

> 1. Впредь пятилетние и годовые паспорта выдавать только с фотокарточками.
>
> 2. При выдаче пятилетних и годовых паспортов требовать обязательного представления двух фотокарточек, одну из которых наклеивать на паспорт, а другую на стандартную справку формы № 1.
>
> 3. Размер фотокарточки должен быть 3,5 см × 3 см.
>
> Фотографирование производить без головных уборов (в анфас), правый нижний угол должен оставаться светлым (место для печати).
>
> Примечание: фотографирование в головных уборах может быть допущено лишь для женщин, не отрешившихся от обычаев и суеверий, не разрешающих им снятие головных уборов[146].

Нельзя не обратить внимание на разрешение жещинам «в порядке исключения» фотографироваться в головных уборах со ссылкой на сохранившиеся обычаи. Такое послабление особенно любопытно, если учесть актуальную для этого времени борьбу с «пережитками», в число которых входило ношение женщинами паранджи и хиджаба в мусульманских традициях. Для нас это исключение интересно тем, что является одним из показательных свидетельств того диалога составителей паспортных правил с воображаемыми исполнителями, в ходе которого и вырабатывались правила.

Наклейка фотографий в паспорта имела характер всесоюзной кампании. В связи с проведением этой работы в МТС, совхозах, новостройках, удаленных от райцентров, было решено предоставить районным отделам милиции право иметь дубликат гербовой печати для использования на выездах. По окончании работы по наклейке фотокарточек дубликаты печатей велено было уничтожить, о чем составить надлежащий акт[147]. Кампания шла не очень гладко. Было даже выпущено специальное Постановление СНК СССР от 5 сентября 1939 г. «О взыскании за уклонение от наклеивания фотографических карточек на паспортах». На лиц, уклоняющихся от вклеивания фотографий, следовало «составлять протоколы и налагать штраф»[148].

---

[146] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 306.

[147] Приказ НКВД от 22 марта 1939 г. Там же. Д. 233. Т. 1. Л. 313.

[148] Там же. Л. 388.

С точки зрения высшего руководства милиции, местные органы, в свою очередь, не проявляли необходимой бдительности и в ряде случаев сводили это серьезное мероприятие к механическому наклеиванию фотокарточек. В Циркуляре от 2 апреля 1938 г. сотрудникам Комиссариата Внутренних дел разъясняется роль паспортных фотографий: «В частности, недоучитывается то важнейшее обстоятельство, что наклеивание фотокарточек окончательно закрепляет за предъявителем паспорта все данные, указанные в паспорте, и вполне его легализует, если он даже проживает по чужому паспорту»[149]. В связи с этим предлагается наклейку фотокарточек в паспорт и Форму № 1 производить только в присутствии предъявителей паспортов и лишь тогда, когда не возникает никаких сомнений «в тождественности фотокарточки с лицом, на имя которого паспорт выдан». При этом предлагается «проверить каждое лицо путем опроса по отдельным графам паспорта и стандартной справки формы № 1. В случае возникших сомнений (расхождение сообщаемых и записанных данных, несоответствие возраста указанному в паспорте и т. д.) предлагать представить документы, на основании коих произведена выдача паспорта (Свидетельство о рождении, воинский документ) для сверки их с паспортом, одновременно принимая меры оперативной проверки лица, вызвавшего сомнения. При этом следует соблюдать полную вежливость и тактичность»[150]. По замыслу Комиссариата, наклеивание фотографий должно было превратиться в очередную кампанию по выявлению «преступных элементов».

В этом же циркуляре, посвященном паспортным фотокарточкам, вторым пунктом несколько неожиданно речь заходит о графе «национальность»: «При выдаче и обмене паспортов в графу 3 национальность записывать исходя исключительно из национальности по рождению (по родителям) владельца паспорта, а не по длительности его проживания в той или иной республике. Так, например, нельзя записать в паспорте немцу, поляку — русский, украинец или белорус, хотя бы они и родились в РСФСР, на Украине или в Белоруссии»[151]. Новый порядок определения национальной принадлежности был введен в тот же день (2 апреля 1938 г.),

149 Там же. Л. 501.
150 Там же. Л. 500–501.
151 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 502.

и можно сказать, что Комиссариат воспользовался возможностью еще раз объявить и об этом нововведении.

Поскольку в использовавшихся паспортах образца 1935 г. место для фотографии не было предусмотрено, ее вначале вклеивали на странице «Особые отметки», а затем — в нижнем левом углу первой страницы. Вскоре было объявлено, что Главное управление РК Милиции приступило к изготовлению бланков паспортных документов образца 1938 г., причем «отличительной чертой бланков паспортных книжек нового образца от образца 1935 года является то, что на бланках установлен герб Союза ССР в соответствии со ст. 143 Сталинской Конституции; первый и последний листки книжки образца 1938 г. приклеены к обложке паспорта и составляют с ней одно целое; на первой странице отведено место для фотографической карточки и для подписи владельца паспорта...»[152]. Бланк нового образца задумывался для того, чтобы фотокарточка обрела свое «законное» место в паспорте, но, как мы видим, изменения коснулись и других реквизитов. В паспортах, выпущенных после 1974 г., предусмотрены места для трех фото большего размера.

Требования к фотографии и процедура ее наклейки в паспорт были изложены в Инструкции по применению Положения о паспортах 1940 г.: «Наклейка фотокарточек производится в присутствии лица, получающего паспорт. Фотокарточка должна отвечать следующим требованиям: размер 3,5×3 см.; без головного убора (отсутствует примечание о допущении сниматься в головных уборах. — *А. Б.*); нижний правый угол должен оставаться светлым (для печати). Печать накладывается на фотокарточку в правом нижнем углу ее и на месте, где учиняется подпись начальника паспортного стола. Оттиск должен быть ясным и разборчивым. Кроме печати на верхний и нижний левые углы накладывается рельефный штамп специальным прессом»[153].

Более развернутый вариант характеристики фотографий и обращения с ними представлен в Инструкции о порядке применения Положения о паспортах 1953 г.:

> П. 13. Для получения паспортов граждане представляют заявление о выдаче (форма № 1) и две фотографические карточки (одна на заявление, другая — на паспорт). Обе должны быть идентичными и достаточно четкими, в анфас, размером 3,5×3 см; полу-

---

[152] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 461.
[153] Там же. Л. 149 об. — 150.

> чающий паспорт должен быть сфотографирован без головного убора; правый нижний угол фотокарточки должен быть светлым. В местностях, где по сохранившимся обычаям не принято фотографирование без головного убора, разрешается в порядке исключения, прием для паспортов фотографических карточек с изображением получателя паспорта в головном уборе. <…>
>
> Подпись получателя паспорта и его фотографическая карточка, наклеенная на этом заявлении, заверяются: лицом, ответственным за прописку-выписку, или местными Советами депутатов трудящихся. <…>
>
> П. 17. Если предъявленные документы или личность вызывает сомнение, производится тщательная проверка (в течение 10 дней). О производимой проверке получателю паспорта не должно быть известно. <…>
>
> П. 19. На оборотной стороне фотокарточки спецчернилами проставляется серия и номер паспорта, после чего фотокарточка наклеивается в паспорте на отведенном для этого месте специальным клеем, изготовляемым по заказам Главного управления милиции. <…>
>
> П. 22. Начальник паспортного стола, проверив правильность и аккуратность заполнения паспорта и наклейки фотокарточки, проставляет на левом верхнем и на левом нижнем углу фотокарточки рельефные печати, подписывает паспорт и со всеми документами докладывает начальнику отделения милиции. Начальник отделения милиции или его заместитель проверяет документы получателя паспорта и проставляет гербовую печать, часть которой должна быть наложена на нижний светлый угол фотокарточки[154].

Из приведенных пунктов инструкции следует, что основное внимание уделялось не столько характеру паспортной фотографии, сколько действиям с ней. Формальных требований к паспортной фотографии совсем немного: она должна быть размером 3,5×3 см, четкой и в анфас. Наличие или отсутствие головного убора — единственная деталь, которая мотивировалась экстратехническими соображениями («сохранившимися обычаями»). Характер прически, выражение лица, направление взгляда, цвет одежды и прочие детали никак не регламентировались. Однако негласные правила репрезентации себя на паспортной фотографии были изобретены самими владельцами паспортов (см. в разделе «Фотографирование на паспорт» следующей части).

---

[154] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 133.

К 1 января 1940 г. наклейка фотокарточек на паспорта была в целом завершена[155]. Паспортная фотография стала идентификационным центром документа, который приобрел еще одно измерение — визуальное. С появлением фотографии все остальные паспортные сведения кардинально изменили свое положение в структуре паспорта — теперь они стали своего рода комментариями к изображению. Вместе с тем паспорт приобрел теперь уже не воображаемую, а визуально воспринимаемую референцию в ситуации отсутствия своего владельца.

В паспортах образца 1974 г. изменился не только размер фотографии (она стала гораздо больше), но и ее роль в паспорте. В нем отведено место для трех фотографий. Наличие необходимых фотографий определяло срок действия паспорта. В пункте 5 Положения о паспортах говорилось: «Действие паспорта не ограничивается сроком. По достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста органами внутренних дел вклеиваются в паспорта новые фотографические карточки, соответствующие этим возрастам. Паспорта, не имеющие таких фотографических карточек, являются недействительными». Теперь по паспортным фотографиям можно было проследить и визуальные изменения владельца паспорта.

Особые отметки

Перечень возможных отметок в паспорте дается в положениях о паспортах, начиная с Положения 1940 г., и, конечно, в инструкциях к этим положениям. Наиболее полный список представлен в Инструкции к Положению о паспортах 1953 г.

> В паспорте делаются отметки штампами установленной формы:
>
> А) органами милиции — о прописке и выписке, а в паспортах жителей запретных зон и пограничной полосы СССР — о проживании в этих местностях;
>
> Б) администрацией предприятий, учреждений и организаций — о приеме на работу и увольнении.
>
> В) администрацией высших и средних учебных заведений — о зачислении в учебное заведение и выбытии из него.
>
> Г) органом ЗАГС — о регистрации браков и разводов.

---

[155] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 325 об.

> Штампы в паспортах жителей запретных зон и пограничной полосы СССР, штампы о приеме на работу и увольнении, штампы высших и специальных средних учебных заведений о приеме в учебные заведения и выбытии из них, штампы о регистрации брака или развода проставляются на страницах «Особые отметки».
>
> Внесение каких-либо других отметок, кроме отметок в краткосрочных паспортах <…> и записей бюро ЗАГС о родившихся детях — запрещается.
>
> Изменение записей, внесенных в паспорта, допускается только в случае изменения состава лиц, записанных в графе 9 паспортов, а именно: при достижении 16 летнего возраста или в случае смерти лица, вписанного в паспорт. Эти изменения могут вноситься исключительно органами милиции[156].

В Положении 1974 г. перечень отметок несколько скорректирован. Сведения о работе и учебе больше не фиксируются, вместе с тем введены отметки об алиментах. Кроме того, «с согласия граждан в их паспортах производятся учреждениями здравоохранения отметки о группе и резус-принадлежности крови владельца паспорта». Последний пункт в этом разделе гласит: «Производить в паспортах граждан какие-либо иные отметки запрещается». Однако они производились. В частности, делались отметки об ограничениях в месте проживания (см. ниже). Во время перестройки, когда еще действовали советские паспорта, в паспортах делались отметки, например, о выдаче талонов.

Отметка о приеме на работу и увольнении

Как уже говорилось, попытки введения трудовых книжек (вместо паспортов) в 1920-е гг. не увенчались успехом. С появлением паспорта ему были приписаны функции не только удостоверения личности, но и трудовой книжки, поэтому в нем обязательно отмечался прием на работу и увольнение[157]. Введение отдельных трудовых книжек в 1939 г. не отменило этой практики — записи о приеме на работу и увольнении делались до появления последнего советского Положения о паспортах в 1974 г. Студентам и уча-

---

156 Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 137 об.

157 О введении трудовых книжек. Постановление СНК СССР // Спутник агитатора. 1939. № 1. С. 1–2.

щимся высших и средних учебных заведений ставились отметки о зачислении и выбытии из учебного заведения. Информация о работе и учебе либо их отсутствии делала более явным статус владельца паспорта. В частности, при проверке документов в случае необходимости связывались с указанным в паспорте местом работы или учебы, где должно было храниться личное дело.

Отметка о браке и разводе

Отметка о браке в паспорте была введена в начале XIX в. (при Александре I) для того, чтобы сделать явным семейное положение владельца паспорта и тем самым предотвратить случаи многоженства. В советском паспорте эта отметка появилась не сразу. Лишь в 1936 г. было введено правило, в соответствии с которым органы ЗАГС обязаны ставить отметки в паспортах о регистрации и расторжении брака. Сделано это было в рамках работы по улучшению учета «естественного движения населения». В этом «движении населения» главными для власти были данные о рождаемости и смертности, которые «искажались классовыми врагами, пролезшими в эти организации и проводившими там контрреволюционную, вредоносную работу, скрывая рост населения путем недоучета рождаемости и явно преувеличивая смертность населения путем регистрации по нескольку раз смертей одних и тех же лиц»[158]. Данные о браках и разводах, видимо, не очень интересовали врагов, но поскольку с 1 января 1936 г. вводились «специальные свидетельства о рождении на гербовой бумаге», было признано необходимым проставлять отметки о вступлении в брак или разводе в сельской местности в эти свидетельства, а в городах — в паспорта[159]. Для широких масс введение этой отметки объяснялось борьбой с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям.

Отметка об алиментах

В русле этой борьбы вполне естественным оказывается введенное 27 июня 1936 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многосе-

---

[158] Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) О постановке учета естественного движения населения // СЗ СССР. 1935. № 53. Ст. 432.

[159] Там же.

мейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[160]. Еще через два года вышел Циркуляр НКВД СССР от 29 октября 1938 г. с требованием обязательной отметки о выплате алиментов в паспортах лиц, которым по суду она была назначена. Это требование вошло и в последующие Кодексы о семье и браке: «В паспортах лиц, осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов или разысканных органами внутренних дел в связи с уклонением от уплаты алиментов, органы внутренних дел производят отметку (запись) о том, что в соответствии с решением суда эти лица обязаны платить алименты»[161]. Отметка делалась в виде штампа «Обязан к уплате алиментов». Тем самым семейный ракурс паспортной личности обретал еще одну, значимую в глазах власти черту. Смысл подобного рода отметок — сделать явными те аспекты личной жизни владельца паспорта, которые, с точки зрения власти, нуждаются в публичном контроле. Не случайно владельцы паспортов стремились не допустить такого рода отметок либо избавиться от них.

Отметки об ограничениях места проживания

Ни в одном Положении нет сведений об ограничительных отметках, но они вводились подзаконными актами. В качестве примера можно сослаться на Распоряжение министра МВД (1948 г.): «Лицам, освобожденным из мест заключения, вносить в паспорта на странице “Особые отметки” запись о запрещении проживания в этих местностях. Например: “На основании приговора нарсуда 6 участка города Ташкента от 12 февр. 1947 г. запрещено проживание в Узбекской СССР сроком на 3 года, с… по…”[162]. Внесение в паспорт подобного рода отметок было распространенной практикой (об ограничительных отметках см. подробнее выше, в разделе «На основании каких документов выдан паспорт»)[163].

Стремление к неизменности паспорта входило в противоречие с другим, не менее выраженным стремлением к максимально широкому охвату тех сфер жизни «паспортной личности», которые,

---

160 СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
161 Кодекс о браке и семье РСФСР. М., 1969. Ст. 93.
162 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 205.
163 Отметки о судимости ставились до конца существования советской паспортной системы.

с точки зрения властных органов, должны найти свое отражение в паспорте. К их числу относятся сведения о месте работы и учебы, о браке и разводе, и, разумеется, об ограничениях места жительства. А поскольку они могли меняться, то и паспортные отметки редко оставались неизменными. Это обстоятельство превращало мертвый паспорт в живой документ, отображающий основные изменения в статусе владельца.

Отметки о прописке

В первых советских паспортах образца 1933 и 1935 гг. существовала особая графа «Постоянное местожительство», унаследованная от дореволюционного паспорта. Она была пятой и располагалась между пунктами «Социальное положение» и «Отношение к военной службе». В этой графе указывался населенный пункт, в котором постоянно проживает владелец паспорта, например: «г. Ленинград» или «д. Верево Ленинградской обл.». Точный адрес не указывался. В паспортах образца 1938 г. и более поздних эта графа изъята, поскольку оказалась избыточной: место жительства указывалось в записи на штампе «Прописка».

Отметка о прописке и выписке считалась основной в паспорте. Эту отметку делали на специальных страницах, которые были отведены исключительно для штампов о прописке и выписке. Как уже говорилось, весь паспортный проект затевался во многом ради штампа «Прописан по адресу...». Можно сказать, что прописка приравнивалась ко всей паспортной системе, поскольку рассматривалась в качестве ее главного механизма. Особенностью советской прописки было то, что она имела не уведомительный, а разрешительный характер: человек не мог поменять место своего проживания по своему усмотрению, он обязан был получить на это разрешение, свидетельством которого был штамп о прописке.

Прописка (регистрация) паспортов существовала и до появления советского паспорта[164]. Первые попытки новой власти снова ввести институт прописки не предполагали ее использования в качестве инструмента принуждения. Прописка, как и прежде, рас-

---

[164] О регистрации в европейских странах см.: *Torpey J.* Coming and Going: On the State Monopolization of the Legitimate “Means of Movement” // Sociological Theory. 1998. Vol. 16. N 3. P. 239–259; о советской прописке см.: *Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1982. P. 139–154.

сматривалась как способ учета «движения населения». В Декрете СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» вступительная фраза выглядит достаточно грозно: «Каждое лицо, прибывшее на жительство в дом, находящийся в пределах городского поселения, хотя бы это жительство было временным, на срок более трех дней, обязан немедленно заявить о своем пребывании домовому управлению (владельцу или арендатору) дома, гостиницы или меблированных комнат». Однако список требуемых документов демонстрирует всю несерьезность (если сравнивать с последующей пропиской) этого мероприятия:

> Для прописки достаточным является предъявление одного из следующих документов:
>
> а) удостоверение личности <...>;
>
> б) актовая (или старая метрическая) выписка о рождении;
>
> в) расчетная книжка или другое удостоверение с места работы или службы;
>
> г) членский билет профессиональных союзов;
>
> д) другие документы, удостоверяющие личность.
>
> При отсутствии каких бы то ни было документов допускается временная, на срок не более трех месяцев, прописка по письменному заявлению прибывшего, содержащему все необходимые сведения.
>
> Примечание. В течение трехмесячного срока прибывший обязан представить какой-либо из документов, указанных в ст. 3 настоящего постановления[165].

В декрете даже не указано, где фиксируется прописка — вероятно, по той причине, что единых удостоверений личности не существовало. Разумеется, она отмечалась в документации по месту жительства, но такая система не давала возможности оперативного контроля, и самое главное — она лишь фиксировала место проживания, но не являлась официальным разрешением на проживание. Таковым она стала в новой паспортной системе, где ей была отведена исключительная роль.

В советских инструкциях по паспортной работе прописке всегда уделялся специальный раздел. Основные положения были сформулированы уже в первой Инструкции 1933 г.:

---

[165] Милиция России: Документы и материалы, 1917–1999. Саратов: МВД РФ; Саратовский юридический институт, 2001. № 130. С. 186–187.

> Регистрация или прописка граждан является обязательной для тех местностей, в которых введена паспортная система. Единственным документом, служащим для прописки, является паспорт (книжка или бланк) или выдаваемое взамен его временное удостоверение установленной формы. Паспорта подлежат прописке в органах РК милиции по месту жительства в течение 24 часов с момента прибытия на территорию местности, где введена паспортная система, а в период выдачи паспортов — в течение 10-дневного срока с момента получения паспорта. Каждый паспорт должен иметь обязательную отметку органа РК милиции о месте проживания. Во всех случаях паспорт может быть одновременно прописан только по одному месту проживания.
>
> Отметка о прописке производится органом РК милиции путем наложения штампов установленной формы[166].

Ответственными за прописку считались управдомы или другие ответственные лица по домоуправлению, владельцы или арендаторы домов, администрация муниципализированных или закрепленных за предприятиями домов, гостиниц или меблированных комнат, ответственные съемщики, а также граждане, на площади которых лица, подлежащие прописке, проживали[167].

Различались два вида прописки — постоянная и временная: «Граждане, прибывшие на временное проживание из одной местности в другую на срок свыше полутора месяцев, прописываются временно, а прибывшие на срок до полутора месяцев регистрируются в установленном порядке»[168]. В позднесоветское время была введена и прописка по лимиту, который выделялся тому или иному конкретному предприятию, — тоже временная, на срок договора (подробнее о ней см. раздел «Право на паспорт» в следующей главе).

Особые пункты посвящены перечислению категорий лиц, не подлежащих прописке. Эти списки менялись с каждым новым положением о паспортах, но именно они и делали прописку действенным элементом паспортной политики (а инструкции — секретными документами).

Процедура прописки постоянно корректировалась. Вот как она изложена в Инструкции к Положению 1940 г.:

---

166 Инструкция по проведению в жизнь «Положения о паспортах». М., 1933. С. 5.
167 Там же. С. 7.
168 Положение о паспортах 1974 г.

Работник отделения милиции оформляет прописку в следующем порядке:

проверяет правильность заполнения адресных листков и заверяет их своей подписью. В случае неполного, нечеткого заполнения, возвращает их обратно для внесения соответствующих изменений;

проверяет правильность заполнения записи в домовой книге, взимает установленную ст. 27 Положения о паспортах госпошлину за прописку, наклеивает в домовой книге против соответствующей записи марку госпошлины и погашает ее штампом прописки (ф. № 4) с указанием даты прописки; штамп заверяет своей подписью;

накладывает в паспорте штамп прописки, заполняет и подписывает его;

возвращает паспорт, военно-учетный билет и домовую книгу ответственному за прописку лицу; пересылает адресные листки прибытия в тот же день в адресное бюро (стол)[169].

Строго говоря, здесь описан порядок действий на самом заключительном этапе — действия работника милиции. Все предшествующие мытарства претендента на прописку (добывание всевозможных справок, очереди в паспортном столе и т. д.), естественно, остались за пределами инструкции.

Отдельно оговаривается «Взятие на учет преступного элемента при прописке». Для этого всех тех, кто был судим или на кого имеется компрометирующий материал, следовало заносить в специальный список. «Об этих лицах сообщается уголовному розыску или в отдел по борьбе с хищениями соцсобственности и спекуляциями или местному УГБ в зависимости от характера компрометирующего материала»[170].

Отказ в прописке оформлялся особым образом. В домовой книге ставится штамп «В прописке отказано», и у подателя документов бралась подписка о выезде в десятидневный срок. В паспортах никаких отметок об отказе в прописке не делалось.

В случае обнаружения в режимных местностях лиц, подпадающих под паспортные ограничения, но скрывших это, они удаляются из данной местности.

Удаление производится в следующем порядке:

---

169 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 156.

170 Там же.

Выявленные лица подробно допрашиваются о компрометирующих материалах. На основании собранного материала выносится постановление об удалении.

От удаляемого отбирается подписка о выезде из данной местности в 10-дневный срок; одновременно отбирается и обменивается паспорт, если в нем не было сделано отметки на ст. 38 и 39 Положения о п., а при наличии аннулируется только прописка путем перечеркивания штампа прописки. Одновременно с подпиской о выезде на удаляемого составляется сторожевой листок и направляется в адресное бюро (стол)[171].

Проживание в паспортизированных местностях без прописки каралось в административном порядке штрафом до 100 рублей с заменой на исправительные «трудовые работы» до 30 суток. При повторном нарушении наступала уголовная ответственность по ст. 192-а УК РСФСР. Жителям запретных зон и пограничной полосы, кроме штампа о прописке, ставился штамп о проживании на этой территории, который являлся для них пропуском на въезд и выезд.

Для штампов прописки в советских паспортах отводилось больше страниц, чем для всех других сведений. Прописка, в отличие от всех других паспортных сведений, регулировалась не только центральными, но и местными властями — с этим связана довольно большая вариативность правил прописки, но основной принцип оставался неизменным: прописаться можно было только с разрешения соответствующих инстанций. Это обстоятельство, с одной стороны, делало человека зависимым и подконтрольным в его передвижениях, а с другой — неизбежно вело к возникновению различных схем преодоления ограничений, связанных с пропиской (о некоторых из них см. в следующей главе).

Поскольку некоторые отметки в паспорте ставились уже после его получения, они делали паспорт живым. Благодаря им основные (с точки зрения власти) события в жизни владельца паспорта, в том числе и его перемещения, проступали перед взором человека, к которому попал паспорт (в том числе и та информация, которую владелец паспорта предпочел бы не афишировать).

---

171 Там же. Л. 158–158 об.

***

Структура паспорта и его наполнение таковы, что человек предстает в нем как совокупность граф, печатей, подписей, оттисков, не говоря о комментариях к ним в секретных инструкциях. Можно сказать, что паспорт — своего рода венец бюрократизации индивидуальной идентичности. Документный образ человека, строго говоря, не имеет с ним самим ничего общего. Это диковинный конструкт, к которому мы так привыкли, что научились относиться к нему как к чему-то почти естественному.

Между тем в бюрократической традиции человек и есть совокупность сведений о нем, выстроенных в определенном порядке. Эти сведения позволяют властным структурам в случае необходимости не только идентифицировать владельца паспорта, но и проследить основные (с точки зрения создателей документа) события его жизненного пути: рождение — учеба — работа — брак/развод — дети — места проживания и др. Нужно сказать, что в советском паспорте жизненный сценарий человека представлен в максимально отчетливом виде. С этой точки зрения советский паспорт можно рассматривать как свернутый текст жизни его владельца.

В процессе «приспособления» личности к бюрократической реальности отчетливо проявляется стремление максимально объективизировать те данные, которые представляются существенными для характеристики этой личности. История правил определения национальности (когда единственным основанием для записи «истинной» национальности детей становится запись о национальности родителей) является показательным примером эссенциализации тех категорий, которые, казалось бы, не могут быть представлены в объективированном виде (ср. правила определения социальной принадлежности на этапе паспортизации).

Паспорт становится не просто одним из документов. В нем заложена идея управления «оригиналом», который должен определить себя в точном соответствии с разработанными правилами. Этим агентность паспорта не исчерпывается. Обладание паспортом предполагает не только «перевод» себя в документную реальность, но и подчинение всем тем предписаниям, которые описываются понятием «паспортная система» — от правил хранения до правил прописки.

Советский паспорт в основном унаследовал свою структуру и наполнение от дореволюционного. Из числа принципиальных изменений — замена «вероисповедания» на «национальность» и по-

явление обязательной разрешительной записи о прописке. Особую роль в советском паспорте приобрела, казалось бы, безобидная 8-я графа «На основании каких документов выдан паспорт», поскольку в ней делались условные записи, позволявшие определить актуальный статус владельца. Довоенный паспорт включал сведения о месте работы и тем самым выполнял функции трудовой книжки. Если учесть, что паспорт содержал также информацию об отношении к военной службе, семейном положении владельца паспорта, лицах, внесенных в паспорт, и т. д. вплоть до обязанности платить алименты, то явно ощущается тенденция к созданию не просто удостоверения личности, но универсального документа, в котором собраны наиболее существенные (с точки зрения власти) сведения о владельце паспорта. Эта универсальность паспорта выражается и в том, что все остальные документы действительны только в том случае, если они подтверждаются паспортом как «главным документом».

Существенные изменения в сравнительно недолгой истории советского паспорта касались его дизайна и символики. Каждый новый образец паспорта отличался цветом и изменениями в изображении государственных символов. Красная обложка последнего советского паспорта оказалась долгожданным воплощением созданного Маяковским мифа о советском паспорте, на котором выросли многие поколения. Постоянно совершенствовалась система защиты (водяные знаки, спецчернила, спецклей, спецштампы), что косвенно свидетельствует о распространенности поддельных документов. Пик изменений приходится на 1936–1938 гг., когда были введены не только все перечисленные средства защиты, но и отметки о браке и разводе, об алиментах. Паспортный образ человека стремительно обрастал новыми признаками, а прежние кардинально менялись. В частности, принципиально изменилось определение национальной принадлежности, что потребовалось властям исключительно в репрессивных целях. Появление в это же время паспортной фотографии не только увеличило идентификационные возможности паспорта и ввело новое (визуальное) измерение паспортной личности, но и привело к существенному изменению восприятия его наполнения — графы стали читаться как комментарии к фотографии.

Такие, казалось бы, неизменные идентификаторы личности, как имя, возраст, место рождения, тоже менялись — может быть, не так заметно, но весьма существенно. Чего сто́ит изменение (на первый взгляд, техническое) последовательности формулы «имя — от-

чество — фамилия» на пресловутое ФИО, в котором отчетливо проявилось новое («списочное») отношение к человеку. Не может не обратить на себя внимание и постепенное увеличение срока действия паспортов, вплоть до бессрочного в его последней редакции.

Паспорт включал не только идентификаторы личности, но и идентификаторы документа, и шире — инстанции, выдавшей документ: серия и номер, печати, штампы и т. д. Их роль — закрепить удостоверяющую функцию паспорта и служить теми маячками, по которым можно в случае необходимости идентифицировать сам паспорт. В роли «инстанции истины», уполномоченной выносить заключение на предмет достоверности включенных в паспорт сведений о личности, выступает выдавший документ орган милиции и персонально начальник отделения милиции, скрепивший его своей подписью. Владелец паспорта своей подписью подтверждает истинность предоставленных им сведений. Поставщиками информации для паспорта являются также системы воинского учета, органы ЗАГС, а до 1950-х гг. — место работы и учебы, записи которых удостоверяются соответствующими лицами. Таким образом, паспорт предстает сгустком информации из самых разных источников, достоверность которых подтверждается всеми «авторами».

Человек в паспорте предстает в виде объекта, наделенного совокупностью признаков, связей и отношений. Тем более удивительны единичные случаи, позволяющие говорить о том, что создателями паспортных правил все же учитывались возможные реакции владельцев паспорта (ср. хотя бы возможность фотографироваться в головном уборе для тех, чьи обычаи не предполагали иного). О полноценном диалоге речь идти не может — бюрократическая система в принципе не ориентирована на эту форму взаимодействия.

В результате согласований чиновников различных ведомств паспорт предстает в виде свернутого досье, содержащего всю, с их точки зрения, необходимую информацию о человеке, от его визуального облика до принадлежности определенной национальности и отметок о работе.

Таким представляется паспорт, если его рассматривать в рамках официального права (*право-1*). Из этого описания можно вынести впечатление, что паспорт создавался только властями и исключительно для управления и контроля, но в следующей части я постараюсь показать, что это не совсем так. Все сказанное о паспорте — скорее некая идеальная бюрократическая модель, которая в реальных условиях выглядела иначе. Об этом и пойдет речь в последней части.

Часть III.
ПАСПОРТНЫЕ ПРАКТИКИ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Глава 1.
Получить паспорт

Право на паспорт

В этой и следующей главах я попытаюсь рассмотреть паспортную систему с другой стороны — со стороны обладателей паспортов. Меня будет интересовать, как паспортные правила создавались и корректировались самими гражданами; в каких отношениях между собой находились формальные установления, нашедшие свое выражение в различного рода положениях и инструкциях, и актуальные паспортные практики. В частности, как воспринимался сам паспорт и его отдельные составляющие в различных жизненных контекстах и в разное время? Как паспортные данные влияли на индивидуальную идентичность? Какие стратегии применялись для освоения и усвоения паспортных правил? Рассмотрение этих вопросов представляется необходимым для получения хотя бы самой общей картины функционирования советской паспортной системы. При этом следует иметь в виду те ограничения, которые накладывает используемый в этой части книги материал, довольно разнородный: архивные документы, воспоминания, интервью. Эти источники относятся к разному времени, принадлежат разным авторам и, естественно, репрезентируют различные точки зрения на одно и то же явление. Поскольку мы имеем дело не с самими практиками, а с их описаниями, то корректнее будет говорить о коллективных и индивидуальных формах памяти о практиках, воплощенной в тех текстах, которые привлечены нами в качестве источников[1]. Разумеется, ценность привлекаемых материалов (воспоминаний) не в исторической достоверности, а в содержащихся в них авторских рефлексиях по значимым для нас поводам.

---

[1] О возможных подходах к изучению исторической памяти существует огромная литература. Кроме классических работ М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассманна, см. также: *Хейден У.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002; *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011 и др.

На этапе начальной паспортизации (1933–36 гг.) для жителей городов и паспортизируемых территорий основным стал вопрос получения паспорта, поскольку в случае отказа следовало выселение в непаспортизируемую зону. Открытый протест (случаи которого приводились в «Сводках» о ходе паспортизации) был самой неэффективной стратегией, ведущей к принудительному выселению. Многие из тех, кто не рассчитывал на получение паспорта, сами покидали территорию паспортизации. Другие прибегали к различного рода мимикрии (переписывание своей биографии), либо к использованию имеющихся социальных ресурсов. Советское общество никогда не было цельным и однородным. Оно состояло из многих сообществ, в которых были приняты свои алгоритмы поведения в подобных ситуациях[2].

Судя по воспоминаниям тех, кто пережил паспортизацию начала 1930-х гг., в случаях отказа или в ситуации неопределенности «коренные» жители Москвы и Ленинграда прежде всего обращались к сохранившимся связям, разумеется, если таковые имелись. Актуализация социальных сетей («знакомств») была характерна для так называемых бывших и, в частности, для научной интеллигенции. Собственно, других способов добиться положительного решения возникшей проблемы у этих людей не было, и знакомства превращались в наиболее востребованный капитал.

Вот как описывает эту ситуацию Д. С. Лихачев:

> Период паспортизации был одним из самых страшных периодов в жизни больших городов. Люди Москвы и Ленинграда жили в напряжении, ожидая решения своей судьбы: каково будет решение паспортных комиссий. Строгих инструкций не было. В Ленинграде не давали паспортов дворянам, а в дворцовых пригородах еще и бывшим служащим дворцов. <…> Появилась своя паспортная комиссия и в Академии наук. Заседала она в главном здании Академии. Я очень боялся, что меня вызовут и начнут спрашивать о моем деле и выпытывать — как я отношусь к советской власти сейчас. Поэтому, когда я заболел и попал в больницу, я даже как-то не очень стремился выписаться из нее. Выписавшись, я узнал — паспортная комиссия в Академии закончила свою работу. Думал — пронесло <…> Однако же не пронесло. Мне объявили, что паспорта мне не дают. Назначили срок выезда из Ленинграда. Не дали

---

2 Ср. «сообщества своих»: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. Гл. 3.

паспортов Феде Розенбергу, Толе Тереховко, А. П. Сухову — всем, кто имел «судимость». Отец страшно волновался. Искал влиятельных лиц и, знаю, у кого-то плакал (мне говорили). Наконец нашелся кто-то (кажется, секретарь райкома), который обещал помочь, но хотел повидать меня. Жил он на Каменноостровском (тогда называвшемся «Улицей Красных Зорь») перед домом Лидваля, если идти от Троицкого моста, в надстройке. Помню, что меня угощали чаем. Говорить было не о чем. За столом сидели секретарь и его жена, которая смотрела на меня с жалостью. Кончилось тем, что мне дали отсрочку на «долечивание». И вот тут на помощь пришла Зина. Мы еще не были женаты, только собирались. Известно было, что «ученый корректор» Екатерина Михайловна Мастыко в молодости веселилась вместе с детьми академика Зернова в одной компании с будущим наркомюстом Н. И. Крыленкой. Зина уговорила ее съездить к Крыленке. Съездить было не просто. Надо было преодолеть пролегшую между ними дистанцию времени, дистанцию общественных положений. <…> Вернулась Екатерина Михайловна довольная и объяснила: надо запастись ходатайством президента Академии Александра Петровича Карпинского, а у Крыленки на приеме во всем слушаться секретаря Крыленки. Екатерина Михайловна, помню, сказала: она бывшая рабочая, толковая, хорошая женщина. Я знаю только, что в разговоре с Крыленкой Екатерина Михайловна назвала меня женихом своей дочери Кати, которую я в глаза не видел (она зашла к нам уже лет через десять — после войны). <…> Объяснили мне, как получить ходатайство у президента Академии наук Александра Петровича Карпинского. Я должен был прийти к Карпинским домой в особняк на Пятницкую улицу, встретиться там с дочерью Карпинского Толмачевой, поцеловать (непременно) ей руку и передать письмо от нашего директора издательства Михаила Валериановича Валерианова с просьбой похлопотать обо мне. Я так и сделал, ехал самым дешевым поездом и сразу с вокзала отправился на Пятницкую. <…> Толмачева не удивилась, сразу пошла в небольшой кабинет за залой и стала кричать на ухо Александру Петровичу: «Пришел молодой человек, воспитанный. Воспитанный! Надо подписать ему просьбу. Подписать!» После этого она села за машинку, и я услышал быстрый стрекот машинки. Молча вынесла и подала мне письмо в роскошном конверте, какого я в Советском Союзе отродясь не видел. Сразу от Толмачевой я направился в Наркомюст. Приемная у Крыленки была переполнена. Пожилая (или казавшаяся мне тогда пожилой) женщина сразу подошла ко мне, как к знакомому, взяла у меня письмо от Карпинского, которое я даже хорошенько и прочесть не успел, и

> строго сказала: «Стойте здесь (место она обозначила на виду у всех), и как бы вас ни бранил Николай Васильевич — молчите и ничего не отвечайте и не отрицайте». Я был немного удивлен: ведь остальных Крыленко принимал в кабинете. Вскоре из кабинета выскочил (вернее, выкатился) коренастый, плотный, даже немного полноватый человек со «спортсменскими» движениями и сразу набросился на меня, как мне показалось, с кулаками: «Мы революцию делали! Мы кровь проливали! Судьба человечества решается! А вы дурака валяли! "Космическую академию" устраивали! Над нами потешались — что ли? Этому безобразию слов нет» и т. п. и т. п. Словоизвержение продолжалось несколько минут. После, держа ходатайство в руках, он с такой же быстротой влетел в свой кабинет, а секретарь, поманив меня рукой к своему столу, стала меня спрашивать: номер бывшего паспорта, домашний адрес, место работы, адрес работы, служебный телефон Валерианова и проч. Велела ждать в Ленинграде и сообщить ей, если меня тронут. Все это тихим голосом и как бы по секрету. В тот же день я вернулся в Ленинград. Я ждал несколько месяцев. Никто и никуда меня не вызывал. В разгар лета меня позвали на почту и вручили конверт из ЦИКа. Там находилась бумага о снятии с меня судимости[3].

В этой пространной цитате обращают на себя внимание несколько моментов. Связи, которые приходилось реанимировать и налаживать, редко были прямыми. Действовали через знакомых, преодолевая «дистанцию времени, дистанцию общественных положений». В ход шли как родственные, так и корпоративные связи. Память об этом времени сохранила ощущение атмосферы страха, дурного спектакля, неловкости и унижения — неизбежные составляющие такой ситуации. Не случайно подобного рода переживания оценивались теми, кто очутился в позиции просителей, как самые тягостные. К тому же это были не привычные (горизонтальные) связи, но обращения «наверх», которые считались допустимыми только в исключительных случаях. Прямых выходов «туда», как правило, не было, поэтому либо задействовали цепочки знакомств, либо прибегали к организации протекций со стороны авторитетных для новой власти лиц. В этом отношении показательны воспоминания другого ученого — историка астрономии Д. О. Святского.

---

[3] *Лихачев Д. С.* Воспоминания // Воспоминания, раздумья, работы разных лет. Т. 1. СПб: АРС, 2006. С. 235–238.

21 мая 1933 г. Д. О. Святский писал из Ленинграда своему другу, известному этнографу-краеведу В. И. Смирнову: «Дело в том, что до сих пор я не имею еще паспорта. Поначалу нас с женой лишили права на получение паспорта (3 и 9 апреля), и с тех пор настало уныние в нашем доме. Во второй инстанции мне отказали и подал я в третью, пока не предпринимая путешествия в Москву. В третьей инстанции мое дело застряло даже до сего дня. Жена была восстановлена во второй инстанции (20 апреля) и с тех пор стало несколько спокойнее… Я частным образом слышал, что мне дадут. За меня заступились тут Сергей Федорович (Ольденбург), Александр Евгеньевич (Ферсман) и Вениамин Петрович (Семенов-Тян-Шанский), и только их вмешательству я обязан тем, что не вылетел из Ленинграда в 10 суток. Если бы ты знал эти переживания. Я их ставлю гораздо более тяжелыми, чем сидение в тюрьме»[4].

Во время паспортизации основной задачей многих жителей крупнейших городов было получение документов, свидетельствовавших о принадлежности к «правильному» классу, что давало возможность получить паспорт при условии, если не обнаружатся другие свидетельства. В такой ситуации оказался, например, Вадим Шефнер:

> У меня до сих пор хранится справка, выданная мне (не помню, для какой надобности) управдомом Бурлаковым 22 августа 1933 года. В ней сказано, что она «Дана гр-ну Шефнеру В. С. в том, что он проживает в д. 17, кв. 31 по 6 линии В. О. Соц. положение рабочий, в списках лишенцев не состоит». Мать утверждала, что благодаря этой справке меня никуда не вышлют, ведь я, выходит,— пролетарий. Но это было слабое утешение… <…> Вскоре выслали из Ленинграда двух наших знакомых — за дворянство. Похоже, и к нашему семейству беда приближалась. Однажды, вернувшись с «Пролетария» с вечерней смены, я застал в своей комнатке мать и дядю Костю. Они жгли семейный архив; печка уже полна была бумажным пеплом. <…> Жгли грамоты с восковыми печатями, всякие документы, письма… Все эти бумаги, попади они при обыске в чужие руки, могли повредить и дальним родственникам, и знакомым. Жгли и те манускрипты, которые просто не имело смысла брать с собой в ссылку неведомо куда, ведь там они рано или

---

4 *Синицина М. В.* Даниил Осипович Святский: трагедия ученого // Вестник Брянского госуниверситета. 2009. № 2. С. 47–48.

> поздно пропадут, пойдут кому-нибудь на обертку, а то и в сортире кто-нибудь будет ими подтираться,— так лучше сжечь их теперь, не дожидаясь всего этого. Жгли не все подряд, а выборочно. Часть семейных документов сохранилась, в том числе рукописная книжка, куда с 1728 года вписывали браки, крестины, рождения и кончины семьи фон-Линдстремов. Сохранились послужные списки, письма некоторые и довольно много фотографий. Все это и в годы блокады не погибло, и теперь хранится у меня. После этого аутодафе дни шли за днями в тревожном ожидании— вот-вот раздастся ночной звонок у двери в нашу квартиру. Потом волна высылок начала спадать. Нас не тронули. Миновала нас чаша сия[5].

Такого рода попытки выборочного уничтожения семейной памяти, точнее, ее «очищения» как раз от того, что в прошлой жизни представляло особую ценность, вряд ли могли дать желаемый результат. Он был возможен в случаях, если члены семьи ко времени паспортизации успевали приобрести «правильный» социальный статус и хоть как-то в нем утвердиться. Тем не менее корректированием своего прошлого были так или иначе озабочены те из «бывших», кто надеялся получить паспорт.

Редактирование своей биографии, подделка различного рода справок, необходимых для установления «классовой принадлежности», — одна из наиболее распространенных стратегий поведения у тех, кто имел основания сомневаться в возможности получения паспорта и в «правильном» выстраивании своей дальнейшей жизни[6]. Причем эта стратегия была характерна не только для «бывших» (которые чаще всего сами покидали районы паспортизации или высылались), но и для тех, кто считал себя «своим», но имел какие-то нежелательные пятна в своей биографии. В качестве примера можно привести рассматривавшееся в 1948 г. дело бывшего зам. министра электропромышленности А. И. Товстопалова. Он обвинялся в том, что скрыл свое истинное социальное происхождение и национальность для того, чтобы иметь чистые документы и возможность стать комсомольцем, а затем и членом ВКП(б). Его отец был кузнецом-кустарем, имел свою кузницу, а

---

5 *Шефнер В.* Бархатный путь // Звезда. 1995. № 4. С. 62.

6 О редактировании своего прошлого представителями бывших привилегированных слоев см.: *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. С. 161 и далее.

Товстопалов выдавал его за рабочего по найму. Кроме того, отец летом занимался пастушеством и нанимал подпасков (т. е. по советской классификации принадлежал классу «эксплуататоров»). Мать была домохозяйкой, но он писал, что она является работницей-ткачихой. Сам Товстопалов работал с отцом в кузнице, а выдавал себя за рабочего по найму. Родители были евреи, а он был записан сперва украинцем, а затем — русским. Объяснял такое переделывание своей биографии он следующим образом: «В период вступления в комсомол я стыдился своего прошлого и своей национальности. Я также опасался, что если сообщу правильные сведения о себе, то меня не примут в члены комсомола и в члены ВКП(б), а я очень хотел быть членом партии»[7]. Товстопалов счел свое происхождение недостаточно пролетарским. Настоящий пролетарий не должен иметь отца, работавшего в своей кузнице, да еще и нанимавшего подпасков. Заодно он «подправил» и занятия матери. Изменения записи в графе «национальность» (а она изменена дважды — быть украинцем лучше, чем евреем, но хуже, чем русским) должны были способствовать выстраиванию карьеры комсомольца и будущего члена партии. Карьера состоялась, но в конце концов зам. министра был разоблачен.

Разумеется, такими действиями не исчерпывался набор стратегий, применявшихся для обретения нужной классовой идентичности. Как пишет Ш. Фицпатрик, «нередкими были и случаи откровенного мошенничества, например, покупки документов, свидетельствовавших об определенной классовой принадлежности. Но подобная практика порождала и свой “диалектический антитезис”: чем большее распространение получали случаи уклонения от “правильной” классовой идентификации и манипуляции процедурой “приписывания к классу”, тем с большей энергией рьяные коммунисты стремились “разоблачать” уклонявшихся от классовой ответственности и выявлять их истинную классовую принадлежность»[8].

После завершения паспортизации проблемы с получением паспорта стали касаться преимущественно тех, кто стремился перебраться из сельской местности в город. Как уже говорилось, формального запрета на получение паспорта у колхозников не

---

7 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1020. Л. 241.

8 *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 141.

было, но требовалась справка из правления колхоза о разрешении выйти из состава членов колхоза, получить которую было практически невозможно. Для взрослых единственным выходом была вербовка на стройки, лесозаготовки или промышленные предприятия. В таком случае можно было получить временный паспорт на срок договора, а позже был шанс продлить его и перейти в разряд постоянных рабочих.

В крупных городах предприятия, нуждающиеся в неквалифицированной рабочей силе, с середины 1960-х гг. получали квоту (лимит) на прописку определенного числа рабочих из сельских районов[9]. Так называемым лимитчикам давали временную прописку в общежитиях (с буквой «Л» в штампе прописки), и они должны были работать на данном предприятии в течение ряда лет (обычно от трех-пяти до десяти), после чего могли рассчитывать на постоянную прописку и постоянный паспорт. Не менее существенно, что после этого новоиспеченные горожане могли встать в очередь на жилплощадь, которая растягивалась на многие годы ожидания[10]. Все права терялись в случае увольнения, т. е. человек попадал в реальную кабалу предприятия.

Вот как описывается долгожданное событие обретения полноценного паспорта в воспоминаниях бывшего «лимитчика»: «Коренным ленинградцам не понять той радости, которая охватывала нас, когда, открывая паспорт на страницах 16–17, мы читали: «Ленинград: ПРОПИСАН….». И никаких буковок «Л». Ура! Город нас принял, теперь мы можем тоже называть себя гордым и ответственным именем ЛЕНИНГРАДЦЫ. Еще немного потерпеть, всего-то десять лет, и предприятие обеспечит квартирой, а там уже можно обзаводиться семьей, рожать и воспитывать детей. Но подошли к концу года восьмидесятые, и надломилось что-то в государственном механизме»[11]. Много лет жизни в общежитиях без права менять место работы — такова цена возможности жить в городе для тех, кто родился в непаспортизированной сельской местности и решил переехать в город во взрослом возрасте.

Несколько проще было получить паспорт детям колхозников, если родители имели возможность послать их еще в подростковом

---

9 *Loeber A. D.* Limitchiki: On the Legal Status of Migrant Workers in Large Soviet Cities. The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 11. N 1–3 (1984). P. 301–308.

10 *Переведенцев В. И.* Зацепиться за Москву // Новое время. 2003. 19 окт. С. 10–12.

11 *Резвов В.* Воспоминания бывшего лимитчика // Вечерний Петербург. 2000. 1 мая. С. 3.

возрасте на учебу в городские фабрично-заводские училища и техникумы. Дело в том, что по достижении шестнадцати лет всех живущих в сельской местности автоматически зачисляли в члены колхозов. Но если подросток учился в городе с 14-15 лет, то в 16 он вместе со своими городскими сверстниками получал паспорт. После достижения 16 лет уехать из колхоза на учебу было почти невозможно. Ср.: «Т. М. Масленникова, колхозница колхоза "Серп и Молот" Вологодского района, в своем заявлении от 24 февраля 1960 г. ссылалась на получение медицинского образования в городе. И чтобы совсем разжалобить правление колхоза "Серп и Молот", указала: "Отец погиб на фронте, мать меня одна воспитала. А мне прошу вас дать справку, для того чтобы получить право на работу и встать на самостоятельную дорогу в жизнь. В просьбе прошу не отказывать" <…>. Но правление отклонило и это заявление»[12].

Поступить учиться в город деревенскому подростку было непросто. Такой опыт имел Василий Белов, который писал: «…Н. А. Некрасов называл холопским недугом обычное подхалимство. Но можно ли называть холопским недугом страх беспаспортного деревенского мальчика, стоящего перед всесильным чиновником? Дважды, в сорок шестом и сорок седьмом годах, я пытался поступить учиться. В Риге, в Вологде, в Устюге. Каждый раз меня заворачивали. Я получил паспорт лишь в сорок девятом, когда сбежал из колхоза в ФЗО[13]».

Для тех, кто не имел возможности учиться в городских училищах и техникумах, был еще один шанс — служба в армии. Пожалуй, им пользовались чаще всего. После демобилизации молодые люди оставались на сверхсрочную службу, шли в милицию или на завод — всюду, где давали место в общежитии и надежду на постоянную прописку[14]. Однако этот вариант имел гендерные ограничения — девушек в армию не брали. У них была другая возможность — выйти замуж за «городского», но и в этом случае

---

12 *Шорина Е. Н.* «Оружие слабых» или уход крестьян из колхозной деревни в 1960–1970-е годы (на примере Вологодской области) // Актуальные аспекты современной науки, 2015. С. 98. Об обращениях колхозников во властные органы с просьбами освободить их от «колхозного рабства» см.: *Денисова Л. Н.* Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М.: Новый хронограф, 2011. С. 210.

13 *Белов В*. Раздумья на Родине. М. 1989, С.190.

14 *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.): как убежать из деревни // Украина криминальная (http://cripo.com.ua/print.php?sect_id=9&aid=78196 — Дата обращения: 17.04.2017).

правление колхоза могло не отпустить. Е. Н. Шорина приводит такой пример: «В своем заявлении, представленном на общее собрание колхоза “Серп и Молот” Вологодского района 12 февраля 1960 г., колхозница Бучина Г. А. так обосновывала причины, по которым хотела покинуть сельскохозяйственную артель: “Прошу общее собрание разобрать мое заявление и выписать меня из членов колхоза «Серп и Молот», так как после моего замужества сменила место жительства…” <…> Правление колхоза отказало заявителю в просьбе»[15].

Тем не менее колхозники использовали все доступные возможности перебраться в город. Численность сельского населения стремительно сокращалась. В той же Вологодской области всего за три года (с 1964 по 1967) оно сократилось на 25 %. Этому, конечно, способствовало и общее послабление по отношению к паспортным правилам в хрущевское время. И только по Положению 1974 г. сельские жители начали получать паспорта. Впрочем, «великого исхода» в города не случилось, и не только потому, что право покидать колхозы появится лишь в 1988 г., но и по причине отсутствия жилья в городах.

Определение национальности

Здоровая нация так же не замечает своей национальности, как здоровый человек — позвоночника.

Джордж Бернард Шоу

Те, кто имел (или получил) право на паспорт, должен был примерить на себя непривычные паспортные категории и, в частности, определить свою национальность, социальное положение и другие характеристики в соответствии с теми правилами, которые диктовали неизвестные им инструкции. Особую сложность для многих представляло определение своей национальной принадлежности.

В дореволюционной России национальная принадлежность определялась, как правило, по вероисповеданию и/или языку. Официальная практика была такова, что, например, лютеране счита-

---

15 *Шорина Е. Н.* «Оружие слабых»… С. 98.

лись немцами и наоборот, вчерашний немец автоматически становился русским, если он принимал православие[16]. Известна сцена из «Дамы с собачкой» А. П. Чехова:

> Анна. Моя фамилия фон Дидериц.
> Гурин. Ваш муж немец?
> Анна. Нет, он православный. Но у него, кажется, дед был немец.

Достоевский писал в дневниках: «Ты русский настолько, насколько ты православный». В последние десятилетия империи национальность (в тех случаях, когда возникала необходимость в ее фиксации) все чаще определялась не столько по вероисповеданию, сколько по «родному языку»[17].

---

[16] Ср.: «Анализируя состав офицерского корпуса российской армии накануне первой мировой войны, видный знаток проблемы П. А. Зайончковский подчеркнул, что графа "национальность" в официальных документах того времени отсутствовала и заменялась графой "вероисповедание". Но в "Военно-статистическом ежегоднике армии на 1912 год" графа "национальность" уже появилась, и автор писал: "Национальный состав Русской армии был в основном стабилен. Подавляющее большинство всех категорий офицеров (около 86 %) составляли русские. (В их число, в соответствии с существовавшим в то время порядком, включали также украинцев и белорусов). К 1912 г., по сравнению с 1903 г., можно отметить лишь два изменения: некоторое уменьшение доли генералов из поляков (с 3,8 % до 3,3 %), а также немцев (с 10,3 % до 6,5 %)". По сведениям этого ежегодника, из 1299 генералов немцев был 61 (6,55 %), протестантов — 63 (6,76 %); из 8340 штаб-офицеров — 212 (3,26 %) и 218 (3,3 %); из 38976 обер-офицеров — 878 (2,61 %) и 949 (2,82 %) Под протестантами понимались лютеране, евангелисты и реформаты. Из данных цифр видно, что и авторы "Ежегодника", и Зайончковский посчитали всех лютеран немцами. Так же автоматически они посчитали всех православных русскими. Но, открыв соответствующий список генералов, обнаружим там следующих "русских": Гибер фон Грейфенфельс, Шаффгаузен-Шёнберг-Эк-Шауфус, граф Граббе, барон Будберг, барон фон Мершейд-Гиллессем, барон Сталь фон Гольштейн, барон Мейендорф, барон Фитингоф, барон фон Неттельгорст, барон фон Медем, барон Икскюль фон Гильдебрант, а также Шмидт, Фогель, Флуг, Сиверс, Эльснер, Шульц, Фаленберг, Гартвиг, Ольдерогге, Шейдеман и др. Они оказались русскими на том основании, что в графе "вероисповедание" указали — "православный"» (*Меленберг А. А.* Люди. События. Факты. Немцы в Российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 127).

[17] О языке как признаке, определяющем национальность, заговорили уже на Международном статистическом конгрессе 1872 г. в С.-Петербурге. В последующие десятилетия эта тенденция проявлялась все в большей степени. См. подробнее: *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53, N 2 (Summer, 1994). P. 426 et al.; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 43 и далее; *Суни Р. Г.* Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 72.

Разработка советского проекта «национальность» осложнялась тем, что значительная часть населения имела весьма смутные представления о своей национальной принадлежности или не имела их вовсе, да и устойчивого перечня «национальностей», проживающих в СССР, не существовало (собственно, и до сих пор списки «уточняются» при каждой переписи)[18]. Как пишет В. А. Тишков в своей книге «Реквием по этносу», «Население страны вообще не понимало смысл этого понятия (национальность. — *А. Б.*), ибо пользовалось другими идентификационными категориями (православные, инородцы, местные самообозначения…)»[19]. По наблюдениям А. Карского, в Северо-Западном крае (будущая Белоруссия) «на вопрос: кто ты? Простолюдин ответит — русский, а если он католик, то назовет себя либо католиком, либо поляком…». В случае необходимости отделить себя от других он мог называть себя «тутэйшим», а свою родину «Литвой»[20]. Даже среди этнографов не было согласия. Например, Д. К. Зеленин в 1925 г. в своей известной работе «Russische (Ostslavische) Volkskunde» пишет о том, что русские — это не один, а два народа — южно- и северновеликорусы: настолько сильны, по его мнению, различия в говорах, материальной и духовной культуре.

В середине 20-х гг. усиленно разрабатываются принципы определения национальной принадлежности по языку и вероисповеданию, которые учитывались в переписи 1897 г.[21] При подготовке к первой советской переписи 1926 г. Комиссия по изучению племенного состава (КИПС) разработала список национальностей и

---

18 Перечни народностей, начиная с переписи 1926 г., см. на сайте «Демоскоп Weekly» (http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php — Дата обращения: 24.06.2017).

19 *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 193.

20 *Карский Е.* Белорусы. Т. 1. Варшава, 1903. С. 116.

21 Полный список вопросов, содержавшихся в переписном листе, состоял из 14 пунктов: 1) фамилия, имя, отчество или прозвище (с отметкой слепых, немых, глухонемых и умалишенных); 2) пол; 3) отношение к главе семьи и главе хозяйства; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать; 14) занятие — ремесло, промысел, должность или служба, отдельно — главное и вспомогательное. Кроме того, делались отметки о воинской повинности и о физических недостатках. При заполнении переписного листа первым всегда указывали хозяина, затем всех остальных членов семьи по отношению к нему: жена, сыновья, дочери (или дети по старшинству), мужья и жены детей, внуки, престарелые отец и мать, братья, сестры, племянники, дядья, тетки и т. д. Для снох, внуков и племянников имелись дополнительные отсылочные указания о внутрисемейном родстве.

приемы их определения. Применялась следующая процедура: сперва задавались вопросы о роде, племени или народности, к которым принадлежали родители; затем о вероисповедании и родном языке в детстве и сейчас, а в конце все это сопоставлялось с официальным списком национальностей[22].

В «инструкционных пояснениях по вопросу о народности» (так называлась будущая графа «национальность») к переписи 1926 г. было указано: «К вопросу четвертому: Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случаях, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос 4-й не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос 5-й о “родном языке”. <…> Хотя термин “народность” и поставлен с целью подчеркнуть необходимость получения сведений о племенном (этнографическом) составе населения, все же определение народности предоставлено самому опрашиваемому, и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее

---

22 «В. П. Семенов-Тян-Шанский, руководитель подкомиссии по переписи, подготовил список из пяти вопросов, который должен был помочь переписчикам определить национальность опрашиваемых. Согласно его предложению, переписчики должны были узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в “котором он родился”, принадлежность его к тому или иному вероисповеданию на время опроса, его разговорный язык в детстве, а также язык, которым он пользуется сегодня дома, наконец, его владение русским языком» (*Соколовский С. В.* Этническая идентичность в советских переписях населения. Доклад на конференции «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России». Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, февраль 2002: http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002–1.htm — Дата обращения: 17.04.2017).
О подготовке к переписям и категории «национальность» в советских переписях см.: *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2005; *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. 2005. Vol. 64. N 3. P. 440–455; *Silver B. D.* The Ethnic and Language Dimensions in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / ed. R. S. Clem. Ithaca; New York, 1986. P. 70–97; *Bondarskaya G. A.* Nationality in the Population Statistics in the U.S.S.R. // Challenges of Measuring an Ethnic World: Proceedings of the Joint Canada — United States Conference on the Measurement of Ethnicity / Statistics Canada and US Bureau of the Census. Ottawa and Washington, D.C., 1993. P. 333–361.

время себя относят[23]». Можно согласиться с мнением В. Тишкова: «…бесспорен сам факт, что именно тогда и с активным участием ученых самого высокого ранга была сконструирована категория национальность (народность), которая сегодня кажется столь непререкаемо фундаментальной не только для ученых и политиков, но и для “национализированного” населения»[24].

По Положению о паспортах, вышедшему в декабре 1932 г., графа «национальность» заполнялась (как и в переписи) со слов владельцев паспортов. Другими словами, все получавшие паспорта могли указать свою национальность, руководствуясь своими представлениями о том, что это такое. Подобное отношение к категории национальности сохранялось в течение нескольких лет. Заполнение этой графы практически никак не контролировалось, и на нее не обращали особого внимания ни владельцы паспортов, ни органы милиции[25].

Однако к середине 30-х гг. ситуация начинает меняться, что было непосредственно связано с формированием образа страны, находящейся в окружении враждебных сил. Основной угрозой представлялись сопредельные государства, которые имели свои диаспоры в Стране Советов. Представители этих диаспор («инонационалы» в терминологии НКВД) рассматривались в качестве потенциальных и реальных шпионов и диверсантов. Задачей органов становилось их выявление и обезвреживание[26]. В июле 1937 г. Политбюро поручает Н. Ежову дать приказ об аресте немцев, ра-

---

[23] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. III.

[24] *Тишков В. А.* Реквием по этносу… С. 195. В этом отношении показательна история с т. наз. сартами, которую подробно описал и проанализировал С. Н. Абашин: *Абашин С. Н.* Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (“проблема сартов” в XIX — начале XXI в.). Дис. … д-ра ист. наук. М., 2009. О «национальном строительстве» см. также: *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment… P. 414–452; *Hirsch F.* Empire of Nations…; *Weitz E. D.* Racial Politics without Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review. 2002. Vol. 61. N. 1. P. 1–29.

[25] Из последних работ о национальном вопросе в 20–30-х гг. см., например: *Дёнингхаус В.* Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 115–125.

[26] Выселение некоторых этнических групп началось раньше — например, финнов выселяли из Ленинградской области в 1935 г., — но проводилось это под предлогом раскулачивания.

ботающих на оборонных предприятиях[27]. Это распоряжение и так называемый польский приказ, вышедший в августе 1937 г., положили начало операциям, проводившимся по этническому признаку[28]. О характере «обезвреживания шпионской сети» говорят многочисленные свидетельства. Вот фрагмент одной из семейных хроник (речь идет о семье деда ее автора):

> Жили они в Смоленске. Его брат был женат на польке по имени Ядвига. Сирота, воспитывали тетки. Все ее помнили как очень добрую женщину, в семье ее звали Досенькой. Работала медсестрой. В 1937 году ее арестовали. Вина — имела радиоприемник и родственников в буржуазной Польше. Дали 10 лет лагерей. После лагерей жила в Соликамске. Или ссылка, или нельзя было вернуться. В 1958 или 1959 вернулась в Смоленск и вскоре умерла. У меня от нее сохранился только «Медицинский справочник для фельдшеров» 1948 года издания. Мужа ее, дедушкиного брата, вскоре тоже арестовали. Год отбыл в тюрьме, не осудили, выпустили. Повезло. У них был маленький деревянный домик, конфисковали. Жить негде, поселился у дедушки. Стал работать бухгалтером в столовой. В 1941 году замешкался с эвакуацией, беспокоился за дела в столовой. Остался в Смоленске под немцами и сгинул бесследно. Видимо, погиб. Они никогда не могли понять, за что советская власть репрессировала безобидную Ядвигу и зачем держала в тюрьме ее мужа. Оказывается, им еще крупно повезло[29].

В областных архивах находятся данные о том, как сотрудники НКВД, стремясь выполнить план по обнаружению польских шпионов, арестовывали лиц других национальностей и выбивали из них нужную национальность: «По распоряжению руководящего работника Донецкого УНКВД Вольского путем избиений от 60 арестованных украинцев, белорусов и русских были получены показания о том, что они являются поляками»[30].

---

27 Вскоре чистки распространились на поляков, эстонцев. См.: *Костырченко Г. В.* Дамоклов меч «пятого пункта» // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 218–219.

28 *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Мемориал (http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

29 Пионер. История России под коммунистическим игом (http://pioneer-lj.livejournal.com/1406759.html — Дата обращения: 17.04.2017).

30 Собрано в блоге (http://corporatelie.livejournal.com/15053.html — Дата обращения: 17.04.2017).

Сотрудники НКВД подозревали, что, пользуясь свободой в определении национальности, многие поляки числились по паспортам русскими и белорусами: «Поскольку учетные данные 30-х годов не носили всеобъемлющего характера, у чекистов отсутствовали развернутые данные на нерусских граждан. Не было даже учета польских перебежчиков, поэтому на поиски “инонационалов” были мобилизованы крупные силы, причем не только из вспомогательных служб. Например, оперативник КРО УНКВД НСО Вацлав Гридюшко под видом электромонтера получал доступ к домовым книгам и выписывал ежедневно по 5–8 нерусских фамилий (планы то надо ведь выполнять! 100 тысяч шпионов без электромонтеров, выписывающих фамилии из книг, никак не соберешь). Так же работали и в области (Мошковском районе), и в Барнауле, где, не мудрствуя лукаво, в поляки записывали всех с фамилиями, оканчивающимися на “-ский” (АУФСБ по НСО. Д. П-4505. Л. 352)»[31].

Как уже говорилось, в вопросе национальной принадлежности чекистам требовалась ясность, и она была введена Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апреля 1938 г. В соответствии с Разъясняющим указанием Отдела актов гражданского состояния НКВД СССР № 1486178 от 29 апреля 1938 г., «запись национальности должна быть произведена в соответствии с фактическим национальным происхождением родителей регистрирующегося». Этот Циркуляр и «Разъясняющее указание» (полностью приведено выше) не стали фактами публичного права, и о них не знали даже те, кого они непосредственно касались.

В материалах фонда Верховного Совета Союза ССР в ГАРФ находится ряд писем, адресованных в Совет национальностей Верховного Совета[32]. Подобные письма начали приходить в 1938 г., и продолжали поступать вплоть до начала 1950-х гг.[33] Заявители пишут о том, что в их паспортах значится «неправильная» национальность, и просят Верховный Совет исправить ошибку или уста-

---

[31] См.: там же. Подобного рода сюжеты рассмотрены в статье: *Дёнингхаус В.* Феномен перемены национальной идентичности накануне большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 294–304.

[32] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Некоторые из этих писем были рассмотрены Фрэнсин Хирш (*Hirsch F.* Empire of Nations... P. 297–302). См. также: *Baiburin A.* “The wrong nationality”: ascribed identity in the 1930s Soviet Union // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism / ed. by A. Baiburin, C. Kelly, N. Vakhtin. London: Routledge, 2012. P. 59–76.

[33] Об этом говорится в ежегодных отчетных докладах о работе паспортного отдела ГУ Милиции НКВД СССР. См., например: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 11. Л. 15.

новить «правильную» национальность (напомним, что по действовавшему на тот момент Положению о паспортах графа заполнялась со слов получателя паспорта). Письма интересны тем, что в них содержится двойное истолкование ситуации: как получилось, что им была приписана «чужая» национальность, и как должно быть «на самом деле» с точки зрения авторов. Таким образом, мы можем получить некоторое представление о том, каковы были практики «вписывания» национальности и какими соображениями руководствовались авторы в своих рефлексиях по поводу своей национальной идентичности.

Приведу одно из таких писем[34].

> От гр. Шуберт Юрия Иосифовича проживающего БССР г. Жлобин типография газеты «Шлях социализма»
>
> Заявление
>
> Прошу разсмотреть мое заявление и помочь мне. 20 июня 1939 г. я пошел в Жлобинский паспортный стол менять свой паспорт. 21 июня я получил новый. Пом. Начальника паспортного стола женщина (фамилия мне неизвестна) сделала мне в паспорте отметку следующего содержания: по матери русский, по отцу поляк. Когда я стал возражать, что отец мой поляком никогда не был а был чех, она (должно быть не умеющая разбираться в иностранных именах) основываясь на том, что деда моего по отцу звали Франц категорично заявила: «Ставлю поляк и все. А иначе совсем не выдам паспорта». Прошу Верховный Совет разобрать мое заявление по возможности скоро и чутко и помочь мне. Кто дал право грубым бюрократам приписывать чужую нацию.
>
> Я работник типографии газеты «Шлях социализма» ударник, комсомолец 1921 года нарождения полурусский получех и не желаю иметь чужое звание полуполяка.
>
> И прошу это с меня снять.
>
> 6. III-39

Чтобы немного расширить представление о характере обнаруженных заявлений, приведу по несколько строк из других писем:

> Просьба дать разъяснение правильно ли я определяю свою нацию. <…> Мать моя украинка. Родился я в 1911 году. До 1930 года проживал на территории своей родины БССР. Общность языка и культуры безусловно белорусская. Значит и сибя я отношу к Бело-

---

[34] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Л. 37.

руссам. А также я и мои братья и сестры пишимся по документам Белорусами. При приеме меня в кандидаты ВКП(б) всплыл вопрос «Почему я не поляк?» (Грушковский Н. В.)[35].

Мой дед который умер еще задолго до моего рождения, к великому моему сожалению был по национальности грек. Эта национальность по наследству перешла к моему отцу, который фактически вырос и умер в России и ничего общего с греческой национальностью не имел. Я родился, учился и вырос в Советском Союзе, мать моя украинка. Имею паспорт гражданина Советского Союза, состою на Военном учете Красной Армии и кругом меня преследует клеймо (зачеркнуто. — ***А. Б.***) — национальность — «грек». Желаю чтобы в документах значилась национальность, которая бы соответствовала действительности — Русский...» (Магула Н. М.)[36].

Протест авторов был направлен прежде всего против навязанной им «неправильной национальности»; показательны выражения вроде «меня записали», «мне поставили», подчеркивающие пассивную роль автора. Дело в том, что каждый получатель паспорта должен был заполнить Форму № 1, но затем эти сведения сверялись работниками паспортной службы с данными домовой книги и др. документами, и окончательный вариант записи в паспорте принадлежал им, а не обладателю паспорта. Это обстоятельство и позволяет авторам представить себя жертвами произвола местных чиновников — стратегия, которая кажется оптимальной при обращении в высшие инстанции. Получалось, что для тех, кто производил такие записи, они были рутинным бюрократическим действием, в то время как владелец паспорта вкладывал в эту запись глубокий смысл, который он и пытался донести до высшего руководства страны. Такая позиция подкрепляется подчеркнутым соблюдением рамок заданной логики в сочетании с демонстрацией своей лояльности, которая, как правило, подтверждалась сведениями об ударном труде, статусе комсомольца и даже о нахождении на военном учете. Это проявляется и в подчеркнутой демонстрации того, что С. Коткин назвал умением «говорить по-большевистски» — на том языке, который сам по себе служил свидетельством лояльности говорящего[37].

---

35 Там же. Л. 15.
36 Там же. Л. 43.
37 *Коткин С.* Говорить по-большевистски… С. 250–328.

Авторы писем старались обосновать свою «правильную» национальность по тем признакам, которые они считали убедительными в создавшейся ситуации. Чаще всего отнесение себя к национальности основывается на «происхождении», причем это слово использовалось в двух смыслах: генеалогическом (кем считали себя предки, родители) и географическом/территориальном (родился в Белоруссии, Украине и т. д.). Ссылки на родной язык сами заявители явно не считают достаточно серьезными, и поэтому они идут в связке с другими признаками: «общность языка и культуры (у меня) безусловно белорусская»[38].

Встречается и указание на вероисповедание, но при этом подчеркивается, что оно не может быть критерием при определении национальности. Некто Станислав Заливако в своем письме пишет: «Дело обстоит так: Деды, мать, отец и я родились все в Белоруссии, но вероисповедания были римско-католического (по старому). Так вот, исходя из этого мне говорят, что я поляк; в то время, и родители и я все время писались и щитали себя белоруссами и никто никогда не говорил, что это неверно. Прошу дать ответ-справку какой я должен быть национальности, но по-моему бывшее вероисповедание не должно служить определением национальности. Тогда и француз выйдет поляком в силу того, что он католик»[39].

Основной акцент правильности/неправильности приписанной национальности делается на воспитании, обычаях, и шире — на культуре (как сформулировано, например, в письме гр-на Рамих: «Формально по национальности я значусь немцем, но по существу ничего немецкого во мне нет. Я не знаю ни немецкого языка, ни немецких обычаев и нравов, все время общался и воспитывался среди русских»[40].

Авторы писем склонны понимать национальность не только и не столько по происхождению, сколько как результат социализации. Они, конечно, не знали о Циркуляре НКВД, которым был изменен порядок определения национальности, однако прекрасно чувствовали, что быть поляком, немцем, греком и т. д. стало смертельно опасно. Любопытно, что в юридическом отделе Верховно-

---

[38] Это явная цитата из статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Ср.: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин И. В.* Сочинения: В 16 тт. Т. 2. М., 1946. С. 293).

[39] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Л. 26

[40] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 12. Д. 87.

го Совета не знали, что делать с этими письмами и почему их авторам «записывают национальность не ту, к которой они себя причисляют». Создается впечатление, что Циркуляр НКВД был неизвестен даже Верховному Совету. В частности, непонятно было, что делать тем, у кого родители принадлежали к разным национальностям. На запрос Верховного Совета из НКВД пришел ответ, подписанный начальником Гл. управления РК милиции НКВД СССР майором госбезопасности Серовым:

> На Ваш запрос от 5./II-39 г. № 527/8 сообщаю:
>
> Лицам, имеющим родителей разных национальностей, т. е. отец поляк (немец, итальянец и т. д.), а мать русская (украинка, грузинка и т. д.), — национальность в паспорт, по оперативным соображениям, записывается по обоим родителям. Например: отец поляк, мать русская, отец белорусс, мать немка и т. д. Однако, это не лишает их права в других документах указывать одну из перечисленных национальностей, т. е. по отцу или матери[41].

Письма продолжали поступать, нужно было как-то реагировать, и в секретариат Президиума Верховного Совета СССР поступила Докладная записка «О письмах, поступивших в Президиум Верховного Совета СССР по вопросам об определении национальности лиц, родившихся от родителей разной национальности. Датируется Записка 24 января 1940 г., подписана зам. зав. Юридическим отделом Президиума тов. Архиповым и консультантом Юмашевым:

> За последнее время в Президиум Верховного Совета СССР поступают письма от лиц, родившихся от родителей разной национальности. В своих письмах заявители указывают, что при получении документов (паспорт, комсомольский билет и др.) им против их воли и согласия в документах записывают национальность не ту, к которой они себя причисляют, а национальность матери или отца. Командное Управление Наркомата Военно-Морского флота 22 окт. 1938 г. по вопросу о заполнении новых личных дел на командно-политический состав дало письменное разъяснение: «Во всех сомнительных случаях национальность определять по матери, указывая в скобках национальность отца, напр. мать еврейка, отец — украинец, писать «еврей» (отец украинец). В тех случаях,

[41] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 304. Л.1.

когда национальность, определяемая беседчиком, будет расходиться с национальностью, указанной в партдокументах лица ком. и нач. состава, например, товарищ по партдокументам числится русским, мать у него — немка, писать в личном деле: «русский» (мать немка)». Главное Управление РК Милиции НКВД СССР дало ведомственное распоряжение о том, что при выдаче паспортов лицам, родившихся от родителей разной национальности, графу «национальность» заполнять не со слов опрашиваемого, а указывать национальность родителей, не указывая национальность владельца паспорта. 26 июля 1938 г. СНК СССР утвердил инструкцию ЦУНХУ о переписи населения 1939 г. Согласно этой инструкции, 7-й вопрос переписного листа: национальность, — «Записывается национальность, к которой причисляет себя сам опрашиваемый». «Правда» 13 янв. 1939 г. по этому вопросу писала: «Лишь в стране социализма национальный вопрос получил действительное разрешение, прочно и незыблемо закрепленное Сталинской Конституцией. На вопрос о национальности каждый гражданин СССР будет отвечать по свободному самоопределению. Национальность и родной язык записывается так, как укажет сам опрашиваемый». На основании ст. 123 Конституции СССР и инструкции ЦУНХУ о переписи населения 1939 г., утвержденной СНК СССР, полагаем, что установившаяся практика заполнения графы «национальность» в паспортах и др. документах не соответствует требованиям законности[42].

Вывод, к которому пришли работники Верховного Совета, конечно, справедлив, но они-то должны были знать о существовании двух изводов официального права. В этой сводке постановлений о порядке заполнения графы «национальность» отсутствует главное — упомянутый выше Циркуляр НКВД от 2 апреля 1938 г. Это подтверждает наше предположение, что даже высшие органы власти не были посвящены в дела НКВД, ориентированные на все население страны. Что уж говорить о самом населении, которое должно было определять национальность по неведомым правилам.

Новый порядок определения национальности был внесен в Инструкцию по применению Положения о паспортах только в 1940 г., но она (как и все паспортные инструкции) имела гриф «Секретно». Письма граждан и запросы от официальных органов продолжали поступать[43], но НКВД не торопился с открытой публика-

42 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 304. Л. 8–9.

43 Например, в 1952 г. некто Р. Белик (подписавшийся «проф., член ВКП(б)») адресовал Сталину письмо, в котором спрашивал, правильно ли определять националь-

цией. Лишь в Положении о паспортах 1953 г., опубликованном мизерными тиражами и не полностью, появились соответствующие разъяснения о заполнении графы «национальность». Таким образом, зазор между свободным определением национальности и предписанным («национальность по родителям») оказался не двадцать лет, как можно было бы понять из опубликованных документов, а всего лишь пять лет (с 1933 по 1938 г.), и вызвано это было соображениями «оперативного» характера.

Эта ситуация прекрасно иллюстрирует функционирование правовой системы в СССР. Официально все эти двадцать лет действовали Положения, согласно которым графа «национальность» заполнялась со слов владельцев паспортов. Однако советский человек верил не написанному, а конкретным практикам. Содержание «совершенно секретного» циркуляра транслировалось в народные массы действиями работников милиции и без труда было усвоено этими массами, привыкшими к такой форме восприятия советского законодательства. При этом порядок определения национальности «по родителям» стал общим: не только для «сомнительных», но и для всех граждан СССР. Можно лишь констатировать, что за весьма короткое время «национальность» из чего-то необязательного и малопонятного превратилось в нечто вполне определенное: свойство, которое каждый человек получает при рождении, наследуя его от родителей.

Новый порядок определения национальности стал действенным инструментом при развернувшихся в конце 1930-х и в 1940-х гг. этнических депортациях[44]. Одним из многих эффектов депортаций по национальному признаку стало резкое увеличение числа поддельных записей в графе «национальность». Записи «немец», «поляк», «калмык» и др. чаще всего менялись на «русский»[45]. Разумеется, не все обладатели опасных записей прибегали к под-

---

ность по происхождению, а не «по тем основным признакам нации, которые сформулированы в Вашем классическом определении нации?». Отвечали ему, разумеется, специалисты по национальному вопросу (из институтов философии и языкознания), которые пытались сказать, что автор письма не различает нации и национальности и вообще запутался в этой проблематике. В результате на имя Г. М. Маленкова была выслана записка о том, что «автору даны разъяснения по существу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 293. Л. 137–149).

[44] Сталинские депортации 1928–1953. М.: Материк, 2005. (Россия. XX век. Документы); *Полян П.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. Vol. 70. № 4 (December 1998). P. 813–861.

[45] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 409.

делкам. Были и те, кто пытался «исправить» национальность легальным путем, однако немногих из них ждал успех. В докладе о работе паспортного отдела милиции за 1944 г. отмечено: «В соответствии с циркуляром НКВД <…> от 29.12.43 от Управлений милиции поступило и рассмотрено 65 заявлений граждан об изменении в паспортах записи о национальности. Из них удовлетворено — 4, отказано — 42, остальные направлены на периферию для оформления»[46].

Послевоенные поколения воспринимали введенный НКВД порядок определения национальности по родителям как данность. После кампании по борьбе с космополитизмом дискриминация по национальному признаку перешла из сферы государственной политики в повседневность и приняла разнообразные формы[47]. Пожалуй, только у тех, чьи родители были (по паспорту) русскими, не возникало особых проблем с «пятым пунктом» — в частности, с его восприятием окружающими. Все остальные в той или иной степени ощущали свою принадлежность к «другой» национальности[48].

Начальный опыт переживания неравенства национальностей приобретался в процессе первичной социализации на коммунальных кухнях, во дворах, в школах. Приведу фрагмент из записей Михаила Берга: «…одно из самых мучительных переживаний детства, когда каждый раз, в начале сентября, учительница в классе начинала заполнять журнал, вызывая всех в алфавитном порядке с одним единственным вопросом: петров-сидоров-коля-вася — какая у тебя национальность? А так как я учился в новостройках на Малой Охте, соседних с деревней Яблоновка, то и Вася, и Коля, и Сидоров, и Петров оказывались, как ни странно, представителями титульной нации, русские то есть. А я, как кошмара, ждал момента, когда мне надо будет вставать с места и упавшим голосом, отрепетированным про себя двадцать два раза, произнести небрежно и жалко: еврей.

---

46 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 11. Л. 15.

47 Об изменении отношения к этничности в советское время см.: *Воронков В.* Приватизация этничности vs. «национальная политика» // Куда пришла Россия. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШ СЭН. 2003. С. 206–214; см. также: *Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: НЛО, 2007.

48 О формировании титульных национальностей см.: *Барбашин М. Ю.* Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 45–50.

Единственный еврей в гулком классе»[49]. Всем тем, чья этническая принадлежность отличалась от таковой большинства, приходилось пережить (и затем неоднократно переживать) осознание своей инакости[50]. Ситуация усугублялась в тех случаях, когда она носила публичный характер. «Списочное» оглашение национальной принадлежности в школе относилось к числу наиболее травматичных процедур. Такая практика существовала не повсеместно и нередко еще до школы происходило открытие своей инаковости.

Естественно, многое зависело от актуального окружения, но в любом случае «другой» становился объектом стигматизации в той или иной форме. Театральный художник и писатель Эдуард Кочергин на вопрос «Когда вы поняли, что вы поляк?» ответил: «Когда стали бить. До четырех лет не знал русского языка [в семье говорили на польском]. Когда забрали матушку, попал в детский приемник-распределитель НКВД. Я пшекал — стали драться. Вот тогда я понял, что я какой-то особенный, не такой, как все. Замолчать пришлось на два года, пока не изучил русский. В среде, связанной с лагерями и тюрьмами, я заговорил на соответствующем русском, стал хорошо ругаться»[51]. Стремление слиться с другими, стать «как все» — типичная стратегия избавления от своей национальной выделенности, но спасти она могла только в том случае, если в паспорте появлялась запись «русский», или на худой конец — титульная национальность союзной республики.

Разумеется, знакомство со своей национальной принадлежностью могло быть и не таким травматичным, но осознание своей «инакости» становилось постоянным фоном иногда с раннего детства:

> Это *одно из самых ранних воспоминаний моего детства — дело в том, что я очень рано научилась читать, и одна из первых вещей, которые я прочла, был паспорт моего дедушки, Вени Вольтовича Штадмана, где было написано «еврей». И вот тогда я стала выяснять, что такое «еврей». Мне было тогда лет 5–6. Мне кажется, мне не дали тогда никакого внятного объяснения. Еще я обратила внимание на то, что слово «еврей» в ин-*

---

49 *Берг М.* Россия как пятый пункт (запись в Facebook : Михаил Берг. 2015. 4 апр.).

50 Об установлении этнических границ извне, от представителей другой этнической общности см.: *Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries / ed. F. Barth. London, 1969. P. 15–16 и др.

51 Cogita.ru. 23.09.2013 (http://www.cogita.ru/polskii-peterburg/sovremennost/eduard-kochergin-oschutil-sebya-polyakom-kogda-stali-bit — Дата обращения: 17.04.2017).

теллигентной или квазиинтеллигентной среде произносится пониженным тоном, что это какая-то тайна… (9. Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF 09. Ж., 1982 г.р.).

Отношение русских к представителям других национальностей формировалось по большей части в ближайшем окружении, среди «своих». Вот показательный фрагмент из интервью об установлении этнических границ в соответствии с уже имеющимися представлениями о «других». Рассказ принадлежит женщине 1963 г.р., имеющей среднее специальное образование, но занимавшейся главным образом физическим трудом.

Инф.: *Я просто помню, что смешно: у нас все кареглазые, все с большими носами и с фамилиями как бы не российскими — и все были «русские» у нас…*

Соб.: *…А вы думаете, что они по своему желанию писали национальность вот в эту строку «русские». Или им, может быть, кто-то советовал это сделать? Может, родные? Может, там, я не знаю, работники паспортного стола?*

Инф.: *Ой, ну евреи не дураки. Зачем-то им это надо было… я так думаю. Взрослые папы, мамы, дедушки и бабушки — все с образованием. Я думаю, они это делали, что-то им, видимо, в этом надо было… Ну как бы <…> я лично не специалист, но, видимо, люди это делали для чего-то… Или боялись, может быть, каких-то осуждений. Может быть, просто разговоры людям как бы мешали. Не знаю. Мода была быть русским.*

Соб.: *А вы не задумывались, когда вот вписывали свою национальность? Вот для вас не стоял вопрос, что написать?*

Инф.: *Ой, нет. У меня вообще родители очень деревенские, простые. На тяжелых работах. Они все начинали с нуля, как бы без всякой помощи. Поэтому нам ни за что не было стыдно. То есть раньше, наоборот, воспевался труд рабочего…*

Соб.: *Я имею в виду национальность…*

Инф.: *Ну евреи же не рабочие. Нигде они… Их не увидишь ни грузчиком, ни у станка. А нам было не стыдно ни за что* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-03. Ж., 1963 г.р.).

В этом фрагменте интервью представлен целый букет характерных риторических конструкций: от распространенных представлений о маскирующихся чужаках, желающих льгот («все кареглазые, все с большими носами и с фамилиями как бы не российскими») до объяснения национальной специфики через отношение к труду

(«евреи же не рабочие»). Вдобавок ко всему — нескрываемое чувство гордости за свое исконно русское происхождение и с трудом скрываемое снисхождение по отношению к чужакам.

Решающим моментом становилось получение паспорта. В смешанных семьях предстоящий выбор национальности обычно заранее обсуждался, и родители (либо другие взрослые родственники) старались внушить правильный с их точки зрения выбор национальности из двух возможных.

> *И мы к этому как-то подготовились. И я-то, зная то, что мама, значит, числится русская, а папа белорус, вот, значит, мы… это самое, обсуждали вечером, что, я говорю: «Вот, у нас паспорта, значит, будут, вот, — я говорю. — А как вот мне писать?» И я говорю, что вот, значит: «Ну я, значит, тогда "белорус" напишу». А потом, а мама говорит: «Да… да брось ты, — говорит, — да пиши ты "русский". Проще, — говорит, — так будет». Хотя я думал, что, значит, вот по папиной. Но это мы тоже понятия-то не имели. В общем-то, нас ну в кои веки, не каждый день нас спрашивают, кто ты. Я знаю только, что папа вот белорус, а мама русская. Ну и так вот решили это просто. Говорит: «А, пиши "русский". Проще, — говорит, и все»* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-35. M., 1939 г.р.).

Нельзя не обратить внимание на небольшой штрих в описании национальной принадлежности: «мама… числится русская, а папа белорус». В этом *числится* сконцентрировано отношение к национальности как к чему-то формальному и находящемуся за рамками актуальной действительности — тому, что мы назвали «документной национальностью». Вместе с тем, даже в такой, казалось бы, безобидной ситуации дети вынуждены были совершить непростой выбор: отдать предпочтение отцу или матери. Именно поэтому инициатива, как правило, исходила от старших, которые, сообразуясь со своим опытом, могли соотнести выбор национальности с будущей жизнью ребенка («…пиши русский, проще будет»). Это «проще будет» встречается во многих интервью как универсальное основание для выбора «правильной» национальности. Дело, разумеется, не в простоте, а в отсутствии препятствий, которые неизбежно влечет за собой выбор другой национальности. Другими словами, «правильная» национальность рассматривается как некий ресурс, необходимый для реализации личного биографического проекта. Впрочем, так было далеко не во всех семьях.

Судя по имеющимся материалам, не были уникальными случаи, когда дети совершали самостоятельный выбор.

Инф.: *Сенечка мой* (брат — *А. Б.*) <…> *в Новосибирске он получал паспорт свой. Он поступил тоже электриком на работу после седьмого класса, чтобы поступать в институт потом. И там тоже было, мы дома что-то, значит, собрались это. Празднество, что вот Сеня получил паспорт.* <…> *Там что-то собрали на стол, ну что тогда было в войну. Боже мой, мы ели это. И он пришел расстроенный и говорит: «А я не получил». — «А почему?» — «Она мне написала "русский"!» — «Ну и что?» — «А я сказал: "Ну я же не русский". Она говорит: "Ну какая разница. Я уже написала. Я же бланк испортила, мне будут неприятности"». А он сказал: «Ну как же, у меня родители евреи, и я вдруг… Нет, я так не могу их предать. Ни за что». И не взял паспорт. Дурак, потом бы ему легче было* (AHRC SPb-08 PF7 AP. Ж., 1917 г.р.).

В этом эпизоде военного времени показательно сошлись три точки зрения на одно и то же событие. Брат информантки счел запись другой национальности предательством по отношению к родителям. Сестра уже постфактум не оценит его благородство и осудит опрометчивое поведение брата, не заботящегося о своем будущем («потом бы ему легче было»). Паспортистка явно не ожидала такой черной неблагодарности, а кроме того, ее ожидали неприятности из-за испорченного бланка, каждый из которых был на строгом учете.

Выбор заведомо непрестижной национальности мог происходить даже в ситуациях, когда никакого выбора не предполагалось, поскольку родители принадлежали к одной национальности.

Инф.: *Дело в том, что мне, в принципе, не приходилось выбирать. Но папа мне говорил: «Тебе надо сделать национальность такую, какая принята в России, в СССР». Я сказал: «Нет».*

Соб.: *То есть у родителей у обоих была еврейская национальность, но папа считал, что лучше, чтоб этого не было в паспорте у Вас?*

Инф.: *Да, он знал, что это… да, он же работал в КГБ — он знал, как всё это дело, с национальностью обстоит дело.*

Соб.: *А у него это сказывалось на чем-то, у отца?*

Инф.: *Никто не знал, что он еврей.*

Соб.: *Так а как же? У него же был паспорт.*

Инф.: *А кто смотрит паспорт? Смотрят на лицо.*

Соб.: *Ну да? Ну так и для Вас, тогда получается — какая разница? У Вас же тоже не смотрят паспорт. Или смотрят?*

Инф.: *Смотрят, а как же? Я же… у него проще что было? Его брали по партийному набору в КГБ, предположим. Слесарем брали всех, кем бы ты ни был. И паспортов не было, когда он был слесарем. Там он продвинулся — из слесарей стал… с папой такая* [история]. *Он у меня без образования. Но очень умный* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 10. М., 1931 г.р.).

В этом отрывке все построено на иносказаниях и умолчаниях. Отец не называет «принятую» национальность, но понятно, что он имеет в виду. «Сделать национальность» — одно из выражений, означающих получение нужной записи в обход существующих правил. Сын не хуже отца понимает, что время изменилось и пример отца не актуален, и, тем не менее, говорит «нет», сознательно отказываясь от явно сформулированного предложения облегчить дальнейшую жизнь.

Другой пример самостоятельного выбора национальности относится к концу советского времени, и этим, вероятно, объясняется его нетривиальность. Женщина, у которой отец еврей, а мать русская, решила, что она украинка, поскольку она родилась и жила в Киеве.

> *Ну, я приняла решение очень давно, это было сразу, как только начала свою сознательную жизнь, я поняла, что у меня национальность будет «украинка». Это даже не обсуждалось, вот. <…> А при получении паспорта нужно было написать анкету, и там была национальность. Так вот мама вечером меня спросила: «Что ты написала в графе «Национальность»? Я сказала, что «украинка». «Почему?» — стала на меня орать: «У тебя из-за этого будут всегда проблемы, вот, что… к украинцам применяют меры, типа… что сложно будет поступать, и вообще, что… зачем ты это сделала, они — пятая колонна в государстве советском…» То есть ругала меня сильно, но я сказала, что это мое решение* (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-26. Ж., 1975 г.р.).

Помимо самостоятельного выбора национальности, не совпадающей с национальностями родителей, обращает на себя внимание то, что информанту «записали» национальность, отсутствующую в Свидетельстве о рождении. Следовательно, «биологическое» определение национальности уже не казалось единственно воз-

можным, да и сама графа не воспринималась такой опасной, как прежде. Ну и конечно, аргументы матери против выбора национальности «украинка» поразительно созвучны риторике сегодняшнего дня, вплоть до «пятой колонны» — хотя речь идет, скорее всего, о 1991 годе.

Основания для выбора национальности могли быть разными. К тому же вмешательство в этот процесс случая (в лице паспортистки) могло привести к нетривиальной ситуации распределения национальной принадлежности даже в пределах одной семьи. Ср.:

> *Папа и рассказал мне историю про своих хороших друзей, которые шутили, что они — «интернациональная семья». У них папа был еврей, мама — немка, и три дочери. Одна дочка, старшая, очень любила папу, и поэтому себе в паспорте записала «еврейка». Вторая дочка решила, что «еврейка» — неправильно и что правильнее написать национальность по маме, более нейтрально — «немка». А у младшей дочки ничего не спросили, и сама она ничего не сказала, и ей написали — «русская»* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF-54. Ж., 1959 г.р.).

Здесь представлено еще одно подтверждение того, что строгие предписания относительно выбора национальности выполнялись далеко не всегда и не везде.

В подобных историях работники милиции (при всей непредсказуемости их действий по «записыванию национальности») выступают обычно в роли сочувствующих и понимающих:

> ...Т. Г. рассказала мне, как в конце 1952 года она потеряла паспорт и пошла в милицию восстанавливать документ. Начальник отделения посмотрел на ее анкету, вздохнул и сказал так:
>
> — «Национальность — еврейка»... Знаете, а может быть, сейчас лучше этого не писать? Такое время сейчас... Может быть, у вас есть какие-нибудь документы, чтобы можно было другую национальность указать?
>
> — У меня, — ответила Т. Г., — только метрика. Есть, правда, еще справка о крещении...
>
> — Несите! — сказал милиционер. — Несите эту справку, вот и запишем вас русской. А то, знаете, такое время...[52]

---

52 Роман Лейбов. Запись в Facebook от 9 ноября 2014 г.

Подобные не вполне легальные способы обретения нужной записи сочетались с вполне нелегальными. В следующем интервью речь идет о детях репрессированных немцев:

> *Томасу, нашему одному брату, при выходе из детдома написали, что он немец, а второму, его родному брату, в другом детдоме — их не поселили вместе — написали, что он поляк. Потому что директор детдома думал, что если поляк, то это ему будет легче жить. Так что о чем говорить? Это вообще... десятки миллионов людей жили по выдуманным абсолютно биографиям, под выдуманными и непра... под фамилией матери в лучшем случае, или еще вообще неизвестно какой. Для того, чтобы поступить в институт, была затеяна целая операция по изменению национальности: в 1952 г. свидетельства о рождении, в которых фиксировалась национальность родителей (отец — немец), были уничтожены работником ЗАГСа и паспорта получали уже по новым свидетельствам. <...> Мама заплатила этому человеку в ЗАГСе, который нам выписал эти свидетельства о рождении новые* (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-27. Инф. 1 Ж., 1937 г.р.).

На такие откровенно нелегальные способы получения нужной записи в «пятой графе» решались по той простой причине, что нужная национальность рассматривалась в качестве серьезного ресурса, который мог если не помочь, то хотя бы не повредить при выстраивании такой жизненной стратегии, которая включала учебу в институте. Вместе с тем «определить» национальность могли и сами работники милиции, основываясь на данных свидетельства о рождении.

Инф.: *Отец у меня украинец. По идее, мне должны были как по отцу, если мы... я... должны были поставить, что ты — хохлушка. А я вот — русская, потому что я родилась на Урале, потому что я... мама у нее русская. И все корни там русские. Поставили «русская», да. <...>*

Соб.: *То есть паспортистка, она сама записала в паспорте, что вы русская, или...?*

Инф.: *Да. Сразу паспортистка переписала со свидетельства.*

Соб.: *Даже вас не спрашивали?*

Инф.: *Нет. Не спрашивали. Никто не спрашивал. Никто не спрашивал, сразу же...* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

В этом конкретном случае выбор паспортистки совпал с самоощущением владелицы паспорта, но следует учитывать, что рассказ был записан через много лет после описанного события. Противоположный пример, когда точки зрения работника милиции и владельца паспорта категорически не совпали, приводит И. В. Ачкинази: «По воспоминаниям Р. Гурджи, возвратившейся в Симферополь осенью 1945 г. из фашистского плена, она обратилась за получением паспорта в отделение милиции. Сотрудник милиции отказался выдать ей паспорт с национальностью крымчачка, мотивируя это тем, что все крымчаки расстреляны, а потому она или татарка или еврейка чудом уцелевшая (по ее словам, сотрудник милиции задал ей вопрос: почему вы не там, где все крымчаки, — не захотев выслушать ее истории)»[53]. В каждом отделении милиции должны были быть списки национальностей, с которыми нужно было сверяться, однако сотрудник милиции явно полагался на свои неформальные знания. В любом случае запись в графе «национальность» во многом зависела от сотрудников паспортных столов и отделений милиции, особенно в тех случаях, когда речь шла о малочисленных и малоизвестных национальностях. Ср. о селькупах Томской области: «…очень немногие в советские времена отваживались писать в паспорте в графе национальность, что они селькупы. Кстати, тогда им, если и писали, то просто “остяк”. Остяками записывали селькупов, хантов, кетов, ненцев. Но все предпочитали писать “русский” — так было удобнее. И только после распада Советского Союза, когда появились льготы для малочисленных коренных народов по охоте и рыбалке, появились материальные стимулы, все бросились доказывать свою национальную принадлежность к селькупам, к хантам. По переписям видно, что их количество сразу кратно возросло»[54]. Аналогичную картину «выбора» национальности можно обнаружить и у других малых народов Севера. При этом следует отметить, что для так называемых национальных кадров существовали льготы при поступлении в высшие учебные заведения и преимущества в дальнейшем карьерном росте. Этот вопрос находился под неусыпным контролем высших органов власти. Например, 20 марта 1935 г. состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором обсуждалась ситуация укомплектования национальными кадрами 1-го Меди-

---

53 *Ачкинази И. В.* Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. С. 128.

54 *Корнева Ю.* Лесенка для боженьки // Агентство новостей ТВ2 (http://www.tv2.tomsk.ru/real/lesenka-dlya-bozhenki — Дата обращения: 17.04.2017).

цинского института. На нем отмечалось падение процента «студентов-националов» с 26 % в предыдущий год до 18 % в текущий. В связи с этим было решено «обязать Наркомздрав разработать план мероприятий, обеспечивающих увеличение количества студентов-националов»[55].

Забота о национальных кадрах на евреев не распространялась. Для тех из них, кто оставил «неправильную» национальность или не смог ее изменить, она становилась существенным препятствием в учебе и карьерном росте. Вот продолжение истории о принципиальном еврейском юноше, отказавшемся становиться «русским».

Инф.: *— «Не-ет», — сказал я. Потом всю жизнь мучился. <…> И когда на работу устраивался, и когда работал. Моей жене — если вот так… не для записи. Моей жене, например, когда она вышла замуж за меня, устроили бойкот. С ней никто не разговаривал. <…> Весь отдел. «Как ты могла, русская, выйти замуж за…»*

Соб.: *Это какой год был?*

Инф.: *Семьдесят третий. Тридцать — сколько? — пять лет назад.* <…> [Дальше рассказывает о том, как райком комсомола не утвердил его на должность, и одновременно с этим утвердил на более высокую должность человека, имевшего почти одинаковые с ним биографические и профессиональные характеристики, подразумевается — за исключением графы «национальность»]

…Вот. И, короче говоря, пошел я сам устраиваться. Нигде не устроиться — никто не берет.

Соб.: *Так а Вы думаете, что это каким-то образом связано?*

Инф.: *Я не думаю, я знаю! <…> Я ведь ни на какие должности блатные не претендовал. В литейный цех, мастером — простейшая должность. Не директором завода. И вот он говорит: «У него есть один недостаток». Директор его спрашивает: «Какой?» — «Ну с пятым пунктом у него не все в порядке». Он: «Да ладно, пошел он, этот пятый пункт! Пускай приезжает, я сейчас начальнику кадров позвоню. И пускай пишет заявление». И меня в двадцать третий цех, на мартен. Я мастером стал работать. Вот.* [Дальше следуют еще несколько историй о том, как его были готовы взять на хорошую работу, но не взяли «из-за пятого пункта»] (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 10. M., 1931 г.р.).

[55] РГАСПИ. Ф. 1. Д. 69. Л. 233.

Подобных рассказов, содержащих описание разнообразных проявлений ксенофобии, довольно много[56]. Приведу еще короткий отрывок из другого интервью.

> *Когда я уже вернулся после отработки в Томске, то в принципе устроиться на работу было практически невозможно по специальности. Невозможно. То есть куда я ни приходил, значит, со мной начинал кадровик беседовать, когда заглядывал в паспорт, говорил: «Вы знаете, у нас сейчас не требуется никого»* (SPb-06, NE. М., 1929 г.р.).

В 70-е гг. запись «еврей» в графе «национальность» стала рассматриваться в качестве основания для эмиграции и из стигматизирующего признака превратилась в существенный символический ресурс.

> *Когда вот эта вот поехала первая волна в Израиль — у меня знакомых очень много уехало, — они, в принципе, ходили и меняли паспорта, то есть если кто-то из родителей был евреем, то, пожалуйста, можно было делать — и тебе напишут «еврейка» или, там, «еврей». И можно было взять, допустим, почему мы все находимся, были на материнской фамилии, только из-за того, что вот было такое очень сложное, тяжелое время. И не хотели, чтобы на нас как-то смотрели, и поэтому мы были на материной фамилии, а не на папиной, так вот оно и пошло. Вот. Это потом уже стало это все модно, что поехали в Израиль и нужно было выбирать, пожалуйста, хочется тебе такую фамилию — бери, хочется тебе такую национальность — получи* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).

По другим сведениям, изменить запись было не так просто, но для нас важно кардинальное изменение отношения к прежде наиболее «неудобной» национальности, что, в свою очередь, привело к актуализации практик поиска ее подтверждений[57].

---

56 Об антисемитизме в советское время см., напр.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / сост. Г. В. Костырченко. М., 2005; *Медведев Ж. А.* Сталин и еврейская проблема: новый анализ. М.: «Права человека», 2003.

57 О самоидентификации детей от смешанных браков в постсоветское время см.: *Носенко Е. Э.* Быть или чувствовать? М., 2004.

Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев к национальности относились именно как к *записи*, которая может осложнить или облегчить дальнейшую жизнь. Немногочисленные случаи подчинения «зову крови» тем более интересны, что только они соответствуют официальной установке на определение национальности «по родителям». К тому же они встречаются в семьях, в которых родители принадлежат к одной, но стигматизированной национальности. Сама возможность изменить национальность в таких случаях могла быть только нелегальной, и отказ от такой возможности мог объясняться не только «зовом крови» или законопослушностью, но и сопротивлением воле родителей, по которым и должна определяться национальность.

Мы рассмотрели преимущественно те случаи, когда речь идет о преследуемой национальности или о ее выборе в смешанных семьях. Однако следует иметь в виду, что основной была практика автоматической записи национальности (по принципу происхождения или проживания), которая не рассматривалась как проблемная. Более того, даже приписываемая национальность нередко воспринималась как беспроблемная, особенно если до этого вопрос о национальной идентичности был неактуален.

Отмена записи о национальности в российском паспорте (о чем речь шла в первой части) проявила всю неоднозначность отношения к этой категории широких кругов населения. Судя по развернувшимся спорам, за советское время сформировались по меньшей мере две позиции. За отмену записи были главным образом те, чьи родители принадлежали разным национальностям. Они, как правило, аргументировали свою позицию тем, что национальность зависит от того культурного контекста, в котором они родились и взрослели. Против исчезновения записи в паспорте выступали те, кто привык определять национальность «по родителям» и чья этническая самоидентификация совпадала с записью в паспорте. Казалось бы, отмена записи никак не влияла на их идентификацию, однако оказалось, что для многих запись в паспорте была той опорой, в отсутствии которой виделась прямая угроза «утраты корней», утраты связи со своим народом и т. п.[58]

---

[58] Обстоятельное исследование ситуации с отменой записи о национальной принадлежности см.: *Ноженко М. В.* Политико-правовой и социальный аспекты определения национальной принадлежности в Российской Федерации. Дис. … канд. политич. наук. СПб., 2002. С. 80–127.

Любопытно, что против изъятия записи выступили даже те, кто больше всех от нее пострадал. Председатель Петербургского еврейского центра А. Френкель вступил в полемику с бывшим главой Государственного комитета по делам национальностей, директором Института этнологии и антропологии В. А. Тишковым[59], который в своей статье «Прощание с пятым пунктом» писал, что человек «становится татарином, чеченцем, якутом, русским в процессе воспитания…», а запись в паспорте имеет дискриминационный характер, что испытали на себе многие народы и, в частности, евреи. В ответной статье с неожиданным заголовком «В защиту “пятого пункта”» А. Френкель отстаивает мнение, что «наличие записи о национальности в паспорте является важным психологическим фактором для многих людей, лишенных возможности жить в соответствии с национальными традициями, но испытывавших внутреннюю потребность в национальной идентификации»[60]. Другими словами, с его точки зрения, эта запись помогала сохранять этническую принадлежность. Забота о сохранности связи с историческими корнями — общее место в установках противников отмены графы. Вместе с тем показательно, что по данным этносоциологического исследования, проведенного в 1988 г., почти четверть русских «затруднялись ответить, что их роднит со своим народом кроме “пятого пункта” в паспорте»[61]. Можно сказать, что запись в советском паспорте («паспортная национальность») в конечном итоге приобрела самостоятельную ценность и сама по себе стала существенным компонентом в формировании этнической идентичности.

Фотографирование на паспорт

Подготовка к получению паспорта включала необходимость фотографирования. Практики, связанные с фотографированием на паспорт, имели специализированный, чтобы не сказать «прикладной», характер. Нас будут интересовать смыслы, которыми

---

59 *Тишков В.* Прощание с пятым пунктом // Независимая газета. 1997. 22 окт. С. 2.

60 *Френкель А.* В защиту «пятого пункта» // Независимая газета. 1997. 10 нояб. С. 6.

61 *Стефаненко Т. Г.* Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // Флогистон (www.flogiston.ru/proiects/articles/etiiic.shtml — Дата обращения: 24.06.2017).

в короткое время были наделены и процедура фотографирования на паспорт, и сама паспортная фотография.

Паспортная фотография — особый вид изображения, и ее специфичность вполне сознается, о чем свидетельствует, например, распространенное выражение: «есть фотографии, а есть фотографии на паспорт». Если «обычные» фотографии делаются главным образом «на память», то у паспортной фотографии вполне определенная прагматика: она предназначена для идентификации личности. Для этого, как известно, лучше всего подходят фотографии, на которых человек выглядит по возможности естественно[62]. С этой точки зрения паспортные фотографии оказываются менее всего пригодными, поскольку владельцы паспортов, осознанно или нет, прилагают все усилия, чтобы выглядеть на них иначе, чем в обычной жизни. Результат оказывается на удивление однообразным:

> *Как-то на всех паспортах моих друзей и знакомых, родственников все они выглядят гораздо хуже, чем на самом деле. Почему-то. Не знаю, почему* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-04. Ж., 1945 г.р.).

Больше всего результат поражает самих создателей своего паспортного образа (эффект во все времена примерно одинаков):

> Кто-нибудь может мне дать толковое объяснение: почему фотографии на паспорт ВСЕГДА получаются уродскими?
>
> Смотрю в зеркало: очень даже симпатичная я.
>
> Смотрю на получившееся фото: редкое убожество с метлой на голове.
>
> А ведь старалась, волосы укладывала, на лице здоровье рисовала.
>
> И что? Как это понимать?[63]

Если оставить в стороне эмоциональную оценку получившегося результата, то смысл подобных высказываний примерно таков: несмотря на все старания улучшить предполагаемое изображение (но вовсе не благодаря им), оно получается не таким, как было задумано.

---

[62] Ср. показательное название статьи о визовой фотографии: *Бредникова О., Запорожец О.* «Расслабьтесь и постарайтесь выглядеть естественно...»: визовая фотография как искусство детали // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М., 2013. С. 359–369.

[63] Блог avtoledi. Запись от 6.06.2012 (http://avtoledi.blog.ru/155343619 — Дата обращения: 24.06.2017).

Характерно, что фотографирование без «улучшения» даже не обсуждается (во всяком случае, среди женщин). При этом собственно идентификационные возможности фотографий мало заботят владельцев паспортов. Предполагается, что эта проблема относится на стадии фотографирования к компетенции фотографа, а затем — тех, кто проверяет паспорт и «устанавливает личность». Забота «оригинала» — выглядеть на фотографии «лучше», чем обычно, точнее — в соответствии с теми социально значимыми образцами, на которые он/она ориентируется. Как сложилась эта своеобразная традиция создания особого облика для «главного документа» и каким образом создавался этот «паспортный другой»?

Мы уже говорили, что фотографии в советских паспортах появились лишь через пять лет после введения самих паспортов, в 1937 г. Требования к паспортной фотографии были изложены следующим образом: «Для получения паспортов граждане представляют заявление о выдаче (форма № 1) и две фотографические карточки (одна на заявление, другая — на паспорт). Обе должны быть идентичными и достаточно четкими, в анфас, размером 3,5×3 см; получающий паспорт должен быть сфотографирован без головного убора; правый нижний угол фотокарточки должен быть светлым. В местностях, где по сохранившимся обычаям не принято фотографирование без головного убора, разрешается в порядке исключения прием для паспортов фотографических карточек с изображением получателя паспорта в головном уборе»[64].

Характер прически, выражение лица, направление взгляда, цвет одежды и прочие детали никак не регламентировались. Отсутствие официальных требований к внешнему виду и правилам фотографирования расценивалось, видимо, как результат недостаточной осведомленности, чреватой возможными неприятностями[65]. Этот воображаемый пробел компенсировался неписаными правилами, которым придавался характер полуофициальных инструкций:

---

[64] Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132. Об отказе сниматься на паспорт без головного платка среди мусульманок в современном Кыргызстане см.: *Ажыбекова К. А.* Проблемы взаимоадаптации верующих и неверующих в современном мире // Вестник Кыргызско-Славянского университета. 2009. Т. 9. № 3. С. 15–18.

[65] Как пишут О. Бредникова и О. Запорожец применительно к визовой фотографии, «Малочисленность требований внезапно перестает ассоциироваться со свободой выбора и воспринимается как источник потенциальных угроз, сокрытие консульскими службами необходимой информации. Одновременно даже не очень понятные, но детальные инструкции начинают восприниматься как точка опоры, защита от возможного произвола» (*Бредникова О., Запорожец О.* «Расслабьтесь…». С. 360–361).

Инф.: *Ну тогда говорили, что строго должен быть одет, как бы не ярко, не броско.*
Соб.: *А где это могли говорить?*
Инф.: *А где говорить могли? Вот я не помню.*
Соб.: *Или просто между собой?*
Инф.: *Нет, по-моему, ведь... ну я не буду это утверждать, но мне казалось, что сначала же приглашали, заявление писал ты. И потом, значит, что: надо сфотографироваться. Ну, какие размеры фотографии. И тогда и говорили, что вот одет должен быть вот так, так. То есть что-то такое, светленький какой-то там воротничок и темненькое платьице такое. Вот, вот тогда говорили* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-a. Ж., 1940 г.р.).

Даже если этот сюжет вымышлен информантом, показательно стремление иметь такие правила как некую опору в пока еще новой практике. Необходимая степень их легитимации достигается тем, что они приписываются официальным лицам — например, работникам паспортных столов. Но чаще их авторство приписывалось фотографам, которые представлялись носителями необходимых официальных знаний:

> *Ну, фотограф, короче, знает. Ты приходишь в фотографию и говоришь: «Мне на паспорт». И они делают то, что тебе надо. Если у тебя кофточки нет такой, как надо, тебя оденут, ну, обычно, заранее узнавал, что там надо, одеваешь* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-43 Ж., 1954 г.р.).

Такого рода представления не единичны:

> *Ну и соответственно, когда ты приходил, говорил, что я на паспорт, то наверно* [фотограф] *уже усаживал там: «Смотри», — там. Ну а нам говорили: «Никаких улыбок, это должно быть как бы такое спокойное строгое лицо»* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-a. Ж., 1940 г.р.).

Само наличие каких-то требований объясняется тем, что паспортная фотография имеет особый статус, определяемый статусом паспорта. Другими словами, считалось, что такая ответственная процедура, как фотографирование на паспорт, не может не регулироваться. Здесь нужно иметь в виду, что поскольку паспорт выдавался далеко не всем (вплоть до введения Положения о паспортах 1974 г.), он являлся своего рода символом привилегированного положения, подтверждением социальной полноценности, а для

16-летних еще и своего рода сертификатом взрослости. Кроме того, паспортная фотография стала образцом для всех других документов — от комсомольского билета до партийного и военного. Как паспорт был «главным документом» советского человека, так и паспортная фотография — «главной фотографией». Ср.:

Инф. 1: *По-моему, насколько я тоже помню, по-моему, была одна фотография. Причем небольшая совершенно, не так, как сейчас вот.*

Инф. 2: *Нет, это абсолютно точно. Маленькая одна фотография, вот на всю жизнь, на всю.*

Инф. 1: *Потому что стандарт был три на четыре. Вот этот тогда стандарт этих фотографий был. Потому что на все нужна была такая фотография. Записываешься ли ты в библиотеку, вот, или ты в это самое — все три на четыре (*Oxf/AHRC-SPb-08 А*П* Passport PF-35. Инф. 1 М.,1939; инф. 2 Ж., 1946 г.р.).

Информант ошибся в размере, но верно подметил, что паспортная фотография задала стандарт документной фотографии в целом. Не случайно свои паспортные фотографии многие хорошо помнят, даже если прошло немало лет, а для детей и внуков эти «карточки» входят в число самых ярких свидетельств времени.

> Из молодости моих родителей, жизни бабушек и дедушек пришло очень мало фотографий, их можно пересчитать по пальцам. Большая часть — это как раз фото на документы. Уверен, в каждой семье есть маленькие карточки с портретами их предков. К фотографии в то время относились с почтением, готовились заранее, да и фотограф был почти волшебником. Фото на документы тех времён полны художественности, их хранят и показывают как память[66].

Паспортные фотографии не просто помнят, но и подчеркивают их особый характер:

Инф.: *Ну, в принципе, фотография на паспорт особенная, необычная, нужно обязательно, чтобы был, э, присутствовал светлая блузка и темный пиджак.*

Соб.: *И темный пиджак?*

---

[66] *Сафин А.* «Больше не стесняюсь показывать паспорт, я там красивая» // Фототочка (http://fototochka.net/archives/823 — Дата обращения: 17.04.2017).

Инф.: *Да.*
Соб.: *И блузка и пиджак, да?*
Инф.: *Да, да, потому что там, где я фотографировалась, там даже висел пиджак на всякий пожарный случай, что можно одеть, если у тебя нет, и сфотографироваться* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).

Судя по подобным высказываниям, можно подумать, что вся необычность паспортной фотографии заключается в том, что человек фотографируется в другой, неповседневной и строгой одежде (блузка, темный пиджак), но вместе с тем такая одежда довольно однозначно указывала на официальный контекст. Иными словами, главная особенность паспортной фотографии виделась в ее непременно официальном характере.

В другом интервью тема официального раскрывается несколько полнее:

Инф.: *...раз идешь* [фотографироваться] *на паспорт, значит, как бы и одета... ну не в яркое что-то такое, и выражение лица строгое должно быть, никаких улыбок как бы. Как бы это уже в крови было. Раз паспорт, значит, полный... полный официоз.* [смеется]
Соб.: *Получается, это заранее человек знает.*
Инф.: *Ну конечно. Да, заранее, потому что паспорт — это все, соответственно, да, по форме должно быть. Как принято* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-а. Ж., 1940 г.р.).

Здесь упоминается не только специальная одежда («не яркая»), но и выражение лица: «строгое должно быть, никаких улыбок», что никакими правилами не прописано, но «это уже в крови было». А все вместе описывается простым выражением «по форме» с замечательным переводом: «как принято». Это «как принято» — одна из ключевых формул советского образа жизни, существенной составляющей которого являются разнообразные практики, связанные с паспортом. В этих практиках было «принято» репрезентировать себя исключительно официальным образом, не допускающим улыбок: совсем как на паспортной фотографии.

Требование «строгой» темной одежды могло исходить и от фотографов, которые руководствовались другими соображениями: темные кофта или пиджак нужны были для контраста на светлом фоне. Но таким же образом мотивировался темный цвет одежды некоторыми фотографирующимися, которые ориентировались не на «официоз», а на «красоту»:

Ну, да, конечно, старались как-то поаккуратней там, чтобы голова была аккуратно причесана обязательно что-нибудь такое вот, ну, кофточка какая-нибудь не сливалась бы с белым фоном, а потемней вот так, чтоб выделялось все, да, аккуратненько очень. Идешь и, в общем, как-то так хочется, ну, покрасивей быть (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39. Ж., 1940 г.р.).

Поскольку паспортная фотография особенная, подготовке к фотографированию уделяется особое внимание. Как уже видно по приведенным фрагментам интервью, подготовка включает главным образом выбор подходящей к случаю одежды, а женщины отмечают еще прическу и макияж. Задача и в самом деле нетривиальная, поскольку желания и предполагаемые требования не очень сочетались. Всем хотелось выглядеть на фотографии «красиво», но при этом негласные правила предписывали строгую одежду и соответствующую прическу.

Инф.: *Фотография, хотелось, чтобы быть красивой, чтобы... одевали почему-то что-то темненькое, чтобы все было закрытое. Да, что это серьезно.*

Соб.: *А прическа там?*

Инф.: *Ну, прическу, прическу никакую-то невычурную, а, ну...*

Соб.: *Ну, скромную?*

Инф.: *Ну, скромную, да. Мы вообще поколение скромное были* (Oxf/AHRC SPb-08, MM Passport PF-36. Ж., 1940 г.р.).

Любопытно, что если для современной паспортной и особенно визовой фотографии требуется своего рода «обнажение сущности», что предполагает снятие всех «культурных наслоений» (очки, украшения, головные уборы)[67], то для советской паспортной фотографии важной оказывалась «доработка» своего облика до уровня значимых образцов, реестр которых открывался обобщенным образом советского человека, в облике которого должны просматриваться такие черты, как скромность, сдержанность, аккуратность и т. п. Кстати, само наличие идеологической составляющей фотографии с явным морализаторским подтекстом (как принято и как не принято выглядеть) до некоторой степени объясняет разрешение оставлять головные уборы «в порядке исключения» в мест-

[67] *Бредникова О., Запорожец О.* «Расслабьтесь...» С. 361.

ностях, где не принято было появляться без головных уборов[68]. Это разрешение входило в противоречие с задачей идентификации, для чего требовалось максимально открытое лицо, но победили соображения идеологического толка, которые сейчас воспринимаются скорее как этические.

Максимальная открытость лица сочетается, как правило, с требованием столь же полной закрытости тела.

Соб.: *А как нужно было выглядеть? Как-то по-особенному?*
Инф.: *Ну, вот так бы вот нельзя было.*
Соб.: *С распущенными волосами, да?*
Инф.: *Нельзя, да, подобрано все, аккуратно должно быть.*
Соб.: *Аккуратно? Скромно?*
Инф.: *Скромно.*
Соб.: *Без всяких там сережек?*
Инф.: *Вот, без, ну, сережки-то можно было, ну, вот оголенно нельзя, нужно обязательно, чтоб было вот тут вот воротничок какой-то* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-44. Инф. 1 Ж., 1947 г.р.).

Даже намек на «оголенность» был неприемлем — отсюда подчеркнутое внимание к воротнику или галстуку, которые обеспечивали необходимую степень «официальности», но и закрытости. Нерелевантность тела паспортной фотографии может приводить к ощущению, что на ней нет не только нижней части, но и элементов верхней, например плеча.

> *Ну, оденесси <…> как-то поприличней, почище, только вот без плеча без одного. А на это место, где плеча нет, печать ставят. Ставилась печать. Вот, ты распишешься, и там, это, паспор-*

[68] Эта привилегия обсуждалась и, разумеется, осуждалась:

…добились вот эти… мусульмане, фотографироваться не так, как все. Все-таки государство пошло на поводу у религиозных вот этих… конфессий, будем так говорить. Ну, хорошо — этот хочет в хиджабе, этот говорит — я без тюбетейки не буду фотографироваться, правильно? А третий, дядя Вася, еще как-то. А я только в очках хочу. А вот тут как раз наступает дискриминация. А почему нет? А почему ему можно, а мне — нет? Тогда, по этой логике если пойти, нужно позволить всем фотографироваться на паспорт как им нравится. Не устанавливать какие-то правила для этого… Пойдем с другой стороны к этому вопросу. Например, я имею паспорт свой, с нормальной фотографией и всё тому подобное — хочу скрыться. Сделать другое лицо. Я его делаю — другое лицо, и всё. Загримироваться или побриться… побрить голову, одеть тюбетейку, отрастить вот такую бороду… Но даже при бороде и всем остальном можно определить форму черепа. А вот когда вот это всё закрыто, открыто только лицо, форму уже не… (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-29. M., 1957 г.р.).

> *тистка распишется, и ты внизу распишешься. И как раз тут в фотокарточке печать ставится, фотокарточка и подпись, печать все это заверялось* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-42. М., 1936 г.р.).

Еще один парадокс паспортной фотографии заключается в том, что все рассказы о ней концентрируются главным образом вокруг одежды, но как раз ее практически не видно на фотографии. В лучшем случае на крохотной фотографии видны кусочек воротника и одно плечо. Те информанты, кто не был озабочен тем, чтобы «одеться красиво», и знали особенности паспортной фотографии, отмечали это обстоятельство:

Соб.: *А одежда какая-то там особенная?*
Инф.: *Ну, какая… Да нет, не было значения, какая одежда.*
Соб.: *То есть любая?*
Инф.: *Да. Там одежды практически не видно было* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-47. М., 1951 г.р.).

Ср. в другом интервью о висящем у фотографа дежурном пиджаке:

Соб.: *А если тебе не по плечу?*
Инф.: *Ну, а что? Тебе только вот так вот, чтобы фон создать* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).

Регламентация распространялась и на выражение лица. Основное требование можно было бы сформулировать как недопущение «избыточной мимики»:

> *Я помню, как я удивилась, когда первый раз увидела иностранный паспорт — у нас же были черно-белые фотографии… а там цветная фотография, человек смеется. Улыбается от уха до уха. Вот эта улыбка меня поразила больше всего. Потому что, чтоб человек на паспорте улыбался, я никогда в жизни не видела* (Ж., 1967 г.р. — устное сообщение).

В заметке Ларисы Басовой о получении паспорта приводится такой случай: «В свое время в России, при получении малолетней дочерью загранпаспорта, ОВИР забраковал фотографию слишком радостной девочки. Пришлось снова идти к тому же фотографу,

просить его переделать свою работу и не смешить больше ребенка. “Не может радоваться человек, покидающий Родину”, — сострил мастер. Фотографию полуиспуганной девочки в ОВИРе приняли»[69].

Любопытно, что появляющийся в некоторых интервью мотив узнавания имеет иной смысл. По мнению информантов-женщин, достижение эффекта узнавания гарантировано в том случае, если фотография получится красивой и, соответственно, понравится.

Соб.: *То есть важно было, чтобы красиво?*

Инф.: *Да, важно было, потому что это лицо, паспорт — это лицо твое. Это, хотелось, чтобы ты там была и чтобы тебя там все узнавали* [смеется] (Oxf/AHRC SPb-08, MM Passport PF-36. Ж., 1940 г.р.).

Такое «узнавание» перекликается с официальной идентификацией благодаря установленному сроку годности паспорта, основанному на официальных представлениях о сроке накопления изменений, которые меняют облик человека до неузнаваемости. Общая тенденция — увеличение этого срока. Первые паспорта выдавались на три года; по Положению 1940 г. — на 5 лет. Паспорта образца 1953 г. выдавались на 10 лет, после чего подлежали обмену; паспорта образца 1974 г. были бессрочными, но по достижении владельцем возраста 25 и 45 лет вклеивались новые фотографии. Таким образом, получается, что срок возможности узнавания постоянно увеличивается, и это заставляет задуматься об актуальности идентификационных стратегий для паспорта вообще и

---

[69] *Басова Л.* Моя краснокожая паспортина // Комсомольская правда. 2008. 13 дек. Приведу еще одну историю: «Около года назад на страницах родной газеты прочитал отчет о забавном эксперименте: обозреватель Людмила Столяренко рискнула улыбнуться во всю ширь официальной фотографии (анфас, 35×45, черно-белая, без головного убора), которую вклеивают в наши все еще серпастые-молоткастые паспорта “по достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста”. Напомню: к изумлению читателей и самой Людмилы, ее черно-белый фас с улыбкой, без головного убора, не вызвал никаких возражений у начальника паспортного стола и был торжественно водворен на положенное место в паспорте. Поздравив коллегу с удачной идеей, я тогда же напомнил ей, что эксперимент считается научным фактом, если его можно воспроизвести. И в связи с надвигавшимся на меня сорокапятилетием пообещал проэкспериментировать на себе, как это принято среди настоящих исследователей. <…> Оказалось, дело совсем не в том, чтоб убедить фотографа запечатлеть улыбку на официальной фотографии, и не в чувстве юмора работников паспортного стола. Дело в том, что улыбнуться никак не получается» (*Бунимович Е.* От улыбки станет веселей? Невеселая фотохроника одной жизни // Новая газета. 2000. 4 мая. № 17).

паспортной фотографии в частности — ср. полугодовой срок пригодности визовых фотографий[70]. Так или иначе, комплекс представлений, связанных с паспортной фотографией, включает и официальные требования, в частности регламентирующие срок жизни паспортной фотографии.

Через многие воспоминания о паспортной фотографии рефреном проходят необходимые, как считалось, характеристики: выражение лица должно быть «строгим и спокойным». Строгость понимается как отсутствие эмоций и сосредоточенность, осознание важности и даже торжественности момента. Строгость — требование к самому себе соответствовать ситуации — своего рода настройка на общую волну. Спокойствие — внешнее предписание. Характерно, что требование «сделать лицо спокойным» (как и другие требования) обычно исходит от фотографа и ориентировано на возможность последующей идентификации, забота о которой ему делегирована «общественным мнением» (современный эквивалент «спокойного лица» — «естественное выражение лица»).

Роль фотографа в этой процедуре весьма значительна. Фотограф напоминает фигуру ритуального специалиста. От него исходят правила, ему делегируется в какой-то степени роль представителя власти. Само фотографирование представляется своего рода ритуалом воспроизводства паспортной идентичности. Если рассматривать фотографирование как ритуал, то, как и в «настоящем ритуале», само фотографирование далеко не на первом месте[71]. Главное — подготовка к нему.

Как мы видим, основные смыслы паспортной фотографии для получателей паспорта концентрируются вокруг необходимых с их точки зрения особенностей визуальной презентации себя в официальном публичном пространстве. Такая презентация совершается в процессе своего рода диалога со сферой воображаемого официального, в котором человек делегирует «партнеру» ведущую роль, конструируя от его имени правила, которым сам и подчиняется. Эти правила являются результатом рефлексии над тем, что условно можно было бы назвать «логикой общепринятого» в отношениях с государством.

---

70 *Бредникова О., Запорожец О.* «Расслабьтесь…» С. 363.

71 *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 38–39.

Паспортные фотографии

Парадоксальность этой ситуации провоцирует очевидное несоответствие в целях фотографирования: предполагаемый для документа идентификационный смысл фотографии практически никак не согласуется с конструируемой идентичностью владельца паспорта, ориентированной на групповую идентичность (на «общепринятое» для данной группы)[72]. Это расхождение имеет продолжение в конкретных деталях (ср. хотя бы оборачивающееся разочарованием желание выглядеть «лучше», «красивее», «взрослее» и т. д., или гипертрофированное внимание к одежде, которая оказывается незаметной на маленькой фотографии). При фотографировании на паспорт «делается лицо», которому более всего подходит определение «официальная парадность». Такое лицо мало кому подходит. Получавшийся в результате снимок обретал черты, позволяющие безошибочно узнавать в нем советскую фотографию на паспорт. Впрочем, не только фотографию, но и сам паспорт. Не случайно именно к советскому паспорту относится распространенная шутка: «если фотоальбомчик маленький и тоненький, а фотография одна и страшненькая, то это паспорт».

Как подписать?

Любая подпись хочет, чтобы ее считали автографом.

Сергей Довлатов

Судя по имеющимся материалам, именно подпись и, естественно, фотография являются главными объектами рефлексии владельцев паспортов. И это, конечно, тоже не случайно: как уже сказано, только подпись (и в какой-то мере фотография) являются «личным вкладом» человека в этот документ. При выдаче паспорта этим реквизитам придают особое внимание сотрудники милиции, поскольку по ним удостоверяется личность владельца

---

72 По мнению П. Бурдье, даже самые, казалось бы «естественные», заурядные фотографии выражают групповые нормы и ценности (*Bourdieu P.* Photography: A Middlebrow Art. Oxford: Polity Press, 1998. P. 6–7). Об особенностях фотографии в пространстве властных отношений см.: *Абашин С. Н.* Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. № 84 (4/2012) (http://www.nlobooks.ru/node/2586 — Дата обращения: 17.04.2017).

паспорта[73]. Кроме того, подпись (как и фотография) является основным идентификатором человека — во всяком случае, с его точки зрения (с официальной точки зрения в качестве признаков, индивидуализирующих гражданина, рассматриваются его имя и место жительства)[74]. Вместе с тем, подпись в документе выражает идею его подлинности и достоверности.

Представления об отношениях между человеком и его подписью отчетливо разделяются на два варианта: самостоятельность подписи, ее независимость от человека (особенно, когда она «не получается»), и одновременно зависимость, но весьма своеобразная. Попробуем разобраться в этих отношениях.

Кем является человек по отношению к своей подписи? Трудности возникают даже на языковом уровне. Как назвать человека, поставившего (или оставившего?) свою подпись, — *подписантом, автором, носителем, создателем, владельцем, рукоприкладчиком, нижеподписавшимся?* Как говорится, всё плохо, хотя за неимением лучшего мы вынуждены пользоваться этими словами. С их помощью мы выражаем свое понимание подписи: во-первых, это творение человека, дело его рук (руки в прямом смысле); во-вторых, это творение ведет себя как нечто объективированное, почти как предмет, принадлежащий только своему создателю; наконец, подпись и есть знак человека или, по крайней мере, его след. Она остается верной своему создателю и никогда не «забывает» его, поскольку предназначена исключительно для указания на него. Это не мешает ей в некоторых ситуациях занимать вполне самостоятельную позицию по отношению к создателю. Показательно, например, что подделка подписи считается преступлением не против кон-

---

[73] В Инструкции № 370 «Об удостоверениях личности и прописке граждан в городских поселениях» от 6 июля 1925 г. предписывается: «Личная подпись получателя удостоверения должна быть произведена в присутствии органа милиции (или волисполкома), выдающего удостоверение, при самой выдаче последнего. В случае неграмотности получателя, об этом делается при выдаче соответствующая отметка» (Бюллетень НКВД. 1925. № 28). Подобный порядок предполагают и паспортные инструкции. Например, в Инструкции о порядке применения Положения о паспортах, утвержденного постановлением Сов. Мин. СССР от 21 окт. 1953 г., говорится следующее: «Подпись получателя паспорта и его фотографическая карточка, наклеенная на этом заявлении, заверяются: лицом, ответственным за прописку-выписку, или местными Советами депутатов трудящихся»; «В графе 4-й при выдаче паспорта спецчернилами учиняется собственноручная подпись получателя паспорта». При вручении «предложить получателю учинить свою подпись спецчернилами в графе 4 паспорта. В тех случаях, когда получатель неграмотен, в графе делается спецчернилами запись: “неграмотный” или “неграмотная”» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 130–133).

[74] Ст. 19 и 20 Гражданского кодекса Российской Федерации.

кретной личности, а против «порядка» (квалифицируется как подделка документа). Т. е. подпись, будучи отчужденной, рассматривается как элемент другой системы, в которой она имеет вполне самостоятельное значение, и ее роль не ограничивается указанием на автора. Я уж не говорю о том, что подпись может быть *куплена, продана, обменена,* но это относится к области метафорики, поскольку продается и покупается не сама подпись, а тот социальный или экономический эффект, в который она может быть конвертирована.

В дореволюционных практиках характер подписи определялся преимущественно сословными стандартами. Наличие фамилии-прозвания отличало дворянина от простолюдина, который в ранних текстах подписывался отчеством (Петров, Иванов), а позже — именем и отчеством. При этом деловые бумаги старались подписывать полным именованием, включая звания и должности. Показательны подписи в конце заявления группы родителей учащихся в средних учебных заведениях г. Вологды (не раньше 21 февраля 1905):

> Окружный Инженер Вологодского Архангельского Горного Округа В. Петров
> Помощник Начальника Вологодского Управления Земледелия и Государственного Имущества Балданов
> Димитрий Николаевич Каменев, Вологодский Купец[75].

Представители высших кругов, как правило, подписывались фамилией с инициалом имени, или даже без него, поскольку их фамилии сами по себе указывали на звания. Поэтому князь Петр Андреевич Вяземский подписывался просто П. Вяземский, как и другие носители известных фамилий. В сочетании с формальными обращениями и концовками это создавало особый эффект высокой демократичности.

Резкая смена стилистики личной подписи (далее ЛП) произошла после революции. Во-первых, подписываться одной фамилией стали намного чаще. Во-вторых, в 1920–1930-е гг. начинает формироваться другой тип ЛП, представляющий собой монограммы из первых букв имени, фамилии и отчества: «Сжечь эту дрянь. *ВИЛ*». Такого рода монограммы (нередко в виде вензелей) существовали, безусловно, и раньше, но после революции они стали восприниматься как аббревиатуры в общем потоке захлестнувше-

---

[75] Взрослые о детях и дети о себе. Антология текстов. Ч. 1. 1890–1940 / под ред. В. Безрогова, К. Келли, с участием А. Пиир и С. Сиротининой. М.; Тверь, 2008. С. 109.

го Россию с 1920-х гг. поветрия представлять все названия (учреждений, организаций и т. п.) в виде аббревиатур. Отсюда оставался всего лишь шаг до принципиально нечитаемых ЛП, состоящих из штрихов, представляющих, с точки зрения автора, законченную композицию знаков, или один знак.

Общие тенденции выражаются, во-первых, в распространении этой практики, в своего рода обмирщении подписи, а во-вторых, в постепенном отдалении от простого написания своего имени и фамилии. Разумеется, и сейчас можно встретить в качестве ЛП «честное» написание своей фамилии, но нередко подписи утрачивают всякую связь со своим «прототипом» и представляют собой произвольный (во всяком случае, с внешней точки зрения) знак или набор знаков. Эту тенденцию нетрудно проследить и по словарным определениям личной подписи. Если у Даля (1860-е гг.) в нее входит имя, фамилия (прозванье) чин и проч., то в советском Толковом словаре Ушакова (первое издание выходило с 1934 по 1940 г.) мы читаем: «Подпись — фамилия лица, автора, написанная им собственноручно под текстом документа, письма». Далее во всех словарях, в том числе юридических, под ЛП понимается исключительно фамилия, но, конечно, ей придается соответствующий смысл, который не указывался в толковых словарях. Вот как это выглядит, например, в Большом юридическом словаре (2001): «ПОДПИСЬ — собственноручно написанная фамилия, обязательный реквизит служебных документов (акта обследования, заключения) и правовых актов (закона, акта управления, судебного решения, договора). П. надлежащих лиц при наличии всех других требуемых реквизитов придает юридическую силу документам и правовым актам». В современном российском законодательстве подписью считается только собственноручное написание своей фамилии, имени и отчества (п. 1 ст. 19 ГК РФ). «Любое иное или иным способом исполненное обозначение может в соответствующих случаях быть расценено лишь как аналог подписи»[76].

Если учесть, что один из основных смыслов ЛП — указание на индивидуальность (уникальность) автора с возможностью его идентификации, то исчезновение имени, на первый взгляд, существенно подрывало это предназначение ЛП. Неуклонное движение

---

[76] *Эрделевский А.* Параф не подпись! // Домашний адвокат. 2008. № 22 (http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=368&idnew=32608&start=0 — Дата обращения: 17.04.2017).

к неразборчивости ЛП делает задачу идентификации и вовсе невыполнимой. Между тем, именно такие ЛП становятся образцом выражения индивидуальности. Можно сказать, что свойство индивидуальности (уникальности) стало ассоциироваться не с полнотой воспроизведения имени и фамилии, а с неповторимым графическим рисунком ЛП. Как раз утрата подписью видимых связей с именем и фамилией в большей степени, чем их воспроизведение, выражает ее уникальность.

В ситуации роста индивидуализации ЛП при одновременном сужении возможности ее идентификации не могла не возникнуть так называемая *расшифровка* ЛП (прежде всего в документах), которая стала выполнять функцию идентификатора. Обязательным элементом расшифровки становится фамилия, но иногда требуется указать инициалы или имя и отчество полностью. Степень полноты расшифровки зависит от характера документа. В результате получается, что фамилия, имя и отчество вернулись в состав ЛП, но уже в другом виде и на других правах: в качестве «расшифровки» того, что стало называться «подписью». Другими словами, полная ЛП стала еще полнее, т. к. включает и собственно ЛП, и ее расшифровку. Если учесть, что «расшифровка» по определению должна писаться разборчиво, то можно констатировать, что все вернулось на свои места, да еще и с некоторым избытком — той подписью, которая рядом с расшифровкой просто обязана быть нечитаемой.

Людмила Сысоева в своей статье «Подпись как средство защиты прав личности», проанализировав около тысячи современных подписей, приходит к выводу, что «все существующие варианты выполнения подписей можно разделить по содержанию (составу) на 4 группы, среди которых лишь одна группа (составляющая 10 % от общего числа) отражает фамилии исполнителей. Остальные три группы — это подписи, состоящие преимущественно из двух-трех букв или из не образующих буквы элементов»[77], т. е. 90 % подписей современников не отображают фамилию.

Далее автор отмечает: «Процессы изменения подписей, протекавшие в течение восьмидесяти лет XX века, иногда пытаются объяснить ростом объема документации, необходимостью сокращения времени, уходящего на подпись (медицинский почерк

---

77 *Сысоева Л.* Подпись как средство защиты прав личности // Защита и безопасность. 2005. № 2 (http://www.npo-sm.ru/mag/2054.html — Дата обращения: 07.02.2017).

и т. д.). Но это совершенно неверно. Наши исследования показывают, что среди представителей любых профессий есть обладатели и сложных, и простых подписей. Значительно более вероятным представляется объяснение, что упрощение подписей происходило потому, что в нашей стране человек, его семья все менее становились хозяйствующими субъектами. Уходила система частной собственности, в условиях плановой, регулируемой до мелочей экономики значительно снижался объем договорных, контрактных, наследственных актов, для оформления которых требовалась ясная, хорошо читаемая но, вместе с тем, сложно подделываемая подпись»[78].

В советское время, судя по материалам имеющихся интервью, знакомство с подписью начинается в школе с подписей учителей и родителей в своем дневнике.

> *Ну да, мы смотрели, как мама в дневнике расписывается. Ну и немножко какую-то — Славик свои там закорючки вносил, я свои. То есть, ну что-то и похожее, то есть это ориентир был как бы — мамина подпись. Вот. Но, все равно, он старался как бы по-своему, я — по-своему. Ну так.* [смеется] *Это вот, это точно. Вот это я помню, что Виталик там, все бумажки были исписаны все подписями, подписями. Ну и я то же самое* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-а. Ж., 1940 г.р.).

Образцом для подражания или прямого копирования чаще всего служили подписи родителей.

> *Ну… моя подпись, она была всегда похожа на ту, которая сейчас у меня. Вот. Но так как я умела копировать мамину подпись, потому что в дневнике надо было расписываться маминой подписью — за тройки и еще что-нибудь. Я… я хорошо копировала* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-15. Ж., 1933 г.р.).

Постоянный мотив — отработка своей подписи на любых поверхностях. Эту ситуацию тотального распространения своей подписи хорошо описал Роман Лейбов: «в детстве метишь подписями все подряд: черные поручни метрополитена, иней на трамвайных стеклах, листочки бумаги»[79]. Подобного рода «тренировки» нужны,

---

78 Там же.

79 *Лейбов Р.* Подпись // Ruthenia (http://www.ruthenia.ru/r_lj/28–7.htm — Дата обращения: 07.02.2017).

кроме всего прочего, для выработки динамического стереотипа, необходимого для воспроизведения подписи.

Здесь стоит отметить, что подпись — не просто имя, но имя, выполненное от руки, и уже поэтому она является своего рода телесным выражением индивидуальности[80]. Можно сказать, что подпись — воплощенная на бумаге телесность. ЛП как расширение себя особенно ярко проявляется, когда представители некоторых религиозных сообществ отказываются подписывать документ, мотивируя отказ тем, что подписавший отдает себя во власть Антихриста[81] (см. подробнее в разделе «Отказ от паспорта»). В подписи гораздо больше от тела, чем от «духа» (грамотности и проч.). Тренировки были направлены не только на выработку автоматизма, но и на придание ей необходимых качеств.

> *Как я — роспись красиво получится или нет? Завитки вот эти все разные делала — и вверх, и вниз! Потом мы друг друга проверяли. Вот подруга у меня: «Давай, — говорю, — я твою фамилию буду писать, а ты — мою. Может быть, у тебя лучше моя получится роспись». Вот мы друг другу помогали, эти вот закорючки — вверх, вниз. Да. Да мы хотели, чтобы роспись была красивая. Такая вот с размахом* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-14. Ж., 1951 г.р.).

> *Вот тренировка по подписи, чтобы это была красивая, какая-то уже взрослая подпись.* <…> *То есть, ну что-то похожее, то есть вот ориентир был — как бы мамина подпись* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-a. Ж., 1940 г.р.).

Постоянные определения «настоящей» подписи — *взрослая и красивая*. И то и другое, естественно, ассоциируется с самим человеком, и поскольку подпись является его репрезентацией в коммуникативном пространстве, то он должен выглядеть именно таким образом. «Взрослость» подписи достигается за счет нарочитого ее усложнения. Главное, чтобы подпись не выглядела ученической: «Одни пытались копировать родителей (или варьировать их подписи). Другие просто сводили подпись к почерку — писали как есть

80 Не случайно подпись прежде называлась как нечто производное от руки — *руку приложить* — и являлась следующим этапом после отпечатка пальца.

81 Докладные записки Псковского Областного Совета Союза воинствующих безбожников, доклады инструкторов о состоянии антирелигиозной работы в районах области. 1935–1936 гг. ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 8. Д. 293. Л. 120.

(вот именно, что девочки часто так поступали). Третьи искали индивидуальных закорючек и выпендривались. Еще типы — по включению имен (индивидуальное-фамильное). Простор для начинающего фрейдиста»[82].

Подпись в паспорте считалась своего рода пропуском во взрослый мир, и подготовка к ней начиналась заранее. В советский период подписи в паспорте предшествовала подпись в комсомольском билете. Можно сказать, что минимальный (но явно недостаточный) опыт ко времени получения паспорта (16 лет) уже был. Вот фрагмент из интервью с женщиной 1969 г.р.

Соб.: *Вообще ты помнишь, чтобы ты училась расписываться?*
Инф.: *Это я помню* [смеясь]. *Сидела, рисовала страницу за страницей.*
Соб.: *А ты училась расписываться — это было прямо перед получением паспорта или еще раньше?*
Инф.: *Возможно еще... что еще и раньше, возможно. Там же надо было уже на комсомольский ставить подпись, еще куда-то* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 12. Ж., 1969 г.р.).

Тренировки по выработке «настоящей» подписи можно отнести к воспитанию социального самоконтроля[83]. Ситуация осложнялась тем, что никаких официальных требований к характеру подписи никогда не существовало, да и сейчас не существует. И тем не менее какие-то негласные правила того, какой должна быть «нормальная» подпись, не только существовали, но и транслировались в тех случаях, когда неписаная «норма» нарушалась:

> *...Когда кто-то из моих однокурсников поставил крестик вместо подписи в институтской ведомости (по-моему, мы расписывались за то, что пришли на субботник или на овощебазу), администратор подняла крик и потребовала, чтобы он прекратил ерничать и «нормально расписался»; думаю, если бы кто-*

[82] *Лейбов Р.* Подпись...

[83] В связи с уроками чистописания Константин Богданов пишет: «Дисциплинарные требования, физические усилия и гигиенические навыки, сопутствующие школьному чистописанию, могут быть поняты при этом как набор инициационных процедур, смысл которых состоит не в узко прагматическом, но именно социативном целесообразии. Чистописание учит не письму, но неизбежности социального (само)контроля...» (*Богданов К.* Из истории клякс. Уроки чистописания в советской школе и медиальная антропология // АФ. № 13. С. 237).

> *то решил «расписаться» печатным архитектурным шрифтом, реакция была бы такой же (*Oxf/AHRC-SPb-08. AP Passport PF 52. Ж., 1976 г.р.).

Отсутствие правил нередко расценивается как противоречие с ролью подписи в официальных документах, и не случайно такое «попустительство» со стороны официальных органов вызывает смутное чувство беспокойства, свидетельством чему являются регулярно возникающие вопросы об официальных требованиях к личной подписи[84].

Подпись в паспорте нередко характеризуется как «неудачная», поскольку в решающий момент ручка оказывается непривычной (перьевой)[85], перо цепляется за бумагу, чернила расплываются и т. д.

> *Подпись размазалась и получилась клякса. Она еще на вкладыше отпечаталась — у меня был паспорт с вкладышем о гражданстве. Так и ходила с кляксой вместо подписи. Наверно, это следствие моего трепетного отношения к красивым записям в паспорте, мне казалось, что надо иметь какой-то особый дар, чтобы так писать. И когда мне вручили настоящую «вставочку», о которых я только в книжках читала, от крайнего благоговения и вышла клякса* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF-51. Ж., 1977 г.р.).

Но если даже удача сопутствовала на всех этапах создания ЛП, то итог все равно, как правило, не радовал автора[86]:

---

[84] Это активно обсуждается и сейчас: «Существуют какие-нибудь требования к подписи гражданина Российской Федерации или же я могу закрепить документ чёрным квадратом в треугольнике с тремя кружочками по краям???» (Кошкаак. Про росписи // LiveInternet (http://www.liveinternet.ru/users/1063663/post33275248/— Дата обращения: 17.04.2017)).

[85] Расписываться следовало исключительно перьевой ручкой, макая ее в чернильницу со спецчернилами.

[86] Не случайно была столь распространена поговорка «чем важнее документ, тем более неудачна подпись». Традиция «неудачной подписи в паспорте» жива и поныне. Ср.:

Я в паспорте 2 раза расписался (первый раз промахнулся :-))

У меня подпись не соответствует теперешней :gy: А ещё, когда пришел забирать его, подписываясь поставил кляксу :sumas2:

А у меня все наоборот: в паспорте — эталонный образец — я так больше нигде не распишусь видимо :(Зато в других местах х.з. что! Жалко… (Подпись в паспорте // seclub (http://www.seclub.org/forum/index.php?tid=37958&p=6 — Дата обращения: 17.04.2017)).

> *...Единственное, что и обсуждалось вот среди приятелей моих, девятиклассников, когда мы все получали паспорта, это именно истории со шрифтом и подписью, потому что ты волнуешься, ты ставишь кляксы и ты, не знаю, делаешь какие-то дикие каракули. У меня тоже была какая-то страшная подпись* (Oxf/AHRC SPb-08, CK Passport PF18. M., 1963 г.р.).

По этим и подобным фрагментам видно, что собственная подпись в паспорте расценивается как репрезентация себя во взрослом мире, и ее характеристики должны соответствовать как воображаемым нормам этого мира, так и представлениям о своем месте в нем. Кроме того, в советской традиции именно паспортная ЛП становится официальным образцом подписи для всех других документов. В европейских странах таким образцом являлась подпись на чеках и банковских картах, а подпись в паспорте была вторичной.

По утверждениям экспертов в области почерковедения, динамический стереотип подписи формируется примерно к 18 годам у мужчин (у женщин немного раньше) и больше не меняется. Даже при смене фамилии (например, в связи с браком) подпись по визуальному облику близка к прежней

> *...писала «а», потом Попкова, а потом когда вышла замуж — «а» Дорохова но все равно букву «а» не меняла, «а» Дорохова, тренировалась немного* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-44. Ж., 1947 г.р.).

Выясняется, что взрослых больше всего волнует проблема воспроизведения своей подписи. В одном из форумов о подписи, в ответ на известную сентенцию «человек становится взрослым, когда у него подпись становится одинаковой» *(с)* немедленно появилось: «ну тогда я никогда не стану взрослым».

Подпись как знак идентификации предполагает наличие двух проблем, связанных, во-первых, с требованием однотипности ее воспроизведения, во-вторых, с возможностью идентификации владельца подписи. Проблема однотипности воспроизведения — это проблема для автора подписи. Ориентиром в этом случае служит, как правило, собственная подпись в паспорте. Возможность идентификации — это проблема для «других». Для ее решения необходима подтвержденная связь между человеком и его подписью.

С этой целью подпись заверяется, нередко также делается особый образец подписи (для финансовых документов), но обычно таковым является все та же подпись в паспорте или другом документе, удостоверяющем личность.

> *...В сберкассе-то требовали, положишь деньги в сберкассу, вот снимать пойдешь, так они требуют, чтоб точно такая же была подпись, а я, вот, заболела, у меня трясется рука, и я уже не могу снять деньги с книжки, например. <...> Да, объясняю, вот, показываю справку, и потом заведующая выходит, и только в таком случае выдают* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-44. Ж., 1947 г.р.).

Дело доходит до того, что развивается своеобразный комплекс неспособности более или менее похоже воспроизвести свою подпись. Соответственно, меняется и отношение к ней. Она начинает рассматриваться как нечто внешнее, чуждое и ускользающее. Стремление к «одинаковости» ЛП — одна из навязчивых идей. Реально одинаковых подписей не бывает: криминалистам известно, что полное совпадение двух подписей является безусловным признаком подделки. Так или иначе, решение подобных проблем, как правило, связано с обращением к паспорту, где есть заверенный образец подписи и все необходимые данные для идентификации владельца.

С практикой подделки подписей практически все знакомы еще со школьной поры. До поры до времени этому не придается особого значения, и умение хорошо подделывать подпись родителей или учителей — предмет особой гордости. Фальсификация интересна в психологическом плане. Я становлюсь другим — меняется моя идентичность, точнее, я хотя бы частично, но присваиваю чужую идентичность, выраженную в подписи. Подделка подписи — особый вид присвоения, ибо целью является не сама подпись, а документ, на котором она запечатлена, и даже не документ, а то, что стоит за документом. Подпись в таких случаях является своего рода отмычкой.

Отчужденная подпись живет своей жизнью. Она нередко замещает своего владельца и становится самостоятельным явлением. В этом плане особенно показательна роль подписи в пространстве властных отношений. Ср. характерное высказывание: «Да всем, кому приходится иметь дело с бюрократией, известно, сколь-

ко стоит подпись того или иного чиновника, сколько надо заплатить за вход в тот или иной кабинет — все тарифицировано, на все есть такса»[87]. Существуют подписи, условно говоря, «рядовые» и есть «генеральские» — соответственно, можно говорить о своего рода иерархии подписей. Эта иерархия ситуативна и динамична. Более того, подписи могут вступать в своего рода состязания — одна может перевесить или нейтрализовать другую. Подпись может становиться и объектом поклонения: «Увидев “живую”, толстым зеленым карандашом подпись Иосифа Виссарионовича, Башуцкий приложился к ней лбом»[88]. Подпись может означать разрешение на получение тех или иных благ, а может быть и приговором. Описывая сталинские расстрельные списки, Н. Охотин отмечает: «Каждая подпись означала смерть (реже — заключение) для нескольких десятков или сотен людей»[89]. Конкретное значение подписи зависит от характера документа и адресации подписи.

О нерасторжимой связи подписи с индивидуальной идентичностью свидетельствует то обстоятельство, что в ситуации резкой перестройки идентичности меняется если не подпись, то отношение к ней. О генерале Гудериане, подписавшем приказ об отступлении: «Впервые обычная его подпись — без имени, звания, должности — показалась ему как бы отделившейся от него, чуждой всему, что он делал до сих пор, чего достиг, чем прославился»[90].

Итак, подпись воспринимается как знак взрослости и социальной полноценности, с ней непосредственно связан статус личности и властные отношения. Овладение ЛП оказывается показательной практикой самоконтроля и вхождения в мир официальных социальных отношений. Функционирование документной подписи связано не только с проблематикой идентификации. Она действует в пространстве достоверного и недостоверного, истинного и ложного. Отчужденная ЛП становится своего рода замещением владельца и приобретает самостоятельное значение. Что же касается собственно паспортной подписи, она выступает в качестве «главной», что делает ее образцом для всех других подписей.

---

87 *Максимов А.* Бомба в ночном эфире // Независимая газета. 2003. 6 ноя.

88 *Давыдов Ю.* Синие тюльпаны (1988–1989) (http://bookz.ru/authors/davidov-urii/sinie-tu_685/1-sinie-tu_685.html — Дата обращения: 17.04.2017).

89 *Охотин Н.* Три минуты на решение // Еженедельный журнал. 2002. № 10. 14 мар.

90 *Сухих И.* Баллада о добром генерале // «Звезда». 2003. № 6 (http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/6/suh.html — Дата обращения: 17.04.2017).

Паспортный стол и паспортистка

Для того чтобы получить паспорт или обменять его, прописаться или выписаться, необходимо было явиться в паспортный стол отделения милиции. Само название «паспортный стол» отсылает к досоветской бюрократической традиции, но оно стало настолько привычным, что перестало казаться инородным. Паспортные столы были не только в отделениях милиции, но и в жактах, поэтому их нередко путают, как и сотрудников этих учреждений, которые получили общее название «паспортистка».

Во время паспортизации 30-х гг. работники паспортных столов занимались не столько канцелярской работой, сколько «поддержанием паспортного режима». В Записке Г. Е. Прокофьева В. М. Молотову «О результатах паспортизации гг. Москвы и Ленинграда» от 27 августа 1933 г. отмечалось, что, несмотря на все усилия органов, не решен вопрос удаления беспаспортных: «...Москва и Ленинград были засорены огромным количеством деклассированного элемента, живущего на нелегальном положении. При объявлении паспортизации они, зная, что им безусловно откажут в выдаче паспорта, не являлись совершенно на паспортные пункты и укрывались на чердаках, в подвалах, сараях, садах и т. д. <...>. Для успешного поддержания паспортного режима в каждом городском отделении милиции организованы специальные паспортные столы, имеющие свою инспектуру и негласное осведомление в домах. Паспортные столы производят обходы, облавы, проверки домоуправлений, бараков для сезонников, мест скопления подозрительных элементов, нелегальных ночлежек, чердаков, подвалов и т. д.»[91]. Такая специализация паспортных столов не очень вяжется с нашими представлениями об этом месте, но постепенно паспортные столы менялись.

Позже в задачи паспортных отделов милиции, которым подчинялись паспортные столы, входили: организация и руководство всей работой по проведению в жизнь паспортной системы; выдача и обмен паспортов; прописка и выписка населения; ведение адресно-справочной работы; выявление преступников, разыскиваемых оперативными и судебно-следственными органами; выявление и удаление из местности с особым паспортным режимом лиц, подпадающих под паспортные ограничения; выдача гражданам пропусков на въезд в запретную пограничную зону; регистра-

91 Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 108.

ция актов гражданского состояния (рождений, смертей, браков, разводов, усыновления) и т. д. Обеспечение соблюдения паспортного режима никто не отменял, и проверка паспортов, организация облав, работа с осведомителями и т. д. оставались в числе задач паспортных столов.

Паспортистки жактов должны были вести учет граждан, проживающих в подведомственных домах, выдавать и получать документы по прописке и выписке, выдавать Форму № 1, вести картотеку жильцов. Как видим, обязанности паспортистки жакта и сотрудника паспортного стола были разными — но, повторяю, их особенно не различали. Кроме всего прочего, паспортистка должна была обладать каллиграфическим почерком, поскольку паспортные графы заполнялись ею от руки.

Паспорт — своего рода итог, конечный продукт процесса. Невидимая (и более значимая) сторона производства совершается в паспортном столе милиции. Здесь остаются все исходные материалы, на основании которых устанавливается личность и выдается паспорт, в том числе — фотография владельца паспорта. Кроме того, на человека заводится учетная карточка. О своем восприятии паспортного стола информанты рассказывали следующее.

> *Помню загадочное сочетание «паспортный стол». Мне представлялся прямоугольный обычный стол, а столешница выложена паспортами. Я только в 14 лет, когда пошла за паспортом, узнала, что это такое... и то не понимаю, почему паспорта выдают все равно не там, а в милиции* (Oxf/AHRC-SPb-07, AKas. Passport PF 07. Ж., 1984 г.р.).

> *...это самое отвратительное место в нашем государстве — всевозможные паспортные столы, жилконторы, ОВИРы и прочее. То есть ничего хуже я не помню... не знаю. Если все остальное как-то все-таки захвачено вот этой волной перемен, и там нет вот этой жуткой «совдепии», и этого жуткого отношения совершенно к человеку. Все это поменялось. То вот это как раз заповедник вот этой самой совдепии, самый классический заповедник <...> Тетушки довели меня до каления своей, там, я не знаю, тупостью, своими требованиями каких-то немыслимых документов, хотя было совершенно очевидно, как бы, моя и ситуация и семейная и жилищная. Все было очевидно, но им просто формально нужны были какие там бумажки, которые они тупо требовали <...> И последнее, просто мне приходится общаться*

> *по поводу ремонта нашей парадной с этими же органами. И это ужасно, конечно. Такого хамства, как там, и вот этого ответа любезного о том, что* [грубым голосом]*: «У нас обед, мы же нормальные люди, как все обедаем»* (Oxf/AHRC-SPb-07, IN Passport PF-01. Ж., 1956 г.р.).

Подобный стиль отношения к посетителям был присущ, наверное, не только работникам паспортных столов, но именно здесь традиция отличалась особенной устойчивостью — во всяком случае, архивные материалы внутренних проверок говорят о ее глубокой укорененности. В частности, регулярно отмечается большое количество жалоб на неудовлетворительную работу паспортных столов:

> Особенно часто граждане жалуются на то, что им отказывают в выдаче паспортных документов и прописке. Проверки показывают, что такие отказы во многих случаях являются безосновательными <...>. Некоторые работники создают искусственные препятствия, требуя обязательного представления совершенно ненужных справок и др. документов. Не разъясняется толком, в каком порядке производится выдача и обмен паспортов, прописка и выписка. Не оказывается необходимая помощь гражданам, желающим уточнить содержащиеся в их паспортах записи. Распорядок рабочего дня многих паспортных столов создает дополнительные неудобства для граждан. Не изжиты случаи, когда паспортные работники разговаривают с посетителями через окошко, часто даже не видя их. В целях быстрейшего устранения этих недостатков: повести решительную борьбу с волокитой в работе паспортных столов и проявлениями грубости и бездушного отношения к гражданам. Строго наказывать виновников...[92]

Эти материалы датируются 1953 г., но и в последующие годы ничего принципиально не изменилось. Следует отметить, что, как следует из этого документа, в обязанности работников паспортных столов входило и разъяснение паспортных правил. Они это делали, излагая их на «доступном» языке, что, естественно, вело к модификации этих правил.

«Бездушное отношение к гражданам» в какой-то мере объясняется тем, что паспортистка представлялась не только воплоще-

---

[92] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 234–235.

нием властных функций, но и хранителем особого знания. Действительно, как уже говорилось, большинство инструкций по паспортной работе были с грифом «Секретно» и паспортистка являлась, по сути дела, их толкователем и переводчиком для граждан. Она знает, как определить социальное положение или национальность. Кроме того, она знает, как правильно написать справку или заявление, как заполнять требуемые бумаги и т. д. Это особенно чувствовалось, например, в случаях потери паспорта, когда паспортистка подсказывала, как написать заявление об утрате, какими словами, в какой последовательности (см. раздел о потере паспорта).

> *...там прямо люди подсказывают, короче говоря. Сидят и подсказывают* [смеется], *почему тебе так надо писать. Потому что вот если ты написал — украли, им надо заводить дело* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

Пользуясь своим положением, паспортистка могла сама вписать в паспорт, например, ту национальность, к которой (по ее мнению) принадлежит владелец паспорта. Вместе с тем распространено мнение о чрезвычайно низком уровне образования паспортисток. Существует большой корпус рассказов об ошибках, чаще всего в написании имен и времени рождения, приписываемых полуграмотной паспортистке, которая «выписывала паспорт»:

> *Ну, у деда паспорт был очень своеобразный, если бы я тогда был поумнее, я бы этот паспорт сохранил, я бы его украл! Потому что там была виртуозная запись. Знаете, там есть такая графа — дата рождения? Как вы думаете, что там было написано: «не помнит»!* [смех] *Вот такой год рождения — не помнит!* (59. JEES_020 AK. M., 1944 г.р.).

> *... запомнилась ошибка, связанная с датами рождения отца (по семейному преданию, он родился в Егорьев день, а в паспорте был указан другой месяц, зато благодаря этой «ошибке» дни рождения мамы и отца совпали) и моих теток-двойняшек* **(***всю жизнь они были уверены, что родились в 1934 году, но после смерти бабушки, своей мамы, просматривая ее паспорт, увидели, что там стоит 1932 год, хотя это тоже, возможно, была ошибка (паспорт бабушка получила за год до смерти, в 1976 году)***)**. *Кроме того, опять же, по семейному преданию, фамилия «Воронок»*

> *получилась из-за ошибки деревенского писаря, который искажал фамилию каждый раз, когда выписывал справку уезжающему из деревни в город члену семьи (Воронков, Воронок, Варонок)* (53. Oxf/AHRC-SPb-08, АК Passport PF-53. Ж., 1971 г.р.).

Ошибка необразованной паспортистки обыгрывается в распространенном фольклорном сюжете о «еврейском индее». Вот один из его многочисленных вариантов: «Оформляя документы для получения паспорта, Рабинович написал в графе "национальность": "Иудей". Когда пришел получать паспорт, обнаружил запись: "Национальность индей". Со скандалом дошел до начальницы паспортного стола, мол, я имел в виду нечто совершенно иное... "Хорошо, зайдите через две недели — попробуем как-то решить Ваш вопрос..." Через две недели ему вручили паспорт с записью: "Национальность индейский еврей"»[93].

Авторство этого сюжета приписывается разным людям. Собственно, для придания правдоподобия рассказ обычно и начинается с указания конкретного автора. Если не возникновение, то распространение сюжета явно связано с началом обязательного указания национальности, т. е. со временем введения паспортной системы, однако есть и другие версии. По словам Елены Румановской, существует свидетельство, что «в 1928 г. Шварц для неких официальных документов назвался "иудеем", причём служащий понял и написал это как "индей". Отражение сей феномен нашёл в стихотворении "Генриетте Давыдовне" (1928) друга Шварца — Н. Олейникова:

> Я красив, я брезглив, я нахален,
> Много есть во мне разных идей.
> Не имею я в мыслях подпалин,
> Как имеет их этот индей!» [94]

Приводимый ниже фрагмент рассказа Владимира Баранова «Индеец» интересен своей этнографической точностью в описании поведения паспортистки и арсенала ее возможностей.

---

93 http://vshutke.ru/sword-naytsionalymnostym.html — Дата обращения: 07.02.2017.

94 *Румановская Е.* Евгений Шварц о евреях и еврействе // Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto. (http://www.utoronto.ca/tsq/16/rumanovskaya16.shtml — Дата обращения: 07.02.2017).

Шел 1952 год, с космополитами, врачами-убийцами и прочей «нечистью» разбирались круто, методично, по полной государственной программе. Васина мама вся извелась, не зная, как помочь сыну. Одна надежда была у нее — на Васино свидетельство о рождении: перед войной в него еще не вносились данные о национальности.

Соседка по коммунальной квартире работала в паспортном отделе милиции, и Васина мама стала ее уговаривать, чтобы Васю записали в паспорте, как русского.

— Не могу, Сара Исааковна, — ответила та, — строжайше запрещено, русским он не будет ни при каких обстоятельствах. Не могу, при всем моем к вам уважении.

— Хотя бы что-нибудь можно сделать?

— Что угодно напишу, но только не русский, не белорус, не украинец. Хотите, татарином оформим или армянином?

— Хрен редьки не слаще.

— Могу эскимосом записать или нанайцем.

— Тогда уж лучше напишите «иудей».

— А что это такое?

— То же, что еврей, но не так оскорбительно. Литературно-историческое название, не все его знают.

— Я согласна, жалко парня.

Так Вася Срульевич Шапиров, именно Вася, а не Василий, официально стал иудеем.

Надо сразу сказать, что радости в жизни это ему не прибавило, даже наоборот: теперь у него появилось прозвище Иуда, с которым он промучился, пока не отслужил в армии.

Вернувшись на гражданку, Вася немедленно влюбился в красавицу-еврейку Соню и тут же женился на ней. Фамилия у нее была Рабинович, так что менять свою фамилию на ее при бракосочетании, естественно, не имело никакого смысла, зачем менять шило на мыло.

Соня Шапирова как-то сразу забеременела, и Вася тут же стал ломать голову, как ему помочь будущим своим детям. Надо было срочно что-то делать с национальностью.

Вся эта морока ему уже порядком надоела, и он решил действовать просто и энергично: взял свой паспорт, грубо вымарал слово «иудей» и написал другое — «русский». Получилось вроде бы неплохо, но это, как говорится, до первого милиционера. Чтобы окончательно порвать со своей позорной национальностью, Вася подал заявление о вступлении в ряды коммунистической партии, считая, что коммунист — это что-то вроде выкреста, что он уже и по идее не еврей. Именно здесь его и застукали с подделкой в паспорте.

Теперь он снова оказался в паспортном отделе милиции перед капитаном, который мрачно глядел то на Васю, то на испохабленный паспорт.

— У тебя что тут было раньше написано? — спросил страж закона.

— Иудей, — потерянно ответил Вася.

— Какой еще иудей? Нет такой национальности.

— Так было написано.

— А ты в русские рвешься? Я тебя посажу за подделку документа.

— Не надо, — попросил Вася, — у меня и так одни неприятности с «иудеем».

— Есть национальность «индей», понял? Черт с тобой, гуляй на свободе.

Васю не посадили, он заплатил штраф и получил новый паспорт, в котором в графе национальность черным по белому было написано «индей»[95].

Далее идет описание превратностей жизни советского человека с национальностью «индей» и того, как он, стремясь избавиться от этой национальности, «потерял» паспорт, но, будучи честным человеком, сознался, что в потерянном паспорте значился «индеем». Грамотный майор из паспортного отдела заявил, что такой национальности не существует, и Вася стал индейцем.

Добрый человек посоветовал ему сесть на пару лет за какое-нибудь незначительное нарушение с тем, что по освобождении в справку напишут нужную национальность, а по этой справке ему выдадут другой паспорт. Вася так и поступил. Освободившись, он получил справку, где в пункте «национальность» значилось «еврей». Все вернулось на круги своя.

Ошибки паспортистки (иногда не менее анекдотические) вызывали всякого рода сложности, уладить которые можно было опять-таки с помощью паспортистки.

У моей бабушки в паспорте было написано «Анастасия Самотесова». «А» — первая, «О» — вторая. Ее родного брата, который младше ее на 3 года, записали как «Соматесов»: «О» — «А». После войны, в 47-м году, у них большие неприятности в связи с этим,

---

95 *Баранов В.* Индеец // Интерлит (http://www.interlit2001.com/baranov-2.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

потому что они не могли доказать, что они брат и сестра. Когда умерла их мачеха, возникла проблема наследства. Это было наследство матери, но она тоже была Самотесова. Они должны были получить что-то в деревне, типа дома, а у ее брата было написано «Соматесов», не так, как у мамы. И они ходили, и в результате за взятку дяде Вале переписали паспорт. Ему написали «Самотесов», так же, как у бабушки, и всё было ok. И они всё разрулили, всю ситуацию (Личное сообщение. Ж., 1975 г.р.).

Известно, что во многих «национальных» районах паспортистки записывали имена и фамилии на слух, воспроизводя местные или индивидуальные особенности произношения[96]. Фактически они таким образом создали многие имена и фамилии и внесли существенный разнобой в написании одних и тех же слов. С помощью паспортистки можно было не только исправить ранее допущенные ошибки, но и изменить свои паспортные данные.

У *меня в Хайфе был приятель, а он был хохол, но он был похож на еврея, похож. Глаза такие черные, а он хотел уехать. И вот за триста рублей* [смеется] *он очаровал какую-то паспортистку. Как уж он... он был здесь начальник крупного производства, фабрики-кухни. То есть он был повар по своей профессии, талантливый повар. Он очаровал, значит, написал, значит, себе бабушку еврейку и уехал* (АЦИ ЕУ SPB-06, MG. M., 1946 г.р.).

Злоупотребления работников паспортных столов (главным образом получение взяток за справки о прописке, незаконную выдачу паспортов) — постоянные мотивы результатов проверок вышестоящих органов милиции[97]. И это при том, что подобные проверки проходили крайне формально, о чем свидетельствует и фрагмент Доклада «О работе паспортного отдела Главного Управления Милиции НКВД СССР за 1944 год». В нем речь идет о реакции на опубликованную 24 ноября 1944 г. в газете «Правда» заметку «Около паспортного стола», в которой описывались многочисленные прегрешения работников паспортных столов: «По донесению начальников УНКВД проверкой было выявлено 23 случая (!!) грубого обращения работников паспортных столов, за что 6 чел. сня-

96 В частности, так нередко поступали в Средней Азии. Благодарю С. Абашина за это сообщение.

97 См., например: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 301, 422 и др.

ты с занимаемых должностей, на 17 чел. наложено взыскание»[98]. Простая арифметика: выявлены 23 случая грубого обращения, наказаны 23 работника.

Работники паспортных столов оказывались своего рода «слабым звеном» паспортной системы, но происходило это лишь потому, что они непосредственно контактировали с гражданами. Советский бюрократический аппарат был менее всего приспособлен к таким контактам, и не случайно в этом поле происходят различного рода сбои, причиной которых является «человеческий фактор». Именно с паспортисткой можно было договориться о необходимых «исправлениях» в паспорте. Так называемые злоупотребления работников паспортных столов свидетельствуют, помимо всего прочего, и о широком диапазоне модификаций официальных предписаний. Вместе с тем они выполняли весьма важную в условиях двойного права роль трансляторов положений закрытого права. Благодаря их разъяснениям появлялась возможность додумать и воссоздать то, что от граждан требуется в неведомых им инструкциях. Эта функция «переводчика» заставляла работников паспортного стола интерпретировать официальные правила в соответствии со своими представлениями, что почти неизбежно приводило к изменениям этих правил. Так или иначе именно они становятся своего рода воплощением власти, непосредственными представителями тех структур, с которыми контактировали советские граждане по всем вопросам, касающимся получения паспорта, его обмена, прописки, и многим другим. Показательно, что когда речь идет о паспортных практиках, постоянно возникает фигура работника паспортного стола. Можно сказать, что смутный и безличный образ «власти» каждый раз обнаруживает свое конкретное воплощение в лице представителя ее низших уровней, в диалоге с которым вырабатывались дальнейшие действия.

Получение паспорта

Процедура выдачи паспортов описывается в Положениях о паспортах весьма лаконично. Например, в Положении 1932 г., опубликованном в газете «Правда», говорится: «При выдаче паспортов

---

[98] ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 17.

с граждан взимается три рубля, а при выдаче временных удостоверений — один рубль»[99]. Аналогичный текст был и в последующих Положениях, менялись лишь цифры. Озаботились этим действием только после войны. При обсуждении проекта Инструкции по применению Положения о паспортах 1953 г., в котором принимали участие заинтересованные ведомства, среди прочих был поставлен вопрос о торжественном вручении первых паспортов в школах и других учебных заведениях. На этот вопрос отреагировало лишь Министерство юстиции СССР: «Едва ли необходимо производить вручение паспортов в школах, ФЗО и ремесленных училищах в "торжественной обстановке"» (подписано Зам. министра юстиции СССР П. Кудрявцевым)[100].

Тем не менее в вышедшей по итогам обсуждения Инструкции впервые подробно изложена официальная процедура получения паспорта:

> Вручение паспорта получающему его лицу производится начальником паспортного стола. При этом начальник паспортного стола обязан:
>
> а) спросить получателя о его фамилии, имени, отчестве и других данных, сверив их с записями в паспорте; сличить фотокарточку в паспорте с внешностью получателя;
>
> б) взыскать установленную ст. 10 Положения о паспорте стоимость паспорта
>
> Примечание. Взимать деньги за паспорт в момент получения документов на выдачу паспорта запрещается;
>
> в) предложить получателю учинить свою подпись спецчернилами в графе 4 паспорта. В тех случаях, когда получатель неграмотен, в этой графе делается спецчернилами запись: «неграмотный» или «неграмотная»;
>
> г) выдать паспорт, а принятые при заявлении о выдаче паспорта документы вручить получающему паспорт;
>
> д) разъяснить получателю необходимость представления паспорта в домоуправление или сельский Совет для прописки и по месту работы для проставления штампа о работе, а если получатель паспорта подпадает под паспортные ограничения, предупредить о запрещении ему проживать в местностях с особым режимом <...>;

---

99 Правда. 1932. 28 дек. № 358. С. 2.
100 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 26.

Предложить получателю проверить правильность внесенных в паспорт сведений (в случае обнаружения неправильных сведений паспорт подлежит замене).

Заявления формы № 1 остаются в паспортном столе в качестве оправдательных документов на выданные паспорта и хранятся в специальных делах.

Вручение паспортов лицам, получающим их в связи с достижением 16-летнего возраста, производится начальником отделения милиции. Вручая паспорт, начальник отделения поздравляет получателя с достижением 16-летнего возраста и выдачей ему паспорта[101].

Помимо технических деталей, которые ориентированы на всех получателей паспортов, специально оговаривается получение первого паспорта. Вручать его должен не начальник паспортного стола, а начальник отделения милиции (совсем другой статус). И что уж совсем необычно, начальник отделения милиции должен поздравить получателя с 16-летием и получением паспорта. Однако для того, чтобы говорить об особом ритуале вручения паспорта, этой почти приватной процедуре не хватало, пожалуй, главного — коллективного характера действий.

Судя по имеющимся данным, торжественное вручение первого паспорта группам школьников и учащихся стало практиковаться в конце 1950-х — начале 1960-х гг. по инициативе управлений культуры ряда краев и областей[102]. Еще в 1956 г. ЦК КПСС считал создание новых обрядов «нецелесообразным»[103], а уже в 1959 г. в «Известиях» началась кампания по их внедрению. К этому времени изменился не только общий жизненный контекст, но и от-

---

[101] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах… 1953 г. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 133 об.

[102] Одно из первых методических пособий о проведении торжественного вручения паспорта было издано Управлением культуры Пермского облисполкома: *Климов Е.* Торжественный акт вручения первого советского паспорта (Методическое пособие в помощь культурно-просветительным работникам). Пермь, 1961. В этом пособии предлагается сценарий проведения торжества из пяти частей: 1) встреча гостей и организация отдыха до торжественной части; 2) торжественный акт вручения паспорта; 3) массовые развлечения, игры, танцы, разучивания массовых песен; 4) разговор по душам за чашкой чая; 5) проводы гостей.

[103] В статье Катрионы Келли и Светланы Сиротининой указывается, что именно такой была реакция руководителей Отдела культуры ЦК КПСС на письмо от гражданки Т. И. Кубраковой из Саратовской области, в котором она поднимает вопрос о тех обрядах, которые могли бы заменить церковные обряды, оформляющие рождение, брак и смерть человека (*Келли К., Сиротинина С.* «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // АФ. 2008. № 8. С. 267).

ношение к обрядовой сфере. Народные обряды уже не воспринимались как нечто исключительно негативное и непременно ассоциирующееся с религией. Это было очень важно, поскольку уже началась очередная (и последняя) кампания по борьбе с религией[104]. Вновь, как в 1930-е гг., закрывались храмы и горели иконы. Хрущевская программа построения коммунизма предполагала борьбу с «капиталистическими пережитками», среди которых фигурировала прежде всего религия (наряду с пьянством и прочими «антиобщественными» проявлениями). Однако усилиями специалистов (и прежде всего этнографов и фольклористов) в обрядовом наследии стали выделяться «народные» обряды, которые, по их мнению, не входили в категорию «религиозных». Разумеется, такое деление не выдерживает серьезной критики, но следует учесть, что таким незамысловатым образом можно было придать новый статус многим культурным явлениям, прежде безоговорочно включавшимся в категорию «реакционных пережитков прошлого». Это, в частности, позволило использовать некоторые элементы народных обрядов (например, подношение хлеба-соли и под.) при конструировании новой обрядности.

По официальной версии, отличие нового этапа создания социалистической обрядности от прежнего заключается в том, что если прежде она насаждалась «сверху», то теперь инициатива исходит непосредственно от народных масс. Трудящиеся в своих письмах просили установить новые праздники и обряды, «созвучные времени»: *праздники труда и дружбы, праздник Серпа и Молота, праздник совершеннолетия, комсомольские свадьбы* и др. Изменились и цели «обрядотворчества»: если в 1920–1930-е гг. лейтмотивом создания новых обрядов была борьба с религией, то сейчас цели понимались и формулировались несколько шире. Новые обряды, по замыслу партийных идеологов, должны были сыграть существенную роль в воспитании советского человека (в частности, в борьбе с пьянством) и в привитии идеалов коллективизма и интернационализма. Другими словами, теперь обряды должны были ориентироваться на человека и сообщества разных уровней — от производственного коллектива до всего советского народа[105].

---

[104] Следует отметить, что антирелигиозные кампании, как правило, совпадали с волнами озабоченности властей по поводу создания новой, истинно советской обрядности.

[105] О новых обрядах, в том числе ритуале вручения паспорта, см. подробнее: *Baiburin A.* Rituals of Identity: the Soviet Passport // Soviet and Post-Soviet Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 91–110.

Любопытно, что, по утверждениям авторов брошюр 1960-х гг., новое движение началось в республиках Прибалтики. В частности, в Латвии в 1956 г. (а на следующий год в Эстонии) зародился праздник совершеннолетия. Там же (в Латвии) в 1957 г. начали праздновать День ребенка. Объясняется это, скорее всего, тем, что в этих республиках быстрее сориентировались, как можно сохранить свои традиционные праздники (конфирмацию и крещение ребенка), придав им необходимую в советских условиях форму. В 1958 г. вопрос о новых, советских обрядах был поднят на XII съезде ВЛКСМ. На следующий (1959) год в ленинградской газете «Смена» началась дискуссия на эту тему, а уже в конце этого года газета «Известия» придала этой теме всесоюзный характер, опубликовав несколько статей под общей шапкой «Добрые традиции творит народ». Перевод высказанных в ходе дискуссий идей в практическое русло стал главной темой состоявшейся в 1960 г. методической конференции «Советские праздники, народные традиции и преодоление пережитков религии», которая была организована правлением Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР совместно с Центральным домом народного творчества имени Н. К. Крупской.

В 1964 г. Совет Министров РСФСР издал Постановление, в котором рекомендовал местным органам развернуть деятельность по разработке и внедрению новых гражданских обрядов и праздников, мотивируя это тем, что многие важные события в жизни советского человека (регистрация браков, рождений и др.) «проводятся в будничной, казенной обстановке, вызывая тем самым неудовлетворенность и справедливые нарекания трудящихся». С этой целью было предусмотрено образование при Юридической комиссии Совета Министров РСФСР Совета по разработке и внедрению новых гражданских обрядов, а на местах — общественных комиссий по гражданским обрядам. Новому Совету было поручено в трехмесячный срок разработать «порядок официальной части при регистрации ребенка, выдаче паспорта, бракосочетании и других важных событий в жизни советских людей, а также образцы улучшенных бланков свидетельств о рождении, браке и внести их в Совет Министров РСФСР». Отдельным пунктом в Постановлении была отмечена необходимость «уделять больше внимания обобщению и внедрению положительного опыта проведения мероприятий, связанных с вручением первых паспортов»[106].

---

[106] Сборник руководящих документов по паспортной работе. М., 1988. С. 61–62.

В том же 1964 г. в Москве состоялось I Всесоюзное совещание по внедрению в быт новых гражданских обрядов, и «обрядотворчество» было объявлено важной задачей региональных партийных идеологов[107]. На совещании было отмечено, что одним из основных недостатков предыдущей работы в этой сфере является слабое теоретическое осмысление и отсутствие научного обобщения имеющегося опыта и возникающих при этом проблем[108]. К разработке новых обрядов были подключены этнографы, фольклористы, музыковеды и другие специалисты[109]. Было выделено три блока праздников и обрядов: 1) общегосударственные советские и международные революционные праздники (годовщина революции, 1 Мая, 8 марта и др.); 2) трудовые праздники (Посвящение в профессию, День первой получки, Праздник урожая, День оленеводов и т. п.); 3) гражданские и семейно-бытовые праздники и обряды, посвященные календарным датам (Новый год, Проводы зимы) и важным событиям в жизни человека (совершеннолетию, проводам в армию, бракосочетанию и др.). К их числу отнесли и обряд вручения первого паспорта.

Широкое распространение это мероприятие получило в связи со всеобщей паспортизацией, которая была объявлена в 1974 г., а проводилась с 1 января 1976 г., когда все взрослое население страны должно было получить паспорта. Возникает естественный вопрос: почему вручение паспорта стало считаться таким же важным событием, как и рождение, бракосочетание и другие привычные обряды жизненного цикла? Видимо, этому способствовало несколько обстоятельств, среди которых прежде всего следует отметить общую тенденцию к ритуализации жизни в советскую эпоху. Эта тенденция объясняется (кроме всего прочего) тем, что в советских праздниках и обрядах виделись фрагменты того светлого будущего, которое неизбежно когда-нибудь наступит. Причем такое отношение к праздникам не только насаждалось «сверху»,

---

[107] Второе совещание по новой социалистической обрядности проходило в Киеве в октябре 1978 г.

[108] *Кампарс П. П., Закович Н. М.* Советская гражданская обрядность. М., 1967. С. 34.

[109] В 1970-е гг. стали проводиться специальные этнографические конференции, посвященные изменениям в быту народов СССР, на которых существенное внимание уделялось новой обрядности. Первая конференция была проведена в Москве в 1977 г. См.: *Полищук Н. С.* Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 6. С. 104–112.

но и находило отклик «снизу».[110] Поэтому даже простое увеличение их числа обеспечивало эффект большего присутствия этого воображаемого будущего в настоящем. Тотальная ритуализация всех аспектов жизни советского человека не могла не затронуть его жизненный путь. Вторжение в эту сферу до некоторых пор ограничивалось, как известно, перелицовыванием на советский лад существовавших прежде ритуалов (родин, свадьбы, похорон). В этой ситуации создание «истинно новых» обрядов жизненного цикла было лишь вопросом времени.

Следует также иметь в виду, что 16-летие (паспортный возраст) в советской традиции являлось особенной датой хотя бы потому, что с этого возраста человек считался трудоспособным и, соответственно, «взрослым», хотя совершеннолетие официально наступало в 18 лет[111]. На работу могли принять и в 14 лет, но только на неполный рабочий день (по советскому законодательству в возрасте с 14 до 16 лет человек обладает неполной трудоспособностью). Именно поэтому в обряде вручения паспорта непременно присутствует мотив напутствия в трудовую, взрослую жизнь.

Возраст получения паспорта (16 лет) долгое время был стабильным (вплоть до 1997 г., после чего стали выдавать паспорта с 14 лет). Любопытно, что это никак не изменило характер торжественного вручения паспорта — получателей поздравляют с обретением гражданства и началом нового, «взрослого» этапа жизни. Дело, наверное, не столько в возрасте, сколько в самом паспорте, который считается своего рода «свидетельством» взрослости[112].

---

[110] См., например, об отношении к советским праздникам вполне образованных городских жителей: *Байбурин А., Пиир А.* Счастье по праздникам // АФ. 2008. № 8. С. 227–257. Разумеется, приведенные в статье воспоминания относятся главным образом к послевоенным годам и пропитаны «постсоветской ностальгией». Более показательный пример — несомненная популярность советского обряда бракосочетания, что и естественно, поскольку до этого вся церемония состояла в том, что жених и невеста просто «расписывались» в буквальном смысле слова.

[111] С 16 лет снимались некоторые возрастные ограничения — например, на посещение «взрослых» фильмов с грифом «детям до 16 лет смотреть запрещается», на пребывание в общественных местах без взрослых вечером (например, в Ленинграде время, после которого дети не должны были появляться на улицах без сопровождения взрослых, было установлено в 1940 г. — до 21 часа (для детей до 14 лет), а в 1944 г. — до 22 часов (до 16 лет). См.: О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью (Обязательное постановление) // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1940. № 11. С. 2; О правилах поведения детей в общественных местах (в театрах, кино, парках, трамваях, на стадионах и т. д.) и на улицах города Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 12. С. 8.

[112] Не случайно практически во всех собранных по этой теме интервью первый паспорт ассоциируется прежде всего со «взрослостью».

В этой связи следует отметить наблюдение К. Лэйн о том, что большинство новых ритуалов «второй волны» было ориентировано именно на молодых людей (посвящение в рабочие, праздник первой получки, совершеннолетие и др.). Исследовательница связывает это «сгущение» обрядов с тем, что в юношеском возрасте еще недостаточно развито критическое восприятие и молодыми людьми легче манипулировать[113]. Собственно, об этом же (но с другой стороны и в других терминах) идет речь и в официальных советских документах, где подчеркивается воспитательное значение новых советских обрядов[114].

Уже само название обряда («*вручение* паспорта») представляется значимым. Оно говорит о том, что человек не просто получает паспорт (по той причине, что достиг соответствующего возраста), а паспорт *вручается* ему в качестве некого дара со стороны государства. Другими словами, получатель заведомо оказывается в положении должника. Нужно сказать, что советскому человеку постоянно внушалась мысль о неоплатном долге перед государством, которое обеспечивает его счастливое детство, дает ему образование и даже саму возможность хотя бы частично оплатить свой долг ударной работой или героической службой по защите Родины. В этом смысле «вручение паспорта» — еще один, но весьма значимый эпизод в специфическом обмене между государством и гражданином.

Обряд мог иметь и другие названия: «Праздник совершеннолетия», «Праздник шестнадцатилетних» и др., но наиболее распространенной альтернативой «Торжественному вручению паспорта» было «Посвящение в гражданство». Это название, видимо, смущало самих его создателей, поскольку не могло обойтись без пояснений (получающие паспорта и до этого события считаются гражданами, но с усеченными правами, а полноправными гражданами они станут лишь через два года после вручения паспорта, в 18 лет). Тем не менее именно это название выжило, и даже в

---

113 *Lane Ch.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society. New York, 1981. P. 120.

114 После XXII Съезда КПСС (1961 г.), на котором был принят «Моральный кодекс строителя коммунизма», тема коммунистического воспитания становится одной из ведущих в советском идеологическом дискурсе. В русле этой темы происходит ритуализация приема в комсомол и в пионеры. Соответствующие церемонии происходили в местах, связанных с памятью о революции и войне (в музеях революции, мемориальных комплексах, на крейсере «Аврора» и т. п.), в присутствии все тех же персонажей: ветеранов и героев войны и труда, передовиков производства и др.

настоящее время торжественное вручение паспортов называется чаще всего «Посвящением в гражданство»[115].

Обряд вручения паспорта (как и всякий «новый обряд») может служить хорошим примером создания события. Достаточно сказать, что большинство 16-летних получали свои паспорта в рутинной обстановке в так называемых паспортных столах районных отделов милиции. Торжественное вручение было предназначено далеко не всем. Предполагалось, что право на него нужно заслужить хорошей учебой (паспорта обычно выдавались группе 16-летних школьников). То, что обряд совершался «не для всех», в глазах его устроителей должно было лишь подчеркнуть значимость этого события.

Чтобы иметь представление о том, как обычно происходило *получение* (не *вручение*!) паспорта, приведу несколько примеров. Вот как это выглядело с точки зрения автора брошюры о новых обрядах и праздниках (мягкий вариант описания с элементами «художественного изложения»): «Человек получает паспорт… Вот он входит в районное отделение милиции, ждет своей очереди в коридоре, затем его вызывают в небольшую и тесную комнату. Он расписывается в получении паспорта, платит тридцать копеек и не успевает посмотреть на свой первый “взрослый” документ, как раздается возглас: “Следующий!”»[116].

Такого рода процедура распространялась и на тех, кто получал паспорт в первый раз:

> *…Мне была назначена какая-то определенная дата, определенный срок, через который — ну я сейчас уже не помню, может быть, две там недели — через который я могла прийти получить готовый паспорт. И я пришла в этот день, назвала свою фамилию. Эта женщина, паспортистка, порылась вот в этой… в картотеке, в такой этой… коробочке, где были эти паспорта. Нашла мой паспорт, сказала: «Вот он». Потом, по-моему, я расписалась в какой-то книге — и все. На этом все закончилось* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-04. Ж., 1945 г.р.).

---

115 Показательны сами названия работ об обряде вручения паспорта: *Бурак В.* Быть гражданином // Клуб и художественная самодеятельность. 1982. № 2. С. 4–6; *Гурков В. С., Дубовик Н. К.* Посвящение в гражданство: сценарий // Новые гражданские обряды и ритуалы / под ред. В. К. Бондарчика и др. Минск, 1978. С. 8–28 и др.

116 *Климов Е.* Новые обычаи и праздники. М., 1964. С. 100.

Далеко не везде получение первого паспорта происходило так обыденно. Обычно все-таки было принято придавать этому событию некоторую долю торжественности.

> *Прекрасно помню. 17-е отделение милиции, мне 16 лет. И самое интересное, что тогда это обставлялось с минимумом торжественности, как ни парадоксально. Если сейчас паспорт тебе просто дают как бумажку, то тогда я даже помню, что мадам, которая вручала мне этот паспорт, она встала и пожала мне руку. И это… это был… это легко сказать, когда это было, — это был 79-й год. То есть в 79-м году еще некоторый флер такой вот торжественности государственнической, он, в общем, существовал* (Oxf/AHRC SPb-08, CK Passport PF18. М., 1963 г.р.).

Впрочем, не все воспоминания окрашены в такие тона. В сельской местности получение паспорта воспринималось как долгожданное радостное событие:

> *Всем селом выпивали, танцевали-плясали. Это уже есть… все стали человеками. Все стали равными. Приезжали в город уже как на равных. Могли поехать куда-то. Уже, как говорили, «доку́мент» был на руках* (Oxf/AHRC-Evpatorija-08, Passport PF-06. Ж., 1934 г.р.).

Как видим, получение паспорта для сельских жителей могло означать, что их тоже считают людьми наравне с городскими.

Приведенные фрагменты (их число легко умножить) дают некоторое представление о том известном каждому советскому человеку фоне, на котором создавалось и функционировало новое обрядовое явление. Как и в любом обряде, для его успешного совершения создавалась особая реальность, не имеющая непосредственного отношения к реальности повседневной жизни. Эта вторая (сугубо семиотическая) реальность конструировалась в соответствии с принципами, которые были выработаны в ходе эволюции советской традиции праздничной (обрядовой) культуры. Сценарии обряда вручения паспорта разрабатывались, как правило, в специальных Комиссиях по разработке и внедрению новых обрядов или в местных отделениях общества «Знание», а утверж-

дались партийными и государственными органами.[117] Жесткого сценария не существовало. Конкретные формы его реализации были инициативой местных органов, но «дух» обряда должен был соблюдаться неукоснительно. Отсюда и то удивительное сходство, которое обнаруживается в бесчисленных брошюрах, изданных местными издательствами.

По замыслу создателей, советская инициация должна была внушить получающим паспорта чувство гордости за Родину и ответственности за себя как за граждан Советского Союза. Вручение паспортов приурочивалось к какой-нибудь праздничной дате. Наиболее подходящим считался День Конституции (5 декабря), поскольку предполагалось, что с вручением паспорта человек приобретал права и обязанности, сформулированные в Конституции. Но обряд не обязательно приурочивали к празднику; могли быть выбраны и другие даты, поскольку вручение паспортов само по себе мыслилось праздником. Местом проведения обряда становился клуб, Дом или Дворец культуры, а в летнее время — парк. Место выбиралось таким образом, чтобы оно, во-первых, соответствовало случаю, а во-вторых, было способно вместить большое число участников, поскольку обряду придавался публичный и официальный характер.

Чтобы участники обряда прочувствовали высокое предназначение советского паспорта, его устроители старались создать торжественную обстановку. Для этого существовали универсальные приемы, характерные для торжественных мероприятий. Зал и особенно сцена украшались знаменами, гербом СССР и союзной республики, портретами вождей, а также плакатами. Из динамиков разносились звуки патриотических песен, а иногда присутствовал и «живой» духовой оркестр. Кроме самих виновников торжества, в обряде принимали участие старые коммунисты, ветераны войны и труда, передовики производства (они назывались «представителями общественности»),[118] представители властных органов (партийные и советские чиновники), учителя, родители, а также представители младшего поколения (как правило, пионерский отряд).

---

117 После Совещания по внедрению в быт новых гражданских обрядов (1964) Совет Министров СССР создал «Совет по разработке и внедрению в быт новых гражданских обрядов», в который вошли писатели, художники, композиторы, театральные деятели, а позже и научные работники, главным образом этнографы и фольклористы.

118 Им первым выдавались паспорта нового образца в 1976 г.

Такой состав объясняется тем, что по замыслу устроителей в основе обряда должна была лежать идея передачи эстафеты поколений. Естественно, в таком случае определяющее значение имеет то, из чьих рук молодой человек получает паспорт (своего рода советский вариант апостольского преемства, но через рукопожатие, а не рукоположение). Именно с этой целью на торжественную церемонию приглашались передовики производства, герои труда, ветераны революции и войны, партийные и советские начальники. Предполагалось, что те, кто получил паспорт из их рук, не только продолжат их дело, но и приумножат их достижения (см. цв. ил.).

Кроме того, получалось, что в обряде принимают участие представители всех поколений советского общества. Пионеры (младшее поколение) передают получающим паспорта свой пионерский привет, а также замещают их в позиции ожидающих получения паспорта и стремящихся заслужить такую же торжественную процедуру вручения. Родители и учителя, вырастившие свою смену, поздравляют их и вместе с тем принимают поздравления. Как и в любом «настоящем» обряде, категории зрителей не существовало — все присутствующие считались участниками. Создавалась своего рода ритуальная модель советского общества, между разными поколениями которого осуществляется обмен символическими ценностями. Как и положено в советской системе обмена, он заведомо асимметричен, поскольку получатели новых паспортов (и, разумеется, пионеры, которым еще предстоит получать свои паспорта) оказываются в долгу перед всеми остальными, не говоря уже о таких виртуальных участниках, как Родина, Партия, Комсомол и т. п.

Как уже говорилось, обряд начинался с музыкального вступления. Как правило, это была «Песня о Родине» («Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек...» — песня из фильма «Цирк» 1936 г.). Затем звучали «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского. Акцент делался на строчке: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!». То обстоятельство, что в стихотворении речь идет о «заграничном» паспорте («внутреннего» в то время просто не существовало) и эти слова адресованы чужим пограничникам, никак не снижало их пафос.

В своих речах ветераны и чиновники говорили о роли паспорта и о тех переменах, которые наступают в жизни 16-летних. Вот небольшой фрагмент из стандартной речи ветерана: «Получая сегодня паспорт, вы становитесь полноправным гражданином

Плакат 1956 г.
(Государственный музей политической истории)

Адрес музея — ул. Куйбышева, 4.
Трамваи: 2, 3, 6, 9, 12, 22, 25, 26 и 34.
Автобусы: 1, 2, 23, 25, 46, 65 и 100.
Остановка—площадь Революции.
Метро—станция «Горьковская».
Справки по телефону: В 3-95-07.

ГУК Государственный музей политической истории России
К.П. 51988/12
Фонд VI
Инв № 1250

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пригласительный билет

Мы смолоду носим на сердце своем
Мандат гражданина с советским гербом

Дорогой юный друг!

Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции, Совет содействия музею и Отдел милиции Петроградского райисполкома г. Ленинграда сердечно поздравляют Вас с шестнадцатилетием и приглашают Вас, Ваших родителей и близких друзей на торжественный акт вручения Вам советского паспорта.

Торжественное вручение паспортов состоится **27 марта** 1967 года в Большом зале музея.

Начало в 17 часов.

Добро пожаловать на праздник Советского паспорта!

В этот день Вы встретитесь с ветеранами Великого Октября, ознакомитесь с экспозицией музея и просмотрите кинофильм.

Пригласительный билет на торжественное вручение паспортов.
(Государственный музей политической истории)

Плакат 1973 г.
(Государственный музей политической истории)

Союза Советских Социалистических Республик, вам предоставляются большие права и важные обязанности, закрепленные Конституцией нашей страны»[119].

Паспорт вручал представитель государства. Чаще всего это был начальник паспортного стола. Поздравлял с получением паспорта партийный или советский работник. Депутат районного или сельского совета зачитывал текст «Наказа» (напутственного слова) советской власти. Например:

> Дорогой товарищ!
>
> Сегодня ты, юный гражданин (гражданка) Союза Советских Социалистических Республик, получая советский паспорт, приобретаешь высокое и почетное звание гражданина СССР. Гордо и бережно пронеси его через всю свою жизнь! Помни, что это можно сделать только трудом честным, совестью чистой, правдой большой, преданностью Родине. Пусть же всегда на твоем пути светит яркое солнце разума, добрые дела твои согревают и радуют людей, а труд всегда приносит радость. Приумножай трудовую и боевую славу отцов, матерей, старших братьев и сестер. Пройдут годы, и многое из того, что переживешь и увидишь, забудется, но этот день пусть навсегда останется в твоей памяти, в твоем сердце. Будь же достойным высокого звания гражданина Союза Советских Социалистических Республик![120].

В ответ звучала клятва, которую произносил один из получивших паспорта. Вот один из вариантов: «Я — гражданин СССР, в этот торжественный день и час моей жизни, получая паспорт, заверяю своих родителей, товарищей, учителей и наставников, весь советский народ и мою великую Родину, что всегда буду верен любимой Отчизне. Буду достойно носить звание советского гражданина, честно выполнять гражданские обязанности, упорно учиться и работать, отдавая все силы и способности на благо своего народа, на благо Отечества! Торжественно клянусь!»[121] Детали могли варьироваться[122], но общий смысл оставался неизменным: получающий паспорт клялся быть верным долгу и отдавать всего себя на благо Родины (см. цв. ил.).

---

119 Праздники, обряды, ритуалы. Цикл семейно-бытовых ритуалов и обрядов. Новгород, 1984. С. 22.

120 Новые гражданские обряды… С. 18.

121 Праздники, обряды, ритуалы… С. 24.

122 Ср., например, более развернутый вариант: Новые гражданские обряды… С. 21.

После клятвы получившие паспорта расписываются, но не в паспорте, а в книге «Я — гражданин Советского Союза»[123]. В заключение звучит гимн Советского Союза.

Таким (если не вдаваться в детали) предстает обряд торжественного вручения паспорта. Если мы сопоставим его с приведенными выше примерами обычного получения, то увидим, что между этими описаниями практически нет ничего общего, кроме самого факта получения этого документа. Все остальное наполнение обряда является реализацией официальных представлений о том, каким должен быть праздник, посвященный получению паспорта.

Говоря о содержательной стороне обряда, нельзя не обратить внимания на следующие моменты. Вручение паспорта само по себе, видимо, не во всех официальных органах считалось достаточным событием для торжественной церемонии. Постоянно делаются попытки увидеть в нем нечто большее и, соответственно, придать обряду более высокий смысл. Наиболее распространенный прием — представить паспорт символом советского гражданства[124]. В таком случае весь обряд получает несколько иное осмысление. Это уже не просто вручение паспорта, а обретение гражданства. Индивидуальная (собственно паспортная) идентичность трансформируется в общесоветскую идентичность, которая становится определяющей. Любопытно, что ни в каком варианте обряда не встретилось и намека на индивидуальность, заложенную в самой идее паспорта конкретного лица. Зато коллективная советская идентичность (вступление в круг «настоящих» своих, в «советскую семью») подчеркивается на каждом шагу. Можно сказать, что в обряде совершается двойная подмена: вместо получения (и вместе с получением) паспорта — обретение гражданства, вместо актуализации индивидуальной идентичности — коллективная. Этому способствует и еще одно (как бы естественное для обряда) преобразование: обычно совершаемое в индивидуальном порядке получение паспорта приобретает характер коллективного действа. Такое, казалось бы, чисто количественное изменение «исходной

---

[123] В паспорте расписывались заранее, спецчернилами, особой ручкой и в спокойной обстановке.

[124] Эта идея постоянно присутствует в брошюрах о вручении паспорта, но в одной из них она выражена именно в такой форме: «Паспорт — символ советского гражданства» (*Гурков В. С.* Обряд посвящения в гражданство // Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск, 1978. С. 266).

ситуации» на самом деле меняет всю картину получения паспорта. Частная (чтобы не сказать приватная) процедура становится публичным коллективным действом. Не случайно стремление властей к ритуализации всех значимых событий в жизни советского человека выражалось в первую очередь в придании им характера коллективных практик.

На этом смысловые сдвиги не заканчиваются. С точки зрения шестнадцатилетнего человека, паспорт — символ взрослости, которая для него означает в первую очередь самостоятельность, возможность делать то, что делают взрослые и что прежде было для него запретным (в числе прочего — возможность пить алкогольные напитки, курить, посещать вечерние киносеансы и т. п.)[125]. В официальной советской риторике смысл взрослости совсем иной — это прежде всего возможность трудиться на благо Родины и/или защищать ее от происков врагов. Кроме того, взрослость в официальном дискурсе связывается с обретением прав и обязанностей, а вместе с ними и ответственности (еще один намек на долг перед Родиной).

Именно эти трансформации обычной процедуры получения паспорта, как нам кажется, и определили характер обряда, что наиболее ярко проявляется в особенностях его риторики, понимаемой в широком смысле. Аудиовизуальные средства содержат два основных комплекса знаков, один из которых ориентирован на идею государственности (флаг, герб и другие государственные символы, Конституция, портреты вождей), а другой — на официальное понимание взрослости (изображения трудовых и боевых подвигов, планшеты с пословицами о труде и т. п.). Собственно, те же самые идеи нашли свое выражение и в словесных компонентах обряда. В речах, стихах, наказе, клятве так или иначе речь идет о высоком звании советского гражданина и о предстоящих во взрослой жизни трудовых, а если понадобится, то и боевых победах.

---

125 Разумеется, в разное время устанавливались разные возрастные ограничения на возможность приобретать спиртные напитки и табачные изделия. Например, до 1958 г. вообще не было запрета на продажу алкоголя детям (см.: *Сахаров А.* Алкоголь и преступность несовершеннолетних // Советская юстиция. 1965. № 16. С. 22–24). После установления нижней возрастной границы она постоянно поднималась (16, 18 лет). Но дело не только в официальных предписаниях. Наряду с ними всегда существовал неофициальный контроль со стороны «взрослых», и независимо от официальных запретов этот контроль существенно ослабевал или даже вовсе отменялся после получения паспорта.

Отмеченные смысловые сдвиги и подмены вовсе не означают стремления обмануть кого бы то ни было. Скорее, они казались создателям обряда необходимыми для того, чтобы удобнее было преобразовать в ритуал еще одну практику, с их точки зрения весьма значимую, и тем самым расширить сферу публичного поведения. Можно сказать, что сам ритуал в силу своей природы потребовал семиотического сдвига, повышения в ранге всех компонентов процедуры — что, собственно, и произошло.

Поскольку все это никак не затрагивало сути дела (в любом варианте молодой человек получал свой документ), то отношение к способу получения (обычному или торжественному) было спокойным, чтобы не сказать безразличным. Разумеется, были отклонения и в одну, и в другую сторону, но не они определяли общую картину. Советский человек привык к тому, что жизнь протекает в двух измерениях: частном и общественном (приватном и публичном). Область приватного допускала элементы свободного поведения. Публичная сфера была предельно ритуализована. Вместе с тем, языки публичных ритуалов очень близки и используют, по сути дела, общий набор выразительных средств. Ориентироваться в них человек привыкал с детства. Ритуал приема в пионеры немногим отличался от приема в комсомол, а то и другое — от посвящения в рабочие и т. д. Кроме того, следует иметь в виду, что советские ритуалы (как, впрочем, и так называемые традиционные) не требовали понимания в привычном смысле, а тем более рефлексии над ними. Они апеллировали не к разуму, а скорее к эмоциональному восприятию происходящего. Важны не слова (не их смысл), а коллективные практики, в том числе и дискурсивные[126]. Как и в любом ритуале, основное значение имеет коллективное воспроизведение прецедентных текстов, которые в советском ритуале предстают в виде ограниченного набора цитат (речей, лозунгов, фрагментов поэтических текстов, визуальных символов и т. п.). Собственно, все наполнение ритуала представляет собой набор таких цитат, включая и самих участников, которые «воспроизводят» изначальный состав советского общества.

Сейчас мы вряд ли можем выяснить синхронное событию отношение к ритуалу. Вопрос должен звучать иначе: что же осталось в памяти от торжественного вручения первого паспорта?

---

126 *Богданов К. А.* Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // АФ. 2008. № 8. С. 312.

Инф.: *А получать — да, группа, нам выдавали паспорта. В торжественной обстановке, где-то в таком в этом исполкоме или где-то. Куда-то приглашали, выделялся человек, который нам… поименно, шли на сцену, нас поздравляли, выдавали паспорта, жали руку, ну и там или цветочек, или что-то — это очень торжественно было. Стол был покрыт красной скатертью, сидел председатель, сидел секретарь, и… и вот такое поздравление было* (Oxf/AHRC-Evpatorija-08, Passport PF-06. Ж., 1934 г.р.).

У этого информанта сохранилась лишь общая канва торжества, практически лишенная эмоциональной составляющей. Другой информант сперва настаивает на том, что ничего не может вспомнить, а затем все-таки вспоминает, и его рассказ поразительно похож на предыдущий.

> *Не отложилось. Я, конечно, виновата, но совершенно меня не заботило. Потому что нас эти государственные формальности никак не беспокоили. То есть мы жили в самой мирной, в самой справедливой стране. Все у нас было самое лучшее. И все лучшее впереди как бы. И все прославлялось: труд, как бы вот, учеба там, дружба народов. Никаких у нас переживаний не было. По поводу государственных формальностей ну никаких не было переживаний. <…> Ну это типа поздравления. Может быть, какой-нибудь секретарь, может, третий или четвертый. Какой-нибудь секретарь обкома или райкома поздравил, может быть <…> Какая-то, может, беседа была, но я не знаю совершенно… Может, за ручку, нам вручили, может быть, подряд. Но точно не помню! Мне вот кажется, что вроде бы как руку жали <…> и вызывали пофамильно, может быть. Да. Какой-то небольшой группой из разных школ, может быть, где-то мы собирались в районном совете. Такое здание было в каждом районе. Комплекс всевозможных инстанций районных. Вот, и там мы собирались* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-03. Ж., 1963 г.р.).

Однако не у всех это событие «не отложилось» или трансформировалось в воспоминание о формальной «государственной» рутине, которая их не беспокоила. В письменных (т. е. заведомо отрефлексированных текстах) постсоветского времени можно встретить подчеркнутое неприятие официального советского торжества: «Получить первый паспорт мне очень хотелось раньше положенного срока. А когда подошло время, райисполкомом была

придумана какая-то идиотская процедура типа “Посвящение в гражданины [так!] СССР”. Но, во-первых, я уже тогда по горло был сыт конспектами материалов XXVI съезда КПСС, политинформациями и “уроками мужества”, а во-вторых, уж очень хотелось поскорее начать ту самую взрослую жизнь, одним из главных символов которой был “Паспорт гражданина СССР”. И поэтому за три дня до торжественного вручения я пришел к начальнику паспортного стола, показал удостоверение корреспондента “Московского комсомольца” и соврал, что на церемонии быть не могу, потому что завтра мне надо ехать в командировку. Не говоря ни слова, майор потушил сигарету в пепельнице в форме черепа, сощурился от попавшего в глаза дыма, залез в сейф размером с книжный шкаф, выудил мою книжицу, и… я отправился во взрослую жизнь. Кажется, в тот вечер с одноклассником Андрюхой мы впервые выпили бутылку портвейна на двоих»[127]. Подобного рода примеры иллюстрируют ту особенность советских людей, которую А. Юрчак назвал вненаходимостью по отношению к дискурсу власти[128].

Обряд вручения паспорта является одним из немногих советских обрядов, сохранившихся и по сей день[129]. Его уже не встретишь в Москве или Петербурге, но в небольших городах он по-прежнему регулярно совершается[130]. Это обстоятельство вряд ли свидетельствует о том, что свершилось чудо и искусственно созданный обряд стал естественно воспроизводиться. Скорее это признак того, что прежние обряды, близко расположенные к возрасту получения паспорта (прием в комсомол, посвящение в рабочие), исчезли и тем самым «оголили» некогда насыщенную обрядами часть жизненного пути. В то же время советские стереотипы сознания и поведения никуда не исчезли. В провинциальной России (и особенно в школах и государственных учреждениях) они продолжают активно функционировать, а в последнее время лишь актуализировались.

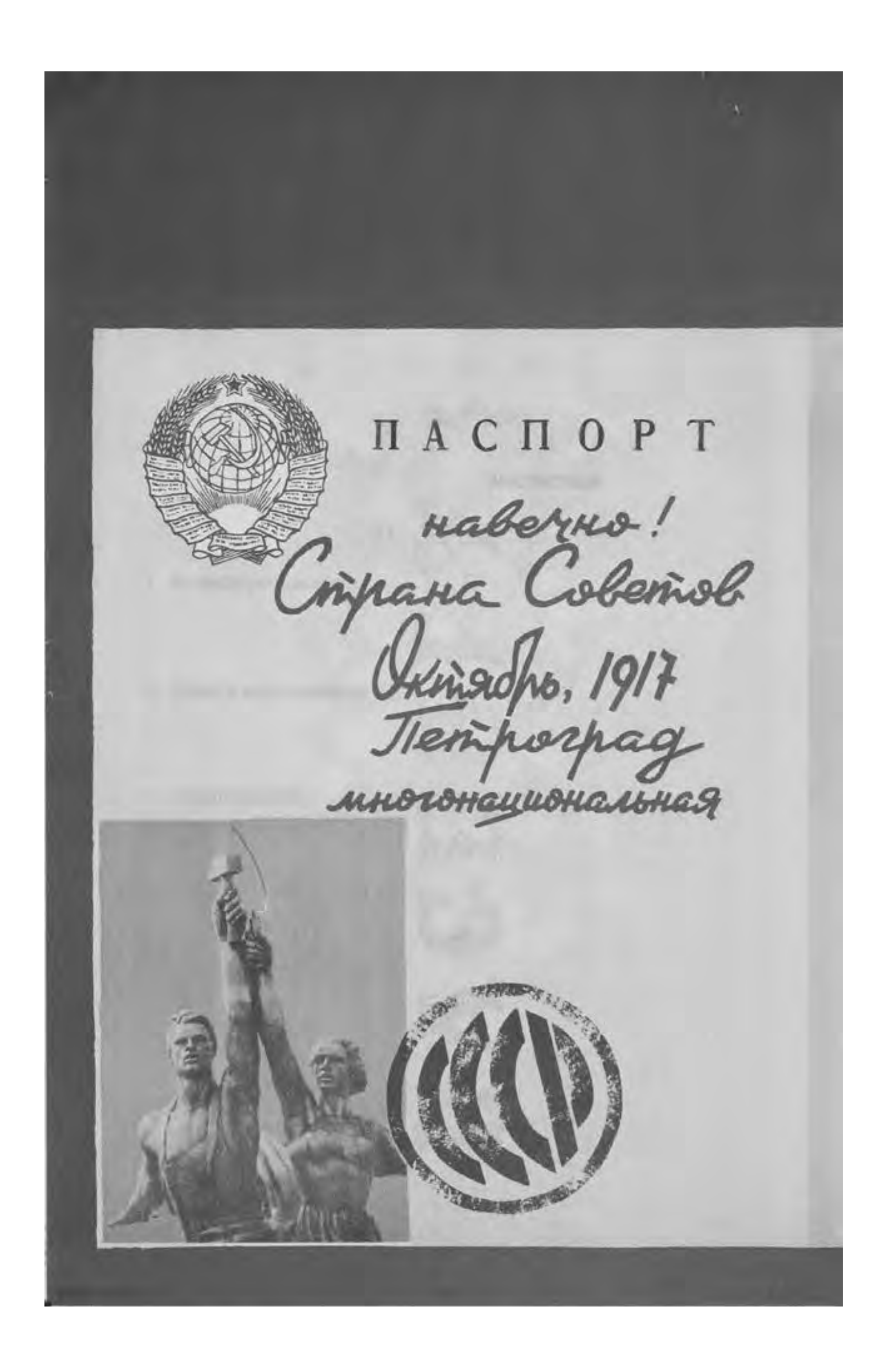
---

127 *Федоров А.* Гербастый орластый // Автопилот. 2002. № 4. С.2.

128 Ср.: «Эти отношения строились на частичном смещении человеческого существования как бы в иное измерение — находясь *внутри* системы и функционируя как ее часть, субъект одновременно находился *за ее пределами*, в *ином* месте» (*Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось… С. 257).

129 В этом отношении, может быть, еще более показательным примером является церемония официального бракосочетания — немного модифицированная, но разработанная еще в советское время.

130 Достаточно набрать в поисковой строке «торжественное вручение паспорта».

Плакат 1967 г.
(Государственный музей политической истории)

***

Подводя краткие итоги этой главы, следует отметить, что для получения паспорта необходимо было совершить, казалось бы, простые действия: заполнение Формы № 1 в паспортном столе, фотографирование, подписывание и получение. Но все они требовали двойного обращения: к себе (кто я?) и к паспортным инстанциям, которые являлись хранителями и распорядителями неизвестного знания. В этой ситуации, как правило, применялись уже апробированные другими (родственниками, близкими) схемы поведения (*право-2*). Для периода паспортизации требовалось прежде всего соответствовать социальным стандартам, быть «своим». Для вхождения в эту категорию применялись имеющиеся связи, различные варианты «редактирования» своей биографии, приобретение поддельных справок и т. д. Свои схемы преодоления препон для миграции были разработаны колхозниками.

Практики определения национальности (особенно «нетитульной») показывают, что окончательная запись в паспорте — результат согласований и компромиссов с собой, ближайшим окружением и работниками паспортных столов. Этот «треугольник» оказывается значимым практически во всех случаях «паспортной неопределенности». Отсутствие официальных правил (как в случае с фотографией и подписью) воспринималось как их незнание, что приводило к выработке «общепринятых» стандартов. Процедура получения первого паспорта вписывалась в общую тенденцию ритуализации тех событий, которым в советское время приписывался особый символический смысл. Можно сказать, что получение паспорта стало своего рода инициацией, пройдя которую, молодой человек приобретал статус полноценного советского гражданина.

Основными ресурсами неофициального права стали социальные связи, рынок нелегальных услуг и возможность «договориться» с работниками милиции. Но для того, чтобы эти возможности приобрели общий характер, необходимо было главное: такая общественная атмосфера, в которой эти ресурсы рассматриваются как почти естественный ответный ход на предписания официального права.

Глава 2.
С паспортом и без него

Хранение и ношение

В Положениях о паспортах был специальный раздел, предписывающий бережно хранить паспорт. Менялась лишь сумма штрафа за «небрежное хранение» паспорта: «…Под небрежным хранением следует понимать все случаи утраты, за исключением утраты при ограблении, кражах вместе с другими вещами и при стихийных бедствиях, если это будет подтверждено расследованием»[131].

Судя по имеющимся воспоминаниям, паспорт старались без особой нужды не выносить из дома[132]. Как правило, в семье были специальные места для хранения особенно ценных вещей, к числу которых относились документы и, конечно, паспорт.

> *Был у меня портфель, был такой. «Баул» назывался раньше. Вот он уже ни к чему не нужный. Вот там все документы были — и паспорт, и книжка для этого… в поликлинику ходить. Вот это. Такие вот документы* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

Аналогичные «вместилища» фигурируют в воспоминаниях других информантов. Старая сумка или баул использовались для хранения документов, вероятно, не случайно — в случае опасности их проще вынести из дома.

> *Я помню, что была старая женская сумка <…> (мамина; может быть, бабушкина), где хранились абсолютно все документы. Ну, там хранились не только документы, там хранились какие-то, я даже не знаю, старые квитанции, старые фотографии, почему-*

---

131 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 153.

132 В довоенные годы существовала практика изъятия паспортов и их хранения в отделах кадров многих предприятий (в качестве гарантии от самовольного отъезда). Требование сдавать паспорта в залог было настолько распространено, что в Положение 1940 г. был введен специальный пункт: «Производить изъятие паспортов у граждан в качестве залога за выданные ценности или при вербовке на работу воспрещается». Тем не менее сдача паспорта в залог (например, в пунктах проката) была широко распространена и в послевоенное время.

Обложка паспорта (архив автора)

то там часть из альбома там хранилась. И там хранились эти свидетельства о рождении, мамины документы, папины документы. Ну и собственно говоря, нет, запрета абсолютно не было. <…> Это было в доступном месте, в шкафу. И ты мог туда все время залезть и посмотреть. Вот и все. <…> В этой сумке хранились всякие такие интересные вещи — допустим, такие штучки, как вот из роддома бирочки <…>, которые на руках, и там твой час рождения; там братовы документы… ну тоже такие же из роддома были бирочки. Ну я помню, что там даже были конвертики — с моим волосом и с его, который был, когда родились (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-05. Ж., 1966 г.р.).

Паспорта старались хранить не только в особом месте, но и в специальной обложке. Кажется, паспорт долгое время был единственным документом, для которого можно было купить обложку. Кстати, это обстоятельство косвенно свидетельствует о том значении, которое придавалось паспорту с обеих сторон (государства и владельцев). Дизайн обложек с 70-х гг. включал герб СССР и тиснение: «ПАСПОРТ». Обложки продавались далеко не везде, и покупались они не столько для сохранности паспорта, сколько из осознания его ценности, а также для улучшения собственного имиджа.

Соб.: *А вы сразу же купили обложку для паспорта?*

Инф.: *Нет. Он у меня был без обложки. Обложку я купила в… уже, когда пошла работать. Красивую купила — кожаную. В Сочи, там специальное грузинское производство было… там с бижу*[терией], *с этими товарами было лучше. Мелочи такие для документов там лучше были. Я себе купила и родителям. Из чистой кожи, с… Да, была настоящая. Отличная кожа эта. Тиснение было: «паспорт СССР» выдавлено. Причем так… цвет такой был красивый: коричневый такой, нежно-коричневый.*

Соб.: *То есть вам было важно, да, вот обложка, как она выглядит?*

Инф.: *Ну… когда-то мне — да, было интересно. Какая-то солидность вот в этих делах… То есть аксессуары… появлялось понятие «аксессуаров». <…> Вот. И уже этот паспорт… как-то да, иногда предъявлять приходилось… Ну такой уже был, ну… какой-то статус придавал уже человеку: что я не ханыга какая-нибудь от ларька, от пивного, а все-таки какая-то служащая там, может быть, с образованием…* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-03. Ж., 1963 г.р.).

Обложка придавала паспорту в глазах владельца особую значимость, а со временем превращалась в подобие бумажника. За отворотом обложки хранили деньги (что особенно характерно для мужчин), различного рода квитанции и другие важные для владельца бумаги.

> *...Мамин паспорт я тоже иногда брала посмотреть. Он был зеленоватый какой-то, весь в серпах и молотах, и кажется, в грязной кожаной обложке. В него было вложено много каких-то бумажек, там был записан номер карточки в зубной поликлинике, точно помню. Кстати я тоже ношу бумажку с этим номером в паспорте* (Oxf/AHRC-SPb-07, AKas. Passport PF 07. Ж., 1984 г.р.).

Советские паспортные обложки использовались и для нового российского паспорта, причем не только по инерции и для сохранения преемственности. Обложке советского паспорта мог придаваться и символический смысл, в частности неприятие «нового порядка».

> *Для меня это была моральная катастрофа (обмен советского паспорта на российский). Кожаную обложку с советским гербом я надела на новый паспорт* (Oxf/AHRC-SPb-08, IN Passport PF-49. Ж., 1962 г.р.).

Любопытно, что для новых паспортов стали изготавливать и продавать обложки, на которых вытеснены молитвы. Ср.: «Кстати, в Дивееве самым популярным сувениром в этом сезоне стали кожаные обложки для новых паспортов с молитвой: “Да сокрушится под знаменем (так — *А. Б.*) образа Креста Твоего вся супротивная сила”. По замыслу производителей эта молитва обезвредит все шестерки и микрочипы»[133]. Таким образом, паспортной обложке придавалась новая функция — нивелировать вред, который паспорт мог нанести его владельцу.

Использование обложек особенно символично, если учесть, что, по утверждениям информантов, паспорт старались не выносить из дома.

---

[133] Новые известия. 2007. 23 авг. (http://www.newizv.ru/society/2007–08–23/74869-diveevo-stolica-sssr.html — Дата обращения: 07.02.2017).

Инф. 2: *...Он доставался в редких случаях. Когда что-то документ какой-то оформить или что. И он лежал где-то отдельно с важными документами.*
Инф. 1: *И вообще говоря, в порядке вещей, что я его никогда не носил.*
Инф. 2: *Никогда не носили.*
Инф. 1: *Вот это сейчас вот могут в любой момент паспорт потребовать. Все носят, потому что ну мало ли, милиция. Господи, да знать не знали, лежал где-то вот он в шкафу. В кои веки он там нужен был* (Oxf/AHRC-SPb-08. AP Passport PF-35. Инф. 1 М.,1939; инф. 2 Ж. 1946 г.р.).

Разумеется, паспорт мог потребоваться, например, при поступлении на работу, в институт и т. п., но каждый такой случай помнился и через много лет. Ср.:

> *И он у меня лежал, и я его помню, что он мне нужен был для поступления в институт. А сейчас <...> он у меня лежит в моей сумке каждый день, я его не вынимаю, потому что он всегда мне нужен* (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39. Ж., 1940 г.р.).

То, что в советское время паспорт не носили с собой, может объясняться отсутствием проверок и страхом его потерять. В постсоветское время, наоборот, верх берет страх оказаться без паспорта в случае необходимости.

> *Ну я раньше не носила паспорт никогда с собой. Нет. Это именно из-за опасения, мало что, дома спокойнее когда он лежит. Чтобы не нужно было там его восстанавливать и им объяснять, куда он делся. Ну а вот сейчас я вот даже без паспорта не представляю — ну мало ли что, паспорт при себе* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF- 34-a. Ж., 1940 г.р.).

При сравнении «как было» и «как сейчас» выясняется, что раньше паспорт требовался лишь в особых случаях, а сейчас практически ежедневно. Из этого можно предположить, что паспорт-символ уступил место паспорту-документу. Естественно, следует иметь в виду, во-первых, что информанты дают предельно обобщенную картину, а во-вторых, что эта картина сформирована на постсоветском фоне. Правила ношения паспорта в разные периоды советского времени существенно различались, и об этом речь пойдет в следующем разделе.

Неизвестный автор. Проверка документов. 1932.
(Российский государственный архив кинофотофонодокументов)

Проверка документов

Проверка документов — хорошо известная советскому человеку процедура, которая могла приключиться практически в любом месте и в любое время[134]. Она предполагает как минимум наличие паспорта, поскольку под «документами» понимался, как правило, именно он[135], однако лишь в тридцатые годы существовало эксплицитно выраженное требование иметь при себе паспорт. В опу-

134 В паспортных инструкциях время и место проверок регламентируются. Например: «Проверка квартир должна производиться только в случаях, когда получены сведения о нарушениях паспортного режима. После 23 часов проверка в квартирах может производиться только при наличии ордера на обыск. В бараках и общежитиях проверка паспортов может производиться до 24 часов. Проверка квартир, в которых проживают члены правительства, — запрещается» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 249).

135 Собственно проверка (не только документов, но и «личности») начинается уже при оформлении паспорта. Если предъявленные документы или личность вызывают сомнение, производится тщательная проверка (в течение 10 дней), причем «о производимой проверке получателю паспорта не должно быть известно» (Инструкция о порядке применения Положения о паспортах … 1953 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 130 об.).

бликованном в газете «Правда» Положении о паспортах 1932 г. было объявлено, что паспорт обязателен для предъявления: а) при регистрации владельца паспорта (прописка); б) при поступлении на работу в предприятие и учреждение; в) по требованию милиции и других административных органов[136].

Далее, в п. 11 говорится следующее: «Лица, обязанные иметь паспорта и оказавшиеся без паспортов или временных удостоверений, подвергаются в административном порядке штрафу в размере до ста рублей. Граждане, прибывшие из других местностей без паспорта или временного удостоверения и не выбравшие [так!] в течение установленного инструкцией срока паспорта или временного удостоверения[,] подвергаются штрафу в размере до 100 рублей и удалению распоряжением органов милиции»[137]. По словам Ягоды, «человек без паспорта — всегда подозрительный»[138].

При проведении паспортизации в 30-е гг. появление на улице без паспорта могло иметь самые печальные последствия. Например, в письме инструктора Нарымского окружкома ВКП(б) Величко в партийные органы о положении на острове Назино (август 1933 г.) перечисляются некоторые москвичи, которые оказались без паспорта при проверке и были сосланы в Сибирь:

> Новожилов Вл. Из Москвы. Завод «Компрессор». Шофер, три раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончил работу, собрался с женой в кино, пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.
>
> Шишков — рабочий фабрики «Красный Октябрь» в Москве, на этой фабрике работал беспрерывно 3 года. Взят на улице, возвращаясь с работы.
>
> Назин — пом[ощник] нач. Пожарной охраны Большого театра, один из работников пожарной охраны Кремля. Взят на улице. Пропуск в Кремль не помог.
>
> Войкин Ник. Вас. Член КСМ с 1929 г., рабочий фабрики «Красный текстильщик» в Серпухово. Член бюро цехячейки, кандидат в члены пленума фабричного комитета КСМ, много раз ездил по командировкам МК КСМ. Три раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома[139].

---

136 Правда. 1932. 28 дек. № 358. С. 2.

137 См., например: там же.

138 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Л. 133.

139 Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск: Экор, 1994. С. 96–97.

Все эти люди, несмотря на явно не «буржуазную» биографию, были признаны «деклассированным элементом» и высланы в Нарымский край. Нарушителей паспортного режима судили по ст. 35 Уголовного кодекса, по которой предусматривалось наказание до пяти лет. В середине 30-х гг. их было так много, что в лагерях они выделялись в особую категорию «тридцатипятников»[140].

После чисток 30-х гг. ситуация с проверками паспортов несколько смягчилась. В последующих Положениях о паспортах отсутствует требование иметь паспорт при себе. К тому же существовала практика изъятия и хранения паспортов в отделах кадров предприятий, отмененная лишь в 1948 г. Информанты обычно говорят, что в советское время паспорт с собой не носили. Ср.:

> *…Паспорт умирал в тот же день, когда он получался, потому что ведь раньше не было такого, как есть сейчас, когда паспорт нужно носить с собой, если тебя останавливают, и показывать. Никому в голову не приходило…* (Oxf/AHRC SPb-08, CK Passport PF18. M., 1963 г.р.)[141].

Похожие ответы были на вопрос о проверке документов.

Соб.: *…а не было ситуаций, чтобы Вас милиция, например, останавливала, милиционер какой-нибудь пытался проверить документы?*
Инф.: *Тогда не было этого.*
Соб.: *Раньше не проверяли документы?*
Инф.: *Нет.*
Соб.: *Вообще на улице?*
Инф.: *Вообще не проверяли, да.*
Соб.: *То есть проверяли документы только в каких-то организациях, да?*
Инф.: *Значит, на улице милиционер тогда не останавливал человека. Он его просто забирал в милицию. Если он чем-то провинился* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 10. M., 1931 г.р.).

---

[140] О содержании осужденных по этой статье «тридцатипятниц» см. уникальный дневник охранника лагерей БАМа: *Чистяков И.* Сибирской дальней стороной. Дневник охранника БАМа 1935–1936. М.: CORPUS, 2014.

[141] Ср.: «Кстати, в “тоталитарном” СССР советские граждане не имели дурацкой привычки носить везде с собой документы. Потому что их никто особо и не проверял. Паспорт был нужен лишь в особых случаях: открыть сберкнижку или записаться в поликлинику» (*Покров Д.* Советская эпоха: а если вспомнить детали? // livejournal (http://dmpokrov.livejournal.com/444963.html — Дата обращения: 17.04.2017)).

Тем не менее паспорта проверяли, и если его при себе не было, следовало разбирательство в отделении милиции.

Когда речь идет о проверке документов, обычно имеется в виду неожиданная проверка на улице, на вокзале, у станции метро и т. д. сотрудниками милиции. Объектами проверок в большинстве случаев были мужчины. Проверяли главным образом у тех, кто казался по каким-то причинам подозрительными и чье поведение не соответствовало советским представлениям о норме. В последнем случае проверке подвергались и женщины.

Инф.: *Ой... Ну вот в ночной бар мы как-то зашли в валютный с иностранцами. И при выходе из валютного бара нас милиция загребла.*

Соб.: *А это давно было?*

Инф.: *Ну, да, в советское время. Еще не было ни клубов, ни боулингов. Рестораны все в одиннадцать закрывались, в двенадцать. А были белые ночи, мы познакомились с двумя поварами с корабля. А им в шесть часов надо было уже заступать на вахту, и мы где-то часа в три, наверное, вышли из бара «Чайка», и нас милиция загребла. Их оставили на улице, а мы — в пикет. У меня паспорт был с собой как бы, да...* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-03. Ж., 1963 г.р.).

В 70–80-е гг. процедура проверки документов применялась и для выяснения контактов в диссидентской среде.

> *В середине 70-х я был на конференции в Москве, где помимо всего встретился со своим давним университетским приятелем, известным в то время диссидентом. Мы отобедали в кафе и, выйдя из него, расстались. Пока я прикуривал сигарету, заметил, что гаишник неожиданно прекратил размахивать своей палочкой и быстрым шагом направился ко мне. Подойдя он потребовал паспорт, буркнув «Проверка документов». Обычно я паспорт не носил с собой, но в командировку без паспорта не поедешь и в этот раз он был при мне. Проверка была необычной – гаишник принялся выговаривать все мои данные в рацию. Прочитал фамилию, имя, отчество, время и место рождения и, как мне показалось, особенно тщательно выговорил сведения о моей прописке. После чего молча вернул паспорт, мрачно кивнул и вернулся на свое место на дороге. Скорее всего это была элементарная слежка, но не за мной, а за моим приятелем. Гэбэшникам нужно было выяснить, с кем он общался и чтобы самим не светиться, связались по рации с гаишником и велели ему «огласить» мои паспортные данные* (Oxf/AHRC-SPb-16, AB Passport PF 64. М., 1947 г.р.).

Видение этой процедуры проверяемым и проверяющим существенно различались. С точки зрения гражданина, проверяющий должен установить соответствие содержащихся в паспорте сведений «оригиналу» (т. е. самому гражданину), как это делается, например, сейчас при прохождении паспортного контроля на границе. Гражданин старается принять выражение лица, близкое паспортной фотографии, и вообще, что называется, соответствовать своему паспортному образу. Происходила своего рода инверсия: «оригиналом» становилась фотография, которой должен был соответствовать проверяемый. Однако далеко не все сведения можно выяснить на месте проверки. Невозможно проверить, например, имя, место и дату рождения, социальное положение, национальность, собственноручность подписи и т. д. Легче перечислить то, что можно. Наверное, можно установить соответствие фотографии, но она была очень маленькая, и человек на ней нередко с трудом узнавал самого себя. Можно также установить приблизительный возраст, но только приблизительный. Пол в советском паспорте не указывался. Предполагалось, что пол легко «вычислить» по имени и фотографии, а при проверке его «и так видно». Вот, пожалуй, и все. Очень немногое и весьма приблизительно.

Вероятно, оперативные службы осознавали эту приблизительность, и потому проверялось не столько соответствие, сколько сам документ. Дело в том, что само наличие паспорта свидетельствует: процедура установления личности уже совершена, и без особых на то причин нет необходимости снова к ней прибегать. Проверить многие сведения на месте было не только невозможно, но и не нужно. Проверка документа шла до малейшего подозрения, а в случае его возникновения гражданин приглашался в отделение, чтобы «разобраться», т. е. установить личность. В отделении проводилось более тщательное изучение паспорта: соответствие записей данным о владельце, подпись, фотография, печати, штампы. Особенно тщательно проверялись испачканные и поврежденные страницы.

Проверяющий руководствовался (точнее, должен был руководствоваться) служебными инструкциями, в которых эта процедура подробно изложена. Например, по Инструкции 1940 г., которая действовала до 1953 г., говорилось:

> При проверке паспортов обращать внимание:
>
> а) прописан ли паспорт в данной местности и не истек ли срок прописки;

б) нет ли в графе 8 паспорта записи ограничений, запрещающих проживание в данной местности (при проверке в режимной местности)[142];

в) не поврежден ли паспорт или его текст (залит, сильно загрязнен, порван и т. д.), нет ли дефектов в оформлении паспорта (отсутствие подписей лиц, выдавших паспорт, печати РКМ, фотокарточки владельца, ее крепления рельефным штампом РКМ, наличие подчисток, исправлений, перечеркиваний и т. д.);

г) сделаны ли в паспорте отметки о приеме на работу или службу (у работающих);

д) имеется ли в паспорте подпись его владельца;

е) соответствует ли серия и номер паспорта месту его выдачи (присвоенные республикам, краям и областям серии);

ж) не повреждена ли защитная сетка на паспорте;

з) не вызывает ли сомнения печать органа РКМ, штамп о прописке и рельефный штамп крепления фотокарточки[143].

Если исходить из этой и последующих инструкций, то получается, что из двух частей, которые при проверке должны соответствовать друг другу, — сведения о личности и сама личность — последняя менее интересовала проверяющего. Все его внимание должно было сосредоточиться на документе. При этом только два пункта Инструкции касаются содержащейся в паспорте информации: о прописке (соответствует ли она данной местности и не истек ли ее срок), и нет ли в графе 8 записи ограничений на проживание в данной местности. Все остальные положения относятся к состоянию документа. Даже фотография интересует не на предмет соответствия оригиналу, а исключительно «ее крепление рельефным штампом». Редкий случай, когда название процедуры («проверка паспорта») полностью соответствовало ее характеру.

Сама проверка — несколько минут тягостного молчания, во время которого проверяющий вчитывается в паспорт, время от времени переводя взгляд на его владельца. Как правило, создавалось впечатление, что он и в самом деле соотносит содержащиеся в паспорте сведения с «паспортной личностью». Затем либо документ возвращался, либо звучало предложение проследовать в отделение милиции. В таком случае проверка становилась или прелюдией к более тщательному изучению паспорта, или пред-

142 Например, мог быть штамп «Разрешено проживать только в г. NN».
143 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 166 об. — 167.

логом для выяснения вопросов (уже имевшихся либо возникших при проверке) к владельцу паспорта. В большинстве случаев сотрудники милиции удовлетворялись наличием штампа о прописке и отсутствием ограничений в графе 8 («На основании каких документов выдан паспорт»). В ранних паспортах, где делалась отметка о месте работы, обязательно проверяли ее наличие. Наличие прописки и места работы служило своего рода гарантией благополучного исхода проверки.

Инф.: *Обязательно смотрели место работы.*
Соб.: *То есть если сейчас смотрят, скорее всего, прописку…*
Инф.: *Прописку. А тогда и… и место работы.*
Соб.: *А национальность смотрели?*
Инф.: *Ты знаешь, нет. Кому… кого это волновало? Важно было вот работа. Работа — это важно* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-15. Ж., 1933 г.р.).

Препровождение в отделение милиции («разобраться») было чревато в лучшем случае потерей времени и серьезным стрессом. Если гражданин ничего серьезного не натворил, здесь более тщательно проверялся паспорт и в случае необходимости имитировалось «установление личности» — например, звонили на место работы. Если паспорт вызывал подозрения, его передавали в научно-технический отдел, а владельца задерживали «до выяснения». Впрочем, бывали и счастливые исключения.

> *Вот, например, меня на Крещатике — знаете Крещатик? <…> Забирают в пьяном виде. Без пальто зимой, расхристанный, стоящего на колени* [так!] *у «Метро» там, выход с «Метро», с ресторана, со стороны «Метро», по центру… Стою на коленях, мне очень плохо, меня под руки берут два милиционера — без пальто, холодно — и приводят в мили… в пункт милицейский. Не в милицию, а там какой-то пункт там, дежурный. И по идее меня должны как следует оштрафовать и все. Значит. «Документы какие есть?» — «Есть». И я почти в бессознательном состоянии достаю паспорт, в него вкладываю двадцать пять рублей <…> И подаю этому капитану. <…> Вот. Он вытаскивает двадцать пять рублей, отдает мне назад. Смотрит мой паспорт, отдает мне его назад и говорит, спрашивает — а я так сижу, голова вниз, мне не поднять ее — значит, спрашивает: «Где живешь?» Я говорю, где живу, на окраине этого, Киева.*

А туда ходил скоростной трамвай. Вот. Гната Юра — улица такая. Значит, я говорю: «Да». — «А где ты живешь?» Ну я сказал адрес. «Доберешься?» Я говорю: «Доберусь». — «А чё без пальто?» А я говорю: «Я вышел подышать, а вот меня забрали. Оно осталось в ресторане на вешалке». — «Ну ладно». И так он мне паспорт и деньги отдал назад. Всё, ничего. Это, когда я это рассказываю, мне говорят: «Такого не бывает. Деньги в первую очередь забирают. А потом еще начинают, так сказать, измываться» (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 10. М., 1931 г.р.).

Денежная купюра в паспорте (водительских правах) — распространенный способ «обезопасить» себя от слишком внимательной проверки. Однако нужно иметь в виду, что паспорт нередко использовался для хранения денег, в качестве своего рода бумажника, и в этом случае деньги вовсе не предназначались милиции.

Соб.: *Вообще я обращала внимание на то, что мужчины часто в паспорте деньги носят.*
Инф. 1: *Деньги, а как же, конечно. Да.*
Инф. 2: *А у них нет такого портмоне* — [поэтому] *вот именно в этом, в паспорте.*
Соб.: *Мне кто-то говорил, что это рискованно, потому что когда милиция проверяет паспорт, то денег она там не оставляет.*
Инф. 2: *А, ну так надо вынуть все сначала!* [смеется]
Инф. 1: *Нет, ну милиция же, милиция же у меня по внешности видит, что с моего паспорта если возьмешь десятку…* [смеется] *А они же ушлые, они ж насквозь видят.*
Соб.: *Да, они знают, из чьего паспорта можно вытащить больше* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-35. Инф. 1 М.,1939; инф. 2 Ж., 1946 г.р.).

Паспорт проверяли не только неожиданно, на улице или в другом публичном месте, но и в запланированных ситуациях — например, при устройстве на работу или учебу, в Сбербанке при получении пенсии, на почте при получении бандероли и в других случаях. Но в таких случаях речь шла не о проверке, а о *предъявлении* паспорта. Предъявить паспорт (нередко даже в закрытом виде) требовалось, например, в кинотеатре на вечерних сеансах или в магазине при покупке алкогольных напитков — само наличие паспорта являлось свидетельством «совершеннолетия». На почте ограничивались сличением имени и пропиской. При приеме на работу или учебу име-

нем и пропиской не ограничивались. Сотрудников отдела кадров интересовали и восьмая графа («на основании каких документов выдан паспорт»), и прописка, и, конечно, графа «национальность».

В любом случае проверка паспорта — своего рода идентификационный стресс — столкновение официального и неофициального изводов самоидентификации и внешней, поверхностной идентификации. Исход проверки зависел не только от «чистоты» паспорта, но и от того, как «личность» справляется с этой ситуацией. Даже в том случае, если с паспортом все в порядке, советский человек никогда не был уверен в результате проверки, поскольку за паспортом таились неизвестные ему инструкции и распоряжения, да и сами проверяющие могли проявить свою власть самым непредсказуемым образом.

Перемена имени

Одно из условий документной регистрации человека — неизменность его персональных данных. Официальное имя человек приобретает при регистрации рождения, и до получения паспорта это имя не меняется. Получение паспорта давало возможность изменить официальное личное имя. Этой возможностью пользовались с разными целями, о чем и пойдет речь в этом разделе.

Любое имя является «чужим» в том смысле, что прежде оно уже кому-то принадлежало (мифологическому персонажу, святому, родственнику и т. д.)[144]. По этой же причине имя не только и даже не столько различает людей, сколько объединяет, как во времени (из настоящего в прошлое), так и в пространстве (все живущие, носящие одно имя)[145]. «Чужое» имя может стать своим, а может и не стать. Ниже рассматриваются случаи, когда имя не становится своим и возникает необходимость в перемене имени.

В свое время С. Булгаков писал: «Если именование есть момент рождения, то переименование есть новое рождение, предполага-

---

[144] Уникальные имена появляются довольно редко и, как правило, не определяют антропонимическую традицию. О них см. ниже.

[145] Об одноименности, наличии образцов, формирующих наполнение имени содержанием, см.: *Топоров В. Н.* Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 144 и далее.

ющее либо смерть старого, либо, во всяком случае, духовную катастрофу, изменение не темы, но типа, характера развития. Поэтому понятно, что переименование всегда является торжественным, исполненным особой мистической значимости актом»[146]. Наверное не за каждым случаем переименования кроется духовная катастрофа, но о существенной коррекции, своего рода обновлении и «перенастройке» идентичности, видимо, можно говорить.

1. Традиционный фон

Человек становится человеком в тот момент, когда он приобретает имя. Простая ономатетическая процедура становится актом, сопоставимым с рождением, но несравненно более значимым, поскольку открывает путь в сферу человеческого, в мир смыслов, в том числе и тех, на которые намекает конкретное имя. «С именем Иван, без имени — болван» — так это формулируется на языке русских пословиц[147]. И не случайно с появлением новорожденного одна из главных забот — дать ему имя и тем самым ввести его в сферу человеческого. Существо без имени подчиняется другим правилам. В традиционных представлениях ребенок до крещения (соответственно, до обретения имени) находится в распоряжении дьявола, который способен подменить его чертенком: «Без имени ребенок — чертенок»[148]. По этой причине во многих местах России до получения настоящего имени ребенка называли временным: «рожден, а не крещен, так Богдашка», но этого было недостаточно — человек по определению должен был иметь постоянное, свое имя.

Время от рождения до крещения старались сократить, особенно в тех случаях, когда ребенок рождался слабым и мог вскоре умереть. Только с именем его можно было похоронить «по-человечески».

---

146 *Булгаков С.* Философия имени // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1999; *Топоров В. Н.* Об одном способе сохранения традиции... С. 139.

147 *Даль В.* Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 173.

148 Подмененные дети (*обменыши*) «...бывают очень тощи телом и крайне уродливы: ноги у них всегда тоненькие, руки висят плетью, брюхо огромное, а голова непременно большая и свисшая на сторону. Сверх того, они отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидают своих приемных родителей, уходя в лес. Впрочем, живут они не долго и часто пропадают без вести или обращаются в головешку» (*Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.,1903. С. 21–22).

Экстренное крещение могло совершаться повитухой[149]. Церковные правила не запрещали «домашнее крещение», но оно не заменяло полностью церковный обряд: «В случае, если ребенок оставался жив, священник довершал обряд без погружения в воду и нарекал именем, которое ему дала повитуха»[150]. Казалось бы, в подобной ситуации важно было крещение в целом, а не собственно имянаречение, но для ребенка, умершего некрещеным, подчеркивалось именно отсутствие имени. У белорусов и в Закарпатье считалось, что ребенок, умерший без имени и, соответственно, захороненный вне кладбища (в подполье, под окном, порогом и др. местах), в течение семи лет «не отходит к небу», а просит только одного: имени, и счастлив будет тот, кто даст ему имя[151]. В Полесье говорили, что «без имени у них нет пути»[152]. Они уже побывали на этом свете, где все имеют имена, и могут возвратиться только с именем. Дать имя может любой человек, который, услышав эту просьбу, назовет несколько имен того пола, к которому принадлежит умерший ребенок. Но иногда просьбы не прекращались, и в таком случае приглашали другого «подателя имени», который называл другие имена. Обратим внимание на то, что в этих представлениях акцентируются не только роль имени для обретения человеческого статуса, но и соответствие имени человеку.

В еще большей степени идея соответствия имени человеку (формы и содержания) выражена в ритуализованной практике перечисления имен в ситуации оживления новорожденного: «Если ребенок показывает слабые признаки жизни, то бабка произносит имена известных ей святых, при произнесении какого имени крикнет ребенок, имя того святого и дают ему»[153]. Русские Заонежья окликали в этом случае именами умерших родственников. Нарекали младенца тем именем, при произнесении которого он заплачет. Получается, что, во-первых, не каждое имя годится: оно должно соответствовать этому конкретному человеку. Во-вторых,

---

149 См., например: *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 249.

150 *Листова Т. А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е гг. XX в.) // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 149.

151 *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 17–18; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории… С. 249.

152 *Кабакова Г. И.* Дети некрещеные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 86.

153 *Иванов П.* Этнографические материалы, собранные в Купянском уезде Харьковской губ. // Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 25–26.

ему дают вместо «положенного» ему имени (святого, в чей день он родился) другое. Происходит своего рода переименование, только замена происходит еще до наречения. В-третьих, имя в этой ситуации не дается кем-то извне, а «выбирается» самим человеком. Но это возможно только на грани жизни и смерти[154].

Обычно имя давалось при церковном крещении, и его выбор был сведен к минимуму, точнее, определялся временем рождения. Другими словами, выбор имени тоже осуществлялся, но свыше — Провидением, судьбой, той силой, которая определила рождение в день именно этого святого. Этим обстоятельством объясняется устойчивость именования в традиционной культуре. Единственным поводом к изменению имени считалось балансирование новорожденного между жизнью и смертью. Что же касается взрослого человека, «богоданное» имя не менялось. За крестильным именем — не только авторитет церкви, но и вся многовековая традиция. Такая жесткая схема несколько смягчалась возможностью иметь второе, мирское имя или прозвище (о двойном именовании см.: ч. 2, гл. 1). В этом кратком комментарии к процедуре имянаречения акцент сделан на восточнославянских обычаях, но похожие практики были и у других народов России.

2. Официальная регламентация перемены имени

С усложнением юридических отношений и введением документооборота, в частности паспортной системы и регистрации в метрических книгах (т. е. с Петровского времени), перемена официального имени практически не допускалась, ибо только под зарегистрированным именем человек был «известен» властным органам, для которых главное — чтобы в случае необходимости он был на виду, а изменение имени, естественно, чревато всякими сложностями. Точнее было бы сказать, что власть имеет дело не с людьми, а с именами, которые в течение жизни должны оставаться неизменными. Не случайно практики перемены официального

---

154 Широкое распространение имел обычай, в соответствии с которым родители, у которых дети умирали, совершали символическую продажу новорожденного. В таком случае ребенок получал имя Продан, и «его должны звать этим, а не христианским именем» (*Богатырев П. Г.* Вопросы теории... С. 251). А. М. Селищев считал, что с этим обычаем связаны такие имена, как Продан, Найден, Краден, Куплен, Ненаш и др. (*Селищев А. М.* Смена фамилий и личных имен // Труды по знаковым системам 5. Тарту, 1971. С. 142).

имени всегда довольно жестко регулировались, а чаще всего просто запрещались[155]. Мотивировалось это обычно тем, что разрешение менять имя позволит скрываться от налогов, рекрутских наборов, правосудия. Вместе с тем известно, что имена менялись, например, при изменении духовного статуса: при пострижении в монахи, а в некоторых случаях и при епископской хиротонии. Но строго говоря, это не перемена, а ритуальное приобретение другого имени. Показательно, что при выходе из монашеского чина такое лицо лишалось и полученного имени. Имя могло меняться также в связи со сменой социального окружения — например, при записи в солдаты, при поступлении в семинарию, на театральную сцену или в цирк. Однако при этом крестильное имя оставалось прежним.

Между тем антропонимический фонд, исторически основанный на прозвищах, требовал своего рода «чистки». В 1825 г. вышел указ «О замене непристойных фамилий у нижних чинов». Многочисленные Бздилины, Пердуновы, Дристунцовы, Жопины, Жопкины, Худосраковы и Мохножоповы получили возможность заменить свои «фамильные прозвища» на более пристойные[156]. На крестильные имена указ, естественно, не распространялся. Да и фамилии дворян, почетных граждан и высшего купечества могли быть изменены лишь с Высочайшего позволения[157]. Известна такая полуанекдотическая история. Когда купец Синебрюхов обратился к царю с просьбой изменить свою фамилию, тот издевательски ответил: «Разрешаю поменять на любой другой цвет». Исключение делалось только для инородцев, принимающих православие (они могли менять имена и фамилии на русские). Однако законом 1850 г. было запрещено изменение фамилии евреям даже в случае крещения[158].

Изменение именования было возможно только в чрезвычайной ситуации. Так, в начале Первой мировой войны многие немецкие

---

155 *Байбурин А. К.* Свое/чужое имя (историко-культурные заметки о перемене имени) // Свое среди чужого, чужое среди своего. М.: Форум, 2015. С. 100–130.

156 *Корягин С. В.* Непристойные фамилии у донского казачества // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1997. Вып. 4–5 (48–49).

157 «Для массы населения, не имеющей постоянных фамилий, перемена следует тем же правилам, что и принятие новой фамилии; но для дворян и почетных граждан существует особый порядок (прил. к 324 ст. IX т. Св. Зак. и 34 ст. Учр. Сен.) — тот же, что и для передачи фамилий, гербов и титулов дворянами: подается на Высочайшее имя просьба, которая рассматривается в дпт. герольдии и потом в Государственном совете; о Высочайшем соизволении на передачу или перемену публикуется в сенатских объявлениях» (Имя // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. IX. СПб., 1894. С. 40). Изменять фамилии предписывалось лишь женщинам при вступлении в брак.

158 ПСЗ. II. T.IX. Ст. 954.

фамилии были русифицированы из патриотических и практических соображений их владельцев (на этой же волне Санкт-Петербург стал Петроградом)[159]. Это была первая, пока еще не очень большая волна изменения имен и фамилий. Вторая волна изменений (теперь уже массовых) датируется послереволюционными годами. Сперва кратко обрисуем изменения в процедуре и характере именования.

Советская эпоха началась с разрушения прежней системы регистрации имен. Церковь лишилась права давать имя и контролировать процедуру имянаречения. Эту роль взяли на себя производственные коллективы и родители, а регистрация имени стала осуществляться государственными органами ЗАГС. Л. Троцкий в статье «Вопросы быта» (1924 г.) писал: «Каждый новорожденный должен пережить свой Октябрь, другими словами — приобщиться к общей революционной среде трудящихся. Вместо церковной купели — общее собрание и коллективы РКП и РКСМ»[160]. Соответственно, вместо священника действовали партийные и комсомольские вожаки. Они вели церемонию и зачитывали «постановление» о включении новорожденного в число граждан Страны Советов. Родители нового гражданина получали «общественный наказ». Вот один из таких наказов, хранящийся в краеведческом музее уральского города Серова: «...мы осеняем тебя не крестом, не водой и молитвой — наследством рабства и темноты, а нашим красным знаменем борьбы и труда, пробитым пулями, порванным штыками... Родителям новорожденной наказываем: воспитывать дочь преданным борцом за освобождение трудящихся всего мира, сторонником науки и труда, врагом темноты и невежества, пламенным защитником власти Советов»[161]. В результате голосования новорожденную назвали Октябриной.

Именам придавалось особое значение в конструировании нового мира, и предполагалось, что они должны быть наполнены революционным содержанием. В упомянутой статье Троцкого говорится: «У нас уже есть первые революционные имена. Для девушек наиболее распространены: *Октябрина, Нинель, Звездочка.* Для мальчиков: *Ким, Вил, Красарм*. Количество таких имен перевалило уже сотню. Наша задача, как комсомольцев, отразить в именах комсомольскую жизнь. Чем плохи такие имена? — *Ким,*

---

159 *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 195–196.
160 *Троцкий Л.* Вопросы быта // Юный пролетарий. 1924. № 1. С. 5.
161 *Иванов В. М.* Жизнь рождает новые обряды. Минск, 1964. С. 69.

Мюд, Юнкор — для мальчиков и *Смена, Учеба* — для девочек. Они полны смысла и созвучны. На фабрике “Скороход” так и сделали: новорожденному дали имя *Либкнехт*. <…> Есть и другой путь — *красных именин*. Каждый ребенок носит имя в честь революционного события. Надо научить его гордиться этим. Самый доступный путь — сделать день этого события личным праздником ребенка. Например, имя *Мюд* — празднует свои именины в Международный Юношеский День, *Май, Труд* — 1-го мая, *Нинель, Вил, Владимир* — в день рождения Ленина, *Степан* — на выбор: либо в день смерти Степана Халтурина, либо Степана Шаумяна и т. д. Рабочие завода “Светоч” пошли по этому пути и уже составили новые “святцы”, правда далеко еще не полные»[162].

Характерная черта постреволюционного имятворчества — составление имени из нескольких частей (*Лентрозина* — Ленин-Троцкий-Зиновьев) или по схеме аббревиатур (*МЮД*) — как известно, в постреволюционное время аббревиатуры стали очень распространенным явлением. Еще один способ конструирования новых имен — придание популярным словам нового времени функции имен (например, *Болт* и *Гайка* — имена родных брата и сестры)[163].

Изобретением новых имен дело не ограничилось. Не иначе как в пику прежним порядкам советская власть одним из первых декретов предоставила гражданам право «изменять свои фамилии и прозвища»[164]. Обращает на себя внимание, что этим декретом разрешалось менять фамилии и прозвища, но никак не имена.

---

[162] *Троцкий Л.* Вопросы быта. С. 5.

[163] Сообщение И. И. Земцовского. О способах конструирования революционных имен см.: *Kolonitskii B. I.* ‘Revolutionary Names’: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // Revolutionary Russia. 1993. Vol. 6. N 2. P. 210–228.

[164] Декрет «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» (СУ РСФСР. 1918. № 37. Ст. 488):

1) Каждому гражданину Российской Советской Федеративной Республики, по достижению восемнадцатилетнего возраста, предоставляется право изменять фамильное или родовое прозвище свободно, по его желанию, поскольку этим не затрагиваются права третьих лиц, обеспеченные специальными узаконениями.
2) Лица, желающие изменить свое фамильное или родовое прозвище, обращаются по месту жительства к заведывающему Отделом записи браков и рождений и лично представляют ему о том письменное заявление с приложением документов, удостоверяющих их личность, или копий этих документов, засвидетельствованных установленным порядком.
3) О сделанном заявлении заведывающий Отделом составляет протокол, опубликовывает за счет просителя в местной правительственной газете в двухнедельный срок и одновременно пересылает для опубликования в правительственную газету Центральной власти, а также сообщает учреждениям, ведущим списки об уголовной ответственности.

Насколько было сложно поменять наследственную фамилию в прежнее время, настолько просто это стало в новых условиях (при том, что еще не все к этому времени обзавелись фамилиями)[165]. И многие воспользовались наступившей свободой. По наблюдениям А. М. Селищева, а затем и Б. О. Унбегауна, новые фамилии создавались по нескольким схемам. За основу брались прежние фамилии, и из них конструировались нужные варианты (*Гробов — Громов, Гнидин — Гнедин* и т. д.). Не меньшее распространение получают случаи полной замены фамилии. При этом, если первая волна изменений носила патриотический характер и иностранные (прежде всего немецкие) имена подвергались русификации, то вторая — ровно наоборот: вместо «неблагозвучных» русских фамилий люди старались приобрести «благородные» зарубежные. *Косолапов* становился *Вольтером, Тишин — Штольцем* и т. д. Вместе с тем продолжилась русификаторская линия, особенно характерная для еврейских фамилий (*Гершензон — Герасимов*). Менялись социально опасные (*Баринов, Фабрикант* и др.), а также известные дворянские фамилии[166]. Узнаваемые священнические фамилии изменялись нехитрым образом: *Архангельский* на *Арский* или *Гельский, Космо-*

Примечание. На учреждение, ведущее списки о судимости, возлагается также ведение списков изменяемых фамилий и периодическое их опубликование.

4) По прошествии двухмесячного срока со времени опубликования в правительственной газете Центральной власти, лицо, изменившее свою фамилию или прозвище, имеет право требовать внесения этого имени во все акты гражданского состояния.

5) При перемене фамилии или прозвища со стороны лиц, состоящих в семейном союзе, этой перемене следуют их дети до восемнадцатилетнего возраста.

6) Супруги лиц, изменяющих свои фамилии или прозвища, и дети их, старше восемнадцатилетнего возраста, принимают новые имена своих: первые — супругов, вторые — родителей, в случае своего на то согласия. О своем согласии или несогласии эти лица делают письменное заявление или совместное с супругами или родителями, или независимо от них в указанном выше порядке. Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич. 4 марта (19 февраля) 1918 года. Распубликован в № 104 Известий Всероссийского Центрального Комитета Советов от 25/12 мая 1918 года.

[165] И в более позднее время отмечалось отсутствие фамилий у части населения СССР. Например, в Инструкции № 370 «Об удостоверениях личности и прописке граждан в городских поселениях» от 6 июля 1925 г. говорится: «В графе фамилии, имени и отчества получателя может быть обозначено и прозвище гражданина, если у него не имеется определенной фамилии» (Бюллетень НКВД. 1925. № 28)

[166] Об изменении дворянских фамилий см.: *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. С. 160–164.

демьянский на *Демьянский*. «Некрасивые» фамилии легко становились «красивыми»: *Чушкин — Пушкин, Дураков — Бураков*[167].

На фоне взрыва переименований вполне естественными выглядели партийные клички, которыми еще в царское время стали обзаводиться наиболее активные члены революционного движения: М. В. Фрунзе — Арсеньев; С. М. Костриков — Киров; А. И. Рыков — Сергеев и т. д. Как и положено по правилам конспирации, псевдонимы, образованные по большей части от имен, не несли никакой информации об индивидуальных качествах их владельцев[168]. Любопытно, что с исчезновением такой необходимости не все вернулись к прежним фамилиям, а Ленин и Сталин подписывали свои сочинения и псевдонимом, и фамилией.

Мотивировки сохранения запрета на смену имени обнаружить не удалось. Между тем этот запрет в новой ситуации порождал неожиданные трудности, причем не только для носителей имен, но и для властных структур. Так, на одном из совещаний председателей районных исполкомов Петрограда в 1922 г. специально рассматривался вопрос об именах новорожденных:

> Слушали:
>
> т. МАЛЕЦКИЙ говорит, что за последнее время участились случаи дачи таких имен новорожденных (как-то: Анархист и т. п.), которые впоследствии могут внести массу недоразумений. Имени же при советском законодательстве менять нельзя. Как-то нужно упорядочить вопрос об имени родившихся, ограничить фривольность и свободу выбора имени.
>
> т. ГОЛЬДБЕРГ добавляет, что наблюдаются случаи дачи нескольких имен.
>
> т. ЖУКОВ обращает внимание на перемену имени при Красных крестинах. Вопрос этот ставился на Бюро Райкома, которое постановило: ввиду того, что красные крестины стали носить эпидемический характер, ставить их реже.
>
> т. ОХРИМЕНКО предлагает установить предел: иметь некоторое количество имен, которое при регистрации можно было бы предложить.
>
> т. ОСИПОВ последнее отвергает, говоря, что никакого алфавита быть не может и ограничений давать нельзя. Красные крестины

---

167 *Селищев А. М.* Смена фамилий… С. 494–499; *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии… С. 196–197.

168 Такие псевдонимы, как Сталин, Молотов, Саблина (Н. К. Крупская), были скорее исключением.

в организованное русло ввести необходимо, но не ограничивая выбора имени, и имея ввиду обоюдное согласие родителей.

т. ИЛЬИН разъясняет, что, согласно циркуляра НКВД, имени менять нельзя, менять можно только фамилию. Двойственных имен ни в коем случае не допускать; необходимо избежать путаницы при переименовании в красных крестинах, получив директиву от Губкома <…>

ПОСТАНОВИЛИ: а) Ввиду наблюдавшихся на практике случаев дачи имен новорожденным, противоречащих своим названием изменившемуся быту, считать необходимым поручить столам Записей актов гражданского состояния не регистрировать таких имен, как то Анархист, Медведь и т. п.

Просить НКВД, при составлении брачного Кодекса, предусмотреть и этот вопрос…[169]

В 1924 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено менять не только фамилии и родовые прозвища, но и имена[170]. По времени это постановление совпало с началом движения за новый революционный именник, которое стало важнейшей составной частью борьбы с церковью за нового человека. Упоминавшаяся статья Л. Троцкого «За новый быт» (1924 г.) и статья «Новые имена» в газете «Правда» (12 июня 1924 г.) дали толчок лавинообразному распространению имен, не входивших в традиционный список. Следует отметить, что к их числу относились не только имена с выраженной идеологической направленностью (*Баррикада, Октябрина, Герб, Электрификация, Даздраперма, Мюд, Ревмир* и др.). Эти имена, естественно, обращали на себя внимание, но их удельный вес в новом именнике был вовсе не так уж велик, и не они определяли его характер. Кроме того, продуктивный век революционных имен был недолгим: «После 30-х годов такие имена пошли на убыль. Только немногие из них сохранили слабую продуктивность и позже. Впрочем, единичные новшества иногда еще продолжали возникать. В Тамбовский ЗАГС пришел запрос из армии с просьбой

[169] ЦГА. Ф. 1001: Отдел управления Петрогубисполкома. Оп. 9. Д. 10. Циркуляры и протоколы по отделению церкви от государства. 06.01.1922 г. — 11.03.1922 г. Л. 29. Протокол совещания председателей районных исполкомов от 13 марта 1924 г. Вместе с тем следует отметить, что отношение власти к выбору имен существенно менялась. Так, по инструкции «О порядке регистрации актов гражданского состояния в сельсоветах», «Имя ребенку дается родителями или лицами, их заменяющими. Каждому новорожденному ребенку может быть дано любое имя, хотя бы оно и выходило из круга бытовых имен» (Бюллетень НКВД. 1925. № 3).

[170] Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924, 17 июля. № 161.

уточнить имя рожденного в 1942 г. в Хоботовском районе; подняв документы, даже привычные ко многому работники ЗАГС оторопели: там числился *Винегрет*. В Москве учится (1968 г.) студентка *Комментария*. А у других народов нашей страны появление новых имен даже участилось — в Калмыкии военных лет появились *Вагон* и *Эвакуац*»[171]. Но это единичные случаи, и относились они к позднему времени. В 20-е гг. новый репертуар имен включал довольно широкий спектр заимствованных иностранных имен (*Артур, Роберт, Жанна, Римма, Элеонора* и др.). Новыми и даже идеологически «правильными» стали древнерусские имена, запрещавшиеся прежде православной церковью (*Рюрик, Святослав, Лада, Руслана, Светлана* и др.). Однако гораздо более существенными были сдвиги в пределах традиционного списка имен. К 30-м гг. прежде наиболее распространенные имена (такие как *Иван, Василий, Анна, Мария, Екатерина*) становятся редкими, а их место занимают такие имена, как *Владимир, Юрий, Нина, Валентина, Галина*[172].

Разрешение менять имена и фамилии вовсе не означало отмены контроля в этой сфере. НКВД тут же издает подробную «Инструкцию о порядке перемены фамилий (родовых прозвищ) и имен»[173], где содержится форма заявления о перемене фамилии и/или имени, устанавливается уголовная ответственность за дачу ложных сведений, предписывается публикация в местной официальной газете объявления о перемене, а органу ЗАГС поручается «одновременно срочно снестись со следующими организациями, ведущими списки об уголовной судимости по месту жительства: Губсудом, II отд. Угол розыска, местным органом ГПУ»[174]. В Циркуляре № 444 от 19 августа 1925 г. предлагается следующая форма публикации объявления о перемене имени в Известиях ЦИК СССР и ВЦИК: «*Гр. (фио) происходит из гр. (город, село, губ-я) проживающий (город, село, губ-я) переменяет (фамилию, имя) на (фамилия, имя).*

---

[171] *Никонов В. А.* Имя и общество… С. 69.

[172] Там же. С. 70.

[173] Бюллетень НКВД. 1924. № 33.

[174] В следующих пунктах Инструкции предписывается: «По получении справок и по истечении 2-х недельного срока со дня публикации, пересылают все дело в НКВД (по органу ЗАГС) на предмет разрешения. НКВД, получив дело о перемене фамилии или имени, сносится с центральными учреждениями, ведущими списки об уголовной судимости и органами ГПУ. Местные органы ЗАГС, по получении от НКВД (II отдел ЗАГС) разрешения, регистрируют данный случай в книгах записей актов гражданского состояния. <…> На местные органы ЗАГС возлагается обязанность вести алфавитный реестр лиц, переименовавших фамилии или имена (в масштабе РСФСР)».

Лиц, имеющих препятствия к перемене (фамилии, имени) просят сообщить (адрес)[175].

Приведем несколько примеров объявлений, опубликованных в официальном издании «Бюллетень Ленсовета. Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов»:

> 10 января 1936 г. Октябрьский РайЗАГС сообщает, что гр-н Глухнер, Залман-Лейб Симанович, происх. из гор. Могилева, прожив. Ленинград, 1-я Красноармейская ул., д. 2, кв. 7, меняет имя Залман-Лейб на имя ЛЕОНИД. С протестами просят обратиться...
>
> 9 февраля 1938 г. Куйбышевск. РайЗАГС сообщает, что гр-ка Васильева, Марфа Степановна, рождения 1904 г., происходящая из гр-н Ленингр. области, Новосельского района, дер. Адамово, проживающая в Л., по пр. 25 Октября, д. 74, кв. 70Б, меняет имя Марфа на имя ОЛЬГА.
>
> 15 февраля 1938 г. Дзержинский РайЗАГС сообщает, что гр-ка Тверская-Фарбман, Этта-Мина Нафтолевна, рожд. 1888 г., происходящая из местечка Улла, Витебской губ., Лепельского уезда, проживающая в Ленинграде, Кирочная ул., д. 30, кв. 2, меняет фамилию Тверская-Фарбман на фамилию ТВЕРСКАЯ.

Несмотря на всю бюрократическую аранжировку, разрешение менять имена и фамилии было воспринято как смягчение ситуации с именами. В этой связи нельзя не вспомнить стихи Н. Олейникова:

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.
Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Смягчение правил перемены имени сопровождалось попытками крепче привязать имя к человеку, дабы не допустить перемены имени с преступными целями. С этой целью уже в 20-е гг. заговорили о необходимости снабжения документов фотографиями, а в некоторых случаях и дактилоскопическими отпечатками.

---

[175] Бюллетень НКВД. 1925. № 33.

Распространить эти требования на все население не было никакой технической возможности, но в отношении арестованных такие попытки предпринимались. В Циркуляре НКВД № 324 от 12 июня 1925 г. говорится о необходимости дактилоскопических отпечатков и фотоснимков в открытых листах пересылаемых арестованных. Это мотивируется тем, что «при пересылке уголовным розыском в этапном порядке заключенных из одного города в другой часто наблюдаются случаи, что указанные арестованные для облегчения возможности побегов злонамеренно обмениваются между собою именами и фамилиями»[176].

В предвоенные годы процедура изменения имени (фамилии) регулировалась указами Президиума Верховного Совета СССР, а решение об их перемене принималось Советом Министров автономной республики, крайисполкомом или облисполкомом (в Москве и Ленинграде — горисполкомом). Например, в соответствии с Указом от 31 марта 1940 г. «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» изменение становилось возможным только по достижении 18-летнего возраста (сейчас с 14 лет. — *А. Б.*). Изменение имени входило (и входит) в перечень актов гражданского состояния наряду с регистрацией рождения, брака и смерти. О перемене имени сообщалось в печати — тем самым эта процедура приравнивалась к ключевым событиям жизненного сценария человека. Можно сказать, что даже на официальном уровне предполагалось: с новым именем принципиально меняется и сам человек.

В заявлении, которое подавалось в районный или городской отдел ЗАГС по месту жительства заявителя, указывались не только фамилия, имя и отчество, место и время рождения, место постоянного жительства, но и полный перечень местностей, в которых ранее проживал заявитель. Следовало также указать причину изменения имени и выбранное имя.

В послевоенные годы принципиальных изменений на законодательном уровне не произошло[177]. Разумеется, считалось, что принятие положительного решения о перемене имени возможно лишь при наличии достаточных оснований. Совершенно не допускалось изменение фамилий и имен лицами, находящимися под

---

[176] Там же.

[177] См.: Регистрация актов гражданского состояния: Сборник официальных материалов / под ред. Ю. М. Гусева. М., 1985. С. 209.

следствием или судом, или имеющими судимость, а также в тех случаях, когда имеются возражения со стороны органов государственной власти.

Одни причины считались «уважительными» и смена имени допускалась, а другие — «неуважительными», и в таких случаях поступал отказ. В законодательном порядке установлен перечень уважительных причин для перемены фамилии, имени, отчества: «К ним, в частности, относятся: неблагозвучность фамилии, имени, отчества; трудность их произношения; желание супруга носить общую с другим супругом фамилию, если при регистрации брака они сохранили добрачные фамилии; желание супруга вернуть добрачную фамилию, если об этом не было заявлено при расторжении брака; желание носить добрачную фамилию, одинаковую с детьми от первого брака, в тех случаях, когда брак не расторгается; желание носить добрачную фамилию, если супруг умер; желание носить общую с детьми фамилию, если супруг умер, а у заявителя (заявительницы) была добрачная фамилия; желание носить фамилию матери (отца), если отец (мать) не принимал участия в воспитании заявителя; желание носить фамилию отчима (мачехи), воспитавшего заявителя, или отчество по имени отчима, когда усыновление не может быть оформлено; желание носить фамилию деда, бабки или другого лица, фактически воспитавшего заявителя, если родители не принимали участия в его воспитании, а усыновление не может быть оформлено; желание носить отчество по имени лица, фактически воспитавшего заявителя, если отец не принимал участия в его воспитании; желание носить фамилию и имя, соответствующие избранной заявителем национальности (при разных национальностях родителей)»[178].

Нетрудно заметить, что в этом перечне речь идет в основном о перемене фамилии, для чего требовались серьезные причины. Предполагалось, что с именем у человека меньше проблем, но это как раз не так. Фамилия, какой бы она ни была, связывает человека с семьей, ее историей, с семейной памятью; она принадлежит не одному человеку, а всем членам семьи (не только живым, но и мертвым), и уже поэтому имеет самостоятельную ценность (не случайно фамилия и в советское время называлась семейным или

---

[178] *Фаддеева Т. А.* Права на имя // Правоведение. 1989. № 6. С. 41. (Методическое письмо Министерства юстиции СССР от 7 февраля 1977 г. по вопросам перемены гражданами СССР фамилий, имен и отчеств).

фамильным прозвищем). Имя не только лишено всех этих качеств, но и носит сугубо индивидуальный характер, благодаря чему многие считают себя вправе самостоятельно распоряжаться им. В перечне официальных причин, допускающих изменение имени, говорится лишь о неблагозвучности и трудности его произнесения. Конечно, и то, и другое — достаточно емкие определения, под которые при желании можно многое подверстать, но обратимся к реально зафиксированным мотивировкам, а также к именам, от которых отказывались и которые выбирали.

3. Практики изменения имени

Материалы, которые можно почерпнуть в архивах отделов ЗАГС, к сожалению, не содержат развернутых мотивировок перемены имени. В заявлениях обычно пишется, что прежнее имя «устарело», оно «некрасивое» или просто «не подходит». Но и такие определения существенны, поскольку они указывают на вы-деление и отделение имени от себя. Имя перестает быть неотъемлемой частью личности и становится внешним явлением, которому можно приписать характеристики, присущие любому внешнему объекту, в том числе такие, как старое/новое, красивое/некрасивое, подходящее/неподходящее и т. д. Восстановление целостности Я предполагает интериоризацию нового имени, которому, строго говоря, есть только одно определение: «свое». Однако с внешней точки зрения любое имя имеет социальную историю и определенный семантический ореол, благодаря которым сама замена одного имени на другое становится значимой.

Начавшаяся в 20-х гг. ломка прежнего именника не могла не сопровождаться теперь уже разрешенной переменой имен. Учет записей актов гражданского состояния был более или менее налажен к началу 30-х гг. По имеющимся сведениям, «за 1932–1935 гг. всего чаще отказывались от имени Матрена (12 % всех женщин, переменивших имя), Фекла (7 %), Акулина, Агафья, Евдокия. А сменяли же чаще всего на Галину и Валентину. Еще сталкивались встречные тенденции — одни меняли имена Мария, Фаина, а другие брали те же имена. Из мужских чаще всего заменяли имя Иван, за ним Кузьма, Степан, Никита, Фома, Афанасий, избраны чаще всего имена Владимир (13 %), Николай, Александр, Леонид, Анатолий. Среди сменивших в те годы значительно больше мужчин,

чем женщин»[179]. Вполне возможно, что такой гендерный «перекос» связан с большей социальной активностью мужчин, но обращает на себя внимание, что среди выбранных имен практически нет революционных. Если и можно говорить об идеологической подкладке, то, пожалуй, только по отношению к имени *Владимир*. Общая тенденция была в другом: замене «старых», «деревенских» имен на новые, «городские».

Об этом же говорят и данные Т. А. Коротковой, основанные на материалах Свердловского областного ЗАГС: «За период с 1928 по 1955 год случаи смены имен были единичны (в год примерно 10). За весь этот период 235 случаев. За один 1966 год 137 случаев. В первом периоде имена меняли чуть чаще мужчины: 122 мужчины и 113 женщин, в 1966 году — чаще женщины: 85 женщин и 52 мужчины, в первом периоде преимущественно служащие, во 2 периоде участие служащих и рабочих уже примерно равное»[180]. Другими словами, в 1960-е гг. наблюдался почти лавинообразный рост числа обращений по поводу перемены имени. Вероятно, это было связано с общей либерализацией в стране в хрущевское время. Давно замечено, что изменения в жизни общества активно влияют на репертуар имен.

Основная мотивировка перемены имени — «имя не нравится» (варианты: «имя не привилось в семье», «имя неблагозвучное» — вероятно, подсказано работниками ЗАГС). В период с 1928 по 1955 г. отказывались чаще от «старых церковных» имен: *Гурий, Евлампий, Паисий* и др. На втором месте по частотности обращений — отказы от «старых деревенских» имен (*Архип, Ермолай, Митрофан* и т. п.). На третьем — от заимствованных имен (*Альфонс, Вольдемар, Тельман*...). На последнем — от новых «революционных» имен: *Декабрист, Коммунар, Октябрь*...

Женщины в этот период отказывались прежде всего от старых деревенских имен (*Анисья, Маланья, Федосья*). Старые церковные имена — на втором месте (*Агриппина, Февросья*), новые (*Коммунара, Роза, Свобода*) — на одном из последних, но, как говорилось выше, на общем фоне их число в целом было незначительным.

Характер изменений тоже весьма любопытен. Отмечалось, что «у мужчин заметно стремление сохранить в новом имени инициал

---

179 *Никонов В. А.* Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 105.

180 *Короткова Т. А.* Перемены личных имен. Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 44.

прежнего: Адам, Ануфрий и Архип сменили на Александр; Альфонс — Алексей; Виктор — Владимир; Вильгельм — Василий; Вольдемар — Валентин; Ванифантий — Вениамин; Георгий и Герасим — Геннадий; Гурий — Григорий; Ефимий, Ермолай — Евгений; Киприан, Косма, Константин и 2 Луки — на Леонида; Мануил, Макар и Модест — на Михаила; Нинел — на Николая; Паисий, Пантелеймон и Петр — на Павла; Савватей — на Сергей; Тит — на Тимофей; Фрол — на Федор»[181]. Другой распространенный принцип — созвучие прежних и новых имен по началу и наличие омонимичных или созвучных гипокористических форм: *Алексей — Леонид (Леша); Альфонс — Алексей (Алик); Валерий — Валентин (Валя).* Второе оказалось более характерным для женщин: «Агафья сменила на Галину (общие гипокористические формы Ганя, Гася), Афанасья стала Фаиной (общее уменьшительное имя Фаня), Елизавета — Луиза (общее Лиза)»[182]. В меньшей степени характерны замены по принципу одинакового инициала: *Агафья — Анна, Афанасья — Антонина, Зоя — Зинаида, Ефросинья — Елена…*

Даже в военное время проблема нахождения своего имени не перестает быть актуальной. В докладе Отдела Актов Гражданского Состояния за 1945 г. приводятся такие данные: «заявлений об изменении фамилий и имен в 1945 поступило 954, из них удовлетворено 902, в 1944 г. поступило 614 и удовлетворено 582. 52 случая отказа в 1945 г. были вызваны оперативными соображениями НКВД/НКГБ, необоснованностью изменения и др. К характерным фактам отказа в изменении фамилии или имени следует отнести попытки: изменить имя и отчество гр. Коган, в прошлом имевшей связь с меньшевиками эсерами. Гр. Филиппов И. А. разоблачен как агент Германской разведки. Имел место необоснованный отказ гр-ке Гайдуковой в изменении имени только потому, что избранное ею имя Лина вместо Акулина, по мнению отказавших, не существует (Курская обл.)»[183]. Последний случай, преподнесенный как единственный, характеризует привычный произвол работников ЗАГС, которые выступали в роли «экспертов» в области антропонимики.

В середине 60-х гг. картина несколько изменилась. По-прежнему большинство случаев замены у мужчин и женщин относятся к старым «деревенским и церковным» именам, заимствованным, черес-

---

181 Там же. С. 43–44.

182 Там же. С. 45.

183 Доклад Отдела Актов Гражданского Состояния ГУМ МВД СССР о работе органов ОАГС/ЗАГС за 1945 год. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1418. Л. 6.

чур редким и новым. Во всех случаях обнаруживается стремление заменить прежнее имя на более нейтральное, «как у людей». Вместе с тем, у женщин проявляется тенденция к выбору «красивого» имени: *Неонила* становится *Эмилией, Агриппина — Генриэттой*; такие имена сменили считавшиеся прежде не менее «красивыми» революционные. В оба периода мужчины активно отказываются от имен на -ий, а женщины от имен на -ия и -ья. Как отмечает Т. А. Короткова, «перемена имен идет в общем русле сужения репертуара имен»[184].

Несколько огрубляя картину, можно сказать, что в 70–80-х гг. выбор и перемена имени во многом определялись своего рода модой. По словам А. Суперанской, «мода на имена зарождалась в городах и с некоторым отставанием проникала в деревню. Пик популярности имени Иван пришелся на 40-е годы. Родители называли Иванами 92 младенцев из 1000 новорожденных. Через 15 лет маленьких Иванов стало почти в пять раз меньше, к 70-м годам имя переходит в разряд редких — так зовут лишь четырех мальчиков на 100. А спустя 15 лет, в 90-е, интерес к имени вернулся <…> 40 лет назад в СССР родители, как сговорившись, называли половину новорожденных мальчиков Александрами, Алексеями, Андреями, Дмитриями, Игорями или Сергеями; девочек — Еленами, Иринами, Маринами, Натальями, Ольгами или Светланами. Это была мода на простые русские имена. Проанализировав ситуацию, ученые встревожились: население страны растет, а состав личных имен обедняется. С 60-х годов начали выходить пособия по личным именам — справочники, научно-популярные статьи и статьи по истории русских имен. То ли усилия ученых возымели действие, то ли что-то еще, но с 1966-го по 1988 год количество общеупотребительных имен увеличилось у девочек с 25 до 40, у мальчиков — с 31 до 42»[185].

Кроме нежелания иметь имя, которое «не нравится», звучит «некрасиво» или «устарело», появляются и другие мотивировки. В начале 70-х гг. известный советский специалист по антропонимике В. А. Никонов писал: «За рубежом, где литература о личных именах необъятна, социальная роль имен тонет в потоке сочинений вроде американских книжек “Твое имя — твоя судьба”, “Имя — секрет успеха” — это, конечно, своего рода решение проблемы

---

184 *Короткова Т. А.* Перемены личных имен… С. 46.

185 *Griднева Н.* Мода на имена // «Коммерсантъ-Власть». 2000 (http://posobie.info/forum/viewtopic.php?t=11340 — Дата обращения: 17.04.2017).

“личное имя в обществе”, но с позиций индивидуализма. К счастью, у нас таких книг нет…»[186]. В 90-е гг. они появились в России в изобилии. И не только они. Наблюдался своего рода бум разнообразных переложений научных работ, посвященных исторической антропонимике[187]. И не случайно начиная с 90-х гг. перемена имени все чаще объясняется желанием изменить свою жизнь (судьбу).

> *У меня была такая студентка. <…> Уже взрослая студентка, которая училась на втором высшем… получала второе высшее образование в университете. И, я не знаю, у нее был какой-то такой этап в ее жизни — она решила изменить свою жизнь. Она изменила все: она поменяла свои имя, отчество <…> и фамилию. Я не знаю, отразилось ли это в ее паспорте <…>, но возможно… я с ней не общаюсь, к сожалению. Но я знаю, что она теперь существует совершенно под другим именем. Она, так сказать… кто-то так ей внушил — психологические какие-то тут такие моменты — что таким образом она сможет поменять свою жизнь полностью* (4. Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-04. Ж., 1945 г.р.).

Авторы популярных публикаций об именах позаимствовали из научных работ и усиленно «разрабатывали» один тезис: в архаичных представлениях некоторых народов имя человека определяет его судьбу (характер). При этом само выражение «архаичные представления» преподносится как своего рода гарантия истинности. Из этого делалось простое умозаключение: изменив имя, можно изменить свою судьбу и вообще стать другим человеком. Вот пример такого текста из журнала «Вумен»: «Имя человека традиционно связывают с его судьбой. В древние времена процесс наречения именем был превращен в жесткий ритуал: нельзя было открывать имя ребенка до крещения, нельзя дублировать имена людей, живущих в одном доме, а если дети в семье умирали, новых младенцев нарекали “поддерживающими” именами: Стоян, Стана, Спасе, Живко. Если ребенок болел, перемена имени могла его спасти. Для этого отцу надо было вынести свое захворавшее чадо на дорогу, а спустя некоторое время внести его обратно в дом. При этом родители сообщали всем вокруг, что одного ребенка они потеряли, а другого нашли, и нарекали дитя по-новому: вместо, ска-

---

[186] *Никонов В. А.* Личные имена в современной России… С. 7.

[187] Например: Имя и судьба / сост. И. Терлецкая. Б.м., 1995; Имя — судьба: книга для родителей и крестных / сост. А. Бобров. М., 1993; и множество других.

жем, Любима он отныне звался Найденом или Ненашем. Согласно древнему поверью, бесы должны были решить, что это и вправду другой младенец, и отступиться от него»[188]. Подобными текстами наполнены всевозможные издания и сайты. В результате происходит своего рода вторичная архаизация и этнографизация массового сознания. Ср.: «*...Как там говорится: меняешь имя — меняешь судьбу*» (1. Oxf/AHRC-SPb-07, IN Passport PF-01. Ж., 1956 г.р.).

Показательно, что в интервью, собранных в 2007–2009 гг., мотив изменения имени-судьбы появляется со ссылкой на подобные публикации:

Инф.: *Просто по жизни я встречала, какая-нибудь женщина с именем Роза, там, становилась Наташей.*

Соб.: *А это с чем связано?*

Инф.: *Ну, может быть, человек судьбу хотел поменять. Вроде как пошли в печати такие вещи, что имя на судьбу влияет. Но уже женщина в возрасте была. Она сама рассказывала, что она была Розой, а потом стала Наташей, по-моему <...> да, есть еще одна такая девочка: при рождении Жанной была, в жизни ее звали, всю жизнь Женей. И родители, и сестра, и в школе человек был Женей. И уже при получении паспорта она стала Евгенией, не Жанной...* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-03. Ж., 1963 г.р.).

Пожалуй, самое важное изменение 1990-х гг. по отношению к имени заключалось в том, что оно перестало ощущаться единственным и пожизненным. Его можно и даже нужно изменить, если это необходимо для достижения внутренней гармонии.

> *Я так думаю, если человеку хочется это поменять, для него это представляет какой-то дискомфорт в жизни, да? <...> То он должен... он должен иметь право поменять свою фамилию <...> изменить там в ней буквы или вообще взять другую фамилию. Или взять фамилию жены, если ему, допустим, не нравится своя. Женщины более в этом... выгодном положении находятся* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-05. Ж., 1966 г.р.).

О перемене фамилии замужней женщиной следует сказать отдельно. Для России такая перемена была традиционной, поскольку основывалась на представлениях о том, что до замужества женщи-

---

[188] *[Б. а.]* Перемена имени // Woman (http://www.woman.ru/psycho/personality/article/42943/ — Дата обращения: 17.04.2017).

на принадлежала к роду отца, а после — к роду мужа. И в том, и в другом случае соблюдался принцип единой фамилии по принадлежности к тому или другому роду. После революции вместе с распространением идей феминизма пришло время «фамильного равноправия»: женщина могла принять фамилию мужа, но могла и оставить свою девичью фамилию. Некоторое распространение получили двойные фамилии, но они были возможны только в том случае, если оба супруга принимали двойную фамилию. Вообще нужно сказать, что на фоне общей картины принудительности советские законы об именах и фамилиях отличались необычной либеральностью. Так они выглядят и на фоне европейских традиций. Например, во Франции и Германии женщины были обязаны сменить свою фамилию на фамилию мужа при выходе замуж. В Шотландии и в скандинавских странах были приняты двойные фамилии. В мусульманских традициях женщина традиционно не меняла свое имя.

Точная статистика перемены фамилии при выходе замуж в советское время нам неизвестна, но, по мнению работников ЗАГСов, большей частью женщины брали фамилию мужа. Фонд «Общественное мнение» провел в 2003 г. опрос 1500 респондентов на тему: Обязана ли новобрачная брать фамилию мужа (и если да, то почему)?

Согласно данным опроса, сегодня 44 % россиян считают, что жена обязательно должна менять фамилию, тогда как 42 % не считают это обязательным. Тех, кто уверен, что менять фамилию после вступления в брак необходимо, попросили аргументировать свою позицию. 22 % респондентов ссылаются на традицию, на «порядок вещей», сложившийся «испокон веков» («всегда так было в России»). Другие полагают, что смена фамилии — символична. Она супругов «как форма — сплачивает», символизирует единство семьи, то, что «муж и жена — одно целое», «увеличивает единение». Кроме того, жена, беря фамилию мужа, демонстрирует свою любовь, уважение и даже подчинение главе семьи («если любишь, то фамилия должна быть одна»; «он — главнее»; «жена находится под покровительством мужа, начальника рода») — 12 %. Прагматические аргументы приводили 11 % респондентов. С их точки зрения, род должен продолжаться «по мужской линии», поэтому «дети должны расти под фамилией отца», а общая фамилия супругов снимает проблему выбора фамилии для детей («будут дети — на кого записывать их тогда?»). Кроме того, некоторые опасаются, что если не поменять фамилию, то в дальнейшем могут быть «трудности с наследством» и вообще «осложнения в бюрократическом смысле». А 1 % респон-

дентов убеждены, что супруга обязана брать фамилию мужа «согласно закону о браке»[189].

Материалы этого опроса относятся к постсоветскому времени, но можно полагать, что общая картина принципиально не изменилась. Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не расходятся с приведенными результатами.

Высоко оценивается сама возможность выбора: оставить девичью фамилию или взять фамилию мужа. Вместе с тем аналогичная возможность для мужа принять фамилию жены рассматривается как проявление некой ущербности, или по меньшей мере как унижение. Пенсионерка рассказывает о своем замужестве:

Инф.: *Он даже вроде бы как и хотел мою фамилию, но я сказала «нет»... Да, вроде как Лаптева, он считал, некрасивая фамилия...*
Соб.: *То есть он-то хотел <...> вашу фамилию взять?*
Инф.: *Да, да, да, да. Но я сразу сказала «нет», вроде бы и чтобы не унижать, и нормальные отношения были. Так что перешла на его фамилию и всё* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

Перемена фамилии женщиной может приводить к состоянию утраты целостности прежней идентичности, что проявляется в ощущении раздвоенности с последующим постепенным привыканием к своему новому «Я». Судя по одному из интервью, оно может растянуться на несколько десятилетий.

> *Я очень долго не могла к ней привыкнуть. Абсолютно. То есть я даже когда в институт поступала, я совершенно автоматически свою девичью фамилию написала. А когда пришла узнавать свой итог, мне сказали: «Такой фамилии нет». Я говорю: «Как это нет?» Ну начали смотреть, смотреть. Потом уже кому-то пришло в голову: «А как Ваша фамилия до замужества была?» И тогда... нашли. Да вот. Я написала на* [смеется] *свою девичью фамилию... <...> Но сказать, что вот фамилия мужа, вот как бы я к ней прижилась — до сих пор нет. Нет. Конечно, сейчас легче как-то, но все равно вот внутри меня живет мая фамилия девичья как мое родное и близкое, понимаешь?* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-а. Ж., 1940 г.р.).

[189] *Якушева Т.* «Она — мужняя жена» // Корпоративный сайт ГК ФОМ (http://bd.fom.ru/report/cat/famil/of030906 — Дата обращения: 17.04.2017).

Несмотря на подобного рода эффекты, срабатывал принцип «так принято», которому обычно подчинялись как чему-то, может быть, неудобному, но «правильному». И лишь сравнительно немногие шли наперекор:

> *Я не меняла ни имени, ни фамилии, ни пола, ни чего прочего. Даже тогда, когда выходила замуж. Ну вот, в силу такой общей упертости, и из-за такого самосознания. <…> Я вообще, как бы, совершенно не видела в этом никакого смысла. И я и до сих пор не вижу, я как бы — Исаченко, я и чувствую себя — Исаченко. Я не очень понимаю, почему я вдруг…* (Oxf/AHRC-SPb-07, IN Passport PF-01. Ж., 1956 г.р.).

Особая линия перемены имен связана с заменой национального паспортного имени на русифицированный вариант. Дело не только в кириллической графике и русской морфологии паспортного имени, но и в общей ориентации на ассимиляцию с русскоязычным окружением, которая началась, разумеется, не в советское время (ср. хотя бы *Айвазовский* из *Айвазян*). Национальное паспортное имя в реальном общении, особенно в разнородном окружении, нередко вообще не использовалось или «переводилось» на русский. По сведениям Т. Ф. Аристовой, у армян, проживавших на территории Абхазской АССР (данные 1973 г.), «отчества, и притом национальные, существуют главным образом для официальной документации в учреждениях. Однако среди поколения в возрасте до 25–30 лет все больше наблюдаются случаи, когда армянские имена и отчества трансформируются в русские. Родившегося в армянской семье ребенка обычно называют армянским именем, а затем в быту, в школе или в учреждении он приобретает второе, русское, имя, нередко образующееся по созвучию. Так, например, Никохос называется Николаем, Ованес — Ваней, Арташес — Артемом, Сейран — Сергеем и т. п. Армянские женские имена также не лишены процесса трансформации. Дома и в учреждении девушку по имени Нимзар называют Ниной, Астхик — Асей, Мануш — Маней, Ануш — Аней и т. п.»[190]

Аналогичные трансформации имен были характерны и для других национальных традиций: имя Мухаммед менялось на Михаил, Али — на Алексей и т. д.

---

[190] *Аристова Т. Ф.* Трансформация личных имен армянского населения пос. Эшери Сухумского р-на Абхазской АССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 97.

Инф.: *Мою маму называли Дарья Семеновна, никогда Дора не называли.*
Соб.: *А кто ее так называл?*
Инф.: *Все называли.*
Соб.: *Знакомые?*
Инф.: *Да, знакомые. Дарья Семеновна, и всё. И никто и не подозревал, что у нее Дора Залмановна.*
Соб.: *А, то есть она тоже себе такие придумала...*
Инф.: *Она ничего не придумала. Когда пошла после этого, фабзавуча или как он назывался, пошла работать на Калинина завод — как ее, девчонку, звали в шестнадцать лет? Даша. Кто ее там будет звать Дора? И так и пошло. Стала взрослеть — стала Дарья Семеновна, и всё* (Oxf/AHRC-SPb-09 AP Passport PF 16. М., 1931 г.р.).

Растянутый во времени процесс перемены имени представлен в следующем интервью, где переименование вплетено в семейную историю, осложненную изменением национальных ориентаций.

Соб.: *А тебе не встречались ситуации, когда бы человек по своему желанию менял имя, отчество, фамилию?*
Инф.: *Скажем, по своему желанию — нет, а вот по обстоятельствам по семейным — у моего племянника. У него сестра была жената... замужем один раз, сейчас она второй раз замужем. Вот. И первый раз она, будучи замужем первый раз, она назвала первого сына своего Руслан. Потому что у нее муж был аварец. Его назвали Руслан, и отчество, значит, Тимурович. И фамилию она тоже взяла его, была Мирзоева. Потом она вышла замуж, сейчас у нее другая фамилия — Бушуева. Вот. Потом в связи с усыновлением сына — это очень долго, длительная история была очень, вот — они потихонечку, очень хорошо, удачно получилось. Они между собой, сначала в семье мы начали называть, и мы тоже стали — не Руслан,* [а] *Славик. А полное имя — Ярослав. И потом уже по документам уже потихонечку изменяли все-таки на Ярослав.*
Соб.: *А сознательно его стали так называть? Или просто как-то так сложилось — ну мы же склоняем имена?*
Инф.: *Славик? Сознательно. Ну сознательно, чтобы и его и себя уже приучить, что вот не Руслан, а Славик, чтоб было все-таки русское имя. Сначала мы его сначала сами называли. А потом, когда уже потихонечку, и вот получилось, по документам уже тоже поменяли* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 12. Ж., 1969 г.р.).

В приведенных примерах производятся замены на похожие (созвучные) русские имена, но так бывает не всегда.

> *Я только в 5–6 лет узнал, что моего отца зовут не Николай Иванович, а Кашфинур Зарифович. Это было для меня вторым потрясением. Первое — когда обнаружилось, что я не такой, как все, а татарин* (Oxf/AHRC-SPb-16, AB Passport PF 64. M., 1947 г.р.).

Особого внимания заслуживает ситуация с изменением еврейских имен. Обязательность наследственных фамилий и имен для еврейского населения Российской империи была введена Положением о евреях, утвержденным императорским Указом от 9 декабря 1804 г. В статье 32 этого Положения предписывалось: «При сей переписи каждый Еврей должен иметь, или принять известную свою наследственную фамилию, или прозванье, которое и должно уж быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере, или при рождении, мера сия необходима для лучшего устройства их Гражданского состояния, для удобнейшего охранения их собственностей и для разбора тяжб между ними»[191]. Имена фиксировались в той форме, которую сообщал носитель (и под которой его знали окружающие). В результате официальными именами, зафиксированными в документальном виде, стали такие разговорные и сокращенные варианты как *Дося, Зяма, Сёма* и др.

Предполагалось, что в течение двух лет все евреи обретут документные имена и фамилии, но этого не произошло и через 30 лет. Поэтому в следующее Положение о евреях, изданное в 1835 г., вновь включено это требование, но на этот раз его выполнение было возложено на кагальное самоуправление. Звучало это так: «Каждый Еврей должен навсегда сохранять известную наследственную, или же на основании законов принятую фамилию, без перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере, или при рождении»[192].

После роспуска кагалов по закону от 1844 г. наделение евреев именами и фамилиями (только своими) было поручено местным чиновникам, ведущим ревизии: «Каждому еврею, главе семейства,

---

191 ПСЗ. 1. Т. XXVIII. № 21547.

192 ПСЗ. II. Т. X. № 8054.

объявляется, каким именем и прозванием он записан по ревизии, внесен в посемейный и алфавитный списки и должен именоваться в паспортах и во всяких актах…»[193]. Можно представить себе, какой произвол чинили местные чиновники.

До 1850 г. только принятие православия (и шире — христианства) могло быть основанием для перемены имени и фамилии. После закона 1850 г. вплоть до советского времени смена имен и фамилий евреям была запрещена. В советский период имена старались «перевести» в русские аналоги, но при этом «домашнее» имя, как правило, сохранялось, поскольку оно давалось «не просто так», а по умершему родственнику, а иногда и двум. Императив семейной памяти не позволял порвать эти ниточки.

> *Имя — это у евреев очень большое значение имеет. Двойное имя, чтобы не было обид. Мальчика могут наречь по женщине, девочку — по мужчине. В наше время называют не точно тем же именем. Я Ицхак, а по паспорту — Исаак. Имя дают русское, но похожее. Дед Эйнех, внук Геннадий. — Был очень порядочный человек Идл, в честь него сын Юрий. Я же не могу назвать Идл* (АЦИ ЕУ Tul_05_018, VD, SA. M., 1937 г.р.).

Несмотря на то что использование двойных имен не разрешалось, они иногда фиксировались и в паспорте, хотя в быту, естественно, использовалось одно имя.

> *Когда я увидел паспорт своего дедушки, я был сильно потрясен, что там было написано. Ну, там было написано… моего дедушку звали Моисей Соломонович. Там было написано через дефис: «Моисей-Самуил Соломонович». Ну, то есть у него было два имени, причем паспортные столы писали — что нетривиально, или тривиально, я не знаю, в… как бы сказать, в полной библейской… русской библейской форме. То есть он был… вообще, мой дедушка был назван в честь, естественно, своего прапрадедушки, который был Шмул-Мовше. Но там было написано: «Самуил-Моисей Соломонович». Но сочетание двойного имени, причем теперь по-русски, с отчеством, выглядело несколько пугающе* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF 08. M., 1959 г.р.).

По мнению С. Николаевой и С. Амосовой, предпринявших специальное исследование практик перемены имен у евреев Подолии

---

[193] ПСЗ. II. Т. XIX № 18546.

и Буковины, причины изменения имен их информантов достаточно очевидны: «Чаще всего они говорят, что имена меняли, потому что они воспринимаются как “слишком еврейские”, и приводят похожие случаи смены имени: “Отца звали по документам Менахем, но называли Михаилом, так как он жил, учился в России, лучше знал русскую литературу, чем еврейскую, был обрусевший еврей. Евреи в советское время старались, чтоб их называли по-русски: это закон приспособления к окружающей среде. Это не только евреи»[194].

Для евреев этот «закон приспособления» особенно актуален. Имя почти однозначно указывало на национальную принадлежность, а ксенофобский фон в той или иной мере всегда присутствовал[195]. В этой связи показателен небольшой фрагмент из рассказа Иосифа Гальперина о жизни человека с еврейским именем в послевоенное время.

> Говоря о росте личности внутри имени, я не сказал о другом — перпендикулярном — процессе. О привыкании к нему, освоении, признании его своим. Сначала мешала экзотичность — по сравнению с окружающим, дворовым. До зрелости любой Вася, Петя, Ваня казался более естественным, более привязанным к действительности, чем я. А потом и Фарид, Рамиль, даже Фягим — но еще и с оттенком общей с ним и некоторой отдельности, примыкания, коалиции слабых, сплоченности меньшинств. Антисемитизм воспринимался более абстрактно, чем это мгновенное ощущение, которое возникало при назывании меня по имени любым посторонним человеком. Хотя, конечно, естественный радиоактивный фон антисемитизма сказывался и на отношении к имени. Ксенофобски подстраиваясь к среде, я себя воспринимал таким же, как любые все. Только с чужеродным именем. Возможно, еще и потому, что среди моих героев поначалу вовсе не было евреев. Были герои Эллады — Геракл, Язон, Антей. Только потом я сообразил, что и отец, и дядя Йосик, и дядя Мирон не только воевали, как все знакомые мне взрослые, но и имеют особый счет к Гитлеру. Как и мама, вспоминавшая своих одноклассников, полегших в Бабьем Яре. И уже потом найденная среди рухляди книга о героях восстания в варшавском гетто, книга, пылившаяся в стороне от остальных, потому что была

---

[194] *Амосова С., Николаева С.* Практики перемены имен у евреев Подолии и Буковины // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2010. С. 267.

[195] О переводе антропонимического кода в национальный см.: *Салмон Л.* Русско-еврейская антропонимика: от ономастики к истории // Russian Studies. Saint-Petersburg, 1996. Vol. II. N 3. C. 175–203.

запрещена вскоре после издания, заставила меня хоть немного гордиться своей принадлежностью к евреям. Впрочем, само слово это долго казалось оскорбительным. Как «жид»[196].

Разумеется, рефлексия над своим именем и самоощущением не всегда и не у всех была столь глубокой. Перемена имени чаще мотивировалась соображениями удобства, причем, как правило, это находило понимание у окружающих.

> *Ну, вот у меня есть знакомая, ей 85 лет, подруга моей тетки, вот, ее в жизни все зовут Анна Ефимовна, всю жизнь. Она детский врач, и совсем недавно перестала работать, и для больных, и для сотрудников — она Анна Ефимовна. А на самом-то деле у нее разве что одна буква какая-нибудь совпадает с ее подлинным именем. Еще там ведь там давали в старых семьях, традиционных еврейских, несколько имен. Понимаете, конечно, это очень тяжело жить с таким именем* (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-25. Ж. служащая, пенсионерка, 1938 г.р.).

Общая ассимиляционная стратегия не встречала противодействия и со стороны властных структур даже самого низкого уровня, которых столь «сложные» имена только раздражали. Можно сказать, что стремление «сделать все как у людей» нередко было обоюдным.

Инф.: *Когда отец получал паспорт, ему вот и поста… «Какие, у нас какие две фамилии, — ему сказали. — Вот тебе, молодой парень, паспорт, будешь Фуксов Илья Михайлович». А фактически он не Илья Михайлович, а фактически Фукс Елефайвл Менделевич. Стал Илья Михайлович. <…>*
Соб.: *А у управдома-то он как был записан — правильно или нет?*
Инф.: *Правильно было. Елефайвл он был записан Менделевич. А когда получал паспорт — «Голову сломали ж с твоими там со всеми этими», — девочка там была в паспортном столе, в милиции.*
Соб.: *Но это до войны еще?*
Инф.: *Конечно он паспорт получил до войны.*
(Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 10. М., 1931 г.р.).

Разумеется, ассимиляционная стратегия — не единственная. Имя может неадекватно восприниматься окружающими, и этого

---

[196] *Гальперин И.* Имя собственное // Нева. 2008. № 4 (http://magazines.russ.ru/neva/2008/4/ga10.html — Дата обращения: 17.04.2017).

вполне достаточно для его смены. Например, довольно распространенное еврейское имя *Сруль* могло меняться не только на «русские» *Сергей* или *Александр,* но и на идентифицируемое как еврейское имя *Семен*. Либо при замене того же имени оставляли прежнее отчество и фамилию, например: *Скальруд Сруль Шулимович — Скальруд Александр Шулимович*[197].

Особенно много изменений еврейских имен приходится на 60-е гг. А уже в 70-е гг. начался обратный процесс: в связи с возможностью выезда в Израиль новые имена меняли на прежние. Старое имя должно было подтвердить национальную идентичность. Причем это оставалось актуальным и много позже. Вот запись 2006 г. от мужчины 1924 г.р.

Инф.: *Теперь уже трудно поехать в Израиль. Или в Америку, или в Германию. Нам было привилегия, что еврей, пишется еврей. А сейчас перекрыли кислород* (имеется в виду отсутствие графы «национальность» в новом паспорте. — *А. Б.*). *Но доказательства у меня есть. Есть, так что я в этом не переживаю. Но…*
Соб.: *Доказательства, Вы имеете в виду, что?*
Инф.: [Усмехается] *То не помогает* (обрезание — *А. Б.*).
Соб.: *Не помогает?*
Инф.: *То не помогает. Надо метрику. Старый паспорт у меня был, там было написано. Я сдал его, многие не сдавали. А я … зачем мне нужен? Я ж не думал, что… В общем, есть дочкина метрика. Там написано папа-мама евреи. Фамилия наша с женой <…> Ее метрика* (АЦИ ЕУ Bal_06_20a AS, МН. М., 1924 г.р.).

С окончанием советской эпохи возвращение прежних имен стало наблюдаться и в других национальных традициях[198].

---

197 Отдел регистрации актов гражданского состояния г. Могилева-Подольского. Соб.: С. Амосова, С. Николаева.

198 Ср.: «За годы советской власти круг заимствованных имен значительно расширился. Появились у ненцев такие имена как Зоя, Майя, Нина, Октябрина, Светлана и др. Этот процесс коснулся и жителей восточных районов. Особенно широко заменяются ненецкие имена заимствованными от русских в школах (Еля — Елена и др.). Однако наблюдается и обратная тенденция. В последние годы среди части молодежи п-ова Ямал отмечается стремление ввести в официальную жизнь свои национальные имена» (*Терещенко Г. М.* Ненцы // Имена народов мира (http://www.andein.ru/articles/inm_nency.html — Дата обращения: 17.04.2017)). Такое мнение само по себе очень показательно, хотя картина функционирования имен у ненцев, видимо, сложнее. По мнению Е. В. Лярской, русские имена не вытеснили ненецкие, а использовались параллельно с ними. «Массовому распространению русских имен, в частности, способствовало не только обыкновение русских переименовывать коренное население и

В советское время основная идея антропонимики заключалась в том, что имя является социальным знаком (работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской и др. вплоть до Б. Унбегауна). При этом «социальность» понималась в буквальном смысле, как принадлежность к тому или иному социальному слою. Эта идея вполне актуальна применительно к предшествующим периодам какого-то одного именника (например, русских имен и фамилий), но как раз по отношению к советской антропонимической системе она не очень продуктивна. Действительно, в XIX в. такие имена как *Фекла, Акулина, Агафон* вполне однозначно указывали на принадлежность их владельцев к простолюдинам, а фамилии *Троицкий, Архангельский* — на духовенство. А на какую социальную страту указывали имена *Людмила, Галина, Сергей, Александр* в советское время? В стране «социального равенства» эти имена могли носить и рабочие, и колхозники, и служащие. В пределах общего культурного узуса перемена имени подчинялась в основном вкусовым предпочтениям. При совмещении разных культурных традиций более значимым становилось выражение национальной принадлежности, которое в советское время пришло на смену вероисповеданию и сословному статусу — причем своим именам старались подобрать русские аналоги даже тогда, когда имя официально не менялось. В таких случаях русское имя использовалось наряду с паспортным и выбор происходил в зависимости от контекста. Но вообще говоря, это не перемена имени, а применение тактики двойного именования.

Что же касается перемены официального имени, за всеми этими случаями так или иначе просматривается идея несоответствия имени человеку: носителей не устраивало официальное имя, их актуальное самосознание не соответствовало паспортной идентичности и они старались использовать доступные возможности для того, чтобы снять возникшее напряжение. В результате перемена имени стала рассматриваться в качестве способа полной «переуста-

---

желание ненцев, в свою очередь, иметь “подходящие” имена для общения с русскими, но и особенности существующей у этого народа системы имен и обращений, при которой сфера использования имени взрослого человека стремится к максимальному сокращению (имя не является обращением и крайне редко произносится вслух). Поскольку во время постоянных контактов с русскими от имени требовалось выполнение новых функций, не свойственных ранее ненецкой системе, то последняя неизбежно должна была каким-то образом трансформироваться. Произошло это за счет широкого внедрения русских имен» (*Лярская Е. В.* Современное состояние системы личных имен у ямальских ненцев // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. Вып. 2. СПб., 2002. С. 122).

новки» своей идентичности с целью изменить свою жизнь, судьбу. Пожалуй, приведенные в начале раздела слова С. Булгакова о переименовании как «изменении не темы, но типа, характера развития» более всего подходят к таким случаям.

«Чистый» паспорт

Официальные правила паспортной системы породили различные схемы их преодоления. *Чистым* назывался паспорт без ограничительных записей, наличие которых не давало возможности проживать в местностях, отнесенных к категории режимных. Обладание чистым паспортом позволяло владельцу не только прописаться, но и уйти от особого контроля над его жизнью и особенно — за передвижениями. Если получить чистый паспорт легальным путем не представлялось возможным, прибегали к разного рода полулегальным и нелегальным схемам.

Интересным материалом для рассмотрения этих схем являются записки начальника паспортного стола Управления милиции УМВД Одесской области капитана милиции Семенова, названные им «Мои взгляды на некоторые виды работ системы МВД СССР». Капитан Семенов имел 10-летний опыт работы в паспортной службе, и им двигало желание усовершенствовать систему контроля над «сомнительными элементами», показав ее слабые места[199]. Как он отмечал, в результате войны появились категории населения, которые требуют особого контроля и учета. К их числу относились репатрианты; призванные в армию, а затем демобилизованные бывшие заключенные; освобожденные по амнистии; находившиеся в плену и окружении; сосланные представители депортированных народов. Все эти категории состояли на особом учете, но капитана Семенова беспокоили сбои в действующей информационной системе.

В частности, те, кто освободился из лагерей и отслужил в армии, могли получить паспорт по военному билету, а не по справке об

---

[199] К сожалению, текст записок остался недоступным. Соображения Семенова излагаются по материалам передачи радио Свобода 19.04.2008, участниками которой были Ольга Эдельман и Владимир Тольц. «1947: Советская паспортная система и милиционер Семенов» (http://www.svoboda.org/content/transcript/445684.html — Дата обращения: 17.04.2017).

освобождении. В таком случае они получали чистый паспорт без отметки о судимости, и их не ставили на спецучет. Оставалось только надеяться на то, что человек сам сообщит о судимости, боясь разоблачений, — настолько велик был страх перед тотальной слежкой, хотя такие случаи практически невозможно было выявить.

Еще одна схема в изложении Ольги Эдельман:

> В графе 8 паспорта полагалось указывать, на основании какого документа он выдан. При перемене паспорта формально получается, что новый паспорт выдан на основании старого и все нехорошие отметки остались в старом. Или можно взять тот паспорт, который не был изъят при аресте, тогда милиция запросит то отделение, которое этот паспорт выдало. Но если выдан паспорт в пункте А, посадили человека в пункте Б, а теперь он в пункте В — то запрос из пункта В пойдет в пункт А, а там никаких сведений о его аресте нет. Они спокойно подтвердят, что да, существовал такой паспорт. И даже подделывать ничего не нужно, и закон, строго говоря, никто при этом не нарушает.[200]

Комментарий Владимира Тольца:

> Это как в анекдоте про Рабиновича, который меняет фамилию на Иванов, а потом на Петров. Чтобы когда спросят, какая была прежняя фамилия, отвечать: Иванов. Тут, Оля, важно сказать, что простота этих уловок — следствие не столько несовершенного учета, сколько государственного лицемерия. Ведь надо было делать вид, что СССР — свободная страна, уважающая права граждан. Поэтому нельзя было просто завести в паспорте специальную графу и там писать: «был судим тогда-то по такой-то статье», и прочий компромат. Эти записи делались завуалированно — ссылка на пункт ведомственной инструкции, которую граждане не читали, потому что она была секретной. Все лукавили и все друг друга норовили обмануть — государство граждан, а граждане, которые похитрей и поопытней, — государство. Думаю, в лагерях бывалые сидельцы растолковывали эти приемы более молодым и наивным.

Владимир Тольц справедливо отметил лицемерие властей в отношении «зашифрованных» записей в паспорте. Никто из вла-

---

200 О проблемах учета и регистрации, связанных с переменой места жительства, см.: *Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. N 4 (December). P. 869.

дельцев подобных паспортов точно не знал, что они означают, но всем было понятно, что документ с записью «Выдан на основании статьи…» является своего рода волчьим билетом, и люди старались всеми доступными способами получить паспорт без такой записи.

Из Записок капитана Семенова:

> Репатриированным по возвращению в СССР к месту определенного им жительства в первое время выдавались на жительство спецудостоверения, в которых указывалось их действие только в пределах определенной местности. В последующем этот вид документа был отменен, и теперь выдаются временные удостоверения единого образца (временный паспорт), в котором также указывается его действие только в пределах определенной местности. После окончания фильтрации и спецпроверки репатриированным лицам эти временные удостоверения обмениваются на установленный общегражданского вида паспорт, в котором уже никаких отметок не делается. В результате, примерно до 6-ти месячного срока репатриированные лица обязываются проживать в определенной им местности, т. е. там, куда поступил на него компрометирующий материал. По истечении этого срока репатриированные лица, получив паспорта без каких-либо отметок, меняют место своего жительства по своему выбору, и так как, еще раз обращаю ваше внимание, в паспорте не имеется никаких записей, свидетельствующих о проживании за границей, то это по новому месту его жительства для наших органов становится неизвестным, и они ускользают от учета. Лица, находившиеся в плену и в окружении врага, в значительной части своей были призваны в части Советской Армии и после получали паспорта, в которых, конечно, никаких записей, свидетельствующих о их нахождении в плену и в окружении врага, не имеется. Даже те, которые находились в лагерях (подвергавшиеся фильтрации и проверке), получили паспорта и по истечении срока их действия заменили, то и в этом случае следы этого потеряны, так как в графе 8 паспорта документом, послужившим выдаче паспорта, указывается паспорт, представленный к обмену.

Учету людей, находившихся на оккупированных территориях, способствовало то обстоятельство, что в их паспорта в графе 8 ставилась отметка: «Паспорт выдан на основании ст. 14 Положения о паспортах». С такой отметкой паспорт прописывали только на этой территории. Однако вскоре отметка была отменена, и капитана Семенова беспокоило, что эти люди, получив чистые паспорта, уйдут из-под контроля. Еще одна категория людей, учет которых,

по его мнению, был поставлен недостаточно строго, — представители сосланных народов:

> При высылке и переселении ... ограничительные записи в свое время производились в паспортах по-разному. Одним из них в паспортах перечеркивался штамп прописки и учинялась запись, дающая им право проживать только в определенной местности, у других отбирались паспорта и выдавались справки, в которых также указывалось место поселения. Поскольку эти лица находятся в условиях вольного поселения, то со стороны их наблюдаются, если редкие факты самовольной перемены местожительства, то разъезды по территории СССР по разным причинам — чаще. Этим лицам не только беспрепятственно удается разъезжать по территории СССР, но и могут получить паспорт взамен якобы утерянного или украденного.

Комментарий Ольги Эдельман:

> Как видите, учет всех категорий этих лиц страдает одним и тем же основным недостатком, заключающимся в том, что учеты эти прекращаются и органически разорваны — т. е. учтенные лица проживают в одной местности, а учетные материалы на них находятся в другой местности, причем даже в этих материалах не отражается местонахождение учтенных лиц.

Наконец, преступные элементы, скрывающиеся от суда и следствия, могли затеряться в сельских местностях, где не выдавались паспорта и учет был поставлен гораздо хуже, чем на паспортизированных территориях. По словам Ольги Эдельман, капитан Семенов предлагал «ввести некую систему, чтобы вслед за перемещениями человека милицией пересылалась специальная карточка-паспорт, в которой собиралась бы вся информация о нем: один экземпляр — в отделении милиции по месту жительства, другой — в централизованной картотеке. Семенов доказывал, что его система не только более эффективная, но даже и более компактная, чем та, что существует».

Разумеется, изложенные Семеновым приемы далеко не исчерпывали весь арсенал возможных действий бывших заключенных. Кроме того, Семенов изложил относительно сложные схемы. Чаще прибегали к подделке паспорта или необходимых справок. Как отмечает Натали Муан, «подделка документов или благодушие ка-

кого-нибудь служащего — вот два выхода, чтобы положить конец скитаниям»[201]. Кроме того, могло случиться неожиданное везение. Разумеется, на это мало кто рассчитывал. Иванов-Разумник рассказывает о таком случае:

> К середине мая 1936 года я «добровольно» вернулся в Саратов, чтобы провести там (надо же было где-нибудь проводить!) лето, а заодно получить и паспорт, вместо волчьего билета[202]. Теперь у меня была с собой метрика, а также «справка» от ленинградского отделения Союза писателей, что «предъявитель сего, имярек, действительно является профессиональным литератором». Вооруженный этими документами, я, наконец, мог получить от саратовской милиции паспорт, в котором место «человека без определенных занятий» заменил «служащий писатель». На мое замечание паспортистке, что «служащим» я никогда не был — получил убежденный ответ: «В нашей стране есть лишь два класса — либо служащие, либо рабочие»... Как быстро, однако, приближаемся мы к бесклассовому обществу!
>
> Однако паспортистка эта оказала мне большую услугу, за которую хочу помянуть здесь эту девицу добрым словом. Когда я подал ей в окошечко свой волчий билет, она меня спросила:
>
> — Почему вам был выдан временный вид на жительство?
>
> — Потому что у меня тогда не было нужных документов.
>
> — А теперь есть?
>
> — Теперь есть. Вот метрика, вот справка о профессии.
>
> — Подождите немного.
>
> Взяла документы и захлопнула окошечко. Минут через десять оно снова открылось и девица вручила мне паспорт, сроком на пять лет, пожелав всего хорошего и обменявшись со мной репликой по поводу «служащего-писателя». Когда я, вернувшись домой, стал рассматривать паспорт, каково было мое приятное удивление:

---

201 *Муан Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 272.

202 По словам Иванова-Разумника, «В таких паспортах, выдававшихся всем нам по окончании срока ссылки или лагеря, в пункте “На основании каких документов выдан паспорт” — значилось: “На основании справки НКВД за номером таким-то”. Это и было тем самым волчьим клеймом, по которому нас легко узнавали в любом месте прописки.<...> . О. Г. Крогиус получила волчий паспорт с клеймом “ОМЗ”, что означает, что-де она отбыла наказание в “местах заключения”, — в которых она никогда не была. Это в буквальном смысле фальшивый паспорт, — и ничего нельзя поделать!» (*Иванов-Разумник*. Тюрьмы и ссылки // TheLib.ru (http://thelib.ru/books/ivanov_razumnik_r/tyurmy_i_ssylki-read-16.html — Дата обращения: 17.04.2017).

в графе «на основании каких документов выдан паспорт», вместо сакраментального и закрывающего все двери: «на основании справки НКВД», стояло просто — «на основании метрического свидетельства за No 5632». Я готов был расцеловать милую паспортистку за такое непростительное с ее стороны служебное упущение.

Месяца через три, в палящий августовский день, поехали мы с Д. П. Коробовым на пляж, переполненный сотнями мужчин, женщин и детей в купальных костюмах. Мы спустились в самый конец пляжа, где народа было мало. Д. П. Коробов остался сторожить наше платье, а я пошел по пляжу далеко вверх по течению, чтобы потом сама вода понесла меня вниз, на расстоянии с добрую версту. Когда я среди толпы купальщиков вошел в почти парную воду, за мной вошла какая-то тоненькая блондинка с кудряшками и отдалась течению по середине реки рядом со мной.

— А я вас знаю, — сказала она.

— А я вас что-то не признаю, — ответил я.

— Вы живете на Чернышевской улице рядом с усадьбой Чернышевского.

— Верно.

— А я живу рядом, на Бабушкином взвозе. Вы писатель.

— Тоже верно.

— Вас зовут (она назвала меня).

— Опять-таки верно.

— А моя фамилия (она назвала себя). Значит, вы все-таки не хотите меня признать.

— Простите, не вспомню.

— Какой же вы неблагодарный человек! А кто вам выдал весной этого года чистый паспорт?

— Как!

— Ну, да. Я паспортистка третьего отделения милиции...

Значит, с ее стороны это не было служебным упущением, не было ошибкой, а было сознательным добрым делом — избавить бывшего ссыльного от волчьего паспорта! <...> И вот я — вольный советский гражданин! У меня — «чистый паспорт!» Могу ехать — куда мне угодно, могу жить — где мне угодно... [203]

В основе большинства рассмотренных схем получения «чистого» паспорта — смена документов. Не случайно столь распростра-

[203] *Иванов-Разумник*. Тюрьмы и ссылки // TheLib.ru (http://thelib.ru/books/ivanov_razumnik_r/tyurmy_i_ssylki-read-16.html — Дата обращения: 17.04.2017).

нены были намеренные «утери» паспортов. Каждая замена давала шанс изменить паспортные данные. Кроме ограничительных записей в графе 8, чаще всего стремились изменить имя, год рождения, национальность, отношение к воинской службе.

С введением отметок о браке, разводе и алиментах представления о «чистоте» паспорта распространились и на них. Наличие таких отметок — специфическая особенность советского паспорта. Личная жизнь становилась публичным достоянием. Информант 1963 г.р. вспоминает о том, как был потрясен его британский коллега, когда узнал об этих отметках, и продолжает:

> *Вот в паспорте какой-то факт биографии, ты предъявляешь этот паспорт кому угодно, и он уже знает нечто, что у тебя происходит в жизни. И, кстати, в паспортных столах эта традиция, видимо, играла свою роль, потому что до перемены паспортов вот несколько лет тому назад, когда я бывал все-таки в паспортном столе, паспортистки смотрят на тебя с большим интересом. Потому что они имеют некоторое представление о том, как течет твоя жизнь* (Oxf/AHRC SPb-08, CK Passport PF18. M., 1963 г.р.).

«Штамп в паспорте» (отметка о браке) для женщин мог быть предметом гордости, а для мужчин — либо ничего не значащей записью, либо клеймом, которое нужно скрывать при знакомстве с другими женщинами. Ср. о различном отношении к записи о браке мужчины и женщины:

Соб.: *А когда вы женились, вам было важно, что это в паспорт внесено? Не просто официально и есть свидетельство о браке, а что это именно в паспорте, это принципиально?*

Инф. 1: *Да нет, я как-то, я как-то совершенно к этому безразлично как-то к этому отношусь. Это... мне это как-то это даже вот... я абсолютно никакого значения этому не придавал. Ровно настолько поскольку.*

Инф. 2: *А для меня было очень важно. Да. Я этим гордилась. Видите, разное восприятие как. Во-первых, женщина — мужчина, гуманитарий и... Мне так кажется. Нет, а для меня было очень важно, очень* (Oxf/AHRC-SPb-08 АП Passport PF-35. Инф. 1 M., 1939 г.р.; Инф. 2 Ж., 1946 г.р.).

Наличие в паспорте отметок о семейном положении давало возможность получить необходимые сведения о предшествующей

жизни малознакомого партнера, чем, как выясняется, активно пользовались:

> Мне *понравился, например, мужчина, он за тобой ухаживает: «А ну, покажи паспорт».*

Соб.: *То есть это было нормально спросить?*

Инф.: *Да, это было нормально. Совершенно нормально, да. Потому что там и дети были записаны, и жена, а он… Все в командировках были холостые…* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

Показательны рассуждения женщины 1951 г. р., у которой в паспорте был штамп о разводе. При обмене ее паспорта паспортистка предложила:

> *«Хотите — я Вам поставлю вот печать о разводе. Если хотите — там будет чисто». — «Пусть будет чисто. Зачем мне печать?»* <…> *То есть, вот у меня сейчас паспорт чистый. У меня там не вписана дочка, не вписана, потому что она уж совершеннолетняя. Вот. И там у меня нет печати о разводе. О… о регистрации и разводе — нет печати. У меня чисто в паспорте. Я помню, дочка посмеялась: «Ну вот, — говорит, — теперь можешь выходить замуж. Как первый раз»* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-14. Ж., 1951 г.р.).

Старались избавиться даже от паспорта, в котором большое количество отметок о работе — это свидетельствовало о том, что человек является «летуном», а таких неохотно брали на новую работу.

> *Некоторые открывали паспорт, а у него — тю, тю, тю, тю, тю!* <…> *Поэтому старались заменить, терять* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-15. Ж., 1933 г.р.).

Даже большое количество таких отметок, как прописка, расценивалось отрицательно. «Чистый» паспорт должен был содержать минимально необходимый набор отметок и записей, поскольку все «лишние» отметки предоставляли внешнему взгляду дополнительную информацию, которую владелец паспорта предпочел бы не раскрывать.

Фиктивный брак

Фиктивный брак определяется как юридически оформленный брак без намерения создать семью[204]. Он известен в России с середины XIX в. в контексте женской эмансипации[205]. В советском контексте этот институт приобрел другие функции. В послереволюционное время он давал возможность «бывшим» изменить фамилию и тем самым уменьшить внимание к своей персоне, что давало возможность адаптироваться к новым условиям[206]. С введением паспортной системы он стал одним из способов получения прописки в крупном городе. Не случайно фиктивный брак стал называться в советское время «средством передвижения»:

Соб.: *А вот еще какие-то случаи фиктивных браков Вам известны?*
Инф.: *Фиктивных? Ну, это есть, конечно. Ну, господи! «Средство передвижения»* (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-25. Ж., 1938 г.р.).

Получение прописки с целью «зацепиться» за Москву или Ленинград — постоянный мотив в историях о фиктивном браке.

Инф. 1: *Из-за прописки московской, ведь очень было трудно прописаться в Москве.*
Инф. 2: *Да, да.*
Соб.: *А так вышел замуж, женился, да, получил прописку?*
Инф. 1: *Да. Прописался к жене, а потом можно в Москве как-то пристроиться, прописка есть — и на работу. И все* (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39 Инф. 1. Ж., 1939 г.р.; инф. 2 Ж., 1940 г.р.).

Каждый случай применения такого способа преодоления паспортных барьеров по-своему уникален, но в основе лежало стремление обойти основное препятствие на пути свободной миграции и социальной мобильности — правила прописки.

> *Ну, вот, у меня эта приятельница, которая была замужем за военным, она здесь потеряла прописку и уехала с ним на Камчатку служить с двумя детьми. И там через два года развелись.*

---

204 Большой юридический словарь / В. Н. Додонов и др. М., 2001. С. 587.

205 Например, брак Лопухова и Веры Павловны в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать».

206 *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе… С. 83–84.

> *Она приехала без прописки ленинградской — не устроиться на работу. <…> И поэтому они, да, такой был случай, она заключила фиктивный брак с одним из своих приятелей для того только, чтобы получить прописку у мамы у своей, не то что там жилплощадь, просто прописку. Ее прописали к ее маме, и она устроилась, хотя она была инженер, она устроилась работать дворником, чтоб получить какое-то жилье. Так вот. А потом этот брак аннулировали, она получила прописку — и все. <…> В этом плане было все очень несправедливо, я считаю. Несправедливо, потому что человек поехал, отработал три года, да? Там, где-то, отдал, так сказать, долг свой. Кто-то захотел — остался, а если ты не хочешь, то ты должен вернуться, иметь возможность вернуться обратно. Это было запрещено. <…> Пришлось на всякие уловки идти, на всякие фиктивные браки* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-45. Ж., 1945 г.р.).

Распространению этого обходного маневра способствовало и то обстоятельство, что фиктивность оформления брачных отношений является прежде всего оценкой самих договаривающихся сторон и поэтому установить ее крайне сложно. Кроме того, фиктивный брак не влек за собой уголовного наказания. Он мог быть лишь признан по суду недействительным[207]. Поэтому фиктивный брак нередко использовался и для решения пресловутого «квартирного вопроса» (расширения жилплощади).

> Но *таких случаев очень много. Для распределения площади. Вот раньше получали площадь, например. Вот я получаю квартиру… у меня сын не женат. Мне чтобы это… побольше площадь дали, квартиру, например, надо было или взятку дать или еще что-то. И я — фиктивный брак, пошел, зарегистрировался — всё. Уже дают площадь* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

Вариантов использования фиктивного брака в этих целях было множество. Вот еще один, немного более сложный:

> …У *меня, например, приятель мой развелся с женой. Она фиктивно вышла замуж за своего знакомого. А тот знакомый про-*

[207] Если партнеры, вступившие в фиктивные брачные отношения, создали семью, такой брак не может быть признан фиктивным.

> *писался к ним. Получилось меньше шести метров* [квадратных на человека]. *Этот знакомый купил себе квартиру в ЖСК и дал им денег на Волгу. И потом они тоже развелись, она развелась с этим знакомым и снова за своего мужа вышла замуж* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF-10. М., 1931 г.р.).

Фиктивный брак использовался не только для получения прописки и решения квартирного вопроса, но и для достижения других целей — например, для эмиграции. В таком случае существовали варианты «выйти замуж за иностранца / жениться на иностранке».

Инф.: *У меня даже есть, среди моих знакомых, таких парочку людей, которые по разным, так сказать, поводам вступали в фиктивный брак. <...> Ну в одной семье это было связано как-то с жильем <...> и с пропиской. Такой наиболее банальный, конечно, <...> случай. А в другой семье это было связано с отъездом за границу. <...> В общем, дама хотела уехать, и вот она, так сказать. <...> И уехав туда, они там и разошлись через какое-то время* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-04. Ж., 1945 г.р.).

Следует также иметь в виду, что не состоящих в браке неохотно выпускали за границу. В этом пункте советские требования неожиданно сходились с предпочтениями консульских служб иностранных государств, о чем, конечно, было хорошо известно. Другими словами, шансы выехать за границу были существенно выше для состоящих в официальном браке.

> *... а так фиктивный брак — куда-то за границу едут если. Тоже бывает такое. Сделали и поехали. Хотя не живут. <...> Потом когда Женька уезжала, так туда... они развелись, а туда* [в Америку] *брали только женатых. И вот он со своей женой снова сошелся. И она уехала туда. А фактически потом я не знаю, как у них кончилось. Развелись они — не развелись. Наверное, развелись. Вот вам фиктивные браки* (Oxf/AHRC-Evpatorija-08, Passport PF-06. Ж., 1934 г.р.).

Наконец, фиктивный брак применялся и для успешного построения карьеры. Советский начальник должен был состоять в браке — по негласным канонам для руководящих работников требовался полный, а не усеченный жизненный сценарий. Иными словами, пребывание в брачном статусе считалось необходимым условием для успешного разрешения многих жизненных коллизий.

О распространенности фиктивных браков (особенно в Москве и Ленинграде) было хорошо известно. Это явление регулярно освещалось в прессе с необходимыми в таких случаях стилистическими особенностями. Приведу отрывок из одной такой статьи:

> Нет-нет да и появляется в печати старое забытое выражение «брачный аферист», которое навсегда должно уйти в прошлое. Согласно советским законам брак — это добровольный союз женщины и мужчины, основанный на свободных от материальных расчетов чувствах, взаимной любви, дружбе и уважении. К сожалению, в юридической практике встречаются случаи заключения брака с корыстными целями: приобретение права на жилую площадь, прописку, пенсию, уклонения от распределения после окончания высшего или среднего учебного заведения и т. д. Так, гражданка Кротова 1927 года рождения вступила в брак с гражданином Блиновым 1895 года рождения, и через 19 дней после регистрации прописалась и поселилась в двухкомнатной квартире, нанимателем которой являлся Блинов. А уже через месяц после этого «радостного события» он обратился в суд с иском о признании брака недействительным, так как новобрачная перестала о нем заботиться, не оказывала помощи, в которой он нуждался по возрасту и состоянию здоровья, устраивала скандалы, в результате которых он вынужден уйти и поселиться у своей сестры. Заслушав дело, народный суд пришел к выводу, что со стороны Кротовой брак был заключен не с целью создания семьи, а лишь для завладения его двухкомнатной квартирой, и своим решением признал данный брак недействительным. Вот другой случай. Гражданин Галанин, проживавший в городе Майкопе, вступил в брак с гражданкой Савельевой, проживавшей в Ленинграде, и поселился на ее жилой площади. Меньше чем через два месяца Савельева обратилась в суд с иском о расторжении брака. И народный суд удовлетворил иск. Однако по протесту прокурора решение было отменено. При новом рассмотрении суд установил, что прописав на свое жилплощади «мужа», Савельева выехала на другое постоянное место жительства. Семьи эти люди не создали, брак между ними был заключен с одной-единственной целью — совершить сделку с пропиской, не безвозмездно, разумеется. Так по иску прокурора народный суд признал брак, заключенный между Савельевой и Галаниным, недействительным.

И в заключение статьи выводится мораль: «Добро не может восторжествовать за счет зла, причиненного хотя бы одному человеку. А люди, вступающие в брак по расчету, преследующие ко-

рыстные цели, обманывающие государство, естественно, достойны осуждения и непременно будут нести ответственность за нарушение закона»[208].

Фиктивный брак стал одним из наиболее распространенных способов получения прописки, а вместе с ней и других перспектив в обход паспортных правил. Этому способствовало то обстоятельство, что механизм преодоления запретов переносился в приватную, слабо контролируемую государством сферу. К тому же фиктивный брак не считался уголовно наказуемым деянием — все происходило почти в рамках закона. «Обман государства» воспринимался скорее как риторическая фигура, чем как реальное нарушение закона; как своего рода естественный ответ на установления государства, как конструирование своих, приемлемых для жизни правил.

Утеря. Без паспорта

> …Величие и власть паспорта ни в чем не проявляют себя так впечатляюще, как в его отсутствии.
>
> *Борис Хазанов. Сага о паспорте*

С детства внушалось, что паспорт — нечто настолько важное, что он не может быть потерян.

> …*Идея о том, что бывает паспорт и это такой самый важный документ, который нельзя терять, — ну к 10 годам точно была* (Oxf/AHRC-SPb-07, AKas. Passport PF 07. Ж., 1984 г.р.).

Несмотря на все усвоенные с детства внушения и предосторожности, паспорта терялись. Утеря паспорта означала, что административные органы на какое-то время перестают «видеть» гражданина, а сам гражданин не может жить полноценной социальной жизнью. Как пишет Борис Хазанов, «человек без паспорта <…> — это как бы уже вовсе не человек. Его имя ничем не подтверждено, его происхождение никак не удостоверено. У него нет возраста, нет профессии, нет национальности, нет даже пола — как если бы у него не было полового члена. Он никто — вот он кто. Отсутствие

---

[208] *Слабак А.* (член городского суда). Брак и прописка // Вечерний Ленинград. 1983. 13 апр. № 85 (16975). С. 2.

паспорта не только не восполняется другими бумагами — справками, удостоверениями, свидетельствами, членскими билетами и аттестатами, — но, напротив, делает обладание ими подозрительным и преступным»[209].

При этом система функционирует таким образом, что забота о возобновлении контроля возложена на самого владельца паспорта:

> При утрате или похищении паспорта владелец обязан немедленно заявить об этом в местное отделение РК милиции, одновременно представив одну фотокарточку и выписку из домовой книги с указанием серии, № паспорта, кем, когда и кому таковой был выдан. На основании полученных сведений принимаются меры к установлению личности заявителя и факта наличия у него паспорта до утраты. Если будет установлено, что утрата или хищение произошли вследствие небрежного его хранения, налагается штраф до 100 руб. <...> Если утраченный паспорт выдавался в одном отделении РК милиции, а фотокарточка в другом — посылаются два запроса. По месту наклейки фото — с приложением фотокарточки для подтверждения личности заявителя. В выдаваемом вновь паспорте в графе 8 записывается: «взамен утраченного» или «взамен утраченного повторно (в третий раз)»[210].

Понятие «утраты» подробно описывается в Инструкции 1953 г.:

> Под утратой понимается:
> а) потеря или уничтожение в результате небрежного хранения;
> б) потеря или уничтожение при несчастных случаях, стихийных бедствиях или других аналогичных обстоятельствах;
> в) хищение паспорта у владельца при краже (карманной, из квартиры и т. п.), грабеже или других преступлениях[211].

Во всех перечисленных случаях в то отделение, где был выдан паспорт, направляется запрос с приложением фото. Ответ должен быть в течение 48 часов. Если в результате проверки будет установ-

---

[209] *Хазанов Б.* Сага о паспорте // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. Т. 1. Вып. 2 (http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/ — Дата обращения: 17.04.2017).

[210] Инструкция по применению Положения о паспортах, изданная во исполнение Постановления СНК ССР от 10/IX 1940 г. за № 1667. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 153–154.

[211] Инструкция о порядке применения Положения о паспортах... 1953 г. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 135.

лено, что паспорт утрачен в результате небрежного хранения — штраф до 100 рублей. Если в результате несчастного случая — штраф не налагается. Если лицо найдет его у себя, дело прекращается[212]. Таков сценарий официального оформления дела об утрате паспорта.

Если вдуматься, ситуация вполне парадоксальная: за утерю вещи наказывается ее владелец. В результате получается двойное наказание — человек остается на какое-то время без паспорта и вынужден оплатить штраф, не говоря уже о времени, проведенном в очередях и проч.

Соб.: *А почему надо платить штраф вообще?*
Инф.: *Ну ты ж потерял документ государственный. Ты — разгильдяй. Тебя надо наказать.*
Соб.: *Но это ж Ваш документ.*
Инф.: *Он государственный документ. Штраф надо платить за это. Это нарушение закона. Потому что твоим паспортом может кто-то воспользоваться. Ну в принципе-то, да?* (Oxf/AHRC SPb-10, AP Passport PF-48. М., 1957 г.р).

В ряде интервью утрата паспорта предстает как что-то исключительное.

Соб.: *А сложно было восстановить паспорт раньше, вот тогда еще, в те времена? Ты боялась потерять паспорт?*
Инф.: *Ну конечно! Я его никогда и не теряла. Я не могу припомнить случая, чтобы кто-то потерял паспорт. Не знаю такого случая. Раньше если сказать, сейчас вот вместе с чем-то уворуют, а раньше как-то не было такого, чтоб воровали как-то, или что-то. Поэтому паспорта не… не терялись* (Oxf/AHRC-Evpatorija-08, Passport PF-06. Ж., 1934 г.р.).

Это целое дело. Почему у тебя украли паспорт? Почему? Ты, значит, не охранял его. Это ты… твой документ, это, считай, твоя личность. Ты не можешь сказать, что ты личность этого государства, ты никто. Ты никто (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р., пенсионерка).

Утеря паспорта и в самом деле означала для владельца череду неприятностей: общение с сотрудниками милиции, стояние в оче-

212 Там же.

редях, добывание всевозможных справок. Этот «фон» на самом деле и есть основное наказание за «небрежное хранение» основного документа. Каждый такой случай — длинная история получения нового паспорта.

Процедура обретения нового паспорта начинается с заявления, в котором необходимо изложить обстоятельства утраты паспорта. Как правило, оказывается, что изложить их «правильно» бывший владелец не может. «Правильные» версии знают сотрудники милиции (паспортного стола), которые делятся своим знанием.

> *Меня просто научили, если ты напишешь, что у тебя украли, им надо заводить дело. <…> А дело это никто никогда в жизни в милиции заниматься не будет. <…> На фиг им, у них кроме этого денежные какие дела и там все прочее… заниматься, где им… Не пишешь, что там у тебя украли. Там я не помню, там потерял или еще что. Там прямо люди подсказывают, короче говоря. Сидят и подсказывают* [смеется]*, почему тебе так надо писать. Потому что вот если ты написал — украли, им надо заводить дело* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р., пенсионерка).

Причина такой предупредительности сотрудников милиции проста: от того, как написано заявление, зависит объем их работы. Приведу развернутое описание этой ситуации:

Инф.: *Я потерял его, наверное, уже так года два и, в принципе, он мне вообще был не нужен, а потом я пошел его получать. Ну, понятно, что такое получать паспорт, да? <…> Это вот эти дикие очереди, стоишь в коридоре, где негде сесть, и хамящие, там, все эти дамы, и прочее, и прочее… Но, в конце концов, я оказался в этой очереди и увидел вокруг кучу, во-первых, таких людей, почти рыдающих, которые пишут какие-то заявления и все время переписывают. А ситуация с паспортами еще такого типа, что если ты говоришь, что у тебя паспорт потерян, ты пишешь один тип заявления, а если ты говоришь, что он украден, совсем другой, и на это заводится дело. Значит, еще на одно заявление больше и на какое-то количество дней больше. Я пошел по более простому пути, я сказал, что я его потерял. Хотя, может быть, его и украли, я не знаю. Вот. Во всяком случае, когда я попытался написать первое заявление, мне тут же сказали, что здесь все неправильно. Во-первых, неправильно в плане терминологии, потому что я употребляю не те слова. Но я к этому был готов. Уже в коридоре*

> *там какая-то бабка плакала о том, что она написала, что паспорт пропал, а нельзя писать, что он пропал, «паспорт утрачен», только «утрачен» и так далее. Но я уже написал, что паспорт утрачен там-то и там-то, но где «там-то и там-то»? И тут мне тетка в военном кителе говорит, что «Да, но вы пишите, когда он утрачен и где». Я говорю: «Подождите. Но именно потому, что он утрачен и я не знаю, где его потерял, я вот пишу заявление так». Она говорит: «Нет-нет, так не пойдет. Вы должны написать, в какой день вы его потеряли и где предположительно». Я говорю: «Ну, наверное, это было, когда я ехал на дачу и, скорее всего, это было в маршрутке». — «Так, а какой номер маршрутки?» — «Там, такой-то номер маршрутки». — «А вы помните примерно время?» Я говорю: «Ну, да, потому что поезда ходят так-то». — «Ну, так и пишите». Я говорю: «Как так?» — «Пишите: потерял паспорт в маршрутке номер такой-то такого-то числа во столько-то времени». Я говорю: «Понимаете, если бы я его так потерял, я бы его не потерял. Он бы у меня выпал из кармана…» Короче, в результате родился уникальный текст такого рода, что, дескать, «такого-то числа в такой-то маршрутке я потерял паспорт, когда доставал кошелек, чтобы расплатиться за билет. В этот момент паспорт выпал». То есть вот такая история (Oxf*/AHRC SPb-08, CK Passport PF18. M., 1963 г.р.).

Прежде всего бросаются в глаза используемые термины. В соответствии с паспортными инструкциями, паспорт не может быть утерян. Он может быть *утрачен* или *похищен*. Но в любом случае речь должна идти об *утрате,* что, естественно, ассоциируется с чем-то исключительно дорогим и ценным. Так говорят на официальных церемониях о покойнике. Видимо, «утраченный» паспорт и в самом деле мог восприниматься как аналог покойника.

Из двух возможных сценариев (потеря и кража) для работников милиции предпочтителен первый (потеря), поскольку в этом случае не нужно заводить дело и объявлять розыск. Для владельца выгоден второй (кража) — он не будет обвинен в небрежном хранении и избежит штрафа. Но в любом случае от пострадавшего требуется не просто констатация утраты паспорта, но и изложение сопутствующих обстоятельств. Как правило, он либо не знает, либо не помнит обстоятельств «утраты», и в таких случаях работники милиции приходят на помощь, конструируя вместе с владельцем необходимый текст. Заканчивается все приемлемой для обеих сторон компромиссной версией.

Время получения нового паспорта взамен утраченного тоже зависит от выбранного сценария — от месяца до нескольких месяцев (в случае кражи оно затягивается). На это время выдается справка.

Инф.: *А мне выдали Форму 6.*

Соб.: *Что это такое, Форма 6?*

Инф.: *Форма 6 — это такая бумажечка, формата А-6, наверное… то есть, вот, половина тетрадного листочка. Или с тетрадный листок — может быть. Опять — это возможно. На которой написано… а! у меня еще одна есть история! И тоже не менее цветистая. Значит, там было написано: «Паспорт утерян… вместо этого выдана форма, там-то прописан…» Такая же фотка, как в паспорте, там штампик стоит, «Является полной заменой паспорта». Вообще, полностью-полностью идентична паспорту, документу.*

Соб.: *С фотографией?*

Инф.: *Да, именно с фотографией, на фотографии — штампик. Фотография точно такая же, как в паспорте. И вообще это как бы форма такая… Я с этой формой ходила, ходила, ходила…* (Oxf/AHRC-SPb-08 AK Passport PF-26. Ж. научн. сотр., 1975 г.р.).

В случае пропажи паспорта можно было надеяться на его возвращение — обратиться в стол находок, дать объявление в газете. Ср.:

Соб.: *А теряли вы когда-нибудь паспорт?*

Инф.: *Теряла, да. Приехала в Удомлю и потеряла все документы. Ой, потеряла, не знаю как. Говорят, что на остановке, выронила что ли. <…> И мы давали объявление в газету удомельскую — и откликнулись на объявление. <…> Откликнулись, «за вознаграждение» мы написали. Попались очень добрые люди, мы поехали на машине, и они отдали документы, паспорт. Там и не только паспорт, там еще что-то, другие документы были. Отдали, мы с ними, как бы, отблагодарили и… вот, было один раз* (Oxf/AHRC SPb-08, MM Passport PF-36. Ж., 1940 г.р.).

Если утраченный паспорт обнаруживался в столе находок или в милиции, требовалось установление личности, которое обычно проходило без особых затей. В следующем интервью речь идет об утере паспорта тетей информантки. После поступившего звонка о том, что паспорт нашелся, они вместе пошли в милицию, поскольку боялись, что звонить могли не из милиции. При этом ин-

формантка не могла объяснить (или вспомнить), что именно их напугало, кроме неприятного голоса звонившего.

Соб.: *А нужно было тебе предъявить какие-то документы, чтобы подтвердить, что это она? Или такого не было?*
Инф.: [качает головой]
Соб.: *И вообще никаких документов она не предъявила? Ну а вдруг это не она?*
Инф.: *Ну в паспорте же есть фотография. А потом спрашивали, какая сумка. Она описала, какая сумка, что было в сумке там* (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF-12. Ж., 1969 г.р.).

Случалось, что исчезнувший паспорт по прошествии некоторого времени подбрасывали. Подбрасывали паспорта те, кто не был включен в систему нелегального оборота паспортов. Известно, что найденные паспорта имели устойчивый рынок сбыта. Более того, в больших городах существовал своего рода бизнес на найденных паспортах.

Инф.: *История была такова, что нам в ломбарде в… в N-е приносили паспорта по пятьдесят рублей — ну, дешевые. Вот соберется сумочка паспортов — я еду в Питер, там их продаю по пятьсот. Вот, а потом из Питера, естественно, с другой сумочкой едут в N. Вот, мне очень понравилось…*
Соб.: *Подожди, паспорта?..*
Инф.: *Потерянные паспорта. То есть в ломбард приносят бомжи: «Вот, паспорт нашел!» И эти паспорта принимали по пятьдесят рублей. В Питере… в Питере их продавали по пятьсот* (Oxf/AHRC-SPb-09 IN Passport PF-23. М., 1983 г.р.).

Переживания, связанные с утерей паспорта, косвенно свидетельствуют о той роли, которая ему придавалась — при том, что он требовался лишь в исключительных случаях. Этот устойчивый парадокс объясняется его исключительно высоким символическим значением, что поддерживается нарочитыми сложностями его восстановления, вплоть до особой терминологии, применяемой в ситуации пропажи. В результате утеря паспорта могла восприниматься как утрата существенной части самого себя, нарушение полноты и цельности своей идентичности. Предельно бюрократизированная процедура получения нового паспорта лишь подчеркивала специфический характер документа.

Отказ от получения паспорта

Отказ от получения паспорта был характерен для представителей некоторых религиозных сообществ. Неприятие паспорта как символа Антихриста прослеживается в русской традиции со времени возникновения этого документа в начале XVIII в. и вплоть до наших дней. Опорный фрагмент для подобного рода представлений содержится в «Откровении Иоанна Богослова»: «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его 666» (Откр. 13: 16–17). В этом контексте паспорт воспринимался как своего рода воплощение такого «начертания».

Приписывание паспорту внеположного ему содержания опирается на представления конспирологического характера, на которых имеет смысл остановиться подробнее.

Миф и документ обычно воспринимаются как своего рода противоположности. Предполагается, что документ уже в силу своей специфической прагматики ориентирован на однозначное соответствие содержащихся в нем данных внеположной реальности, т. е. на констатацию или подтверждение того, что есть «на самом деле», в то время как миф не скован такими условиями и основывается на совсем других представлениях. Можно сказать, что документ воспринимается как своего рода воплощение достоверности, а для мифа эта категория вообще нерелевантна. Тем не менее существуют контексты, в которых эти противоположности могут сближаться, и не просто сближаться, но и вступать в отношения взаимной интерпретации. В частности, не столь уж специфичны случаи, когда вокруг того или иного документа складываются нарративы, которые можно определить как тексты мифологического характера.

Конспирология, понимаемая в широком смысле (как обнаружение скрытых смыслов тех или иных явлений и событий), в христианских культурах обычно связана с распространением эсхатологических ожиданий, представлениями о приходе Антихриста и его тайных сигналах[213]. Усиление государства в Новое время, его неуклонное стремление переделать своих подданых (как и более част-

---

[213] О конспирологии в религиозных традициях см.: *Панченко А.* Антропология и конспирология // АФ. 2015. № 27. С. 89–94; *Панченко А.* Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах // Там же. С. 122–141.

ные проявления модернизационных процессов — распространение идентификационных практик, счета, измерений и т. п.) лишь утвердили общее направление поисков конспирологических объяснений. Объектами конспирологических разысканий становятся самые разные проявления государственной власти, в том числе и те документы, которые ориентированы на идентификацию человека. Такие документы (удостоверение личности, паспорт) вызывали особенное внимание по той простой причине, что идентификационные категории официального «портрета» человека практически никогда не совпадали с его представлениями о самом себе. Такого рода зазоры нуждались в объяснении. Документу требовалось специальное прочтение с целью обнаружения в нем «истинного» содержания.

Своего рода «вчитывание» в документ внеположного ему содержания основывается, как правило, на презумпции наличия в нем тех или иных «скрытых смыслов», причем предполагается, что эти смыслы сознательно скрыты инстанцией, которая выдает документ и выступает в качестве «автора». Документу в таком случае приписывается статус текста, предполагающего как минимум два прочтения. Одно из них известно тем, кто призван осуществлять контроль над функционированием документов, т. е. представителям властных органов; другое предлагается тем, кому предназначен документ и кто заведомо не в состоянии постичь его «истинное содержание». Конспирологическое истолкование ориентировано на то, чтобы «раскрыть им глаза» Однако нередки случаи, когда и адресаты («непосвященные») читают текст по-своему, предлагая свое истолкование содержащихся в нем данных.

Отказ от получения паспорта наиболее последовательно соблюдался беспоповцами (в частности, *странниками* или *бегунами*)[214], у которых «отрицание антихристова мира» понималось буквально, как уход из мирской жизни, избегание всяких контактов с пред-

---

[214] Ср.:

— Э, да он старовер! — засмеялся кто-то.

— На него деда Терентия наслать, — добавил другой.

— Ну его беспаспортного! — махнула рукой Бердягина. — И так каждый раз, как заглянет, так дрожишь за него.

— А что это за дед? — спросил черный.

— Вы его не знаете, — ответила Бердягина, — он редко сюда заглядывает.

— Да из каких он?

— А кто его знает! Странник… не признает ни паспортов, ни денег. Говорит, все это — печати антихриста. И денег в руки не берет, если ему дают, а подставляет сумку. А из нее бери кто хошь (*Ютанов В.* «Доходный дом» и др. рассказы. М.: Сполохи, 1913. С. 16).

ставителями власти. Всякий, кто хочет спастись, не должен принимать «печать Антихриста» (паспорт) и записываться в раскольничьи списки[215]. В том случае, если кто-то уже получил паспорт, его «настоящее рождение» могло заключаться в торжественном уничтожении паспорта и других официальных документов[216].

В советское время эсхатологические ожидания только усилились. Новая власть давала к тому гораздо больше поводов, чем прежняя. Позиции странников в отношении отказа от контактов с властью стали разделять и другие религиозные течения. Достаточно сказать о движении «истинно православных христиан», которое образовалось в результате «второго раскола» Русской православной церкви (после того как митрополит Сергий заявил о лояльности РПЦ советской власти). Несогласные с такой позицией верующие объявили себя хранителями истинного православия и разорвали отношения с официальной церковью. Их неприятие советской власти, которую они определяли как власть Антихриста, выражалось в отказе от всех форм сотрудничества, в том числе в неполучении паспортов, отказе от участия в выборах, от службы в армии и т. д. Л. И. Сосковец, основываясь на архивных материалах Томской области, пишет: среди сибирских поселенцев в 1960-е гг. широкое распространение получили слухи о том, что власти готовят новые паспорта, которые будут объединять трудовую книжку, военный и профсоюзный билеты, и такие паспорта будут якобы насильно вручаться верующим[217]. Лишь в исключительных случаях ради дела церкви и по общему решению сообщества кто-то мог взять на себя великий грех получения паспорта[218].

Отказ от получения паспорта и других документов означал на практике почти полный разрыв с мирской жизнью. Представители такого рода воззрений не могли получить ни официальной работы, ни пенсий, ни каких-либо других форм социального обеспечения. Они нередко селились в отдаленных, труднодоступных

---

215 *Кремлева И. А.* Старообрядчество // Портал Credo.ru (http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=88 — Дата обращения: 17.04.2017).

216 *Расков Д. Е.* Старообрядческая традиция и постмодерн // Проблемы современной экономики. 2004. № 4 (12) (http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=609 — Дата обращения: 17.04.2017).

217 *Сосковец Л. И.* Истинно-православные христиане в Сибири // Вестник ТГПУ. 2004. Вып 4 (41). С. 31.

218 «Так, отсидевшая много лет в тюрьме и находившаяся на поселении в г. Ханты-Мансийске Агафья Пригарина после снятия со спецучета по общему решению церкви получила паспорт. Он нужен был для того, чтобы она могла осуществлять поездки в проповедческих и организационных целях» (там же).

местах, ведя натуральное хозяйство (не случайно «истинно православные» получили название «катакомбной церкви»). Административные органы жестко преследовали «отказников»: аресты, высылка, обвинения в тунеядстве и других прегрешениях — далеко не полный арсенал применявшихся наказаний.

Устойчивость представлений о паспорте как «печати Антихриста», их длительную сохранность и экстраполяцию на такие реалии мирской культуры, как денежные знаки, различного рода списки и другие документы можно попытаться объяснить сохраняющейся актуальностью нескольких комплексов идей, происхождение которых обычно связывается с архаичными и «традиционными» формами культуры. К их числу, как уже сказано, следует отнести прежде всего устойчивые аналогии между деяниями Антихриста и действиями светской власти. Характерным также является заведомо настороженное отношение к образам символической визуализации властных отношений и обусловленные этим отношением попытки обнаружить «истинный» смысл символов светской власти. В русле этой тенденции советская звезда будет истолковываться как масонский знак, серп (по аналогии с косой) — как знак смерти, сочетание серпа и молота — как нарочитое искажение креста, и т. д.[219]

Что конкретно наделяется скрытым смыслом и подвергается «деконструкции»? Прежде всего — документ в целом, и в частности его название. Вот пример его прочтения с установкой на прояснение скрытого смысла:

> *Как расшифровывается «паспорт»? <…> «Печать. Антихриста. Сам. Получаю. Получаю печать антихриста». Вот что-то так-то. <…> Сам. Получаю… Подождите, «паспорт». Сам получаю. «Сам соединяюсь с сатаной». Там написано: «Гражданин Советского Союза», гражданин земного царства. А земное царство чье? Антихриста. Дьяволу в личное пользование. Человек умирает, а Антихрист говорит: «Он мой. Он паспорт получил в вечное пользование. Сам соединился с сатаной». <…> Потому что в семнадцатом году пришел к власти Антихрист. А чтобы, а Господь пришел на землю без паспорта. Не от мира сего. Чтобы быть с Богом, надо быть не от мира сего. Ничего не принимать* (Diveevo-02, МА. Ж., ок. 50 лет).

---

[219] См., например: http://dokumentika.org/masoni/znaki-masonov-i-illiuminatov — Дата обращения: 17.04.2017.

Документ обычно строится таким образом, чтобы не допустить возможности иного или дополнительного истолкования. В таком случае, казалось бы, нет почвы для каких бы то ни было интерпретаций; однако это не так. В документе (и особенно в его реквизитах) всегда присутствуют элементы, которые могут быть истолкованы в другой (внеположной документу) системе смыслов. Это те элементы, которые характеризуются максимально несвязанным содержанием (визуальные образы, печати, цифры и др.) и могут относительно легко вычленяться из текста документа. Особое значение придается числам и числовым последовательностям. Исключительная «мифогенность» чисел основывается на их дочисловой семантике. Другими словами, простым числам, как правило, приписаны нечисловые значения (хотя бы такие, как «счастливые — несчастливые» и т. д.). Следует также иметь в виду, что числа непосредственно связываются со счетом и измерениями, а к этим практикам модерности и до сих пор ощущается особое отношение[220].

Применительно к документам, как правило, актуализируется число Антихриста (666). Это число — точнее, его скрытое присутствие — «обнаруживалось» уже в самых ранних документах, начиная с эпохи Петра, который и сам воспринимался старообрядцами как воплощение Антихриста. Такого рода разыскания продолжаются и до сих пор по отношению к паспортам, ИНН, кредитным картам и другим документам, в которых так или иначе отыскивается число зверя[221].

Тема чисел и скрытой информации в паспорте имеет особое продолжение в связи с советским паспортом. В советское время устойчиво бытовало представление о том, что в паспортных реквизитах (в частности, в серии и номере) зашифрована «вся информация» о человеке. Ср.: «освободившиеся из лагерей получали паспорта как все прочие граждане, и необходимо было их как-то выделить из общего ряда, чтобы контролировать их расселение. Это было сделано с помощью системы шифров. Паспорт имел двухбуквенную серию и числовой номер. Буквы серии составляли особый шифр, хорошо известный работникам паспортных столов и

---

220 На это указывают многочисленные запреты на счет и измерения, дожившие до наших дней (например, запреты считать грибы, рыбу, дичь и др.; особые предосторожности при измерении роста и т. д.).

221 *Ахметова М. В.* Образ бедствий в современной русской эсхатологии // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика (http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova1.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

отделов кадров предприятий (система шифров была секретной). По шифру можно было судить не только о том, был ли владелец паспорта в заключении или нет, но и о причине заключения (политическая, хозяйственная, уголовная статья и т. д.)»[222].

Подобные представления о советском паспорте живы и по сей день[223]. В качестве примера можно привести фрагмент интервью, записанного в 2009 г.:

Инф.: *Да! Вот это вот, номер, вот если человек сидел, то там был какой-то код, да.*

Соб.: *Если сидел, был какой-то код?*

Инф.: *Конечно, открываешь паспорт — и там сразу видно. Я щас точно не могу сказать, по-моему, там же были, по-моему, три буквы, а потом еще шесть.*

Соб.: *Цифры?*

Инф.: *Цифры, да. Правильно, цифры. Вот, вот, по-моему, первые там что-то озна-… означали, что если человек сидел, то сразу видно.* <…> *Может, еще какие-то другие профессии были закодированы, но то, что если человек сидел, это я точно знаю* (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39. Инф. Ж., 1939 г.р.).

Как уже неоднократно говорилось, устойчивость подобного рода представлений поддерживалась тем, что в паспорта бывших

---

222 *Любарский К.* Паспортная система и система прописки в России // Сайт Института прав человека (www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

223 Ср.: «Разгадка паспортного шифра, если бы удалось ее осуществить, была бы открытием века. Смело можно было бы поставить его в один ряд с открытием генетического кода или разгадкой экзотических письменностей. Чтобы расшифровать четырехбуквенный код наследственности, нужно было догадаться, что это — код. Истолковать смысл, таящийся в сочетании римских цифр, букв русского алфавита и арабских цифр, из которых состоит номер паспорта, невозможно без осознания фундаментального факта: это сочетание не может быть случайным. Изобретение паспортного кода является гениальной находкой. Его окончательная расшифровка — дело будущих поколений. Согласно одной из гипотез, он указывает на степень политической неблагонадежности. Но подобные интерпретации — пример наиболее простого декодирования. Значительно больший интерес представляет комбинаторика, основанная на переводе букв в цифры и переключении цифрового кода на буквенный. Появляется возможность в одном только номере паспорта зашифровать важнейшие даты жизни: рождение, окончание средней школы, женитьба, арест и так далее. Так что паспорт можно сравнить с талмудической Книгой жизни, о которой мудрец Акива сказал: “Книга раскрыта, рука пишет, и заимодавцы взимают с человека положенное — знает он это или не знает”. Выражаясь лапидарно, паспорт — это Судьба». (*Хазанов Б.* Сага о паспорте // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. Т. 1. Вып. 2 (http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/ — Дата обращения: 07.02.2017)).

заключенных до 1940 г. делалась запись: «Выдан на основании п. 11 Постановления СНК СССР за № 861 от 28 апр. 1933 г.», а после 1940 г. ставилась отметка: «Выдан на основании ст. 38 (39) Положения о паспортах». Действительно, эти записи имели «второй смысл». Они прочитывались работниками милиции однозначно: паспорт принадлежит человеку «с ограничениями», т. е. отбывшему наказание и не имеющему права проживать на режимных территориях.

Тема зашифрованной информации имеет продолжение в связи с современными российскими паспортами, которые, как полагают информанты, лишь подтверждают пророчества Апокалипсиса. Жители ряда населенных пунктов России отказывались сдавать советские паспорта и получать новые. Ср.:

> Десять лет назад в России появились паспорта нового образца. Благодаря этому событию на всю страну прославились несколько населенных пунктов, о существовании которых иначе никто бы не узнал. Первым заявило о себе село Никольское Ярославской области. В нем чуть ли не каждый десятый житель отказался получать новый паспорт на основании того, что его страницы испещрены «числом зверя» — тремя шестерками. Кроме того, по словам никольчан, в паспорта вклеены некие магнитные полоски, передающие всю информацию о человеке на сверхсекретный компьютер, созданный масонами[224]. Никакие уговоры чиновников и представителей Ярославской епархии РПЦ не помогли, и два десятка «отказников» из Никольского до сих пор пользуются старыми добрыми советскими паспортами. Вошел в современную историю и поселок Боголюбово, что на Владимирщине. Там по религиозным соображениям отказались от обмена паспортов более ста человек. Их конфликт с чиновниками разбирали в районном суде, и все решения вынесли в пользу верующих.
>
> Но, похоже, самый масштабный «паспортный демарш» проходит сегодня в нижегородском селе Дивеево. В отличие от Никольского и Боголюбова, Дивеево известно едва ли не каждому

[224] Обмен советских паспортов на российские совпал с распространением слухов о создании сверхмощного компьютера, который в состоянии присвоить каждому человеку индивидуальный номер лазерным лучом (*Панченко А.* Компьютер по имени Зверь... См. особенно с. 132–133).

> россиянину — ведь в этих местах жил и творил чудеса преподобный Серафим Саровский. Сегодня же в Дивееве живут и по-своему тоже творят чудеса 1 тыс. владельцев советских «серпастых-молоткастых»[225].

В рассказах о новом паспорте содержатся представления о скрытом в нем личном коде; вклеенных микрочипах (на уровне глаз и груди); числе Зверя и масонских знаках; информации о владельце паспорта, которая может быть считана специальными устройствами; возможности следить за человеком и воздействовать на него. Для нейтрализации нежелательных эффектов предлагается положить паспорт в микроволновую печь, хранить в металлическом контейнере или обложке с молитвой. Ср.:

Соб.: *Нельзя новый паспорт принимать?*
— *Не благословляют новый паспорт.* (нрзб.)
— *Ну можно просто, чтоб вот эти микрочипы в паспорте, то есть надо в микроволновку.*
— *Выйдет из строя микрочип.*
— *Там устранится — отделить вот это, фотографии, на паспорте — раз, что там наклеено было, и всё. Пятьдесят градусов температура.*
— *Там надо знать температуру.*
— *Пятьдесят градусов.*
— *Я знаю, как другим образом выйдет из строя, более надежным. Электромагнитом.*
— *Оно ж это, микроволновка — то же самое.* <…>
— *Другие способы есть. Она опасность в том, что радиосигнал-то дает, и как бы такая слежка, местонахождение. А проще простого — в леденцовое монпансье коробочку, просто он перекрывается, он будет уже экранирован — никакой сигнал не пройдет. Или фольгу обернуть. Ну это проще. Леденцовое монпансье коробочку — и пожалуйста, и у них просто как исчезнешь.*
Соб.: *И они не будут тебя видеть?*
— Ну исчезнешь. Заэкранировано будет от электромагнитных волн. Всё равно, что приемник. С холодильника он не будет работать. Заэкранирован будет.

---

[225] Новые известия. 2007. 23 авг. (http://newizv.ru/news/society/23-08-2007/74869-diveevo-stolica-sssr.html?format=html&slug_for_redirect=society%2F2007-08-23%2F74869-diveevo-stolica-sssr — Дата обращения: 17.04.2017).

— [о манипуляциях с паспортом]: (нрзб.) *И рассказывали, что один сделал так, и убрал их оттуда.*
— Да фигня это всё, всё равно, она будет работать, но очень плохо будет работать. Я же вот сказал, как это проще.
— Всё равно, некоторые просто убирали эту штучку, а заместо нее там бумажку какую-нибудь вклеивали, и некоторое время можно ходить.
— Ну надо пленочкой ламинированной. А как ты будешь ламинированную пленочку подрезать?
— А вот за границу уже не поедут, то есть они там в компьютер влазят, всё.
— Извини, а как ты ламинированную пленочку будешь подрезать? Там же следы срезов будут видны, ламинированную пленочку.
— Ну же вскрывали уже. <…>
— Чтобы разрушить связь духовную, разрушить эти связи, батюшка Самсон говорил, плохое сжигать надо.
Соб.: *Паспорт надо сжигать?*
— Да. Паспорт сжигать, (нрзб.). *Полисы. Пластиковые. Вы что, там внутри этот чип. <…>*
— Библию надо читать, чтоб разобраться (Diveevo-02, МА. Ж., ок. 50 лет; М., ок. 35 лет).

Наконец, любопытный комплекс идей связан с представлениями о границах человека, его тела, и о навязываемой властью необходимости включения в эти границы внешних знаков самого себя, созданных этой властью (паспорт как второе «Я», созданное не Богом, а его антиподом). Неприятие такого «расширения» проявлялось не только в отказах от получения паспортов, которые мотивировались нежеланием «продавать свою душу Антихристу», но и в отказах ставить свою подпись в документе: «Я не хочу за свою подпись отвечать на том свете»[226]. Если паспорт — своего рода расширение «Я», то подпись понимается как распространение своей телесности на документ и, соответственно, отторжение себя, что формулируется как «отдать себя» или «отдать свою подпись «Антихристу»[227]. К этому же кругу представлений относится отказ от фотографирования в различных культурных традициях.

226 Докладные записки Псковского Областного Совета Союза воинствующих безбожников, доклады инструкторов о состоянии антирелигиозной работы в районах области. 1935–1936 гг. ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 8. Д. 293. Л. 120.
227 Там же. Л. 222.

Ср. о селькупах и других народах Севера: «Они избегали фото- и видеосъемки, считая, что с изображением заберут и их душу»[228].

В любом случае, исходящий от власти документ, «удостоверяющий личность», воспринимается как угроза своей идентичности и, вероятно, именно с этим связано особое отношение к документу такого рода и непрекращающиеся попытки выявления содержащихся в нем скрытых смыслов.

Отказывались от паспорта и по идеологическим соображениям (например, диссиденты), но в таких случаях правильнее говорить об отказе от советского гражданства. Уничтожение паспорта или его отправление «наверх» являлись символическими жестами такого отказа. Владимир Войнович по этому поводу писал: «Советский паспорт, советское гражданство… Сколько возвышенных слов сочинено о том, какая честь быть гражданином СССР. Честь, конечно, большая, но туго приходится тем, кто пытается от нее отказаться. В советских тюрьмах и лагерях помимо действительных преступников, которые, кстати, тоже имеют честь быть гражданами СССР, есть и узники совести, а среди них те, кто хотел отказаться от этой чести, кто просил лишить его звания гражданина СССР. В этом отказе и состоит их преступление. Мой знакомый, писатель Гелий Снегирев, в середине 70-х годов послал свой паспорт тогдашнему главе государства Брежневу и написал, что отказывается от звания советского гражданина. За это тяжело больной Снегирев был арестован, замучен и умер в тюремной больнице»[229].

«Самый важный документ» и для чего он нужен

Первые представления о паспорте появлялись еще в детстве. Паспортный миф не мог не проникнуть в детскую культуру. Пропуск, паспорт, милиция, шпионы, пароль — притягательные элементы взрослой культуры. Женщина, чье детство прошло в Москве в позднесоветские годы, рассказывает:

---

228 *Корнева Ю.* Лесенка для боженьки // Агентство новостей ТВ2 (http://www.tv2.tomsk.ru/real/lesenka-dlya-bozhenki — Дата обращения: 17.04.2017).

229 *Войнович В.* Антисоветский Советский Союз // E-reading.club (http://www.e-reading.club/chapter.php/11799/6/Voiinovich_-_Antisovetskiii_Sovetskiii_Soyuz.html — Дата обращения: 17.04.2017).

> Да, *в детстве мы играли в милицию и у каждого из нас обязательно был какой-то предмет, который был паспортом. То есть паспорт надо было показывать* (Письменный опрос АК. Москва. Ж., 1979 г.р.).

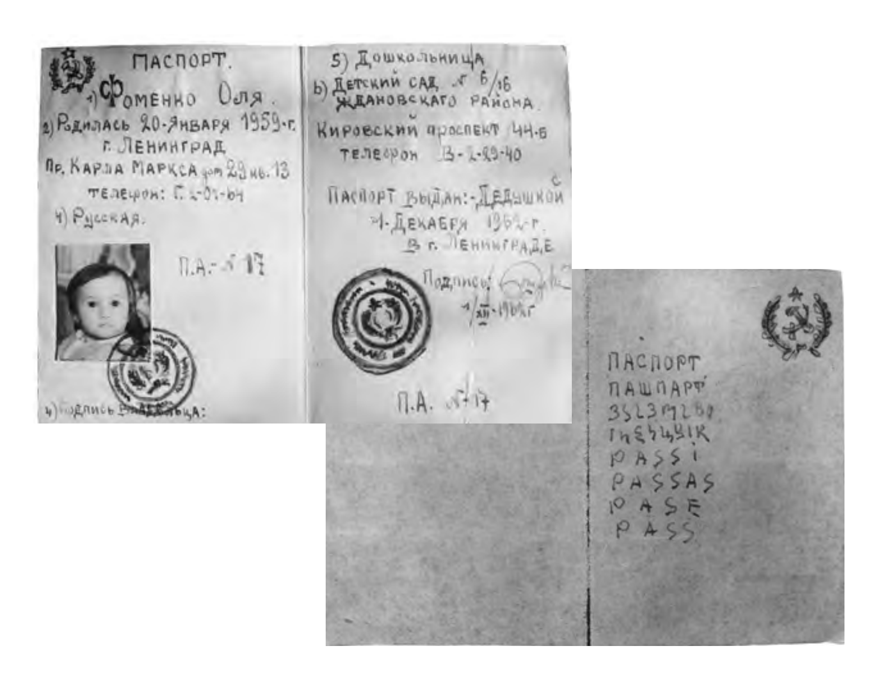
По воспоминаниям мужчины из Даугавпилса:

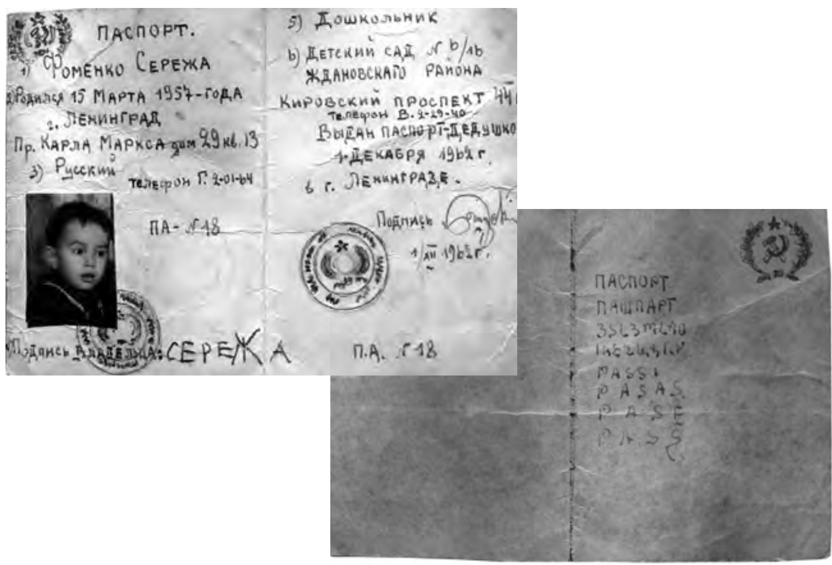
> ...в *середине 1980-х годов (1984–1986) в нашем дворе какое-то время популярностью пользовалась игра в шпионов (возраст играющих от 8–9 до 13 лет). Первым шагом для вступления в игру становилось изготовление паспорта. Естественно, за образец брался паспорт СССР (других паспортов мы в глаза не видывали). Паспорт в нашем представлении должен был придать нам весомость и определенный статус. Паспорта изготавливались из цветной бумаги, но не обязательно. Для обложки брался красный цвет (у меня паспорт был сине-голубого цвета). Обязательно на обложке изображался герб, чаще всего рисовали сами или старались с помощью кальки перенести изображение. Далее придумывалась легенда...* (Письменный опрос АК. Даугавпилс. М., 1973 г.р.; см. цв. ил.).

Школьный образ советского паспорта иной. В нем появляются мотивы, которые не были присущи дворовой культуре. Приведу небольшую подборку ответов на вопрос о том, как формировалось отношение к паспорту в школе:

> *Это оформилось с великой гордостью со слов Маяковского, когда мы читали его стихотворение* [декламирует] *«Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза... а-а дубликатом бесценного груза». Как там дальше-то? Погоди-ка. В общем — «Советский паспорт!»* <...> *Вот. И это, конечно, было для нас, в общем-то, гордостью, потому что у нас был воспитан патриотизм, у нас было воспитано чувство гордости за страну. Каждый год поднималась экономика, каждый год нам говорили, что мы живем лучше. И действительно в магазинах были продукты дешевле как-то и все. И мы действительно гордились тем, что мы живем здесь* (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-02. Ж., 1943 г.р.).

> *Помню чувство осознанной важности этого документа — потому что впечатлил серп и молот на обложке — как на гербе. Где герб, там — гимн, а это все — торжественно и стоя!* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF-50. Ж., 1980 г.р.).

Детские паспорта
(из семейного архива Сергея Фоменко)

> *Паспорт вызывал с детства бестрепетное уважение, как что-то очень важное и нужное, признак зрелости и взрослости* (Oxf/AHRC-SPb-08, IN Passport PF-49. Ж., 1962 г.р.).

Здесь паспорт становится уже идеологическим конструктом, удобным способом репрезентации которого стали стихи о советском паспорте[230]. Нетривиальный случай, когда удостоверение личности приобретает высший статус и входит в набор государственных символов наряду с гербом, гимном, красным стягом и портретами вождей. Этот образ усваивался со школьных лет, еще до получения паспорта. Да и позже, судя по такого рода интервью, вспоминался подобный набор определений (но уже нередко с иронической интонацией)[231].

Не менее важен дисциплинирующий эффект подобного рода документов и их роль в формировании индивидуальной идентичности. Вот показательная рефлексия: «…настоящее самоотождествление началось после того, как я стала обзаводиться первыми солидными документами любимой (мы все ведь любили свою родину) страны проживания — вначале красным билетом члена ВЛКСМ, затем болотного цвета паспортом, позже зеленым билетом члена ВЦСПС. Можно сказать: я взрослела, потому что заполняла анкеты. А можно и так: я заполняла анкеты, потому что взрослела»[232].

Тема исключительной важности паспорта для владельца уже неоднократно появлялась в приводимых фрагментах интервью, и прежде всего в связи с его утерей или угрозой остаться без него. В случае опасности (пожар, наводнение и т. п.) спасали прежде всего паспорт. Ср. обсуждение вопроса о том, что люди выносят при пожаре: «Мне в свое время, родители с детства рассказали-показали сумку, где лежат все документы. И сказали "При пожаре выносить первым!!"»[233]. Паспорт входит в число первых предметов,

---

[230] У Маяковского речь шла, естественно, о заграничном паспорте.

[231] Стихи о советском паспорте подверглись многочисленным переделкам, ср.: «*Помню всем, наверное, хорошо известную переделку Маяковского, правда, узнала я ее лет в 15–16, не раньше: Я достаю из широких штанин размером с консервную банку. Смотрите, завидуйте — я гражданин, а не какая-нибудь гражданка!*» (Ж., 1976 г. р.).

[232] *Селицкая Л.* Графа в анкете // СБ: Беларусь сегодня. 02.11.2002 (http://www.sb.by/v-poiskakh-utrachennogo/article/grafa-v-ankete.html — Дата обращения: 17.04.2017).

[233] Вещи, которые люди спасают во время пожара // Яплакалъ (http://www.yaplakal.com/forum2/st/50/topic328533.html — Дата обращения: 17.04.2017). Ср.: «у нас один мужик, когда напивался, начинал страшным образом пердеть, сам просыпался от этих звуков, пугался и орал жене "Люда, где паспорт?!"» (http://udaffa.net/archives/category/tsitatyi/page/2/ — Дата обращения: 17.04.2017).

которые нужно обязательно спасти. Да и сейчас на вопрос о приоритетах спасения на первом месте документы/паспорт[234].

Тональность и характер ответов меняется, когда задается, казалось бы, близкий вопрос: зачем нужен паспорт? для чего он предназначен? С этой более конкретной (прагматической) точки зрения паспорт выглядел иначе. Если для предыдущего вопроса существовали стереотипные ответы, усвоенные со школьных времен, то вопрос «для чего?» требовал мобилизовать прежде всего свой опыт его использования.

> Самый, *пожалуй, тяжелый вопрос. Потому что вроде как паспорт нужен (административно) для того, чтобы доказывать при необходимости, что ты — это именно ты (а также чтобы быть «на крючке», под надзором у «властей» — прописки и т. д.). Логически — понимаешь, а внутренне рождает легкую досаду и возмущение, т. к. бумажка оказывается важнее человека* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF-50. Ж., 1980 г.р.).

Этот вопрос мог восприниматься и как приглашение к размышлениям, которые неизменно апеллируют к существующему порядку вещей.

Инф.: *Ой… Вы знаете, это вообще вопрос сложный. <…> Но сегодняшнее общество, оно устроено так, что, наверно, сейчас без паспорта никуда не сунешься. И не будешь ни гражданин никакого государства, ты не сможешь получить там ни медицинского обслуживания, ни какие у нас еще есть льготы. <…> То есть я считаю, что это вообще, паспорт — это плохо, но на сегодняшний день без него не обойтись. Как и прописка, как и вообще очень много чего. То есть нельзя просто взять и отменить, нужно постепенно как бы менять образ нашей жизни, что ли, чтобы он в конце концов стал не нужен* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-13. М., 1963 г.р.).

Получается, что паспорт — следствие несовершенства сложившихся социальных отношений, которые для своего нормального

---

[234] http://otvet.expert/100-k-1-chto-pervim-vinosyat-iz-kvartiri-pri-pozhare-android-745943 — Дата обращения: 24.06.2017. Колин Туброн приводит аналогичный случай в описании своего путешествия по Сибири, когда старый эвенк на вопрос, что он спас во время пожара, ответил «паспорт» (*Thubron C.* In Siberia. London: Chatto & Windus, 1999, p.132).

функционирования нуждаются в бюрократическом удвоении. Нужно сказать, что эта тема вообще очень популярна в разговорах о документах.

> *Человек живет в реальном мире, а есть еще параллельный мир — бумажный, бюрократический; так вот паспорт является двойником человека в этом параллельном мире. Проживает там его (человека) параллельную жизнь: женится, рожает детей, совершает сделки, переезжает и пр. Для этого и предназначен: чтобы у каждого из нас был бюрократический двойник* (Oxf/AHRC-SPb-08, AK Passport PF-51. Ж., 1977 г.р.).

Любопытно, что на вопрос «в каких ситуациях требовался паспорт?» информанты, говоря о советском времени, прежде всего называли выборы — еще одно подтверждение тому, что паспорт нужен был в исключительных случаях.

Инф. 1: *Только когда на выборы ходили, все, был нужен паспорт.*
Соб.: *На выборы?*
Инф. 2: *Да, на выборы обязательно с паспортом или там когда вот, ну, там, ну, диплом когда получаешь, хотя…*
Соб.: *На работу?*
Инф. 2: *На работу, на работу обязательно, да, на работу устраиваться — паспорт да. Нет, ну, раньше намного меньше, конечно, требовалось, намного меньше. А сейчас да, щас уже вообще, ну, постоянно с собой носишь паспорт.*
Инф. 1: *Мы же ведь как устроились на работу, так и работали* (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39. Инф. 1. *Ж., 1939 г.р.;* инф. 2 Ж., 1940 г.р.).

Другой поворот темы предназначения паспорта конкретизируется по отношению к субъекту: кому нужен паспорт — государству или его владельцу? В следующем интервью представлены обе точки зрения.

Инф. 1: *…Вообще говоря, он нужен не мне, он нужен государству. Потому что как государство своих овец будет различать? Ведь, понимаешь, вот мне, по идее, ну вот я пошел, если я не иду в КБ*[235] *в какое-то закрытое, допустим, то он мне сто раз не… сто лет*

[235] Конструкторское бюро.

не нужен. Я пошел в кинотеатр, я пошел туда, я пошел в кафе, я пошел в магазин — нигде у меня паспорт не спрашивают. А паспорт нужен как раз вот органам власти. Чтоб они всегда могли вычислить, ты кто такой. Если откуда-то пришли сведения, что вот такого-то, такого-то вашего вот нашли на границе там, так посмотрели — ага, знаю, Сидоров. Опять, гад, второй раз перелезает через колючую проволоку![236] [Смеются].

Инф. 2: *Нет, а для меня имеет немножко другое значение. <…> Ну все-таки это тоже что-то мое, это часть меня. То есть это бумага какая-то, но все-таки это кусочек меня* (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-35. Инф. 1 М., 1939; инф. 2 Ж., 1946 г.р.).

В обоюдной заинтересованности в паспорте человека и государства видятся разные цели: «*Вероятно, он и для человека, и для служб. <…> Ну а как предъявить, как представить, что я это я?*» (Oxf/AHRC-SPb-08, AP Passport PF 12. Ж., 1969 г.р.). Мысль о возможности доверительных отношений не возникала.

Сближение вплоть до отождествления паспорта с собой («часть меня») характерно для сторонников точки зрения, в соответствии с которой паспорт нужен прежде всего самому человеку.

> *Человеку* [нужен] *больше. Он предъявляет, человек предъявляет паспорт всюду. Да? То есть это его характеристика. Характеристика человека. Его рождение — год и так далее, да? Место рождения и так далее, да? Замужем или не замужем — все это человеку нужно. А что государству надо?* (Oxf/AHRC SPb-08, AP Passport PF-15. Ж., 1933 г.р.).

> *Ну, я так считаю, что, живя в этой стране, в какой мы живем, в российском государстве, без паспорта вообще никак нельзя. Ну, это вроде как твоя личность, вроде как твой такой, можно сказать, единственный документ, с которым ты можешь куда-то пойти, без этого документа, ну, ты вроде как и таких прав не имеешь в нашем государстве…* (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).

Показательно, что необходимость паспорта для его владельца мотивируется специфическим устройством государства. Подобная

---

[236] Ср. фильм «Человек без паспорта» о шпионах, переправленных через советскую границу (1964).

точка зрения характерна прежде всего для информантов старшего возраста. У более молодых отношение к паспорту другое.

> *Контроль государства над гражданами* [главная функция паспорта]. *Конечно, есть и побочные функции — безопасность самих граждан от обманов, например. Но насколько легко этот документ украсть или подделать! Он сам по себе хорошее средство обмана. В итоге честный человек без паспорта рискует в столкновении с государством больше, чем мошенник с паспортом. Паспорт делает человека человеком для государства, делает его видимым и подконтрольным* (Oxf/AHRC-SPb-07, AK Passport PF 07. Ж., 1984 г.р.).

Документное сознание делало свое дело — человеку трудно представить себе, как можно обходиться без документов с незнакомыми людьми. Можно сказать, что государство приучило своих граждан к недоверию.

Взгляды на роль и функции паспорта претерпели существенные изменения в связи с крахом советской системы, причем оценки поляризовались: одни считают, что роль паспорта возросла, другие убеждены в обратном. Сторонники роста значения паспорта аргументируют это тем, что сейчас он оказывается необходимым в самых различных ситуациях, в отличие от советского времени.

> *А в советское время я думаю, что это было все беспроблемно, на самом деле. <…> Мы никогда не ездили — особых проблем не было. Насколько я помню, мои родители редко вообще выезжали куда-то за пределы города. И паспорту значения такого не придавалось, на самом деле. Это даже видно вот по моему ребенку, да? Для меня этот паспорт… мне в голову никогда не приходило делать паспорт для себя. А там для нее — да. Ну, может быть… хотя какие-то у меня есть смутные воспоминания, когда мы во что-то играли, и были, может, у нас… ну это не паспорт, скорей всего, а какая-то бумажка, где была записана твое имя, фамилия, ну что-то удостоверяющее личность, скажем так. <…> Ну вот для нее, я думаю, значения больше паспорту придается, потому что в наше время паспорт открывает больше возможностей… не то, чтобы открывает больше возможностей, а сейчас слишком много возможностей, которые человек может реализовать при наличии паспорта. <…> А во времена моих родителей это был такой документ, никакой. Ну, как я считаю* (Oxf/AHRC SPb-07, DT Passport PF-05. Ж., 1966 г.р.).

Те, кто настаивает на снижении значения паспорта, связывают это с уменьшением роли государства в жизни человека. В таком случае получается, что роль «паспорта для государства» уменьшилась, а роль «паспорта для человека» возросла.

Соб.: *А изменилось сейчас отношение у людей к паспорту? Паспорт не то значит, что раньше, в советские времена?*

Инф.: *Ну конечно, нет. Конечно, нет. Раз существует такая свобода передвижения, и человек может выбирать, если он материально обеспечен, и место проживания, не теряя гражданства, то конечно, вот уже паспорт, он уже не имеет такого значения. <...> Вот с моей точки зрения, по моим ощущениям, ну вот я бы себя чувствовала ну менее какой-то уверенной в себе, потому что... Мне казалось, что тогда государство берет на себя определенные функции, вот вводя такие документы, оно как бы ограждает человека от ситуации, в которой он может что-то потерять. За ним это право закреплено, и государство обеспечивает это право и наблюдает за сохранением этих прав. А сейчас, когда все это размыто, то так и получается, что человек может оказаться на улице и он не знает, куда обращаться, как свои права восстановить* (Oxf/AHRC-SPb-08 АП Passport PF-34-а. Ж., 1940 г.р.).

Об изменении восприятия собственно паспортной книжечки как особого предмета, к которому прежде относились со священным трепетом, свидетельствуют многие рассказы. Например, такой.

Инф.: *Да! Вот что самое забавное, что я вспомнил, что можно было делать с паспортом в перестроечные годы. Я использовал паспорт как записную книжку. И это потрясло чиновников, когда я менял. Потому что там стояли какие-то «Наташа, номера телефона», не поймешь что, и вот это их потрясло до глубины души, а я уже рассуждая таким задним умом, понимал, что, ну, видимо, как-то подсознательно понимал, что это уже можно делать. Я не думаю, что мои родители бы это делали. <...> А просто потому, что эпоха изменилась* (Oxf/AHRC SPb-08, СК Passport PF18. М., 1963 г.р.).

Действительно, подобное отношение к паспорту трудно представить в советское время. Лишь к концу советской эпохи ситуация стала меняться; тем не менее всякие отступления от «канонического» отношения к паспорту вызывали изумление даже у сверстников.

> *...А у нее часто все было неправильно. И среди всего прочего — вот, что меня в свое время в ней потрясало <...>. У нее было два паспорта. У нее был стандартный паспорт, и был предыдущий паспорт, который она не потеряла, то есть она... она просто вот пошла в милицию, сказав, что потеряла паспорт. И сделала себе новый паспорт. На самом деле, старый паспорт она ни фига не теряла, и не выкидывала. Он у нее сохранился, она его использовала как записную книжку и как какой-то такой блокнот для картинок. Он у нее весь был исписан, там, телефонами, номерами, какими-то смешными картинками. Когда ей нужно было, там, что-то такое там записать, она доставала этот паспорт — все видели, что это паспорт, — и туда что-то вписывала. Это всех, конечно, ужасно потрясало. То есть было понятно, что она... что она очень крутая, очень яркая, и все поражались ее смелости* (Oxf/AHRC-SPb-08, Passport PF-17. M., 1979 г.р.).

Разумеется, следует учитывать, что информанты говорят о советском паспорте с позиций сегодняшнего дня, но вместе с тем у них появился материал для сравнения. Существенным представлялся сам факт наличия паспорта, а не его стандартное наполнение. Другими словами, «документность» паспорта явно не на первом месте. Она проявляется только в ответах на вопрос о том, кому паспорт нужен, да и то далеко не всегда. В прагматическом плане представлены две позиции: «паспорт для меня» (получить деньги, устроиться на работу и т. д.) и «паспорт для государства» (считать, следить и т. п.). Любопытно, что паспортный эффект отождествления («человек является тем, за кого он себя выдает») становится необходимым не только для государства, но и для человека («а как иначе доказать, что я это я?»). К такому восприятию паспорта привела тотальная бюрократизация социальных отношений, для которой категория доверия оказывается нерелевантной.

Заключение

Человек, получивший паспорт, обнаруживает в нем свое второе «Я», мало в чем совпадающее с его представлениями о себе. Это происходит даже сейчас, когда все привыкли жить в плотном коконе из различного рода документов; что уж говорить о более раннем времени. Несовпадение двух вариантов идентификации можно оценивать по-разному. В нем можно видеть как бюрократический произвол, так и вполне рациональные эффекты. В частности, именно паспорту и подобным документам мы обязаны своим неизменным именем и фамилией, точным знанием о том, когда и в каком месте мы родились, и о многом другом. Такого рода знание предписывалось паспортом, и в этом смысле речь шла о том, что он не только объект, один из множества документов, но и агент, оказавший несомненное влияние на нашу самоидентификацию.

В бюрократическом плане речь может идти о паспортном «другом», о создании документного варианта человека, который должен быть инструментом управления «оригиналом». При этом оригиналом становился паспорт, а человек — его несовершенной копией. Индивидуальность каждого конкретного человека выражалась в наполнении единого для всех шаблона и особенно — в отступлениях от стандартных записей, а также в наличии особых отметок, свидетельствующих о своеобразии официального варианта его жизненного пути.

Советский паспорт — необычный документ. Для владельцев его документная составляющая во многих случаях была менее важна, чем сам факт его наличия и приписываемые ему символические смыслы. Такое восприятие паспорта было, вероятно, обусловлено тем, что он являлся своего рода медиатором между гражданином и официальными структурами. Категории, с помощью которых устанавливалась и учитывалась личность, требовались чиновникам для учета и контроля. Для самой «личности» гораздо важнее было владение паспортом и получаемые вместе с ним возможности. Посредническая роль паспорта, его обращенность одной стороной к владельцу, а другой — к государству в какой-то мере объясняет ту неизменную двойственность, которая характерна как для отношения к нему, так и для его бытования.

Двойственность отношения к паспорту проявляется во многих представлениях и практиках: без него не обойтись, и вместе с тем он практически не нужен; в одних контекстах он выступает в роли документа, в других — в роли символа; его одновременная принадлежность и владельцу, и государству вынуждает владельца в зависимости от ситуации занимать ту или иную позицию, подчас кардинально меняя свое отношение к этому объекту. При этом важно отметить, что двойственное отношение к паспорту было характерно не только для «населения», но и для государственных структур: при всей жесткости паспортного режима нарушения, вызванные, например, экономической необходимостью, могли «не замечаться».

В начале книги был сформулирован основной вопрос: как функционировала советская паспортная система в официальном и неофициальном вариантах? Ответ на этот и более частные вопросы предполагал обращение к традиции описания паспортной личности в России. Советский паспорт оказался прямым наследником дореволюционного, основная идея которого изначально заключалась в учете и контроле за передвижениями населения. В течение нескольких веков формировались основные черты паспортного портрета. Прежде всего это персональные данные владельца паспорта: имя, отчество, фамилия, возраст, место жительства, приметы. Привычные нам и, казалось бы, беспроблемные характеристики вводились с большим трудом, поскольку требовали принципиально нового подхода к каждой из них, их перевода на язык официальных, а значит, неизменных сведений. А это в свою очередь предполагало создание системы документирования основных точек жизненного сценария от рождения до смерти с помощью метрических записей и их аналогов.

Одной из особенностей дореволюционного паспорта было то, что он выдавался до самого позднего времени мужчинам. Мужским характером паспорта объясняется то обстоятельство, что в число обязательных сведений входили записи об отношении владельца к воинской обязанности, о семейном положении и наличии детей, и в то же время отсутствовало указание на пол владельца паспорта. Кроме того, были введены категории, определяющие его социальный статус и вероисповедание, что давало возможность отнести его к одной из групп населения, каждая из которых обладала своим набором прав. В результате паспортный портрет содержал два рода сведений, которые характеризовали человека не только как физическое лицо, но и как «учетную личность».

Новой властью паспорт был объявлен символом крепостничества и отменен. Однако вскоре стало понятно, что без учетных документов обойтись невозможно. Попытки советской бюрократии создать для каждого класса свое удостоверение личности не увенчались успехом. Трудовые книжки, вводившиеся вместо паспортов, должны были стать указанием на новые ценности и прежде всего на отношение к труду как основную характеристику советского человека, но и с ними ничего не получилось. Удостоверения личности, введенные во времена НЭПа, не имели характера обязательных документов. Между тем, к началу 1930-х гг. властям стало понятно, что «наведение порядка» в стране невозможно без налаженной системы учета и контроля. Проведенная варварскими методами коллективизация привела к голоду и социальному хаосу, особенно в крупных городах.

Введенная в 1932 г. паспортная система стала неординарным способом выхода из кризисной ситуации. Примененный властью принцип ограниченного льготного права (когда паспорт получали не все, а лишь те, чье социальное происхождение давало основание причислить их к числу социально близких) позволил перевести критическую ситуацию в юридическую плоскость, а голодное население — из требующих в просящих. Сам паспорт стал «способом проявления социального лица», что считалось необходимым для отделения «социального мусора» от «здорового ядра». Основным механизмом распределения различных групп населения в пространстве и регуляции отношений между «своими» и «чужими» явилась разрешительная прописка. В этой ситуации паспорт воспринимался как своего рода награда и знак принадлежности к тем, кого власть считала «своими». Для тех, кто не получил паспорт, это означало необходимость либо удалиться в серую (непаспортизированную) зону, либо прибегнуть к одной из доступных стратегий социальной мимикрии.

В течение полувека паспорт не столько объединял, сколько разъединял различные группы советского общества, и не только по признаку его наличия/отсутствия, но и по ряду других признаков: социальной принадлежности, национальности, наличия/отсутствия судимости и др. Прямым порождением паспортной системы стали паспортные режимы, с помощью которых правовое неравенство разных слоев населения получило пространственное закрепление. Среди выстроенных границ особое значение имела зона 101-го километра, в которой концентрировались выселенные жители крупнейших городов — своего рода пространство ожидания перемен.

Система паспортных режимов, перекроившая социальную географию страны, создавалась главным образом для рационализации форм контроля над населением. Однако стремление максимально ограничить перемещения между режимными территориями не учитывало процессов модернизации страны. Превращение сельской культуры в городскую — один из главных модернизационных проектов СССР, а паспорт воспринимался сельским населением как элемент городской культуры. К 60-м гг. стало очевидно, что паспортная система в том виде, в каком она сформировалась, стала тормозом в экономическом отношении и вошла в противоречие с прокламируемыми идеологическими установками на построение гомогенного общества. Проекты паспортных реформ 1960-х гг. отчетливо показывают неуклонное нарастание различного рода несоответствий, порожденных паспортной системой. Реформа 1974 г., распространившая действие паспортной системы на все население СССР, была вынужденной и настолько запоздавшей, что не дала ощутимых эффектов. Это объясняется также и тем, что получившие паспорта сельские жители остались привязанными к своим колхозам, поскольку остались неизменными положения Примерного устава колхоза, в соответствии с которым они не могли по своему желанию покинуть эти предприятия. Паспортная система настолько вросла в общую законодательную базу, что ее изменение могло приносить ожидаемые результаты только при условии корректировки многих других законодательных установлений, казалось бы, не имеющих к ней прямого отношения.

Функции паспорта и политика символической работы с населением менялись. Если на первом этапе (1933–1936 гг.) паспортная система была ориентирована главным образом на социальную фильтрацию населения паспортизированных зон, то на втором этапе (1937–1953 гг.) основные усилия были направлены на создание социальной однородности в зонах паспортного режима, которые различались по степени «чистоты» проживавшего в них населения. В оба периода доминировал эксклюзивный подход к объектам паспортной работы, ориентированный если не на индивидов, то на определенные группы населения. На последнем этапе усилия власти сосредоточились на построении «общества равных возможностей». На это были направлены и паспортные реформы 60–70-х гг. Можно сказать, что паспортизация населения страны начиналась как социальный фильтр, а завершилась как социальный штамп.

Советский паспорт создавался как документ, для которого функция удостоверения личности — лишь одна из многих. К сведениям, избыточным с точки зрения идентификации личности, относились данные о национальности, социальном положении, работе, семейном положении, отношении к военной службе, прописке, судимости и др. Паспорт стал документом универсального характера, к которому сходится вся значимая с точки зрения чиновников информация о его владельце. Вероятно, именно поэтому он превратился в своего рода сверхдокумент, по отношению к которому все остальные документы личного характера занимают подчиненное положение и должны подтверждаться паспортными данными. Иными словами, паспорт становится «главным» документом не только в метафорическом, но и в буквальном смысле.

Среди сведений о «паспортной личности», следует отметить постепенное уменьшение роли данных о социальном положении и довольно резкое повышение статуса категории «национальность», которая в течение 1930-х гг. из чего-то второстепенного и невнятного превратилась в одну из основных и неотъемлемых характеристик советского человека. Вместе с тем критерием определения этой категории во многих случаях становится не столько «национальная принадлежность» родителей (как того стали требовать паспортные правила), сколько запись о ней в паспорте, что дало основание говорить о возникновении особого феномена — советской «паспортной национальности» как следствия стремления к ее максимальной объективации и эссенциализации. Примерно то же можно сказать о «социальном положении» (подтверждением которого становились справки с предыдущих мест работы) и других сведениях. С точки зрения советской бюрократии существует лишь то, что зафиксировано в справках, и чем их больше, тем надежнее сведения (отсюда постоянная озабоченность советских людей добыванием справок при каждом столкновении со сферой официального). При этом соответствие содержания справок внеположной бюрократической сфере реальности отходило на второй план, что и давало простор для различного рода фальсификаций.

Почему для описания «паспортной личности» необходимо указание именно этих, а не каких-то иных сведений, обычно никак не объяснялось. Складывается впечатление, что создатели паспортных правил руководствовались, во-первых, предшествовавшей традицией, а во-вторых, специальными постановлениями, исходившими от НКВД/МВД и подобных ведомств, — как это было, например,

с записью о национальности. Казалось бы, авторы постановлений и инструкций должны были быть заинтересованы в трансляции паспортных правил «пользователям», но скорее речь может идти о стремлении ограничить их распространение. Даже Положения о паспортах, адресатом которых теоретически должны быть все получатели паспортов, публиковались не полностью, а лишь в извлечениях, да и то мизерными тиражами. Был ли здесь расчет на то, что правила будут интуитивно поняты? Или на то, что работники паспортных столов их объяснят? Или вообще никакого расчета? Вместе с тем нельзя сказать, что возможные реакции населения никак не учитывались (ср. о возможности фотографироваться в головном уборе в соответствии с «местными обычаями»).

Советские граждане были вынуждены принимать правила игры — точнее, их не вполне явное существование. В ситуации неопределенности, вызванной недостатком информации, срабатывали механизмы рационализации, что проявлялось в создании своего варианта правил. Фотографирование на паспорт, как и личная подпись, являются хорошими примерами усвоения особенностей советской бюрократической реальности. Отсутствие официальных требований к паспортной фотографии и подписи воспринималось советскими людьми как привычное для них незнание «на самом деле существующих» правил. Эти правила создавались стихийно, на основе самых общих соображений о том, как должен выглядеть человек в глазах властных инстанций. Показательно, что конструируемые правила нередко приписывались представителям властных инстанций с целью их легитимации. В основе применения создаваемых правил лежал императив, воплощением которого стала формула «так надо», выражавшая логику общепринятых стандартов поведения. В формуле «так надо» наряду с имплицитно подразумеваемой обязательностью заложена идея единственно возможного способа преодоления ситуации неопределенности: я не знаю точно, как, почему и зачем, но знаю, что требуется именно так, поскольку так делали до меня и результат был положительный.

Во взаимоотношениях между представителями государственного аппарата и получателями паспортов существовала своего рода презумпция недоверия, которая была обоюдной. У чиновников она выражалась в требовании всяческих подтверждений паспортных сведений. Для пользователей недоверие основывалось на недоступности необходимой информации, что являлось не только общим фоном, но и питательной средой для поисков необходимых

сведений. Этим, в частности, объясняется конструирование своих правил в ситуации отсутствия официальных предписаний: если зарегулировано все, что относится к паспортной системе, то не может быть, чтобы, например, по отношению к подписи не существовало никаких предписаний. В еще большей степени установка на недоверие к результатам деятельности административных органов проявлялась в конспирологических представлениях о зашифрованной в паспорте информации.

В тех случаях, когда официальные правила и инструкции реально существовали (как это было с новым определением национальности по родителям), о них практически ничего не было известно. Бюрократическая сфера производила документы скорее для себя, чем для других. В таких ситуациях получатели паспортов руководствовались образцами поведения («как надо»), которые были приняты «всеми» (а реально — ближайшим окружением). Можно сказать, что реализация официального паспортного права так или иначе сопровождалась разработкой своего рода практических «инструкций», позволявших переводить проблему в практическую плоскость и достигать поставленных целей с минимальными затратами сил, времени и других ресурсов.

Неофициальное право (*право-2*) не было противопоставлено официальному. Скорее оно являлось его продолжением, результатом реальных и воображаемых диалогов с представителями властных органов по поводу правил, понятых по-своему, частично додуманных, частично — заново придуманных. Его основой был опыт общения с сотрудниками паспортных столов, указания, как заполнять формы, и шире — что нужно сделать для получения прописки, паспорта и т. д. В роли авторов и трансляторов «того, как надо» выступали не только работники паспортных столов, но и представители старшего поколения, друзья, знакомые из числа тех, кто уже имел соответствующий опыт. Таким образом, можно сказать, что применяемые правила создавались всеми, кто был в них заинтересован, совместно с низовым аппаратом милиции. В результате складывалась некая компромиссная схема, приемлемая для всех сторон.

Можно, вероятно, говорить о двух основных вариантах усвоения паспортных категорий: их пассивном принятии и ощущении разной степени несоответствия представлениям о себе. В последнем случае (на чем и было сосредоточено внимание) возникала необходимость настройки паспортной идентичности «под себя», что особенно ярко проявлялось в отношении к паспортному име-

ни и национальности. Но если перемену имени можно было совершить официально, то изменение национальной принадлежности, как правило, было сопряжено с полулегальными или вовсе нелегальными действиями. Получение первого паспорта теми, чьи родители принадлежали к разным национальностям, ставило их в ситуацию непростого выбора. Как показывает рассмотренный материал, вовсе не все и не всегда шли по «оптимальному» пути выбора той национальности, при которой «жить будет проще». Иногда руководствовались и другими соображениями, такими как разной степени осознанности неприятие сложившегося порядка, верность семейным традициям и др.

Разрешительный характер прописки и паспорта, а также наличие ограничительных записей в паспортах тех, кто отбыл заключение, — основные причины, побуждавшие прибегать к различного рода обходным маневрам для получения паспорта (прописки) или для избавления от записей, которые не позволяли владельцу такого паспорта проживать в особых режимных зонах. Среди использовавшихся ресурсов — сети социальных связей, рынок фальсифицированных справок, редактирование биографий и т. д. Основным способом обретения прописки в таких городах, как Москва и Ленинград, становится фиктивный брак, посредством которого решались и другие проблемы, связанные с социальной мобильностью (жилплощадь, служебная карьера и т. д.). Возможность получения «чистого» паспорта (без ограничительных записей) основывалась на несовершенстве системы учета, что особенно ярко проявлялось при обмене паспортов в местностях с разными паспортными режимами.

Преодоление паспортных барьеров превращалось в своего рода игру с государством, в которой всякая форма ограничения и контроля находила свою схему обхода[237]. Призом становился паспорт как таковой, прописка или «чистый» паспорт. Особое место в этой «игре» занимали работники паспортных столов, с помощью которых можно было «подправить» паспортные данные (изменить национальную принадлежность, время рождения и другие сведения). Кроме того, представители низших уровней властных структур модифицировали официальные предписания в соответствии со своим

---

[237] Об укорененности традиции создания правил нарушения правил см.: *Байбурин А. К.* «Нельзя… но если очень нужно…» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 4–11; *Байбурин А. К.* Правила нарушения правил // Етнолингвистичка проучавања у част академика Светлане Толстој. Београд: Српска Академија наука и уметности, 2008. С. 51–58.

пониманием и уровнем компетентности, что вносило весьма существенные коррективы в функционирование паспортной системы.

В рассмотренных воспоминаниях паспортные практики далеко не всегда расценивались как сопротивление официальным установлениям. Скорее речь шла о всевозможных уловках, к которым прибегали для встраивания себя в паспортную систему. Персональная подстройка под нее, естественно, могла включать и элементы сопротивления навязываемым схемам, однако и в этих случаях всё оставалось в рамках принятых в советском универсуме «правил жизни».

Неэффективность советской паспортной системы, которая регулярно подтверждалась внутренними проверками, как это ни странно, обеспечивала необходимый уровень ее жизнеспособности, поскольку давала тот люфт, который был необходим советским гражданам для жизни в предписанных условиях.

Если кратко отвечать на поставленный в начале книги основной вопрос, можно сказать, что исходившие от высших уровней власти официальные установления служили своего рода материалом для их интерпретации не только простыми советскими гражданами, но и самими представителями власти, которые по-своему прочитывали и трансформировали их. В результате складывался набор актуальных практик, включавший широкий спектр различного рода действий, не предусмотренных официальным сценарием, но дававших возможность советским гражданам пытаться реализовать свои конкретные жизненные стратегии.

На смену советской гордости пришел постсоветский прагматизм: «сейчас паспорт больше нужен, а тогда к нему относились с бóльшим почтением». Это почтение напоминает отношение к предметам культа. Культ не требует обсуждения, он предполагает следование заведенному порядку. Характерно, что тема абсурдности бюрократических установлений практически не поднималась. Существующий порядок объяснялся в разные периоды по-разному: борьбой с врагами, внешними и внутренними угрозами, государственной необходимостью. А мог и вовсе ничем не объясняться: «таков порядок». Этого было достаточно для того, чтобы любым бюрократическим предписаниям придавалась некая целесообразность.

СССР был страной с неустоявшимися, точнее, складывающимися идентичностями, и паспорт, безусловно, сыграл весьма существенную и еще не вполне оцененную роль в их формировании и функционировании.

Сокращения

АММ — Архив Международного общества «Мемориал»

АФ — «Антропологический форум»

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГМПИР — Государственный музей политической истории России

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

СЗ СССР — Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР

СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР

ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург)

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Библиография

Абашин С. Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX — начале XXI в.). Дис. … д-ра ист. наук. М., 2009.

Абашин С. Н. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84) (http://www.nlobooks.ru/node/2586; 23.07.2016).

Ажыбекова К. А. Проблемы взаимоадаптации верующих и неверующих в современном мире // Вестник Кыргызско-Славянского университета. 2009. Т. 9, № 3. Бишкек. С. 15–18.

Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1895.

Амосова С., *Николаева С.* Практики перемены имен у евреев Подолии и Буковины // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Сэфер, 2010.

Ананьич Б. В. Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1983. С. 34–45.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982.

Антонов Д. Н., *Антонова И. А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы.1996. № 4. С. 15–28; № 5. С. 26–39.

Антонов Д. Н., *Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М.: РГГУ, 2006.

Аристова Т. Ф. Трансформация личных имен армянского населения пос. Эшери Сухумского р-на Абхазской АССР // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984.

Ахметова М. В. Образ бедствий в современной русской эсхатологии // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика (http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova1.htm ; 23.07.2016).

Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь: Дар, 2000.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Байбурин А. К. «Нельзя… но если очень нужно…» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. С. 4–11.

Байбурин А. К. Заметки к теме «Слово и тело» // Тело в русской культуре. М.: НЛО, 2005. С. 102–111.

Байбурин А. К. Правила нарушения правил // Етнолингвистичка проучавања у част академика Светлане Толстој. Београд: Српска Академија наука и уметности, 2008. С. 51–58.

Байбурин А. К. Из предыстории советского паспорта // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 140–154.

Байбурин А. К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сб. ст. к 70-летию Валерия Александровича Тишкова. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 533–555.

Байбурин А. К. Свое/чужое имя (историко-культурные заметки о перемене имени) // Свое среди чужого, чужое среди своего. М.: Форум, 2015. С. 100–130.

Байбурин А. К., *Пиир А. М.* Счастье по праздникам // АФ. 2008. № 8. С. 227–257.

Баранов В. Индеец // Интерлит (http://www.interlit2001.com/baranov-2.htm; 24.07.2016).

Барбашин М. Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 45–50.

Басова Л. Моя краснокожая паспортина // Комсомольская правда. 2008. 13 дек. С. 3.

Белов В. Раздумья на Родине. М. 1989.

Белозеров Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. Историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада // Литмир: электронная библиотека (https://www.litmir.co/br/?b=229349 — Дата обращения: 24.06.2017).

Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.

Богданов К. А. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // АФ. 2008. № 8. С. 300–337.

Богданов К. А. Из истории клякс. Уроки чистописания в советской школе и медиальная антропология //АФ. 2010. № 13. С. 217–241.

Богданова Е. А. Газетные жалобы как стратегии защиты потребительских интересов. Позднесоветский период // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 6. С. 44–48.

Бойм С. Как сделана «советская субъективность»? // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 285–296.

Большой юридический словарь / Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А., Палаткин А. В., Панов В. П., Трофимов В. Н. М.: Инфра-М, 2001.

Бредникова О. Е., *Запорожец О. Н.* «Расслабьтесь и постарайтесь выглядеть естественно...»: визовая фотография как искусство детали //

Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: НЛО, 2013. С. 359–369.

Бреус Е. М. Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 3–23.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–115.

Булгаков С. Н. Философия имени // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1999.

Бунимович Е. От улыбки станет веселей? Невеселая фотохроника одной жизни // Новая газета. 2000. 4 мая. № 17(д).

Бурак В. Быть гражданином // Клуб и художественная самодеятельность. 1982. № 2. С. 4–6.

Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Васильева Е. Легальные и нелегальные документы: коллизии правового сознания россиян // Социальная реальность. 2008. № 8/10. С. 27–39.

Васильева Е. Социальные аспекты фальсификации документов: анализ современных российских практик // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: НЛО, 2013. С. 103–122.

Вахтин Н. Б. Возвращение умерших и наречение имен на Северо-Востоке Сибири // Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6). СПб., 2001. С. 216–231.

Вахштайн В. С. Производство абсурда в университете: документ как антитекст // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: НЛО, 2013. С. 380–387.

Вебер В. 101 километр, далее везде. Главы из книги // Нева. 2011. № 8 (http://magazines.russ.ru/neva/2011/8/ve6.html — Дата обращения: 13.09.2016).

Вебер В. 101 километр, далее везде… Главы из книги // Дружба народов. 2012. № 7 (http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/7/vv3.html — Дата обращения: 13.09.2016).

Веремеев Ю. Комплектование Советской (Красной) армии // Веремеев Ю. Анатомия армии (http://army.armor.kiev.ua/hist/k_sov_arm.shtml — Дата обращения: 24.06.2017).

Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994.

Войнович В. Антисоветский Советский Союз // E-reading.club (http://www.e-reading.club/chapter.php/11799/6/Voiinovich_-_Antisovetskiii_Sovetskiii_Soyuz.html — Дата обращения: 13.09.2016).

Вольпин А. О советских Конституциях и правах человека // Хроника защиты прав в СССР. Вып. 35. Июль-сентябрь 1979. Нью-Йорк, 1979. С. 56–57.

Воронков В. Приватизация этничности vs «национальная политика» // Куда пришла Россия. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШ СЭН, 2003. С. 206–214.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928.

Гальперин И. Имя собственное // Нева. 2008. № 4 (http://magazines.russ.ru/neva/2008/4/ga10.html — Дата обращения: 13.09.2016).

Гатагова А. С. Кристаллизация этнической идентичности в процессе массовых этнофобий в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Религия и идентичность в России. М.: Восточная литература, 2003. С. 82–97.

Гиндин С. И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ). Автореферат дис. канд. филол. наук. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1972. С. 3–15.

Голдман В. Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920 — начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12) (http://www.nivestnik.ru/2005_1/07.shtml — Дата обращения: 13.09.2016).

Горлицкий Й. Структуры доверия после Сталина // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 136–154.

Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990). Антология текстов. Взрослые о детях и дети о себе / под ред. В. Безрогова и К. Келли, с участием А. Пиир и С. Сиротининой. Часть 1: 1890–1940; Часть 2: 1940–1990. М.; Тверь: Научная книга, 2008.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / сост. Г. В. Костырченко. М.: Материк, 2005.

Гриднева Н. Мода на имена // «Коммерсантъ-Власть». 2000 (http://posobie.info/forum/viewtopic.php?t=11340 — Дата обращения: 13.09.2016).

Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117) (http://www.nlobooks.ru/node/2629 — Дата обращения: 13.09.2016).

Гумерова М. «Непрерывка» и антирелигиозная агитация // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики,

новые идентичности: м-лы научн. конф. студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 58–63.

Гумерова М. Непрерывная рабочая неделя (1929–1931): опыт конструирования нового социального времени // Электронный научно-образовательный журнал «История» (http://www.history.jes.su/s207987840000190-8-2 — Дата обращения: 17.04.2017).

Гумерова М. Национализация свободного времени (СССР 1920–1930-е гг.) // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: м-лы научн. конф. студентов и аспирантов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 46–51.

Гумерова М. Время в фокусе внимания: последствия тотальной рационализации быта 1920-х годов в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 382–390.

Гурков В. С. Обряд посвящения в гражданство // Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск: Наука, 1978.

Гурков В. С., *Дубовик Н. К.* Посвящение в гражданство: сценарий // Новые гражданские обряды и ритуалы. Минск: Беларусь, 1978. С. 8–28.

david_gor. Установление личности, идентификация, паспорт и чипы (http://david-gor.livejournal.com/63792.html; 13.09.2016).

Давыдов Юрий. Синие тюльпаны (1988–1989) // Дружба народов. 1988. № 5 (http://www.e-reading.club/chapter.php/17958/1/Davydov_-_Sinie_tyul%27pany.html — Дата обращения: 17.04.2017).

Даль В. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984.

Дарбеева А. А. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках // Ономастика. М.: Наука, 1969.

Декреты Советской власти. Т. I. М.: Политиздат, 1957.

Денисова Л. Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М.: Новый хронограф, 2011.

Деррида Ж. Подпись — событие — контекст / пер. Валерия Мароши (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/podp.php — Дата обращения: 17.04.2017).

Дёнингхаус В. Феномен перемены национальной идентичности накануне большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 294–304.

Дёнингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 115–125.

Дроздов Б. В. Личная свобода и социальные обязанности (информационный аспект) // РЕМА: Научно-образовательный сайт (rema44.ru/about/persons/drozdov/papers/kom_ls13.doc — Дата обращения: 24.06.2017).

Еропкин М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М.: Высшая школа МООП СССР, 1967.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Комментарии / под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л.: Наука, 1987.

Записка А. Г. Белобородова в Политбюро ЦК РКП(б) 18 января 1923 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 102–103.

Записка Л. П. Берии и А. Я. Вышинского В. М. Молотову 31 авг. 1940 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 112–113.

Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей (13 мая 1953 г.) // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М.: МФД, 1999.

Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.

Иванов В. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х и их погром // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 126–140.

Иванов В. М. Жизнь рождает новые обряды. Минск: Беларусь, 1964.

Иванов Д. В. Влияние низовой коррупции на стабильность правопорядка в советской России в послевоенный период // Мир юридической науки. 2012. № 2. С. 37–44.

Иванов П. Этнографические материалы, собранные в Купянском уезде Харьковской губ. // Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 22–81.

Иванов Ф. Н. Периодизация рекрутской повинности в России в XVIII–XIX веках // Вестник Военного университета. 2011. № 4. С. 134–140.

Из истории «национального вопроса» в СССР // Мемориал-Аспект. Информационный бюллетень Общества «Мемориал». 1994. № 10–11. Сентябрь. С. 12.

«Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер». Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 112–121.

Иманкулова Е. В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века // Человек в мире культуры. 2012. № 1. С. 12–19.

Имя и судьба / сост. И. Терлецкая. М.: Дубль-В, 1995.

Имя — судьба: книга для родителей и крестных / сост. А. Бобров. М.: Современный писатель, 1993.

Инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях Положения о паспортах // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история, документы: в 6 т. / отв. ред. Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. Т. V. М.: Мысль, 2003.

Инструкция по проведению в жизнь «Положения о паспортах», 9 февраля 1933 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 84, ст. 516.

История сталинского ГУЛАГа. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / сост. С. В. Мироненко, Н. Верт. М.: РОССПЭН, 2004; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004.

Кабакова Г. И. Дети некрещеные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2010.

Калугин Д. Рец. на кн.: Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. ст. / под ред. И. М. Каспэ. М.: НЛО, 2013 // АФ. 2014. № 20.

Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003.

Кампарс П. П., *Закович Н. М.* Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967.

Карнаухов С. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С. 634–652.

Карский Е. Белорусы. Т. 1. Варшава, 1903.

Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009.

Келли К., *Сиротинина С.* «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // АФ. 2008. № 8. С. 267.

Кириченко Ю. Н. Историко-правовой очерк проведения паспортной реформы 1974 г. и ее роль в укреплении общественного порядка в СССР // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 707–713.

Климов Е. Торжественный акт вручения первого советского паспорта (Методическое пособие в помощь культурно-просветительным работникам). Пермь: Культпросвет, 1961.

Климов Е. Новые обычаи и праздники. М.: Профиздат, 1964.

Ковалев Ю. И. О советском паспорте. Рига: Авотс, 1998.

Кодекс законов о труде. Пг.: НКТ, 1919.

Кодекс о браке и семье РСФСР. М.: Ведомости Верховного совета РСФСР, 1969.

Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М.: Олма-пресс, 2006 (http://scisne.net/a-1018?pg=14 — Дата обращения: 24.06.2017).

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.

Кондратьева Т. С. Введение // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН. 2009.

Корнева Ю. Лесенка для боженьки // Агентство новостей ТВ2 (http://www.tv2.tomsk.ru/real/lesenka-dlya-bozhenki — Дата обращения: 24.06.2017).

Короткова Т. А. Перемены личных имен. Ономастика Поволжья. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1971.

Корягин С. В. Непристойные фамилии у донского казачества // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 4–5 (48–49). М.: Изд. Историко-родословного об-ва, 1997.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.

Костырченко Г. В. Дамоклов меч «пятого пункта» // Режимные люди в СССР / ред. Т. С. Конратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009.

Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 250–328.

Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 266–268 (http://www.krotov.info/history/20/1930/levitin_2.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Кремлева И. А. Старообрядчество // Портал Credo.ru (http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=88 — Дата обращения: 24.06.2017)/

Кукулин И. Одомашнивание цифр: квазидокументность телефонного номера в русской поэзии XX века // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: НЛО, 2013. С. 322–355.

Кусков Г. С. Основные этапы развития советской паспортной системы // Труды Высшей школы МООП СССР. М., 1968. Вып. 20. С. 99–112.

Кустарев А. Об агентах советского хронотопа // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 261–271.

Кутафин О. Е., *Лебедев В. М.*, *Семигин Г. Ю.* Судебная власть России: история, документы: в 6 т. / отв. ред. Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003.

Кушкова А. Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской области) // АФ. 2009. № 11 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_02_kushkova.pdf — Дата обращения: 24.06.2017).

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М.: МФД, 1999.

Лалаянц Э. А. За сто первым километром // Звезда. 1998. № 3. С. 96–110.

Лаппо Г. М., *Полян П. М.* Закрытые города // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.

Лейбов Р. Подпись // Ruthenia (http://www.ruthenia.ru/r_lj/28–7.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1967.

Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011.

Лившиц А. Я., *Орлов И. Б.*, *Хлевнюк О. В.* Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. Москва: РОССПЭН, 2002.

Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е гг. XX в.) // Русские: Семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989.

Лихачев Д. С. Воспоминания, раздумья, работы разных лет. Т. 1. СПб.: АРС, 2006.

Лукьянов А. И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962–1977 гг.) // Сайт Конституции РФ (http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/3001 — Дата обращения: 24.06.2017).

Лурье Л. Как зачищали Ленинград // Kommersant.ru. Огонёк. 15 дек. 2014 г. (http://www.kommersant.ru/doc/2628721 — Дата обращения: 24.06.2017).

Любарский К. Паспортная система и система прописки в России // Сайт Института прав человека (www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Лярская Е. В. Современное состояние системы личных имен у ямальских ненцев // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. Вып. 2. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.

Максимов А. Бомба в ночном эфире // Независимая газета. 2003.06.11. С. 3.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1903.

Малахов А. Книжка бытия (http://kommersant.ru/doc/549012 — Дата обращения: 17.04.2017).

Малая советская энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1930.

Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема: новый анализ. М.: «Права человека», 2003.

Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008.

Меленберг А. А. Люди. События. Факты. Немцы в Российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 127–130.

Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. (Очерки истории Урала. Вып. 42).

Мельникова Н. В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 49–96.

Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Акты гражданского состояния в Царстве Польском / сост. Л. П. Новиков, под ред. прот. Н. А. Каллистова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907.

Милиция России. Документы и материалы. 1917–1979. Т. 1 (1917–1934). Саратов: СЮИ МВД РФ, 2002.

Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.

Миллер А. И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛО, 2008. С. 25–58.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2010.

Муан Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 255–274.

Мэтьюз М. Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 22–34.

Натолочная О. В. Государственно-правовое регулирование паспортного режима в городе Сочи в 1920–1990-е гг. // Былые годы. 2011. № 1 (19). С. 77–80.

Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. 436–462.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск: Губ. типо-лит., 1897.

Никонов В. А. Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 102–111.

Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.

Новые гражданские обряды и ритуалы / под ред. В. К. Бондарчика и др. Минск: Беларусь, 1978.

Ноженко М. В. Политико-правовой и социальный аспекты определения национальной принадлежности в Российской Федерации. Дис. … канд. политич. наук. СПб.: Европейский ун-т, 2002.

Носенко Е. Э. «Быть или чувствовать?»: Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России М.: Крафт+, 2004.

О введении трудовых книжек. Постановление СНК СССР // Спутник агитатора. 1939. № 1. С. 1–2.

Олейников Н. Пучина страстей. М.: Сов. писатель, 1991.

О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью (Обязательное постановление) // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1940. № 11. С. 2.

О правилах поведения детей в общественных местах (в театрах, кино, парках, трамваях, на стадионах и т. д.) и на улицах города Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 12. С. 8.

Организация и проведение паспортизации в СССР в период 1933 по 1939 гг. // Alldocs — коллекция электронных документов (http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=4329 — Дата обращения: 24.06.2017).

Орлова Г. Изобретая документ: бумажная траектория Российской канцелярии // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: НЛО, 2013.

Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998.

Охотин Н. Г. Три минуты на решение // Еженедельный журнал. 2002. № 10 (14.03).

Охотин Н. Г., *Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД: 1937–1938 // Наказанный народ: сб. ст. М.: Звенья, 1999. С. 35–71.

Панеях В. М. Указы о холопьих отпускных 50-х гг. XVI в. // Из истории феодальной России. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. С. 103–110.

Панченко А. Антропология и конспирология // АФ. 2015. № 27. С. 89–94.

Панченко А. Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах // АФ. 2015. № 27. С. 122–141.

Парфенов С. В. Организационно-правовые основы паспортной системы в СССР. Дис. … канд. юр. наук. М., 1986.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года = Relevé général pour tout l'Empire des résultats du dépouillement des données du premier recensement de la population en 1897. I–II / (предисл. Н. Тройницкий). Санкт-Петербург: паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905.

Переведенцев В. И. Зацепиться за Москву // Новое время. 2003. 19 окт. С. 10–12.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Ливщиц, И. Б. Орлов. Москва: РОССПЭН, 1998.

Петров Н. В., *Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Мемориал (http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Покров Д. Советская эпоха: а если вспомнить детали? (http://dmpokrov.livejournal.com/444963.html — Дата обращения: 24.06.2017).

Полищук Н. С. Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 6. С. 104–112.

Полян П. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. — Мемориал, 2001.

Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–14; № 9. С. 3–13.

Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 96–112.

Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.): как убежать из деревни // Украина криминальная (http://cripo.com.ua/print.php?sect_id=9&aid=78196 — Дата обращения: 24.06.2017).

Поспеловский Д. Сталин и Церковь: «конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви // Континент. 2000. № 103 (http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/pos.html — Дата обращения: 24.06.2017).

Потемкина М. Н., *Кузнецова И. В.* Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 167–174.

Праздники, обряды, ритуалы. Цикл семейно-бытовых ритуалов и обрядов / сост. Е. В. Нечипоренко. Новгород: [б. и.], 1984.

Прописка отменена. Регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства: Постановление Правительства РФ N 713 от

17 июля 1995 г. Постановление Правительства Москвы N 1030–43 от 26 дек. 1995 г. М.: АО «Правда интернэшнл», 1996.

Прохоров Г., *Петракова И.* Советский паспорт: срок годности не ограничен // Газета.Ru. 2004. 16 нояб. (http://refugee.memo.ru/For_All/rupor.nsf/83ce5bc05f80840cc3256a5800515acc/201ac53d195cc76ac3256e62007fcf6c!OpenDocument — Дата обращения: 24.06.2017).

Расков Д. Е. Старообрядческая традиция и постмодерн // Проблемы современной экономики. 2004. № 4 (12). (http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=609 — Дата обращения: 24.06.2017).

Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.

Регистрация актов гражданского состояния: Сборник официальных материалов / под ред. Ю. М. Гусева. М.: Юридическая литература, 1985.

Резвов В. Воспоминания бывшего лимитчика // Вечерний Петербург. 2000. 1 мая. С. 3.

Реут Г. А. Контроль за соблюдением паспортного режима в закрытых городах Сибири в 1950–1980-х гг. // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 129–132.

Романова В. В. «Евреям приезд и водворение в Сибири строжайше воспрещены» (политика государства в отношении евреев Сибири в XIX в.). Хабаровск: Приз, 2000.

Романова С. Н., *Глуховская И. И.* Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в — 1917 г.) // Вестник архивиста. 1998–1999. № 46–50 (http://www.iot-ekb.ru/ukaz_gen.htm#G068 — Дата обращения: 24.06.2017).

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994.

Румановская Е. Евгений Шварц о евреях и еврействе // Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto (http://www.utoronto.ca/tsq/16/rumanovskaya16.shtml — Дата обращения: 24.06.2017).

Рыбальченко Р. К. Паспортная система в СССР. Киев: Вища школа, 1977.

Садовин В. В. Испытал на себе // Ленинградское дело / под ред. В. Демидова и др. Л.: Лениздат, 1990.

Салмон Л. Русско-еврейская антропонимика: от ономастики к истории // Russian Studies. Saint-Petersburg 1996. Vol. II. N 3. С. 175–203.

Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1–3. Санкт-Петербург: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1872–1875.

Сахаров А. Алкоголь и преступность несовершеннолетних // Советская юстиция. 1965. № 16. С. 22–24.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е. А. Зайцев. М.: Республика; Верховный Совет Российской Федерации, 1993.

Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.). М.: ВШ МВД СССР, 1957.

Сборник руководящих документов по паспортной работе. М.: Паспортное управление ГУВД Мосгорисполкома, 1988.

Селищев А. М. Смена фамилий и личных имен // Труды по знаковым системам 5. Тарту: Тартуский ун-т, 1971. С. 493–500.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Синицына М. В. Даниил Осипович Святский: трагедия ученого // Вестник Брянского гос. университета. 2009. № 2. С. 47–48.

Систематический сборник действующих распоряжений по милиции. М.: НКВД, 1926.

Систематический сборник законов о евреях, составленный Л. М. Роговиным. СПб.: Изд. юридического кн. магазина В. П. Анисимова, 1913.

Слабак А. (член городского суда). Брак и прописка // Вечерний Ленинград. 1983. 13 апр. № 85 (16975). С. 2.

Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: НЛО, 2007.

Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории: сб. ст. / под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.

Смирнов И. П. Философия имени. Из лекций о самозванчестве // Чужое имя. (Альманах «Канун». Вып. 6). СПб.: Ин-т русской лит-ры, 2001.

Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. № 24. 1940 год. № 24 (http://istmat.info/node/10536 — Дата обращения: 24.06.2017).

Собрание Узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1917–1918 гг. М.: Управление делами СовНарКома СССР, 1942.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8. Ч. 2. М., 2008.

Соколовский С. В. Этническая идентичность в советских переписях населения // Институт этнологии и антропологии РАН (http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002–1.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Философская публицистика. Т. 2. М.: Правда, 1989.

Сосковец Л. И. Истинно-православные христиане в Сибири // Вестник ТГПУ. 2004. № 41. С. 30–35.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пащенко, Р. К. Суханова. Новосибирск: Экор, 1994.

Сталин И. В. Сочинения: в 16 т. Т. 2. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946.

Сталинские депортации 1928–1953. М.: Материк, 2005. (Россия. XX век. Документы.)

Старовский В. Шестнадцать вопросов переписного листа // Правда. 1939. 13 янв. С. 2.

Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / ред. И. Каспэ. М.: НЛО, 2013.

Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // Флогистон (http://www.flogiston.ru/proiects/articles/etnic.shtml — Дата обращения: 24.06.2017).

Суни Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011.

Сухих И. Баллада о добром генерале // «Звезда». 2003 (http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/6/suh.html — Дата обращения: 24.06.2017).

Сысоева Л. Подпись как средство защиты прав личности // Защита и безопасность. 2005. № 2 (http://www.npo-sm.ru/mag/2054.html — Дата обращения: 24.06.2017).

Тарасов А. Ю. Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в. Дис. … канд. юр. наук. М., 2005.

Тарасов А. Ю. Некоторые проблемы осуществления паспортизации в советском государстве в 30-е годы XX века // Право и образование. 2005. № 3. С. 222–231.

Тетя Поля — жительница 101 километра // Уездный город. 2009. 16 сен. (http://www.alexnews.info/archives/1953 — Дата обращения: 24.06.2017).

Тишков В. Прощание с пятым пунктом // Независимая газета. 1997. 22 окт. С. 2.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука, 1979.

Троцкий Л. Вопросы быта // Юный пролетарий. 1924. № 1. С. 5–20.

Тупиков Н. М. Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен // Записки отд. русской и славянской археологии Русского археологического об-ва. Т. VI. СПб., 1903. С. 75–76.

Тюрина А. П. Советская деревня на путях обновления. М.: Об-во «Знание», 1989.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.

Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 106–153.

Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во МГУ, 1969.

Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе (к работе А. М. Селищева «Смена фамилий и личных имен») // Труды по знаковым системам. 5. Тарту, 1971. С. 481–492.

Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 336–364.

Утехин И. В. Из наблюдений за поэтикой жалобы // Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. Вып. 2. СПб.:Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. С. 274–305.

Фаддеева Т. А. Права на имя // Правоведение. 1989. № 6. С. 39–45.

Фаркин С. Н. Почему введена паспортная система. М.: [б/и], 1933.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.

Федоров А. Гербастый орластый // Автопилот. 2002. № 4 (http://www.autopilot.ru/issues/auto/2002/04/002.HTML — Дата обращения: 24.06.2017).

Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М.: Терра,1991.

Филонов П. Н. Дневник. СПб.: Азбука, 2000.

Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 1920-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.

Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011.

Френкель А. В защиту «пятого пункта» // Независимая газета. 1997. 10 нояб. С. 6.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко М. Нужно защищать общество / пер. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005.

Хазанов Б. Сага о паспорте // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. Т. 1. Вып. 2 (http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/ — Дата обращения: 24.06.2017).

Халфин И., *Хелльбек Й.* Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // Ab Imperio. 2002. № 3.

Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.

Хархордин О. Обличать и лицемерить — это по-русски (http://www.peoples.ru/science/philosophy/harhordin/ — Дата обращения: 17.04.2017).

Хейден У. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.

Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Хмельницкий Д. «Паспортные столы производят облавы…» (Семьдесят лет советской паспортной системе) // Сетевой портал «Заметки по еврейской истории» (http://berkovich-zametki.com/Nomer26/Chmelnycky1.htm — Дата обращения: 24.06.2017).

Хоботов А. Н. Организационные и правовые основы развития паспортной системы в СССР (1917–1980 гг.). Дис. … канд. юр. наук. М., 1983.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте (http://www.victorstegniy.com/uploads/3/3/6/5/3365394/peter_holquist.pdf — Дата обращения: 24.06.2017).

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР: в 7 т. М.: Госюриздат, 1958–1960.

Царенко Ю. В. Трудовые книжки. Рекомендации по оформлению // Помощник кадровика (http://www.help-hr.ru/catalog/k_delo/element.php?ID=1155 — Дата обращения: 17.04.2017).).

Черепнина Н. Ю., *Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке: сб. документов. СПб.: Лики России, 2000.

Чернолуцкая Е. Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток: Приморское об-во книголюбов, 1996.

Чернолуцкая Е. Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. Paris, 1999. P. 17–33.

Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007.

Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. Т. 4 (122). М., 2001. С. 91–131.

Чистяков И. Сибирской дальней стороной. Дневник охранника БАМа 1935–1936. М.: CORPUS, 2014.

Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Шефнер В. Бархатный путь // Звезда. 1995. № 4. С. 26–80.

Шмелева Т. Семиотический мусор городской среды // Польско-славянские литературные исследования. Варшава: Ин-т Славистики ПАН, 1999.

Шорина Е. Н. «Оружие слабых» или уход крестьян из колхозной деревни в 1960–1970-е годы (на примере Вологодской области) // Актуальные аспекты современной науки. Вып. 7. 2015. С. 97–106.

Шумилин Б. Т. Молоткастый, серпастый… М.: Юридическая литература, 1979.

Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

Юрченко Д. О советском паспорте, его действии в настоящее время (http://moses-lawyer.livejournal.com/2958.html — Дата обращения: 24.06.2017).

Ютанов В. «Доходный дом» и др. рассказы. М.: Сполохи, 1913.

Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 200–216.

Якушева Т. «Она — мужняя жена» // База данных ФОМ (http://bd.fom.ru/report/cat/famil/of030906 — Дата обращения: 24.06.2017).

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003.

Allport G. W., *Postman L. J.* The Psychology of Rumor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1948.

Avrutin E. Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010.

Baiburin A. Rituals of Identity: the Soviet Passport // Soviet and Post-Soviet Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 91–110.

Baiburin A. "The wrong nationality": ascribed identity in the 1930s Soviet Union // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism / ed. by A. Baiburin, C. Kelly and N. Vakhtin. London: Routledge, 2012. P. 59–76.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries / ed. by F. Barth. London: Allen&Unwin, 1969.

Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

Blouin F. Jr., *Rosenberg W.* Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Bondarskaya G. A. Nationality in the Population Statistics in the U.S.S.R. // Challenges of Measuring an Ethnic World: Proceedings of the Joint Canada — United States Conference on the Measurement of Ethnicity / Statistics Canada and US Bureau of the Census. Ottawa; Washington, D.C., 1993. P. 333–361.

Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'Etat // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. Vol. 118. N 1. P. 55–68.

Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. Oxford: Polity Press, 1998.

Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities and the Great Soviet and American Plutonium Disaster. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Buckland M. K. What Is a "Document"? // Journal of the American Society for Information Science. 1997. Vol. 48. N 9. P. 804–809.

Buckley C. The Myth of Managed Migration: Migration Control and Market in the Soviet Period // Slavic Review. 1995. Vol. 54. N 4. P. 896–916.

Burds J. The Social Control of Peasant Labor in Russia: The Response of Village Communities to Labor Migration in the Central Industrial Region, 1861–1905 // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 52–100.

Cadiot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. 2005. Vol. 64. N 3. P. 440–455.

Cadiot J. How Diversity Was Ordered: Lists and Classifications of Nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union, 1897–1939 // Ab Imperio. 2002. Vol. 4. P. 177–207.

Derrida J. Signature Événement Contexte // Marges de la philosophie. Paris: Les editions de Minuit, 1972. P. 367–393.

Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Donovan P. One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. Vol. 54. P. 59–82.

Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. New York: Routledge, 1991.

Fitzpatrick Sh. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s. // Journal of Modern History. 1996. N 68. P. 831–866.

Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History 1993. N 65. P. 745–770.

Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.

Frankel B. La Signature: genèse d'un signe. Paris: Gallimard,1992.

Frankel P. The Politics of Passes: Control and Change in South Africa // The Journal of Modern African Studies. 1979. Vol. 17. P. 199–217.

Franklin S. Printing and Social Control in Russia 1: Passports // Russian History. 2010. N 37. P. 208–237.

Gambetta D. Codes of the Underworld: How Criminals Communicate. Princeton: Princeton University Press, 2009.

Garcelon M. Colonizing the Subject: The Genealogy and Legacy of the Soviet Internal Passport // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 83–100.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

Gorlizki Y. Too Much Trust: Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. Vol. 69. N 3. P. 676–700.

Groebner V. Describing the Person, Reading the Sign in Late Medieval and Renaissance Europe: Identity Papers, Vested Figures and the Limits of Identification, 1400–1600 // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 15–27.

Hagenloh P. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR 1926–1941. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2006.

Harre R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge, Massachusets, 1984. P. 69-71.

Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006.

Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. 2001. Vol. 60. P. 340–359.

Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. Vol. 56. N 2. P. 251–278.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

Hosking G. Trust and Distrust: a Suitable Theme for Historians? // Transactions of the Royal Historical Society (sixth series). 2006. Vol. 16. P. 95–116.

Höjdestrand T. The Soviet-Russian Production of Homelessness. Propiska, Housing, Privatisation. Stockholm University, 2003 (http://www.anthrobase.com/Txt/H/Hoejdestrand_T_01.htm — Дата обращения: 17.04.2017).

Kessler G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol. 42. N 2–4. P. 477–504.

Kolonitskii B. 'Revolutionary Names': Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // Revolutionary Russia. 1993. Vol. 6. N 2. P. 210–228.

Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society. New York: Cambridge University Press, 1981.

Latour B. La fabrique du droit: une ethnographie du Conseil d'Etat. Paris: La Découverte, 2002.

Ledeneva A. V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies.)

Ledeneva A. V. The Genealogy of Krugovaia Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe / ed. by I. Marková. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 85–108.

Levi D. M. Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age. New York: Arcade Publishing, 2001.

Lloyd M. The Passport: The History of Man's Most Travelled Document. Stroud, U.K.: Sutton Publishing, 2003.

Loeber A. D. Limitchiki: On the Legal Status of Migrant Workers in Large Soviet Cities // The Soviet and Post-Soviet Review. 1984. Vol. 11. N 1–3. P. 301–308.

Lucassen L. Zigeuner: Die Geschichte eines polizeilichen Ordnungbegriffes in Deutschland, 1700–1945. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996.

Luhmann N. Trust and Power. Two Works by Niklas Luhmann. Chichester, NY: Wiley 1979.

Martin T. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001.

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. P. 813–861.

Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / ed. Sh. Fitzpatrick. New York: Routledge, 2000. P. 348–367.

Matthews M. The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press,1993.

Moine N. Passeportisation, Statistique des Migrations et Contrôle de l'Identité Sociale // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. P. 587–600.

Morrison A. Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. N 2. P. 327–364.

People, Papers and Practics: Registration and Recognition: Documenting the Person in World History / ed. by K. Breckenridge, S. Szreter. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Peskov D. Passport as Crossroads of Constructed Identities // Academia (www.academia.edu/22686696/Passport_as_Crossroads_of_Constructed_Identities — Дата обращения: 24.06.2017).

Robertson C. A Documentary Regime of Verification. The Emergence of the US Passport and the Archival Problematization of Identity // Cultural Studies. 2009. Vol. 23. N 3. P. 329–354.

Salter M. B. Rights of Passage: the Passport in International Relations. Boulder: Lynne Reiner Publishers, 2003.

Schindler N. The World of Nicknames: on the Logic of Popular Nomenclature // Schindler N. Rebellion, Community and Custom in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 48–93.

Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Form of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1987.

Shearer D. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia during the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / ed. by D. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 194–216.

Shearer D. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. P. 835–881.

Silver B. D. The Ethnic and Language Dimensions in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / ed. by R. S. Clem. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1986. P. 70–97.

Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. N 2 (Summer).

Slezkine Yu. The Jewish Century. Princeton University Press, 2004.

Steinwedel C. Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 67–82.

Stephenson S. The Russian Homeless // Poverty in Transition Economies / ed. by S. Hutton, G. Redmond. London: Routledge studies of societies in transition, 2000.

Suny R. G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.

Suny R. G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. P. 862–896.

Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Thubron C. In Siberia. London: Chatto & Windus, 1999.

Torpey J. The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Torpey J. The Great War and the Birth of the Modern Passport // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 256–270.

Torpey J. Coming and Going: On the State Monopolization of the Legitimate "Means of Movement" // Sociological Theory. 1998. Vol. 16. N 3. P. 239–259.

Trust and Distrust in the USSR: Special Issue of Slavonic and East European Review / guest editor G. Hosking. 2013. Vol. 91. N 1. P. 1–154.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1976.

Weitz E. D. Racial Politics without Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review. 2002. Vol. 61. N 1 (Spring). P. 1–29.

Zaslavsky V. The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1982. P. 139–154.

Приложение

Сведения об интервью

В книге использованы материалы 64 интервью, собранных, в основном, в 2007–2010 гг. Информантами были 46 женщин и 27 мужчин (в некоторых интервью принимали участие 2–3 человека). Распределение по годам рождения: 1910-х гг. — 3; 1920–1930 гг. — 16; 1940–1950 гг. — 30; 1960–1970 гг. — 20; 1980-х гг. — 4.

Шифры интервью прочитываются следующим образом. Интервью, собранные в рамках проекта National Identity in Russia, поддержанного AHRC, содержат условное обозначение Oxf/AHRC. Место записи: SPb — Санкт-Петербург, Evpatorija — Евпатория, и т. д. Год записи (07 = 2007 г., и т. д.); номер записи (например: PF-1); инициалы интервьюеров (IN — Ирина Назарова, DT — Дарья Терешина, AK –Анна Кушкова, AKas — Александра Касаткина, MA — Мария Ахметова, AP — Александра Пиир, CK — Катриона Келли, MM — Мария Морозова, SS — Светлана Сиротинина, AB — Альберт Байбурин) и данные об информантах (например, М., 1931 г.р.).

Шифры интервью Центра иудаики Европейского университета в Санкт-Петербурге содержат данные о месте записи (Tul — Тульчин, Bal — Балта), времени записи (06 = 2006 г. и т. д.), инициалы интервьюеров (AS — Алла Соколова, AK — Анна Кушкова, MH –Марина Хаккарайнен, VD — Валерий Дымшиц, SA — Светлана Амосова, NE — Наталья Евсеенко, MG –Мария Гершкович) и данные об информантах (например, Ж., 1937 г.р.).

В шифре интервью, собранных Марией Ахметовой (MA) содержатся сведения о месте записи — Diveevo (Дивеево), о времени (02 = 2002 г.) и информанте (например, М., ок. 50 лет).

Ориентировочные вопросы к интервью

Первые представления о паспорте

- В каком возрасте Вы узнали о паспорте? Это было связано с какими-то событиями, разговорами?
- Свидетельство о рождении. Считали ли Вы его своим «детским паспортом»?

- Вы видели паспорта своих родных до того, как получили собственный? Что Вас в них интересовало?
- Вы делали «паспорт» для своих детских игр?

Получение паспорта

- Во сколько лет Вы получили свой первый паспорт? Были ли с этим связаны какие-то ожидания и/или хлопоты?
- Ваши родные как-то готовили Вас к этому событию? А Вы сами к этому готовились — придумывали себе подпись, стремились сфотографироваться «как можно лучше» и т. д.? Вы помните, как хотели выглядеть на паспортной фотографии, или какой, Вам казалось, она должна быть?
- Вы помните, что нужно было сделать, чтобы получить паспорт? Как Вы подавали документы, заполняли анкету? Вы делали это один или с родителями, ровесниками? Что собой представлял «паспортный стол»? Подавать документы и получать паспорт нужно было в разных местах или в одном и том же?
- Вам вручали паспорт в торжественной обстановке, или это было буднично? Как и где это происходило? Что Вам при этом говорили? Было ли какое-то особенное отношение к тем, кому впервые вручался паспорт? Сопровождал ли Вас кто-то из друзей или родных?
- Вы каким-то образом отмечали получение паспорта — дома или с друзьями? Для Вас было важно, как выглядит паспорт — его общий вид, каким почерком он заполнен, как Вы расписались, как Вы выглядите на фотографии и проч.?
- Где Вы держали свой первый паспорт — вместе с паспортами родителей или где-то у себя? У Вас была обложка для паспорта?
- Что-нибудь изменилось в Вашем самоощущении с получением паспорта?

Содержание паспорта

- Как Вы считаете, вся ли информация, которая вносится в паспорт, должна в нем присутствовать?
- Совпадают ли Ваши имя, отчество и фамилия с паспортными? Вы или Ваши знакомые меняли имя или фамилию? Как это происходило и в связи с чем?
- Если Ваши родители принадлежат к разным национальностям, как Вы выбирали свою «паспортную национальность»? Учиты-

вали ли советы родных, знакомых или какие-то обстоятельства? Вмешивался ли в Ваш выбор работник паспортного стола? При замене советского паспорта на российский графа «национальность» была ликвидирована. Для Вас тогда это имело значение? Как Вы сейчас к этому относитесь?
- Одна из отметок в паспорте — о семейном положении. Как Вы считаете, должна ли быть в паспорте такая отметка?
- Приходилось ли Вам менять прописку? Как это происходило?
- Должна ли быть в паспорте отметка о воинской обязанности?
- Некоторые люди считают, что в серии и номере паспорта закодирована какая-то секретная информация. Вы что-нибудь слышали об этом?

Обращение с паспортом и ситуации, в которых он фигурирует

- Вы обычно носили/носите паспорт с собой или храните дома?
- Вам приходилось когда-нибудь терять паспорт или как-то его портить?
- Что нужно было сделать, чтобы его восстановить?
- Как Вы считаете, владелец паспорта должен нести ответственность за его сохранность?
- Вы можете перечислить ситуации, когда Вам был нужен паспорт? Можно ли было в каких-то ситуациях обойтись без паспорта и как? Какие документы могут заменить паспорт? Бывали ли случаи, когда проблемы с паспортом мешали Вам что-то делать?
- Приходилось ли Вам какое-то время жить без паспорта? Что его заменяло, и испытывали ли Вы при этом какие-то неудобства?
- Известны ли Вам ситуации, когда люди жили вообще без паспорта? Как они обходились без него?
- У Вас проверяли паспорт работники милиции? Чем это было вызвано и как проходила проверка? Вас когда-нибудь задерживала милиция за то, что Вы были без паспорта? Чем это закончилось?
- Приходилось ли Вам заниматься похоронами? Если да, то как в этой ситуации фигурировал паспорт умершего?

Вступление в брак / расторжение брака

- Когда Вы женились / выходили замуж, Вам казалось важным, чтобы это было зафиксировано в Вашем паспорте? Менял ли кто-то из вас фамилию?
- Вам известны ситуации, когда люди пытались скрыть свое семейное положение, пряча паспорт, или выяснить семейное положение другого человека, проверив наличие штампа в его паспорте?
- При расторжении брака паспорт не меняют, а ставят второй штамп — таким образом, в нем сохраняется информация обо всех предыдущих браках. Как Вы к этому относитесь? Известны ли Вам случаи, когда люди намеренно «теряли» паспорт, чтобы избавиться от отметки о прежнем браке?

Обмены паспорта

- Как часто Вам приходилось менять паспорт и с чем это было связано?
- Для многих людей был значим обмен советского паспорта на российский. А для Вас? Вы помните свои ощущения? При обмене советского паспорта на российский многие были против изъятия у них прежнего паспорта. В ходе обмена паспортов правила изменили и желающим стали возвращать советский паспорт, пробитый дыроколом. Вы оставили свой советский паспорт?

Ошибки в паспорте и нарушения правил

- Были ли у Вас или Ваших знакомых какие-то проблемы или ошибки в написании имени, отчества и фамилии в паспорте?
- У некоторых людей бывают проблемы с датой и местом рождения — а у Вас? Вам известны еще какие-то ошибки, которые делались в паспортах?
- В советское время были распространены случаи фиктивного брака. Известны ли они Вам? С какой целью люди вступали в такой брак?
- Вам приходилось слышать о случаях подделки документов? С какой целью они предпринимались — получение паспорта, прописки, изменение семейного положения, что-то еще?

- Что Вы знаете о подделке документов? Если Вы когда-нибудь теряли паспорт или считали, что он у Вас украден, опасались ли Вы, что кто-то может подделать Ваши документы и жить по ним? Вы слышали о таких случаях?
- Как Вы думаете, для чего вообще предназначен паспорт? Почему он считается самым важным документом?
- Какие еще истории с паспортом случались у Вас или у Ваших знакомых?

Загранпаспорт, паспорта в других странах

- Был ли у Вас загранпаспорт в советское время (если информант соответствующего возраста). Как Вы его получили? Был ли у Вас загранпаспорт в те времена, когда его выдавали на руки только на время поездки? Как Вы к этому относились?
- В загранпаспорт вносится другая информация, чем во внутренний паспорт. Как Вам кажется, почему? Считаете ли Вы ее достаточной/недостаточной?
- Известно ли Вам, какая информация вносится в паспорта и идентификационные карты граждан других стран? Как Вы отнеслись бы к подобной информации в российском паспорте?

Кроме развернутых интервью были собраны «маленькие» интервью в социальных сетях и по переписке. Вопросы были следующие.

- Есть ли у Вас детские воспоминания о паспорте (в играх, в детском фольклоре, в жизни семьи)?
- Чем Вам запомнилось получение паспорта?
- В каких ситуациях паспорт был необходим в советское время? Известны ли Вам случаи, когда кто-либо жил без паспорта?
- Приходилось ли Вам предъявлять паспорт милиции? С чем это было связано?
- Теряли ли Вы паспорт? Если да, то как Вы его восстанавливали?
- Какие сведения о человеке, по Вашему мнению, должны включаться в паспорт (и какие, наоборот, не должны указываться в паспорте)?
- Как Вы думаете, для чего предназначен паспорт?

SUMMARY

Albert Baiburin

THE SOVIET PASSPORT

EUSP Press, 2017. — 488 pp., [16] pp. ill. —
ISBN 978-5-94380-232-4

This book is a historical anthropology of the Soviet passport (identity card) from three points of view: historical, bureaucratic and pragmatic. The first section of the book considers the historical development of the passport, including the regulation of the passport before 1917, its reintroduction in 1932, and the further modification and extension of passport regulations up to the adoption of new Russian passports in the post-Soviet era. The second section of the book, using instructions for officials, including archival documentation, deals with the passport as a bureaucratic construction that shaped the owner's identity; it covers such areas as the official rubric for completing the document and the required information about its owner (e.g. name, sex, 'passport nationality' or ethnic origin). The third part, drawing extensively on oral history and memoirs, considers the practices of handling passports in the Soviet period and their significance for those who assigned and used them.

Научное издание

Альберт Кашфуллович Байбурин

СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ
история — структура — практики

Редактор, корректор *Е. А. Перова*
Дизайн, верстка *А. Ю. Ходот*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 76 27
факс: +7 812 386 76 39
Сайт и Интернет-магазин Издательства
WWW.EUPRESS.RU

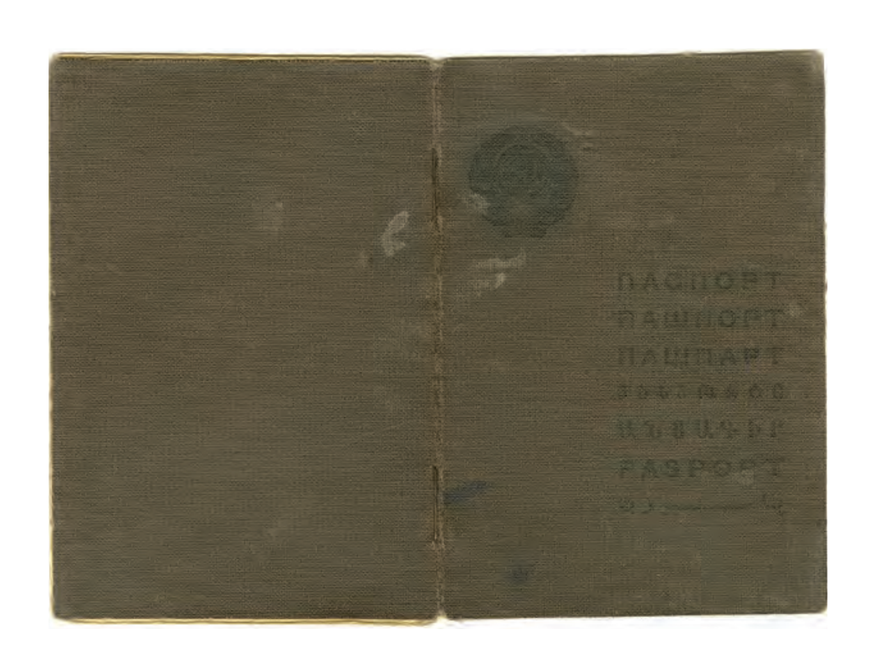
Формат 60×90 $1/_{16}$.
Усл. печ. л. 31,5. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. (2-ой завод — 1001–1500)

2-ой завод
Подписано в печать 26.02.2019.

Заказ №
Отпечатано в типографии
АО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27

Паспорт образца 1933 г.

(Государственный музей политической истории)

8. Лица, вписанные в паспорт владельца

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Отношен. к влад. паспорта	На основании каких докум. вписаны и кем
1.	Яковлева Анна Алексеевна	1920	дочь	

9. Кем, когда выдан паспорт

18 июля 1933 г.

10. На основании каких документов выдан паспорт

Начальник Р. К. милиции

М. П.

Нач. паспортного стола

Дата выдачи 18/VII 33

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

Трикотажно-Чулочн. Ф-ка „Красное Знамя"

Принят 193_ г.

Уволен 193_ г.

ПРОПИСКА

ПРОПИСАН 26/V 193_ г.

по ул. д. №

Прописан 193_ г.

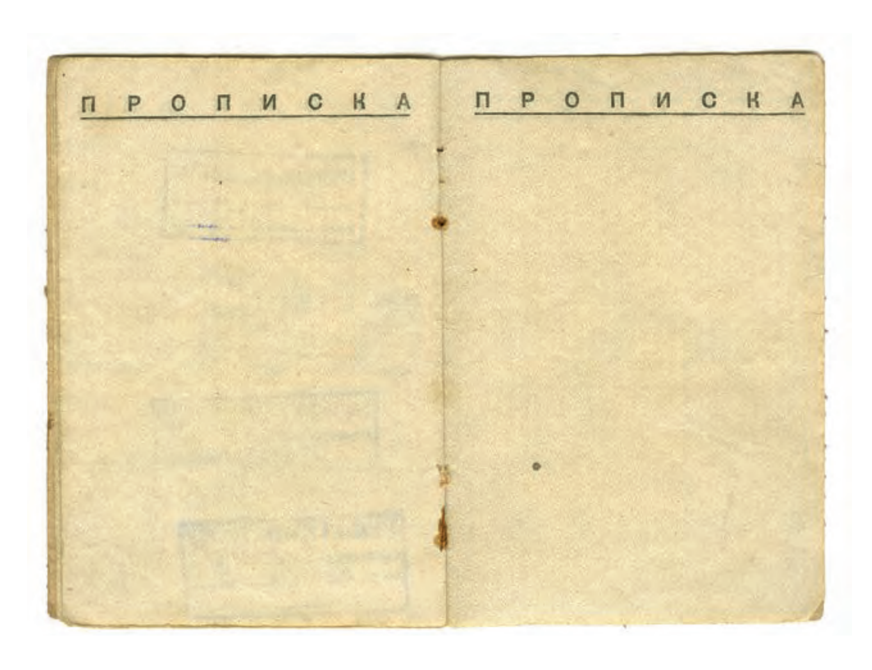
по ул.

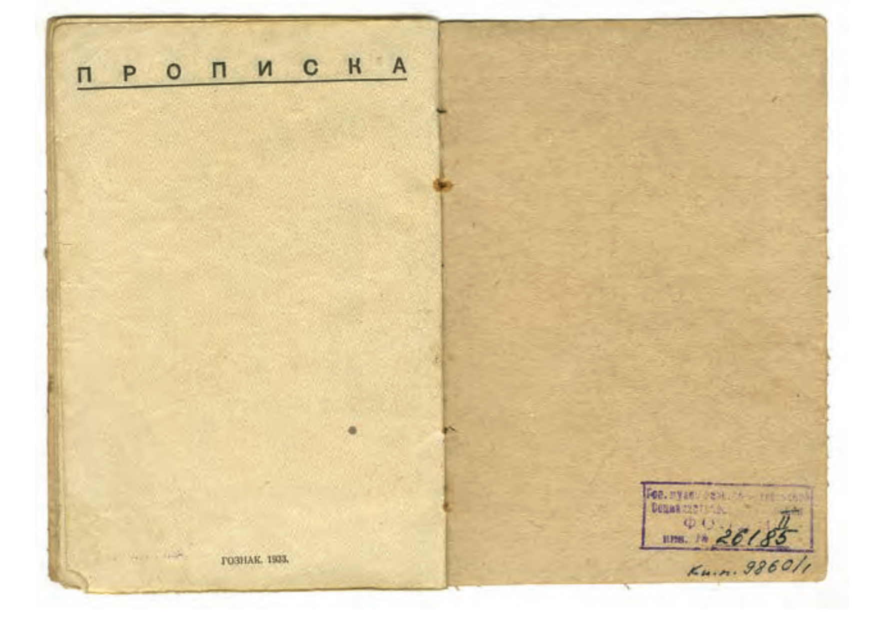
Подпись

Прописан 9 мая 193_ г.

по ул.

Подпись

ПРОПИСКА
ПРОПИСКА

ПРОПИСКА
ГОЗНАК. 1933.
Инв. № 26185
Кн.п. 9860/1

Паспорт образца 1935 г.
(из частного архива)

2. Лица, внесенные в паспорт владельца

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Отношен. к влад. паспорта	На основании каких докум. вписаны и кем

ПАСПОРТ

9. Кем выдан паспорт пункт № 49
8 отд Л.Г.М

10. На основании каких документов выдан паспорт
3 л год пасп. сер И3 № 425987
выд. 8 отд Л.Г.М вр 103 5/4-33

Начальник Р.-К. милиции

Нач. паспортного стола

М. П.

Дата выдачи 8 октября 1935 г.

ЛС № 609491

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

Институт Народов Севера
Принят 1/I 1938 г.
подп. отв. лица
М. П.

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

ПАСПОРТ

ЛС № 609491

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

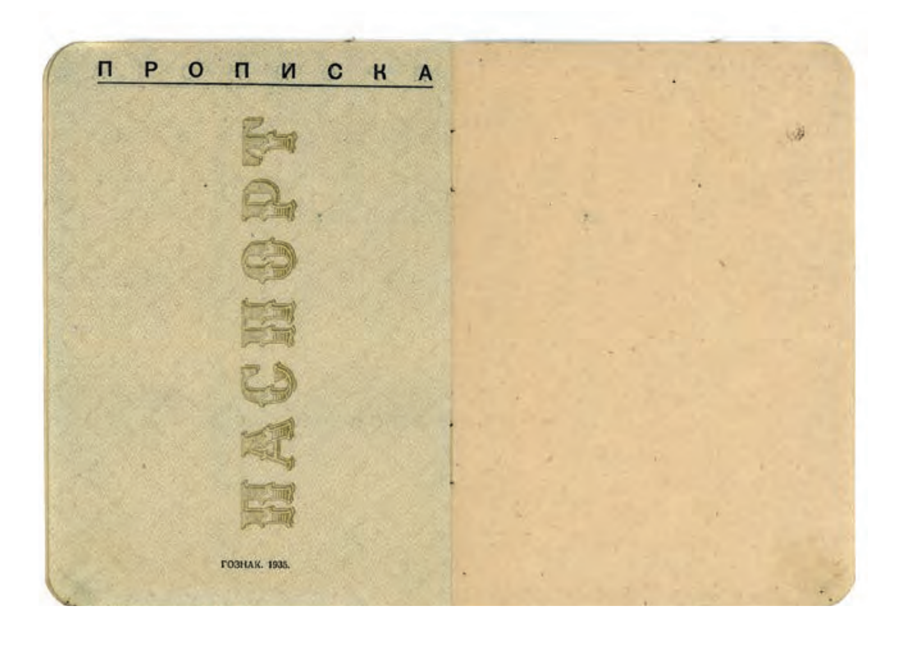
ПАСПОРТ

ПРОПИСКА

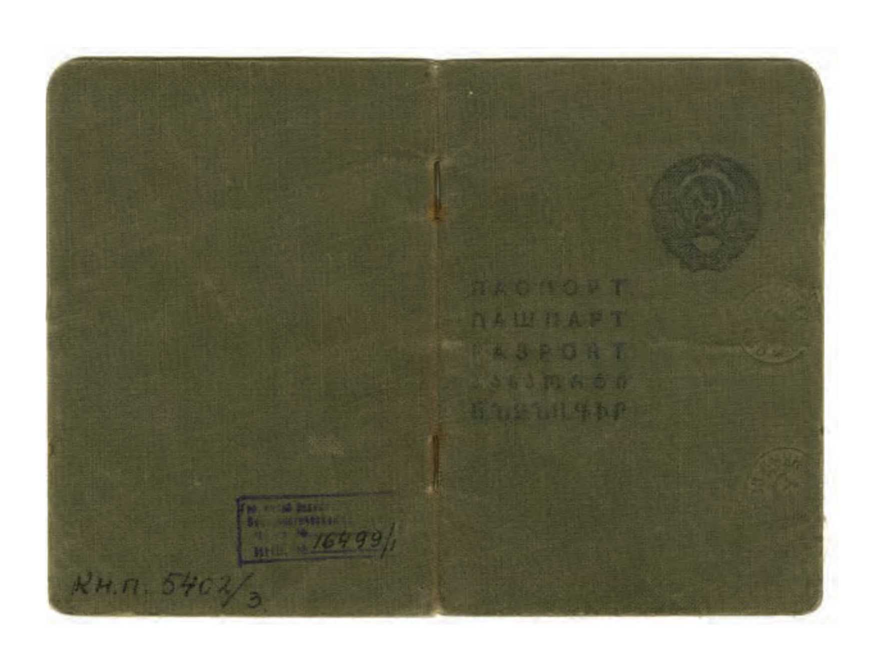
г. Ленинград „ 8 "
ПРОПИСАН
„ 10 " мая 193_ г.
по 6 Совет... № ...
Нач-к Паспортн. Стола

18 г. МОСКВА
отделение Р.К. Милиции
ПРОПИСАН ВРЕМЕННО
с 16/I 21/I 1936 г.
по 1936 г.
по Богдан...
д. № 1 кв. №
Нач-к Перс. стола

ПАСПОРТ

Паспорт образца 1938 г.
(Государственный музей политической истории)

ПАСПОРТ
ПАШПАРТ
PASPORT

16499/1

Кн.п. 5402/э.

ПАСПОРТ

Действителен по 22е октября 1945 г.

1. Имя, отчество, фамилия Иванов Михаил Александрович

2. Время и место рождения 24/VIII 1920 г. гор. Ленинград

3. Национальность русский

IV-ПС № 590025

4. Подпись владельца паспорта

5. Социальное положение учащийся

6. Отношение к военной службе Не воен. обязан.

7. Кем выдан паспорт 18 отд. Р.К.М. г. Ленинграда

8. На основании каких документов выдан паспорт 1-Я-ПС-570247 18 отд. Л-г М. 19/X 39 г. и ст. спр.

М. П.

Дата выдачи 22/X 1940 г.

IV-ПС № 590025

9. Лица, внесенные в паспорт владельца

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Воз- раст	Отношение к влад. паспорта	На основании каких докум. внесены в пасп.

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

Ленинградский
Техникум Речного Транспорта
Принят 25 X 1941 г.
Подп. отв. лица: [signature]
М.П.

Ленинградский
Техникум Речного Транспорта
7/IV 1942 г.

20 VIII 41 г.

2 X 41

ПАСПОРТ

IV-ПС № 590025

ПРОПИСКА

г. Ленинград 18 отд. ЛГМ
ПРОПИСАН
«21» X 1939 г.
Барочная 4 кв
по
Нач-к Паспортн. Стола

ПАСПОРТ

ПРОПИСКА

ПАСПОРТ

Паспорт образца 1951 г.
(из семейного архив Крашенинниковых)

ПАСПОРТ
Действителен по 1958 год 15 мая
1. Имя, отчество, фамилия Зеленова Александра Васильевна
2. Время и место рождения 14/XI 1908 г.
3. Национальность русская
XII-ДЖ № 532409
4. Подпись владельца паспорта Зеленова

5. Социальное положение иждивенка
6. Отношение к военной службе не военнообязанная
7. Кем выдан паспорт
8. На основании каких документов выдан паспорт
Начальник милиции
М. П.
Нач. паспортного стола
Дата выдачи 15/V 1953 г.
XII-ДЖ № 532409

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

ПАСПОРТ

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ

ПАСПОРТ

Гознак. 1951

Паспорт образца 1974 г.
(из семейного архива Левичкиных)

07 июня 1972 года
ЧИСЛО, МЕСЯЦ, ГОД РОЖДЕНИЯ

МЕСТО РОЖДЕНИЯ
Ленинград

русская
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

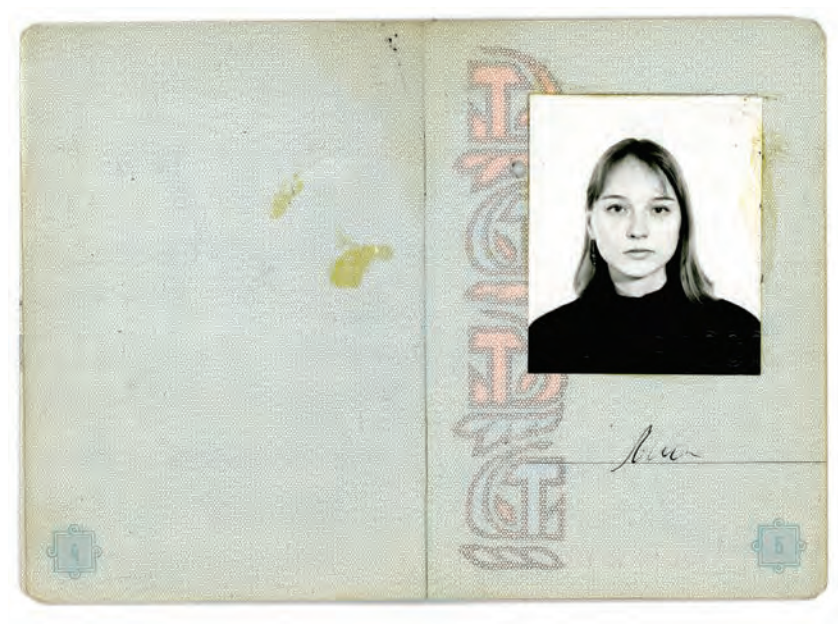
15 отделением
КЕМ ВЫДАН ПАСПОРТ
милиции
Ленинграда

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Начальник органа внутренних дел

05 сентября 88 года

XX-АК № 669397

ФОТОКАРТОЧКА
НАКЛЕЕНА

15 отдел
милиции
г. Санкт-Петербурга

19.04.99 года

XX-AK № 669397

XX-AK № 669397

ДЕТИ

...Я ОБЯЗАННОСТЬ

XX-АК № 669397

XX-АК № 669397

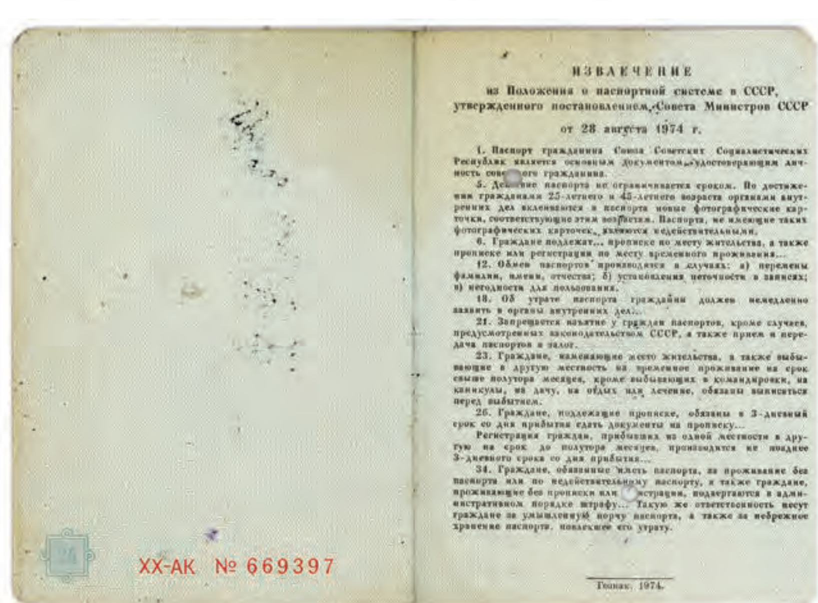

XX-AK № 669397

XX-AK № 669397

XX-AK № 669397

XX-AK № 669397

XX-AK № 669397

ИЗВЛЕЧЕНИЕ

из Положения о паспортной системе в СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР

от 28 августа 1974 г.

1. Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик является основным документом, удостоверяющим личность сове[illegible]ого гражданина.

5. Де[illegible]ие паспорта не ограничивается сроком. По достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста органами внутренних дел вклеиваются в паспорта новые фотографические карточки, соответствующие этим возрастам. Паспорта, не имеющие таких фотографических карточек, являются недействительными.

6. Граждане подлежат... прописке по месту жительства, а также прописке или регистрации по месту временного проживания...

12. Обмен паспортов производится в случаях: а) перемены фамилии, имени, отчества; б) установления неточностей в записях; в) негодности для пользования.

18. Об утрате паспорта гражданин должен немедленно заявить в органы внутренних дел...

21. Запрещается изъятие у граждан паспортов, кроме случаев, предусмотренных законодательством СССР, а также прием и передача паспортов в залог.

23. Граждане, изменяющие место жительства, а также выбывающие в другую местность на временное проживание на срок свыше полутора месяцев, кроме выбывающих в командировки, на каникулы, на дачу, на отдых или лечение, обязаны выписаться перед выбытием.

26. Граждане, подлежащие прописке, обязаны в 3-дневный срок со дня прибытия сдать документы на прописку...

Регистрация граждан, прибывших из одной местности в другую на срок до полутора месяцев, производится не позднее 3-дневного срока со дня прибытия...

34. Граждане, обязанные иметь паспорта, за проживание без паспорта или по недействительному паспорту, а также граждане, проживающие без прописки или [illegible]страции, подвергаются в административном порядке штрафу... Такую же ответственность несут граждане за умышленную порчу паспорта, а также за небрежное хранение паспорта, повлекшее его утрату.

Гознак. 1974.